

**ПОДСУДИМЫЕ
ОБВИНЯЮТ**

МАРКС • ЭНГЕЛЬС

В.ЛИБКНЕХТ • БЛАНКИ

ВАРЛЕН • К.ЛИБКНЕХТ

ЛЮКСЕМБУРГ

МЫШКИН • АЛЕКСЕЕВ

ЖЕЛЯБОВ • А.УЛЬЯНОВ

ЗАЛОМОВ • ШМИДТ

ШАНЦЕР • САМОЙЛОВ

ПОЛЛИТ • АНТИКАЙНЕН

ГРАМШИ • ДИМИТРОВ

БОНТ • БИЙУ

ДЕННИС • КУНЬЯЛ

УСТЮНГЕЛЬ • БЕЛОЯННИС

АЛИ-ЯТА • РИШЕ

НЕЛЬСОН • ФЛИНН

ПЕРРИ • АККАШ

ГЛЕЗОС

**ПОДСУДИМЫЕ
ОБВИНЯЮТ**

ПОДСУДИМЫЕ ОБВИНЯЮТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М О С К В А • 1 9 6 2

Настоящий сборник составлен из судебных речей деятелей коммунистического и рабочего движения в политических процессах. Речи обвиняемых представляют определенный интерес как образцы разоблачений реакции, как торжественный гимн свободе и прогрессу и призывы к борьбе за права трудящихся всего мира.

Книга состоит из трех разделов и содержит материалы судебных процессов над деятелями прогрессивных партий в Западной Европе в XIX—XX веках, выступления на суде русских социал-демократов, деятелей рабочей и коммунистической партии в дореволюционной России, а также материалы современных политических процессов.

Книга предназначена для юристов, историков и широкого круга читателей.

СБОРНИК
составил
А. В. ТОЛМАЧЕВ

*Заключительную речь Ю. Денниса,
обращенную к присяжным на процессе
на Фоли-сквер в октябре 1949 года,*

перевели
П. С. Петров и З. В. Рахлина

ПРЕДИСЛОВИЕ

История международного рабочего и коммунистического движения знает немало политических процессов, организованных эксплуататорскими классами против лучших, достойнейших представителей рабочего класса. Классовое чутье подсказывает буржуазии, что в лице пролетариата и его партий она имеет своего могильщика. Отсюда ее неудержимое стремление любыми средствами задержать ход истории, скомпрометировать, устранить, физически уничтожить носителей революционных идей и в первую очередь руководителей коммунистических и рабочих партий.

Методы, которые применяет буржуазия, не новы. Всегда и всюду любая свободная мысль, стремление к свободе, справедливости, братству встречало яростный гнев реакционеров, их безудержное желание разделаться с вольнодумцами. Не случайно современные процессы против коммунистических партий часто сравнивают со средневековыми судилищами, когда достаточно было малейшего доноса, чтобы обвинить человека в сношениях с чертями, ведьмами и иными представителями «адского пекла».

Еще до того как учение К. Маркса стало широко известно во всем мире, в разных странах время от времени организовывались процессы о государственных преступлениях.

«Государственный преступник» — такую надпись повесили царские судьи на грудь великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Бабеф и Бланки во Франции, Джон Браун в Америке, Алексеев и Мышкин в России — всем этим и тысячам других, восставших против произвола и угнетения, присваивалось это почетное звание — «государственный преступник». С какой радостью они присвоили бы это звание всем, кто не соглашается

с ними, кто не желает влечь ярмо рабского существования, кто стремится к счастливой, радостной жизни для всех людей Земли!

Но сколь бы ни была велика ненависть эксплуататоров к пролетариату, история делает свое дело: под знамена марксизма становятся все новые и новые легионы трудящихся. Правда о коммунизме, как могучий маяк, освещает путь народам в светлое будущее. В дружной семье народов социалистического лагеря, где теория Маркса-Ленина слилась с практикой, воплотилась в жизнь, расцветают могучие народные силы, крепнет экономика, развивается культура.

Теперь уж не найдешь даже среди самых злобных врагов социализма человека, который всерьез помышлял бы «закрыть СССР». Орешек не по зубам! Но есть еще люди, полагающие, что им удастся реставрировать старые порядки в странах народной демократии.

Есть люди и за океаном, и на нашем материке, которые «охотой на ведьм» или при помощи таких средств, как «запретить», «казнить», «посадить», рассчитывают задержать растущее рабочее движение. И с этой точки зрения ничем не отличается бисмарковский «исключительный закон» против социалистов и «запрет» компартии в Федеративной Республике Германии. Нет принципиальной разницы между процессом Юджина Дебса в США и позорными судилищами над деятелями компартии Америки на Фоли-сквер.

В настоящем сборнике представлены речи выдающихся деятелей коммунистического и рабочего движения в политических процессах. Каждая из этих речей — обвинительный акт, клеймящий реакцию, торжественный гимн свободе и прогрессу.

Материалы сборника воссоздают замечательные страницы коммунистического и рабочего движения, они характеризуют политические устремления тех партий и организаций, от имени которых выступают обвиняемые. Речи обвиняемых разоблачают империализм и колониализм, зовут трудящихся к борьбе за свои права, обличают прогнившую буржуазную юстицию, стоящую на страже интересов правящей буржуазной верхушки и финансовых воротил. Они вскрывают гнилое нутро «свободного мира», показывают, на какие подлости идут его защитники, чтобы сохранить свою власть.

Сборник имеет три раздела. В первом представлены судебные процессы, состоявшиеся в Западной Европе в XIX — начале XX вв: Читатель познакомится с защитительными речами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Либкнехта, А. Бебеля, О. Бланки, Л. Варлена, К. Либкнехта, Р. Люксембург. Во втором — политические процессы в дореволюционной России. В третьем — процессы над деятелями братских коммунистических и рабочих партий.

Сборник не претендует на полноту освещения темы. Некоторые процессы по ряду причин в него не входят. Пусть не удивляет читателей и то обстоятельство, что он не найдет здесь материалов судов над такими выдающимися деятелями нашей партии, неоднократно судимыми и проведенными значительную часть своей жизни в тюрьмах и ссылках, как Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе и другие. В протоколах судов, совершаемых над ними, мы читаем одно и то же: «От показаний отказался». Чаще всего их арестовывали и ссылали в административном порядке. В закрытых же судах не представлялось возможным изложить свои взгляды так, чтобы они стали достоянием широких трудящихся масс. Поэтому многие коммунисты отказывались как от показаний на предварительном следствии, так и от каких-либо выступлений на процессах.

В. И. Ленин, арестованный в 1895 году по делу «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», также не имел возможности выступить на суде.

Положение несколько изменилось, когда 7 июня 1904 г. царское правительство приняло закон «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деятелях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения». Этот закон предусматривал применение к политическим заключенным уголовного законодательства и разбор их «преступлений» на суде.

В это время в Таганской тюрьме находились ряд активных работников Северного бюро ЦК РСДРП — Н. Э. Бауман, Е. Д. Стасова, Ф. В. Ленгник и др. В связи с новым законом у них возник вопрос, как держать себя на предварительном следствии и какую тактику проводить на суде. Согласились на том, рассказывает Е. Д. Стасова, что на предварительном следствии надо держаться прежней тактики отказа от всяких

показаний, ибо следствие ведется теми же жандармами, хотя и в присутствии прокурора. Относительно же поведения социал-демократов на суде вопрос оставался открытым. Поэтому Е. Д. Стасовой, выпущенной в декабре 1904 года из тюрьмы под залог, товарищи поручили срочно связаться с В. И. Лениным и получить от него ответ на волновавший их вопрос. Вот что ответил им В. И. Ленин в письме от 1 января 1905 г.:

«Дорогие друзья! Получил Ваш запрос насчет тактики на суде... В записке говорится о трех группах,— может быть имеются в виду три следующие оттенка, которые я пытаюсь восстановить: 1) Отрицать суд и прямо бойкотировать его. 2) Отрицать суд и не принимать участия в судебном следствии. Адвоката приглашать лишь на условии, чтобы он говорил исключительно о несостоятельности суда с точки зрения отвлеченного права. В заключительной речи изложить *profession de foi* * и требовать суда присяжных. 3) Насчет заключительного слова тоже. Судом пользоваться как агитационным средством и для этого принимать участие в судебном следствии при помощи адвоката. Показывать незаконность суда и даже вызывать свидетелей (доказывать *alibi* etc.).

Далее вопрос: говорить ли только о том, что по убеждениям социал-демократ, или признавать себя членом Российской социал-демократической рабочей партии?

Вы пишете, что нужна брошюра по этому вопросу. Я бы не считал удобным сейчас же, без указаний опыта, пускать брошюру. Может быть, в газете коснемся как-нибудь, при случае. Может быть, кто-либо из сидящих напишет статейку для газеты (5—8 тысяч букв)? Это было бы, пожалуй, самое лучшее для начала дискуссии.

Лично я не составил еще себе вполне определенного мнения и предпочел бы, раньше чем высказываться решительно, побеседовать пообстоятельнее с товарищами, сидящими или бывавшими на суде. Для почина такой беседы я изложу свои соображения. Многое зависит, по-моему, от того, *какой* будет суд? Т. е. есть ли возможность воспользоваться им для агитации или никакой нет возможности? Если первое, тогда тактика № 1 негодна; если второе, тогда она уместна, но и то лишь после открытого, определенного, энергичного протеста

* — символ веры, программа, изложение мирозерцания. *Ред.*

и заявления. Если же есть возможность воспользоваться судом для агитации, тогда желательна тактика № 3. Речь с изложением *profession de foi* вообще очень желательна, очень полезна, по-моему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль. Особенно в начале употребления правительством судов следовало бы социал-демократам выступать с речью о социал-демократической программе и тактике. Говорят: неудобно признавать себя членом партии, особенно организации, лучше ограничиваться заявлением, что я социал-демократ по убеждению. Мне кажется, организационные отношения надо прямо отвести в речи, т. е. сказать, что-де по понятным причинам я о своих организационных отношениях говорить не буду, но я социал-демократ и я буду говорить о *нашей партии*. Такая постановка имела бы две выгоды: прямо и точно оговорено, что об организационных отношениях говорить нельзя (т. е. принадлежал ли к организации, к какой etc.) и в то же время говорится о партии *нашей*. Это необходимо, чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии. Другими словами: формально-организационные отношения мои я оставляю без рассмотрения, умолчу о них, формально от имени какой бы то ни было организации говорить не буду, но, как социал-демократ, я вам буду говорить о *нашей партии* и прошу брать мои заявления как опыт изложения именно тех социал-демократических взглядов, которые проводились во всей *нашей* социал-демократической литературе, в таких-то наших брошюрах, листках, газетах.

Вопрос об адвокатах. Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самое малейшее неприличие или *политический оппортунизм*... то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемакинские стороны суда... Будь только юристом.

высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее противопоставляй этаким суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей...

Вопрос об участии в судебном следствии решается, мне кажется, вопросом об адвокате. Приглашать адвоката и значит участвовать в судебном следствии. Отчего же не участвовать для ловли свидетелей и агитации против суда. Конечно, надо быть очень осторожным, чтобы не впасть в тон неуместного оправдывания, это что и говорить! Лучше всего сразу, до судебного следствия, на первые вопросы председателя заявить, что я социал-демократ и в своей-де речи скажу вам, что это значит. Конкретно решение вопроса об участии в судебном следствии зависит всецело от обстоятельств: допустим, что вы изобличены вполне, что свидетели говорят правду, что вся суть обвинения в несомненных документах. Тогда, может быть, не к чему и участвовать в судебном следствии, а все внимание обратить на принципиальную речь. Если же факты шатки, агентурные свидетели путают и врут, тогда едва ли расчет отнимать у себя агитационный материал для изобличения подстроенности суда. Зависит также дело и от подсудимых: если они очень утомлены, больны, устали, нет привычных к «судоговорению» и к словесным схваткам цепких людей, тогда будет, может быть, рациональнее отказаться от участия в судебном следствии, заявить это и все внимание отдать принципиальной речи, которую желательно подготовить заранее. Во всяком случае речь о принципах, программе и тактике социал-демократии, о рабочем движении, о социалистических целях, о восстании — самое важное.

Повторяю в заключение еще раз: это мои предварительные соображения, которые всего менее следует рассматривать как попытку решать вопрос. Надо дожидаться некоторых указаний опыта. А при выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и *инстинктом революционера*¹.

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 169—172.

Эти генеральные ленинские указания легли в основу поведения коммунистов на всех последующих судебных процессах. Отражение идей, высказанных Владимиром Ильичем, читатель увидит в речах К. Либкнехта, Т. Антикайнена, Г. Димитрова и других.

Наряду с речами обвиняемых на суде читатель встретится в сборнике с материалами несколько иного характера. Это отрывки из тех или иных книг, позволяющие представить себе обстановку на суде и характер поведения и выступления подсудимого. Это материалы о Шанцере («Марате»), Грамши и другие. Несмотря на отличие по форме, эти материалы органически вливаются в содержание сборника, ибо подчеркивают ту же идею: нестигаемую твердость коммунистов-ленинцев, наступательный, обличительный характер их речей. С этой точки зрения, сборник сыграет немалую воспитательную роль, особенно для молодежи.

Необходимые пояснения содержатся перед каждым разделом и каждой речью сборника. Комментарии, приведенные в сносках, принадлежат авторам и редакциям книг, из которых сделаны извлечения. Дополнительные комментарии приведены в конце книги.

ЕВРОПА

В 40-х годах XIX века в Германии начинает формироваться рабочий класс, возникают первые профсоюзные организации. Но промышленность по сравнению с английской и французской развивается крайне медленно. Главная причина этого крылась в национальной раздробленности страны. На повестку дня встала задача объединения германских земель в одно целое. Движение за воссоединение Германии усилилось под влиянием революции 1848 года во Франции, которая, как известно, привела к установлению буржуазной Второй республики. Активную роль в этой французской революции сыграл Огюст Бланки — «несомненный революционер и горячий сторонник социализма» (В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 437). Бланки не раз арестовывался и подвергался тюремному заключению. Несколько отрывков из его защитительных речей включено в настоящий сборник.

В эту эпоху формировалось мировоззрение К. Маркса и Ф. Энгельса. К 1848 году К. Маркс и Ф. Энгельс предстают как выдающиеся революционеры, основатели социализма как науки, авторы первого программного документа марксизма — «Манифеста Коммунистической партии».

18 марта 1848 г. берлинские рабочие подняли вооруженное восстание и заставили королевское правительство вывести войска из Берлина. Германская буржуазия использовала победу народа в своих целях и встала у власти. После мартовских событий демократическое и рабочее движение в стране усилилось. Были созданы рабочие организации в Берлине, Кёльне и других городах. Однако эти организации, будучи крайне неразвитыми, попадали под влияние буржуазии. Буржуазные же представители, за редким исключением, проявляли слабость и нерешительность в революции.

Против соглашательской тактики либеральной буржуазии решительно восстали К. Маркс и Ф. Энгельс, вступившие в это время в Кёльнское демократическое общество. 1 июня 1848 г. они создали в Кёльне «Новую Рейнскую газету», сыгравшую огромную роль в пропаганде идей революционной диктатуры, которая бы решила задачи революционного преобразования страны. «Новая Рейнская газета» повела беспощадную борьбу против абсолютизма, прусских помещиков-юнкеров, дворянской буржуазии, против реакционной военщины, разоблачая предательство крупной буржуазии. К. Маркс призывал народ к суровой расправе с врагами революции.

В сентябре 1848 года прусское правительство, напуганное ростом революционного движения в Рейнской провинции, центром которой был Кёльн, объявило город на осадном положении и запретило выход газеты. Однако через месяц запрет был снят. Одной из попыток расправиться с ненавистной газетой и ее руководителями и являются приведенные в этом разделе судебные процессы над К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Уже после суда, весной 1849 года, К. Маркс и Ф. Энгельс вышли из Кёльнского демократического общества и приступили к созданию самостоятельной организации пролетариата.

Революция в Германии окончилась поражением. Главный вопрос — объединение страны — остался нерешенным. В стране не было еще достаточно сильного рабочего класса, способного возглавить революционную борьбу масс. Объединение земель Германии совершилось не революционным путем, а методом «железа и крови», путем жестоких и кровопролитных войн Пруссии с Данией, Австрией, Францией. В результате последней — франко-прусской войны 1870—1871 гг. — была создана Германская империя во главе с императором Вильгельмом I и канцлером О. Бисмарком.

В ходе франко-прусской войны во Франции вспыхнула революция. Восставший парижский пролетариат сверг господство буржуазии. 23 марта 1871 г. была торжественно провозглашена Парижская Коммуна, одним из руководителей которой был Л. Э. Варлен. Речь Варлена, представленного в 1868 году перед судом капиталистов, публикуется в сборнике.

В Германии в эти годы активную революционную работу ведут соратники К. Маркса и Ф. Энгельса В. Либкнехт и А. Бебель. В 1869 году они создали в Эйзенахе социал-демократическую рабочую партию, руководствовавшуюся революционными принципами I Интернационала.

С трибуны австро-германского рейхстага В. Либкнехт, будучи депутатом, разоблачал реакционную внешнюю и внутреннюю политику прусских юнкеров. Вместе с А. Бебелем Либкнехт выступил против захватнических планов буржуазии и юнкерства, выразил солидарность с Парижской Коммуной. За выступление против аннексии французских провинций Эльзаса и Лотарингии правительство Бисмарка в 1872 году привлекло В. Либкнехта и А. Бебеля к суду, обвинив их в «государственной измене». Материалы этого процесса включены в сборник.

Уже с начала 70-х годов, сплачивая силы рабочего класса и готовя его к революционным боям, К. Маркс все чаще обращал взоры к России, как стране, которая должна дать толчок революции в Европе. Предвидение К. Маркса оправдалось. Подъем революционного движения в России и три русские революции оказали огромное влияние на развитие коммунистического и рабочего движения во всем мире. Россия стала первой страной, претворившей в жизнь принципы марксизма-ленинизма.

ДВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССА В КЁЛЬНЕ

В годы германской революции 1848—1849 гг. в центре Рейнской провинции — г. Кёльне, являвшемся в то время наиболее экономически развитым районом Германии, появилась газета, в корне отличавшаяся от всех буржуазных газет. Это была основанная К. Марксом и Ф. Энгельсом «Новая Рейнская газета». Выходившая под их руководством газета боролась за интересы пролетариата, за сплочение всех демократических сил страны, за проведение пролетарской тактики в революции.

Правительство не раз пыталось задуть газету путем возбуждения против нее судебных дел. Когда в начале 1849 года контрреволюция добилась успеха, правительство решило окончательно покончить с ненавистой газетой. 7 и 8 февраля в Кёльне состоялись два судебных процесса: первый — по обвинению К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Корфа в клевете на кёльнских жандармов и обер-прокурора Цвейфеля, второй — по обвинению К. Маркса, Шаппера и Шнейдера в подстрекательстве к мятежу. На первом процессе выступили К. Маркс и Ф. Энгельс, на втором — К. Маркс.

Расчеты у судей были, казалось бы, точными. Если бы присяжные признали обвиняемых виновными, то прокурор наложил бы на газету штраф в 4 тыс. талеров, что означало бы ее финансовый крах. Но расчеты reactionеров не оправдались.

К. Маркс сумел из обвиняемого сделаться обвинителем. Используя огромные знания юриспруденции, он блестяще доказал полную несостоятельность обвинения как на первом, так и на втором процессах. Скамью подсудимых К. Маркс и Ф. Энгельс превратили в трибуну, с которой они через головы буржуазных присяжных обращались к рабочим, к народу.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС „Neue Rheinische Zeitung“

Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung» состоялся 7 февраля 1849 г. Перед судом присяжных в Кёльне предстали Карл Маркс как главный редактор, Фридрих Энгельс как соредактор и Г. Корф как ответственный издатель (Gerant) газеты. Им было предъявлено обвинение в том, что в статье «Аресты», напечатанной в «Neue Rheinische Zeitung» № 35 от 5 июля 1848 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 172—174), якобы содержалось оскорбление обер-прокурора

Цвейфеля и клевета на жандармов, производивших аресты Готшалья и Аннеке. Хотя судебное следствие было начато 6 июля, судебный процесс был назначен впервые только на 20 декабря, а затем отложен. Защитником Маркса и Энгельса на судебном процессе 7 февраля выступал адвокат Шнейдер II, защитником Корфа — адвокат Хаген. Суд присяжных оправдал обвиняемых, что, как отмечено в отчете о процессе, «вызвало громкое ликование со стороны присутствующей публики».

Речь К. Маркса

Господа присяжные заседатели! Сегодняшний процесс имеет известное значение, ибо статьи 222 и 367 Code pénal *, по которым предъявлено обвинение «Neue Rheinische Zeitung», — это единственные статьи рейнского законодательства, которые могут быть использованы властями против печати, если не говорить, конечно, о случаях прямого призыва к мятежу.

Все вы знаете, с каким особым пристрастием прокуратура преследует «Neue Rheinische Zeitung». Но до сих пор, несмотря на все ее старания, ей не удалось возбудить

---

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

против нас обвинение в других преступлениях, кроме предусмотренных в статьях 222 и 367. Я считаю поэтому необходимым в интересах печати остановиться подробнее на этих статьях.

Но прежде чем приступить к юридическому анализу, позвольте мне сделать одно замечание личного характера. Прокурор назвал *низостью* следующее место инкриминируемой статьи: «Разве г-н Цвейфель не объединяет в своем лице исполнительную власть с законодательной? Быть может, лавры обер-прокурора должны прикрыть грехи народного представителя?» Господа! Можно быть очень хорошим обер-прокурором и в то же время плохим народным представителем. Может быть, г-н Цвейфель именно потому хороший обер-прокурор, что он плохой народный представитель. Прокуратура, по-видимому, плохо знакома с парламентской историей. Что лежит в основе вопроса о несовместимости, занимающего такое видное место в прениях конституционных палат? Недоверие к представителям исполнительной власти, подозрение, что представитель исполнительной власти слишком легко приносит интересы общества в жертву интересам существующего правительства, и поэтому он менее всего пригоден для роли народного представителя. А что, в частности, сказать о положении прокурора? В какой стране не признали бы эту должность несовместимой с высоким званием народного представителя? Я напому вам о нападках во французской и бельгийской печати, во французской и бельгийской палатах на Эбера, Плугульма, Баве¹ — нападках, направленных именно против этого весьма противоречивого совмещения в одном лице качеств генерального прокурора и депутата. Никогда эти нападки не влекли за собой судебного преследования, даже при министерстве Гизо², а Франция Луи-Филиппа³ и Бельгия Леопольда⁴ считались образцовыми конституционными государствами. В Англии, правда, дело обстоит иначе по отношению к attorney-general и solicitor-general⁵, но их положение существенно отличается от положения procureur du roi. Они скорее являются в большей или меньшей степени судебными чиновниками. Мы, господа, не конституционалисты, но мы становимся на точку зрения наших господ обвинителей, чтобы побить их на их же собственной почве их

же собственным оружием. Поэтому мы и ссылаемся на конституционный обычай.

Прокурор хочет вычеркнуть целый период парламентской истории с помощью избитых фраз о морали. Я решительно отвергаю его упрек в низости и объясняю этот упрек его неосведомленностью.

Теперь я перехожу к разбору юридической стороны дела.

Мой защитник * уже доказал вам, что без ссылки на прусский закон от 5 июля 1819 г. обвинение в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля было бы с самого начала несостоятельным. Статья 222 Code pénal говорит только об «*outrages par paroles*», о словесных оскорблениях, а не об оскорблениях в письменной или печатной форме. Но прусский закон 1819 г. имел своей целью дополнить, а не отменить статью 222. Прусский закон может распространить кары статьи 222 на оскорбления в письменной форме лишь в том случае, если Code карает аналогичные оскорбления в словесной форме. Письменные оскорбления должны иметь место в той же обстановке и при тех же условиях, какие предусматриваются статьей 222 в случае словесных оскорблений. Поэтому необходимо точно определить смысл статьи 222**.

В мотивировке к статье 222 (*Exposé par M. le conseiller d'état Berlier, séance du février 1810* ***) мы читаем:

«Il ne sera donc ici question que des *seuls outrages* qui compromettent la *paix publique*, c-à-d. de ceux dirigés contre les fonctionnaires ou agents publics dans l'exercice ou à l'occasion de l'exercice de leurs fonctions; dans ce cas ce n'est plus un particulier, c'est l'ordre

---

* — Шнейдер II. *Ред.*

** Статья 222 дословно гласит: «Lorsqu'un ou plusieurs magistrats de l'ordre administratif ou judiciaire auront reçu, dans l'exercice de leurs fonctions ou à l'occasion de cet exercice, quelque outrage par paroles tendant à inculper leur honneur ou leur délicatesse, celui qui les aura ainsi outragés sera puni d'un emprisonnement d'un mois à deux ans [Если одному или нескольким должностным лицам административного или судебного ведомства при исполнении или в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей будет нанесено какое-либо оскорбление словами с целью затронуть их честь или их деликатность, то лицо, оскорбившее их таким образом, карается тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет]». (Курсив Маркса. *Ред.*)

*** Изложено 1-м членом Государственного совета Берлье на заседании в феврале 1810 года. *Ред.*

public qui est blessé... La hiérarchie politique sera dans ce cas prise en considération: celui qui se permet *des outrages ou violences* envers un officier ministériel est coupable sans doute, mais il commet un moindre *scandale* que lorsqu'il outrage un magistrat».

В переводе это означает следующее:

«Итак, дело здесь идет *только о таких* оскорблениях, которые нарушают *общественный порядок*, общественное спокойствие, т. е. об оскорблениях чиновников или должностных лиц при исполнении или в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей; при таких условиях ущерб причиняется уже не частному лицу, а общественному порядку... В этом случае будет приниматься во внимание политическая иерархия: тот, кто позволяет себе оскорбления или насилия по отношению к должностному лицу, несомненно виновен, но он вызывает этим меньший скандал, чем если бы он оскорбил судью» *.

Вы видите, господа, из этой мотивировки, какую цель преследовал законодатель, составляя статью 222. Эта статья применима *«только»* в случаях оскорбления чиновников, когда нарушается общественный порядок, общественное спокойствие. Но когда нарушается общественный порядок, *la paix publique*? Только тогда, когда затевается мятеж с целью *ниспровержения* законов или когда ставятся препятствия применению существующих законов, т. е. когда оказывается сопротивление чиновнику, исполняющему закон, когда мешают, прерывают *служебные действия* чиновника при исполнении им своих обязанностей. Сопротивление может ограничиваться одним ропотом, оскорбительными словами, но оно может доходить и до насильственных актов, до насильственного противодействия. *Outrage*, оскорбление — это только низшая степень *violence*, неповиновения, насильственного сопротивления. Поэтому в мотивировке и говорится «*outrages ou violences*», «оскорбления или насилия». По смыслу своему оба слова тождественны; но *violence*, насилие — только отягчающая вину форма *outrage*, оскорбления, наносимого исполняющему свои обязанности чиновнику.

Итак, в этой мотивировке предполагается: 1) что оскорбление наносится чиновнику при исполнении им служебных действий и 2) что оно наносится ему в его *личном присут-*

---

* Курсив Маркса. *Ред.*

стеии. Ни в каком другом случае нельзя говорить о действительном нарушении общественного порядка.

Вы увидите эту предпосылку во всем разделе, трактующем об «outrages et violences envers les dépositaires de l'autorité et de la force publique», т. е. об «оскорблениях и насилиях, причиняемых тем, кто облечен государственным авторитетом и государственной властью». Различные статьи этого раздела устанавливают следующую градацию неповиновения: выражение лица, слова, угрозы, акты насилия; последние, в свою очередь, различаются по степени своей тяжести. Наконец, во всех этих статьях говорится об усилении наказания в том случае, если эти различные формы неповиновения происходят в зале судебного заседания. Вызванный здесь «скандал» считается наибольшим скандалом, а соблюдение законов, *paix publique*, считается нарушенным самым вопиющим образом.

Поэтому статья 222 применима к *письменным* оскорблениям чиновников лишь в том случае, если подобные оскорбления наносятся: 1) в личном присутствии чиновника, 2) во время исполнения им своих служебных обязанностей. Мой защитник привел вам, господа, подобный пример. Так, он сам подпал бы под действие статьи 222, если бы, например, теперь, во время заседания суда присяжных, оскорбил председателя в письменном обращении и т. д. Но этот параграф *Code pénal* ни в коем случае не может быть применен к газетной статье, «наносящей оскорбление» через продолжительное время после исполнения чиновником своих служебных обязанностей и в его отсутствие.

Это толкование статьи 222 может объяснить вам кажущийся пробел, кажущуюся непоследовательность *Code pénal*. Почему я в праве оскорбить короля, и в то же время я не в праве оскорбить обер-прокурора? Почему *Code* — в отличие от прусского права — не предусматривает кары за *оскорбление величества*?

Потому что король никогда не исполняет сам обязанности чиновника, а всегда поручает исполнение их другим, потому что король никогда не выступает по отношению ко мне лично, а лишь через своих представителей. Вышедший из французской революции деспотизм *Code pénal*, как небо от земли, отличается от патриархально-мелочного деспотизма прусского

права. Наполеоновский деспотизм сокрушает меня, раз я действительно мешаю государственной власти, хотя бы только путем оскорбления чиновника, который, исполняя свои служебные обязанности, осуществляет по отношению ко мне государственную власть. Но вне исполнения этих служебных обязанностей чиновник становится обыкновенным членом гражданского общества, без каких бы то ни было привилегий, без каких бы то ни было исключительных средств защиты. Прусский же деспотизм противопоставляет мне чиновника, как некое высшее, священное существо. Качество чиновника как бы срастается с ним, как благодать священства с католическим священником. Прусский чиновник всегда является для прусского мирянина, т. е. не-чиновника, священнослужителем. Оскорбление такого священнослужителя, даже и не при исполнении им своих обязанностей, даже отсутствующего, вернувшегося к частной жизни, остается все же осквернением религии, кощунством. Чем выше чиновник, тем более тяжко осквернение религии. Поэтому величайшим оскорблением государственного священнослужителя является оскорбление короля, оскорбление величества, которое, согласно Code pénal, просто невозможно с точки зрения уголовного права.

Но, скажут, если бы статья 222 Code pénal говорила только об outrages чиновников «dans l'exercice de leurs fonctions», об оскорблении чиновников при исполнении ими своих служебных обязанностей, то не нужно было бы и доказывать, что законодатель подразумевает при этом *личное присутствие* чиновника — присутствие, которое является необходимым условием всякого подводимого под статью 222 оскорбления. Однако статья 222 прибавляет к словам: «dans l'exercice de leurs fonctions» еще слова: «à l'occasion de cet exercice».

Прокурор переводит эти слова так: «в отношении их службы». Я докажу вам, господа, что перевод этот неверен и прямо противоречит мысли законодателя. Взгляните на статью 288 того же раздела. Мы там читаем: Виновный в нанесении ударов чиновнику «dans l'exercice de ses fonctions ou à l'occasion de cet exercice» карается тюремным заключением на срок от двух до пяти лет. Можно ли это перевести: «В отношении его службы»? Разве можно наносить *относи-*

тельные удары? Разве здесь устраняется предпосылка о личном присутствии чиновника? Могу ли я наносить удары отсутствующему? Очевидно, это следует перевести так: «Винновный в нанесении ударов чиновнику *в связи* с исполнением им своих служебных обязанностей». Но в статье 228 дословно повторяется фраза из статьи 222. Очевидно, слова «à l'occasion de cet exercice» имеют в обеих статьях одинаковое значение. Таким образом, эти дополнительные слова не только не исключают в качестве условия *личного присутствия* чиновника, но, наоборот, предполагают его.

История французского законодательства представляет вам еще одно убедительное доказательство этого. Вы помните, что во Франции в первое время Реставрации партии вступали между собой в ожесточенные стычки в парламентах, в судах; в Южной Франции дело доходило до поножовщины. Суды присяжных были тогда не чем иным, как военно-полевыми трибуналами победившей партии, расправлявшейся с партией побежденной. Оппозиционная печать беспощадно клеймила приговоры суда присяжных. Статья 222 не давала никакого оружия против этой нежелательной полемики, ибо она была применима лишь в случае оскорбления присяжных в суде, в их личном присутствии. Поэтому в 1819 г. сфабриковали новый закон, каравший всякие нападки на chose jugée, на произнесенный приговор. Code pénal не знает подобной неприкосновенности судебного приговора. Разве стали бы дополнять его новым законом, если бы статья 222 говорила об оскорблениях «*в отношении*» исполнения служебных обязанностей?

Но что же означает дополнение: «à l'occasion de cet exercice»? Оно имеет целью просто обезопасить чиновника от нападков незадолго до исполнения или вскоре после исполнения им своих служебных обязанностей. Если бы статья 222 говорила только об «оскорблениях и насилиях», причиняемых чиновнику во время исполнения им своих служебных обязанностей, то я мог бы, например, спустить с лестницы судебного исполнителя после наложения им ареста на имущество и утверждать затем, что я его оскорбил лишь после того, как он перестал выступать передо мной в должности судебного исполнителя. Я мог бы, например, напасть по дороге на мирового судью, направляющегося верхом к моему

жилищу с целью выполнения судебно-полицейских функций, избить его и уклониться от грозящей мне согласно статье 228 кары, ссылаясь на то, что я его избил не во время, а до исполнения им его служебных обязанностей.

Следовательно, дополнение «à l'occasion de cet exercice», в связи с исполнением служебных обязанностей, имеет целью обеспечить безопасность исполняющего свои обязанности чиновника. Оно относится к оскорблениям и насильственным действиям, которые происходят, правда, не непосредственно во время исполнения служебных обязанностей, но незадолго до или вскоре после этого, и притом — это имеет существенное значение — находятся в *живой* связи с исполнением служебных обязанностей, т. е. при всех условиях предполагают *личное присутствие* оскорбляемого чиновника.

Нужны ли еще дальнейшие доказательства того, что § 222 неприменим к нашей статье, даже если бы мы оскорбили в ней г-на Цвейфеля? Когда инкриминируемая статья была написана, г-н Цвейфель *отсутствовал*; он жил тогда не в Кёльне, а в Берлине. Когда эта статья была написана, г-н Цвейфель исполнял обязанности не обер-прокурора, а соглашателя⁶. Следовательно, он не мог подвергнуться оскорблению или поношению как обер-прокурор, находящийся при исполнении своих обязанностей.

Но и независимо от всего моего предыдущего изложения можно иным путем доказать, что статья 222 неприменима к инкриминируемой статье «Neue Rheinische Zeitung».

Это явствует из различия, проводимого Code pénal между *оскорблением* и *клеветой*. Точное определение этого различия вы найдете в статье 375. После статей о «клевете» здесь сказано:

«Quant aux injures ou aux expressions outrageantes qui ne renfermeraient l'imputation d'aucun fait précis» (в статье 367 о «клевете» это называется так: «des faits qui, s'ils existaient», факты, которые, если бы они были действительными *фактами*), «mais celle d'un vice déterminé... la peine sera une amende de seize à cinq cent francs». «Поношения или оскорбительные выражения, содержащие в себе обвинение не в определенном действии, а в определенном пороке... кажутся штрафом от шестнадцати до пятисот франков».

В статье 376 мы читаем дальше:

«Все прочие поношения или оскорбительные выражения... влекут за собой простое административное наказание».

Итак, что подходит под категорию клеветы? Поношения, которые вменяют поносимому в вину *определенные факты*. Что подходит под категорию оскорбления? Обвинение в определенном пороке и оскорбительные выражения общего характера. Если я скажу: «вы украли серебряную ложку», то я возвожу на вас клевету в понимании Code pénal. Если же я скажу: «вы — вор, у вас воровские наклонности», то я *оскорбляю* вас.

Но статья «Neue Rheinische Zeitung» вовсе не бросает г-ну Цвейфелю обвинений такого рода: г-н Цвейфель — предатель народа, г-н Цвейфель сделал гнусные заявления. Нет, в этой статье конкретно сказано: «Говорят, будто г-н Цвейфель заявил еще, что в течение недели покончит в Кёльне на Рейне с 19 марта, с клубами, со свободой печати и другими порождениями злополучного 1848 года».

Таким образом, г-ну Цвейфелю вменяется в вину вполне определенное заявление. Поэтому, если бы пришлось выбирать, какую из двух статей нужно в данном случае применить — 222 или 367, то нужно было бы остановиться не на статье 222 об оскорблениях, а на статье 367 о клевете.

Почему же прокуратура вместо статьи 367 применила к нам статью 222?

Потому, что статья 222 гораздо менее определена и дает больше возможности обманным путем добиться осуждения человека, раз хотят, чтобы он был осужден. Посягательства на «*délicatesse et honneur*», на деликатность и честь, не поддаются никакому определению. Что такое честь, что такое деликатность? Что такое посягательство на них? Это целиком зависит от индивида, с которым я имею дело, от степени его образованности, от его предрассудков, от его самомнения. Здесь не может быть никакой нормы, кроме *poli me tangere* *, чванливого, мнящего себя неприкосновенным чиновничьего тщеславия.

Но и статья о клевете, статья 367, неприменима к статье в «Neue Rheinische Zeitung».

Статья 367 требует «*fait précis*», определенного факта, «*un fait qui peut exister*», факта, который может быть *действительным* фактом. Но ведь г-н Цвейфель не обвиняется в том,

---

* — не тронь меня. *Ред.*

что он отменил свободу печати, закрыл клубы, уничтожил мартовские завоевания в том или ином месте. Ему ставится в вину лишь простое заявление. Между тем статья 367 предполагает обвинение в совершении определенных действий, которые, если бы они действительно имели место, повлекли бы для виновного в них преследование со стороны уголовной или исправительной полиции или, по крайней мере, навлекли бы на него презрение или ненависть граждан.

Но простое *заявление* о намерении сделать то-то и то-то не может послужить поводом для преследования меня ни со стороны уголовной, ни со стороны исправительной полиции. Нельзя даже утверждать, что оно непременно навлечет на меня ненависть или презрение граждан. Конечно, словесное заявление может быть выражением очень низкого, заслуживающего презрения и ненависти образа мыслей. Но разве в состоянии возбуждения я не могу сделать заявления, угрожающего поступками, на которые я совсем неспособен? Только поступки доказывают, насколько *серьезно* было заявление.

Кроме того, «*Neue Rheinische Zeitung*» пишет: «*Говорят, будто г-н Цвейфель заявил...*». Чтобы оклеветать кого-нибудь, я сам не должен ставить под сомнение свое утверждение, как это выражено здесь словом «*говорят*»; я должен выражаться категорически.

Наконец, господа присяжные, «*citoyens*», граждане, ненависть или презрение которых навлекло бы на меня обвинение в каком-нибудь действии, что, согласно статье 367, требуется для состава *клеветы*, эти *citoyens*, эти граждане в политических делах вообще больше не существуют. В этих делах существуют только приверженцы партий. То, что навлекает на меня ненависть и презрение среди членов одной партии, вызывает любовь и уважение со стороны членов другой партии. Орган теперешнего министерства, «*Neue Preußische Zeitung*», обвинил г-на Цвейфеля в том, что он своего рода *Робеспьер**⁷. В глазах этой газеты, в глазах ее партии наша статья не навлекла на г-на Цвейфеля ненависти и презрения, а наоборот, освободила его от тяготеющей над ним ненависти, от тяготеющего над ним презрения.

---

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 23.

Следует обратить сугубое внимание на это соображение не только в связи с данным случаем, а для всех случаев, когда прокуратура попыталась бы применить статью 367 к политической полемике.

Вообще, господа присяжные, если вы захотите применить статью 367 о клевете, как ее толкует прокуратура, к печати, то с помощью уголовного законодательства вы отмените свободу печати, которая была признана вами в конституции и завоевана революцией. Вы санкционируете таким образом любой произвол чиновников, вы дадите простор всякой официальной подлости, карая лишь разоблачение этой подлости. К чему же тогда лицемерное признание свободы печати? Если существующие законы вступают в явное противоречие с тем, что достигнутой ступенью общественного развития, то именно вашей обязанностью, господа присяжные, является сказать свое веское слово в борьбе между отжившими предписаниями закона и живыми требованиями общества. Тогда ваш долг опередить законодательство, пока оно не осознает необходимости удовлетворить потребности общества. Это самая благородная привилегия суда присяжных. В рассматриваемом случае, господа, задача эта облегчается вам самой буквой закона. Вы должны лишь толковать его в духе нашего времени, наших политических прав, наших общественных потребностей.

Статья 367 заканчивается следующими словами:

«La présente disposition n'est point applicable aux faits dont la loi autorise la publicité, ni à ceux que l'auteur de l'imputation était, *par la nature de ses fonctions ou de ses devoirs, obligé de révéler ou de réprimer*». «Настоящее постановление неприменимо к действиям, которые закон разрешает предавать гласности, а также к таким, разоблачение или пресечение которых было *обязанностью* лица, возбуждавшего обвинение, в силу его служебных функций или его долга»*.

Нет сомнения, господа, что законодатель не имел в виду свободную печать, когда он говорил о *долге* разоблачения. Но так же мало думал он и о том, что этот параграф будет когда-нибудь применяться к свободной печати. Как известно, при Наполеоне не существовало никакой свободы печати. Поэтому, уж если вы хотите применять закон к такой ступени политического и социального развития, для которой он

---

* Курсив Маркса. *Ред.*

вовсе не предназначался, то применяйте его *целиком*, толкуйте его в духе нашего времени — и пусть на благо печати пойдет и заключительная фраза статьи 367.

Статья 367, в том ограничительном смысле, как ее толкует прокуратура, исключает доказательство истины и позволяет разоблачение лишь тогда, когда оно опирается на официальные документы или на состоявшиеся уже судебные приговоры. Но зачем же печати разоблачать *post festum**, уже после вынесения приговора? Она по своему призванию — общественный страж, неутомимый разоблачитель власти имущих, вездесущее око, стоустый глас ревниво охраняющего свою свободу народного духа. Если вы будете толковать статью 367 в этом смысле — а вы должны так толковать ее, если не хотите упразднить свободу печати в интересах правительственной власти, — то Code дает вам в то же время оружие против злоупотреблений со стороны печати. Согласно статье 372, если кто-либо выступит с разоблачением, то судебное преследование против него и приговор о наличии клеветы должны быть отложены, пока ведется следствие по поводу разоблачаемых фактов. Согласно статье 373, разоблачение, оказавшееся клеветническим, карается.

Господа! Достаточно бросить только беглый взгляд на инкриминируемую статью, чтобы убедиться, что «*Neue Rheinische Zeitung*», нападая на местную прокуратуру и жандармов, была весьма далека от какого бы то ни было намерения нанести оскорбление или возвести клевету, она лишь исполняла свой долг разоблачения. Допрос свидетелей доказал вам, что относительно жандармов мы сообщили только действительно имевшие место факты.

Но вся суть статьи «*Neue Rheinische Zeitung*» заключается в предсказании последовавшей потом контрреволюции, в нападении на министерство Ганземана⁸, которое ознаменовало свой приход к власти странным заявлением, что чем многочисленнее полиция, тем свободнее государство. Это министерство вообразило, что аристократия уже побеждена и что теперь у него лишь одна задача: лишить народ его

---

* — после праздника, т. е. после того, как событие произошло, задним числом. *Ред.*

революционных завоеваний в интересах одного класса — буржуазии. Так оно подготовляло почву для феодальной контрреволюции. В инкриминируемой статье мы разоблачали всего-навсего лишь одно, выхваченное из окружающей нас среды, очевидное проявление систематической контрреволюционной деятельности министерства Ганземана и вообще немецких правительств.

Невозможно рассматривать аресты в Кёльне как изолированное явление. Чтобы убедиться в противном, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на тогдашние события. Незадолго до этого начались преследования печати в Берлине, для чего воспользовались параграфами старого прусского права. Несколько дней спустя, 8 июля, был арестован Ю. Вульф⁹, председатель дюссельдорфского Народного клуба, и были произведены домашние обыски у ряда членов комитета этого клуба. Присяжные оправдали впоследствии Вульфа, да и вообще ни одно из политических преследований того времени не получило санкции суда присяжных. Того же 8 июля офицерам, чиновникам и сверхштатным чиновникам в Мюнхене было запрещено принимать участие в народных собраниях. 9 июля был арестован Фалькенхайн, председатель общества «Германия» в Бреславле. 15 июля обер-прокурор Шназе выступил в дюссельдорфском Союзе граждан с настоящей обвинительной речью против Народного клуба, председатель которого был 9-го арестован по его же требованию. Вот вам пример высокого беспристрастия прокуратуры, пример того, каким образом обер-прокурор выступает одновременно в качестве приверженца определенной партии, а приверженец партии — в качестве обер-прокурора. Невзирая на начатое против нас дело из-за наших нападков на Цвейфеля, мы разоблачили тогда Шназе¹⁰. Он, правда, постерегся что-нибудь ответить нам. В тот самый день, когда обер-прокурор Шназе выступил со своей филиппикой против дюссельдорфского Народного клуба, королевским приказом был закрыт Демократический окружной союз в Штутгарте. 19 июля был распущен Демократический студенческий союз в Гейдельберге, 27 июля — все демократические союзы в Бадене, а вскоре затем в Вюртемберге и Баварии. И мы должны были молчать при таком явном предательском заговоре всех немецких правительств против народа? Прусское

правительство не осмелилось тогда сделать то, на что решились баденское, вюртембергское и баварское правительства. Оно не осмелилось, потому что прусское Национальное собрание начало догадываться о контрреволюционном заговоре и становиться на дыбы против министерства Ганземана. Но, господа присяжные, я заявляю откровенно, с полнейшим убеждением в правоте своих слов: если прусская контрреволюция вскоре не разобьется о прусскую народную революцию, то и в Пруссии будет совершенно уничтожена свобода союзов и печати. Уже сейчас она частично уничтожена путем введения осадных положений. В Дюссельдорфе и в некоторых округах Силезии осмелились даже восстановить *цензуру*.

Но не только общее положение дел в Германии, общее положение дел в Пруссии обязывало нас следить с крайним недоверием за каждым шагом правительства, открыто разоблачать малейшие симптомы применяемой им системы. Местная кёльнская прокуратура давала нам особые поводы разоблачать ее перед общественным мнением как орудие контрреволюции. За один лишь июль мы должны были разоблачить три незаконных ареста. В первых двух случаях государственный прокурор Геккер промолчал, в третьем он сделал попытку оправдаться, но после нашего ответа умолк по той простой причине, что ему нечего было сказать ¹¹.

И при таких обстоятельствах прокуратура осмеливается утверждать, что в данном случае мы имеем дело не с разоблачением, а с мелочной злостной клеветой? Этот взгляд покоится на каком-то странном недоразумении. Что касается лично меня, то заверяю вас, господа, что я охотнее занимаюсь великими всемирно-историческими событиями, что я предпочитаю анализировать ход истории, чем возиться с местными кумирами, с жандармами и прокуратурой. Какими бы великими ни мнили себя эти господа, в гигантских битвах современности они *ничто*, абсолютное *ничто*. Я считаю настоящей жертвой с нашей стороны, что мы решаемся ломать копыя с *подобными* противниками. Но, во-первых, таков уж долг печати — вступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде. И кроме того, господа, главной опорой здания рабства являются подчиненные политические и общественные власти, непосредственно сталкивающиеся с отдельными лицами, с живыми индивидами и их

частной жизнью. Недостаточно вести борьбу вообще с существующими отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного* жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции*?¹² Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и поседевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы *подорвать все основы существующего политического строя*. (Возгласы одобрения со стороны присутствующих.)

Речь Ф. Энгельса

Господа присяжные заседатели! Предыдущий оратор остановил свое внимание главным образом на обвинении в оскорблении обер-прокурора г-на Цвейффеля; позвольте мне теперь обратить ваше внимание на обвинение в клевете на жандармов. Дело идет прежде всего о тех статьях закона, на которые опирается обвинение.

Статья 367 Уголовного кодекса гласит:

«Виновен в клевете тот, кто в общественных местах или в общественных собраниях, или в аутентичном и официальном документе, или в *напечатанном* или *ненапечатанном сочинении*, которое было вывешено, *продано* или роздано, обвинил кого-нибудь в таких действиях, которые, если бы они действительно имели место, повлекли бы для виновного в них преследование со стороны уголовной или исправительной полиции или, по крайней мере, навлекли бы на него *презрение* или *ненависть граждан*»*.

Статья 370 добавляет к этому:

«Если в законном порядке будет *установлена достоверность факта*, на котором покоится обвинение, то лицо, выдвинувшее обвинение, освобождается от всякого наказания.— *Законным доказательством* считается *лишь* такое, которое основано на *приговоре* или *каком-нибудь ином аутентичном документе*»*.

Господа! Прокуратура дала вам *свое* толкование этих предписаний закона и на этом основании потребовала для

* Курсив Энгельса. *Ред.*

нас обвинительного приговора. Ваше внимание уже обратили на то, что законы эти были изданы в те времена, когда над печатью тяготела цензура и когда вообще существовали совершенно иные политические отношения, чем теперь. Ввиду этого мой защитник* высказал тот взгляд, что вы не должны считать себя связанными этими устаревшими законами. Представитель прокуратуры присоединился к этому взгляду, по крайней мере в отношении статьи 370. Он выразился следующим образом: «для вас, господа присяжные заседатели, самое важное, конечно, установить, *доказана ли достоверность разбираемых фактов*», — и я приношу свою благодарность прокурору за это признание.

Но если бы вы и не придерживались того взгляда, что, по крайней мере, статья 370 в своем ограничении доказательства истины устарела, то, несомненно, вы согласитесь с тем, что приведенные статьи должны быть истолкованы иначе, чем это пытается сделать прокуратура. Привилегия суда присяжных в том и состоит, что присяжные могут толковать законы независимо от традиционной судебной практики, толковать их так, как им подсказывает их здравый смысл и их совесть. Против нас возбуждено судебное дело по статье 367 за то, что мы обвинили упомянутых жандармов в действиях, которые, если бы они действительно имели место, навлекли бы на них презрение и ненависть граждан. Если вы станете толковать эти слова «ненависть и презрение» в том смысле, какой хотела бы придать им прокуратура, то, пока остается в силе статья 370, совершенно уничтожается свобода печати. Как же может печать при таких условиях выполнять свой первый долг — долг защиты граждан от произвола чиновников? Лишь только она позволит себе разоблачить перед общественным мнением подобный акт произвола, ее привлекут к суду, и — если дело пойдет так, как этого хотела бы прокуратура — последуют приговоры к тюремному заключению, денежному штрафу и потере гражданских прав; исключением явится разве только такой случай, когда печать опубликует судебный приговор, т. е. выступит с разоблачением лишь тогда, когда оно уже потеряет всякий смысл!

---

* — Шнейдер II. Ред.

Как мало подходят к нашей теперешней обстановке рассматриваемые пункты закона — по крайней мере, в толковании прокуратуры, — показывает сравнение со статьей 369. Там сказано:

«Что касается клеветы, которая стала достоянием гласности при посредстве *иностранных газет*, то могут привлекаться к суду те, кто послал эти статьи в газеты... или кто содействовал *ввозу и распространению* этих газет в стране» *.

Согласно этой статье закона, господа, прокуратура обязана была бы ежедневно и ежечасно привлекать к суду королевско-прусских почтовых чиновников. Разве бывает хотя бы один день из трехсот шестидесяти пяти дней в году, когда бы прусская почта не содействовала рассылкой той или иной иностранной газеты «ввозу и распространению» клеветы в том смысле, какой ей придает прокуратура? И, однако, прокуратуре не приходится в голову возбуждать преследование против почтового ведомства.

Примите далее во внимание, господа, что статьи эти составлены были в те времена, когда ввиду цензурных условий *невозможно* было оклеветать *чиновников* в печати. Следовательно, эти статьи должны были, по мысли законодателя, охранять от клеветы *частных лиц*, а не *чиновников*, и только в этом случае они имеют смысл. Но с тех пор как была завоевана свобода печати, действия чиновников также могут становиться достоянием гласности; это коренным образом меняет все положение. И именно теперь, когда имеются подобные противоречия между старым законодательством и новой социально-политической обстановкой, именно в этих случаях должны выступать присяжные и приспособлять старый закон к новой обстановке путем нового его истолкования.

Но, как я уже сказал, сама прокуратура признала, что для вас, господа, самым важным — вопреки статье 370 — является вопрос о доказательстве истины. Поэтому-то она и пыталась ослабить приведенные нами на основании свидетельских показаний доказательства истины. Посмотрим же инкриминируемую газетную статью, чтобы убедиться, доказаны ли фактами выдвинутые в ней обвинения и действи-

---

* Курсив Энгельса. *Ред.*

тельно ли в них содержится состав клеветы. В начале статьи мы читаем следующее:

«Между 6 и 7 часами утра шесть или семь жандармов явились на квартиру Аннеке¹³, сразу же грубо оттолкнули служанку» и т. п.

Господа, вы слышали показания Аннеке по этому вопросу. Вы помните, что я хотел специально задать свидетелю Аннеке еще раз вопрос по поводу грубого обращения со служанкой и что председатель нашел этот вопрос излишним, ибо этот факт-де в достаточной мере установлен. И вот я вас спрашиваю: возвели ли мы в этом отношении клевету на жандармов?

Далее: «В передней они от понукания переходят к рукоприкладству, причем один из жандармов вдребезги разбивает стеклянную дверь. Аннеке сталкивают с лестницы». Господа, вы слышали показание свидетеля Аннеке; вы помните слова свидетеля Эссера о том, как жандармы вышли с Аннеке «на всех парах» из дому и *оттолкнули* его в карету; я спрашиваю, господа, еще раз: где же здесь клевета?

В статье имеется, наконец, место, правильность которого не доказана с *буквальной точностью*. Это следующее место: «Из этих четырех столпов правосудия один немного покачивался, уже с раннего утра преисполненный «духом»^{*}, живой властью, водкой».

Я согласен с тем, господа, что на основе точного смысла слов Аннеке здесь установлено лишь следующее: «судя по поведению жандармов, их вполне можно было принять за пьяных», т. е. установлено лишь, что жандармы *вели себя*, как пьяные. Но, господа, примите во внимание то, что было нами сказано два дня спустя в ответ на возражение государственного прокурора Геккера: «Оскорбление могло бы относиться лишь к одному из господ жандармов, о котором говорилось, что он в ранний час *покачивался* по причинам более или менее спиритуальным или спиртуозным. Но если следствие подтвердит — в чем мы ни на минуту не сомневаемся — правильность фактов, т. е. грубого обращения, допущенного господами агентами государственной власти, то, по нашему мнению, мы только заботливейшим образом, со

---

* Игра слов: «Geist» означает «дух», а также «спирт». *Ред.*

всем подобающим печати беспристрастием, подчеркнули, в собственных интересах обвиняемых нами господ, *единственное смягчающее вину обстоятельство*; а прокуратура превращает это продиктованное человеколюбием указание на единственное смягчающее вину обстоятельство в оскорбление!»¹⁴

Из этого вы можете видеть, господа, что мы сами настаивали на расследовании указанных фактов. Не наша вина, если расследование не было произведено. Впрочем, что касается упрека в пьянстве, то, спрашивается, что за беда для королевско-прусского жандарма, если о нем говорят, что он хлебнул водки немножко через край? Насчет того, можно ли рассматривать это как клевету, я готов апеллировать к общественному мнению всей Рейнской провинции.

И как может говорить прокуратура о клевете, когда эти якобы оклеветанные даже не названы, не указаны точно? Речь идет о «шести или семи жандармах». Кто они? Где они? Стало ли вам, господа, известно, что какой-нибудь *определенный* жандарм навлек на себя, благодаря этой статье, «ненависть и презрение граждан»? Закон требует определенным образом, чтобы оклеветанный индивид был точно указан; но в данном месте инкриминируемой статьи ни один определенный жандарм не может усмотреть оскорбление для себя, оскорбленной может считать себя, в крайнем случае, вся королевско-прусская жандармерия в целом. Она потому может чувствовать себя оскорбленной, что в газетах пишут, как члены этой корпорации безнаказанно прибегают к незаконным действиям и грубому обращению. Но, господа, нельзя считать преступлением обвинение королевско-прусской жандармерии вообще в грубом обращении. Я требую от прокуратуры, чтобы она указала мне то место в законе, согласно которому считаются наказуемыми оскорбление, поношение, клевета на королевско-прусский жандармский корпус, если вообще здесь может быть речь о клевете.

Прокуратура усмотрела вообще в инкриминируемой статье лишь доказательство безудержной страсти к клевете. Статья эта, господа, была вам прочитана. Нашли ли вы в ней, что имевшие тогда место в Кёльне более или менее незначительные нарушения закона мы рассматривали сами по себе, что мы использовали их в своих интересах, разду-

вали их в целях удовлетворения нашей мнимой злобы на низших чиновников? Наоборот, не указывали ли мы, что эти факты являются одним из звеньев в длинной цепи вылазок реакции, предпринятых тогда одновременно по всей Германии? Разве мы ограничились нападками на жандармов и прокуратуру в Кёльне, а не постарались вскрыть самую суть дела, проанализировать его истоки вплоть до тайного министерства в Берлине? ¹⁵ Но, конечно, не так опасно нападать на большое тайное министерство в Берлине, как на маленькую прокуратуру в Кёльне, и в доказательство этого факта мы стоим сегодня перед вами.

Обратите внимание на конец статьи. Там сказано: «Таковы, следовательно, дела министерства дела, министерства левого центра, министерства, являющегося переходом к стародворянскому, старобюрократическому, старопрусскому министерству. Как только г-н Ганзман сыграет свою переходную роль, он получит отставку».

Господа, вы, вероятно, помните события, имевшие место в августе прошлого года, вы помните, как за ненадобность был «уволен» Ганзман, — правда, в приличной форме добровольной отставки — и как его сменило министерство Пфюля — Эйхмана — Кискера — Ладенберга ¹⁶, в буквальном смысле слова «стародворянское, старобюрократическое, старопрусское министерство».

Мы читаем дальше: «Левая в Берлине должна, однако, уразуметь, что старая власть может спокойно позволить ей одерживать маленькие парламентские победы и составлять большие конституционные проекты, лишь бы самой тем временем завладеть всеми действительно решающими позициями. Она смело может признавать революцию 19 марта в палате, если только *вне* палаты эта революция будет разоружена».

Насколько правильным был этот взгляд, мне, разумеется, не стоит и доказывать. Вы сами знаете, как в той же самой мере, в какой росла мощь левой в парламенте, уничтожалась мощь народной партии *вне* палаты. Нужно ли мне перечислять вам оставшиеся безнаказанными зверства прусской солдатни в бесчисленных городах, введение то тут, то там осадного положения, разоружение во многих случаях гражданского ополчения и, наконец, геройский поход Врангеля ¹⁷

против Берлина, чтобы показать вам, как действительно была разоружена революция, как старая власть фактически завладела всеми решающими позициями?

И под конец — замечательное пророчество: «В одно, прекрасное утро левая, возможно, убедится, что ее парламентская победа совпадает с ее действительным поражением».

Как буквально сбылось все это! Тот самый день, когда левая получила, наконец, в палате большинство, был днем ее действительного поражения. Именно парламентские победы левой повлекли за собой государственный переворот 9 ноября, перенесение в другое место, отсрочку заседаний Национального собрания и, наконец, роспуск его и октроирование конституции. Парламентская победа левой в точности совпала с ее полнейшим поражением вне парламента.

Это столь буквально оправдавшееся политическое предсказание является, господа, результатом, итогом, выводом, извлеченным нами из насилий, творившихся по всей Германии, а в частности и в Кёльне. И после этого осмеливаются говорить о слепом пристрастии к клевете? Не похоже ли в действительности все дело на то, что мы, господа, предстали сегодня перед вами, чтобы понести ответственность за преступление, состоящее в том, что мы правильно указали на правильные факты и извлекли из них правильные выводы?

Резюмирую: вам, господа присяжные заседатели, предстоит решить в этот момент вопрос о свободе печати в Рейнской провинции. Если печати должно быть запрещено сообщать о том, что происходит на ее глазах, если при каждом щекотливом случае она должна дожидаться, пока будет вынесен судебный приговор, если она должна сперва справляться у каждого чиновника — начиная с министра и кончая жандармом, — не задеваются ли приводимыми фактами их честь или деликатность, независимо от того, верны ли факты или нет, — если печать будет поставлена перед альтернативой — либо исказить события, либо совершенно замалчивать их, тогда, господа, свободе печати приходит конец; и если вы желаете этого, тогда выносите нам *обвинительный* приговор!

(К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., т. 6, стр. 235—253.)

ПРОЦЕСС ПРОТИВ РЕЙНСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА ДЕМОКРАТОВ

Процесс против Рейнского окружного комитета демократов состоялся 8 февраля 1849 г. Перед судом присяжных в Кёльне предстали Карл Маркс, Карл Шаппер и адвокат Шнейдер II; им было предъявлено обвинение в подстрекательстве к мятежу в связи с воззванием этого комитета от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов. Вот текст этого воззвания:

«Кёльн, 18 ноября. Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические союзы Рейнской провинции принять и провести в жизнь следующие мероприятия:

1) После того как прусское Национальное собрание само внесло постановление об отказе от уплаты налогов, насильственному взиманию их должно быть повсеместно оказано сопротивление всеми средствами.

2) Повсюду необходимо организовать народное ополчение для отпора врагу. Лица, не имеющие

средств, должны быть снабжены оружием и снаряжением на средства общин или за счет добровольных взносов.

3) Повсюду надлежит потребовать от властей официального заявления, признают ли они постановления Национального собрания и намерены ли их выполнять. В случае отказа следует создавать комитеты безопасности, и притом, по возможности, по соглашению с общинными советами. Общинные советы, противодействующие законодательному собранию, должны быть переизбраны всеобщим народным голосованием.

Кёльн, 18 ноября.

От имени Рейнского окружного комитета демократов:
*Карл Маркс. Карл Шаппер.
Шнейдер II.*

На суде выступил К. Маркс, речь которого приводится ниже.

Суд присяжных оправдал обвиняемых.

Речь К. Маркса

Господа присяжные заседатели! Если бы настоящий процесс был возбужден до 5 декабря, обвинение, выдвинутое прокуратурой, было бы мне понятно. Теперь же, после

5 декабря, я решительно не понимаю, каким образом прокуратура осмеливается еще ссылаться в своем обвинении против нас на законы, попранные самой королевской властью.

На чем основывает представитель прокуратуры свою критику Национального собрания, свою критику постановления об отказе от уплаты налогов? На законах от 6 и 8 апреля 1848 года. Но что сделало правительство, когда оно 5 декабря самовластно октроировало конституцию и навязало стране новый избирательный закон? Оно растоптало законы от 6 и 8 апреля 1848 года. Эти законы уже не существуют для сторонников правительства, — почему же они должны еще существовать для его противников? Правительство стало 5 декабря на *революционную* почву, а именно на почву *контрреволюции*. По отношению к нему существуют только революционеры или соучастники. Оно само превратило в мятежников всю массу граждан, которые опираются на существующие законы, которые отстаивают существующий закон против всякого его нарушения. До 5 декабря можно было придерживаться различных взглядов на перенесение места заседания Национального собрания, на его насильственный роспуск, на осадное положение в Берлине. После 5 декабря стало бесспорным фактом, что эти меры служили преддверием контрреволюции, что поэтому допустимы были все средства борьбы против фракции, которая сама перестала признавать условия, делавшие ее *правительством*, которую, следовательно, и страна не могла больше признавать *правительством*.

Господа! Корона могла сохранить, по крайней мере, видимость законности, но она пренебрегла этим. Она могла разогнать Национальное собрание и после этого поручить министерству обратиться к стране и сказать: «Мы решились на государственный переворот — обстоятельства принудили нас к этому. Формально мы преступили рамки закона, но бывают критические моменты, когда на карту ставится само существование государства. В такие моменты существует только *один* нерушимый закон — сохранение государства. Когда мы распускали Национальное собрание, никакой конституции не существовало. Поэтому мы не могли нарушить конституцию. Зато существовало два органических закона — от 6 и 8 апреля 1848 года. В действительности же суще-

ствует только *один-единственный* органический закон — *избирательный закон*. Мы призываем страну приступить к новым выборам на основании *этого* закона. Перед Собранием, вышедшим из этих первичных выборов, предстанем мы, *ответственное министерство*. Мы надеемся, что это Собрание признает государственный переворот как *спасительный акт*, вынужденный обстоятельствами. Оно задним числом санкционирует этот государственный переворот. Оно скажет, что мы нарушили букву закона, чтобы спасти отечество. Пусть оно решает нашу судьбу».

Если бы министерство поступило таким образом, оно имело бы хотя бы *видимость основания* привлечь нас к вашему суду. Корона спасла бы видимость законности. Но она не могла, она *не хотела* этого.

В глазах короны мартовская революция была актом насилия. Один акт насилия может быть искоренен только другим таким же актом. Отвергнув новые выборы на основе апрельского закона 1848 г., министерство *отказалось от того, чтобы быть ответственным министерством, оно отменило тот самый суд, перед которым оно было ответственно*. Апелляция к народу по поводу Национального собрания была, таким образом, превращена министерством с самого начала в пустую видимость, в фикцию, в обман. Изобретя первую, основанную на цензовом избирательном праве палату как неотъемлемую часть законодательного собрания, министерство уничтожило органические законы, покинуло почву законности, фальсифицировало народные выборы, лишило народ возможности высказать какое-либо суждение о «спасительном деянии» короны.

Итак, господа, нельзя отрицать факта, ни один будущий историк не станет его отрицать: корона совершила революцию, она ниспровергла существующий правовой порядок, она не может апеллировать к законам, которые она же сама так позорно попала. Когда успешно совершают революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги как побежденных врагов, но нельзя судить их как преступников. После совершенной революции или контрреволюции нельзя обращать ниспровергнутые законы против *защитников* этих самых законов. Это — трусливое лицемерие законности.

которое вы, господа, не станете санкционировать своим приговором.

Я сказал вам, господа, что правительство фальсифицировало мнение народа о «спасительном деянии короны». И все-таки народ уже высказался *против* короны — за Национальное собрание. Выборы во вторую палату — единственно законные выборы, ибо только они происходили на основании закона от 8 апреля 1848 года. И почти все, выступавшие за отказ от уплаты налогов, вновь избраны во вторую палату, многие — дважды и трижды. Даже обвиняемый вместе со мной Шнейдер II избран депутатом от Кёльна. Вопрос о праве Национального собрания выносить постановления об отказе от уплаты налогов, таким образом, фактически уже решен народом.

Но и независимо от этого верховного приговора вы все, господа, согласитесь со мной, что здесь нет преступления в обычном смысле слова, что здесь вообще нет нарушения закона, которое подлежало бы вашей юрисдикции. При обычных обстоятельствах публичная власть является исполнительницей существующих законов; преступник тот, кто нарушает эти законы или насильственно препятствует публичной власти их выполнять. В данном случае одна публичная власть нарушила закон; другая публичная власть — все равно, какая — отстаивала его. Борьба между двумя государственными властями не входит ни в компетенцию частного права, ни в компетенцию уголовного права. Вопрос о том, кто был прав, корона или Национальное собрание, — это вопрос истории. Все присяжные заседатели, все суды Пруссии, вместе взятые, не в состоянии его разрешить. Существует только одна сила, которая разрешит его, — это история. Поэтому я не понимаю, как могли посадить нас на скамью подсудимых на основании *Code pénal* *.

Что здесь речь шла о борьбе между двумя властями — а борьбу между двумя властями может решить только сила ** — это, господа, было в одинаковой степени признано как революционной, так и контрреволюционной печатью. Орган самого правительства провозгласил это незадолго до

---

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

** Игра слов: «Gewalt» означает «сила», а также «власть». *Ред.*

исхода борьбы. «Neue Preußische Zeitung» — орган нынешнего министерства — достаточно ясно признавала это. За несколько дней до кризиса она говорила приблизительно следующее: дело сейчас не в праве, а в силе, и все убедятся, что старая королевская власть божьей милостью еще обладает силой. «Neue Preußische Zeitung» правильно оценила положение дела. Сила против силы. Борьбу между ними должна была решить победа. Победила контрреволюция, но пока окончился только первый акт драмы. В Англии борьба продолжалась свыше двадцати лет. Карл I ¹⁸ не раз выходил победителем, но в конце концов он взшел на эшафот. И кто поручится вам, господа, что теперешнее министерство, что те самые чиновники, которые были и продолжают быть покорным орудием в его руках, не будут осуждены нынешней палатой или ее преемницами за государственную измену?

Господа! Представитель прокуратуры пытался обосновать свое обвинение законами от 6 и 8 апреля. Я вынужден был вам доказывать, что именно эти законы снимают с нас обвинение. Но не скрою от вас, что я никогда не признавал и никогда не стану признавать этих законов. Они никогда не имели силы для депутатов, которые были избраны народом, еще меньше могли они предписывать путь совершившейся в марте революции.

Как возникли законы от 6 и 8 апреля? В результате соглашения правительства с *Соединенным ландтагом* ¹⁹. Этим путем хотели сохранить преемственную связь со старым законным порядком и затушевать революцию, которая именно этот порядок устранила. Люди вроде Кампгаузена ²⁰ и т. п. считали очень важным спасти видимость законного развития. И как же спасали они эту видимость? С помощью ряда явных и нелепых противоречий. Встаньте, господа, на минуту на точку зрения старого закона! Разве уже одно существование министра Кампгаузена, *ответственного министра*, министра без чиновничьей карьеры, не было беззаконием? Положение Кампгаузена, как *ответственного министра-президента*, было незаконным. Этот с точки зрения закона несуществующий чиновник созывает Соединенный ландтаг, чтобы через него провести законы, на принятие которых этот самый ландтаг не имел *законных* полномочий. И эту внутренне противоречивую, самое себя опровергающую игру формами

называли законным развитием, сохранением почвы законности!

Но оставим в стороне формальную сторону дела, господа! Что представлял собой Соединенный ландтаг? Он был представителем старых, отживших общественных отношений. Революция совершилась именно против этих отношений. А представителям побежденного общества предлагают на утверждение органические законы, которые должны признать, направить, организовать революцию против этого старого общества! Что за нелепое противоречие! Ведь ландтаг был низвергнут вместе со старой королевской властью.

И здесь, господа, мы сталкиваемся лицом к лицу с пресловутой *почвой законности*. Я тем более вынужден остановиться на этом вопросе, что нас вполне справедливо считают противниками почвы законности и что законы от 6 и 8 апреля обязаны своим существованием лишь формальному признанию почвы законности.

Ландтаг прежде всего представлял крупную земельную собственность. А крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового, *феодального общества*. Современное буржуазное общество, наше общество, покоится, наоборот, на промышленности и торговле. Сама земельная собственность утратила все свои прежние условия существования, она стала зависимой от торговли и промышленности. Земледелие ведется поэтому в наши дни на промышленных началах, и старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно всем другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, и продающих там, где можно дороже продать. Следовательно, образ жизни, способ производства, способ извлечения дохода, свойственный этим господам, показывает всю фальшь их традиционного высокомерного самомнения. Земельная собственность, как господствующий общественный фактор, предполагает *средневековый способ производства и обмена*. Соединенный ландтаг

представлял этот средневековый способ производства и обмена, который давно перестал существовать и представители которого, как бы сильно они ни цеплялись за старые привилегии, не в меньшей мере принимают участие в наслаждении благами нового общества и эксплуатируют его в свою пользу. Новое буржуазное общество, покоящееся на совершенно иных основах, на изменившемся способе производства, должно было захватить и политическую власть; оно должно было вырвать из рук представителей интересов погибающего общества эту политическую власть, вся организация которой возникла на почве совершенно иных материальных общественных отношений. *Отсюда и революция.* Революция была, таким образом, направлена в той же мере против *абсолютной королевской власти*, этого высшего политического выражения старого общества, как и против *сословного представительства*, которое представляло общественный порядок, давно уже уничтоженный современной промышленностью, или, самое большее, надменные обломки *сословий*, с каждым днем все более обгоняемых, оттесняемых, разрушаемых буржуазным обществом. Как же в таком случае могли прийти к нелепой мысли позволить Соединенному ландтагу — этому представителю старого общества — диктовать законы новому обществу, путем революции утверждающему свои права?

Это для того, говорят, чтобы сохранить *почву законности*. Но что же понимаете вы, господа, под сохранением почвы законности? Сохранение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, созданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, — это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями. Но общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума. Вот этот Code Napoléon *, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества.

---

* — Кодекс Наполеона. *Ред.*

Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги. Вы не можете сделать старые законы основой нового общественного развития, точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений.

Из этих старых отношений они возникли, вместе с ними они должны и погибнуть. Они неизбежно изменяются вместе с изменяющимися условиями жизни. Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития есть, в сущности, не что иное, как прикрытое благочестивыми фразами отстаивание не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов. *Это сохранение почвы законности* имеет целью сделать такие частные интересы *господствующими*, в то время как они *уже не господствуют*; оно имеет целью навязать обществу законы, которые осуждены самими условиями жизни этого общества, его способом добывания средств к жизни, его обменом, его материальным производством; оно имеет целью удержать у власти законодателей, которые отстаивают только частные интересы; оно ведет к злоупотреблению государственной властью, чтобы интересы большинства насильственно подчинять интересам меньшинства. Оно ежеминутно становится, таким образом, в противоречие с существующими потребностями, оно тормозит обмен, промышленность, оно подготавливает *общественные кризисы*, которые разражаются в виде *политических революций*.

Вот истинный смысл приверженности к почве законности и сохранения почвы законности. И исходя из этой фразы о почве законности, покоящейся либо на сознательном обмане, либо на бессознательном самообмане, обосновывали созыв Соединенного ландтага, заставили этот ландтаг фабриковать органические законы для Национального собрания, сделавшегося необходимым благодаря революции и порожденного этой революцией. И на основании этих законов хотят судить Национальное собрание!

Национальное собрание представляло современное буржуазное общество в противоположность феодальному обще-

ству, представленному в Соединенном ландтаге. Оно было избрано народом, чтобы самостоятельно выработать конституцию, которая соответствовала бы жизненным отношениям, пришедшим в столкновение с существовавшим до сих пор политическим строем и существовавшими прежде законами. Оно было в силу этого с самого начала суверенным, учредительным собранием. И если оно, несмотря на это, опустилось до соглашательской точки зрения, то это было лишь чисто формальной вежливостью по отношению к короне, простой церемонией. Мне незачем здесь вдаваться в рассмотрение вопроса, имело ли Собрание право, вопреки народу, становиться на позицию соглашения. Оно придерживалось мнения, что следует предотвратить столкновение с короной с помощью доброй воли обеих сторон.

Но одно уж несомненно: законы от 6 и 8 апреля, принятые по соглашению с Соединенным ландтагом, были формально недействительны. Материально они имеют только тот смысл, что формулируют и устанавливают условия, при которых Национальное собрание могло бы быть действительным выражением народного суверенитета. Законодательство Соединенного ландтага было лишь формой, которая избавляла корону от унизительной для нее необходимости провозгласить: *я побеждена!*

Теперь, господа присяжные заседатели, перехожу к более детальному разбору речи прокурора.

Прокурор сказал:

«Корона уступила часть власти, которая всецело находилась в ее руках. Даже в обыденной жизни отказ от чего-нибудь не идет дальше прямого смысла слов, в которых этот отказ сформулирован. Но закон от 8 апреля 1848 г. не предоставляет Национальному собранию права отказа от уплаты налогов и не назначает Берлин непрременной резиденцией Национального собрания».

Господа! В руках короны находились *обломки* власти; корона поступилась властью, чтобы спасти ее обломки. Вы помните, господа, как король, тотчас же по вступлении на престол, в Кёнигсберге и Берлине буквально ручался своим честным словом, что никогда не согласится на конституционный образ правления. Вы помните, как король в 1847 г. при открытии Соединенного ландтага давал торжественную клятву, что не потерпит клочка бумаги между собой и своим

народом. А между тем после мартовских событий 1848 года король сам себя провозгласил в октроированной им конституции *конституционным* королем. Он поставил между собой и своим народом эту беспочвенную чужеземную галиматью — клочок бумаги. Рискнет ли представитель прокуратуры утверждать, что король добровольно опроверг столь явным образом свои торжественные заверения, что он добровольно перед лицом всей Европы взял на себя вину в вопиющей непоследовательности, допустив соглашение или конституцию? Король пошел на те уступки, к которым его *вынудила* революция. Не больше и не меньше!

Популярное сравнение представителя прокуратуры, к сожалению, ничего не доказывает. В самом деле, если я отказываюсь, то отказываюсь только от того, от чего я *определенно* отказываюсь. Если я вам делаю подарок, то с вашей стороны было бы поистине наглостью требовать от меня в силу моего дарственного акта дальнейших приношений. Но дарил-то после мартовских событий как раз народ; получала подарок корона. Само собой разумеется, что характер подарка должен устанавливаться дарителем, а не получателем, народом, а не короной.

Абсолютная власть короны была сломлена. Народ победил. Обе стороны заключили перемирие, и народ был обманут. Что народ был обманут — это, господа, взял на себя труд доказать вам сам представитель прокуратуры. Чтобы оспорить право Национального собрания на отказ от уплаты налогов, представитель прокуратуры обстоятельно разъяснял вам, что если нечто в этом роде и было в законе от 6 апреля 1848 г., то уж в законе от 8 апреля 1848 г. мы этого отнюдь не находим. Итак, этот промежуток времени был использован для того, чтобы через два дня отнять у народных представителей те права, которые были им предоставлены за два дня до этого. Мог ли представитель прокуратуры с большим успехом скомпрометировать *честность* короны, мог ли он доказать более неопровержимо, что народ *хотели обмануть*?

Далее, представитель прокуратуры говорит:

«Право перенесения места и отсрочки заседаний Национального собрания вытекает из прерогатив исполнительной власти, и это признано во всех конституционных странах».

Что касается права *исполнительной власти переносить место заседания* законодательных палат, то я требую от представителя прокуратуры привести в доказательство этого утверждения хотя бы один закон или пример. В Англии, например, король мог бы в силу старого исторического права созвать парламент в любом удобном ему месте. Нет закона, в котором был бы указан Лондон в качестве законной резиденции парламента. Вам известно, господа, что в Англии вообще самые важные политические свободы санкционированы обычным правом, а не писаным законом; так обстоит, например, дело со свободой печати. Но если бы какому-нибудь английскому министерству взбрела в голову мысль перенести парламент из Лондона в Виндзор или Ричмонд, то достаточно было бы высказать эту мысль, чтобы убедиться в ее неосуществимости.

Правда, в конституционных странах корона имеет право *отсрочивать заседания* палат. Но не забудьте, что, с другой стороны, во всех конституциях определено, *на какое время* могут быть отсрочены заседания палат, после какого срока они снова должны быть созваны. В Пруссии не было никакой конституции — ее еще только предстояло создать; не было установленного законом срока созыва отсроченной палаты — а следовательно, не существовало и права короны на отсрочку. Иначе корона могла бы отсрочить созыв палаты на 10 дней, на 10 лет, навсегда. Где же была гарантия, что палаты будут когда-нибудь созваны или что они будут беспрепятственно заседать? Существование палат наряду с короной было предоставлено благоусмотрению короны, законодательная власть — если здесь вообще может быть речь о законодательной власти — превращена в фикцию.

Господа! Вы видите на этом примере, к чему приводит попытка приложить к конфликту между прусской короной и прусским Национальным собранием масштаб отношений, существующих в конституционных странах. Она приводит к *признанию абсолютной королевской власти*. С одной стороны, короне предоставляются права конституционной исполнительной власти, с другой стороны — не существует никакого закона, никакого обычая, никакого органического установления, которые налагали бы на нее ограничения, свойственные конституционной исполнительной власти.

Народному представительству ставится требование: при *абсолютном* короле ты должно играть роль *конституционной* палаты!

Нужно ли еще разяснять, что в данном случае вовсе не *исполнительная власть* противостояла *законодательной власти*, что принцип конституционного разделения властей не может быть применим к *прусскому Национальному собранию* и прусской короне? Допустим, что вы не принимаете во внимание революцию, что вы придерживаетесь *официальной теории соглашения*. Но даже по этой теории друг другу противостояли две суверенные власти. Не подлежит сомнению, что из этих двух властей одна должна была уничтожить другую. Две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать в *одном государстве*. Это — нелепость вроде квадратуры круга. Борьбу между двумя верховными властями должна была решить материальная сила. Но не будем здесь вдаваться в исследование вопроса о том, возможно ли было соглашение или невозможно. Достаточно того, что две власти вступили во взаимоотношения друг с другом, чтобы заключить договор. И сам Кампгаузен допускал возможность того, что договор не состоится. С трибуны указывал он сторонникам соглашения на опасность, грозящую стране, если соглашение не состоится. Опасность заключалась в той исходной позиции, которую занимало согласительное Национальное собрание по отношению к короне, а теперь, задним числом, хотят сделать Национальное собрание ответственным за эту опасность, отрицая эту его исходную позицию, превращая Собрание в *конституционную палату*! Хотят разрешить затруднение, абстрагируясь от него!

Мне кажется, я доказал вам, господа, что корона не имела права ни переносить место заседания, ни отсрочивать собрание соглашателей.

Но представитель прокуратуры не ограничился анализом вопроса, имела ли корона *право* перенести место заседания Национального собрания; он старается доказать *целесообразность* этого перенесения. «Разве не было бы целесообразно», — восклицает он, — «если бы Национальное собрание подчинилось короне и перебралось в Бранденбург?» Представитель прокуратуры находит, что целесообразность такого

поступка обуславливается положением самой палаты. Она была-де несвободна в Берлине и т. д.

Но разве не ясна цель, которую преследовала корона, перенося Собрание? Разве сама корона не раскрыла истинный смысл всех официально приведенных мотивов этого перенесения? Дело было вовсе не в свободе обсуждения — дело было в том, чтобы либо распустить Собрание и октроировать конституцию, либо путем созыва послушных заместителей создать фиктивное представительство. Когда же, вопреки ожиданию, в Бранденбурге оказалось правомочное число депутатов, тогда отбросили всякое лицемерие и объявили Национальное собрание распущенным.

Впрочем, само собой понятно, что корона не имела права объявлять Национальное собрание свободным или несвободным. Никто, кроме самого Собрания, не мог решать, обладает ли оно необходимой свободой обсуждения или не обладает. Что может быть удобнее для короны, как при всяком неугодном ей постановлении Национального собрания объявлять его несвободным, неспособным нести ответственность за свои решения и подвергать его отлучению!

Представитель прокуратуры говорил также об обязанности правительства охранять достоинство Национального собрания от терроризма берлинского населения.

Этот аргумент звучит как злая насмешка над правительством. Я уже не буду говорить об обращении с отдельными лицами, а эти лица были все же избранными представителями народа. Их всячески старались унижить, подвергали самым гнусным преследованиям, устроили нечто вроде «дикой охоты» на них²¹. Но не будем говорить о лицах. Как оберегали достоинство Национального собрания в смысле отношения к его *работе*? Его архивы были отданы на произвол солдатни, которая раскуривала трубки, топила печи документами отделений, королевскими посланиями, проектами законов, подготовительными материалами, топтала их ногами.

Не были соблюдены даже такие формальности, которые требуются при наложении ареста на имущество, — захватили архив, не составив даже его описи.

Явно стремились уничтожить всю так дорого обошедшуюся народу работу, чтобы иметь большую возможность

оклеветать Собрание, чтобы стереть с лица земли планы реформ, ненавистные правительству и аристократам. Не смешно ли после всего этого утверждать, что правительство перенесло Национальное собрание из Берлина в Бранденбург из-за нежной заботы о его достоинстве?

Перехожу к аргументации представителя прокуратуры относительно *формальной силы* постановления об отказе от уплаты налогов.

Чтобы сделать постановление об отказе от уплаты налогов формально законным постановлением,— говорит представитель прокуратуры,— Собрание должно было представить его на *санкцию короны*.

Но корона, господа, не находилась в непосредственных сношениях с Собранием — ее представляло министерство Бранденбурга. Следовательно, с этим министерством Бранденбурга — такой нелепости требует представитель обвинения — Собрание должно было договориться, чтобы объявить это министерство повинным в государственной измене, чтобы отказать ему в уплате налогов! Какой смысл имеет это требование, кроме того, что Национальное собрание должно было пойти на безусловное подчинение всякому требованию министерства Бранденбурга?

Постановление об отказе от уплаты налогов было формально недействительно еще и потому,— говорит представитель прокуратуры,— что только при *втором чтении* предложение может стать законом.

С одной стороны, не соблюдают *существенных* форм, которые обязаны выполнять по отношению к Национальному собранию; с другой стороны, требуют от Национального собрания соблюдения самых несущественных *формальностей*. Нет ничего проще! Какое-нибудь неугодное короне предложение проходит в первом чтении,— тогда второму чтению препятствуют силой оружия, и закон остается недействительным, так как не было второго чтения. Представитель прокуратуры упускает из виду сложившуюся в то время исключительную обстановку, когда народные представители принимали это постановление, находясь в зале заседаний под угрозой штыков. Правительство совершает один насильственный акт за другим. Оно бесцеремонно нарушило важнейшие законы, Habeas Corpus Akte²², закон о гражданском опол-

чении²³. Оно произвольно вводит неограниченный военный деспотизм под видом осадного положения. Оно прогоняет ко всем чертям самих народных представителей. И в то время как одна сторона нагло нарушает *все законы*, от другой стороны требуют самого щепетильного соблюдения даже *регламента!*

Я не знаю, господа, умышленное ли это извращение — я далек от мысли допустить это со стороны представителя прокуратуры — или это просто неосведомленность, когда он говорит: «Национальное собрание не хотело *примирения*», оно «не искало примирения».

Если народ упрекает за что-нибудь берлинское Национальное собрание, то именно за его желание примирения во что бы то ни стало. Если члены этого Собрания сами испытывают раскаяние, то это раскаяние по поводу их маниф соглашений. Именно эта мания соглашения постепенно оттолкнула от него народ, именно она привела Собрание к тому, что оно утратило все свои позиции, наконец, именно она поставила Собрание под удары короны, когда это Собрание не имело за собой поддержки нации. Когда же Собрание захотело, наконец, проявить волю, оно оказалось одиноким и бессильным именно потому, что в надлежащее время оно не обладало волей и не умело проявлять ее. Впервые оно обнаружило эту манию соглашения, когда отреклось от революции и санкционировало *теорию соглашения*, когда оно с позиции революционного Национального собрания опустилось до положения двусмысленного общества соглашателей. Оно дошло в своем примиренческом бессилии до крайности, когда приняло за чистую монету фиктивное признание Пфулем приказа по армии, предложенного Штейном²⁴. Само объявление этого приказа по армии превратилось в фарс, ибо он мог быть всего лишь комическим эхом врангелевского приказа по армии. И тем не менее вместо того, чтобы пойти дальше этого приказа, Собрание ухватилось обеими руками за смягчающую, лишающую его какого бы то ни было смысла переделку этого приказа министерством Пфуля. Чтобы избежать всякого серьезного конфликта с короной, Собрание приняло жалкую видимость демонстрации против старой реакционной армии за действительную демонстрацию. То, что не было даже видимостью разрешения конфликта, оно

лицемерно объявило действительным его разрешением. Так мало жажды борьбы, так много примиренческих поползновений проявило это Собрание, которое представитель прокуратуры изображает сборищем каких-то дерзких забияк!

Нужно ли мне указывать еще на один симптом, свидетельствующий о примиренческом характере этой палаты? Вспомните, господа, о соглашении Национального собрания с Пфюлем относительно закона о приостановке выкупов *. Если Собрание не смогло уничтожить врага в армии, ему прежде всего надлежало приобрести друга в лице крестьянства. Но и от этого оно отказалось. Оно считало, что важнее всего, важнее интересов его собственного самосохранения, искать примирения, избегать конфликта с короной, избегать его во что бы то ни стало. И это Собрание упрекают в том, будто оно не хотело примирения, будто оно не искало примирения?

Оно делало попытки примирения даже тогда, когда конфликт уже разразился. Вам известна, господа, брошюра *Унру* ²⁵, сторонника центра. Вы должны были из нее увидеть, чего только не пробовали, чтобы избежать разрыва, как посылали к королю депутации, которые не были к нему допущены, как отдельные депутаты пытались уговорить министров, которые с аристократическим высокомерием отказывались их принять, как Собрание хотело пойти на уступки, которые были подняты насмех. Собрание все еще стремилось заключить мир даже в тот момент, когда оставалось только готовиться к войне. И это Собрание представитель прокуратуры обвиняет в том, что оно не хотело примирения, что оно не делало попыток примирения!

Берлинское Национальное собрание явно предавалось величайшей иллюзии, оно не понимало своего собственного положения, условий своего собственного существования, когда до конфликта и даже во время конфликта считало возможным и старалось осуществить полюбовное соглашение, примирение с короной.

Корона не хотела примирения, она не могла желать примирения. Не будем обманывать себя, господа присяжные заседатели, относительно характера борьбы, которая разрази-

---

* Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 131.

лась в марте и которая велась потом между Национальным собранием и короной. Речь идет здесь не об обычном конфликте между министерством и парламентской оппозицией, речь идет не о конфликте между людьми, которые были министрами, и людьми, которые хотели стать министрами, речь идет не о партийной борьбе двух политических фракций в одной законодательной палате. Возможно, что так думали члены Национального собрания, принадлежавшие к большинству или к меньшинству. Но решающим является здесь не мнение соглашателей, а реальное историческое положение Национального собрания, как оно сложилось в результате европейской революции и обусловленной ею мартовской революции. То, что здесь происходило, не было политическим конфликтом двух фракций на почве *одного* общества — это был *конфликт между двумя обществами*, социальный конфликт, принявший политическую форму, — это была *борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом*, борьба между обществом *свободной конкуренции* и обществом *цехового строя*, между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания. Соответствующим *политическим* выражением старого общества была корона божьей милостью, опекающая всё и вся бюрократия, самостоятельная армия. Соответствующей *социальной* основой этой старой политической власти было привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая патриархальная или организованная на цеховых началах промышленность, обособленные друг от друга сословия, резкая противоположность между городом и деревней и прежде всего господство деревни над городом. Старая политическая власть — корона божьей милостью, опекающая всё и вся бюрократия, самостоятельная армия — чувствовала, что ее собственная материальная основа уходит у нее из-под ног, коль скоро совершалось покушение на основы старого общества: на привилегированное дворянское землевладение, на само дворянство, на господство деревни над городом, на зависимое положение деревенского населения и на законодательство, соответствующее всем этим условиям жизни, как например, муниципальное положение, уголовное законодательство и т. п. А Национальное собрание

совершало такое покушение. С другой стороны, это старое общество чувствовало, что из его рук ускользает политическая власть, коль скоро корона, бюрократия и армия лишались своих феодальных привилегий. А Национальное собрание хотело уничтожить эти привилегии. Нет ничего удивительного поэтому, что армия, бюрократия, дворянство соединенными силами побуждали корону совершить государственный переворот, нет ничего удивительного, что и корона, которая знала, что ее собственные интересы теснейшим образом связаны со старым феодально-бюрократическим обществом, дала себя толкнуть на государственный переворот. *Корона* точно так же была *представительницей* феодально-аристократического общества, как *Национальное собрание* было *представителем* современного буржуазного общества. Условия существования этого последнего требуют, чтобы бюрократия и армия, эти прежние властители торговли и промышленности, были низведены до роли их орудий, *превращены* в простые органы буржуазного обмена. Буржуазное общество не может терпеть, чтобы земледелие было стеснено феодальными привилегиями, а промышленность — бюрократической опекой. Это противоречит его жизненному принципу свободной конкуренции. Оно не может терпеть, чтобы условия внешней торговли регулировались не интересами национального производства, а соображениями международной политики королевского двора. Оно должно подчинять финансовое управление потребностям производства, в то время как старое государство должно подчинять производство потребностям короны божьей милостью и штопанью заплат у тех, кто является оплотом королевской власти, социальной опорой этой короны. Подобно тому как современная промышленность действительно нивелирует все, так и современное общество должно уничтожить всякие правовые и политические перегородки между городом и деревней. В этом обществе существуют еще *классы*, но нет больше *сословий*. Его развитие заключается в борьбе этих классов, но последние объединяются между собой против сословий и их королевской власти божьей милостью.

Королевская власть божьей милостью, это высшее политическое выражение, высший политический представитель старого феодально-бюрократического общества, не может

поэтому делать современному буржуазному обществу никаких *искренних* уступок. Ее собственный инстинкт самосохранения, стоящее за ней общество, на которое она опирается, постоянно будут побуждать ее брать назад сделанные уступки, сохранять свой феодальный характер, идти на риск контрреволюционного переворота. После каждой революции контрреволюция является неизменно возобновляющимся условием существования королевской власти.

С другой стороны, и современное общество не может успокоиться, пока оно не разрушит и не устранил официальную унаследованную власть, при помощи которой насильственно сохраняется еще старое общество, пока оно не разрушит и не устранил государственную власть этого общества. Господство королевской власти божьей милостью — это и есть господство отживших общественных элементов.

Итак, не может быть мира между этими двумя обществами. Их материальные интересы и потребности вызывают борьбу между ними не на жизнь, а на смерть. Одно должно победить, другое должно потерпеть поражение. Это — единственно возможное примирение между ними. А потому не может быть мира и между высшими политическими представителями обоих этих обществ — между короной и народным представительством. И Национальному собранию предстояло поэтому только одно из двух: либо уступить старому обществу, либо выступить против короны в качестве самостоятельной силы.

Господа! Представитель прокуратуры характеризовал *отказ от уплаты налогов* как меру, «которая потрясает *устои общества*». Отказ от уплаты налогов не имеет никакого отношения к устоям общества.

Вообще, чем объясняется, господа, что налоги, согласие на уплату налогов и отказ в этом играют такую важную роль в истории конституционализма? Объясняется это очень просто. Подобно тому как крепостные за наличные деньги выкупали привилегии у феодальных баронов, так и целые народы выкупают привилегии у феодальных королей. Королям нужны были деньги на войны с чужеземными народами, и особенно на борьбу с феодалами. Чем больше развивались торговля и промышленность, тем больше нуждались они в деньгах. Но в такой же мере развивалось и третье сословие.

бюргерское сословие, в такой же мере росли и денежные средства, которыми оно располагало. В такой же мере оно постепенно выкупало у королей с помощью налогов свои свободы. Чтобы гарантировать себе эти свободы, оно сохраняло за собой право через определенные сроки вновь определять денежное обложение — право согласия на уплату налогов и право отказа от их уплаты. В английской истории можно особенно детально проследить этот процесс.

В средневековом обществе налоги были, следовательно, единственной связью между нарождающимся буржуазным обществом и господствующим феодальным государством — связью, в результате которой государство вынуждено было делать уступки буржуазному обществу, считаться с его ростом, приспосабливаться к его потребностям. В современных государствах это право согласия на уплату налогов и право отказа в этом превратилось в контроль буржуазного общества над комитетом, управляющим его общими делами, т. е. над правительством.

Частичный отказ от уплаты налогов является поэтому неотъемлемой частью всякого конституционного механизма. Этот вид отказа от уплаты налогов имеет место каждый раз, когда отвергается *бюджет*. Текущий бюджет вотируется только на определенный срок; кроме того, палаты, в случае, если их заседания будут отсрочены, должны быть созваны вновь после очень короткого перерыва. В таких условиях корона не может сделаться независимой. Отклонение бюджета означает решительный *отказ* от уплаты налогов, пока новая палата не даст министерству большинства или пока корона не назначит министерства в духе новой палаты. Отклонение бюджета является, таким образом, *парламентской формой отказа от уплаты налогов*. В рассматриваемом нами конфликте эта форма была неприменима, так как конституция еще не существовала — ее только еще предстояло создать.

Но отказ от уплаты налогов в том виде, как он сейчас рассматривается, — отказ от уплаты налогов, не только отвергающий новый бюджет, но воспреещающий даже уплату текущих налогов, — тоже не является чем-то небывалым. В средние века к нему прибегали очень часто. Даже старый немецкий рейхстаг и старые феодальные бранденбургские

сословия принимали постановления об отказе от уплаты налогов. И современные конституционные страны дают нам достаточно примеров этого. В 1832 г. отказ от уплаты налогов в Англии привел к падению министерства Веллингтона. И замечьте, господа, в Англии не парламент вынес постановление об отказе от уплаты налогов, а сам народ собственной властью провозгласил и осуществил этот акт! А Англия — это историческая страна конституционализма. Я очень далек от того, чтобы отрицать это. Английская революция, приведшая Карла I на эшафот, началась с отказа от уплаты налогов. Североамериканская революция, окончившаяся провозглашением независимости Северной Америки от Англии, началась с отказа от уплаты налогов. Отказ от уплаты налогов может и в Пруссии явиться предвестником весьма неприятных событий. Но не Джон Гемпден ²⁶ возвел Карла I на эшафот, а его собственное упорство, его зависимость от феодальных сословий, его сумасбродная идея подавить силой непреодолимые требования нарождающегося нового общества. Отказ от уплаты налогов является лишь признаком раскола между короной и народом, лишь доказательством того, что конфликт между правительством и народом достиг напряженной, угрожающей степени. Не он вызывает раскол и конфликт — он только свидетельствует об их наличии. В наиболее серьезных случаях он влечет за собой свержение существующего правительства, существующего политического строя. Устой общества этим совершенно не затрагиваются. Так и в данном случае отказ от уплаты налогов являлся именно средством самообороны общества от правительства, угрожавшего его устоям.

Представитель прокуратуры упрекает нас, наконец, в том, что мы в инкриминируемом воззвании пошли дальше, чем само Национальное собрание. «Во-первых, Национальное собрание не опубликовало своего постановления». Следует ли мне, господа, всерьез отвечать на то, почему постановление об отказе от уплаты налогов не было опубликовано даже в *Собрании узаконений*?

Кроме того, указывает он, Национальное собрание не призывало, как мы, к *насилию*, вообще не становилось, как мы, на революционную почву, а хотело удержаться на законной почве.

Прежде представитель прокуратуры изображал Национальное собрание как незаконное, теперь считает его уже законным — все для того только, чтобы изобразить нас преступниками. Но если взимание налогов объявляется незаконным, разве я не обязан насильственно сопротивляться насильственно совершаемому беззаконию? Поэтому даже с этой точки зрения мы были вправе на насилие ответить насилием. Впрочем, совершенно верно, что Национальное собрание хотело удержаться на чисто законной почве, на почве пассивного сопротивления. Перед ним было два пути: либо путь революционный — по этому пути оно не пошло, эти господа не хотели рисковать своими головами, — либо отказ от уплаты налогов, ограничивавшийся пассивным сопротивлением. На этот путь Национальное собрание и вступило. Но народ должен был при осуществлении отказа от уплаты налогов стать на революционную почву. Поведение Национального собрания отнюдь не предрепало поведения народа. Национальное собрание само по себе не имело никаких прав — народ доверил ему только защиту своих собственных прав. Раз оно не действует согласно данному ему мандату — этот мандат теряет свою силу. Сам народ тогда собственной персоной выступает на сцену и действует на основании своей суверенной власти. Если бы, например, какое-нибудь Национальное собрание продалось какому-либо изменническому правительству, народ должен был бы прогнать обоих — и правительство и Национальное собрание. Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией. Для этого ему не требуется согласия какого бы то ни было Национального собрания. А что прусское правительство пытается совершить государственную измену — это признало само Национальное собрание.

Резюмирую вкратце мою речь, господа присяжные заседатели. Представитель прокуратуры не может выдвигать против нас законы от 6 и 8 апреля 1848 г. после того, как сама корона порвала их. Эти законы сами по себе ничего не решают, так как они являются произвольной стряпней Соединенного ландтага. Принятое Национальным собранием постановление об отказе от уплаты налогов формально и материально имело законную силу. Мы в своем воззвании

пошли дальше, чем Национальное собрание. Это было наше право и наша обязанность.

В заключение повторяю, что закончился только первый акт драмы. Борьба между двумя обществами — средневековым и буржуазным — будет снова вестись в политических формах. Те же конфликты возобновятся вновь, как только снова откроется Собрание. Орган министерства, «Neue Preussische Zeitung», уже пророчит: выбирали опять те же самые люди — значит, придется второй раз разгонять Собрание.

Но какой бы новый путь ни избрало новое Национальное собрание, неизбежным результатом может быть только: *полная победа контрреволюции* — или *новая победоносная революция!* Быть может, победа революции станет возможной только после завершения контрреволюции.

(К. Маркс и Ф. Энгельс.
Соч., т. 6, стр. 254—272.)

ПРОЦЕСС ПО ОБВИНЕНИЮ В. ЛИБКНЕХТА, А. БЕБЕЛЯ И А. ГЕПНЕРА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

В 1872 году по указке правительства Бисмарка были преданы суду присяжных руководители германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт, Август Бебель и Адольф Гепнер.

Вот что пишет об этом процессе Ф. Меринг в «Истории германской социал-демократии»:

«В марте 1872 года Либкнехт, Бебель и Гепнер в течение двух недель судились пред лейпцигским судом присяжных по обвинению в подготовительных действиях к государственной измене. Обвинительный материал был в существенных чертах тот же, что и в Брауншвейгском деле²⁷, и увеличен только кучею «улик», не доказывающих ничего, кроме желания во что бы то ни стало устроить подсудимым процесс за их общий образ мыслей. Присяжным были представлены не более, не менее как 140 вещественных доказательств — письма, речи, газетные статьи, программы, беспорядочное множество заявлений из революционной литературы, начиная с 1848 года, — заявлений, составленных не только подсудимыми и их единомышленниками, но и политическими их противниками. Ни один из этих документов не давал, однако, даже тени доказательства в пользу утверждения, что подсу-

димые подготавливали какую-либо государственную измену в смысле уголовного кодекса. Председатель суда ф.-Мюкке помог этому горю, руководя судебным разбирательством с пристрастием, тогда еще довольно необычным в немецкой земле и встретившим резкое осуждение со стороны всей почти независимой печати всех буржуазных партий. Не было недостатка и в других формах давления на присяжных, и в конце концов восемь из них, т. е. как раз необходимое для обвинительного вердикта число, действительно согласились признать Либкнехта и Бебеля виновными. Суд приговорил каждого из осужденных к двум годам крепости, с зачетом двух месяцев предварительного заключения; Гепнер был оправдан.

Либкнехт и Бебель справедливо говорили, однако, что процесс сделал бесконечно много для распространения социал-демократических принципов и что ради такого результата они охотно примирились со своими двумя годами крепости. Они не только приобрели личные симпатии, которыми обыкновенно дарят невинно осужденных все, в ком живо чувство справедливости; им представился, сверх того, случай для чрезвычайно успешной пропаганды своих политических и

общественных идеалов. Что касается Гепнера, которому с самого начала была предназначена второстепенная роль в этой судебной драме, то он тактично довольствовался остроумными и едкими насмешками над выставленным против него обвинением; но Либкнехт и Бебель защищали дело, которому правительство хотело нанести удар в их лице, с исполненной достоинства серьезностью и притом настолько убедительно и находчиво, что они, играючи, отражали бесполовые нападки председателя и прокурора. Особенно Либкнехт, до тех пор стоявший дальше от рабочих масс, чем Бебель, развернул те великолепные свойства, которые быстро завоевали «солдату революции» пролетарские сердца. Таким образом, судебное разбирательство имело высокое агитационное значение: оно рассеяло широко распространенные предрассудки относительно рабочего движения, а его смена вопросов и ответов явилась захватывающим введением в идейный мир социал-демократии» (Ф. Меринг, История германской социал-демократии, т. 4, изд. 2-е, Петроград, 1923, стр. 21—22).

После вынесения приговора Либкнехту и Бебелю Ф. Энгельс в письме к Вильгельму Либкнехту писал: «Дорогой Либкнехт!

Поздравляем вас всех по поводу вашего выступления перед судом. После Брауншвейгского процесса следовало дать отпор этой сволочи, и вы это добросовестно выполнили». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 237.)

Мы публикуем «непроизнесенную речь»²⁸ В. Либкнехта на Лейпцигском процессе. В предисловии к одному из изданий этой

речи в 1892 году В. Либкнехт писал:

«Когда я в 1887 году опубликовал свою «непроизнесенную речь» в «Социал-демократической библиотеке», я назвал ее «Государственное преступление и революция». Закон против социалистов и Путткаммер-Бисмарковская государственная мудрость еще царил в Германии, и «речь», беспрепятственно продававшаяся непрерывно в течение многих лет, была запрещена под этим новым заглавием и в новом виде во имя спасения государства, находившегося, действительно, в сильной опасности, благодаря Бисмарковской государственной мудрости, что, конечно, не могло никоим образом помешать ее распространению внутри нашей партии. Издание 1887 года разошлось, и так как тема с недавних пор стала современной и жизненной, то является целесообразным новое издание. Я не изменил ни одного слова в «речи», ни слова не прибавил и ни одного не выпустил. Я печатаю ее без всяких изменений уже потому, что «непроизнесенная речь» является историческим документом, поскольку резко и отчетливо выражает точку зрения я и моих товарищей по обвинению в Лейпцигском процессе о государственном преступлении и делает возможным сравнение с настоящим. Лейпцигский процесс о государственном преступлении, который начался в 1870 году, слушался весной 1872 года и окончился осуждением Бебеля и меня к двухлетнему заключению в крепости, был первым крупным политическим тенденциозным процессом против нашей партии, в котором именно благодаря тому, что это был чисто тенденциозный процесс.

обвинялись стремления и цели социал-демократии, которые нам, следовательно, и приходилось защищать, или вернее отвоевывать. Потому что защита в политических процессах, как и вообще в политической и всякой иной борьбе, всегда должна перейти в нападение, и даже главная ее сила и состоит в нападении. Поэтому адвокаты, стоящие на чисто юридической почве, самые плохие защитники в политических процессах.

То, что наш процесс был первым в своем роде в Германии, что за ним стояла франко-прусская война и он освещался пожаром Парижской Коммуны — это придало ему тот высокий интерес в сравнении с позднейшими процессами о государственных преступлениях, которые, будучи столь же значительными, были тем не менее лишены равной по интересу обстановки и равно высокого пьедестала и потеряли занимательность от частой повторяемости.

Лейпцигский процесс о государственном преступлении возбудил внимание, никого так не поразившее, как нас, обвиняемых. И если оказывались когда-либо справедливыми слова о силе, всегда желающей зла и всегда творящей добро, то это было тогда: наши враги хотели уничтожить

нас этим процессом, и они сделали нашу партию большой и уважаемой. Скамья подсудимых превратилась в трибуну, с которой социал-демократия громила своих клеветников и возвещала правду внимающему народу. Моральная победа была полная; и Иоганн Якоби, это воплощенное правосознание, стал членом нашей партии — он понял, что мы правы и что в Германии нет более демократии вне социал-демократии.

Это было 20 лет назад. И теперь пусть сравнят то, что сказано в «непроизнесенной речи», с тем, что пишется ныне в «Vorgwärtse»²⁹ и защищается нами в настоящее время и, положила руку на сердце! Где разница? Где противоречие?

Стало модным утверждать, что социал-демократия с течением времени стала другой, что она «подлила много воды в свое вино», что она отбросила свою первоначально революционную программу. Это последнее утверждение — конек революционных хвастунов. Дело в том, что нам приписывают отказ от воззрений, которых мы никогда не придерживались. Относительно революции мы 20 лет назад держались точно такого же мнения, как и теперь. Моя «непроизнесенная речь» — лучшее доказательство этому.

Речь В. Либкнехта

Господа судьи и присяжные! Если я беру теперь слово, то вовсе не для того, чтобы защищаться против ваших обвинений, нет, я хочу только показать всю нелепость и чудовищность политических процессов вообще и этого процесса

в частности. Я не нуждаюсь в своей защите: ваше обвинение — вот моя защита. Едва ли подобное обвинение имело где-либо место. Когда нас арестовали, все были уверены, был уверен и наш судебный следователь, что мы составили заговор с французами и задумали какое-то фантастическое восстание, успеху которого должны были содействовать Гарибальди и французские военнопленные. Никто не мог и предположить, чтобы можно было обвинить трех граждан без достаточных оснований в государственном преступлении. вырвать их из круга их деятельности и бросить в тюрьму; эти так безжалостно лишенные своей свободы должны были совершить какое-либо необыкновенное преступление, которое давало бы основание для этого необыкновенного процесса. Так думал каждый.

Судебное разбирательство этого дела, продолжавшееся 16 дней, сняло с него его таинственный покров, и перед обществом, как перед зрителями того праздничного балагана. вывеска которого обещает выдающиеся достопримечательности, перед обществом предстало — ничто! Хотя нет! Что-то за этим покровом скрывалось и даже не что-то, а целое здание грандиозных размеров, но построенное из камней знаменитой фабрики метеоров, о которой подробнее сказано в баснях барона Мюнхаузена.

В количестве улик не было недостатка. Обвинение привело против нас длинный ряд документов, относящихся к социалистическому движению, что с нашей точки зрения заслуживает всяческого уважения, так как осветило для многих социальный вопрос и сделало понятным цели социалистического движения. Но для противоположной стороны было бы гораздо выгоднее, если бы подобное опубликование не имело места в судебном зале. Для этого у нас есть социал-демократические и прочие фрейны³⁰, народные собрания и т. д.

Кроме упомянутых документов, извлеченных на свет божий только ради простого разнообразия, другой, более серьезной причины я при всем желании не мог найти — кроме них был прочитан ряд писем и газет, в которых говорилось о всевозможных вещах, но только не о том, о чем исключительно идет здесь дело, не о государственном преступлении.

Не довольствуясь Германией, обвинители собрали «материал» из всех стран Европы: Англии, Франции, Америки и Швеции и устроили форменный коммунистическо-революционный музей. В нем есть кое-что, исходящее от нас, только жаль: то, что «опасно», не исходит от нас, а то, что исходит от нас, не «опасно». Двумя самыми «опасными» соgroga delicti*, фигурировавшими в прокурорской коллекции, служили две картонные орсиниевские бомбы ужаснейшей силы: «военный катехизис» и «требования народа во время революции».

Эти две бомбы, к сожалению, взорвались в зале при первом прикосновении к ним, не причинив, к счастью, никому никакого вреда, если не считать самого собирателя редкостей, который лишился двух прекрасных экземпляров своей коллекции и, кроме того, должен был испытать горькое разочарование, когда обнаружилось соgan publico³¹, перед многочисленной публикой, что его мнимое гремучее серебро не что иное, как безвредный, хоть и не совсем благовонный обман.

Но господин государственный прокурор чувствовал себя утешенным следующей глубокомысленной теорией: если преступные документы обвиняемых и блещут полным отсутствием улик, то все же в непроступных бумагах обвиняемых могут найтись суждения, которые, будучи вырваны из их взаимной связи, вместе с другими подходящими местами могли бы произвести вполне приличное впечатление в государственном преступлении. Кто пускается в путь в туманную погоду с небольшой палочкой, тот обыкновенно на что-либо натывается, и в самых невинных бумагах могут найтись опасные вещи: нужно только пожелать их найти. Where there is a will there is a way**, говорят практические англичане.

И если даже самые обвиняемые не совершили никакого проступка, то, наверно, уж у них есть друзья, знакомые, единомышленники, совершившие где-то, когда-то, какой-то проступок, а то, что совершают наши друзья, с таким же успехом могли бы совершить и мы. Ведь есть же француз-

---

* Вещественные доказательства.

** Желание — половина дела.

ская поговорка: друзья наших друзей — наши друзья; почему же не может быть другой: деяния наших друзей — наши деяния.

Так глубокомысленно размышлял прокурор. Без сомнения, эга теория — прекрасна, похвальна и вполне достойна государственного прокурора. Но в ней есть и свои невыгоды, как я это сейчас на небольшом примере покажу господину прокурору.

У меня здесь в руках книга, которая вот уже пять столетий читается всеми народами и которую, однако, никто не мог заподозрить в преступности содержания. Это — «Божественная комедия».

Если существует произведение человеческого гения, отличающееся, по всеобщему признанию, удивительной нравственностью и светлой гуманностью, служащее истинным отражением добра и зла — то это бессмертное произведение Данте. Итак, я открываю его и в третьей песне «Ада» (стих 58) читаю, как поэт в большой толпе осужденных перед «городом скорби» (*Citta dolente*) видит

Тень того,
Кто из трусости совершил великий отказ.
Я сейчас же понял и убедился,
Что предо мной сконище тех несчастных,
Которые одинаково противны как богу, так и его
врагам.

Это несчастные, которые никогда не жили,
Были голы и их беспрестанно жалили
Осы и оводы, кипевшие здесь *.

К этому сначала немного неясному месту переводчик делает следующее примечание: «По самому вероятному предположению Данте обрисовывает здесь папу Целестина V, который, вынужденный, с одной стороны, происками Бонифация VIII, а с другой, желая удалиться в пустыню, отказался от папской короны. Может быть, этот пример должен был, главным образом, показать, как мало бог считает добродетелью простое воздержание от зла, зарытие в землю своего таланта тогда, когда энергичным вмешательством можно предупредить бедствие».

Одним словом, терпеливое перенесение зла, низостей и злоупотреблений порицается как достойный осуждения

---

* Из перевода под ред. В. В. Чутко.

порок и, равным образом, возводится в обязанность «энергичное вмешательство» для «предупреждения бедствий». Господин прокурор сейчас мне станет доказывать, что это «энергичное вмешательство» включает в себе так называемое «право на восстание», т. е. право «действительного посягательства» на правительственную власть, угрожающую народу бедствием. Господин прокурор еще присовокупит к этому, что все то, о чем он говорил здесь в течение 16 дней этого процесса, не падало бы на нас таким обвинением, как это отстаивание с нашей стороны права на восстание.

Но дальше: песнь IV, стих 127. В том месте — не в аду, но и не в раю, так как последний предназначен только для крещеных — в том месте, где собрались благороднейшие «величайшие умы» древнего и языческого мира, в обществе Сократа, Платона, Анаксатора, Авиценны, Аверроэса³² и других

— Я увидел Латина³³,
Сидящего рядом со своей дочерью Лавинией,
Я увидел Брута, изгнавшего Тарквиния *.

Брут, совершающий насильственную революцию, низвергающий королевство и вводящий республику, этот Брут причислен к величайшим умам древнего мира!

Не значит ли это прославлять насильственную революцию, т. е. государственное преступление?

В песне VIII, стих 49. (Поэт странствует теперь уж по самому аду):

Сколько великих монархов, почитаемых там на земле,
После смерти очутятся здесь подобно свиньям
в смрадном болоте,
Оставя после себя одно лишь глубокое презрение *.

Можно разве себе представить более сильное оскорбление величества (по современным прокурорским понятиям)? Я хотел бы видеть, какое грандиозное обвинение возвели бы на нас, если бы мы в «Volksstaat'e»³⁴ или где-либо в другом месте сказали, что монархи, «почитаемые теперь на земле великими», «после смерти очутятся подобно свиньям в этом смрадном болоте, оставя за собой лишь

---

* Из того же перевода.

глубокое презрение». Заметьте хорошо, Данте говорил о еще живущих монархах.

Стих 50-ый IX песни рисует нам ростовщика (Кагорса) в аду. Во времена Данте ростовщик означал то же самое, что теперь капиталист, буржуа. Изгнать капиталистов в преисподнюю, не значит ли это проповедовать классовую ненависть? Не значит ли это предать открытому порицанию целый класс, натравить один класс на другой?

Еще только одно место. В XII песне, стих 100, читаем мы:

Мы пошли вперед с надежным провожатым
Вдоль берегов кроваво-красных волн,
И громко слышны были вопли кипящих в них.
Иным из них кровь достигала до ресниц.
То все тираны — сказал Центавр
Великий — жившие грабительством и кровью *.

Между монархами, представленными перед нами в так мало завидном положении, находим мы некоторых великих полководцев и счастливейших завоевателей, как, например, Александра Великого. Я дрожу при одной мысли, что мне или одному из моих товарищей по обвинению пришлось бы утверждать о каком-либо счастливым современным завоевателе, что он должен за «свои грабительства и кровопролития», случись они когда-либо, «кипеть в кроваво-красных волнах» ада и вполне заслуженно!

Очень не трудно привести еще много других цитат; но приведенных достаточно, и я убежден, что господину прокурору вполне приличествовало бы теперь возбудить против поэта Божественной комедии, если бы тот имел несчастье жить в нашу эпоху страха божия и благочестивых нравов, обвинение в подготовке государственного преступления и многих других опасных вещах, по крайней мере, с таким же успехом, как и против нас. Но не один только Данте — государственный преступник. Есть еще и переводчик. Ведь «духовное единомыслие», «единство стремлений» обуславливает, по развиваемой так часто в этом процессе теории виновности, полную солидарность в преступлении. К тому же ведь переводчик этого глубоко преступного произведения написал собственноручно не

---

* Мой перевод. — В. Л.

только одни примечания, провозглашающие право революции, право насильственного возмущения против дурных властей, нет, он, как бы намеренно влезая в петлю прокурорской теории, в предисловии к своему переводу точно говорит: «Данте — мой поэт, мой любимый писатель уже с давних пор»; «высокоморальные чувства Данте привлекают меня бесконечно»; «его произведения наполняют нас чувством глубокого удивления»; «моя любовь к Данте» и т. д. Одним словом, совершенно недвусмысленно: полное «духовное единение» с поэтом. Но кто же это, высказывающий такое «удивление», такую «любовь» к восхвалителю насильственного низвержения монархии в пользу республики, не говоря уже о его прочих грехах? Кто он, считающий себя обязанным в особом примечании прославлять право революции? Вместе со своим писателем он называет себя Филалетом, что точно означает: любитель истины; настоящее же имя его — Иоган, король Саксонии, и юристы восхваляют его, как юриста между королями и как короля между юристами (и то и другое не лезть). Видит теперь господин прокурор, куда ведет его теория? Я упоминал уж при другом случае слова Фуше: «Дайте мне какие угодно строки какого вам угодно автора, и я приведу его к виселице». Точно так же некогда воскликнул храбрый английский епископ: «Слава богу, враг мой написал книгу, теперь он у меня в руках!» Я не знаю, написал ли господин прокурор книжку или только маленькую брошюру. Если да, то я берусь к вящему удовольствию господина прокурора доказать ему, что по логике прокурора Гоффманна писатель Гоффманн является государственным преступником и еще чем-то более худшим.

Но оставим это.

От дальнейшего разбора мнимых улик, выставленных обвинением, я отказываюсь. Шаг за шагом мы проследили приводимые против нас улики, разобрали каждую в отдельности, раскрыли обман, к которому они сводятся. Было бы оскорблением для ума господ судей и присяжных, если бы я захотел снова взяться за этот труд. Уже достаточно повторений мы имели в этом печальном процессе, и самый терпеливый должен выйти из терпения, слыша те же самые жалкие аргументы, тысячи раз повторяемые, тысячи раз

поражаемые и снова тысячи раз выдвигаемые, чтобы снова быть пораженными.

Я займусь теперь только немногими фразами обвинительной речи господина прокурора, чтобы подвергнуть их небольшой критике. Но раньше я сообщу вам письменное объяснение, которое я, находясь под следственным арестом, 15 февраля прошлого 1870 г. ввел в протокол и в котором обвинение охарактеризовано самым исчерпывающим образом.

Объяснение состоит в следующем.

В добавлении, относящемся к протоколу допроса, я позволю себе, в кратких словах, придерживаясь касающейся меня корреспонденции с Брауншвейг-Вольфенбиттелеровским комитетом³⁵, заметить следующее: прежде всего из моей корреспонденции ясно видна моя полная независимость от каких-либо посторонних влияний. Факт этот, ясно видимый из перечисленных писем, имеет в том отношении большое значение и не только для меня, но и при моем положении для всей партии, что, главным образом, опровергает обвинение, будто нами руководили из Лондона, Женевы, Цюриха и т. д. (Я особенно обращаю внимание на различные письма Ладендорфа³⁶ и на одно мое письмо, в котором я сообщаю, что Маркс одобрил мое и Бебеля поведение в рейхстаге, и даже без предварительного сговора, как это видно из письма.)

Дальше в моей переписке с комитетом можно найти не только ненадежнейшую опору для обвинения в «подготовлении к государственному преступлению», но даже прямое и положительное доказательство неосновательности этого обвинения — доказательство, получающее еще большую убедительность благодаря дружескому, даже фамильярному характеру моей корреспонденции. Как раз в момент наибольшего напряжения восстания, в момент, когда преступные намерения, если таковые существуют, должны были быть наиболее безопасным образом приведены в исполнение непосредственно после провозглашения Французской республики, в одном письме, «умеренность» которого должна была признать против своего желания даже шпионская «Zeidler's Korrespondenz»³⁷, я настаивал на переговорах с комитетом, так как обстоятельства затруднительны и

промежуток между «Сциллой долга и Харибдой»³⁸ государственного преступления рискованно мал» — суждение, которое по точному и общему смыслу должно означать не что иное, как следующее: мы желаем посоветоваться, как поступить, чтобы не погрешить ни против долга, ни против закона об измене отечеству, что равносильно государственному преступлению, так как эти два закона в военное время совпадают друг с другом. Далее к этому же мнению прибавлено другое, взятое из предыдущего письма: «Революция может пройти прекрасно и без крестьян, но никакая революция, имеющая против себя крестьян, не сможет прочно утвердиться». Это мнение было направлено против воззрения, которого придерживался господин фон Швейцер³⁹ (королевско-прусский социалист), что социальная революция является исключительно делом рабочих, особенно промышленных рабочих. Я имел в виду при этом конкретный (определенный) случай февральской революции, о неудачах я в то время произнес несколько речей. То, что я всегда обращал внимание на бессмысленность отдельных стычек, видно из заметок к речам, найденным между моими бумагами. В них можно прочесть: «Если рабочие устроят отдельные стычки (или что-то в этом роде, точное выражение, употребленное мною, я не вспомню), то они будут убиты крестьянами, как бешеные собаки. В более резких выражениях не могут быть осуждаемы стычки, схватки, словом, все революционные авантюры». Из вырванной фразы обвинение хотело вывести заключение, что я только против революции без крестьян, но за революцию с крестьянами, и это, связанное с тем обстоятельством, что мы пытались привлечь к себе крестьян, должно было составить «подготовление к государственному преступлению». Употребленные мною выражения ни в каком случае не оправдывают такого заключения, которое я не могу назвать иначе, как произвольным. Я не говорю, что мы хотим устроить революцию с крестьянами, но только то, что революция без крестьян не сможет упрочить своих завоеваний, и этим я высказал только историческую истину, подтвержденную февральской революцией, но не свое или чье-либо желание устроить революцию. А в этом-то ведь все и дело.

И я не только не высказываю подобного намерения, нет, оно само непосредственно следует из смысла этой фразы. Если победят крестьяне, значит, победят три четверти всего народа: если выскажутся они за нас, значит, за нас выскажется большинство, и если и тогда не будет найден мирный исход, то уже не большинство, но выступающее против него меньшинство будет нести вину за могущие произойти насилия.

И если действительно такого рода событие, правда, очень еще далекое от нас — так как победа крестьян требует десятилетий — было бы подведено под категорию государственного преступления, то это значило бы, что государственные юристы имеют в виду не большинство, защищающее свои права, но меньшинство, попирающее эти права. Но, как мы уже сказали, это очень отдаленные возможности, которые пока устраняются из области, если не частных предположений, то официальных функций государственного прокурора. Каждый, беспристрастно и без задней мысли рассмотревший это мое письмо, выведет из него следующее:

- 1) что я противник отдельных стычек и
- 2) что я стараюсь приобрести для нашей партии большинство.

Наша партия по своим целям является революционной, т. е. стремящейся к радикальному преобразованию государства и общества и именно поэтому она является партией агитации, но не за взрывы, задевающие только поверхность государства, а пропагандистскою партией, стремящейся одержать победу распространением вширь и вглубь своих идей, а не ребяческим деланием революции. Здесь я должен особенно обратить ваше внимание на обстоятельство, раньше уж затронутое мною, что характер моей корреспонденции снимает вину также со всех моих товарищей по обвинению и что он опровергает, как мне кажется, особенно ценимую обвинением теорию, будто за нашей открытой организацией скрывалась тайная. Если бы существовала подобная организация, то в моей корреспонденции должны были найтись доказательства ее существования. Отсутствие доказательства равносильно доказательству обратного.

Не лишне при этом вспомнить, что обвинение, конечно, для того, чтобы скрыть удивительный недостаток улики, предъявляется ко мне еще из-за речи, сказанной в Берлине около двух лет назад и направленной исключительно против деспотического полицейско-военного государства и представленной им парламентской комедии *. Если я об этом деспотическом государстве говорил, что оно будет уничтожено на улицах или на полях сражения, то я только высказал этим истину, которая по необходимой логике мировой истории только что обнаружилась во французской империи и точно так же обнаружится несомненно в Пруссии, благодаря политике Бисмарка. Использование этой речи против меня еще тем характернее, что она вся, напечатанная даже в Пруссии, не могла дать повода к моему преследованию; кроме того, она, если даже и подлежала обвинению, то благодаря прусской амнистии прошлых лет вышла «из пределов досягаемости».

После того, как я еще обратил внимание, что план Беккеровского воззвания⁴⁰ к земледельческому населению, обвинение в составлении которого очень тяжело, не был мною принят (он был сначала положен в основание совместно выработанного манифеста, как и было заявлено на Эйзенахском конгрессе⁴¹), но только после своего появления в «Предвестнике»⁴² был напечатан в «Народном государстве» как посторонний документ, после этого я должен выразить свое удивление по поводу сопоставления мнимопреступных статей из «Народного государства». Из десяти номеров политической газеты взять несколько дюжин острых слов и фраз и заключить из этого о тождественности направления — такой же несправедливый поступок, как если бы все непристойные стихи из Шекспировских сочинений заботливо собрать вместе и на основании этого собранного материала объявить всеми признанного высоко нравственного автора Гамлета чудовищем безнравственности. На допросе я уже обратил внимание на то, что приведенные места находятся большей частью в присланных мне документах и письмах; мне остается только прибавить, что часть инкриминируемых бумаг, как, например рабочая

---

* «Политическое положение, социал-демократии».

песнь «Hermegh'a», воззвания Лиги Мира и Свободы⁴³ и т. д., беспрепятственно могли и могут циркулировать по королевско-прусскому государству, и я, как ни старался, но, прочитывая инкриминируемые места, не мог найти в них ничего преступного. С какой тщательностью я редактировал «Народное государство», видно достаточно из того, что в продолжении всего времени войны против меня не было возбуждено ни одного политического процесса по делам печати, несмотря на то, что королевско-прусскому прокурору при его зорком наблюдении не хотелось упускать такого случая.

Вот в чем состояло мое тогдашнее объяснение. К этому протокольному показанию было еще прибавлено несколько слов, выражающих господину прокурору сожаление в том, что весь наш партийный архив попал в руки судей. Это является истинным несчастьем для обвинения, убийственным *embarras de richesses*⁴⁴. Все то, что было предъявлено к нам как доказательство нашей виновности, послужило лишь вдвойне для нашего оправдания — как с субъективной, так и с объективной точки зрения — с субъективной, так как это говорит о доброй совести комитета, который в другом случае мог бы безопасно и к тому же легко применить меры предосторожности; с объективной — и это придает делу юридический характер — так как оно заключает о возможности управления нашей открытой деятельностью тайной организацией и о том, что мы, таким образом, действительно замыслили преступные планы. Если бы это так и было, то в нашем архиве должны были найтись этому доказательства. Однако ни строчки, ни буквы! Собственно, моя дружеская партийная переписка так мало подлежала спору, что господин прокурор конечно отказался от ее прочтения! Разве можно себе представить более сильное *reductio ad absurdum*⁴⁵ обвинения? Воистину, слишком большое счастье иногда несчастье — если бы полиция овладела только частью наших документов, то по крайней мере обвинение могло бы в свое утешение сказать: «именно в недостающих бумагах скрывается доказательство виновности; мы этого доказательства не имеем, но оно все-таки там существует!» Это было бы юридически не корректно — при процессах о государствен-

ном преступлении нельзя допускать этого,— но это было бы в тысячу раз лучше, чем сказать или же быть принужденным сказать: «У тебя в руках все и это все — ничто. Или должен ты по этому ничто доказать государственное преступление или же должен отказаться от обвинения!»

Господин прокурор предпочел первое, и результат налицо: вот уж в течение полумесяца напрасно старается он копировать призрачного конюха французской уличной песни,

qui de l'ombre d'une brosse
brosse l'ombre d'une carosse

ту самую тень конюха, которая тенью щетки чистит тень кареты. Обвинение — это тень, «улики» — тень, наше «государственное преступление» — тень, тень и ничего больше, как тень,— единственное, что в этой теневой картине является не тенью — это господин государственный прокурор, и я поэтому искренне его сожалею.

Вторым не меньшим несчастьем для обвинения является наше присутствие здесь. Простой факт нашего присутствия служит убедительнейшим *argumentum ad hominem*⁴⁶, очевиднейшим доказательством нашей невинности. Мы знали, что все бумаги партии попали в руки правосудия, мы знали, что из Берлина через Дрезден послан приказ нас арестовать как только окончится сессия рейхстага — мы могли бежать, чтобы быть вне пределов полиции, но мы не сделали этого, мы возвратились в Лейпциг и покорно ожидали своей судьбы. И теперь мы стоим перед вами сильными чувством своей невинности, сильные сознанием, что или наше освобождение докажет победу законности над произволом, или же наше осуждение констатирует отсутствие законности. Но первое принесет такую же пользу для нашего дела, как и второе. Мы не боимся, мы не надеемся, но мы уверены в «успехе», выражаясь языком «моды дня».

А теперь обратимся к обвинительной речи господина прокурора. Обвинительная речь достойна обвинителя. Это такой же «уникум», как и весь процесс. Опираясь на «улики», которые доказывают только неосновательность обвинения, господин прокурор предлагает нам утверждения вместо фактов, произвольные предположения вместо строгих

выводов, банальные софизмы вместо логического заключения. Характерно начало речи. «Если мы хотим оценить по достоинству преступные действия обвиняемых, то необходимо обратиться к истории социал-демократического учения».

Этим «крылатым словечком» господин прокурор показал полную свою неприкосновенность не только к логике, но и к юриспруденции. Каждый проступок должен быть осуждаем *сам по себе* — это положение общее, как и в юриспруденции, так и в психологии; оно *является основным положением юриспруденции*. Малейшее отступление от этого положения равносильно расхождению с истиной и справедливостью. Господин прокурор занимался исключительно нашими проступками. Признание, что для их правильной оценки необходима прогулка в область истории социал-демократии, вытекает из признания, что он наши преступления как таковые не может правильно оценить, т. е. выражаясь на иносказательном языке немецкого правосудия, *не может подвести под нож уложения о наказаниях*.

Такое положение равносильно банкротству обвинения и обвинителя. Уж и то было глубокой ошибкой против обычной практики права, что в самом начале процесса против меня выставили историю моей жизни до настоящего момента, фантастически состряпанную — тем недостойнее только является эта попытка обвинить нас, пользуясь *историей нашей партии*. Это было бы чудовищно, если бы не было так нелепо! И почему только историей нашей партии? Почему остановиться на полдороге? Почему не воспользоваться историей всего человечества? Ведь мы все происходим от Адама. Какой великолепный ряд государственных преступников мог бы перед нами развернуть господин прокурор: язычники, иудеи, христиане во главе с глубочайшим преступником Иисусом из Назарета, так как он им был (это так же верно, как то, что он жил), и заметьте это, между ними достаточное количество коронованных особ, начиная многочисленными мятежными иудейскими царями и кончая лишенным престола Георгом Ганноверским⁴⁷, который еще едва ли будет последним в этом списке. Между прочим, господин прокурор вспоминает прекрасно, как близко касалась *его* короля, от имени которого здесь будет произнесен

приговор, подобная судьба. «Во все времена и эпохи существовали государственные преступники; обвиняемые, несмотря на все наши прокурорские усилия, не преследуются еще и до сих пор в этом грешном мире за закоренелую склонность к государственным преступлениям; правда, они всегда приводили это в исполнение с такой, только отягчающей их моральную вину, хитростью, что я не имел возможности предоставить осязаемые улики, но этим смущаться не надо; если мы сошлемся на учение о всемирной истории, то найдем, что при прежних государственных преступлениях улики обвинения, которых я в настоящем процессе не мог найти, существовали в богатейшем количестве; тогда мы тотчас же сможем *подвести под правильную оценку инкриминируемые действия обвиняемых*. Государственный преступник — это государственный преступник — каков игумен, такова и братия — явные улики против прошлых преступников послужат уликами против *нынешних*, и господам судьям и присяжным остается теперь только признать их виновными!»

Нельзя сказать, чтобы это было странно или смешно, нет, все это анатомически разложено на составные части и точно сведено к истинному смыслу того, что сказал господин прокурор. Историю социализма, состряпанную и предложенную нам государственным прокурором, я завешу спасительным покрывалом, за что мне виновник этого необыкновенного действия, вероятно, будет очень благодарен, если ему когда-либо случится свести более близкое знакомство с истинной историей нашего движения. Искушение, правда, очень велико — не только трудно, но даже и невозможно не писать сатиры (*difficile, impossibile satiram non scribere*), но мы ведь не разыгрываем здесь комедии, не забавляемся игрой Judge and Jury *, как это делается в английских кабачках для развлечения гостей, — мы имеем дело с серьезным и действительным процессом, хотя мне и приходится для уверенности в серьезной действительности щипать себе руки и с усилием напоминать себе о серьезной и действительной судьбе, угрожающей каждому из обвиняемых серьезными и действительными годами тюремного

---

* Судьи и присяжные — любимая игра английского общества.

заклучения. Только об одном не должен я забыть упомянуть: господин прокурор не может указать наши преступные действия и *не пытается* это сделать. Он пытается только приписать нам преступные *стремления*, опасные для государства *тенденции*, из которых со временем, *рано или поздно*, могли бы произойти преступные *действия*, за которые нас наказывают вперед. Подобное обвинение противоречит принципам уголовного права, ведению которого принадлежат только действия, но не стремления; оно скорее соответствует теории *тенденциозных процессов*, которых хотя юридически и нельзя оправдать, но которые политикой господствующей партии возводятся на степень судейской практики. Прекрасно — на минуту я стану на точку зрения обвинения, чтобы придать достаточное основание тенденциозным процессам. Итак *допустим*, что государство имеет право в интересах самосохранения подавлять все стремления, опасные или кажущиеся ему опасными. Не является ли в таком случае первой необходимостью тенденциозного процесса — *знание* и обвинителем той тенденции, против которой он заносит карающую руку справедливости — нет, не справедливости, так как с ней ничего общего не имеют тенденциозные процессы, — но грозный меч воображающего себя в опасности государства? По какому праву осуждает господин прокурор наши тенденции?

Он их не знает! Он также не имеет ни малейшего понятия о стремлениях нашей партии. 140 письменных документов, которые он перед нами трактовал, пронесли над ним, не оставив в нем никакого следа. Он смело прыгнул в бездну социал-демократических лжеучений, он в течение 16 дней на наших глазах, — а как долго раньше, этого конечно я не знаю — пробыл в адских водах — и ни одна даже самая малейшая капля их не осталась на нем. Я считал бы это невозможным, если бы не наблюдал подобное у уток и прочих болотных птиц, плавающих и ныряющих в водах, но выходящих всегда сухими из них. То, что наш процесс превратили в тенденциозный — это уже достаточно дурной признак; то, что его допустили вести человеку, не знакомому с нашими тенденциями, — это опускает наш процесс *еще ниже уровня тенденциозных процессов* и раскрывает его происхождение, показывая, что в Берлине его.

колыбель, обнаруживает руку того, кто возвестил государственную мудрость: *сила предшествует праву*.

Дальше! Среди полнейшего отсутствия вещественных улик, окруженный избытком «материалов», господин прокурор — он очень напоминает мне того знаменитого короля древнего мира, который умер с голоду посреди своего золота ⁴⁸, — господин прокурор угощает нас в своей обвинительной речи «революционным фондом».

Я не вижу необходимости опровергать еще раз того, что уже было мною много раз опровергнуто, но я должен выразить свое удивление по поводу того, что господин прокурор может вообще произносить имя Ладендорфа. Он видно не знает, кто такое Ладендорф; он должно быть не знает, что Ладендорф — жертва одного из позорнейших тенденциозных процессов нового времени, жертва гнусного правосудия, которое по своей гнусности может только сравниться с недавним процессом моего великодушного родича пастора Вайдига. Он, наверно, не знает, что Ладендорф в течение шести лет безвинно томился в заключении, что его мучили нравственно и физически, систематически приводили к сумасшествию и, наконец, больного избили до смерти в Берлинской Charité ⁴⁹, — Charité, т. е. caritas, христианская любовь! Он, очевидно, всего этого не знает, иначе, произнося имя Ладендорфа, должен был бы от стыда провалиться сквозь землю. Ладендорф, избитый и растерзанный до смерти на смиренном стуле, Вайдиг, замученный в своей уединенной тюремной келье и еще писавший на стене последними каплями крови обвинение против своих убийц, — вот, господа судьи и присяжные, вот вам тенденциозные процессы, вот что значат тенденциозные процессы!

«По их плодам познаете вы их!» Должен ли я еще терять слова, чтобы заклеить и пригвоздить к позорному столбу тенденциозные процессы, этот ужасный выродок, призванный к жизни абсолютизмом при содействии протигуированной юстиции?

Эти два образа, Вайдиг и Ладендорф, вызванные господином прокурором, в тысячу раз убедительнее и красноречивее всех моих речей и соединяют в себе красноречие Демосфена ⁵⁰ и убедительность Берке ⁵¹. (Берке, сначала

прославлявший французскую революцию, а затем ее оклеветавший, — один из знаменитейших ораторов Англии.)

Я прекрасно знаю, господа судьи и присяжные, что мы не подвергаемся опасности быть избитыми или даже замученными до смерти, но тенденциозный процесс — всегда тенденциозный процесс, и подобно тому, как яд, принимается ли он в маленьких или значительных размерах, чист ли он от посторонних примесей или нет, всегда смертелен, так и тенденциозный процесс всегда убивает справедливость и юстицию, если только она имеет что-либо общее с справедливостью. Здесь имеют силу только *principis obsta* *. Коготок увяз — всей птичке пропасть, и кто попал на наклонную плоскость тенденциозного процесса, тот не остановится, пока не достигнет кроваво-красных столбов Сартари **, у которых мстители за расстрелянных вчера может быть уж завтра будут расстреливать палачей.

Не оставляя трагического без комического, господин прокурор вводит в процесс как веселую противоположность к Ладендорфу г-на Вейриха. Друг Лассалья⁵², некто г-н Вейрих, разъясняет, что Лассаль своим друзьям повторял: «когда я говорю «всеобщее избирательное право», вы должны под ним всегда понимать революцию». Так всегда и понимали Лассалья его приверженцы. Я не знаю г-на Вейриха и потому не знаю, состоял ли он «наперсником» Лассалья, как это утверждает господин прокурор, должно быть знающий его прекрасно. Если Лассаль высказал подобное мнение, то он выразил очень разумную мысль, так как всеобщее избирательное право гарантирует революционный переворот государства и общества. Что Лассаль понимает под революцией, он нам изложил в своих сочинениях с большой ясностью, и его определение прямо противоположно определению господина прокурора и играет на руку не обвинению, а защите. К чему же эта новая ссылка на г-на Вейриха? А вот почему — с революцией Лассалья ничего поделать нельзя, так как он ее точно определил. Но революция Вейриха не может никакими определениями

---

* Здесь дело идет о том, чтобы противостоять принципам.

** Где в 1870 году судившиеся военным судом коммувары были расстреляны версальцами.

Вейриха потерять своего значения для прокурора; господин прокурор может ей придать свое собственное понятие о революции; и таким образом г-н Вейрих — это только переодетый прокурор, желающий этим маскарадом пробудить в судьях и присяжных страх пред революцией.

Какую связь с процессом имеют вейриховские суждения, даже если они представляют в десять раз большее значение, чем то, которое ему желает придать обвинение, и в какой мере они влияют на вопрос о нашей виновности или невинности, это я предоставляю решить господину прокурору со всеми его юридическими познаниями.

Господин прокурор настаивает на том, что мы в Эйзенахе — на конгрессе — собрались только для того, чтобы создать план ниспровержения государства и общества, и что вообще вся наша партийная деятельность — это только постоянное, непрерывное подготовление к государственному преступлению. А если это так, то господа судьи во главе с господином прокурором являются нашими соучастниками.

Господин прокурор может влиять во все стороны, как ему угодно, но он не может скрыть того факта, что весь материал, представленный на этом процессе в самых его мельчайших подробностях, был уже давно всем и всякому известен и что он, прокурор, знает о нас не больше, чем знал это несколько лет назад, по крайней мере, чем два с половиной года. Все послужившее против нас уликами было известно много лет назад всем и совершалось на глазах всего мира, на глазах судей, которые в течение всего этого времени не двинулись и с места. Как это объяснить?

Существует три возможности.

Или судьи не замечали того, что мы преступали законы; в таком случае наша вина не больше вины судей; даже наоборот, наша вина не так велика, как их, потому что от нас нельзя требовать такого строгого, точного знания того, что законно и что нет, чем от судей, специальность которых заключается именно в этом.

Или, во-вторых, хотя судьи и замечали, что мы преступаем законы, однако они терпели такую противозаконность из так называемого «мягкого применения закона». Опять-таки в этом случае мы не виновнее наших судей, которые

фактически своим попустительством берут на себя ответственность за наши поступки и нас укрепляют, таким образом, в дальнейшем шествии по намеченному пути. И разве только: не виновнее? Нет: мы гораздо менее виновны их. Так как применение закона, состоящее в том, чтобы сначала оставлять известный простор для проступков, а затем наказать того, кто воспользовался им, потому что он воспользовался им, это поистине уже не «мягкое применение закона», но гнусное применение его, фактически — вероломнейшая ловушка, все равно, была ли она предумышленной или нет.

Или, в-третьих, наконец, правосудие только потому довольно долгое время смотрело сквозь пальцы на наши незаконные поступки, что ему с самого начала незаконность казалась слишком незначительной для того, чтобы можно было оправдать или сделать полезным вмешательство власти. Поэтому-то они и хотели выждать той поры, когда незаконность наша достигнет такой степени, что нас можно будет угостить уже не маленьким, но грандиозным процессом, который дал бы возможность снести с государственного тела одним смелым ударом ножа «нарыв», за которым так заботливо ухаживали, дабы в нем накопились «гнилые соки».

Что же, господа судьи и присяжные, вы, понятно, со мной будете согласны, что такой образ действий судей не внушает к себе уважения и не может быть назван честным. По отношению к нам здесь была сыграна роль, подобная роли гессенского жандарма, поставленного на посту вблизи площади, на которую вход для публики был воспрещен; этот жандарм вместо заблаговременного предупреждения публики умышленно скрылся, чтобы удобнее захватывать ее *in flagranti** на запрещенном месте, надеясь получить причитывающуюся ему «плату за поимку». Дело это обнаружилось, и остроумный жандарм со стыдом и позором был изгнан со службы. Если существует слово, с которым связано больше позора, чем с каким-либо другим. если существует деятельность, которая больше чем всякая другая возмущает наше нравственное чувство, то это

---

* *in flagranti* — в момент совершения преступления.

слово — *agent provocateur*⁵³, эта деятельность — *agent provocateur*'а. Немецкий язык не мог найти слова для полного выражения всей низости — для самого низкого из низких, он должен был воспользоваться французским выражением.

И если это третье предположение оказывается верным, то наши судьи действовали как *agent provocateur*’or!..

Четвертой возможности нет!

Довольно: если наши уже давно известные судьям и долго ими терпимые преступления действительно содержат в себе государственное преступление, то я заявляю, что судьи, терпимость которых нас ободряла, и особенно господин государственный прокурор, должны занять место рядом с нами на скамье подсудимых и даже как более тяжкие преступники, чем мы, так как они умышленно раздули дело о государственном преступлении. А впрочем, у меня только что блеснуло предположение — не сделал ли господин прокурор открытия, что старое положение: из ничего ничего и выйдет, выражаемое по латыни: *Quod ad initio nullum est, nullo lapsu temporis convalescit* *, в сущности является уже отсталым, отжившим, и что человеческие поступки в течение более или менее продолжительного времени подвергаются особому виду химического процесса, изменяющего их природу, и что они, подобно рейнскому вину или гаванским сигарам, приобретают от долгого лежания силу и аромат?

Может быть, дух государственных преступлений, не заметный сначала на Эйзенахском конгрессе, только постепенно приобрел силу, достаточную для того, чтобы его почувствовал прокурорский нос? Меня действительно очень обрадует, если предположение мое подтвердится и наука обогатится этим химико-юридическим открытием.

Может быть, учение о транссубстанции⁵⁴ господин прокурор переносит в область юриспруденции и думает, что как в руке священника вино превращается в кровь, а хлеб в тело Христово, так и в руках прокурора безвреднейшие политические факты могут превратиться в государственное преступление и прочие ужасы. Чудо не невозможно, ведь видел же я на Лейпцигской ярмарке фокусника — правда,

---

* То, что с самого начала ничто, никогда не будет чем-либо.

это не был прокурор, — вытаскивающего из стакана чистейшей колодезной воды несколько десятков лягушек и жаб. Вот где можно было чему-либо поучиться!

Дальше. Мы говорим: наша партия — партия пропагандистская, и мы стараемся привлечь в наши ряды большинство населения; если на нашей стороне большинство, то значит с нами в противоположность меньшинству и право и возможность переустроить государство в духе наших принципов. С этим не соглашается господин прокурор и говорит: «Большинство не имеет права в противность желанию меньшинства изменять государственный строй. Никакое парламентское решение не имеет законной силы без согласия императора или соответственного владетельного князя».

Это постольку справедливо, поскольку по конституционному кодексу — о разумности или неразумности которого здесь не место говорить — ни монарх, ни народное представительство не могут независимо друг от друга устанавливать законы или предпринимать изменения в государственном строе. Согласно закону народное представительство образует рядом с короной равноценный ей фактор; внутри же народного представительства господствует принцип большинства. Где же существует всеобщее избирательное право, там большинство народа законно призвано к участию в управлении, там это право на участие в управлении признано основным устоем государства. В Германии желание оспаривать право большинства изменять законы вместе с государственным устройством в противность воле меньшинства — не означает ли это объявить всеобщее голосование, являющееся с 1867 года ⁵⁵ основным государственным законом, чистейшим фарсом? Не значит ли это обвинить наше правительство, особенно прусское с его «руководителем государственным мужем», в скандальном политическом лицемерии, приписать им недостойные, глубоко безнравственные, чисто иезуитские намерения провести народ за нос ничего не стоящим призрачным правом? Одно из двух. Или мы имеем честное всеобщее избирательное право как действительность, и тогда большинство народа по господствующему закону может воспользоваться своим правом в государстве по своему желанию. Или же

большинство не имеет этого права, и тогда наше всеобщее избирательное право — фарс. Если мы на основании всеобщего избирательного права пытаемся привлечь большинство и достигнуть, благодаря этому большинству, господства, то этим мы принимаем существующий закон просто, как действительность в то время, как господин прокурор, осуждая наши заключения, объявляет существующий закон простым обманом, «золотыми русалочками и серебряными ундиночками», и этим самым наносит грубейшим образом оскорбление законодателям, отрицая их *bona fides*⁵⁶. Из этого тупика нет выхода.

Но монархи, говорит господин прокурор, монархи, не должны же они подчиняться требуемому большинством народа государственному преобразованию — «этого не думают даже сами обвиняемые!» Против этого я могу с большим правом сказать: государственный прокурор сам не верит тому, что мы государственные преступники, иначе он не пускался бы на такие отчаянные приемы, чтобы сделать из нас государственных преступников. Какое имеет отношение к этому процессу вопрос о том, подчинятся ли монархи добровольно большинству или нет? Это — вопрос их здравого человеческого рассудка, но не нашей вины или невинности. Что нас вообще ожидает в будущем — это так же неизвестно прокурору, как и нам. Но он так же, как и мы, должен был вынести из изучения истории, что не существует власти, способной сохранить надолго государственные и общественные порядки, отжившие свое время, т. е. переставшие быть политической и социальной необходимостью. Сила, с которой все обновленное и обновляющееся стремится и пробивает себе путь вперед, так непреодолима, что даже самые горячие противники преклоняются перед величием этого факта и не препятствуют ходу того, чего нельзя изменить. Приведем бьющий в глаза пример из новейшей истории: удивительный рост, которому подверглись торговля и промышленность в последние 25 лет у нас в Германии, не совершился ли он при господстве убийственной для торговли и промышленности системе, так что с полным правом можно сказать, что немецкая буржуазия вступила в жизнь при господстве своих врагов и достигла в конце концов политической

власти и экономической диктатуры. Подобно тому, как Мантейфель⁵⁷, Вестфален⁵⁸, Бисмарк, ненавидевшие всей своей юнкерской душой торговлю и промышленность, как средство революции, проклинаявшие города и с самого начала желавшие их гибели, в то же время должны были содействовать и содействовали росту и того и другого — просто потому, что не имели достаточно сил плыть против течения; подобно им, может же и монарх понять, что время монархии прошло и что для человека, имевшего несчастье родиться королем в наше время, когда троны являются очень неудобными и небезопасными креслами, гораздо умнее было бы добровольно и вовремя отказаться от трона, нежели ожидать могучего потока, который снесет его и его трон. Разве плохо сделал Максимилиан⁵⁹, сложивший с себя корону, как только он убедился в истинном положении дел на мексиканской земле? История рассказывает нам о монархах, могущественнее всех современных монархов, сложивших вовремя с себя свой сан, отказавшихся от короны, хотя эти короны были блестящее и достойнее нынешних корон. Она нам говорит о Диоклетиане⁶⁰, может быть самом великом по духу римском императоре; она говорит нам о Карле V Гогенштауфене⁶¹, бесспорно самом выдающемся немецком императоре, что можно видеть из его церковной политики. Во всяком случае нет монарха, который не почитал бы за честь стать рядом с Диоклетианом или Карлом V, которому было бы нелестно слыть подражателем этих обоих монархов.

Дальше. Монархия, существующая теперь, является так называемой конституционной монархией. Еще только несколько десятилетий назад наши конституционные монархии были абсолютными монархами, т. е. они правили божьей милостью, с неограниченной властью над жизнью и собственностью своих подданных. От этой неограниченной власти они отказались, поставили себя под сень закона и признали право народа на участие в законодательстве. И вот хоть и скачок из абсолютной монархии в конституционную не такой большой, как из конституционной монархии в республику, но для того, чтобы стать конституционным, абсолютный монарх должен был отказаться от большего, чем конституционный монарх, чтобы стать

президентом республики. Этим я вовсе не хочу сказать, что будущие президенты республик должны быть непременно выбраны из прежних монархов. Монархический принцип приносится в жертву вместе с абсолютным государством — конституционному государству нечего приносить в жертву — разве только одно имя. Как бы там ни было, но предполагать, что монархи должны учиться понимать свое время — вовсе не государственное преступление. Напротив, мне кажется, что господин прокурор, думая, что считать монархов разумными — государственное преступление, совершает если не государственное преступление, то уж самое открытое оскорбление величества.

«Только силой можно осуществить цели социал-демократии» думает господин прокурор. Так думать его дело, и то, что думает господин прокурор, не имеет никакого отношения к процессу. Я думаю: цели социал-демократии постольку осуществляются мирным путем, поскольку наши противники обладают умом и честностью. И прежде всего честностью — *honesty is the best policy*⁶², при разрешении социального вопроса честность является не только лучшей, но и единственно хорошей политикой.

Обвинение — и это должно быть прежде всего установлено — должно иметь дело с действиями и фактами, но не с возможностями и мнениями. То, что мы можем исполнить при известных еще не существующих условиях, никого не касается, то, что мы совершили, подлежит рассмотрению суда. Что случится завтра, о чем я завтра буду думать, не знаем ни я, ни господин прокурор. И я сегодня думаю, что политико-социальный кризис не протечет мирным путем, что он разрешится действительно в насильственную революцию, являющуюся для господина прокурора ужасным призраком. Я так думаю, потому что, опираясь на историю и личный опыт, не верю в государственный ум власть имеющих. Но таким моим мнением не считают себя связанными ни государственный прокурор, ни судьи, и меня за него могут наказать с таким же успехом, как того, кто думает, что говядина ему больше нравится, нежели телятина, или наоборот. И взгляд господина прокурора, что наши цели могут осуществиться только путем насильственной революции, является в юридическом отношении не только не

основательным доказательством, но даже вдобавок совершенно неправильным.

Когда 40 лет назад у нас требовали суда присяжных, то это требование считалось революционным, никогда не могущим быть добровольно исполненным. Теперь у нас имеются суды присяжных, и те, которые его в то время требовали, не сделали, право, никакой революции. Ни одна, даже самая маленькая, самая ничтожная реформа не может быть проведена без насильственной революции, если правительство встречает ее упорным veto⁶³. Вопрос не в том, осуществляются ли наши требования, по мнению прокурора, только путем насилия, но в том, делали ли мы какие-либо приготовления к тому, чтобы осуществить их путем насилия. Конечно, господин прокурор утверждает, что мы делали такие приготовления. Однако в доказательствах он не силен. Вместо доказательств он приводит ложные умозаключения. И еще какие! «В пределах существующего государственного строя осуществление проекта обвиняемых — стремление доказать законность наших принципов господин прокурор называет «проектом» — не имело места. Точка зрения, исходя из которой они хотят уничтожить современные государственные порядки, должна поэтому лежать вне области этих порядков, вне закона. Следовательно, то «преступление», которое они, стоя на такой точке зрения, готовили, было именно подготовлением к государственному преступлению». «Поэтому», «следовательно»? Почему «поэтому», «следовательно»? Потому что господин прокурор, как показал это весь обвинительный процесс, не знает различия между представлениями и фактами. Он смешивает свои представления о «государственном строе» с самим государственным строем, свои политико-социальные склонности и антипатии с законом; и так как наши воззрения, склонности и антипатии имеют несчастье отличаться от прокурорских, то он и ставит нас неукоснительно вне государства, вне закона. Людовик XIV⁶⁴ удовольствовался тем, что сказал: государство — это я. Господин прокурор идет дальше и говорит: государство и закон — это я. По поводу теории Людовика XIV история перешла к обычному порядку дня; по поводу теории государственного прокурора мы перейдем к

обычному порядку дня. Покамест же мы себя рассматриваем еще как членов государства — и как оно несовершенно, — как членов с точно такими правами, какими обладает господин прокурор, и мы предоставляем суду присяжных судить и осудить всю чудовищность того, что нас ставят вне закона. Возведенное на нас обвинение в «подготовлении к государственному преступлению» оставляем мы на долю «Кладдерадача!»⁶⁵ Может быть, господин прокурор при первой возможности возбудит обвинение против тех астрономов, которые утверждают, что земля может когда-либо вследствие столкновения с другим небесным телом разбиться вдребезги; в случае же, если подобной катастрофы не случится, то уж, наверно, она через несколько миллионов или биллионов лет сделается необитаемой вследствие того, что солнце погаснет. Так как в этом случае немецкая империя вместе с королевством Саксонией прекратят свое существование, по крайней мере, с таким же вероятием, как при осуществлении наших принципов, то эти астрономы подобно нам повинны в государственном преступлении, в высшей степени «отдаленном», различаемом только через телескоп, в государственном преступлении, которое должно увековечить имя государственного прокурора!

Теперь обращусь к поэтическому сравнению с «Домом с прекрасным садом»*. Всякое сравнение хромает — гово-

* Соответствующее место прокурорской речи в передаче официального «*Leipziger Zeitung*» гласило следующее: «Представьте себе прекрасный сад, перед которым находится дом. Множество людей приближаются к этому месту, и каждый из них говорит другому: «В том саду заключаются все блага жизни, но дом препятствует свободному проходу в сад. Существует два пути, по которым можно пройти: один — мирный, но не разрешенный владельцами сада, другой — путь силы, путь разрушения дома». Не заключается ли в этом призыв к разрушению государства и общества?» В передаче «*Leipziger Tageblattes*» это знаменитое сравнение гласит так: «Я воспользуюсь примером из повседневной жизни. За домом находится сад, заключающий в себе все блага жизни. Но проход к этому саду загражден домом. Вот приходят люди к владельцу этого дома и говорят ему: «Сравний твой дом с землей, чтобы мы могли проникнуть в сад. Если ты этого не сделаешь, то мы употребим силу!» Совершенно то же относится и к действиям обвиняемых. Эти действия с самого начала до самого конца содержат в себе самое сильное подстрекательство к употреблению насилия»

рит поговорка. Но это сравнение не только не хромает — оно парализовано, и даже на обе ноги. Чтобы сделать его более ясным, между прочим, и господину прокурору, мне необходимо сравнение это перенести в обыкновенную будничную действительность. Сад предназначается для общественных целей; владелец его — для большей ясности примера я отдаю сад, который господин прокурор оставил не принадлежащим никому, владельцу, — владелец этот, которому также принадлежит и дом перед садом, отказывается, оберегая свою собственность, разрешить доступ в сад. Что сделать, чтобы войти в него? Господин прокурор говорит — для большей пластичности, драматичности и рельефности картины я предположу, что господин прокурор — владелец превосходного дома с прекрасным садом — господин прокурор говорит: «Я не дам сада! Я не позволю вам пройти через дом, и тогда вы должны будете или отказаться от вашего плана, или же прибегнуть к силе. В таком случае нам придется биться!» Вы ошибаетесь, господин прокурор: случай этот содержит в себе кое-что другое. Мы не делаем ни того, ни другого; мы с полным спокойствием применяем по отношению к вам законно существующий во всех государствах способ экспроприации — ведь мы всегда за законный путь, и меня удивляет, что вам, официальному представителю закона, этот законный путь не пришел на ум. Вы восстаете против способа экспроприации? Вы возмущаетесь законом вашей страны и оказываете ему по крайней мере пассивное сопротивление?

Во времена хозяйничания Госсмана в Париже я читал в одной английской газете, как одна старая баба, не желая уступать своего дома, вела войну с господином Госсманом. Ей было прислано решение об экспроприации — она разрывает его на куски и бросает клочья в лицо присланного чиновника; получив приказание очистить занимаемый ею дом в определенный день, — она натравливает своих кошек на несчастного судебного пристава. Она торжествует. Но судьба скоро воздает. Определенный день наступает, и на рассвете по направлению к злополучному дому шествует полицейский комиссар в сопровождении четырех дюжих молодцов, а пятью минутами позже удивленные

самены * видят, как четыре служителя нежно выносят из дома на мягком кресле старуху, которая барахтается и кусается, и на расстоянии нескольких сот шагов от дома нежно кладут ее на землю. Уличной молодежи это доставило отличную забаву; ломка дома началась, а старуха, кроме полученной ею хрипоты и насморка, должна была еще заплатить штраф за оскорбление чиновников.

Я не знаю, будет ли у господина прокурора желание подражать этому примеру. Никто его даже и пальцем не тронет — за это я ручаюсь (так как он должен был — что кажется мне все-таки невозможным — употребить серьезное насилие, что повлекло бы за собой серьезные последствия). Мы вежливо и нежно поместили бы его на мостовой, а он был бы совершенно удовлетворен тем, что дал бы повод нам и нашим согражданам к гомерическому веселью на целую неделю, в наши печальные дни — это не малая заслуга.

Но мы слишком долго останавливаемся на «доме» господина прокурора.

Свой главный козырь государственный прокурор прибегает к концу: «если вы не осудите обоих обвиняемых, то этим вы санкционируете непрерывную революцию!»

Прекрасно! Рассмотрим этот козырь поближе и мы увидим, что он фальшив. С ним выиграть нельзя. Беспрерывная революция! Она не нуждается в санкциях господ присяжных. Революция не ждет ни прокуроров, ни присяжных. Вся жизнь — революция «in perpetuum»⁶⁶. Мировая история — это одна непрерывная революция. История и революция — тождественны. Революционный преобразовательный процесс в обществе и государстве ни на один момент не прерывался, так как государство и общество являются живыми организмами и прекращение этого преобразовательного, все обновляющего процесса равносильно было бы смерти. Это поняла социал-демократия, и поэтому она — партия революционная, т. е. партия, задавшаяся целью содействовать естественному развитию государства и общества, устраняя с его пути все мешающие этому развитию препятствия.

---

* Уличные мальчишки.

Господин прокурор, упрямо смешивающий революцию с государственным преступлением, упорно настаивает на том, что когда мы говорим о революции, то подразумеваем государственное преступление, и что на обыкновенно употребляемом языке слово революция имеет другой смысл, чем тот, который мы ему придаем. Какие мнения ставит нам в обвинение господин прокурор — совершенно неважно; но что по отношению к слову революция он горько заблуждается — это я сейчас к его удовольствию докажу. Прежде всего заметим, что в научных определениях — я думаю, господин прокурор не станет оспаривать у нас права быть научными и искать себе опоры в науке — совершенно не имеет значения «обычное словоупотребление», и по очень простой причине: наука возвышается над уровнем «обычного», повседневного, всякому уж известного и, следовательно, не может удовлетворяться обыкновенно употребляемым языком. Наука должна создавать поэтому свой собственный язык, материал для которого она черпает, понятно, из обыкновенного языка, только возвышая его над уровнем повседневного употребления. В предлагаемом случае не раз имеет место отклонение от обычного словоупотребления. Во всей современной французской литературе слово революция наряду со вполне определенным значением насильственного переворота употребляется также в отвлеченном значении всеобщего процесса развития.

И никто не станет отрицать, что наш, немецкий, политический язык, как и наши политические мысли и системы — свирепый патриотизм может лопнуть от ярости — очень много позаимствовали у французов. Относительно языка, обыкновенно употребляемого во Франции, я приведу здесь убедительный пример — особенно убедительный для господина прокурора. Тот человек во Франции, которого меньше всего можно причислить к сочувствующим социализму, так как он больше всех сделал для доказательства своей ненависти к социализму, есть в то же время автор истории французской революции.

Этот человек — Тьер⁶⁷ — наверно, надежный свидетель, который придется по сердцу убийственному для социалистов государственному прокурору. И вот, в первом томе своей, между прочим, сорок лет назад написанной истории

революции по поводу дебатов о совместном собрании всех государственных сословий — о генеральных штатах, *Etats g n raux* — (19 страница издания Брокгауза 1896 года) он говорит:

«На известном съезде (старых генеральных штатов) и по известному пункту голосовали поименно; иногда советовались и решали по областям, но не по сословиям; часто представители третьего сословия были равны по числу соединенным вместе представителям от дворянства и духовенства.

Как же посягнуть на эти старые обычаи?

Не находились ли власти государства в постоянной революции? (*Les pouvoirs de l' tat n'avaient ils pas  t  dans la revolution continuelle?*)

Королевская власть, сначала суверенная (?), затем побежденная и лишенная своей мощи, снова подняла при помощи народа свою голову и, опять присвоив себе все полномочия, представляла зрелище постоянной борьбы между постоянно сменяющимися властителями. Духовенству говорили: согласно духу старого времени, оно не образует никакого сословия; дворянству — только ленный владелец⁶⁸ может быть выбран, благодаря чему большинство дворян было исключено из представительства; депутатам — вы только неверные чиновники короля; всем же: что французская конституция (государственное устройство) была только продолжительной революцией (*que la Constitution fran aise n' tait gu'une longue revolution*), во время которой каждая власть господствовала над другой, что каждое учреждение было нововведением, и что в этом грандиозном конфликте мог решать только разум».

Так говорил Тьер. Все, что он говорил о французской истории и о французском государственном устройстве, относится к истории всех остальных стран и вообще ко всей истории. История всех культурных народов без исключения — это «продолжительная революция». Народ, не переживший революции, не имеет истории, не может называться народом.

Еще одна французская цитата! В предисловии к 18-му тому знаменитого, сорокатомного произведения Бюше и Рукса «Парламентская история французской революции»

имеется следующее место: «христианство — это учение об освобождении; учение о прогрессе — это философия освобождения. Церковное учение разделяется на две различные части: на разрешенную церковью догматику и на положения, установленные теологами. Первую часть нужно уважать; вторая — это наука, могущая быть смененной только еще более высшей наукой. Первым практическим положением учения о прогрессе является следующее: человеческое общество подчинено неизбежному закону, согласно которому оно должно пережить правильное чередование необходимых революций с точки зрения морали (gue les sociétés sont soumises à la loi inévitable de subir une succession de revolutions nicessaires du point de vue de la morale)».

Как это уже видно из приведенного места, авторы «Парламентской истории» — строго верующие христиане. Итак уж христианская ортодоксия вместе с общественно-спасительной политикой свидетельствуют о нашем правильном понимании.

Употребление слова «революция» в этом смысле не ограничивается, впрочем, одним только французским языком. Несколько дней назад я натолкнулся в «Истории Англии» (History of England) английского историка Маколея на следующее место (страница 6 I тома издания Таухница): «Обращение саксонских колонистов в христианство было прежде всего делом длинного ряда спасительных революций (was the first of a long series of salutary revolutions)».

Это вполне ясно. Если бы нужно было, я мог бы вам привести сотни подобных цитат из французских и английских писателей. И не только французских и английских. И у нас в Германии слово революция получило право гражданства именно в том смысле, который мы ему придаем: мой друг, товарищ по обвинению, Бебель в самом начале судебного производства, на третий день, если я не ошибаюсь, хотел привести из государственного словаря Блунчли и Братера — произведение, не могущее быть заподозренным в социализме — место, решительно это доказывающее, но был остановлен насильно председателем суда.

Он приведет его потом.

То, что я хотел доказать, я доказал. Мы не нуждаемся ни в авторитете господ Блунчли и Братера, ни в позволении господина прокурора употреблять слово революция в том смысле, в каком его употребляют все культурно развитые народы. И мы можем требовать от господина прокурора, чтобы он не вкладывал в слово революция другого значения, кроме того, какое мы в него вкладываем. Наше определение должно служить для суда единственным критерием, тем более, что оно нами установлено было не только теперь здесь на скамье подсудимых или во время следствия, но оно, точно выраженное, находилось во всех уж давнишних партийных брошюрах, особенно в брошюрах Лассалья и между прочим в моей так называемой «Берлинской речи».

Словом — я повторяю это — мировая история — это постоянная революция. И каждая попытка затормозить или остановить этот постоянный, непрерывный, совершающийся по неизменным законам процесс общественно-государственного обновления, который обычный язык и наука называют революцией в широком смысле, каждая такая попытка влечет за собой с необходимостью насильственную реакцию изнутри государственного и общественного организма, и эта реакция является революцией в узком смысле, революцией прокуроров, революцией прокуроров в двойном значении: революцией, как понимают ее прокуроры, и революцией, для которой прокуроры так прилежно работают, которую они так прилежно помогают «делать». «Нет ничего революционнее, — говорит англичанин Мэтью Арнольд⁶⁹, — точно так же, как ничего нет противоестественнее идеи все оставить по-старому, так как она противоречит назначению всего созданного: постоянно стремиться вперед». Я не могу отказать господину прокурору в признании того, что он очень «революционен».

Революции прокурора — это маленькие побочные случаи во всеобщей революции. На примере Франции особенно легко и ясно можно узнать, как «делаются» подобные революции: благодаря упорной, неразумной, бесчестной борьбе правящих с закономерным, естественно-необходимым процессом развития государства и общества.

Что имеет значение и силу для великой французской революции, революции *par excellence*⁷⁰, имеет силу и для всех революций. Отдельные личности, как бы они ни были

богаты и могущественны, не обладают необходимой силой для насильственной остановки и всеобщего процесса развития. Такой силой обладают только правительства, и поэтому в истории нет еще ни одной революции, которая не была бы делом правительства *. При хороших правительствах, т. е. правительствах, представляющих совокупный интерес и совокупные интересы всех составляющих государство граждан,— просто невозможна революция. Революции возможны и необходимы при правительствах, или грубо вмешивающихся в процесс исторического развития, или же защищающих интересы только части населения, одного класса, одного сословия, а интересами всех остальных, чаще всего большинства, пренебрегающих, вредящих им, жертвующих ими в пользу интересов привилегированных. Хорошее, разумное правительство руководит потоком волнующейся народной силы по всей стране, организуя и охватывая все области и округа, равномерно распределяя воды системой плотов и орошения. Дурное, неразумное правительство пытается запрудить поток, что неизбежно ведет за собою сильнейшее наводнение, и, в конце концов, оно не воспрепятствует тому, что громады вод снова откроют себе путь, повелительно указываемый им их естественной тяжестью. Между прочим, такие авантюристские правительства еще в последний момент, когда они начинают догадываться о непреодолимости природных сил, пробивают дыру в плотине, чтобы обеспечить потоку безвредный отлив. Следствием этого является только то, что плотина со всем тем, что на ней и вокруг

---

* Берлинский «Kreuzzeitung», главный орган легитимистского царства божьей милостью, в номере от 4 ноября 1873 г. пишет: «Зараженный идеями энциклопедистов, Людовик XVI французский сам передал королевскую власть, покоящуюся на таком шатком фундаменте, революции, которая, как известно, всякий раз начиналась сверху». «Kreuzzeitung», конечно, думает, что Людовик XVI мог и должен был избежать «начать» революцию. Это, выражаясь мягко, невежественная наивность, которая уже словами «всякий раз» получает достойную оценку. То, что случается «всякий раз», есть не случай, не каприз, но закон природы. Во всяком случае мы принимаем признание «Kreuzzeitung'a», что «революции всякий раз начинались сверху». И не только «начинались», но даже и целиком делались. В статье из «Volskstaat'a», приложенной в конце книжки, суждения «Kreuzzeitung'a» подробнее рассматриваются.

нее навешано, гораздо быстрее размывается, чем если бы это было в случае падения.

В конце концов, только правительства обладают средством «избежать» революций и «делать» революции. Каждая революция — это, не говоря уж о прочих худых последствиях, свидетельство об убожестве правительства, при котором революция разражается, которым она допускается и которое за нее во всех отношениях ответственно — даже если и не существует закона об ответственности министров. Каждое правительство, при котором совершается революция, является поэтому дурным правительством.

Довольно. Мы — социал-демократы — не «делаем революций»; мы изучаем революционный процесс развития государства и общества, который и без нашего содействия идет вперед с головокружительной быстротой, а в остальном мы ткем соразмерно нашим силам «на жужжащем станке времени».

«Делать» революции — мы оставляем на долю правительств, императоров, королей, «гениальных государственных мужей», начальников полиции и прочих патентованных и привилегированных спасителей общества и государства, не исключая и господина прокурора, игнорировать общественную деятельность которого в этой области было бы самой черной неблагодарностью. Теперь я покончил с господином прокурором. Еще только одно слово я ему скажу на прощанье: слово одного авторитета — ведь он очень любит авторитеты — знаменитого английского историка, государственного деятеля и юриста, Маколея. В своем очерке о труде Hallam'a «Constitutional History of England» * он говорит (Маколей, между прочим, вовсе не был демократом, не говоря уж о том, что он не был социал-демократом): «Осудить человека, потому что он совершил преступление или потому что предполагают, хотя и не справедливо, что он совершил преступление, — не есть преследование. Осудить же человека, потому что мы из сущности какого-либо учения, которого он придерживался, или из поступков других лиц, придерживающихся того же учения, что и он, выводим заключение, что он хотел совершить преступление, — это уж

---

* Hallam, «История государственного устройства Англии».

преследование, и во всяком случае это глупо и бесчестно (To punish a man, because we infer from the nature of some doctrine which he holds, or from the conduct of other persons, who hold the same doctrines with him, that he will commit a crime, is persicution, and is, in everu case, foolish and wicked)» *.

Итак, этот наш процесс является «преследованием» — все признаки, данные Маколеем, совпадают так, что кажется, будто Маколей писал все это относительно нашего процесса. Если бы я был юристом, то мне стоило бы привести только доказательство, что этот процесс тенденциозен, и моя задача была бы исполнена: процесс был бы судим и осужден. Но мы ведь политические обвиняемые и как таковые должны поднять перчатку, брошенную нашей «тенденции»: мы должны выставить против тенденции тенденцию, нашу тенденцию против тенденции обвинителей, тенденциозный процесс против тенденциозного процесса — социал-демократический против буржуазно-реакционного.

Поэтому я буду еще продолжать мою речь.

Раньше я назвал обвинительный акт господина прокурора «банкротством обвинения и обвинителя». Я хочу быть справедливым. Он совершил то, что мог совершить; и если бы он в десять раз больше сделал, если бы он собрал в тысячу раз лучший обвинительный материал, он не был бы счастливее. Каждый процесс о государственном преступлении равносильен банкротству обвинителя, и нелепость их — это качество, общее всем таким процессам. Борьба с разумом еще безнадежнее, чем борьба с глупостью; а тот, кто начинает процесс о государственном преступлении, своим противником имеет разум. Государственное преступление — это понятие не логическое, не юридическое, и выражение «процесс о государственном преступлении» — это *contradictio inudjecto*, нелепость.

Государственное преступление должно быть преступлением. Преступление — действие, достойное наказания, и действие, в юридическом смысле тем более наказуемое, чем дальше оно простирается, и тем менее наказуемое, чем

---

* S. Macauley, Critical and Historicul Essays, Tauchnitz-Ausgabe, Bd. I, S. 119.

менее далеко оно простирается. Возьмем, например, разбойническое убийство: план подготовлен, нож отточен, засада устроена, но тут является какое-то препятствие, и убийство не приводится в исполнение; если как-либо случайно доказаны план и намерение *would be* (желание, добрая воля) стать разбойником, то в крайнем случае он может быть наказан во избежание опасности для остального общества. Допустим, что преступление удалось; разбойник выпрыгивает из засады, схватывает свою невинную жертву за глотку, но удар неудачен, и в рукопашной схватке удается пойманному вырваться и убежать — если будет открыто *would be* разбойника, то он может быть осужден за покушение, смотря по размерам произведенного насилия, но он не может быть подвергнут наказанию за «оконченное» преступление. Наказание может только тогда быть применимо, когда убийство действительно происходит. Точно то же имеет место по отношению ко всем другим преступлениям и проступкам. Ко всем другим, за исключением одного: государственного преступления. Государственное преступление перестает быть преступлением с того момента, как оно приводится в исполнение. Только еще не приведенное в исполнение государственное преступление — есть преступление. Удавшееся государственное преступление не подходит под уголовные законы — оно само создает законы — уголовный закон карает только неудачу государственного преступления.

Treason never prospers, what's the reason?
When it prospers none dare call it treason!
Государственное преступление не удаётся никогда
какая тому причина?

Если удастся, кто осмелится назвать его
государственным преступлением?

гласит известный английский стих.

Удавшееся государственное преступление сидит на тронах, на министерских креслах, на судейских скамьях. Можно в истинном смысле слова сказать: государственное преступление правит миром. Как старым, так и новым. Американцы? Государственные преступники. Англичане? Государственные преступники, окрашенные в двойной цвет 1649 и 1688 годов⁷¹; во Франции, чтобы не начинать издалека, с 1792 года у власти стоят только государственные преступ-

ники: Конвент, Директория, Консульство, первый Наполеон, реставрированные Бурбоны, буржуазный король Луи Филипп, Февральская республика, второй Наполеон, сентябрьская революция⁷² — все это государственные преступники, и только государственные преступники. В Испании то же самое. В Италии с 1859 года⁷³ сплошное государственное преступление, и ему нет конца — я говорю о троне. В России непрерывное государственное преступление и постоянные убийства. В Австрии осужденный на смерть государственный преступник (Андраши) во главе правительства, а в Германии? А чем же, чем был 1866 год⁷⁴, если не государственным преступлением? Основные государственные законы попираемы, гражданская война в самом разгаре, княжеские короны, употребляемые для игры в кетли, — если это не государственное преступление, то я отказываюсь понимать, что значит государственное преступление.

Из этого государственного преступления произошел северно-немецкий союз — нынешняя Германская империя, против которой мы замыслиаем государственное преступление, — и государственные уголовные законы, по которым нас должны будут судить! Мировая история не лишена юмора. Можно ли придумать более прекрасное *reductio ad absurdum* этого и всех других государственных преступлений? Убивать политических врагов зверски жестоко, но логично с точки зрения логики жестокого зверства. Предавать суду политического врага за государственное преступление так же зверски жестоко, но не логично, так как понятие о государственном преступлении нелогично, так как государственное преступление — преступление против законов логики. Имейте же по крайней мере смелость логики, которая в государственной жизни при обсуждении политических и религиозных вопросов допускает только один выбор между двумя крайностями: или абсолютная свобода, или абсолютное угнетение!

Кто не желает ни того ни другого, тот подпадает под влияние слепого произвола. Где должна лежать граница между свободой и угнетением? Невозможно провести между ними линию, не противореча логике и справедливости. Не понимайте меня ложно. Если я требую абсолютной свободы, то этим я вовсе не хочу, чтобы мне было позволено во имя

политической и религиозной свободы людей наносить ущерб личности или их собственности. Все, что вредит интересам и правам других, есть не свобода, а насильственное злоупотребление, обман и подпадает как обыкновенные, общие преступления под действие обыкновенных, общих уголовных законов. Всякое особое законодательство в области религии и политики равносильно незнанию этого простого факта и затрудняет мирное сотрудничество людей. Всякий карательный закон, направленный не на обычное преступление, есть инквизиционный закон; каждый уголовный процесс, направленный не против обычного преступления, — инквизиционный процесс. Каждое действительное преступление можно подвести под рубрику обыкновенного преступления; так называемое же преступление, которое не подходит под эту рубрику, не есть действительное преступление — оно только преступление по мнению или по капризу законодателя, и к этой категории принадлежат все политические и религиозные преступления и проступки без исключения; поэтому и все политические и религиозные процессы являются без исключения инквизиционными процессами. Смягчающее современное имя инквизиционного процесса — тенденциозный процесс.

Если хоть раз оправдать тенденциозный процесс, то уж каждый и всякий имеет право каждому и всякому устраивать такие процессы; *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) объявлена, только вместо того, чтобы убивать друг друга, обе стороны прячут своих врагов по тюрьмам. Еще не существовало в мире двух людей, которые мыслили бы одинаково — это банальная истина, которую Карл V узнал только перед смертным часом. Одним словом: тенденциозный процесс — это проскрипция, прикрывающаяся мантией позорного закона.

Оставьте нам наши мысли! Не мешайте нам их свободно развивать! Мы требуем немного пространства и *a fair fight and no favor* — честную битву и никакой милости. Там, где существует абсолютная свобода печатного и устного слова и выборов, там не только возможно дальнейшее мирное развитие, но оно несомненно. Меньшинство только тогда опасно, когда угнетается и когда не имеет возможности проявить себя как меньшинство. Никто не станет рисковать своей

жизнью, чтобы добиться силою того, что он может получить добром, и никто не станет на путь силы, если знает, что ему противостоит сила превосходящая и что акт насилия может привести к его собственному поражению. Всеобщее свободное избирательное право дает возможность всем партиям подсчитать свои силы и мирно доказать законность своих стремлений, и в этом лежит его антиреволюционное значение, принимая слово революционное в прокурорском смысле.

Но разве у нас свободное всеобщее избирательное право? Разве есть у нас прочие политические свободы, без которых это право один только призрак? Разве есть у нас гарантии против насилия политических и экономических тиранов над избирателями? Наша партия в сущности своей является партией мира. И не только потому, что мы осуждаем и хотим уничтожить войну между народами и общественными классами, но также и потому, что мы предлагаем средство, и по моему глубокому убеждению единственное средство, достигнуть мирным путем политического и социального мира. Мирное разрешение социального вопроса дает только социал-демократия. Только тогда можно будет смягчить современную, хроническую классовую борьбу, избежать острой кровавой борьбы классов, когда правящими классами будет открыто и честно признано существование зла и необходимость исцеления, другими словами, правота социал-демократического движения, и согласно этому признанию и сознанию они будут поступать. Только тогда осуществится путем реформ и соглашений переход к более совершенной, разнообразной с требованиями справедливости общественной организации.

«Прекрасно, может быть, мне возразят, что обеспечена свобода. но не разнузданность!» Кто делает такую разницу — не желает никакой свободы. Что значит, например, «разнузданность прессы»? Проповедование в прессе учений, их оснований, не нравящихся моему соседу. Но это не дает ему еще права меня угнетать. Пусть он опровергает! «Общественная мораль будет потрясена; не всякий принимающий яд принимает и противоядие».

Милостивые государи, мораль, которая может быть потрясена одной или даже тысячею «ядовитыми» газетными статьями, если при этом обладатели упомянутой морали

имеют свободный доступ и к не «ядовитым» статьям, такая мораль не стоит и ломаного гроша. Разврат общественной морали прессой возможен только тогда, когда развращенная пресса приобрела монополию, благодаря угнетению здоровой прессы, так что народ волей-неволей должен довольствоваться только поддельным товаром, как, например, теперь товаром прусского «фонда рептилий». Если же разнузданность прессы состоит в том, что я призываю к какому-либо противозаконному поступку и действию, например поколотить моего соседа N или же выбросить министра-президента X. вместе с его подчиненными из окна его канцелярии, то в таком случае пусть сосед N или министр-президент X. приносят на меня жалобу в суд и требуют защиты полиции. Но все это не имеет ничего общего ни со свободой, ни с разнузданностью, ни вообще с политикой; это — преступления против обычного закона, которые должны наказываться и преследоваться обычным уголовным законом.

Есть старая поговорка: кто хочет научиться плавать, должен сначала войти в воду. Только на опыте можно научиться опыту. Недостаток опыта вызывает безумные теории, и безумнейшая теория становится безвредной, как только она получает возможность осуществиться. О гранит опыта разбиваются лживые теории и отшлифовывают свои края справедливые. Если бы наши противники считали основные положения социализма ложными, то, наверно, они были бы довольны объявлению Парижской Коммуны, а не метали бы громы и молнии против нее. Так как в то время это значило для социализма: *Hic Rodus hic salta* *, и если бы он не смог перепрыгнуть, если бы он споткнулся и упал пораженным, то социализм был бы убит на все времена, *spectre rouge* ** был бы изгнан — осмеян всем миром. *Le ridicule tue* *** и смешное, к сожалению, не всегда убийственное для отдельных лиц, всегда убийственно для теории и партии. Предоставьте нам полную свободу, и наши учения перестанут быть «опасными для государства»; угнетайте, преследуйте нас, и

---

* Здесь Родос — здесь и прыгни!, т. е. теперь покажи, на что ты способен!

** Красный призрак.

*** Смешное действует убийственно.

они сделаются «опасными для государства», так как, ставя их вне государства, вы тем самым принуждаете их обратиться против государства, вместо того, чтобы, насаждая их внутри государства, неукоснительно стремиться к их осуществлению. Мы не хотим революции, не хотим никакого насильственного переворота, но политика угнетения ведет к нему с неумолимой логикой фактов; а, милостивые государи, если народ принужден будет для своей защиты, для своего самосохранения взяться за оружие, — история ведь не знает других революций в прокурорском смысле, — то сможете ли вы от нас потребовать, чтобы мы позволили себя заколоть, как баранов?

«Но всегда будут существовать сумасбродные головы, которым будет казаться слишком длинным нормальный ход развития и которые захотят его ускорить взрывами и заговорами». Может быть, хоть я и сомневаюсь, так как в действительно свободных странах, как, например, Соединенных Штатах Америки, отдельные взрывы и заговоры неизвестны, и если бы они там и случились, то не принесли бы никакого вреда. Только один раз Штаты находились в опасности, и эта политическая катастрофа дает мне повод к поучительному сравнению. Мятеж рабовладельцев еще у всех на памяти. Для сохранения своих политических привилегий и позорного института рабства юнкерство Южных Штатов схватилось за оружие и пыталось уничтожить великую Западную Атлантическую республику. Это было государственным преступлением в истинном смысле этого слова. Мятеж был подавлен только после страшных усилий. И что же случилось с государственными преступниками? Если они не пали в битве, то находились на свободе. После короткого заключения в тюрьме они были выпущены, так как правительство Соединенных Штатов, исходя из убеждения, что государственное преступление — это такая вещь, которая не имеет ничего общего со здравым рассудком, видело в побежденных мятежниках побежденного врага и как такового не страшилась его. Там республиканское правительство, считающее ниже своего достоинства заключить в тюрьму как государственных преступников людей, сражавшихся во главе полу-миллиона солдат против конституции — здесь мужественная Германская империя со своими полуторамиллионами солдат

боятся трех человек, не имеющих даже ружья, и единственное оружие которых составляет устное и печатное слово! Какой слабой должна чувствовать себя Германская империя! Но к делу!

В республиках — разумеется, я не говорю о таком республиканском подкидыше, как так называемая Французская республика — нечего бояться взрывов и заговоров, так как они беспцельны и бессмысленны, и поэтому всякий разумный человек должен быть против них. Допустим, например, что Бонапарт устроил свое 2 декабря⁷⁵ не в Париже, а в Вашингтоне — в течение получаса полиция и милиция схватили бы его за шиворот и загнали бы его туда, куда Макар телят не гонял; если же бы он при этом случае убил одного или нескольких граждан Соединенных Штатов, то против него возбудили бы обвинение в убийстве и, в случае подтверждения обвинения, его повесили бы как обыкновенного убийцу, по обыкновенным уголовным законам, на обыкновенной виселице. Во Франции он сделался императором. Из этого примера видно, что для известных людей, конечно, было бы очень неудобно, если бы уничтожили различие между политическим и общим преступлениями, или вернее: если бы все проступки, кроме общих, считали болезненными выродками извращенной системы и вычеркнули бы их из свода уголовных законов. Только общие преступления — действительные преступления, в то время как так называемые политические преступления являются насмешкой над правом и так называемая политическая мораль — насмешкой над нравственностью. Допустим, устраивается заговор. Тем хуже для заговорщиков! Они имели бы больше шансов, чем теперь, попасть в тюрьму или в сумасшедший дом. В последнем им давно уж следовало быть. Наверно, уж они не вошли бы, подобно Бонапарту, на трон.

Заговоры пышно расцветают только при деспотизме; при свободе им нет места. Но даже и при деспотизме, даже при условиях, благоприятных их успеху, заговоры не имеют шансов завладеть надолго властью: в большинстве случаев они приводят или к дворцовой революции или к военной. Единственные достигшие успеха заговорщики были люди, или уже фактически обладавшие властью, или же пользовавшиеся значительным государственным влиянием, как

например, Бонапарт и испанские заговорщики-генералы. Может быть мне укажут на февральскую революцию. Без сомнения, до взрыва февральской революции существовал заговор для низвержения Луи Филиппа, без сомнения, заговорщики играли при февральской революции значительную роль, но они были бы тотчас же по окончании битв или убиты или заключены в тюрьму, если бы недовольство правительством не коснулось самых широких масс, недоступных влиянию тайных обществ, и если бы на сцену не выступил народ. То обстоятельство, что заговорщики замыслили низвержение Луи Филиппа, так же мало повинно в февральской революции, как виновен буду я в том, что когда-либо случайно пойдет дождь, если я, выйдя, захвачу с собой зонтик. Старый способ писать историю знаком: все ставить в зависимость только от отдельных лиц, которые по своей воле или сильной рукой, кровью и железом или своим сильным духом, гениальной политикой или заговорами кроют мир по своему капризу. Новейший, философски-критический способ писать историю показал всю неправильность подобного понимания истории; он исходит из того основного положения, что развитие человечества совершается по неизменным законам природы; что история, употребляя выражение Гегеля, не позволяет ни одному человеку перехитрить себя, будь он величайший герой или величайший негодяй; что, коротко говоря, история не делается ни на полях сражений, ни в дворцах, ни в салонах дипломатов, ни в подпольях заговорщиков; что эти официальные деятели истории, если они не мифические фигуры, то рассматриваемые при свете представляють из себя совершенно излишнее, большей частью очень гнусное приложение истории; и что для человечества было бы гораздо лучше, если бы это приложение отсутствовало бы. Всем известен уж старый пример, как современники французского государственного переворота в конце прошлого столетия⁷⁶ относили все его события к разряду заговоров или двора, или герцога Орлеанского и т. д.; разумное понимание истории доказало всю бессодержательность и смешную сторону такого предположения и констатировало, что хотя достаточно было и заговоров, но что заговорщики имели почти столько же влияния на ход событий, сколько кузнецик на движение телеги. Знаю, господа полицейские и

прокуроры еще свято чтут старый способ писания истории и так глубоко еще верят именно в заговоры, что им самим удастся иногда библейское чудо — создать заговор; но я могу одно только сказать: наука не на стороне господ полицейских и прокуроров и выбросила уже давно эту ненаучную теорию в сорный ящик. К сожалению, все же она не в конец еще умерла, как и показал это настоящий процесс. Причина, почему эта теория для практики еще не совсем умерла, лежит в том упорстве, с каким господа полицейские, государственные прокуроры и прочие государственные власти держатся того воззрения, что государство не живой организм, но механическое тело. Это новое доказательство правильности знаменитых слов, произнесенных когда-то одним шведским канцлером, относительно качества разума, которым управляется мир. Государство для них — это автомат, который нужно только завести, машина, которую нужно только отапливать и управлять; и во всех случаях — присутственное место или казарма, где все идет по правилам согласно предписанию или приказу и где каждый должен повиноваться высшему указу. Истинное государство отличается от этого государства, как истинный ландшафт от ландшафта в Нюрнбергском игрушечном театре. Уберите все механические аппараты, все машины, уничтожьте все присутственные места и казармы — истинное государство все-таки останется. Государство именно и есть — все мы; мы миллионы людей, соединенные в одно политическое общество, мы, из которых каждый по-своему думает, действует, работает, поучается, поучает; из которых каждый носит в груди сердце, не позволяющее заводить себя, как автомат, у каждого есть мозг в голове, не позволяющий собой управлять, как машина, — каждый со своими особенными чувствами, своими особыми потребностями, своим особенным идеалом, осуществить который составляет задачу его жизни. Сумма всех миллионов этих сердец, которые ни на минуту не перестают биться, этих миллионов мозгов, которые ни на минуту не могут успокоиться и отдохнуть, этих миллионов взаимно перекрещивающихся желаний, надежд, стремлений, интересов — вот что такое государство. Каждый день создает новые потребности, новые мысли, новые теории, новые системы, новые изобретения, требует новых соковок из соковокницы

знания, прибавляет новые капиталы к накопленному капиталу культуры. И это государство, этот постоянно растущий, постоянно изменяющийся коллективный организм, сложенный из миллионов самостоятельных отдельных организмов, должен ли он пребывать в спокойствии или же двигаться только механически, подобно автомату или машине! Воистину, признать это — значит признать правым того безумного царя Персии, который хотел океан заковать в цепи⁷⁷. Нас называют врагами государства! Нас называют врагами культуры! Конечно, так называют нас те, кто, не зная сущности государства, пытается вогнать его в узкий круг своих представлений и все, что выходит из этого круга, осуждает с фанатизмом тупой ограниченности; те, кто смешивает свои личные, сословные и классовые интересы с интересами всего государства, кто приносит государственные интересы в жертву своим личным, своим классовым интересам; они подобны тем французским садовникам, которые из живых цветов пытались устроить мертвую стену и поэтому всякую свежерастающую ветвь, как не соответствующую их понятию о порядке, как нарушающую порядок, срезали «во имя порядка».

Что государство не есть каменная неподвижная масса — это признают, между прочим, все, интересовавшиеся когда-либо сущностью государства, к какой бы партии они ни принадлежали. Четыре недели назад, 23 февраля текущего 1872 г., здесь в Лейпциге читал лекцию человек, во всех отношениях являющийся нашим антиподом, доктор Лютгард, отличающийся в политической и религиозной области ультраконсервативным образом мыслей, на тему об «Отношении государства к христианству». У меня под рукой имеется номер «Лейпцитского ежедневного листка» со статьей об этом; судя по ней, доктор Лютгард сказал: «Как мы пришли к образованию государства и в чем состоит сущность государства? Государственная форма человеческого существования не будет вечной, как она и не первоначальна. В мировую эпоху «совершенного царства божия» не будет существовать никакого государства, точно так же, как при возникновении человечества существовала такая эпоха, когда еще не было государства. Государство — есть продукт истории». По мнению нашего государственного прокурора, это

определение включает в себе, между прочим, и государственное преступление, так как «совершенное царство божие», в котором не будет существовать никаких государств, а следовательно, и Германской империи вместе с Саксонским королевством, составляет цель стремлений господина Лютгарда. Если кто-либо еще теперь может верить в механическую неподвижность государственного и общественного строя, то этот человек действительно феномен. Он должен быть слепым. Куда мы ни кинем свой взор, всюду быстрая, кипучая смена. Всяду — революция. В научной, экономической, политической области — беспощадный разрыв со старым, разрушение старых догм, теорий, систем, форм, авторитетов. Тысячелетние догматы веры, развеянные в пыль по ветру, устои религии, разнесенные в прах, общество, стремящееся вперед головокружительными скачками; здесь — возникающие из хаоса могущественные государства, там — могучие государства, разлетающиеся, как хрупкое стекло, — кто может говорить тут об устойчивости существующего. Кто может приказать мгновению остановиться? То, что было, не вернется, и то, что есть, не повторится. Или вы думаете, что законы природы вдруг изменятся? Или же человек в силах их изменить, им повелеть: «до сих пор и не дальше; вашему господству пришел конец; теперь царствую я, и мне должны вы повиноваться! Мое здание нетленно, я первый, с тех пор как существует человечество, строил для вечности!» Почти что тысячу лет тому назад, в седые времена средневековья, один монарх пристыдил своих придворных, приписавших ему господство над стихиями, и заставил их сознаться в своей глупости*. И теперь, в XIX столетии, в эпоху революции *rag excellence* считают государственным преступлением, если мы говорим: напаялить на общество смирительную рубашку побежденного прошлого, выставлять минутно существующее, как единственное, дающее право на существование — это достойное наказания безумие; не существует

---

* Канут Великий, король Дании и Англии (умер в 1035 году), вывел своих придворных, уверявших его в том, что он властвует над стихиями, на берег моря во время прилива и приказал ему остановиться. Вода, нимало не смутясь, продолжала прибывать, и придворные, промоченные насквозь, должны были бежать, чтобы спасти свою жизнь.

состояния покоя; мир движется, и мы движемся вместе с ним! Думаете вы, что можно полицейскими мерами и тенденциозными процессами остановить ход естественных законов? Кто на кратере вулкана вывесил бы полицейское объявление: «извержение вулкана воспрещено под страхом наказания», тот по всеобщему приговору достоин был бы сумасшедшего дома, и все же он был бы не менее неразумен, чем те, которые хотят втиснуть макрокосм (великий мир) человечества в микрокосм (ничтожный мир) их узкого мозга, и каждый протест, каждое сопротивление этому воспрещают «под страхом наказания».

«В движении и бытии нет покоя, природа предала покой своему проклятию!» Да, своему проклятию! Это сильно сказано. Не правда ли? И кто так говорит? Гете. И человек, такого же могучего, такого же необъятного духа, Александр фон Гумбольдт⁷⁸, прилагает слова Гете ясно к политической жизни (Kosmos I, стр. 34): «В жизненной судьбе государств происходит то же самое, что и в природе, для которой, по глубокомысленному изречению Гете, «в движении и бытии нет покоя и которая предала своему проклятию всякий покой!» И несколькими строчками ниже Гумбольдт прибавляет: «Там, где под защитой мудрых законов и свободных учреждений *все* цветы культуры одинаково пышно расцветают, там в мирной борьбе ни одно стремление духа не опасно другому». Золотыми буквами должны быть занесены эти «золотые слова» в кабинеты государственных деятелей, в залы законодательных собраний!

Чего достигают процессами, подобно нашему, систематическими преследованиями нашей партии. Нас укрепляют! Нас укрепляют в убеждении того, что мы правы. Нас не преследовали бы, если бы нас не боялись. И почему, спрашиваем мы противника, почему вы боитесь нас? У нас нет денег, нет солдат, мы лишены всех средств внешнего могущества. И если бы мы даже имели миллионы денег, вы могли бы нам противопоставить миллиарды, если бы у нас были сотни тысяч выдрессированных солдат, вы могли бы выставить свои миллионы. Почему же вы боитесь нас? Чего боитесь вы в нас? У нас нет ничего, кроме принципов, кроме идей — и наши принципы, наши идеи устрашают вас, так как вы не можете им противопоставить никаких идей,

никаких принципов и поэтому вы желаете вырвать их с корнем, пользуясь вашей грубой силой. О, господа, то, что скрывается в наших головах, вам не уничтожить — и не потому, что дух бессмертен, но потому, что находящееся в наших головах принесено извне и вне нас будет жить, если даже голова наша отлетит. Еще никогда не удавалось гильотинировать или расстрелять идею, и ваш страх — это произвольное, вами самими неосознанное признание этой истины. «Мысли свободны, как птицы», говорит народ, они не знают ни пограничных столбов, ни платбаумов, они перелетают через тюремные решетки и через штыки, а иногда и на штыки. Вы смеетесь над наивностью мужичка, заградившего ногою источник Дуная и воскликнувшего с удовольствием: «Как будут удивлены в Вене, когда течение Дуная прекратится!», но разве умнее его те спасители государства, которые думают осушить русло социал-демократического движения, прекратив собрания, запретив союзы и так называемых «вождей» и «главных смутьянов» попрятав по тюрьмам. Дунай получает воду не из одного только источника, но из сотен тысяч их; а запрудить все эти сотни тысяч источников — ребячество, равное стремлению подавить духовное движение, которое, черпая свои силы из почвы фактов и сознания права, пустило глубокие корни в сотнях тысяч сердец и, если бы вы расстреляли военных судов прекратили биение всех этих сотен тысяч сердец, то на крыльях мученичества было бы перенесено оно в миллионы бьющихся сердец, где оно и жило бы до полной своей победы.

Перелистайте книгу истории. Найдете ли вы хоть один пример успешной политики угнетения? Хоть одну победу силы над идеей? И наоборот, не найдете ли вы, что каждая попытка угнетения увеличивала мощь угнетаемого движения, ускоряла его победу? Правда, существовали движения, не достигшие своих целей, но вовсе не потому, что им были враждебны власть имущие, но потому, что они не были обоснованы общественными отношениями и поэтому были чужды народным массам. Наше движение не представляет исключения из общего правила: если оно преследует ложные цели ложными средствами, то его собственные заблуждения сведут его в могилу; но никогда этого вы не достигнете вашими преследованиями. И если наше дело — дурное, как вы

это утверждает, то существует одно средство сделать его, по крайней мере на время, хорошим: преследуйте нас! Каждый акт насилия над нами придает нам больше силы, увеличивает число наших приверженцев. Этот процесс имеет для нас больше значения, чем десять лет усиленной пропаганды. Каждый человек по природе своей мятежник: он инстинктивно возмущается грубой силой и вступает за ее жертвы, даже если эти жертвы — обыкновенные преступники. Никогда в Англии не были так часты фальшивомонетки, как в те времена, когда их беспощаднее всего приговаривали к смерти: виселица окружала фальшивомонетчиков ореолом геройства, делала из них мучеников. И вы хотите «сравнять с землею» движение, в конечной цели которого все угнетенные и оскорбленные, все потрязанные в нищете и страданиях сыны труда видят осуществление прав человека, свое возвышение до уровня достойного человеческого существования? Ну что ж, почтите! Здесь вы растаптываете пламенные языки, смотрите там, позади вас, впереди, вокруг, всюду выступает новое пламя; это пламя подземное, которое вы потушить не сможете, ибо почва, на которой вы стоите, пылает. Вы думаете, что это не соответствует естественному положению вещей. Хоть вы и не верите, подобно вашим прадедам, судившим ведьм, в волшебство, но вы верите в заговоры, в тайные организации, в искусственное «устройство» движения. Не удивительно, что вы, подобно детям, ищущим позади зеркала свое изображение, хватаетесь за пустое пространство. Что вы видите и за что вы хватаетесь — это только обманчивый рефлекс ваших ложных представлений. «Заговорщиков», «потрясателей», «агитаторов» — их вы хотите убрать? Уберите каждого фабриканта, обогащающегося за счет неоплаченного труда своих наемных рабов. Уберите каждого помещика, который злоупотребляет рабочей силой сельского батрака, который присоединяет к своим угодьям поля обедневшего мелкого крестьянина. Уберите каждую новую машину, которая революционизирует промышленность и земледелие, способствует производству, разоряет производителей, увеличивает национальное богатство и заставляет терпеть голодные муки Тантала⁷⁹ всех творцов этого национального богатства посреди созданных ими сокровищ! Уберите правительства и законодательства, толкнувшие

мелкое ремесло на путь свободной конкуренции полным уничтожением цеховых рамок, на тот путь, где они должны были сделаться добычей крупной промышленности, подобно тому, как когда-то обезоруженный и брошенный в римский цирк христианин становился добычей нумидийского льва!

Уберите все железные дороги, электрические телеграфы, пар, уберите самих себя, уберите судей и присяжных, уберите все и вся, так как это все и вся носит на себе печать революционных эпох и так как каждый несет с собой революционный яд, если не в плоти и крови, то уж, наверно, в своей одежде!

Теперь обратимся к другому пункту, существенному для нашей защиты. Нас обвиняют в «подготовлении к государственному преступлению», а не в наших социалистических воззрениях и стремлениях. Но, господа присяжные, хотя обвинение и политическое, все же девять десятых всего обвинительного материала трактует о наших социалистических воззрениях и стремлениях, и не может подлежать ни малейшему сомнению, что эти девять десятых, не составляющие собственно обвинения, вмешаны сюда с единственною целью придать последней десятой части, трактующей о политике и не лежащей на нас обвинением, ту тяжесть, которая бы нас придавила. Против нас устраивают политический процесс из политических соображений — в нашем лице сжить со света политических противников. И так как мы в политическом отношении неуязвимы, так как нас нельзя сделать виновными в каком-либо преступлении, оправдывающем обвинение в государственном преступлении, то они и пытаются нас растереть в порошок ненавистью к нашему социализму. Что именно это является целью обвинения, следует из того беспримерного факта, что в обвинительном акте прокурора под уличающим нас материалом фигурируют разъяснения «Volksstaat'a» о Парижской Коммуне, обоснованные, как известно, во время нашего подследственного заключения! Что событие, состоявшееся так очевидно без нашего прямого или косвенного участия; что разъяснение, данное об этом событии, данное полгода спустя после нашего ареста и начала процесса, что такое событие и такое разъяснение имеют столько же места в нашем процессе, сколько человек на луне, этого не мог не знать господин государственный про-

курор; так же он не мог знать, что хотя этот материал юридически и лишен какого-либо значения, но все же при том ужасе, какое внушало огромному большинству населения одно только слово коммуна в то время, когда составлялся обвинительный акт,— 21 июля прошлого года — от этого материала можно было ожидать значительного «морального» воздействия. Правда, соответствующий материал не мог быть использован в процессе, но намерение такого использования все-таки существовало и, мотив, лежащий в основании этого обвинения,— несмотря на то, что ни в каком другом случае он так резко не выступал — красной нитью проходил по всему обвинению. Поэтому мы должны как от самих себя, так и от лица представляемой нами партии показать всю неосновательность этого изложением наших принципов и стремлений. Я знаю, что судебный зал — не академическая аудитория, и поэтому ограничусь только необходимым очерком. Мы — социалисты, прекрасно! Коммунисты, прекрасно! Являемся ли мы поэтому моральными чудовищами, которых, как стоящих вне человеческого общества, необходимо объявить вне закона, как сказал это господин прокурор, и истребить, как истребляют вредных обществу хищных зверей! Конечно, нас уж выставили подобными чудовищами, и я пойду только дальше и скажу: если бы мы были теми, за кого нас выдают наши партийные враги, то человеческое общество принуждено было бы нас истребить из чувства своего собственного самосохранения и, следовательно, было бы право. Так как необходимость есть право. Но голос партийной ненависти не должен иметь себе здесь отзвука, этого требуем мы; и мы требуем того, чтоб нас судили потому, что мы сделали и что мы представляем из себя, но не по тому, что приписывает нам и что клеветает на нас слепой страх.

Наказывайте нас не за клевету наших врагов. Итак, мы виновны в социализме, т. е. мы виновны в желании братского равенства между людьми в обществе, так как социализм не проповедует ничего другого, как это. Мы виновны в коммунизме, т. е. мы виновны в стремлении к государству, которое, соответствуя идеалу величайшего мыслителя средних и новых веков, с одной стороны, подчиняет интересы отдельных лиц интересам всего общества, а с другой, содействует при помощи всего общества интересам каждого:

так как именно это и ничего другого не проповедует коммунизм. Мы виновны в стремлении к государству, которое обеспечивает возможно лучшее благосостояние граждан, которое — культурное государство в высшем значении этого слова — благодаря разумным и справедливым учреждениям, а особенно благодаря системе воспитания, развивающей все способности и дающей истинное образование, подымает культуру, являющуюся для него государственною целью, всеми имеющимися у него силами и обеспечивает равномерно каждому гражданину все блага культуры. Основание всякой культуры — труд. Своим существованием и своим достоинством обязаны мы труду. Трудом мы обязаны всем. Не нашему личному труду, незримо малой части всего, но всеобщему, общественному труду. Очень возможно — и мы наблюдаем это довольно часто — наслаждаться благами культуры, не прибегая к личному труду; но положительно невозможно даже самому трудолюбивому, самому производительному работнику при самом усиленном труде жить культурным человеком без помощи всеобщего общественного труда, так как он, труд этот, создал прежде всего культуру, без которой мы остались бы животными, но не людьми. Отсюда ясна коммунистическая природа, общественная сущность труда, на которой покоится государство и общество.

Этим коммунистическим характером труд всегда отличался: как труд древних рабов и средневековых крепостных, так и труд современных наемных рабочих. Но продукт этого труда этим свойством никогда не отличался; не отличается он и теперь; древний раб работал для своего владельца; средневековый крепостной для своего помещика, а современный наемный рабочий для капиталиста. В этом скрывается противоречие, в этом — несправедливость, прекратить которую является целью социал-демократии. Общественно-коммунистический характер труда должен быть распространен и на продукт этого труда; продукт труда должен быть собственностью рабочего; труд должен быть отныне не общностью страданий, а наслаждений.

Теперь ясно, как смешон упрек в том, будто мы хотим уничтожить собственность. Не собственность должна быть уничтожена, но лишние собственности, ложная собственность, являющаяся присвоением чужой собственности: обществен-

ное воровство. Экспроприация экспроприаторов, как назвал это Маркс. Впрочем люди, признавшие и принявшие христианство, не имеют права вопить против «дележа», так как Новый завет проповедует коммунизм в самой «грубой», первобытной форме, и первые христианские общины, сохранившие «совершенно чистые учения», произвели «дележ» с большей основательностью, распространив его также и на женщин.

Рассмотрим современное положение. Кто станет отрицать, что большинство людей живет в самых ужасных условиях и что только меньшинство поставлено так, что имеет средства к достойному человеку существованию? Всех сомневающихся я отсылаю к статистике, цифры которой не допускают противоречия и могут быть игнорируемы только по невежеству или из злого умысла. Но экономическое неравенство — еще не самое худшее: труд создает все богатства, и если бы те, кто работает, были бы богатыми соразмерно своему труду, а те, кто не работает, бедны, то это неравенство имело бы известное оправдание. В действительности же происходит совершенно обратное.

Как и объясняет с ясностью, не допускающей сомнения, буржуазный политикозаконом Джон Стюарт Милль, очень почитаемый нашими противниками, что в современном обществе все богатства распределены в пропорции, обратной количеству произведенного труда. Тот, кто работает больше всех — имеет меньше всех; кто работает мало или совсем не работает — имеет много. Нищета — за труд, богатство — за безделье. Рабочие, создающие так называемое «национальное богатство», лишены какой бы то ни было его части: оно является монополией бездельников. Благодаря этому неравенство сделалось возмутительной несправедливостью. И это неравенство — клеймо нашей хваленной цивилизации, клеймо, которое всякий, обладающий хоть искрой чувства справедливости, должен стараться уничтожить. Паллиативные меры⁸⁰, задевающие только поверхность и устраняющие только симптомы, ухудшают зло; оно должно быть схвачено за корень и вместе с корнем должно быть вырвано. Все богатства — плоды труда, учит политическая экономия; труд должен пожинать плоды труда! — требует справедливость. требует социал-демократия. Современная несправедливость

происходит оттого, что рабочий производит не для самого себя, что он должен продавать себя за заработную плату капиталу, которым и «эксплуатируется». Одним словом: она вытекает из системы наемного труда. Современная несправедливость может быть устранена только тогда, когда рабочий перестанет работать на бездельника и когда он будет работать для самого себя. Труд отдельных лиц не продуктивен: работа должна быть общественной. Итак, общественный труд для пользы отдельных лиц, общий труд и общее пользование плодами труда.

Вот чем мы хотим заменить нынешнюю систему злоупотребления. Социалистическая ассоциация вместо наемного труда! Но куда денется капитал? Он должен принадлежать труду. Нет капитала вне труда! Должен существовать только один капитал — для труда. Шарлатаны утверждают, конечно, что капитал так же производит ценности, как и труд — испытать это на деле легко: пусть все капиталисты свои капиталы и капиталы всего мира соберут и сложат в одну кучу; увеличится ли эта куча после какого угодно срока хоть одним грошом новой ценности, и, наоборот, ценность ее не уменьшится ли значительно? Капитал — не только дитя труда, он не может также ни расти, ни продолжать существовать без труда.

По отношению к труду капитал не обладает никаким правом, в то время как труд по отношению к капиталу обладает правом собственности. Господствующий способ производства перевернул естественные отношения между трудом и капиталом и сделал труд рабом капитала. Или наша система наемного труда — не рабство? Разве современный наемный рабочий свободнее древнего раба, хоть он и может менять своих господ? Разве голод не привязывает его беспощаднее и сильнее к труду, чем самые сильные железные оковы? «Все же, — говорят нам часто, — рабочие теперь находятся в положении гораздо лучше, чем в прошлые века». Верно ли это утверждение или нет, я не стану разбирать. Даже если оно верно, то оно еще ничего не доказывает. Рабочий, социал-демократ, требует не лучшего положения, но равного положения. Он не хочет дольше других работать; он хочет, чтобы каждый пользовался равномерно плодами труда, благами культуры. У него еще достаточно логики и

чувства справедливости, чтобы не требовать для себя привилегированного положения, но он не хочет занять подчиненного положения.

Не к состраданию апеллирует социал-демократия, но к настоящему интересу общества. «Каждая вина мстит за себя на земле» — и месть соответствует вине. Общественная несправедливость сильно мстит за себя обществу.

Все без исключения политические и социальные катастрофы и бедствия можно объяснить этой единственной первоначальной причиной. Общественная несправедливость — это шкатулка Пандоры⁸¹, откуда нескончаемым роем вылетели все бедствия, все несчастия, все болезни общества. Что вызывает те разрушительные кризисы, которые периодически, со страшной регулярностью потрясают храм буржуазного благоденствия, останавливают торговлю и промышленность, несут с собою разорение и нужду в самых широких размерах, что иное, если не современная система производства с ее эксплуатацией труда, ее безумной конкуренцией, ее головокружительной бессмысленной спекуляцией? Что толкает рабочего к стачкам, что гонит его в момент безумного отчаянья на баррикады, что — если не чувства выстраданного бесправия? Разве существует хоть один мятеж, одна революция, для которой социальные бедствия не доставили бы борцов? Война — разве можно себе представить, чтобы народы друг другу перерезали горло, если бы каждый гражданин под защитой справедливых учреждений мог пользоваться плодами своего труда? Чума — спросите врачей, возможны ли эпидемические болезни при здоровых, т. е. нормальных общественных условиях? Преступления — спросите судей, сколько останется преступников, если устранить нужду и недостаток воспитания? Ни одного! Разве только невменяемые идиоты и сумасшедшие. Нас так охотно называют разрушителями. Что же, разве вы хотите сохранить торгово-промышленные кризисы? Разве вы хотите сохранить классовую борьбу во всем ее объеме, начиная с бескровных стачек и кончая яростной уличной битвой? Разве вы хотите сохранить мятежи, революции — в прокурорском смысле, — войны, чуму, преступления? Прекрасно, тогда вы сохраните современное общество со всеми его несправедливостями — откуда это будет возможно. Но не надолго! Скоро придет

то время, когда несправедливость делается экономической и политической невозможностью, а справедливость — необходимостью.

Дальнейшее существование современного способа производства несовместимо с дальнейшим существованием общества.

Капиталистическое крупное производство было прогрессом, теперь же оно сделалось препятствием к дальнейшему прогрессу. Оно больше не отвечает экономическим потребностям общества, т. е. совокупности всех людей, но не ничтожного меньшинства привилегированных, охотно называющего себя «обществом». Не говоря уж о несправедливом распределении продуктов труда, оно неспособно доставлять все необходимое всем членам общества для их достойного существования, и только потому уж современный способ должен быть заменен высшей формой производства, которая могла бы исполнять эти условия. И этого достигнет только всеобщее общественное производство, социалистическая организация труда, которая обратит сконцентрированный совокупный капитал на пользу всех людей. Глубокое заблуждение, вытекающее из смешения общества с привилегированным меньшинством, с господствующими классами, обвинять нас в стремлении низвергнуть все существующее, сделать *tabula rasa*⁸², чтобы тогда на обломках всего можно было воздвигнуть фантастическое новое здание. Мы хотим только устранить то, что мешает здоровому, разумному развитию общества, мы хотим только осуществить то, чтобы интересы громадного большинства не приносились в жертву интересам меньшинства и чтобы вместо привилегий отдельных лиц, вместо политико-социальной монополии на степень высшего закона государства и общества были вознесены права и интересы всех, общественная справедливость. То, что пережило самое себя, что больше не удовлетворяет все возрастающим культурным потребностям общества, должно перестать отнимать солнце и воздух от несущейся вперед новой жизни. Мы хотим дальнейшего органического развития нашей культуры, развития, которое было задержано современным классовым господством. Кто требовал бы теперь уничтожения машин, введения средневековой мелкой промышленности, того считали бы безумцем, так как каждый

человек знает, что мелкое производство сменила высшая, более продуктивная система производства — крупная промышленность. Кто же сказал бы в средние века, ну хотя бы в половине прошлого века, что мелкое производство слишком дорого и слишком невыгодно, что оно должно быть снесено с лица земли промышленной революцией, которая приведет к господству новую систему производства, тот был бы назван ну приблизительно тем же, кем нас называют теперь. Кто через пятьдесят лет желал бы вторичного введения нынешних порядков, тому угрожала бы опасность свести близкое знакомство с сумасшедшим домом. А мы, мы, требующие преобразования современных порядков, мы находимся в опасности свести близкое знакомство с тюрьмой. И все же так же несомненно и так же необходимо, что современный способ производства будет вытеснен высшей формой его, как и средневековый был вытеснен нынешней. Не мы являемся утопистами, идеалистами-мечтателями, как нас часто называют, но те являются ими, кто преходящие формы считает вечными и которые думают о возможности сохранить их насильственными мероприятиями. Коммунисты, говорит коммунистический манифест, который должен был фигурировать как материал для доказательства нашей вины, не выставляют какого-либо особенного принципа, под который они хотят подвести пролетарское движение. Теоретические положения коммунистов никоим образом не покоятся на идеях, на принципах, изобретенных тем или иным преобразователем мира. Они являются только общим выражением реальных отношений в существующей классовой борьбе, в происходящем на наших глазах историческом движении.

В таком понимании событий наука на нашей стороне. Грубошарлатанская манчестерская теория, проповедующая полное невмешательство в жизнь капиталистического хозяйства и лечение зол современного производства современным же производством, решительно осуждена независимой наукой, которая признала *raison d'être*⁸³ социализма. Послушайте, например, что говорит г-н фон Шеель, профессор государственных наук в Бернском университете в своей недавно появившейся книге «Теория социального вопроса» (стр. 12): «Владение и труд стоят теперь отдельно и свободно друг подле друга; первое самостоятельно благодаря

своему праву собственности; последний, труд, обладая правом приобретения собственности где и как ему угодно. Но если кто-нибудь, ничем не владеющий и наделенный только рабочей силой, вступает в новый строй и ищет объекта для своего труда, то он находит таковой в виде собственности, разделенной между владельцами на основании исторически данных отношений; он видит себя таким образом в пользовании своей рабочей силы зависимым от этих последних. Юридическая форма этих отношений, правда, оказывается здесь исключительным правом владельцев на орудия труда по отношению к рабочим, но экономически становятся они зависимыми отношениями, так как обладание средствами производства в одно и то же время означает обладание средствами пропитания. Обладание придает экономическую силу и превосходство над голой рабочей силой, которая не способна на сохранение, не способна жить без средств пропитания; и по чисто экономическим причинам владелец скоро даст почувствовать это свое превосходство. Итак, здесь начинает развиваться народное хозяйство, предоставленное по принципу свободы и равенства самому себе, заключающееся в ней предрасположение к несвободе и неравенству. Но собственность противопоставляется не только труду как особенная власть, собственник — рабочему, но также собственность противопоставляется собственности, собственник — собственнику; потому что опять-таки на основании исторически существующих отношений собственность проявляется в различнейших по величине размерах: рядом с владельцем квадратных миль владелец необитаемой хижины; миллионеры-негоцианты рядом с жалкими мелочными лавочниками; фабриканты, в распоряжении которых тысячи рабочих, рядом с выбивающимся из сил мелким хозяином. Все это владение наделено одним и тем же правом собственности, гарантирующим как крупному, так и мелкому одну и ту же свободу; оба могут на одинаковой почве права стремиться к экономической реализации. Но в сущности экономически потребляемой собственности, т. е. капитала, лежит то, что его экономическая сила увеличивается в прогрессивной пропорции к его величине. Большой капитал имеет те выгоды перед меньшим, что он, во-первых, по различным всем известным причинам дешевле производит, а во-вторых,

благодаря своему большому влиянию на рынок его продукт скорее превращается в деньги, и, в-третьих, от доходов предприятия меньшая часть может идти на его личные потребности, большая же на продолжение и расширение предприятия. Таким образом, большая собственность обнаруживает превосходство над меньшей, и, следовательно, народное хозяйство, предоставленное самому себе, порождает новый элемент неравенства и несвободы. Все эти действия в различных отраслях народного хозяйства проявляются различно, но проявляются всюду. И каковы, видим мы, результаты этой нашей характеристики современного общества. Не прибегая ни к каким дальнейшим доказательствам, мы могли бы показать, что общество свою задачу видит в проведении равенства и свободы всех ее членов, как основное условие высокого культурного развития всех. Для доказательства истинности мы можем сослаться на сознание всего общества, на весь ход новейшего законодательства. И если кто-либо нам возразит, что это относится только к проведению свободы, но не равенства, то мы сможем обратить его внимание на то, что свобода без равенства означает только свободу сильного, так называемое право сильного. И значит, таким образом, современное общество заключает в себе противоречие. Хотя противоречие это красной нитью проходит по всему обществу, однако не на всех оно одинаково отзывается, не всеми оно одинаково сознается, и то, что для общества оно превращается в социальный вопрос, совершенно понятно. Так как противоречие это прямо состоит в развитии отношений господства и зависимости, в созидании благоприятных и неблагоприятных условий и положений, в развитии классовых противоречий, то поэтому действие его для различных слоев общества различно: оно благоприятно для одних, неблагоприятно для других. И отсюда вытекает реальный интерес одной части населения стоять за него, другой — против него; с одной стороны, желание сохранить его, с другой — желание устранить его. И благодаря этому социальный вопрос превращают в классовый вопрос и — поскольку дело идет об утверждении господства одной стороны — в вопрос власти; поскольку же никакая высшая власть не выступает между ними посредником, он вырождается на практике в классовую борьбу. Он уж давно в нее «выродился»!

«Рабочий вопрос,— говорит Шеель дальше (стр. 104),— это вопрос спора между слабыми и сильными; поэтому он нуждается в регулировании властью более сильной, которая должна стать посредником между этими двумя сторонами, в пользу первых».

Этой «более сильной властью» может быть, как Шеель совершенно согласно с нами и признает, только государство. И вне этого посреднического вмешательства государства в пользу «более слабых», т. е. рабочих, Шеель не видит — и вполне справедливо — никакой возможности мирного реформаторского разрешения социального вопроса.

Что же делает теперь государство? Вместо того, чтобы помогать «слабым», оно содействует сильным! Вместо рабочих оно помогает капиталистам! Вместо угнетаемых — угнетателям. И поэтому само государство сделалось партией, классовым государством вместо того чтобы быть народным, вместо того чтобы прекратить общественные противоречия, оно обостряет их; вместо того чтобы положить предел классовой борьбе, оно разжигает ее.

И все-таки, современное государство, как оно ни полно по своей природе противоречий, фактически признало введением фабричного законодательства, как оно несовершенно и недостаточно, свои обязанности по отношению к рабочим в их борьбе с эксплуатирующим капиталом. Признание социализма лежит дальше в попытке, совершенной и совершаемой некоторыми правительствами, как известно и Пруссией, привить рабочим социалистические стремления; конечно, уж не в интересах рабочих. Из прочитанных здесь письменных документов вы можете усмотреть, с каким старанием там, в Берлине, уже годами заботились об этом правительственном социализме — с таким старанием, что я не задумаюсь сказать: за все зверства и эксцессы, которые в течение последних лет искажали рабочее движение, ответственны за это берлинские придворные социалисты, или социал-демагоги. Доказательство — в прочитанных письменных документах.

Еще одна цитата из сочинения Шееля! На странице 22 написано следующее:

«Обыкновенно называют всех, выставляющих необходимость коренных реформ государства и вносящих соответ-

ственные проекты, социалистами и коммунистами и этим сравнением налагают печать враждебности к порядку и государственной опасности на все направление, или же, если этот признак не подходит, то называют это направление неисполнимыми, бессмысленными мечтаниями, утопией. Это — факт, что не только большинство и значительная часть представителей «социализма и коммунизма» были благородными и чистыми натурами, глубоко образованными мыслителями и совершенно чуждыми жадных разрушительных планов, но что также социальные науки обязаны им во многом плодотворнейшими мыслями, содействующими сознанию, и особенно выставленной ими критической точке зрения. И благодаря этому, те, кто превратил науку в партийное дело, достигли того, что отклонились от социалистического воззрения, ничему из него не научившись».

Пусть господа журналисты, способные бороться с социал-демократией только клеветой на социал-демократов, пусть они наматывают себе на ус это мнение Бернского профессора.

Я кончаю.

Господа присяжные! Перед нами процесс — единственный в своем роде.

Весь процесс, который тянется вот уж второй год, был совершенно излишен, все судебное производство, продолжавшееся три недели, было совершенно излишнее — ни одного слова, ни одного действия нельзя было прибавить к тому, что уж было известно ко времени нашего ареста, ни одного слова, ни одного действия, которые мы отрицали бы. 3,5-месячный подследственный арест был излишен, так как те, которые приказали нас арестовать, знали прекрасно, что мы были невиновны, прекрасно знали, что мы не убежали бы. Они пришли бы в восторг от нашего побега! Но мы должны были быть подвергнуты наказанию за нашу деятельность в парламенте, мы должны были быть парализованы для предстоящей выборной кампании; повсюду, где только возможно, нужно было помешать нашему вторичному переизбранию.

В этом состояла цель. И вы, господа присяжные, должны с этим согласиться.

Да, это — цель, это — «тенденция» этого тенденциозного процесса! Политический противник должен был быть

обезврежен, и так как вы не осмеливались прибегнуть к голому насилию, то поэтому и прикрылись формой закона.

К началу войны имело хоть какой-либо смысл нас сживать со свету. *Inter arma silent leges* *. Если мы были преступниками против государства и отечества, то нас могли предать военному суду. Хоть мы и не были виновны в подобном преступлении, однако же мы парализовали, по мнению правительства, нашей партийной деятельностью военные действия против французов, и поэтому нас могли упрятать куда-либо в крепость, как это позже, когда опасность миновала и насилие больше не могло быть оправдано ни *salus palbica* **, ни самообороной, и случилось с Брауншвейгским комитетом, Гейбом и Якоби ⁸⁴. Это было бы актом насилия, но обстоятельства извиняли бы его; это было бы открыто и честно. Но Бебель и я, мы были депутатами в парламенте, и хотя не уважали мандата наших избирателей, но хотели напустить на себя вид, будто в нашем лице не хотят оскорбить народное представительство — нас оставили в покое до конца последней парламентской сессии, до прекращения нашего мандата. Только тогда последовал наш арест.

Здесь один факт, который проливает свет на первопричину этого процесса: за два дня до нашего ареста, в «*Zeidlersche Correspondent*» полуофициальном органе прусского правительства, издающемся под редакцией известного Вагнера, правой руки князя Бисмарка, появилась бесстыдная, шпионская статья, содержащая в себе выдержки из наших частных писем. Соответствующие письма находятся еще при документах в Брауншвейге и могли быть — в оригинале или в копии — известны в Берлине только благодаря нарушению судебной тайны. Опубликованием в «*Ziedlerschen Correspondens*» виновники только выдали и охарактеризовали себя. И этому постыдному акту насилия, этому циническому оскорблению права и закона, вы, господа присяжные, нашим осуждением должны придать санкцию закона, неотменяемость приговора.

---

* По-латыни — при лязге оружия молчат законы, во время войны господствует сила.

** Общественным благом.

Правда, едва кто-либо осмелился бы считать нас способными на это, но вы рассчитываете на ненависть, которая опозорит нас, как социалистов, в глазах избравшего нас класса. Согласно с духом классового государства присяжные набираются только из имущих классов. Мы — представители неимущего класса, пролетариата. Вы, представители имущих, должны таким образом судить представителей неимущих. И как я уже упоминал, все судебное производство направлено так, что все предрассудки, все страсти, существующие внутри имущих классов против нас, должны были в них пробудиться. Я не хочу вас оскорблять инсинуациями, вы могли бы преступить клятву и вопреки долгу и совести руководствоваться при своем решении предрассудками и страстями вместо того, чтобы основывать свой вердикт на основании лежащих перед вами доказательств...

Придерживайтесь одного: мы виновны только в том случае, если совершили незаконные действия. Наши мнения, как бы они ни противоречили вашим, не наказуемы. Но обвинение не могло привести против нас наказуемых действий, по крайней мере, имеющих отношение к обвинению в государственном преступлении. Оно только пыталось доказать, что наши мнения должны были привести нас к совершению государственного преступления. Это мы отрицаем, и даже если бы это была правда, из-за этого нас не должны были признать виновными. Маколей, которого я уж раз цитировал, пишет в своих очерках о *Civil Disabilities of the Jews* (исключение иудеев из парламента, 20 лет тому назад уж прекращенное, *Essays I, 301*).

Ставить в вину кому-либо практические последствия, которые он отрицает, считается в полемике нечестным; это ужасно, если поступает так правительство (*to charge men with practical consequences which they deny is dsingenuous in controversy; it is atrocious in governments*).

Правительство же объемлет все власти и всех прокуроров! И тотчас же Маколей говорит:

«Совершенно невозможно из мнений, признаваемых кем-либо, заключать о его чувствах и действиях; и ведь в действительности никакой человек не так глуп (в оригинале: не такой дурень), чтобы этим аргументировать, разве только если он это делает под предлогом преследования своих

ближних (It is quite impossible to reason from the opinions which a man professes to his feelings his action and in fact no person is ever such a fool as to reason thus; except when he wants a pretext for persecuting his neighbours)).

Не на основании наших действий вы должны вынести нам вердикт, так как нас не обвиняют ни в каких действиях; не на основании наших преступных для государства планов, так как мы не виновны ни в одном из них.

Вы должны вынести ваш вердикт о том, получит ли акт насилия, совершенный над нами, всеобщее одобрение со стороны присяжных. Вы должны вынести ваш вердикт о том, справедливо или несправедливо преследовать людей за их мнения и убеждения, о том, должен ли тенденциозный процесс, политический иезуитский суд быть вознесенным на ступень учреждения «нового государства». Должна ли быть партия, которую мы представляем и за законное существование которой мы боремся, поставлена вне закона или нет. Хотите ли вы угнетения с его необходимыми последствиями насильственной реакции против насилия или мирного развития при свободе.

Осудите нас — и вы совершите акт социальной войны. Освободите нас — и вы объявите от имени вашего класса, что вы хотите мирного разрешения социального вопроса и вместо борьбы стремитесь к примирению. Осуждение не изменит наших убеждений. Заточите нас на годы в казематы, и в тот день, когда мы вернемся, вы снова должны будете осудить нас, так как тогда мы будем так же виновны, как и теперь.

Каков бы ни был приговор — наше дело от этого не пострадает. Нас вы можете упрятать в тюрьмы, социал-демократию — нет. Она стоит выше вас, как и стоит выше нас.

Освобожденные или осужденные, мы выносим с собой из этого зала сознание того, что не далек тот день, когда угнетенный народ разобьет свои оковы. Освобожденным или осужденным, но нам предстоит один путь — путь долга; только одно знамя — знамя социал-демократии, знамя справедливости и человечности.

(В. Либкнехт, Германская социал-демократия перед судом присяжных, Пб., 1906, стр. 13—87.)

„ВЕЧНЫЙ УЗНИК“

— Подсудимый, встаньте!
Как вас зовут?

— Луи-Огюст Бланки.

— Сколько вам лет?

— Шестьдесят семь.

— Ваше местожительство?

— У меня его нет, а когда бывает, то в тюрьме...

Шел 1872 год, и это был последний судебный процесс над выдающимся французским революционером, всю свою жизнь посвятившим борьбе за счастье народа; 37 лет — больше половины жизни! — он просидел в мрачных казематах французских тюрем. 37 долгих, нескончаемых лет.

Первый раз к суду он был привлечен в 1832 году, вскоре после июльской революции 1830 года. Это был период господства верхушки буржуазии, осуществлявшей власть через своего ставленника короля Луи Филиппа. 1831—1832 гг. — годы продолжающейся революционной борьбы. Именно в это время вспыхивают знаменитые Лионские восстания рабочих, продемонстрировавшие, что на историческую арену выступила новая молодая могучая сила — рабочий класс.

Бланки — активный борец июльской революции — глубоко разочарован ее результатом — установлением монархии. В эти годы он — активный член левого

крыла республиканского общества «Друзья народа».

Монархистское правительство в январе 1832 года устраивает над 15 членами этого общества судебный процесс. На этом процессе Бланки произнес защитительную речь, которую закончили словами:

«Вы конфисковали ружья, но пули вылетели, они облетят весь мир, они бьют и будут бить, пока не добьются счастья народного» (цитируется по книге И. Слепцовой «Вечный узник», М., 1931, стр. 7).

Присяжные вынесли Бланки оправдательный приговор. Но монархистский суд не мог примириться с этим. В административном порядке он был приговорен к одному году тюрьмы и 200 франкам штрафа.

По своим взглядам Бланки утопист-коммунист. Он был уверен, что прогресс неизбежно приведет человечество к равенству. В то же время он активно боролся за демократическую республику, образование которой считал необходимым условием социального преобразования. В качестве методов своей борьбы он признавал заговор, как наиболее эффективное средство. В 1839 году Бланки, возглавлявший тайное «Общество времен года», поднял восстание против монархии за

устранение эксплуатации и установление равенства. Восстание было подавлено, а сам Бланки арестован и в 1840 году приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. На этом суде Бланки категорически отказался от каких-либо показаний по существу дела. Лишь в начале заседания он сделал одно заявление.

Освобожденный из тюрьмы революцией 1848 года Бланки вновь включается в политическую борьбу. После провала демонстрации 15 мая 1848 г. он опять был арестован. На суде Бланки защищал себя сам.

Суд приговорил Бланки к 10 годам тюремного заключения.

Надо сказать, что Маркс и Энгельс считали Бланки наиболее близким к правильному пониманию задач и перспектив революции 1848 года.

В 1859 году Бланки вышел из тюрьмы, но вскоре его вновь арестовали и заключили в тюрьму. В 1864 году он бежал из заключения и поселился в Брюсселе.

После сентябрьской революции 1870 года, когда у власти встало созданное буржуазными республиканцами и скрытыми монархистами изменническое «правительство национальной обороны», Бланки поднял против него восстание, которое, как и все его восстания, закончилось неудачей. Вновь он был приговорен к смерти, а затем к ссылке, замененной пожизненным заключением. На суде Бланки ограничился кратким заявлением.

Вновь заключенный в тюрьму, Бланки лишь в 1879 году был освобожден из заточения. Он умер в Париже 1 января 1881 г.

Из речи О. Бланки на процессе 15-ти

Господа присяжные заседатели! Меня обвиняют в том, что я поведал 30 млн. французов, таких же, как и я, пролетариев, об их праве на жизнь. Если это — преступление, то держать за него ответ, кажется мне, я должен был бы только перед людьми, которые не могут быть в этом деле ни судьями, ни заинтересованной стороной. А между тем, обратите внимание, господа, что прокурор вызвал не к вашему чувству справедливости и не к вашему разуму, а к вашим страстям и к вашим интересам; он не приглашал вас покарать проступок против нравственности или нарушение закона: он лишь пытался убедить вас отомстить тому; кто является, в его представлении, угрозой для вашего существования и для вашей собственности. Таким образом, я — не перед судьями, а перед вратами, и защита моя будет

бесполезна. Я готов поэтому покориться всякой могущей меня поразить каре, но я протестую против подобной подстановки насилия на место справедливости и в будущем оставляю за собой заботу о том, чтобы вернуть праву его силу. Но если мой долг пролетария, лишенного всех гражданских прав, побуждает меня не признавать компетентности суда, в котором заседают люди лишь привилегированные и мне не равные, то все же я выражаю уверенность в том, что у них найдется достаточно благородства и чести для достойного понимания той роли, которую им приходится играть в данном случае, когда к ним приводят на заклание безоружных противников. Что касается нашей роли, то она известна заранее: угнетаемые могут только обвинять...

Да, это война имущих и неимущих, и вызвали ее богачи, потому что нападали именно они. Но они находят, что бедные поступают очень нехорошо, оказывая им сопротивление. И они охотно сказали бы, говоря о народе: «Это животное так свирепо, что, когда на него нападают, оно защищается»⁸⁵. Вся филиппика⁸⁶ господина прокурора может быть кратко выражена одной этой фразой.

На пролетариев не перестают указывать, как на воров, готовых ринуться в любую минуту на чужую собственность. Почему? Потому что они жалуются на тяжесть налогов, которые с них взимают в пользу привилегированных классов. Что касается последних, то они живут в свое удовольствие, питаются потом пролетариев, и считаются законными владельцами своей собственности, которой жадная чернь угрожает грабежом. Уже не впервые палачи стараются представить себя жертвами. Но кто эти воры, навлекшие на себя столько проклятий и кар? 30 млн. французов, уплачивающих 1½ млрд. фиску⁸⁷ и почти столько же привилегированным классам. А собственники, которых все общество должно прикрывать своей силой и властью, — это 200 или 300 тыс. праздных людей, спокойно пожирающих вносимые им ворами миллиарды. Мне кажется, что перед нами — лишь в новой форме и с иными противниками — война феодальных баронов с купцами, которых они грабили на больших дорогах.

Поль Курье⁸⁸ обессмертил котел представительного строя, изобразив его в виде нагнетательного насоса и гидрав-

лического пресса, который выжимает вещество, называемое народом, чтобы вытягивать из него миллионы франков, беспрестанно изливаемых в сундуки немногих праздных людей. Это — безжалостная машина, которая дробит одного за другим 25 млн. крестьян и 5 млн. рабочих и, извлекая из этих людей их самую чистую кровь, перекачивает ее затем в жилы привилегированных классов...

Да будет вам ведомо, что народ не нуждается в подаянии! Речь идет не о том, чтобы с богато убранного стола бросить ему для вашей забавы несколько крошек: народу не нужны подачки; своим благосостоянием он хочет быть обязан только самому себе. Он желает создать и создаст законы, которыми он будет управляться. И законы эти будут направлены не против него, а будут действовать в его интересах, потому что он сам их сотворит. Мы не признаем ни за кем права осыпать нас милостями, которых нас могут, по капризу, лишить в любой момент. Мы требуем, чтобы 33 млн. французов сами избрали себе образ правления и назначили путем всеобщего голосования своих представителей, поручив им издание законов. Когда эта реформа будет осуществлена, налоги, обирающие ныне бедных в пользу богатых, будут сразу уничтожены и заменены обложением, построенным на совершенно противоположном принципе. Вместо того чтобы отнимать деньги у нуждающихся пролетариев и отдавать их богачам, налоговая система должна будет отбирать все излишки у праздных людей и распределять их среди массы неимущих, обрекаемых отсутствием средств на бездеятельность; эта система должна будет бить по карману ничего не производящих потребителей и оплодотворять, таким образом, источники производства; она должна будет помочь народу исцелиться от этой гнойной язвы, которая носит название общественного кредита; ей придется, наконец, заменить пагубные и темные биржевые сделки сетью национальных банков, в которых деятельные люди сумеют найти все необходимые для своего благосостояния элементы. И тогда, только тогда, налоги станут благотворением.

Вот как мы понимаем Республику — и только так...

(Александр Зеваэс, Огюст
Бланки, М., 1922, стр. 19—21.)

Заявление О. Бланки 13 января 1840 г. перед палатой пэров

Председатель: Подсудимый Бланки, вы слышали предъявленное к вам обвинение? Вы уже давно известны крайностью своих республиканских воззрений. Еще в 1836 году вы были осуждены вместе с Барбесом⁸⁹ за изготовление пороха и участие в тайном обществе. Наказание вас не исправило, и вы продолжали злоумышлять против правительства своей страны.

Бланки: Господин председатель, в начале судебных прений я ответил вам на все вопросы, чтобы дать вам возможность установить мою личность. Мое дальнейшее намерение — не говорить ни слова. Но ввиду того, что обвинительный акт делает по нашему адресу гнусные упреки, я считаю своим долгом по отношению к самому себе, по отношению к моим товарищам по скамье подсудимых и по отношению к республиканской партии, к которой я имею честь принадлежать, категорически эти упреки опровергнуть.

Здесь заявили, что республиканцы были людьми жестокими и кровавыми: я решительно против этого возражаю. Ни теперь, господа присяжные заседатели, ни в 1832 году, ни в 1834, ни в 1839 республиканцы не заслужили этого упрека. Не они избивали женщин, стариков и детей; то делали их противники. Что произошло во Дворце Правосудия во время Майского восстания?⁹⁰ Там боролись два отряда; тридцать или сорок инсургентов наступали на военный пост; солдаты, видя их приближение, зарядили ружья и стали ждать; какими обманчивыми словами можно было доказать, что они были перебиты без всякого сопротивления с их стороны? Они не умели драться и не умели сдаваться; мы же сражались, но мы не были жестоки.

На рынке Сен-Жана были несчастные случаи; мы горько о них сожалеем. Там видели инсургентов, которые плакали; уж не они ли эти варвары? Дикари проливают кровь, потому что находят в этом удовольствие и наслаждение. Мы же пролили ее только потому, что совесть наша нам повелела вступить в бой. Вот тот ответ, который я хотел дать; я

хотел только опровергнуть сделанные по нашему адресу намеки — они ложны и носят, я позволю себе это сказать, клеветнический характер.

(Александр Зеваас, Огюст Бланки, М., 1922, стр. 32—33.)

Из речи О. Бланки на процессе 1849 года

Сражаясь в первых рядах борцов за народное дело, я никогда не получал открытых вражеских ударов. Мои враги действовали всегда из-за угла. Я никогда не обращал внимания на эти предательские вылазки. И время доказало с очевидностью, что в моем лице эти удары врагов народа поражали революцию. В этом мое оправдание, и я горжусь этим. Это сознание хладнокровно и упорно исполняемого долга поддерживало меня в самых тяжелых испытаниях. Придет день, когда заблуждения рассеются, восторжествует правда, и если этот радостный день застанет меня в тюремной камере — для меня безразлично, так как он найдет меня в обычном жилище, которое я мало покидал за последние 12 лет. Торжествующая революция вырвала меня оттуда на мгновение, а изменники и душители революции снова толкают меня за тюремную решетку...

Повсюду и всегда царят обман, взяточничество и беспутство. Но терпение доверчивых приходит к концу. Хищные аппетиты и бессовестное грабительство господствующих порождают неисчислимые страдания угнетенных. Общее распадение, скоро наступит хаос. И если не будет произведена радикальная реформа — общество погибнет. Ему нужно кричать словами Ионы⁹¹: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена! Пусть Ниневия покается — в этом ее единственное спасение». Если бы какая-нибудь сила могла бичом изгнать хищников на всех ступенях иерархической лестницы, циничная алчность уступила бы место бескорыстию, продажность чиновников заменилась бы честностью, а обществен-

ные должности перестали быть синекурой и защищались бы людьми долга, готовыми на самопожертвование, какая внезапная и глубокая революция осветила бы все умы. Пример выше всегда заразителен, бескорыстие стало бы также заразительным, как теперь подкупность. Оно бы сделалось достоянием всех классов благодаря примеру власти... Но я должен заметить следующее: господин генеральный прокурор выставляет меня входящим против своей воли в зал «Потерянных шагов» 15 мая ⁹², явившимся против моей воли на трибуне и тоже помимо моей воли произнесшим целую речь. Это смешно и грубо. Я действительно против своей воли, пожимая плечами, шел в палату. Но речь свою я произнес вполне сознательно, по доброй воле. Политический деятель не должен никогда теряться. Войдя на трибуну, я владел собою и не думал, что надо говорить глупости, раз одна глупость была сделана..

(Густав Жеффруа, Заключение, М.—Л., 1925, стр. 113—114.)

Заявление О. Бланки 16 февраля 1872 г.

Мне нечего добавлять к словам моего адвоката. Но я должен установить, что меня судили здесь не за 31 октября. Это — наименьшее из моих преступлений. Я представляю здесь Республику, которую Монархия притащила на ваш суд.

Правительственный комиссар осудил поочередно революции 1789, 1830, 1848 годов и 4 Сентября. Меня судят и осудят при республиканском строе во имя монархических идей, во имя старого права, восставшего на новое.

(Александр Зеваев, Огюст Бланки, М., 1922, стр. 87.)

ВОЖДЬ РАБОЧИХ ПЕРЕД СУДОМ КАПИТАЛИСТОВ

В январе 1865 года в парижскую организацию Международного товарищества рабочих вступил 26-летний рабочий-переплетчик Луи-Эжен Варлен. Вскоре он стал одним из наиболее активных организаторов и руководителей секций I Интернационала в Париже. Он создавал профессиональные союзы, руководил стачками рабочих, участвовал в ра-

боте конгрессов и конференций Интернационала. На Лондонской конференции он познакомился с К. Марксом.

Деятельность Варлена не осталась незамеченной. В 1868 году французские власти арестовали его и предали суду. Перед судом капиталистов этот вождь рабочих произнес пламенную обличительную речь.

Из речи Л.-Э. Варлена

Хотя пред законом, господа, вы — судьи, а мы — обвиняемые, но на самом деле мы с вами представляем две борющиеся партии: вы отстаиваете во что бы то ни стало настоящий порядок, защищаете то, что есть; мы хотим изменить этот порядок, мы, представители социалистической партии. Рассмотрим же добросовестно, хорош ли теперешний порядок и виноваты ли мы, что хотим изменить его? Несмотря на объявление прав человека, на минутное торжество народа, и теперь еще несколько человек могут, когда захотят, заставить литься целыми потоками в братоубийственной войне народную кровь, хотя народ везде одинаково страдает и везде желает одного и того же. Все наслаждения достаются небольшому числу людей, которому приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства; а миллионы трудящихся страдают в труде и невежестве,

терпят беспощадное угнетение и остаются при старых предрассудках, закрепляющих их рабство.

Если мы перейдем к частностям, то увидим, что в промышленности на необходимое не хватает рук, а дорогих и бесполезных вещей производится слишком много; миллионам детей бедняков не во что одеться, а в магазинах выставлены баснословно дорогие шали, на которые потрачено по десяти тысяч рабочих дней. Платы рабочего не хватает на самое необходимое, а вокруг него ничего не делающие люди проживают огромные деньги. Рабство погубило древний мир. Современное общество тоже погибнет, если не прекратит страданий большинства, если будет продолжать думать, что все должны трудиться и терпеть лишения, чтобы содержать в роскоши несколько человек. Оно погибнет, если не захочет понять всю жестокость порядка, к которому подходит такое сравнение. *(Варлен читает вслух отрывок из статьи одного социалистического журнала.)* «Что сказали бы вы, читатель, если бы, наблюдая стаю голубей, слетевшихся на пшеничное поле, вы заметили, что из 100 птиц 99 вместо того, чтобы беззаботно клевать зерна, старательно собирают их в кучу, оставляя себе мякину, и отдают эту собранную кучу одному голубю, пожалуй, самому плохому из всей стаи; причем этот счастливый голубь, наевшись до отвала, начинает важничать, портить и разбрасывать во все стороны зерна, а остальные 99 голодных голубей только охраняют его богатства, а если который-нибудь из них осмелится попользоваться хоть зернышком из кучи, все другие набрасываются на него и выщипывают ему перья... Вы не видели, конечно, ничего подобного среди голубей, но такие именно порядки установлены между людьми, так именно люди всегда поступают».

Это ужасно, но совершенно верно...

Разве не к таким 99 принадлежит рабочий, который родится в нищете, растет, голодая, плохо одетый, в плохой квартире; растет без матери, вынужденной ходить на работу и оставлять его без призора на жертву тысячам случайностей, которые грозят брошенному ребенку. И очень часто он приобретает с самого детства болезни, от которых страдает потом всю жизнь. Только что наберется он немножко сил, лет в 8, например, он должен уже начинать

работать; должен целые дни проводить за непосильным трудом в нездоровой мастерской, где с ним грубо обращаются, где он не учится ничему, кроме пороков! Вырастет он — судьба его не переменится. В 20 лет его возьмут в солдаты и запрут в казармы или пошлют на войну, где он может быть убит, не узнавши даже, за что сражался. Если он возвратится живым, он может жениться, что бы там ни говорили добродетельный англичанин Мальтус и французский министр Дюпатель, которые полагают, что рабочим не следует обзаводиться семьей, что и самих-то бедняков, не находящихся пропитания, никто не принуждает оставаться в живых.

Но рабочий все-таки женится, и тут-то, когда у него родятся дети, он узнает весь ужас нужды, с ее болезнями, дороговизной, безработицей. Если под влиянием этой нужды он потребует прибавки заработной платы, то в Англии его голодом заставят замолчать, в Бельгии его застрелят, в Италии посадят в тюрьму, в Испании против него объявят осадное положение, в Париже потащат в суд...

Председатель суда: В Париже никого не тащат. Подсудимых приводят в суд и часто обращаются с ними слишком снисходительно. Возьмите свои последние слова назад, иначе я не могу позволить вам продолжать вашу защитительную речь.

(Варлен, посоветовавшись с остальными подсудимыми, соглашается взять назад слово: «потащат».)

Вы не должны ни с кем советоваться. Берете ли вы свои слова назад по своей собственной воле?

Варлен: Беру.

Председатель: Продолжайте вашу защиту.

Варлен: Всюду со страшными усилиями рабочий влачит свое существование среди лишений и оскорблений. В зрелом возрасте ему нечем помянуть свою молодость, и он должен со страхом ждать старости. Если у него нет семьи или семья его слишком бедна, то, как только пропадет его рабочая сила, он будет арестован за нищенство и бесприютность и, как преступник, умрет в заключении.

А этот человек вчетверо больше сработал, чем израсходовал на своем веку.

Что же сделало общество с остальными тремя четвертями его работы?

Оно отдало их сотому голубю.

Этот сотый — сын богатых родителей — окружен с самого рождения всеми заботами и всею роскошью. Его детство проходит среди ласк и удовольствий. Учителя дают ему всякие знания. Его молодость переполнена наслаждениями: роскошь, игра, кутеж и продажная любовь — все к его услугам.

Насытившись всем на свете, он женится, и семья его окружает своими тихими радостями. За плату он послал вместо себя на опасности войны брата той девушки, которую купил или соблазнил; но его все-таки будут прославлять за патриотизм, на него будут сыпаться почести, чины и награды! Ему нечего опасаться старости, он видит впереди лишь исполнение своих честолюбивых мечтаний. Ведь он богат! А между тем этот счастливец никогда не работал, ничего не произвел; он всю жизнь только пользовался лишениями девяноста девяти своих братьев... Среди этой роскоши и нищеты, угнетения и рабства, невежества и разврата нас одно только и утешает: мы знаем из истории, как непрочен тот порядок, при котором люди могут умирать с голоду у порогов дворцов, переполненных всеми благами мира.

Присмотритесь, и вы увидите глухую ненависть между богатым классом, охраняющим теперешнее положение, и рабочим, который хочет завоевать себе лучшее будущее. Богатый класс вернулся к предрассудкам, исчезнувшим сто лет тому назад, среди него развился самый бешеный разврат, всякий думает только о себе. Все это — признаки близкого падения; земля уходит из-под ваших ног, берегитесь!

Класс, который до сих пор появлялся в истории лишь во время восстаний для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость; класс, который угнетали всегда и все правительства, рабочий класс узнал, наконец, что именно нужно сделать, чтобы уничтожить все зло и все страдания. С вашей стороны было бы очень благоразумно — не мешать его справедливому делу... Буржуазия не может ничего противопоставить рабочим, кроме насилий и жестокостей... Но насилия только ускоряют взрыв. Если бы буржуазия не хотела быть бесполезно жестокой, ей следовало

бы уступить место людям, верящим в лучшее будущее и трудящимся над подготовлением справедливого общественного порядка.

Пусть буржуазия поймет, что, так как она не может дать людям того, что им нужно в настоящее время, ей остается только исчезнуть в рядах молодого рабочего класса, который приносит человечеству истинное равенство, союз и свободу.

(«Две речи», Петроград, 1918,
стр. 23—29.)

В годы революции 1871 года
Варлен был избран в Совет Па-
рижской Коммуны. 28 мая он

был схвачен и зверски убит вер-
сальцами.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

К. ЛИБКНЕХТА

В 1907 ГОДУ

Ниже читатель познакомится с речью на судебном процессе 1907 года бесстрашного вождя немецкого рабочего класса Карла Либкнехта.

Либкнехт был привлечен к суду за опубликование в 1907 году книги «Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи». В ней автор разоблачил сущность милитаризма, показал, какую огромную опасность для мира таит он в себе.

«Господствующие силы,— пишет В. Пик,— очень скоро поняли, что речь идет о пресечении их планов. Тотчас же после появления брошюры Либкнехта прусский военный министр фон Эйнем поспешил потребовать от имперского суда, чтобы автор брошюры был наказан. Соответствующее письмо военного министра верховному прокурору датировано 17 апреля 1907 г. Уже 21 апреля верховный прокурор потребовал конфискации брошюры. Через два дня королевский окружной суд в Лейпциге постановил конфисковать все экземпляры брошюры, равно как пред-

назначенные для ее печати матрицы и прифты, находящиеся внутри страны во владении автора, типографа, издателя или книготорговца, либо публично распространяемые. Как видно, однако, из документов процесса, вплоть до ноября 1907 года было конфисковано всего 68 экземпляров. К этому времени уже было подготовлено новое издание, которое появилось в Цюрихе в начале 1908 года. За конфискацией брошюры последовало возбуждение против Либкнехта обвинения в подготовке акта государственной измены. Либкнехт превратил процесс в уничтожающее обвинение против враждебных народу происков милитаризма. Рассмотрение дела в имперском суде взволновало до глубины души рабочие массы и воодушевило их на борьбу за мир и социалистические задачи партии. Процесс привлек к себе большое внимание далеко за пределами Германии.

Классовый суд присудил Карла Либкнехта к полутора годам тюремного заключения» (Карл Либкнехт, Избранные речи, письма и статьи, М., 1961, стр. 18.)

Из защитительной речи на имперском суде 10 октября

...События последнего времени свидетельствуют совершенно ясно: начат систематический поход против антимилитаризма и юношеского движения! И это первая крупная кавалерийская атака. Мы ведь слышали о том, как серьезно относятся руководящие инстанции к антимилитаризму. Прежде всего принялись за юношеские организации. Мы были свидетелями того, как около года тому назад в Кенигсберге отец семейства был арестован у рождественской елки без всякого обоснованного повода, и ему пришлось отбывать наказание на основании сурового приговора, вынесенного за то, что он являлся руководителем юношеской организации. Потом проводились преследования берлинской организации, а также северогерманской организации; мы были свидетелями большого числа явно противозаконных действий полиции. Я готов отвечать перед судом за эти слова. Один из судей в окрестностях Берлина, вместо того чтобы в соответствии со своим долгом дать деловой отчет на надлежащую и хорошо обоснованную жалобу представителя юношеской организации, позволил себе совершенно непристойные высказывания и обращался с жалобщиком, как со школьником. Данный процесс о государственной измене не стоит особняком. Уже готовятся еще три или четыре процесса такого же рода. Только человеку, пораженному слепотой, может быть при этих обстоятельствах неясно, что поставлена определенная задача, что имеется намерение уничтожить антимилитаристскую агитацию, расправиться с юношеской организацией. Дело началось с преследования юношеских организаций, с дотошного наблюдения за антимилитаристским движением. Потом появилась моя брошюра. Ага, ее надо конфисковать! Я не знаю, кто преподнес ее в подарок прокурору, но совершенно ясно, что у этого неизвестного огрубевшая совесть, если именно он подсказал прокурору то истолкование брошюры и ту выборку цитат, которыми оперирует обвинение.

...Моя цель — заменить воодушевление войной самым горячим воодушевлением во имя дела мира. В этом заключается зерно моего произведения и вывод из него.

...Если прокурор мне ставит на вид заявление, что мы с милитаристами на ножах и ведем войну не на жизнь, а на смерть, то в свете полученного опыта мне не вполне ясно: быть может, прокурор понял это заявление дословно. Я должен считаться с тем, что в конце концов придут к выводу, будто я хочу выступить против милитаризма с помощью ножей и иных подходящих орудий. Это было бы ценным добавлением к организованному против Лассалья процессу о государственной измене, в котором фигурировали *революционные пивные кружки*.

Далее я сказал: *si vis pacem, para bellum* (если хочешь мира, готовься к войне), а именно к войне против милитаризма! И это должно, по утверждению прокурора, свидетельствовать о наличии насильственных замыслов! Но ведь, если я «вооружаюсь» против милитаризма, то я ведь это делаю для того, чтобы добиться мира, а не войны. Кроме того, прокурор сослался на 30-ю страницу моего произведения: из нее видно, что мне присуща *мысль о вооруженной революции*. Но ведь эта мысль присуща самой истории. Совсем странная *передержка со словом «неблагоприятно»* уже получила здесь достойную отповедь, и у меня нет основания для дальнейшего обсуждения этого вопроса. Но как раз в этом я нахожу, быть может, *психологический ключ* для понимания совершенно необычного обвинительного заключения. Я полагал, что обвинение задумано весьма злостным образом и отличается некоторыми такими чертами, которым я, оставаясь в рамках парламентского языка, не могу дать соответствующей характеристики. Однако после продемонстрированных образчиков интерпретации моих слов я исключая *возможность, что все неслыханные высказывания обвинительного заключения являются искренними*.

Я подстрекал к насильственным действиям! Это делал я, который с крайней настойчивостью всемерно добивался планомерной агитации против войны и всякого насилия!

Подлинное основание обвинения совершенно ясно. Его обоснование не имеет юридического характера, а является политическим. Поэтому и оказалось так трудно сформулировать

обвинение с юридической точки зрения. Коротко говоря, это *акт государственной целесообразности, а не акт правосудия*. Речь идет о производстве, преследующем цель утвердить мир вместо войны, стремящемся умиротворить внешнюю политику, выступающем против вооруженного до зубов милитаризма, против того инструмента общества, цель и существо которого составляет насилие; и вот, повернув копые против меня, хотят в таком производстве обнаружить подготовку насильственных действий! О, нет! Наоборот, *обвинительное заключение защищает насилие против попыток устранить насилие*. Так обстоит дело в действительности. *Я хочу мира, но прокурор желает насилия*.

Моя цель заключается в том, чтобы изъять решение вопроса о войне и мире из мрака правительственных канцелярий и дипломатических интриг и осветить его светом общественного мнения. Но некоторые господа воспринимают это с особым неудовольствием. Я хочу, чтобы решение вопроса о войне и мире зависело от воли всего народа. Я знаю, что подобное стремление кое для кого весьма неприятно, что эти господа стремятся предоставить профессиональной дипломатии возможность и далее вершить свои дела и желают сохранить ныне существующий абсолютизм. Тем не менее каждый культурный, мыслящий человек, каждый социал-демократ обязан позаботиться о том, чтобы это положение изменилось и чтобы народ, несущий бремя войны, мог решать вопрос о войне. Я хочу, наконец, чтобы наша армия не использовалась против «внутреннего врага», не использовалась в гражданской войне. И это, наверно, кое-кому в наибольшей степени испортило кровь, вызвало особо горячее возмущение против меня. И в этом случае совершенно очевидно, что я защищаю принцип *мира*.

Этим я могу ограничиться в части, касающейся моей брошюры и обвинения.

Прокурор позволил себе обратиться к моей личности и выступить с нападками на мой характер. Прокурор потребовал осуждения на два года тюрьмы, если я не ошибаюсь,— я не очень хорошо расслышал,— а также, очевидно, поражения в правах; он приписал мне бесчестные убеждения. Да, господа! Конечно, вы можете думать, что у меня бесчестные убеждения. Это возможно; допускаю; я не могу мешать

вам так думать. Я стою перед вами, скрестив руки на груди. То, что я думаю о своих убеждениях, это я знаю. Моя честь принадлежит мне, и если вы все 15 человек держитесь того мнения, что у меня бесчестные убеждения, и если вы меня поплете в тюрьму и лишите прав, я внутренне этим не буду затронут. Все это меня не коснется и имеет для моей чести такое же значение, как легкая дымка, промелькнувшая на чистом зеркале! *Но после всего того, что здесь обнаружилось, я решительно отрицаю за прокурором право даже упоминать о моей чести!*

В остальном этот процесс окажет наилучшее влияние, какое только можно желать, независимо от того, каков будет его результат. Вы можете уничтожить мое существование и существование моих детей; это возможно. Но в политической борьбе часто приносятся в жертву и семьи. Служба политической борьбе — это суровая служба. И как солдат, отправляющийся на войну, готов к тому, что пуля его поразит, так и солдат-демократ знает, когда он выходит на поле политической битвы: во всякое мгновение ему может быть нанесен смертельный удар. Некоторые и падают на пути. Человек оказался за бортом, но другие встанут на его место! Что ж, скажите: человек за бортом! Это будет блестящей пропагандой в пользу моих антимилитаристских идей. Но, как мне кажется, нашему правосудию будет оказана плохая услуга. И снова здесь обнаружилось, чем является, как правило, политический процесс: *стрела летит обратно по направлению к стрелку и поражает стрелка!* Даже если меня осудят, я не признаю себя здесь обвиняемым.

(Карл Либкнехт, Избранные речи, письма и статьи, М., 1961, стр. 117—120.)

„...ЭТОГО МЫ НЕ СДЕЛАЕМ“

На собраниях, состоявшихся во Франкфурте-на-Майне и Фехенгейме 25 и 26 сентября 1913 г. выдающаяся деятельница германского рабочего движения Роза Люксембург сказала: «Когда нас будут убеждать поднять оружие убийства против наших французских и иностранных братьев, мы заявим: Нет, этого мы не сделаем!» За эти слова она была привлечена к уголовной ответственности. На суде 20 февраля 1914 г. она произнесла речь, которая публикуется.

Франкфуртский уголовный суд приговорил Розу Люксембург к одному году тюремного заключения за возбуждение к неповиновению законам. В 1915 году этим постановлением воспользовались, чтобы отнять у Розы Люксембург возможность вести пропаганду против войны. Ее заключили в тюрьму и держали там вплоть до революции. В тюрьме она писала свои «Письма Спартака» и направленную против войны «Брошюру Юниуса».

Защитительная речь, произнесенная Р. Люксембург перед франкфуртским уголовным судом

Как в сегодняшних устных заявлениях господина прокурора, так и в его письменном обвинительном акте играют большую роль не только буквальный смысл инкриминируемых мне слов, но в еще большей степени также и общий смысл и тенденция, которые приписываются этим словам. Господин прокурор много раз и весьма усиленно подчеркивал то, что, по его мнению, я знала, чего хотела, когда произносила свои речи на собраниях. Но я, конечно, более

компетентна, чем кто бы то ни было, чтобы судить о внутреннем психологическом моменте моей речи и о моем сознании, и в большей степени, чем кто бы то ни было, могу дать по этому поводу полные и исчерпывающие объяснения.

Я заявляю заранее: я вполне охотно дам полные объяснения и господину прокурору и вам, господа судьи. Предвосхищая свои основные выводы, я заявляю, что все то, что господин прокурор, опираясь на показания свидетелей обвинения, изобразил как мои мысли, мои намерения и мои чувства, есть не что иное, как плоское, неумное искажение и моих речей и социал-демократической агитации вообще. Когда я слышала выводы, сделанные прокурором в его речи, я не могла удержаться от внутреннего смеха и думала: вот опять классический пример того, как мало формальное образование помогает понять ход социал-демократической мысли и постигнуть наш мир идей во всей его сложности, научной точности и исторической глубине, если этому пониманию мешает принадлежность к определенным социальным классам. Если бы вы, господа судьи, спросили любого, самого простого, необразованного рабочего из тех тысяч рабочих, которые присутствовали на моих собраниях, то он совершенно иначе изложил бы содержание моих речей и свое впечатление от них. Неученые мужчины и женщины рабочего класса вполне в состоянии воспринять наши мысли, которые в мозгу прусского прокурора отражаются в искаженном виде, как в кривом зеркале. Я докажу теперь это более детально по отдельным пунктам.

Господин прокурор несколько раз повторял, что еще до того, как я произнесла инкриминируемые мне слова, являвшиеся-де кульминационным пунктом моей речи, я «безмерно подстрекала своих слушателей». В ответ на это я могу лишь сказать: господин прокурор, мы, социал-демократы, вообще не занимаемся подстрекательством. В самом деле, что значит «подстрекать»? Разве я пыталась внушить собравшимся хотя бы такую, например, мысль: когда вы во время войны очутитесь во вражеской стране, например в Китае, расправляйтесь так, чтобы даже через 100 лет ни один китаец не осмелился искоса посмотреть на немца?⁹³ Если бы я говорила так, то, конечно, это было бы подстрекательством. Или, может быть, я старалась пробудить в собравшихся массах

национальное самомнение, шовинизм, презрение и ненависть к остальным расам и народам? Это, конечно, тоже было бы подстрекательством.

Но я не говорила так, да и вообще никакой сознательный социал-демократ не говорит так. На этих франкфуртских собраниях я делала то же самое, что мы, социал-демократы, всегда делаем и в устной и в письменной форме: мы просвещаем рабочие массы, объясняем им их классовые интересы и их исторические задачи, указываем и на великие линии исторического развития, на тенденции экономических и политических и социальных изменений, которые происходят в лоне нашего современного общества и которые с железной необходимостью приведут к тому, что на известной ступени развития существующий строй устранился и на его месте будет воздвигнут более высокий социалистический общественный строй. Так ведем мы нашу агитацию, так мы поднимаем моральный уровень масс, развертывая перед ними облагораживающие исторические перспективы, на почве которых мы стоим. Основываясь на тех же великих положениях,—ведь у нас, социал-демократов, все сочетается в единое гармоническое, последовательное и научно обоснованное мировоззрение,—мы ведем и нашу агитацию против войны и милитаризма. И если господин прокурор со своими жалкими свидетелями обвинения изображает все это как простое подстрекательство, то грубость и упрощенность такого понимания объясняются целиком и исключительно неспособностью прокурора продумать социал-демократические принципы.

Далее, господин прокурор много раз припутывал к делу мои мнимые намеки на «убийство начальников». Эти прикрытые, но понятные каждому намеки на убийство офицера должны были особенно ясно изобличить черноту моей души и чрезвычайную опасность моих намерений. Но если даже на один момент признать достоверность приписываемых мне слов, то все же, немного подумав, вы должны будете сказать, что в данном случае прокурор, увлеченный похвальным стремлением изобразить меня в наиболее мрачном свете, совершенно не справился со своей ролью. В самом деле, когда и в отношении *каких именно* «начальников» я рекомендовала убийство? Обвинительный акт утверждает, что я отстаи-

вала введение в Германии *милиционной системы* и существенной особенностью этой системы считала то, что солдатам, как это практикуется в Швейцарии, выдается на дом ручное оружие. К этим мыслям — заметьте хорошенько — к *этим мыслям* я присовокупила намек, что в один прекрасный день оружие направится не в ту сторону, в какую угодно господствующим классам. Итак, ясно: господин прокурор обвиняет меня, что я подстрекала к убийству не начальников теперешнего германского войска, а к убийству начальников будущей германской милиции! Наша пропаганда милиционной системы вызывает особенно сильные нападки и в обвинительном акте вменяется мне в преступление. Однако в то же время прокурор обеспокоен тем, что я угрожаю жизни офицеров этого ненавистного милиционного войска. Еще один шаг, и господин прокурор, увлеченный поединком со мною, выставит против меня обвинение, что я подстрекала к покушению на жизнь президента будущей германской республики.

Что же я в действительности говорила об «убийстве начальников»? Нечто совершенно противоположное. В моей речи я указывала на то, что официальные защитники современного милитаризма обычно обосновывают его фразой о необходимости защиты отечества. Если бы эта забота об отечестве была проникнута честностью и искренностью, то, утверждала я, господствующим классам не пришлось бы делать ничего иного, как только осуществить старые программные требования социал-демократии — милиционную систему. Только эта последняя дает единственную настоящую гарантию защиты отечества, ибо только свободный народ, выступающий против врага по собственному решению, является прочным и надежным бастионом, охраняющим свободу и независимость отечества. Только тогда можно было бы сказать: дорогое отечество, ты можешь быть спокойным! Почему же в таком случае, спрашивала я, официальные защитники отечества не хотят и слышать об этой единственно действительной системе защиты? Только потому, что защита отечества не стоит у них ни на первом, ни на втором плане и они заинтересованы в империалистических завоевательных войнах, для которых милиция, конечно, не годится. А дать рабочему народу оружие в руки господствующие

классы боятся потому, что нечистая совесть эксплуататоров подсказывает им опасение, что оружие может в один прекрасный день направиться не в ту сторону, в какую это угодно господствующим классам.

Итак, то, что я изображала как *опасение* господствующих классов, приписывается теперь мне прокурором на основании показаний его беспомощных свидетелей, как мое собственное требование! Здесь вы опять имеете доказательство того, какую путаницу в его мозгу создала его абсолютная неспособность понять ход мыслей социал-демократии.

Так же насквозь лживо и утверждение обвинительного акта, что я рекомендовала поступать по голландскому принципу, согласно которому солдату колониальной армии предоставляется право убить своего начальника в случае жестокого обращения. На самом деле я имела тогда в виду милитаризм и жестокое обращение с солдатами, о котором говорил наш незабвенный вождь Бебель; я указывала, что одной из важнейших глав его жизни является борьба в рейхстаге против жестокого обращения с солдатами, причем для иллюстрации ссылалась на стенографические отчеты прений в рейхстаге — отчеты эти, насколько я знаю, разрешены законом — и цитировала несколько речей Бебеля, между прочим, и то, что он говорил в 1913 году об обычаях в голландской колониальной армии. Вы видите, господа, что и в данном случае господин прокурор переусердствовал: свои обвинения во всяком случае он должен был направить не против меня, а против кого-то другого.

Я перехожу теперь к главному пункту обвинительного акта. Господин прокурор утверждает, что в инкриминируемой речи я призывала солдат в случае войны противиться приказам и не стрелять во врага; это главное свое обвинение он обосновывает рассуждением, которое, очевидно, представляется ему неотразимо убедительным и строго логичным. Он рассуждает следующим образом: так как я агитировала против милитаризма и желала помешать войне, то я, очевидно, не могла иметь в виду никакого иного пути и никакого иного действительного средства, кроме прямого призыва, обращенного к солдатам: если вам приказывают стрелять — не стреляйте! Не правда ли, господа судьи, какое

убедительное заключение, какая непобедимая логика! Но все же позвольте мне заявить вам: эта логика и это заключение вытекают из взглядов господина прокурора, а не из моих взглядов социал-демократии. Я прошу вас в этом пункте с особым вниманием отнестись к моим словам. Я говорю: заключение, что единственное действительное средство для предотвращения войны состоит в прямом обращении к солдатам и в призыве не стрелять,— это заключение есть только другая сторона того взгляда, согласно которому все в государстве обстоит благополучно, пока солдат исполняет приказы своего начальства, и согласно которому, говоря кратко, основой государственной мощи и милитаризма является слепое повиновение солдат. Этот взгляд господина прокурора находит себе гармоническое дополнение, например, в официально опубликованной речи высшего верховного вождя армии; согласно официальному отчету от 6 ноября прошлого года, при приеме в Потсдаме короля эллинов император сказал, что успехи греческого войска доказывают, что «принципы, усвоенные нашим генеральным штабом и нашими войсками, при правильном их применении, всегда обеспечивают победу». Генеральный штаб со своими «принципами» и слепо повинующимися солдатами — таковы основы ведения войны и гарантия победы. Мы, социал-демократы, как раз не разделяем этого взгляда. Мы полагаем, что течение и исход войны определяются не только армией, не только «приказаниями» сверху и слепым «повиновением» снизу, а что судьбу войны решают и должны решать широкие массы рабочего народа. Мы полагаем, что войну можно вести лишь до тех пор, пока рабочие массы либо сочувствуют и содействуют ей, считая ее справедливой и необходимой, либо же, по крайней мере, терпеливо сносят ее последствия. Наоборот, если огромное большинство рабочего народа приходит к убеждению,— а воспитать это убеждение и пробудить это сознание мы, социал-демократы, считаем своей задачей,— если, говорю я, большинство народа приходит к убеждению, что война есть варварское, безнравственное, реакционное и противонародное явление, то тогда война становится невозможной, хотя бы солдат и продолжал повиноваться приказаниям властей. По мнению прокурора, войну ведет армия, по нашему мнению, ее ведет весь народ. Народ

должен решать, должна ли быть объявлена война или нет; от массы рабочих, мужчин и женщин, старых и молодых, зависит решение о том, быть или не быть современному милитаризму, а не от маленькой частицы этого народа, носящей так называемый королевский мундир.

И если я так говорила, то у меня в руках есть формальное доказательство того, что это действительно является моим и нашим общепартийным взглядом.

Счастливая случайность дает мне возможность ответить на вопрос франкфуртского прокурора — *кого* именно я имела в виду, когда говорила: «мы этого не сделаем». Я отвечаю моей франкфуртской речью. 17 апреля 1910 г. во Франкфурте, в цирке Шумана, перед 6 тыс. человек я говорила о борьбе за реформу прусского избирательного права — как вы знаете, тогда наша борьба приняла особенно широкие размеры, — и в стенографической записи моей речи на странице 10 я нахожу следующую фразу:

«Уважаемые слушатели! В нынешней борьбе за избирательное право, как и во всех важных политических вопросах, касающихся прогресса Германии, мы предоставлены только самим себе. Но кто это «мы»? «Мы» — это миллионы пролетариев и пролетарок Пруссии и Германии. Мы представляем собою нечто большее, чем цифру. Мы — это миллионы тех, работой которых живет общество, и как только этот простой факт прочно укрепитя в сознании широчайших масс германского пролетариата, наступит момент, когда и в Пруссии можно будет показать господствующей реакции, что мир может прекрасно обойтись без ост-эльбских юнкеров, без графов из партии центра, без тайных советников, а в крайнем случае, пожалуй, даже и без городских, но не может прожить и 24 часов, если рабочие скрестят на груди руки».

Как вы видите, я ясно здесь говорю, в чем мы видим центр тяжести политической жизни и судеб государства: в сознании, в ясно сформулированной воле, в решимости широких рабочих масс. Так же понимаем мы и вопрос о милитаризме. *Если рабочий класс признает и решит, что не нужно допускать войны, то война станет невозможной.*

...Ни в одной из резолюций наших партийных съездов и конгрессов вы не найдете ни одного призыва, рекомендуемого нам стать перед солдатами и кричать им: не стреляйте! Почему? Не потому ли, что мы боимся последствий такой агитации и параграфов уголовного кодекса? Мы были бы поистине жалкими созданиями, если бы из страха перед последствиями мы не делали того, что считаем необходимым и спасительным. Нет. Мы этого не делаем потому, что говорим себе: люди, носящие «королевский мундир», являются только частью рабочего народа, и если этот рабочий народ поймет постыдность войны и вред ее для народных интересов, то солдаты сами, без всяких призывов с нашей стороны, будут знать, что им надо делать в этом случае.

Как вы видите, господа, наша агитация против милитаризма не носит такого жалкого и упрощенного характера, как это представляет себе господин прокурор. В нашем распоряжении имеется много разнообразнейших средств воздействия: воспитание юношества — этим мы занимаемся ревностно и успешно, несмотря на все трудности, которые лежат на нашем пути,— пропаганда милиционной системы, массовые собрания, уличные демонстрации... Наконец, посмотрите на Италию. Как отвечали там сознательные рабочие на триполийскую военную авантюру? Массовой демонстративной стачкой, проведенной блестящим образом. А как реагировала на это германская социал-демократия? 12 ноября берлинские рабочие на 12 собраниях приняли резолюцию, где они благодарили итальянских товарищей за массовую стачку.

Вот именно, массовая стачка! — говорит прокурор. Как раз в этом пункте он надеется опять поймать меня с поличным и разоблачить мои опаснейшие, потрясающие государство намерения. Прокурор, обосновывая сегодня свой обвинительный акт, особенно упирал на мою агитацию по вопросу о массовой стачке и рисовал при этом самые ужасающие перспективы насильственного переворота, какие только могут зародиться в фантазии прусского прокурора. Господин прокурор, если бы я могла предположить у вас хотя бы малейшую способность понять ход мыслей социал-демократии и разобраться в ее более благородном историческом

мировоззрении, я разъяснила бы вам то, что я успешно разъясняю на каждом народном собрании, а именно: что массовых стачек, отмечающих определенный период развития современных отношений, нельзя «сделать», подобно тому как нельзя «сделать» революцию. Массовые стачки — это этап классовой борьбы, к которому с естественной необходимостью приводит наше современное развитие. В этом вопросе вся роль социал-демократии состоит в том, чтобы уяснить рабочему классу эту тенденцию развития, дабы рабочие стояли на высоте своих задач и являлись обученной, дисциплинированной, зрелой, решительной и действенной народной массой.

Как вы видите, прокурор и здесь, выставляя в обвинительном акте призрак массовой стачки *в том виде, как он ее понимает*, хочет в сущности наказать меня не за мои мысли, а за свои собственные.

На этом я закончу. Я хотела бы только сделать еще одно замечание. В своей речи господин прокурор посвятил много внимания моей маленькой персоне. Он изображал меня как человека, чрезвычайно опасного для государственного строя, и не постыдился даже опуститься на уровень «Кладдерадача»⁹⁴ и именовать меня «Красной Розой». Он осмелился поставить под сомнение мою личную честь и высказал подозрение, что я попытаюсь спастись бегством в том случае, если мне назначат требуемую им меру наказания. Господин прокурор, я считаю для себя недостойным отвечать на все ваши нападки. Но я хочу сказать вам только одно: вы не знаете социал-демократии! (*Председатель прерывает: «Мы не можем здесь слушать политических речей»*). В 1913 году многие из ваших коллег трудились в поте лица, чтобы наградить нашу прессу 60 месяцами тюремного заключения. Но слышали ли вы, чтобы хотя один из грешников, боясь наказания, сбежал? Неужели вы думаете, что это огромное количество наказаний отняло решимость хотя бы у одного социал-демократа или поколебало его сознание долга? О, нет, наше дело не обращает внимания на все хитросплетения ваших уголовных параграфов, оно растет и процветает вопреки всем прокурорам!

В заключение еще одно слово о том неблагоприятном обвинении, тяжесть которого ложится на его автора. Прокурор

буквально сказал — я записала его слова: он требует моего немедленного заключения под стражу, ибо «было бы непостижимым, если бы обвиняемая не попыталась бежать». Другими словами, это значит: если бы я, прокурор, был приговорен к одному году тюремного заключения, то я попытался бы спастись бегством. Господин прокурор, я верю вам, вы, конечно, сбежали бы. Но социал-демократ не бежит. Он отвечает за свои поступки и смеется над вашими наказаниями.

А теперь осудите меня!

(Роза Люксембург, Речь,
М.—Л., 1929, стр. 88—100.)

РОССИЯ

Материалы этого раздела характеризуют разные этапы героической истории революционного движения в России.

Первый этап — 70-е годы — начало 80-х годов, когда марксизм в России еще не получил широкого распространения, а идеологами революционного движения являлись народники. Их идеология была выражением взглядов крестьянской демократии. Они верили в особый строй русской жизни, считали, что община явится исходным пунктом социалистического развития страны. Народники были убеждены, что в России возможна крестьянская социалистическая революция. На подготовку к этой революции они и направляли свои героические усилия. Именно такими героями-революционерами являлись народники А. И. Желябов и И. Н. Мышкин, казненные царскими палачами. Представители народничества не понимали исторической роли пролетариата, но тем не менее многое сделали для того, чтобы всколыхнуть трудящиеся массы; они первыми в истории освободительного движения России начали вести революционную пропаганду среди фабрично-заводских рабочих.

В конце 1876 года возникла народническая организация «Земля и воля». Члены этой организации селились в деревне, «шли в народ» (отсюда — «народники»), надеясь поднять крестьян на революцию. Но это не удалось им.

В 1879 году произошел раскол «Земли и воли». Создались две организации: «Черный передел», выступающая за передел всей земли, в том числе и помещичьей, и «Народная воля», перешедшая к политической борьбе с царским самодержавием. Эту политическую борьбу народовольцы понимали не как борьбу масс, а как заговор с целью низвержения

царя и захвата власти небольшой революционной организацией. Члены этой группы опирались на свою ошибочную теорию об активных «героях» и пассивной «толпе». Это была вредная тактика, сковывающая активность масс. Поскольку в революционном движении того времени безраздельно господствовали народники, постольку под их влияние попадали и рабочие-революционеры.

Передовые рабочие — современники Парижской Коммуны — не удовлетворялись народническими теориями. Они начинают искать самостоятельные пути борьбы. Большую роль здесь сыграли такие организации, как «Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих». Постепенно из среды рабочих выделяются крупные революционеры, такие, каким был, например, ткач Петр Алексеев.

К началу 1880 годов в России создавалась революционная обстановка. Несмотря на значительный рост рабочего движения и непрерывные крестьянские волнения, революция не разразилась. Ее некому было возглавить — не было крепкой революционной партии, способной повести за собой массы. Трусливая русская буржуазия же, кроме как о мелких реформах, ни о чем не помышляла.

Народовольцы в этой обстановке избрали ошибочный путь индивидуального террора, закончившегося, как известно, убийством царя Александра II. После этого события царское правительство разгромило «Народную волю».

Из организации «Черный передел», члены которой эмигрировали в Женеву, создавалась первая русская марксистская группа — «Освобождение труда», возглавляемая Г. В. Плехановым. Эта группа повела идейную борьбу с народничеством, которую продолжил и завершил В. И. Ленин.

Однако прежде чем разгром народничества был завершен, оно продолжало пользоваться влиянием в России. Одной из наиболее влиятельных групп была «Террористическая фракция партии «Народная воля», в числе руководителей которой был А. И. Ульянов — брат В. И. Ленина. В этой группе чувствовалось уже сильное влияние марксизма. Социализм она рассматривала как неизбежный результат капитализма, серьезное значение придавала рабочим как ядру социалистической партии. Однако заговорщически-террористический

дух народничества остался и в этой группе. Он нашел свое проявление в попытке покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Попытка потерпела неудачу. Члены фракции, в том числе А. И. Ульянов, были казнены. В 80-х — 90-х годах народничество отказалось от пропаганды революционной борьбы и стало проповедовать примирение с царским правительством и помещиками.

В борьбе с народничеством вырос и окреп марксизм в России.

Второй этап, освещенный в разделе, — это годы подготовки и проведения первой русской революции 1905—1907 гг. К этому времени в России уже создана революционная марксистская партия рабочего класса. В начале XX в. в стране назревает новый революционный взрыв. Экономический кризис 1900—1903 гг. низвел сотни тысяч трудящихся до уровня нищеты. Изю дня в день росло число безработных, разорившихся крестьян.

В 1901—1902 гг. трудящиеся крупнейших городов России вышли на демонстрации с лозунгами «Долой самодержавие». Одна из таких демонстраций состоялась в Нижнем Новгороде. В организации ее принял участие рабочий-большевик Петр Заломов, послуживший А. М. Горькому прототипом Павла Власова — героя романа «Мать».

В 1903—1904 гг. волна рабочего движения поднялась еще выше. Чашу народного терпения переполнил расстрел мирного шествия к царю 9 января 1905 г. Началась первая русская революция.

Приведенный в сборнике процесс лейтенанта П. Шмидта — один из многочисленных эпизодов того времени.

Своего апогея революция достигла в декабре 1905 года, когда московский пролетариат первым в стране поднял против царизма знамя вооруженного восстания. Одним из руководителей этого восстания был В. Л. Шанцер, материалы о деятельности которого и поведении на суде читатель найдет в настоящей книге.

В крови потопил революцию Николай Кровавый. Но 1905—1907 гг. не прошли бесследно. Они знаменовали собой начало новой эпохи — эпохи глубочайших политических потрясений и революционных битв во всем мире.

Третий этап, представленный в разделе в виде процесса над большевиками-депутатами IV Государственной думы, отражает годы нового революционного подъема. Этот период предшествует Февральской буржуазно-демократической революции и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

В эти годы партия большевиков выступает как крупнейшая политическая сила в стране. Большевики-депутаты IV Государственной думы смело отстаивали в думе точку зрения партии по самым наболевшим вопросам народной жизни, разоблачали усиленную подготовку царского правительства к войне. Своим мужественным поведением фракция большевиков завоевала огромный авторитет среди рабочих.

Когда Россия вступила в первую мировую войну (1914 г.), большевистские депутаты отказались вотировать военный бюджет. Депутаты выезжали в промышленные центры страны, проводили многолюдные рабочие собрания, принимавшие антивоенные резолюции. Царское правительство организовало над депутатами-большевиками судебный процесс, который они использовали для пропаганды своих взглядов на войну.

Первая мировая война создала в России революционную ситуацию, вылившуюся в Февральскую буржуазно-демократическую революцию, разрешившую ближайшую задачу партии — свержение царизма — и открывшую возможность для ликвидации капитализма и установления социализма. Эту возможность народ использовал в октябре 1917 года. Октябрьская революция свергла иго эксплуататоров и положила начало новой эре в истории человечества — эре торжества социализма и коммунизма.

ПРОЦЕСС 193-Х

В своей работе «Что делать?» В. И. Ленин, разоблачая утверждения «экономистов» о том, что «рабочим кружкам вообще недоступны политические задачи», писал: «...кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса». (Соч., т. 5, стр. 416.)

Из четырех, упомянутых Лениным фамилий революционеров, одна — Мышкин — многим неизвестна.

Русский революционер, народник Ипполит Никитич Мышкин (1848—1885), начал революционную деятельность в Мо-

ске в 1873 году, открыв нелегальную типографию. После ее разгрома эмигрировал за границу, но в 1875 году, поставив цель организовать побег Н. Г. Чернышевского из Вилейска, вернулся в Россию.

Побег организовать не удалось. Мышкин был арестован и предан суду по «процессу 193-х». Этот «Большой процесс» оказал огромное влияние на русское общество.

В качестве «основных» обвиняемых были революционеры-народники С. Ф. Ковалик, П. И. Войнаральский, Д. М. Рогачев и И. Н. Мышкин. Все они обвинялись в организации «сообщества», пытавшегося ниспровергнуть существующий строй. Мышкину, кроме того, было предъявлено обвинение в попытке организовать побег Н. Г. Чернышевского.

Центральным событием «процесса 193-х» явилась обличительная речь Ипполита Мышкина.

Речь И. Н. Мышкина

Первоприсутствующий: Подсудимый Мышкин! Вы обвиняетесь в том, что принимали участие в противозаконном обществе, имевшем целью в более или менее отда-

ленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства. Признаете ли вы себя виновным?

Мышкин: Я признаю себя членом не сообщества, а социально-революционной партии и прошу позволения объяснить, в чем именно заключается преступление, которое я, по собственному моему сознанию, совершил против русских государственных законов.

Первоприсутствующий: Объясните!

Мышкин: Я не могу признать себя членом тайного сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключению, но и по убеждению, не представляем нечто обособленно-целое, связанное единством цели, общей для всех организаций. Мы составляем лишь частицу многочисленной в настоящее время на Руси социально-революционной партии, понимая под этим словом всю массу лиц одинаковых с нами убеждений, одинаковых, конечно, только вообще, а не в частности,— лиц, между которыми существует хотя преимущественно только внутренняя связь, однако связь достаточно реальная, обуславливаемая единством целей и большим или меньшим единообразием средств практической деятельности. Основная задача социально-революционной партии — установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в крупных и мелких движениях народных и повсеместно присущи народному сознанию, составляет вместе с тем справедливейшую форму общественной организации. Строй этот — земля, состоящая из союза независимых производительных общин. Осууществлен он может быть только путем социальной революции, потому что государственная власть преграждает все мирные пути для достижения этой цели и добровольно никогда не откажется от насильственно присвоенных ею себе прав. В этом нам ручается здесь ход истории. Возможно ли мечтать о мирном пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочет даже и выслушать этого голоса и за всякое стремление, несогласное с видами ее, награждает тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрешение социальных вопросов соответственно народным потребностям, когда народ не только для осуществления своих желаний, но даже и

для выражения их не имеет другого средства, кроме бунта, этого единственного органа народной гласности? Едва ли эта мысль нуждается в подстрочном примечании.

Первоприсутствующий: Вы признали себя членом известной партии. Вы объяснили, в чем заключается ваше стремление; затем препятствия, о которых вы говорите, не входят в круг обсуждения суда, поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите.

Мышкин: Весьма важно выяснить, почему мы смотрим на революцию, как на единственно возможный исход из настоящего положения.

Первоприсутствующий: То, что относится к вопросу о вашей виновности, вы уже достаточно выяснили; остальное вы можете сказать впоследствии.

Мышкин: Я полагаю, что для суда весьма важно знать, как мы относимся к революции, т. е. предполагаем ли мы, что наша партия должна во что бы то ни стало немедленно вызвать, создать революцию или только позаботиться об успешном исходе ее; предполагается ли немедленное осуществление революции или в более или менее отдаленном будущем; от этого будет зависеть определение всей виновности с точки зрения государственных законов.

Первоприсутствующий: Об этом вы можете говорить.

Мышкин: Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не в том, чтобы вызвать, создать революцию, а в том, чтобы только гарантировать успешный исход ее, потому что не нужно быть пророком, чтобы при нынешнем отчаянно бедственном положении народа предвидеть как неизбежный результат этого положения всеобщее народное восстание. Ввиду неизбежности этого восстания нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно более продуктивно для народа, а главное — предостеречь его от всех фокусов, которыми западноевропейская буржуазия обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды из народной крови, пролитой на баррикадах. Ради этой цели наша практическая деятельность должна состоять в сплочении, в объединении революционных сил, революционных стремлений, в слиянии двух главных революционных потоков:

одного, недавно возникшего и проявившего уже порядочную силу — в среде интеллигенции, и другого, более широкого, более глубокого, никогда не иссякавшего потока — народно-революционного. В этом объединении революционных элементов путем окончательного сформирования социально-революционной партии и заключалась вся задача движения 74—75 гг. Задача эта если не вполне, то в значительной степени выяснена, и знамя социальной революции водружено во всех концах русской земли. Прибавлю к этому, что в только что сказанных мною словах я указал лишь на центр нашей деятельности и что в массе участвовавших в последнем движении были лица, стоящие на различных ступенях революционного развития, начиная с тех, кто делал первые шаги по пути уяснения причин народных страданий, и кончая отдельными личностями, делавшими попытки организации сил нашей партии. При всем различии взглядов по другим вопросам приверженцы социальной революции сходятся в одном: что революция может быть совершена не иначе, как самим народом, при сознании им, во имя чего она совершается; другими словами: настоящий государственный строй должен быть ниспровергнут только тогда, когда пожелает этого сам народ. Следовательно, если правительство солидарно с народом, оно не может считать нас злоумышленниками. Можно ли указывать как на заговорщиков и бунтовщиков на тех, кто говорит: «Мы будем ходатайствовать перед народом об удовлетворении настоятельнейших нужд страны, нужд, сознаваемых самим народом; мы предлагаем для этого свою посильную помощь, и да будет все так, как пожелает народ». Ведь в нашем распоряжении нет ни тюрем, ни военных команд, ни больших промышленных предприятий, закабаляющих тысячи рабочего люда. Следовательно, мы не имеем никаких средств насильствовать народную волю в пользу излюбленных нами идей. Мы можем действовать только убеждениями. Все средства насилия находятся в распоряжении и действительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагоприятные для нас условия, правительство все-таки имеет серьезные основания опасаться, что наша деятельность увенчается успехом, то, значит, мы не ошибаемся, рассчитывая на сочувствие народа нашим идеям; но в таком случае мы

не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанных народом.

Объяснив в кратких словах цель и средства социально-революционной партии, я перехожу к следующему, не менее важному вопросу о причинах возникновения и развития этой партии вообще и движения 1874 года в частности. В обвинительном акте все дело представлено таким образом, что были-де на Руси обломки прежних политических сообществ, была еще русская эмиграция в Швейцарии, явилось несколько энергичных личностей, и по слову: «Да будет революционное движение на Руси!» создалось таковое по всему лицу земли русской. А так как обломки преступных сообществ и эмиграция давно существовали и всегда будут существовать до окончания нынешнего государственного строя, то оказывается, что движение, подобное нынешнему, было вызвано и всегда может быть вызвано по произволу тремя-четырьмя лицами. Конечно, ни один мыслящий человек, сколько-нибудь понимающий причины социальных явлений, не удовлетворится подобным прокурорским объяснением. Для крупного социального явления должны быть крупные социальные причины. Нужно особое недомыслие или особенная недобросовестность, чтобы называть искусственно созданными революционные движения в среде интеллигенции.

П е р в о п р и с у т с т в у ю щ и й: Прошу не употреблять подобных выражений.

М ы ш к и н: Я говорю только, что движения эти не созданы искусственно. Изучая их, мы прежде всего замечаем тот знаменательный факт, что все движения в интеллигенции соответствуют параллельным движениям в народе и даже являются простыми отголосками последних; так что движения народа и интеллигенции представляют как бы два параллельных потока, стремящихся слиться в общее русло, уничтожив разделяющую их вековую плотину; плотина эта — рознь между интеллигенцией и народом, которая сложилась вследствие вековой отчужденности друг от друга. Первое движение интеллигенции в начале 60-х годов⁹⁵ было отголоском того сильного народного волнения, которое было во время крестьянской реформы вследствие того, что народ не удовлетворялся этим мнимым своим освобождением. Это

движение положило фундамент социально-революционной партии. Затем, ко времени исполнения 10-летия крестьянской реформы, в народе стали ходить настойчивые слухи об уменьшении и даже об уничтожении выкупных платежей. Слухи эти хотя не вызывали массы бунтов, как в 60-х годах, но все-таки поддерживали волнение в народе, и отголоском на это волнение явилось движение интеллигенции, завершившееся так называемым Нечаевским процессом⁹⁶. Наконец, в наши дни обеднение народа, истощаемого непомерными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухим, чтобы не слышать громкого ропота народа. Этот ропот и вызвал движение 73—75 гг., которое было последним фазисом развития социально-революционной партии. Эта только что указанная, несомненно существующая связь между революционными движениями в интеллигенции и в народе легко может ускользать от внимания общества по той простой причине, что, благодаря известной, практикуемой в России системе гласности, до сведения нашего общества доводится преимущественно только о разных мелочах; о более же крупных фактах народной жизни систематически умалчивается или не менее систематически извращается. Например, о крестьянских бунтах, бывших в 60-х годах, общество наше знает только по слухам.

Первоприсутствующий: Особое присутствие вовсе не нуждается в примерах.

Мышкин: Если высказанный мною взгляд о системе русской гласности представляется для Особого присутствия несомненной истиной, не нуждающейся в доказательствах, то я охотно готов воздержаться от приведения примеров, которые подтвердили бы мою мысль.

Первоприсутствующий: Для суда это не составляет истины. Суд сумеет сам различить, что истина; от него зависит придать мнению подсудимого то или другое значение.

Мышкин: Я это очень хорошо знаю и желаю только полнее выяснить тот весьма важный вопрос, что движения интеллигенции не созданы искусственно, а составляют только отголосок народных волнений. Общество наше в настоящее время знает только, что был суд и происходит суд над несколькими представителями революционного движения

в среде интеллигенции, и ему может показаться, что это движение не имеет под собой твердой почвы, не имеет твердой связи с народом, потому что от общества скрыты другие, более резкие проявления революционного духа в самом народе; между тем в самих проявлениях в 73—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волнениях между уральскими казаками, о которых наше общество имеет очень скудные сведения, во многих других местах приходилось прибегать к помощи военных команд для усмирения народа; несколько татарских волостей в Пермской губернии, раскольники на уральских заводах, крестьяне в Казанской губернии, Воронежской и Киевской...

Первоприсутствующий: Вы опять приводите примеры, в которых, как я уже сказал, не нуждается Особое присутствие; да они и не могут быть подтверждены на следствии.

Мышкин: Иначе мои заявления будут голословны.

Первоприсутствующий: Вы входили в вашей речи в очень подробный разбор. Я вам сделал вопрос о том, признаете ли вы себя виновным в принадлежности к противозаконному обществу, указанному в обвинительном акте; вы себя признали принадлежащим к другому незаконному обществу, какому — вы сказали. Затем я не вижу, что может еще остаться для выслушания суду по этому вопросу.

Мышкин: Я хотел только выяснить, что причина нашего преступления есть народные движения, которые были в последнее время, что эти движения существуют и что наше движение есть не более, как отголосок этих движений.

Первоприсутствующий: Ваши мнения ни в каком случае не могут служить для суда доказательством или таким фактом, который он должен был бы принять за несомненный вывод из того, что вы говорите. Если желаете, то говорите так, чтобы ваша речь в настоящее время не имела защитительного характера, потому что до этого еще не дошло дело. Говорите так, чтобы суд мог себе уяснить, признаете ли вы себя виновным в том преступлении, в котором обвиняетесь, и что вас побудило к этому преступлению, но не касайтесь таких фактов, которые не могут подлежать обсуждению суда.

Мышкин: Если я говорю, что меня побудило к этому невыносимое положение народа, то я должен привести примеры...

Первоприсутствующий: Это совершенно излишне. Вы сослались на тяжелое положение народа и продолжайте дальше.

Мышкин: Я думаю, я имею право доказывать правильность моих выводов! Разумеется, суд может относиться к моим мнениям, как ему угодно, но для чего же не дать мне высказать причины, побудившие меня, для чего зажимать мне рот...

Первоприсутствующий: Вам никто не зажимает рот. На основании закона я обязан допускать прения и доказательства только того, что предъявлено в обвинении, поэтому я не могу дозволить вам говорить о том, что не подлежит нашему обсуждению. Я вам не препятствую продолжать речь, но прошу ограничиваться только выводами, которые вы признаете нужным сказать суду.

Мышкин: Я хотел привести эти примеры только для того, чтобы выяснить следующее: мы видим теперь, что в числе моих товарищей — девушка, намеревающаяся читать крестьянам лекции по социальным вопросам, юноша, давший книгу крестьянскому мальчику, несколько человек, рассуждавших о причинах народных страданий и высказавших такое мнение, что не худо бы, пожалуй, народное восстание,— все они привлечены к суду как тяжкие преступники. А лица, открыто возмущившиеся против государственной власти и усмирённые только при помощи штыков и розг, ссылаются административным порядком. Как будто бы у нас говорить о бунте гораздо преступнее, чем участвовать в самом бунте. Этот абсурд очень понятен: представители другой, более страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на суде нечто более полновесное, более неприятное для государственной власти и более поучительное для общества, чем мы. Поэтому-то им зажимают рот и не дают им возможности сказать свое слово перед обществом. Кроме бунтов, есть еще и другие, не менее значительные факты, доказывающие усиление в последнее время революционных стремлений в народе, как, например, распространение революционных сект, где отрицание государственной

власти возводится в догмат; источник этой власти именуется антихристом, а представители этой власти — слугами антихриста; образование в крестьянской среде обществ со специальной целью уклонения от платежа повинностей без всякой религиозной основы, исчезновение целых деревень по той же причине, т. е. как результат стремления избавиться от невыносимых поборов...

Первоприсутствующий: Эти объяснения не относятся к вопросу о виновности, который я предложил вам. Я позволил вам говорить, потому что вы признали себя виновным в принадлежности хотя и не к тому сообществу, в котором обвиняет прокуратура, но к другому или к партии...

Мышкин: Я не сказал, что признаю себя виновным, и не мог сказать этого, потому что, напротив, считал и считаю своею обязанностью, долгом чести стоять в рядах социально-революционной партии.

Первоприсутствующий: Ну да, вы признали себя членом партии и достаточно уже разъяснили свое преступление. Все остальное, что вы желали бы сказать, вы можете изложить впоследствии.

Мышкин: Но для суда необходимо еще знать причины, вызвавшие данное преступление. Об этих-то причинах я и желал бы сказать еще несколько слов. Возникновение социально-революционной партии относится к началу 60-х годов. Оно совершилось как отголосок на народные страдания и народные волнения, при участии известной фракции русской интеллигенции, благодаря, главным образом, двум причинам: во-первых, влиянию на интеллигенцию передовой западноевропейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли — образования Международного общества рабочих⁹⁷; во-вторых, уничтожению крепостного права, потому что после крестьянской реформы в среде неподатных классов образовалась целая фракция, испытывавшая на самой себе всю силу гнета государственного экономического строя, готовая откликнуться на зов народа и послужившая ядром социально-революционной партии. Фракция эта — умственный пролетариат. Кроме того, крестьянская реформа оказала три важные услуги социально-революционному делу: 1) с 19 февраля 1861 г. начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным

спутником — борьбою между капиталом и трудом; 2) крестьянская реформа, вместе с другими реформами, послужила для нас наглядным доказательством истины, которая прежде была нам известна только из книг и по чужому опыту, доказательством полной несостоятельности политических реформ в деле коренного улучшения народного быта. С каким восторгом, с каким ликованием приветствовало русское либеральное общество так называемые великие реформы нынешнего царствования, — и что же мы видим в результате! Народ доведен до отчаянно бедственного положения, до небывалых голодовок, и не нужно особенного политического радикализма, чтобы усомниться в благодетельности всех этих реформ для народной массы; 3) крестьянин, освобожденный от помещика, стал лицом к лицу с представителями губернской власти, увидел, что ему нечего надеяться на эту власть. нечего ждать от нее, увидел, что он жестоко обманывался, веря в царскую правду, ища в ней опору против своих врагов...

Первоприсутствующий: Вы достаточно уже выяснили свою мысль...

Мышкин: Я хочу только сказать, что крестьянам не трудно было убедиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится к одному: к переводу более 20 млн. крестьянского населения из разряда помещичьих холопов в разряд государственных или, вернее сказать, чиновничьих рабов. Как прежде крестьянин работал всю жизнь на помещика, так и теперь весь его труд идет в казну. Как прежде помещик был полным властелином жизни и собственности крестьянина, так теперь чиновник..

Первоприсутствующий: Вы говорите о том, как крестьяне относятся к реформам и к правительству: вы не можете говорить об этом здесь за крестьян...

Мышкин: Мне необходимо выяснить эту сторону вопроса в особенности потому, что только тогда суд поймет, почему я — сын крепостной крестьянки и солдата, видевший собственными глазами уничтожение крепостного права, — не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою в рядах отъявленных врагов его. Когда крестьяне увидели, что их наделяют песками да болотами, да такими клочками земли, на которых немисливо ведение

хозяйства, сколько-нибудь обеспечивающего быт земледельца, а между тем за эти клочки наложили громаднейшие платежи, превышающие в несколько раз доходность наделов; когда крестьяне увидели, что это новое нарушение права народа на землю совершается не по произволу помещиков, а с утверждения верховной власти; что в положении 19 февраля нет той статьи, присутствие которой они предполагали, которая должна была охранять народные интересы и скрыта будто бы духовенством и помещиками; когда они увидели все это, то не могли не убедиться, что им не на кого более надеяться, как на свои собственные силы. Рядом с этим крестьяне, превратившиеся в орудие капиталистического производства, поняли всю прелесть так называемого свободного договора между голодным тружеником и сытым капиталистом, поняли также, что капиталист угнетает рабочего не только вследствие экономической несостоятельности последнего, но еще и благодаря тому, что в спорах между капиталистом и рабочим правительство всегда становится на сторону первого,— поняли это и не могли не отнестись с еще большею ненавистью к угнетающей их государственной власти...

Первоприсутствующий: Я не могу позволить вам порицать правительство.

Мышкин: Человек, совершающий политическое преступление, самым этим фактом порицает уже правительство. Я не могу вовсе разъяснить моего преступления, и в особенности причин его, не касаясь таких сторон государственной жизни, которые с моей точки зрения заслуживают порицания. Если мое мнение ошибочно, то оно повредит только мне. А если в нем есть правда, то тем менее оснований зажимать мне рот.

Первоприсутствующий: Я не зажимаю вам рот, я говорю только, что не могу допустить порицать правительство.

Мышкин: Мне необходимо указать те элементы, из которых социально-революционная партия почерпает свои силы. Я сейчас кончу это перечисление. После земледельцев и фабричных рабочих умственный пролетариат как по своему экономическому положению, так и по своим знаниям, извлеченным из исторического опыта нашего и других народов, не мог не стать в ряды врагов государственности. Наконец,

в эти же ряды стали из других классов общества личности, которые по самой натуре своей способны действовать только во имя известного, выработанного ими идеала, а не для узких экономических целей. Вот те элементы, из которых почерпала и до сих пор черпает свои силы социально-революционная партия. Прочным цементом, скреплявшим все революционные элементы, служит крайне бедственное положение народа и совершенное бесправие российских граждан. Что народ находится в очень бедственном положении...

Первоприсутствующий: Вы об этом уже говорили, и нельзя возвращаться опять.

Мышкин: Я не могу не говорить подробно об этом вопросе, потому что источник всех революционных движений — чрезвычайные страдания народа и недовольство его своим положением. Притом в обвинительном акте почти на каждой странице можно найти указания, что подсудимые напирали, главным образом, на тяжесть податей, на недостаток земли, на общее обеднение крестьян. Поэтому нет ничего удивительного, что мне часто приходится возвращаться к этому вопросу, тем более, что вследствие перерывов, которым я подвергался со стороны господина первоприсутствующего, я не могу излагать свои соображения вполне последовательно, систематично. Повторяю, я считаю этот вопрос самым существенным, и потому мне необходимо сказать о нем еще несколько слов...

Первоприсутствующий: Вы извольте теперь вести вашу речь к тому, признаете ли вы себя виновным или нет.

Мышкин: Я уже сказал, что признаю себя членом социально-революционной партии. В моей речи я хотел высказать те причины, которые повлекли за собой создание этой партии.

Первоприсутствующий: Вы уже сказали о причинах; нам больше нечего знать.

Мышкин: В таком случае я не могу окончить того, что я хотел еще сказать по главному вопросу. Перехожу к другим, более частным. Из обвинительного акта видно, что, по уверению прокурора, сообщество, в принадлежности к которому я обвиняюсь, поставило целью своей деятельности борьбу против религии, собственности, семьи и науки, возводило ленность и невежество на степень идеала и сулило в виде

ближайшего осуществления благ житье на чужой счет. Если бы действительно подтвердилось, что другие подсудимые задавались подобными целями, то я руками и ногами откредитился бы от солидарности с ними, и чтобы очистить себя от подобных явлений, я выскажу свой взгляд на задачи социально-революционной партии по отношению к только что перечисленным мною вопросам. Начну с религии. В идеале общественного строя, стремиться к осуществлению которого я поставил целью своей деятельности, нет места уголовным наказаниям за распространение каких бы то ни было зловредных, в том числе и религиозных, идей, за соращение в ереси, за исполнение или неисполнение обрядов, предписанных такою-то церковью и т. п. Словом, нет места насилию над мыслью и совестью человека; каждый может верить или не верить во что ему угодно; каждая община, если только пожелает, будет иметь право строить у себя на свой собственный счет сколько угодно церквей и содержать сколько угодно попов. Никто помешать этому не может, ибо община вполне самостоятельная, вполне независимая устроительница своих дел. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждала бы под страхом наказания лгать, лицемерить.

Первоприсутствующий: Вас и теперь никто не принуждает лгать, лицемерить. Прошу воздержаться от подобных инсинуаций.

Мышкин: По вашим законам, я под страхом уголовного наказания не могу перейти из православия в другое вероисповедание, следовательно, закон принуждает меня лицемерить.

Первоприсутствующий: Вы не можете порицать законов, и вообще, каковы бы ни были законы, они не подлежат нашему обсуждению.

Мышкин: Я констатирую только известный факт. Я говорю, что в желанном нам строе не должно быть такой силы, которая заставляла бы людей насильно, под конвоем жандармов шествовать в христианский или иной рай.

Первоприсутствующий (*возвышая голос*): Я не могу дозволить таких выражений.

Мышкин: Словом, по отношению к религии я желаю одного — полнейшей веротерпимости и глубоко убежден, что

свобода слова в соединении с правильным воспитанием и образованием непременно приведут к торжеству истины, т. е. к торжеству научной мысли над мыслью теологической, и тогда...

Первоприсутствующий: Нам нет дела до ваших убеждений.

Мышкин: А за что же я сижу, как не за убеждения?

Первоприсутствующий: Не за убеждения, а за действия.

Мышкин: За действия, которые служат только выражением моих убеждений. Перехожу к другому обвинению, возводимому на всех нас прокуратурой, в том, что мы возводили невежество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мне не стоит ни малейшего труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображение. Кого скорее можно считать ревнителем невежества: тех ли, кто с риском для себя печатает и распространяет хоть бы такие книги, как сочинения Лассалья, или тех, кто преследует, истребляет подобные книги?

Первоприсутствующий: Вы произносите защитительную речь, для которой теперь не время.

Мышкин: Я хочу только возразить на те обвинения, которые возведены прокурором на всех подсудимых огулом, а в том числе и на меня.

Первоприсутствующий: Это вы успеете сделать в свое время, а не теперь.

Мышкин: Я прошу указать мне момент, когда я буду иметь право говорить об этом.

Первоприсутствующий: Я не обязан указывать; это будет зависеть от усмотрения суда.

(Затем первоприсутствующий обращается к Мышкину с вопросом, признает ли он себя виновным в том, что составлял, печатал и рассылал в разные местности сочинения, возбуждающие к бунту или другому неповиновению власти верховной, с целью распространения их.)

Мышкин: Я признаю, что в качестве содержателя типографии я считал своею обязанностью по мере сил своих содействовать печатанию книг, запрещенных правительством, и прошу позволения теперь же объяснить причины, побудившие меня к этому. Мысль о необходимости печатания книг антиправительственного содержания созревала во мне посте-

пенно, и я решился, наконец, осуществить ее только тогда, когда окончательно убедился, что у нас на Руси печать находится в безотрадном положении, вовсе не соответствующем потребностям как современного образованного общества, так и в особенности потребностям народа; когда я убедился, что у нас каждый правдивый, неподкрашенный рассказ из жизни трудящегося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая действительные причины народных страданий, каждая дельная статья, указывающая страшные язвы на русском государственном и общественном организме, — все это беспощадно преследуется, истребляется, сжигается...

Первоприсутствующий: Вы произносите защитительную речь.

Мышкин: Могу ли я говорить о причинах преступлений?

Первоприсутствующий: Об этом можете говорить после... Затем... (*смотрит в обвинительный акт*). Вы обвиняетесь еще в том...

Мышкин: Я не буду отвечать ни на какие ваши вопросы, прежде чем не успею дать необходимые разъяснения по первым двум обвинениям.

Первоприсутствующий: Так садитесь.

(*Мышкин сел. Затем был допрошен свидетель Гольдман.*)

Мышкин: Хотя я на основании 729 статьи Устава уголовного судопроизводства имею право требовать, чтобы мне было сообщено обо всем, бывшем на суде по первым II группам, но так как я уверен, что подобное требование, несмотря на всю его законность, не будет уважено, то я считаю излишним обращаться с ним к суду. Но я прошу, по крайней мере, сообщить мне о тех наиболее важных частях судебного следствия, которые имеют непосредственное отношение ко мне, как к одному из членов предполагаемого сообщества. Например, все подсудимые, следовательно, в том числе и я, обвиняются в готовности к совершению всяких преступлений ради приобретения денег. Я желаю знать, подтвердило ли судебное следствие те факты, на основании которых прокурор создал это обвинение? Так подтвердило ли следствие, что некоторые подсудимые «предлагали Идалии Польгейм сделаться любовницей какого-то старика, курского помещика, с тем, чтобы обобрать его, отравить, а деньги предоставить

на пользу кружка?» Если я получу ответ на этот вопрос, то затем укажу еще на несколько подобных же мест обвинительного акта, относительно которых мне необходимо знать, подтверждены ли они судебным следствием?

Первоприсутствующий: Во время всего следствия по первым II группам ваше имя ни разу не упоминалось; следовательно, оно вовсе не относится до вас.

Мышкин: До меня относятся все те факты, на которых построены общие прокурорские выводы: например, я уже указал на обвинение в готовности совершить преступление ради денег. Так как в обвинительном акте не сказано, что оно относится до таких-то лиц, а возводится вообще на всех, то, очевидно, что сделано это только вследствие предположения солидарности между всеми нами; поэтому каждый из нас имеет право знать все те части следствия, которые относятся до подобных общих обвинений. На требовании объяснения подтвердило ли судебное следствие как упомянутый мною факт, так и другие подобные же факты, я настаиваю потому, что, как известно частным образом, уже доказана судебным следствием лживость их, а следовательно, и лживость прокурорских выводов.

Первоприсутствующий (возвысив голос): Прошу не употреблять подобных оскорбительных выражений.

Мышкин: Для выяснения вопроса о праве моем на получение требуемых мною сведений я желаю, чтобы прокурор объяснил, относится ли обвинение в готовности на всякие преступления в числе прочих подсудимых и ко мне или нет?

Первоприсутствующий: Подобного объяснения прокурор теперь не может дать. Когда вы услышите обвинительную речь, тогда и представите свои соображения.

Мышкин: Но не располагая данными всего следствия, я лишен буду возможности опровергнуть общие прокурорские выводы, хотя бы они были совершенно неосновательны.

Первоприсутствующий: Вы будете слышать следствие по этой группе и узнаете все, что относится до вас.

Мышкин: Но я не узнаю ничего, относящегося до тех обвинений, о которых я упомянул и которые возводятся вообще на всех подсудимых.

Первоприсутствующий: Вы еще не знаете, что будет выяснено на судебном следствии.

Мышкин: Обвинение меня в принадлежности к сообществу основано не на какой-либо определенной группе свидетельских показаний, в обвинительном акте вовсе не указаны даже улики, изобличающие меня в этом преступлении; значит, обвинение это основано исключительно на предположении нравственной связи между всеми подсудимыми — предположении, извлеченном, вероятно, прокурором из всего следственного производства. Поэтому и я как сторона, равноправная по закону с прокурором, имею право на ознакомление со всеми данными, подтверждающими, по мнению прокурора, связь между нами, и в особенности с теми данными, на которых, повторяю, основано обвинение всех нас огулом в различных преступлениях.

Первоприсутствующий: Еще раз говорю, что, находя следствие по предыдущим группам не относящимся до вас, я не считаю нужным сообщить вам о нем.

Мышкин: В таком случае я желаю теперь возразить на некоторые из прокурорских обвинений. Так, между прочим, в обвинительном акте сказано, что мы смотрим на науку как на средство эксплуатировать народ и склоняем учащуюся молодежь покидать школы. Я открыто признаюсь, что принадлежу к числу тех, которые не видят для революционера необходимости оканчивать курс в государственных школах. Так как этот взгляд навлек на нас уже немало нареканий со стороны известной части общества, то я считаю необходимым объяснить, путем каких соображений я пришел к этому взгляду. Я предположил: что если бы Россия в настоящее время находилась под татарским игом и во всех больших городах на деньги, собранные в виде дани с русского народа, существовали бы школы под ведением татарских баскаков, в этих школах читались бы лекции о великих добродетелях татарских ханов, об их блестящих военных подвигах, об историческом праве татар господствовать над русским народом и собирать с него дань...

Первоприсутствующий: Этот пример не идет к делу.

Мышкин: Господин первоприсутствующий, я обладаю таким складом ума, что могу усваивать известное положение и доказывать справедливость его преимущественно только путем аналогий, сравнений. Поэтому прошу позволить мне

окончить начатое сравнение как вполне уясняющее мою мысль. Итак, если бы в предполагаемых мною школах история излагалась таким образом, чтобы доказать неспособность русского народа к самостоятельной жизни и все обучение было бы направлено лишь к тому, чтобы создать из русских юношей верных, покорных слуг татарских ханов, то спрашивается — была ли бы необходимость оканчивать курс в подобных школах для той части русской молодежи, которая желала бы посвятить все свои силы делу воодушевления русского народа к дружной, единокрушной борьбе против отъявленных врагов его? Конечно, нет. Точно так же я думаю, что и в настоящее время нет надобности для революционера в окончании курса в существующих государственных школах, потому что... удерживаюсь от окончания этой фразы из опасения быть остановленным господином первоприсутствующим.

Затем в обвинительном акте говорится, что сущность революционного учения заключается в том, что «лишение ближнего его собственности и уничтожение власти, которая ему препятствует, есть формула осуществления, если не всеобщего, то нашего личного (пропагандистов) блага на земле». Я, признаюсь, не знаком с таким революционным учением. Учение, которого я придерживаюсь, гласит, напротив, что обеспечение трудящемуся человеку права полного пользования продуктом его труда и уничтожение власти, которая ему препятствует, безусловно необходимы для осуществления на земле блага трудящихся классов. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присваивает себе право налагать на народ какую угодно контрибуцию, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военных команд, отнимать последний кусок хлеба у крестьян...

(Первоприсутствующий прерывает Мышкина, и между ними завязывается спор, подобный приведенному выше: первоприсутствующий кричит, что не может допустить порицания правительства, а Мышкин доказывает право политического преступника на выражение такого порицания, потому что иначе причина преступления не может быть выяснена. Только недовольство правительством, говорит он, и вообще существующим строем создает революционеров. Кончается

тем, что Мышкин принужден был отказаться от разбора наиболее существенных общих прокурорских выводов, изложенных на первых страницах обвинительного акта.)

Мышкин: Значит, прокурор может говорить и писать, что ему угодно, а мы все должны молчать...

Перехожу к другому предмету. Прошу заявить о тех незаконных, насильственных мерах, которые были приняты против меня во время предварительного ареста. После первого же допроса я за нежелание отвечать на некоторые из предложенных мне вопросов был закован сначала в ножные кандалы, а спустя некоторое время еще в наручники. Одновременно с этим я был лишен права пользоваться не только чаем, но даже просто кипяченою водою.

Первоприсутствующий: Ваше заявление совершенно голословно.

Мышкин: О заковке в кандалы имеется протокол в деле. До какой мелочности доходит мстительность властей по отношению к политическому преступнику, в котором они видят своего личного врага, лучше всего доказывает следующий, правда, мелкий, но очень характерный факт. Когда я унился до ничтожной просьбы о дозволении носить под кандалами чулки, потому что на ногах образовались язвы от кандалов, то даже на эту ничтожную просьбу я получил отказ. Затем во все время содержания меня под стражей мне ни разу не позволили повидаться с матерью.

Первоприсутствующий: Суд не может проверить ваши показания, как совершенно голословные.

Мышкин: Я обращался в Особое присутствие с просьбою об истребовании, откуда следует, справок об обстоятельствах, сопровождавших заковку меня в кандалы, но Особое присутствие не нашло мою просьбу заслуживающей уважения. Что же касается до запрещения мне видаться с матерью, то проверить эти слова очень легко, стоит только спросить у Желеховского⁹⁸ мое прошение по этому предмету и его ответ.

Первоприсутствующий: Действия прокуратуры не подлежат рассмотрению суда: она имеет свое начальство. Особое присутствие не может входить в рассмотрение подобных обстоятельств.

Мышкин: Насильственные меры, подобные указанным мною, не могут не оказать влияния на характер объяснений подсудимого, а следовательно, и на то представление, которое составляют о нем предварительные судьи; поэтому...

Первоприсутствующий: Вы не можете знать, какое мнение мы имеем о вас.

Мышкин: Но я думаю, что это представление основывается, главным образом, на документах предварительного следствия, и потому для судей не лишнее знать, какие пытки пускаются в ход с целью вымучивания от подсудимых желаемых для властей показаний, хотя нередко безуспешно.

Первоприсутствующий: Эти меры были приняты против вас на дознании; Особому присутствию не подлежит рассмотрение действий лиц, принимавших эти меры.

Мышкин: Итак, нас могут пытать, мучить, а мы не только не можем искать правды, конечно, я не настолько наивен, чтобы ожидать правды от суда и различных властей, но нас лишают даже возможности довести до сведения общества, что на Руси обращаются с политическими преступниками хуже, чем турки с христианами.

Первоприсутствующий: О каких таких пытках говорите вы?

Мышкин: Да, я смело могу сказать, что нас подвергают пыткам. Я указал на кандалы, но это пустяки в сравнении с другими мерами, которые принимались для вымучивания от нас показаний. Например, я в течение нескольких месяцев лишен был права чтения каких бы то ни было книг, даже духовного содержания, даже евангелия, и жандармский офицер откровенно говорил мне, что как только я дам требуемые показания относительно предполагавшихся моих соучастников, то мне немедленно позволят иметь книги, журналы, газеты.

Первоприсутствующий: Ваше заявление опять голословное.

Мышкин: Я подавал несколько жалоб на это незаконное, но они почему-то не приложены к делу, а спрятаны под зеленое сукно. Сидеть в одиночном заключении без всяких книг — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Ввиду таких мер можно ли удивляться, что в нашей среде оказался такой громадный процент смертности и сумасшествия. Да, многие,

очень многие из наших товарищей сошли в могилу, не дождавшись суда.

Первоприсутствующий: Теперь не время и незачем заявлять об этом.

Мышкин: Неужели мы ценою продолжительной каторги, которая ждет нас, не купили себе даже права заявить на суде о тех насилиях, физических и нравственных, которым подвергали нас? На каждом слове об этом нам зажимают рот.

Первоприсутствующий: Тем не менее вы высказали все, что хотели.

Мышкин: Нет, это еще не все, а если позволите, я кончу.

Первоприсутствующий: Нет, теперь этого не могу дозволить.

Мышкин: В таком случае после всех многочисленных перерывов, которых я удостоился со стороны первоприсутствующего, мне остается сделать одно, вероятно, последнее заявление. Теперь я окончательно убедился в справедливости мнения моих товарищей, заранее отказавшихся от всяких объяснений на суде, того мнения, что, несмотря на отсутствие гласности, нам не дадут возможности выяснить истинный характер дела. Теперь для всех очевидно, что здесь не может раздаваться правдивая речь, что здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я могу, я имею право сказать, что это не суд, а простая комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное...

* *
*

При словах «простая комедия» Петерс закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер бросился на Мышкина, но подсудимый Рабинович, загородив собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на «голгофу» *⁹⁹, не допускал офи-

---

* «На голгофу» отделены пять подсудимых: Ковалик, Войнаральский, Рогачев, Мышкин и Костюрин, которых вообще содержат под стражей на особом положении, под присмотром особо приставленных к ним жандармов.

цера; последний после нескольких усилий оттолкнул Рабиновича и другого подсудимого, Стопани¹⁰⁰, старавшегося также остановить его, и, обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою стал зажимать ему рот.

Последнее однако ж не удалось — Мышкин продолжал все громче и громче начатую им фразу: «...более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из-за подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

Когда Мышкин говорил это, на помощь офицеру бросились еще несколько жандармов, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшего им дорогу, схватили Мышкина и потащили его из зала. Подсудимый Стопани приблизился к решетке, отделяющей его от судей, и громко закричал: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!» Жандарм схватил его за грудь, потом толкнул в шею, другие подхватили и потащили. То же последовало и с Рабиновичем. Эта сцена безобразного насилия вызвала громкие крики негодования со стороны подсудимых и публики. Публика инстинктивно вскочила со своих мест. Страшный шум заглушил конец фразы Мышкина. Вообще во время этой башибузукской расправы с подсудимыми в зале господствовало величайшее смятение. Несколько женщин из числа подсудимых и публики упали в обморок, с одной случился истерический припадок. Раздавались стоны, истерический хохот, крики: «Боже мой, что это делают! Варвары, бьют, колют подсудимых. Палачи, живодеры проклятые!» Защитники, приставы, публика, жандармы — все это задвигалось, заволновалось. Так как публика не обнаружила особой готовности очистить зал, то явилось множество полицейских, и под их напором публика была выпровождена из зала суда. Часть защитников старалась привести в чувство женщин, упавших в обморок. Рассказывают, что туда же сунулся жандармский офицер. «Что вам нужно?» — спрашивает его один из защитников. — «Может быть, понадобятся мои услуги». — «Уйдите, пожалуйста, разве вы не видите, что один ваш вид приводит людей в бешенство», — ответил адвокат; офицер махнул рукой и ушел, последовав умному совету. Во время расправы первоприсутствующего с товари-

щами прокурор и секретарь вскочили со своих мест и, видимо, смущенные, оставались все время на ногах. Первоприсутствующий ушел и, растерявшись, позабыл объявить заседание закрытым. Пристав от его имени объявил заседание закрытым. Говорят, будто защитники возразили, что им нужно слышать это из уст самого председателя. Поэтому они были приглашены в особую комнату, где первоприсутствующий объявил им о закрытии заседания. Защитники требовали составления протокола о кулачной расправе, но первоприсутствующий не счел нужным удовлетворить их просьбу и даже упрекнул адвокатов в подстрекательстве. Желеховский воскликнул по этому поводу: «Это чистая революция!»

(М. Н. Коваленский, Русская революция в судебных процессах и мемуарах, книга первая, М., 1924, стр. 181—196.)

Суд приговорил 28 подсудимых к каторге от 3 до 10 лет, 18 — к ссылке в Сибирь, 18 — к ссылке в отдаленные губернии Европейской России и более 30 — к другим наказаниям. И. Н. Мышкин был приговорен к 10 годам каторги.

По пути следования в Кайгородскую тюрьму (в Сибири) Ипполит Никитич встретил умирающего революционера-народника Льва Адольфовича Дмоховского, которого в это время переводили из Новобелгородского централа

на Кайгородскую каторгу. Над гробом единомышленника И. Н. Мышкин произнес страстную речь, за которую вновь подвергся суду и получил еще 15 лет каторги.

В 1882 году Мышкин пытался бежать, но неудачно. Царские власти теперь уже надежно заковали его в казематы Шлиссельбургской крепости. 26 января 1885 г. «за оскорбление смотрителя» И. Н. Мышкин был расстрелян.

ПРОЦЕСС 50-ТИ

Это был один из первых в России открытых политических процессов. Он проходил с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Дело разбиралось Особым присутствием правительствующего сената. Среди обвиняемых членов «Всесоюзной социально-революционной организации» был и выдающийся русский рабочий-революционер Петр Алексеевич Алексеев, занимавший, по выражению В. И. Ленина, наряду с Халтуриним виднейшее место среди революционных деятелей 60—70-х годов. П. А. Алексееву и его товарищам по организации С. И. Бардиной, В. С. Любатовичу, И. С. Джабадари и другим было предъявлено обвинение в проведении революционной пропаганды и агитации.

Центральным событием процесса явились речи обвиняемых. Замечательную речь произнес П. А. Алексеев. Он закончил ее словами, которые В. И. Ленин назвал «великим пророчеством русского рабочего-революционера».

К этой речи, выпедшей отдельной брошюрой, Г. В. Плеханов написал предисловие, отрывки из которого приводятся.

«В 1877 году, в течение 22 дней... в Петербурге, в Особом присутствии правительствующего сената происходил суд над 50 лицами, обвиняемыми в социально-

революционной пропаганде между рабочими различных фабрик, т. е. в распространении между ними социалистических и революционных учений. В числе обвиняемых было несколько человек рабочих, и между ними Петр Алексеевич Алексеев, крестьянин деревни Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Когда судьи предложили ему выбрать себе защитника (адвоката), он ответил: «Что мне защитник? Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более, как комедия: защищайся, не защищайся — все равно. Я отказываюсь от защиты». 10 марта он произнес свою речь, в которой не *защищался* и не *оправдывался*, а, напротив, *обвинял* правительство и капиталистов. Мы издаем эту речь для русских рабочих. Она принадлежит им по праву. Не велика она, но пусть прочтут ее рабочие, и они увидят, что в ней в немногих словах сказано много и много такого, над чем им стоит крепко призадуматься. Правда и то, что речь эта не бог знает как искусно составлена. Если она попадет в руки какому-нибудь «настоящему», «законному» писателю, то он без труда найдет в ней много недо-

статков. Начать ее — скажет он — нужно было так-то, а продолжать вот как; в середину вставить вот то, а к концу подогнать вот это. Но дело не в том, *как* сказал Петр Алексеев; дело в том, *что* сказал он. Сказал же он вещи не только совершенно верные, но еще глубоко им прочувствованные. Описывая бедственное поло-

жение русских рабочих, он снова в зале суда испытывал то негодование, ту злобу против врагов рабочего класса, которые заставляли его сделаться революционером. Вот почему нельзя читать его речи без увлечения, хотя в ней с внешней стороны бесспорно есть недостатки». (Г. В. Плеханов, Соч., т. 3, стр. 112—115.)

Речь П. А. Алексеева

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет, мальчишками, нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха; спим где попало — на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забитая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти. Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возра-

жений переносить все причиняемые нам оскорбления. Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабёж доходом. Самые лучшие, для рабочих, из московских фабрикантов, и те сверх скудного заработка эксплуатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается капиталисту на задельную работу, беспрекословно и с точностью исполнять все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдоподобными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели московских рабочих, живущих у знаменитых русских фабрикантов: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и других...

Председатель сенатор Петерс: Это все равно, вы можете этого не говорить.

Петр Алексеев: Да, действительно все равно, везде одинаково рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-часовой дневной труд — и едва можно заработать 40 копеек! Это ужасно! При такой дороговизне съестных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей! Нет! При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной, медленной смертью, а мы скрепя сердце будем смотреть на них до тех пор, пока освободим из-под ярма нашу усталую руку, и свободно можем тогда протянуть ее для помощи другим! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба. Я несколько знаком с рабочим вопросом наших братьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные

минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; напротив, там этим гордятся, а об нас отзываются, как о народе рабском, полудиком. Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг, а в особенности если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении — тогда уж держись! Ему прямо говорят: «Ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии незаметно в этих словах, что в России походить на рабочего — то же, что походить на животное. Господа! Неужели кто полагает, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слепы, немы и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уж как будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеет и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая сословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян, и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это как на

временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силой и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да наизнанку. Да больше и ждать от нее нечего!

Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, в который он с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство,— 19 февраля. И что же! И это для нас было только одной мечтой и сном!.. Эта крестьянская реформа 19 февраля 61 года, реформа, «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы по-прежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда не годной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него за исключением праздничного дня все рабочее под строгим надзором и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях,— значит, они все крепостные! Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь — значит, мы крепостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края,— значит, мы крепостные! Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нам в зубы кулаком и пинками гонит вон,— значит, мы крепостные! Из всего мной вышесказанного видно, что русскому рабочему народу

остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи...

Председатель (*вскакивает и кричит*): Молчите! Замолчите!

Петр Алексеев (*возвысив голос, продолжает*): Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души почувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших братьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (*говорит, подняв руку*) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель (*волнуется и, вскочив, кричит*): Молчать! Молчать!

Петр Алексеев (*возвышает голос*): ...и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..

(«Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. вторая, М., 1950, стр. 44—47.)

Суд приговорил 15 подсудимых к каторге на разные сроки, 2 — к ссылке на поселение, остальных — к менее тяжелым

наказаниям. П. А. Алексеев был приговорен к каторжным работам на 10 лет.

1 МАРТА 1881 Г.

1 марта 1881 г. на набережной Екатерининского канала раздался один за другим два взрыва. Бомбой, брошенной народо-вольцем И. И. Гриневецким, был убит император Александр II.

Среди привлеченных к суду по этому делу был Андрей Иванович Желябов—выдающийся русский революционер, видный представитель революционного народничества, организатор и руководитель партии «Народная воля».

Это был один из тех замечательных рабочих пропагандистов, которых В. И. Ленин называл корифеями. Но Желябов не понимал исторической роли рабочего класса и рассматривал рабочее движение лишь как вспомогательное средство для успеха революции. Как и все народники, Желябов полагал, что Россия минует капитализм. Благородную

цель — освободить народ — Желябов стремился достичь неверными средствами — террором.

Буквально за два дня до покушения на царя Желябов был арестован. Уже находясь в заключении, он узнал о событии 1 марта. Желябов обратился к прокурору с заявлением, в котором требовал, чтобы он, как ветеран революции, был приобщен к делу 1 марта. «Было бы вопиющей несправедливостью,— писал он,— сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности».

На суде Особого присутствия правительствующего сената Желябов отказался от защитника. Суд он использовал для революционной пропаганды.

Речь А. И. Желябова

Господа судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить

цель и средства партии в настоящем их виде. Обвинительная речь, на мой взгляд, сущность наших целей и средств изложила совершенно неточно. Ссылаясь на те же самые документы и вещественные доказательства, на которых господин прокурор основывает обвинительную речь, я постараюсь это доказать. Программа рабочих послужила основанием для господина прокурора утверждать, что мы не признаем государственного строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текст этой программы рабочих, говорю, что мы — государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы. Я, впрочем, желаю знать вперед, могу ли я касаться принципиальной стороны дела или нет?

Первоприсутствующий: Нет. Вы имеете только предоставленное вам законом право оспаривать те фактические данные, которые прокурорской властью выставлены против вас и которые вы признаете неточными и неверными.

Желябов: Итак, я буду разбирать по пунктам обвинение. Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а как средства для достижения такого строя мы рекомендуем очень определенные учреждения. Можно ли нас считать анархистами? Далее, мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем...

Первоприсутствующий: Я должен вас остановить. Пользуясь правом возражать против обвинения, вы излагаете теоретические воззрения. Я заявляю вам, что Особое присутствие будет иметь в виду все те сочинения, брошюры и издания, на которые стороны указывали; но выслушивание теоретических рассуждений о достоинствах того или другого государственного и экономического строя оно не считает своей обязанностью, полагая, что не в этом состоит задача суда.

Желябов: Я в своем заявлении говорил и от прокурора слышал, что наше преступление — событие 1 марта — нужно рассматривать как событие историческое, что это не факт, а история. И совершенно верно. Я совершенно согласен с прокурором и думаю, что всякий согласится, что этот факт

нельзя рассматривать вне связи с другими фактами, в которых проявилась деятельность партии.

Первоприсутствующий: Злодеяние 1 марта — факт, действительно принадлежащий истории, но суд не может заниматься оценкой ужасного события с этой стороны; нам необходимо знать ваше личное в нем участие, поэтому о вашем к нему отношении, и только о вашем, можете вы давать объяснения.

Желябов: Обвинитель делает ответственными за событие 1 марта не только наличных подсудимых, но и всю партию, считает самое событие логически вытекающим из целей и средств, о каких партия заявляла в своих печатных органах.

Первоприсутствующий: Вот тут-то вы и вступаете на ошибочный путь, на что я вам указывал. Вы имеете право объяснить свое участие в злодеянии 1 марта, а вы стремитесь к тому, чтобы войти в объяснение отношения к этому злодеянию партии. Не забудьте, что вы собственно не представляете для Особого присутствия лицо, уполномоченное говорить за партию, и эта партия для Особого присутствия при обсуждении вопроса о вашей виновности представляется несуществующей. Я должен ограничить вашу защиту теми пределами, которые указаны для этого в законе, т. е. пределами фактического и вашего нравственного участия в данном событии, и только вашего. Ввиду того, однако, что прокурорская власть обрисовала партию, вы имеете право объяснить суду, что ваше отношение к известным вопросам было иное, чем указанное обвинением отношение партии. В этом я вам не откажу, но, выслушивая вас, я буду следить за тем, чтобы заседание Особого присутствия не сделалось местом для теоретических обсуждений вопросов политического свойства, чтобы на обсуждение Особого присутствия не предлагались обстоятельства, прямо к настоящему делу не относящиеся, и главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушает уважение к закону, властям и религии. Эта обязанность лежит на мне, как на председателе, и я исполняю ее.

Желябов: Первоначальный план защиты был совершенно не тот, которого я теперь держусь. Я полагал быть кратким и сказать только несколько слов. Но ввиду того, что прокурор пять часов употребил на извращение того самого

вопроса, который я уже считал выясненным, мне приходится считаться с этим фактом, и я полагаю, что защита в тех рамках, какие вы мне теперь определяете, не может пользоваться той свободой, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприсутствующий: Такое положение создано вам существом предъявленного к вам обвинения и характером того преступления, в котором вы обвиняетесь. Настолько, однако, насколько представляется вам возможность, не нарушая уважения к закону и существующему порядку, пользоваться свободой прений, вы можете ею воспользоваться.

Желябов: Чтобы не выйти из рамок, вами определенных, и вместе с тем не оставить свое дело необороненным, я должен остановиться на тех вещественных доказательствах, на которые здесь ссылался прокурор, а именно на разные брошюры, например на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имевшуюся у меня. Прокурор ссылается на эти вещественные доказательства. На каком основании? Во-первых, литографированная программа социалистов-федералистов найдена у меня. Но ведь все эти вещественные доказательства находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждения, поэтому у него и находятся? Неужели один лишь факт нахождения литографированной программы у меня свидетельствует о том, что это мое собственное убеждение? Во-вторых, некий Морозов написал брошюру. Я ее не читал; сущность ее я знаю; к ней, как партия, мы относимся отрицательно и просили эмигрантов не пускаться в суждения о задаче русской социально-революционной партии, пока она за границей, пока они беспочвенники. Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда, действительно, некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства. Для нас в настоящее время отдельные террористические акты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни. Я тоже имею право сказать, что я русский человек, как сказал о себе прокурор. *(В публиче движение, ропот негодования и шиканье. Желябов на несколько мгновений останавли-*

ливается. Затем продолжает.) Я говорил о целях партии. Теперь я скажу о средствах. Я желал бы предпослать прежде маленький исторический очерк, следуя тому пути, которым шел прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и чем сложнее и серьезнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к какой прибегает партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем партии, а это прошедшее имеется: немногочисленно оно годами, но очень богато опытом. Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

Первоприсутствующий: Подсудимый, вы выходите из тех рамок, которые я указал. Говорите только о своем отношении к делу.

Желябов: Я возвращаюсь. Итак, мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народу, в начале 70-х годов избрали одно из средств, именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение — крайне безобидное по средствам своим, и чем оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение, совершенно бескровное, отвергающее насилие, не революционное, а мирное, было подавлено. Я принимал участие в этом самом движении, и это участие поставлено мне прокурором в вину. Я желаю выяснить характер движения, за которое несу в настоящее время ответ. Это имеет прямое отношение к моей защите.

Первоприсутствующий: Но вы были тогда оправданы.

Желябов: Тем не менее прокурор ссылается на привлечение мое к процессу 193-х.

Первоприсутствующий: Говорите в таком случае только о фактах, прямо относящихся к делу.

Желябов: Я хочу сказать, что в 1873, 1874 и 1875 гг. я еще не был революционером, как определяет прокурор, так как моя задача была работать на пользу народа, ведя пропа-

ганду социалистических идей. Я насилия в то время не признавал, политики касался я весьма мало, товарищи — еще меньше. В 1874 году в государственных воззрениях мы в то время были действительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. В речи его есть много верного. Но верность такова: в отдельности взятое частичками — правда, но правда взята из разных периодов времени, и затем составлена из нее комбинация совершенно произвольная, от которой остается один только кровавый туман...

Первоприсутствующий: Это по отношению к вам?

Желябов: По отношению ко мне... Я говорю, что все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Я перехожу ко второму периоду социалистического движения. Этот период начинается... Но, по всей вероятности, я должен буду отказаться от мысли принципиальной защиты и, вероятно, закончу речь просьбой к первоприсутствующему такого содержания: чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью. Таким образом она будет отдана на суд общественный и суд Европы. Теперь я сделаю еще попытку. Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений. С другой стороны, убедил, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться. Считая, что при тех препятствиях, какие ставило правительство, невозможно провести в народное сознание социалистические идеалы целостно, социалисты перешли к народникам... Мы решились действовать во имя сознанных народом интересов уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, им сознаваемых. Это отличительная черта народничества. Из мечтателей-метафизиков оно перешло в позитивизм и держалось почвы — это основная черта народничества. Дальше. Таким образом изменился характер нашей деятельности, а вместе с тем и средства борьбы, — пришлось от слова перейти к делу. Вместо пропаганды социалистических идей выступает на первый план агитационное возбуждение народа во имя интересов, присущих его сознанию. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе. Эта борьба всегда соответствует количеству накопленных сил,

Прежде всего ее решились пробовать на мелких фактах. Так дело шло до 1878 года. В 1878 году впервые, насколько мне известно, явилась мысль о борьбе более радикальной, явились помыслы рассечь Гордиев узел, так что событие 1 марта по замыслу нужно отнести прямо к зиме 1877—1878 гг. В этом отношении 1878 год был переходный, что видно из документов, например брошюры «Смерть за смерть». Партия не уяснила еще себе вполне значения политического строя в судьбах русского народа, и хотя все условия наталкивали ее на борьбу с политической системой...

Первоприсутствующий: Вы опять говорите о партии...

Желябов: Я принимал участие в ней...

Первоприсутствующий: Говорите только о себе.

Желябов: Все толкало меня в том числе на борьбу с правительственной системой. Тем не менее, я еще летом 1878 года находился в деревне, действуя в народе. В зиму 1878/79 года положение вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на юге в заботах, относившихся прямо к этого рода предприятиям. Я знал, что в других местах товарищи озабочены тем же, в особенности на севере, что на севере этот вопрос даже породил раскол в тайном обществе, в организации «Земли и воли», что часть этой организации ставит себе именно те задачи, как и я с некоторыми товарищами на юге. Отсюда естественно сближение, которое перешло на липецком съезде в слияние. Тогда северяне, а затем часть южан, собравшись в лице своих представителей на съезде, определили новое направление. Решения липецкого съезда были вовсе не так узки, как здесь излагалось в обвинительной речи. Основные положения новой программы были таковы: политический...

Первоприсутствующий: Подсудимый, я решительно лишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение теории.

Желябов: Я обвиняюсь за участие на липецком съезде...

Первоприсутствующий: Нет, вы обвиняетесь в совершении покушения под Александровском, которое, как объясняет обвинительная власть, составляет последствие липецкого съезда.

Желябов: Если только я обвиняюсь в событии 1 марта и затем в покушении под Александровском, то в таком случае моя защита сводится к заявлению: да, так как фактически это подтверждено. Голое признание факта не есть защита...

Первоприсутствующий: Отношение вашей воли к этому факту...

Желябов: Я полагаю, что уяснение того пути, каким развивалось мое сознание, идея, вложенная в это предприятие...

Первоприсутствующий: Объяснение ваших убеждений, вашего личного отношения к этим фактам я допускаю. Но объяснения убеждений и взглядов партии не допущу.

Желябов: Я этой рамки не понимаю.

Первоприсутствующий: Я прошу вас говорить о себе, о своем личном отношении к факту как физическом, так и нравственном, об участии вашей воли, о ваших действиях.

Желябов: На эти вопросы кратко я отвечал вначале судебного заседания. Если теперь будет мне предоставлено говорить только также кратко, зачем тогда повторяться и обременять внимание суда...

Первоприсутствующий: Если вы более ничего прибавить не имеете...

Желябов: Я думаю, что я вам сообщил скелет. Теперь желал бы я изложить душу...

Первоприсутствующий: Вашу душу, но не душу партии.

Желябов: Да, мою. Я участвовал на липецком съезде. Решения этого съезда определили ряд событий, в которых я принимал участие и за участие в которых я стою в настоящее время на скамье подсудимых. Поскольку я принимал участие в этих решениях, я имею право касаться их. Я говорю, что намечена была задача не такая узкая, как говорит прокурор: повторение покушений, и в случае неудачи — совершение удачного покушения во что бы то ни стало. Задачи, на липецком съезде поставленные, были вовсе не так узки. Основное положение было такое, что социально-революционная партия — и я в том числе, это мое убеждение — должна

уделить часть своих сил на политическую борьбу. Намечен был и практический путь: это путь насильственного переворота путем заговора, для этого организация революционных сил в самом широком смысле. До тех пор я лично не видел надобности в крепкой организации. В числе прочих социалистов я считал возможным действовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное умение. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознание возможно большего числа лиц, среди которых живешь; организованность была нужна только для получения таких средств, как книжки и доставка их из-за границы, печатание их в России было также организовано. Все дальнейшее не требовало особой организованности. Но раз была поставлена задача насильственного переворота, задача, требующая громадных организованных сил, мы, и я между прочим, озаботились созданием этой организации в гораздо большей степени, чем покушения. После липецкого съезда, при таком взгляде на надобность организации, я присоединился к организации, в центре которой стал исполнительный комитет, и содействовал расширению этой организации; в его духе я старался вызвать к жизни организацию единую, централизованную, состоящую из кружков автономных, но действующих по одному общему плану, в интересах одной общей цели. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилью. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен, от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия...

(«Процесс 1 марта 1881 г.»,
С.-Пб., 1906, стр. 216—223.)

3 апреля 1881 г. Желябов вместе с другими первоапрельцами Н. И. Кибальчичем, С. Л.

Перовской, Т. М. Михайловым и Н. И. Рысаковым был казнен на Семеновском плацу в Петербурге.

ВТОРОЕ „ПЕРВОЕ МАРТА“

1 марта 1887 г. в Петербурге за участие в подготовке покушения на царя Александра III был арестован Александр Ульянов — брат Владимира Ильича Ленина.

Александр Ильич оказал большое влияние на формирование мировоззрения Владимира. От Александра Владимир впервые узнал о марксистской литературе, у него впервые увидел «Капитал» Маркса. Александр был одаренным юношей, человеком высоких моральных качеств.

«О революционной деятельности Александра Ильича в семье не знали, — говорится в биографии Владимира Ильича Ленина. — Он блестяще учился в Петербургском университете. Его исследования в области зоологии и химии обращали на себя внимание видных ученых. Одна из его работ по зоологии, сделанная на III курсе, была удостоена золотой медали. Александра Ульянова прочили в профессора. В последнее лето, проведенное им дома, он все время отдавал подготовке своей диссертации и, казалось, целиком ушел в науку. Никто не знал, что, находясь в Петербурге, Александр Ильич участвовал в кружках революционной молодежи и вел политическую пропаганду среди рабочих. Идеино он находился на пути от

народовольчества к марксизму». («Владимир Ильич Ленин. Биография», М., 1960, стр. 8.)

«В ту пору, как пишет А. И. Ульянова-Елизарова, революционное движение попало... в тяжелую полосу, когда старое уже умерло или отмирало, а новое не пришло ему на смену. В недрах старой России лишь зарождался тот новый общественный класс, который создал позднее почву для бодрого, подъемного, но уже в большем масштабе движения».

Для периода 1883—1887 гг. характерны искания многочисленных революционных групп. Воплощением таких исканий явилась и «Программа террористической фракции партии «Народная воля», составленная А. И. Ульяновым.

«По основным своим убеждениям, — говорилось в программе, — мы — социалисты...

К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно, естественным ходом своего экономического развития...

Рабочий класс будет иметь решающее влияние не только на изменения общественного строя, борясь за свои экономические нужды, но и политической борьбе настоящего он может оказывать самую серьезную поддержку, являясь наиболее способной

к политической сознательности общественной группой».

Наряду с этими верными марксистскими положениями Ульянов и его единомышленники ошибочно полагали, что прежде чем начать пропаганду социалистических идеалов, надо завоевать свободу слова, печати и т. п. Добиться же этого, как он полагал, можно лишь путем террора. В терроре он видел средство принудить правительство пойти на уступки, поднять революционный дух народа.

Преданный суду Особого присутствия правительствующего сената вместе с П. Шевыревым, В. Генераловым, В. Осипановым, П. Андреюшкиным и др., Але-

ксандр Ильич отказался от защитника, чтобы иметь возможность самому высказать свои политические убеждения.

Мать Александра Мария Александровна, присутствовавшая на суде, слышала эту речь сына, проникнутую ненавистью к царскому самодержавию и глубокой верой в победу нового общественного строя — социализма.

«Я удивилась,— рассказывала она,— как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала».

Речь А. И. Ульянова

Относительно своей защиты я нахожусь в таком же положении, как Генералов и Андреюшкин. Фактическая сторона установлена вполне верно и не отрицается мною. Поэтому право защиты сводится исключительно к праву изложить мотивы преступления, т. е. рассказать о том умственном процессе, который привел меня к необходимости совершить это преступление. Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепились, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно. Каждая страна развивается стихийно по определенным законам, проходит через строго определенные фазы

и неизбежно должна прийти к общественной организации. Это есть неизбежный результат существующего строя и тех противоречий, которые в нем заключаются. Но если развитие народной жизни совершается стихийно, то, следовательно, отдельные личности ничего не могут изменить в ней и только умственными силами они могут служить идеалу, внося свет в сознание того общества, которому суждено иметь влияние на изменение общественной жизни. Есть только один правильный путь развития — это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякое изменение общественного строя является как результат изменения сознания в обществе. Это положение вполне ясно сформулировано в программе террористической фракции партии «Народной воли», как раз совершенно обратно тому, что говорил господин обвинитель. Объясняя перед судом тот ход мыслей, которыми приводятся люди к необходимости действовать террором, он говорит, что умозаключение это следующее: всякий имеет право высказывать свои убеждения, следовательно, имеет право добиваться осуществления их насильственно.

Между этими двумя посылками нет никакой связи, и силлогизм этот так нелогичен, что едва ли можно на нем основываться. Из того, что я имею право высказывать свои убеждения, следует только то, что я имею право доказывать правильность их, т. е. сделать истинами для других то, что истина для меня. Если эти истины воплотятся в них через силу, то это будет тогда, когда на стороне ее будет стоять большинство, и в таком случае это не будет навязывание, а будет тот обычный процесс, которым идеи обращаются в право. Отдельные личности не только не могут насильственным образом добиваться изменения в общественном и политическом строе государства, но даже такое естественное право, как право свободы слова и мысли, может быть приобретено только тогда, когда существует известная определенная группа, в лице которой может вестись эта борьба. В таком случае это опять-таки не будет навязывание обществу, а будет приобретено по праву потому, что всякая общественная группа имеет право на удовлетворение потребностей постольку, поскольку это не противоречит праву. Таким образом, я убедился, что единственный правильный путь

воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но по мере того, как теоретические размышления приводили меня все к этому выводу, жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно. При отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Правительство настолько могущественно, а интеллигенция настолько слаба и сгруппирована только в некоторых центрах, что правительство может отнять у нее единственную возможность — последний остаток свободного слова. Те попытки, которые я видел вокруг себя, идти по этому пути еще более убедили меня в том, что жертвы совершенно не окупят достигнутого результата. Убедившись в необходимости свободы мысли и слова с субъективной точки зрения, нужно было обсудить объективную возможность, т. е. рассмотреть, существуют ли в русском обществе такие элементы, на которые могла бы опереться борьба. Русское общество отличается от Западной Европы двумя существенными чертами. Оно уступает в интеллектуальном отношении, и у нас нет сильно сплоченных классов, которые могли бы сдерживать правительство, но есть слабая интеллигенция, весьма слабо проникнутая массовыми интересами; у нее нет определенных экономических требований, кроме требований, защитницей которых она является. Но ее ближайшее политическое требование — это есть требование свободы мысли, свободы слова. Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность...

Председатель: Потрудитесь объяснить, насколько это действовало на вас и касалось вас, а общих теорий нам не излагайте, потому что они более или менее нам уже известны.

Подсудимый Ульянов: Я не личные мотивы говорю, а основания общественного положения. На меня все это не действовало лично, так что с этой точки зрения я не могу приводить субъективных мотивов.

Председатель: А если не можете приводить субъективных мотивов, тогда нечего и возражать против обвинительной речи.

Подсудимый Ульянов: Я имел целью возразить против той части речи господина прокурора, где он, объясняя происхождение террора, говорил, что это отдельная кучка лиц, которая хочет навязать что-то обществу; я же хочу доказать, что это не отдельные кружки, а вполне естественная группа, созданная историей, которая предъявляет требования на свои естественные и насущные права...

Председатель: Под влиянием этих мыслей вы и приняв участие в злоумышлении?

Подсудимый Ульянов: Я хотел бы это пояснить...

Председатель: Будьте по возможности кратки в этом случае.

Подсудимый Ульянов: Хорошо. Я говорю, что эта потребность делиться мыслями с лицами, которые ниже по развитию, настолько насущна, что он не может отказаться. Поэтому борьба, существенным требованием которой является свободное обсуждение общественных идеалов, т. е. предоставление обществу права свободно обсуждать свою судьбу коллективно,— такая борьба не может быть ведена отдельными лицами, а всегда будет борьбой правительства со всею интеллигенцией. Если обратиться к другим отдельным классам или, иначе, подразделениям общества, то во всяком случае мы не можем найти той группы, которая могла бы противостоять этим требованиям. Напротив того, везде, где есть сколько-нибудь сознательная жизнь, эти требования находят сочувствие. Поэтому правительство, игнорируя эти требования, не поддерживает интересов какого-либо другого класса, а совершенно произвольно отклоняется от той потребности, которой оно должно следовать для сохранения устойчивого равновесия общественной жизни. Нарушение же равновесия влечет разлад и столкновение. Вопрос может быть только в том, какую форму примет это столкновение, и этот вопрос разрешается. Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу, и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор

есть та форма борьбы, которая создана XIX столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей правоты против сознания физической силы большинства. Русское общество как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством оно может защищать свои права. Я много думал над тем возражением, что русское общество не проявляет, по-видимому, сочувствия к террору и отчасти даже враждебно относится. Но это есть недоразумение, потому что форма борьбы смешивается с ее содержанием. Общество может относиться несочувственно, но пока требование борьбы будет оставаться требованием всего русского образованного общества, его насущною потребностью, до тех пор эта борьба будет борьбой всей интеллигенции с правительством. Конечно, террор не есть организованное орудие борьбы интеллигенции. Это есть лишь стихийная форма, происходящая от того, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления. С этой точки зрения, это есть выражение народной борьбы, пока потребность не получила нравственного удовлетворения. Таким образом, эта борьба не только возможна, но она и не будет чем-нибудь новым, приносимым обществу извне: она будет выражать собою только тот разлад, который дает сама жизнь, реализируя ее в террористический факт. Те средства, которыми правительство борется, действуют не против него, а за него. Сражаясь не с причиной, а с последствиями, правительство не только упускает из вида причину этого явления, но даже усиливает... Правда, реакция действует угнетающим образом на большинство; но меньшинству интеллигенции, отнимая у него последнюю возможность правильной деятельности, правительство указывает на тот единственный путь, который остается революционерам, и действует при этом не только на ум, но и на чувство. Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь. Поэтому реакция ложится на самое общество. Но ни озлобление правительства, ни недовольство общества не могут возрасти беспрестанно. Если мне удалось доказать, что террор есть

естественный продукт существующего строя, то он будет продолжаться, а следовательно, правительство будет вынуждено отнестись к нему более спокойно и более внимательно. Тогда оно поймет легко...

Председатель: Вы говорите о том, что было, а не о том, что будет.

Подсудимый Ульянов: Я не могу приступить к этому. Чтобы мое убеждение о необходимости террора было видно более полно, я должен сказать, может ли это привести к чему-нибудь или нет. Так что это составляет такую необходимую часть моих объяснений, что я прошу сказать несколько слов...

Председатель: Нет, этого достаточно, так как вы уже сказали о том, что привело вас к настоящему злоумышлению. Значит, под влиянием этих мыслей вы признали возможным принять в нем участие?

Подсудимый Ульянов: Да, под влиянием их. Я убедился, что террор может достигнуть цели, так как это не есть дело только личности. Все это я говорил не с целью оправдать свой поступок с нравственной точки зрения и доказать политическую его целесообразность. Я хотел доказать, что это неизбежный результат существующих условий, существующих противоречий жизни. Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине. Такое объективно научное рассмотрение причин, как оно ни кажется странным господину прокурору, будет гораздо полезнее, даже при отрицательном отношении к террору, чем одно только негодование. Вот все, что я хотел сказать.

(«Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.», М., 1927, стр. 289—293.)

Ульянов и его товарищи были казнены 8 мая 1887 г. Казнь А. И. Ульянова еще больше укрепила решение В. И. Ленина пойти по революционному пути. Но В. И. Ленин считал путь борьбы против самодержавия,

избранный народовольцами, ошибочным, не достигающим цели. «Нет, мы пойдем не таким путем,— заявил он.— Не таким путем надо идти». («Воспоминания родных о В. И. Ленине», М., 1955, стр. 85.)

НИЖЕГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ

Нижегородский рабочий П. А. Заломов, послуживший А. М. Горькому прототипом Павла Власова в романе «Мать», за участие в демонстрации 1 и 5 мая 1902 г. был вместе со своими товарищами схвачен царской полицией.

28 октября (10 ноября) он предстал перед судом. Здесь он произнес речь, которая публикуется ниже. Сам Заломов так вспоминал об этом: «Я не имел представления о процедуре суда и думал, что могу сейчас же рассказать о причинах, побудивших меня выйти на демонстрацию со знаменем, призывающим к ниспровержению самодержавия. Суд, как я и ожидал, начал с меня. Председатель суда Попов задавал мне вопросы, но я на эти вопросы отвечать не хотел, а сразу же начал произносить свою речь. Председатель прерывал меня, требуя, чтобы я отвечал только на вопросы, и этим сбивал меня. Я злился, начинал свою речь сначала; он же говорил, что это к делу не относится, надо лишь отвечать на вопросы и отвечать коротко. Я не знал, что мне дадут последнее слово, и настаивал на том, чтобы мне не мешали.

Я говорил суду: я хочу рассказать вам о причинах, заставивших меня пойти на демонстрацию, и прошу вас разрешить

мне это. Вы как судьи заинтересованы в том, чтобы знать об этих причинах.

На помощь мне пришел защитник Маклаков и стал просить, чтобы суд разрешил мне рассказать всю правду. Председатель сдался, но и после этого два раза прерывал меня своими «это к делу не относится», но я все же произнес свою речь до конца.

Обычная процедура была сломана. Я овладел вниманием суда и всех присутствующих. Я сам волновался от своего рассказа. Сказалось перенапряжение последних недель. Мне даже стало жаль себя, жаль сотен тысяч таких же, как я, и из моих глаз неудержимо полились слезы. Временами мое горло сжималось, и я на момент умолкал, чтобы сейчас же с новой силой и страстью говорить о той правде, от которой судьи хотели отмахнуться. Худой и нервный защитник Маклаков плакал. Я видел, как нервничает председатель суда Попов. И когда я рассказал о безотрадной жизни своего деда, подвергавшегося глумлению со стороны своих же собственных детей, он уже не в силах был сдерживать себя, его нижняя губа начала прыгать. Говорил я ровно час». («Семья Заломовых, Сборник воспоминаний и документов», М., 1956, стр. 101—102.)

В. И. Ленин высоко оценил поведение П. А. Заломова и его товарищей на суде. В статье «Новые события и старые вопросы», опубликованной в газете «Искра» 1 декабря 1902 г., он писал:

«Наряду с ростовской битвой выдвигаются на первый план из политических фактов последнего времени каторжные приговоры над демонстрантами. Правительство решило запугивать всячески, начиная от розги и кончая каторгой. И какой замечательный ответ дали ему рабочие, речи которых на суде мы приводим ниже,—как поучителен этот ответ для всех тех, кто особенно шумел по поводу обескураживающего действия демонстраций не в целях поощрения к дальнейшей работе на том же пути, а в целях проповеди пресловутого индивидуального отпора! Эти речи — превосходный, от самих глубин пролетариата исходящий комментарий к событиям вроде ростовских и вместе с тем замечательное заявление («публичное оказательство», сказал бы я, если бы это не был специфический полицейский термин), вносящее бездну бодрости в длинную и трудную работу над «действительными» шагами движения. Замечательно в этих речах простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, *десятками и сотнями миллионов* повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения (я поставил в кавычки те выражения, которые мне *пришлось* употребить для характеристики

речей нижегородских рабочих, ибо это — те самые знаменитые слова Маркса из последних страниц первого тома «Капитала», которые вызвали со стороны «критиков», оппортунистов, ревизионистов и т. п. столько шумных и неудачных попыток опровержения и изобличения соц.-дем. в том, что они говорят неправду).

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы, именно потому, что напирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России — такое ободряющее впечатление производят их выводы: «вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства». Обыденность и «массовидность» тех фактов, из которых они делали этот вывод, ручается за то, что к этому выводу могут прийти и неизбежно придут тысячи, десятки и сотни тысяч, если мы сумеем продолжить, расширить и укрепить систематическое, принципиально-выдержанное и всестороннее революционное (социал-демократическое) воздействие на них. Мы готовы идти на каторгу за борьбу против политического и экономического рабства, раз мы почувствовали дуновение свободы,—говорили четверо нижегородских рабочих. Мы готовы идти на смерть — как бы вторили им тысячи в Ростове, отвоевывая себе на несколько дней свободу политических сходок, отбивая целый ряд военных атак на безоружную толпу...» (В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 251—252).

Речь П. А. Заломова

Я сознательно примкнул к демонстрантам, но виновным себя не признаю, потому что считал себя вправе участвовать в демонстрации, посредством которой был выражен протест против тех законов, которые, защищая интересы привилегированного класса богачей, не дают рабочим возможности улучшать условия своей жизни. А условия эти настолько ненормальны, что рабочие принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена с потерей свободы и даже жизни. Я с раннего детства чувствовал непосильную тяжесть, взваленную на трудящийся класс. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившего все свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существование. Впоследствии я сам стал рабочим, сам стал затрачивать свои силы и здоровье, содействуя этим накоплению богатств в руках немногих людей. Я видел, что и членам моего семейства, если бы я пожелал иметь таковое, грозит та же участь, что и мне. Отсутствие всякого света и понимания действительности, осуждающее рабочих на вечное рабство, невозможность для рабочих не только жить, но и мечтать о культурной жизни,— весь этот заколдованный круг, из которого я не видел выхода, приводил меня в отчаяние. Бессмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубийстве, как о единственно возможном выходе из невозможного положения. Но знакомство с историей других народов, трудящиеся классы которых благодаря неустанной борьбе выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много будет жертв с нашей стороны. Но какой человек, у которого не вставлен в грудь камень вместо сердца, которого не удовлетворяет чисто животная жизнь, за дело своего народа

не отдаст свободы, жизни и личного счастья! Из личного опыта, вынесенного за 10 лет жизни по заводам, я пришел к заключению, что рабочий единичными усилиями не в состоянии добиться нормальных условий жизни, эксплуатация принуждает его довольствоваться положением вьючного животного. Многие думают, что благодаря задельным работам рабочие имеют возможность при старании заработать больше. Действительно, рабочий может усиленно работать, но это ведет лишь к преждевременному истощению сил, потому что невозможно до бесконечности усиливать напряженность труда, а удержать на известной высоте заработок возможно только при этом условии, так как больший заработок, вызванный усиленным трудом, ведет к сбавке расценков, сбавлять же расценки никогда не устанут. Дело сводится к тому, что рабочие благодаря задельной плате и сбавкам расценков лишаются последнего отдыха, будучи принуждены работать по ночам и по праздникам, сверх обычной дневной работы, не имея в то же время возможности при самом непосильном труде заработать средства, необходимые хотя бы для сносной жизни. Точно так же не может рабочий единичными усилиями поднять уровень расценков и заработка до высоты, необходимой для удовлетворения настоятельных потребностей. А потребности эти все увеличиваются, так как просвещение хотя и медленно, но все же проникает в народные массы. Рабочие всеми силами стремятся дать своим детям образование... Рабочих не удовлетворяют грязные, засаленные тряпки, заменяющие им одежду. Насколько сильно у рабочих желание прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе даже в пище ради приличного платья. Разумеется, не ради своего удовольствия рабочие ютятся и в каморках, не удовлетворяющих самым примитивным требованиям гигиены. Понимают также рабочие, что питательная пища и более продолжительный отдых лучше восстанавливают затраченные на тяжелый труд силы. Вообще рабочие нуждаются в культурных условиях жизни, и не видеть этого могут только люди, нарочно закрывающие глаза. Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявляемыми к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего

порядка. На гуманность предпринимателей рассчитывать нельзя, так как они, признавая сами себя людьми, на рабочего смотрят не как на человека, а как на орудие, необходимое для личного обогащения, и чем короче срок, в который можно выжать все соки из рабочего, тем для них выгоднее. Для более успешной эксплуатации труда рабочих предприниматели соединяются в акционерные общества. Для того чтобы удержать на желательной высоте цены на продукты, производимые трудом рабочих, но принадлежащие предпринимателям, образуются союзы и синдикаты, например союзы сахарозаводчиков и нефтепромышленников. Для этой же цели предприниматели добиваются и запретительных пошлин на ввозимые в Россию более доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдельный рабочий, защищаясь от эксплуатации, не может оказать предпринимателям большего сопротивления, чем кусок свинца давлению гидравлического пресса. Отдельный рабочий не может не соглашаться на условия труда, предлагаемые предпринимателем, так как без работы он существовать не может. И даже соединенными силами, при отсутствии благоприятных условий, рабочие не могут противостоять предпринимателю, которому от временной приостановки производства не грозит голод, как рабочим. Рабочие не могут добиться участия в прибылях, получаемых от их труда, не соединившись все вместе в один братский союз. Но и этого единственного выхода они лишены, так как закон, разрешая предпринимателям эксплуатировать рабочих, запрещает последним защищаться от эксплуатации, преследуя союзы и стачки. Чтобы добиться более культурных условий жизни, рабочим необходимо иметь право устраивать стачки против предпринимателей, иметь право организовать союзы, иметь право свободно печатать и говорить на сходках о своих нуждах и, наконец, через своих выборных принимать участие в законодательстве, так как всякая победа рабочих над предпринимателями может быть прочной лишь после ее узаконения. В силу всех вышеизложенных причин, считая рабочих вправе добиваться за свой труд лучших условий жизни, я сознательно примкнул к демонстрантам. Узнав о предполагаемой демонстрации, я решил принять в ней участие и сделал знамена с надписями: «Да здравствует социал-демократия!» на одном,

«Да здравствует 8-часовой рабочий день!» на другом и «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» на третьем. Знамена, с которыми я пошел на демонстрацию, оказались очень кстати, так как у демонстрантов таковых не имелось и они выражали свой протест лишь криками «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и пением революционных песен. Я знал, что за участие в демонстрации грозит каторга. Наказание страшное, в моих глазах хуже смерти, так как человеческая личность там совершенно уничтожается и бесчеловечно унижается на каждом шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своим братьям, дает полнейшее удовлетворение за все страдания, которые пришлось и придется перенести. Личное несчастье, как капля в море, тонет в великом горе народном, за желание помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочим до сих пор не удалось добиться чего-нибудь существенного, начальство и общество сквозь пальцы смотрят на злоупотребления и на явное нарушение законов со стороны предпринимателей. Следовательно, требуется что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы обратить внимание общества на ненормальное положение рабочих и на игнорирование их интересов правительством. Рабочие, создавая богатство и защищая своей грудью общество от внешних врагов, все свои силы отдают государству, но им не дано никаких прав, так что всякий обладающий капиталом и покладистой совестью может обратить человека, не имеющего возможности жить без работы, в рабство. Я видел, что существующий порядок выгоден лишь для меньшинства, для господствующего правящего класса; что пока самодержавие не будет заменено политической свободой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно; что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков; что самодержавие является врагом русского народа. И вот почему я написал на своем знамени: «Долой самодержавие и да здравствует политическая свобода!»

(«Семья Заломовых. Сборник воспоминаний и документов», М., 1956, стр. 165—170.)

СУД НАД ОЧАКОВЦАМИ

В октябре 1905 года на митингах моряков и рабочих Севастополя часто можно было видеть худощавого молодого человека в форме лейтенанта Черноморского флота. Его резкие речи против самодержавия находили горячий отклик у присутствующих. Криками приветствия встречали и провожали они Петра Петровича Шмидта. Вскоре он был избран пожизненным депутатом Севастопольского Совета рабочих депутатов.

Царские власти арестовали Шмидта, но под давлением народных масс вынуждены были освободить его. Шмидт был уволен из флота.

В конце октября на предприятиях Севастополя началась всеобщая стачка, а 10 ноября огромные толпы матросов и солдат вышли на улицы, чтобы принять участие в политической демонстрации.

Попытки командующего флотом спровоцировать расстрел революционных моряков привели к стихийному восстанию. 12 ноября к восставшим присоединились несколько военных кораблей, в том числе и матросы крейсера «Очаков». По предложению революционных матросов командиром крейсера стал П. П. Шмидт. Впоследствии он объявил себя командующим флотом.

Большевики стремились направить восстание по пути наступательной вооруженной борьбы. Но меньшевики, преобладавшие тогда в Севастопольском социал-демократическом комитете, были против вооруженных выступлений. Разладом среди восставших воспользовалось царское правительство. Восстание было подавлено. Преданный суду, П. П. Шмидт держался смело и с достоинством защищал свою правоту. Суд приговорил его и матросов А. И. Гладкова, Н. Г. Антоненко, С. И. Частника к смертной казни. 6 марта 1906 г. они были расстреляны. На суде Шмидт дважды выступал с речами, которые публикуются.

«Шмидтовская манера говорить,— вспоминает его защитник А. Александров,— была исключительная и непередаваемая. Она вливалась в души людей какое-то экстатическое состояние и доводила слушателей до тех рубежей, где сливаются границы сознаваемого с непознаваемым, действительности с мечтой и где временное и скоропреходящее обращается в вечность. Когда Шмидт говорил о том, как хорошо умереть за новую возрождающуюся Россию, то хотелось умереть тут же вместе с ним, и смерть не казалась чудовищною бессмыслицей...».

Во время произнесения последнего слова в зале находился сотрудник «Одесских ведомостей», следующим образом описавший свои впечатления:

«Только один раз председатель нелегально допустил меня в зал заседания, в тот именно день, когда «красный адмирал» произнес ожегшее всех слово, когда конвойные солдаты отставили ружья (они были впоследствии преданы суду).

Когда Шмидт говорил, то казалось, что присутствуешь при творимой легенде. Его голос, высоко и гордо поднятая голова, его процесс мышления, красочность слов — это все легенда, баллада, сказка из-за облачных высот, и в речах — любовь ко всем, милосердие, прощение...

Когда и судьи, и защитники, и товарищи Шмидта по голгофе с замиранием и со слезами слушали этого величайшего трибуна, тогда был момент, что не трудно было потерять рассудок.

Если бы Шмидт крикнул в эти минуты часовым: «Арестуйте

или убейте судей!» — его слова были бы для них законом. Их бы убили, а Шмидт вышел бы из здания суда, и никто бы его не тронул, как не тронули его моряки больших кораблей в Севастополе, когда он один, безоружный подымался на борт и звал всех к восстанию.

Солдаты Очаковской крепости, в каземате которой находился Шмидт, предлагали ему бежать, а всю ответственность они принимали на себя.

— Я не уйду, — твердо и решительно говорил Шмидт...

В день Андреевского праздника Шмидт из своего каземата передал флоту в Севастополе поздравительную депешу, и это поздравление было доставлено по назначению, а чиновники, передавшие его, преданы суду.

Не забыть никогда этого лица, этих проникающих глаз, гордой осанки, манеры держаться, не забыть никогда и его слов». (Журнал «Каторга и ссылка», книга восемнадцатая, 1925, стр. 98, 100—102.)

Речь П. П. Шмидта на суде

В настоящем процессе есть одна особенность, которая резко его отличает от всех предшествовавших ему.

Мы привыкли видеть на скамье политических подсудимых или представителей крайних партий, стремящихся, как бы наперекор установившимся в народе взглядам, нарушить существующий уклад государственной жизни и установить иное, новое государственное устройство, или мы видели просто пылких людей, которые посягали на жизнь кого-либо из особенно жестких представителей полицейской власти.

Я, как подсудимый, не принадлежу ни к одной из этих категорий. Я не посягал ни на чью жизнь, не принадлежу к республиканским партиям.

Как социалист, я ставлю требованием расширение нашего общинного землевладения до полной социализации земли, и требование это совершенно совпадает с требованиями многомиллионного русского крестьянства. Конечно, этим не ограничиваются мои экономические требования, как социалиста, но мы не можем говорить о делах следующих поколений. В настоящем же мои экономические стремления совершенно совпадают с народным идеалом. В политических же убеждениях я также солидарен совершенно со всем народом русским.

Пройдут годы, забудутся наши имена, но та боевую силу, которая присоединилась к «Очакову» и тем осталась верной народу и присяге, имена этих 10 судов флота не забудут, и они всегда останутся в летописи народа.

Но точная буква законов, самые статьи свода против меня, они противоречат высказанному мною. Да они не могут не противоречить, когда утвержденные законами представители власти стали в открыто враждебное отношение к народу и в скрыто враждебное отношение к трону. В такое время государственного хаоса, когда все в стране так спуталось, что русские власти пошли войной на Россию, нельзя руководиться статьями закона, нужно искать иных общих, всем народом признанных определений преступного и не преступного.

В такое время, чтобы оставаться законным, приходится изменять присяге и, оставаясь верным присяге, приходится нарушать законы. Не преступен я, раз мои стремления разделяются всем народом и не противоречат присяге, а, наоборот, опираются на нее. Не преступен я, раз в моих деяниях не видит преступления весь 100-миллионный народ русский...

...Но меня судят, и мне грозит смертная казнь.

Когда я вступил на палубу «Очакова», то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать восемь узлов ходу и без артиллерии: там имелось всего две рукоятки. Я понимал всю беспомощность крейсера, не способного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, не способного даже уйти от опасности.

Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая и казармам, и «Очакову», была разоружена до моего приезда на «Очаков», стало быть, и тут нельзя было ждать никакой боевой силы, нужной для вооруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали. Но я знал, что не дальше, как завтра, будет открыт артиллерийский огонь по казармам, знал, что это страшное злодеяние уже подготовлено, что беда неминуемо стрясется и унесет много неповинных жизней, и это сознание не позволяло мне покинуть ту горсть безоружных людей, которая была на «Очакове» и которая героически готова была хотя бы пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства.

Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было: не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови.

Что же давало нам убеждение в необходимости, в полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно? Откуда мы почерпнули ту высокую радость, которая осветила всех нас, несмотря на всю грозность надвигавшихся событий? Как мог я, болезненный и слабый человек, лишенный трех предыдущих суток сна, не только оставаться сильным духом и верующим, но поднять и укрепить веру в других? В чем была наша сила, идущая, как казалось, вразрез со здравым смыслом?

Сила эта была в глубоком, проникнувшем все мое существо и тогда, и теперь сознании, что с нами русский народ. Да, с нами русский народ, весь, всею своею 100-миллионною громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубцованный казачьими нагайками, он, этот народ, с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал...

То были минуты ожидания диктатуры, дни истязаний крестьян в шести губерниях за то, что они обезумели от голода и, смотря на своих пухнувших детей, потеряли сознание неприкосновенности собственности.

Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах в казармах экипажей. Там были

сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки.

Мне говорят о статьях закона, о военном положении и т. д. Я не знаю, не хочу, не могу оценивать все происшедшее статьями закона. Я знаю один закон, закон долга перед родиной, которую вот уже три года заливают русской кровью. Заливает малочисленная, преступная группа людей, захватившая власть...

Они из-за своих хищных расчетов уложили больше ста тысяч трупов в войне с Японией¹⁰¹, они же теперь из-за тех же расчетов начинают войну с Россией.

Где же измена? Кто государственный преступник?

Сегодня в их глазах преступен я, как весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они.

Вчера наместник Алексеев¹⁰² был випе-король, и вся задавленная пресса пела ему, как талантливому государственному мужу, гимны. Сегодня Алексеев жалкий эмигрант, стыдящийся показаться на глаза народу русскому.

Где же почва, на которой может утвердиться русский человек, чтобы не быть изменником народу и оставаться законным?

Такой почвы нет. В дни тяжелой борьбы народа за право на жизнь что сегодня в глазах власти преступно, завтра принимается как заслуга перед родиной.

В эти дни испытания есть один закон — закон верности своему народу.

Остается в эти дни или умереть в борьбе, или наложить на себя руки, так как оставаться безучастным — это сверх сил человеческих.

Вся моя прошлая жизнь доказывает, что я стоял только за мирные средства борьбы и был противником мятежных восстаний.

Еще 13 ноября, накануне приезда моего на «Очаков», я говорил о мирной борьбе на городском митинге перед рабочими, но самый мирный человек, видя неминуемое массовое убийство людей, не может не кинуться в защиту их. Я был вдали от матросского движения, я всеми силами не сочув-

ствовал пропаганде, вызвавшей мятеж в казармах. Я всеми силами рвался переговорить с адмиралом Чухниным, чтобы получить от него полномочия, с которыми мог бы успокоить людей.

Душа обливалась кровью при ожидании грозящего массового убийства, которого так просто было избежать и водворить порядок. И я бы так и остался в стороне, но люди сами пришли ко мне.

Имел ли я право не идти вместе с ними, если предотвратить беду оказалось не в моих средствах и я знал, что не дальше, как завтра, прольется опять кровь народная?

Если бы я отвернулся от них, когда они нуждались во мне и когда беда уже была неминуема, я не имел бы права смотреть в глаза народу русскому, как изменник.

И я пошел, чтобы сделать все, что мог, чтобы остановить, не допустить убийства, противопоставить силе силу, а если это не поможет, то хоть умереть с ними, пассивно протестуя поднятием красного флага.

Если бы я не пошел к ним, когда они звали меня, то, оставаясь дома при первых звуках канонады, я сам бы наложил на себя руки.

Да, это было так. Это был день смерти, я всей силой своего духа искал ее, не было сил жить в этой атмосфере узаконенного истребления народа русского.

Зачем не убили меня офицеры, когда я нарочно малым ходом на миноносце, стоя один на мостике, проходил по борту вплотную все броненосцы, подставляя им открытую грудь свою? Зачем не убили меня офицеры на «Пруте», когда я один вошел к ним, предлагал им убить меня, клялся им, что никто из них не пострадает, но что, если они не убьют меня, я освобожу потемкинцев? Отчего я не был убит на «Очакове» под этим невиданным в истории войн стальным градом? Не убили меня, когда я был в воде, засыпанный пулеметами? Отчего не убили меня, когда я, теряя сознание и вытасченный кем-то из воды, попал на миноносец под новый град снарядов? Отчего не убили меня на «Ростиславе» офицеры, когда они издевались надо мною и я совершенно уже терял последние силы, но все же искал смерти?

Ко мне подошел адмирал Феодосьев и спросил что-то, я не помню, но я помню, что я ответил ему: что одна смертная казнь остановит меня.

И если бы я ответил ему иначе, то весь русский народ имел бы право сказать мне: «Прочь изменник, ты не видишь, что мы все умираем в этой страшной борьбе!»

Не коснулась меня витавшая вокруг смерть, когда я искал ее.

Для того я остался в живых, чтобы быть поставленным здесь, у скамьи подсудимых, чтобы могла вся Россия, соучастница дел моих, знать, что судят меня за то, что я остался верен народу своему.

Да, я выполнил долг свой, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я, была бы страшнее самой смерти.

Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верной присяге, и не гражданин Шмидт перед вами. Перед вами здесь, на скамье подсудимых, вся 100-миллионная Россия. Ей вы выносите свой приговор, она ждет вашего решения.

(«Тысяча девятьсот пятый год перед царским судом. Судебные процессы», Л., 1925, стр. 71—76.)

Заключительная речь П. П. Шмидта

Господа судьи! Перед вашими беспристрастными глазами прошло дело, во главе которого был я. Не могло это дело стать совершенно ясным, так как оно явилось здесь как обрывок общего великого русского дела, самая сложность которого не позволяет нам, современникам, обнять его беспристрастным взором. И этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собой вашего приговора.

Я говорил вам, господа судьи, что не должно быть в этом деле произнесено ни одного слова неправды, только одну

правду слышали вы от меня, и, знаю, вы верили мне. Предсмертная серьезность моего положения, ответственность перед родиной побуждают меня еще раз сказать вам о тех молодых жизнях, которые ждут со мной вашего приговора. Клянусь вам, что те случайные свидетельские показания, которые установили ряд улик против того или другого матроса и тем увеличили вину некоторых из них, не могут, не должны быть приняты во внимание. Верьте мне, что стройное накопление улик не может руководить вами, верьте мне, что все они были передо мной совершенно однородной толпой, что никому из них нельзя вменить в вину близость к Шмидту. Все они были одинаково близки мне, и если я обращался к ним со словом, то ко всем сразу. Никого из них я не мог посвящать в свои планы, потому что у меня самого не было плана. Я сам метался в глубоком отчаянии своем.

Верьте же, господа судьи, что никого из них нельзя карать со мной равным приговором. Верьте мне, что сама правда требует, чтобы отвечал я один за это дело в полной мере, сама правда повелевает выделить меня. Я не прошу снисхождения вашего. Я не жду его. Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор.

Не первая Россия переживает дни потрясений, и в истории всех народов, при взаимном столкновении двух начал — отжившей и молодой народной жизни — были всегда жертвы. В минуты государственного хаоса не могут не возникать такие глубоко трагические недоразумения. Я встречу приговор ваш без горечи, и ни минуты не шевельнется во мне упрек вам. Я знаю, вы так же, как и мы, жертвы переживаемых потрясений народных. Без ропота и протеста приму смерть от вас, но не вижу, не признаю вину за собой. Когда дарованные блага начали отнимать от народа, то стихийная волна жизни выделила меня, заурядного человека, из толпы, и из моей груди вырвался крик.

Я счастлив, что этот крик вырвался именно из моей груди... Я знаю, что столб, у которого стану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание это дает мне много сил, и я

пойду к столбу, как на молитву. Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения пережитых тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную счастливую Россию.

Высокая радость и счастье наполняют душу и я приму смерть.

(«Последнее слово лейтенанта
П. П. Шмидта к судьям», Одесса,
1917.)

ВИРГИЛИЙ ШАНЦЕР ОБВИНЯЕТ ПОЛИЦИЮ

В публикуемой нами главе из автобиографии В. В. Куйбышева рассказывается о поведении на суде одного из старейших деятелей революционного движения в России **Виргилия Леоновича Шанцера («Марата»)**. Первый раз он был арестован еще 17-летним юношей за принадлежность к партии «Народная воля». В 1901 году его вновь арестовывают уже за принадлежность к РСДРП. В 1904 году он возвратился из ссылки в Москву, где работал агентом ЦК и редактором газеты

«Голос труда», а позже — газеты «Рабочий».

В 1905 году Шанцер — один из руководителей подготовки вооруженного восстания в Москве. В декабре царские сатрапы вновь арестовывают его и ссылают в Енисейскую губернию. Здесь он продолжает свою революционную деятельность, за что подвергается неоднократным арестам. Об одном из таких арестов и рассказывает В. В. Куйбышев. В описываемом эпизоде Шанцер выступает под фамилией **Абрамович**.

Первый арест и суд

В 1906 году я приехал из Петербурга в Омск — город, в котором я родился. Сейчас же связался с партийной организацией. Омский комитет РСДРП был в большинстве большевистским. Лидером комитета являлся Константин Андреевич Попов. Вскоре по приезде я был избран в состав омского комитета. На меня было возложено общее руководство пропагандистской работой. Кроме того, я сам вел несколько рабочих кружков.

Из областного центра мы получили директиву — выбрать делегатов на общегородскую конференцию. После этой конференции должны были быть выбраны делегаты на всерос-

сийский партийный съезд (речь идет о Лондонском съезде, состоявшемся в 1907 году).

Мы провели работу по созыву конференции, причем К. А. Попов на одном из заседаний комитета сказал нам, что в настоящий момент в Омске находится видный товарищ из центра. Фамилии товарища он не назвал, сказав лишь, что товарищ бежал из ссылки, по пути за границу задержался в Омске и что он перед отъездом оставит нам проекты резолюций по некоторым вопросам. Мы попросили задержать отъезд этого товарища, с тем чтобы он присутствовал на нашей общегородской конференции. Константин Андреевич ответил, что вряд ли возможно, но что нашу просьбу он передаст товарищу. Мы были очень обрадованы, когда на заседании конференции появился некий товарищ Абрамович (таков был его паспорт) и принял участие в работах конференции.

Конференция собралась на окраине города, в маленьком доме, в сравнительно большой комнате. Домик снимался на средства нашей организации одним семинаристом — Молодовым. Он сам занимал одну маленькую комнату, остальные две-три комнаты были в распоряжении нашей организации.

Нас было тридцать восемь человек. Я не буду излагать хода конференции, скажу лишь, что подавляющее большинство делегатов было большевистским. Только три-четыре делегата принадлежали к меньшевикам. Среди нас были три женщины.

Внешняя охрана конференции была поручена трем товарищам. Из них я хотел бы отметить одного парня, пекаря по профессии, которого мы звали Курилкой. Я не знаю происхождения этой клички, но к нему она очень шла. Это был человек низкого роста, страшно юркий, с бегающими глазами, постоянно находящийся в движении, тянувший козью ножку. И как-то всегда, встречая его, хотелось сказать: «Жив, Курилка!»

Конференция шла своим чередом. Вдруг во время речи Абрамовича влетает Курилка и кричит:

— Мы окружены казаками!

На его обязанности лежало предупредить появление полиции или казаков. Но, зазевавшись где-то невдалеке от здания, Курилка не заметил, как ночью тихо, неслышно подо-

шли казаки и окружили наш дом. Курилка прорвался к нам уже через цепь казаков, которые вначале не хотели его пропускать, а потом, добродушно посмеиваясь, протолкнули его к нам, твердо зная, что так он вернее останется в их руках.

Моментально, вслед за возгласом Курилки, что мы окружены казаками, врывается исправник, а за ним полицейский пристав и казачий офицер. С револьвером в руке пристав кричит:

— Руки вверх, будем стрелять!

За спинами передних товарищей, которые вынуждены были поднять руки, мы усердно начали уничтожать следы нашего собрания. Тем не менее не все уничтожили. Найденными оказались писанные рукой Абрамовича с поправками Попова резолюции конференции, а также печать омского комитета РСДРП и несколько прокламаций омского комитета.

Совершенно неожиданно для нас мы не подверглись обыску в помещении. Нас заставили с поднятыми руками выйти из квартиры, которую в наше отсутствие усердно обыскивали. По выходе нас немедленно оцепил большой отряд казаков и с большими, непонятными предосторожностями проводил нас в один из участков полиции. Всех 38 человек поместили в маленькой комнатушке, так что мы не могли не только лечь, но даже сесть.

Обстановка ареста, страшное волнение исправника и полицейских, то обстоятельство, что мы арестованы исправником и казаками, а не жандармами, а также тот факт, что обыск был произведен в наше отсутствие, — все это повергло нас в большое недоумение. В чем дело? Вскоре это разъяснилось. Оказывается, полиции было донесено о том, что собралась вооруженная дружина, которая должна была произвести в ближайшие дни какую-то экспроприацию. Этим объяснялись и спешка, и те тактические ошибки (о чем скажу позже), которые были допущены арестовавшими нас.

После трехчасового пребывания в участке нас отправили в омскую городскую тюрьму. К счастью, всех посадили в одну камеру, за исключением трех женщин, которые были отправлены в женский корпус.

На другой день мы начали обсуждать, как вести себя при допросе. Обсуждение тянулось несколько дней. За эти

дни выяснилось, что нас хотят предать военному суду. Время было еще революционное, и мы жили в полной уверенности, что революция вот-вот снова вспыхнет с небывалой силой, что она неизбежно победит. Поэтому что же нам разговаривать с судебными властями самодержавия? Мы решили не только не давать никаких показаний, но не отвечать даже на вопросы о своих фамилиях. Каждый из нас должен был произнести следующую стереотипную фразу:

— Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду.

Вскоре возник вопрос о защите: воспользоваться защитой или нет? Все мы от защиты отказались, за исключением одного из заключенных — некоего Айзина, представителя немногочисленных среди нас меньшевиков. Ему было всего 16 лет, и в этом случае, оказывается, вопрос о защите решали родители.

Прошло несколько месяцев. Среди нас был и бежавший из ссылки товарищ из центра. Мне и другим членам омского комитета партии Попов вскоре рассказал, что портной Абрамович не портной и не Абрамович, а присяжный поверенный Шанцер (партийная кличка Марат), активный участник Стокгольмского съезда партии *.

Время заключения в тюрьме мы не теряли даром. «Портной Абрамович» и Константин Андреевич Попов (кстати, тоже юрист) обучали нас, молодежь, и теории и практике революционной борьбы. Кроме того, происходили ожесточенные споры с четырьмя меньшевиками, которые были в нашей среде. Мы интенсивно сносились с волей, так как порядки в... тюрьме были сравнительно благоприятны для этого.

На свидания к нам приходили случайно уцелевшие партийные товарищи. Они сообщили, что организация восстановлена, что выбран новый омский комитет во главе с Афанасием. Худо стало только в том смысле, что меньшевики начали отвоевывать отдельные участки организации, что наехало много меньшевиков и предстоят большие бои за посылку делегатов на всероссийский партийный съезд

---

* Шанцер Виргилий Леонович — Марат (1867—1911) — профессиональный революционер, видный большевик, секретарь МК большевиков в 1905 году. В 1908 году эмигрировал за границу. Был членом ЦК РСДРП. Умер в Москве 24 января 1911 г.

(омская организация должна была выбирать непосредственно, так как на областную конференцию послать делегатов не удалось). Наша связь с омской организацией была настолько тесна, что однажды в камере для свиданий было устроено заседание обоих составов омского комитета: прежнего — арестованного и вновь избранного, куда, кстати, попали два очень видных меньшевика. На этом совместном заседании партийных комитетов мы все же большинством голосов избрали Абрамовича и Попова в надежде на то, что им так или иначе удастся освободиться и что только в том случае, если им не удастся освободиться, они будут заменены другими делегатами.

До нас доносились какие-то странные сведения: то нас передавали из военно-окружного в гражданский суд, то опять — в военно-окружной. По правде говоря, это нас мало интересовало. Мы жили верой в то, что нас освободит революция.

Но вот наступают последние дни перед судом. Окончательно выясняется, что нас будет судить военно-окружной суд. Обвиняться будем по 126-й статье Уголовного уложения. Нам грозит максимум восемь лет каторги, минимум — ссылка на поселение.

Однажды Попов и Шанцер созывают общее собрание, и один из них, кажется Шанцер, произносит приблизительно такую речь:

«Товарищи, вы в большинстве молодые революционеры, не знающие еще ни ссылки, ни тюрьмы, ни каторги. И, может быть, поэтому вы так легко отнеслись к предложению о демонстративном поведении на следствии и суде. (А у нас было решено войти на суд с пением «Марсельезы» и добиться вывода нас из зала суда, с тем чтобы суд прошел в нашем отсутствии.) Я предупреждаю вас, — продолжал Шанцер, — что, по-видимому, дело принимает серьезный оборот, и если мы не примем некоторых мер, то очень может быть, что все мы пойдем на долгосрочную каторгу. Между тем в содержании нашего дела есть такие моменты, которые можно использовать и несколько повлиять на возможный приговор. Я и товарищ Попов считаем, что мы должны сохранить прежнее наше решение отказаться от приглашения защитников. Они тем более не нужны, что Попов — юрист,

а я (Шанцер, естественно, скрывал, что он присяжный поверенный) — человек крайне опытный в такого рода процессах. Вы должны предоставить мне с Поповым возможность использовать все ошибки, допущенные полицией во время нашего ареста и ведения следствия, и постараться скомпрометировать полицию и вообще обвинителей. Вопрос же о защите мы считаем все же необходимым подвергнуть тайному голосованию, так как если большинство присутствующих выскажется за защиту, более того, если даже значительная группа лиц выскажется за защиту, то мы с Поповым считаем, что большинство не имеет права насильствовать меньшинство».

Начались жаркие прения. Все высказывались за то, чтобы придерживаться намеченной тактики: выйти на суд, спеть «Марсельезу», добиться вывода, и пусть они делают, что хотят. Раздавались лишь отдельные робкие голоса, которые не вязались с этим общим настроением. Тогда Попов и Шанцер выступили с энергичными речами за то, чтобы участвовать в процессе, а вопрос о защите подвергнуть тайному голосованию. Это предложение было принято. Тайное голосование дало такие результаты: из 35 голосовавших 5 высказались за приглашение защиты. Решили защитников не приглашать, а Шанцеру и Попову выступить с последним словом обвиняемых, чтобы использовать грубые нарушения законов, совершенные полицейскими и следственными властями, для компрометации всего дела.

Нужно сказать, что сидевший среди нас Курилка оказался привлеченным еще по другому делу. Мы узнали об этом только в тюрьме. Однажды он забрался в военную казарму с кипой прокламаций и стал раздавать их солдатам. Когда один из солдат попытался его схватить, он выпрыгнул в окно и исчез. Но внешний вид его был настолько оригинален, что после ареста его по нашему делу в нем узнали этого сбежавшего агитатора среди воинских частей. Это было уже дело более серьезное, и тут не было никаких сомнений в неизбежности каторжного приговора.

Нас ведут на суд. Входим в зал. Торжественная обстановка. Кругом военные. На своих местах военный прокурор и военный защитник несовершеннолетнего Айзина.

— Суд идет! — провозгласил судебный пристав.

Входят пять человек. Все военные. Председатель — генерал, седой, обрюзгший, с виду добродушный, всю жизнь проведший в судебных органах. Прокурор — бравый полковник с академическим и университетским значками.

Напоминаю, что абсолютно никаких показаний следственным властям дано не было. Суд мог оперировать исключительно показаниями «свидетелей» — полицейских и казаков, нас арестовавших или обыскивавших.

Начинается допрос свидетелей. Первым вызывается руководитель нашего ареста — исправник. Этот лихой полицейский влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы председателя. Так как нет защиты, то председатель обращается к обвиняемым, не будет ли с нашей стороны вопросов. Поднимается Попов и задает следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармской власти, или полицмейстеру города Омска?

Исправник пришел в страшное негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на такой дерзкий вопрос обвиняемого. Тогда председательствующий говорит ему:

— Нет, будьте добры ответить на вопрос подсудимого.

Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает что-то лепетать. Из этого лепета можно было разобрать только одно, что он с Иван Ивановичем, полицмейстером города Омска, большие приятели и что иной раз он помогает Ивану Ивановичу, иной раз Иван Иванович оказывает ему услугу.

Скамья подсудимых хохочет. Но этот хохот еще больше усиливается, когда мы слышим окрик председательствующего:

— Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой.

Попов вновь встает и, обращаясь к свидетелю, старается добиться от него более толкового разъяснения, почему он арестовал нас, а не полицмейстер. Но этого ответа получить нельзя было, и свидетель, как мокрая курица, осмеянный, садится на свое место.

Второй свидетель — околоточный надзиратель, производивший обыск в комнате Молодова, т. е. того товарища, который снимал домик для партийных собраний. Молодов еще в камере говорил нам, что ему были доставлены все вещи, кроме брюк и портмоне, которое было в этих брюках. В портмоне было 10 рублей. Мы этому не придали особенно большого значения, но наши «защитники» Попов и Шанцер, очевидно, учли это обстоятельство и очень хорошо его использовали.

Попов обращается к околоточному надзирателю с вопросом:

— Вы обыскивали комнату Молодова?

— Да, я.

— Там был сундук с вещами?

— Да, был.

— Там были брюки и 10 рублей в кошельке?

— Да, были.

Тогда Попов, раньше не уверенный, что ему удастся поймать эту ниточку, уже прокурорским тоном начинает допрашивать свидетеля, несколько издеваясь над ним:

— А скажите, пожалуйста, куда вы дели эти 10 рублей?

Околоточный надзиратель, грубый и тупой бурбон, очевидно, ничего не подозревая, отвечает, что он эти деньги передал господину полицмейстеру, который прибыл на место ареста уже после нашего ухода. Ниточка схвачена, и дальше начинается буквально издевательство над полицейскими, единственными свидетелями нашего преступления.

Вызывают полицмейстера Шмони́на. Председатель суда задает ему формальные вопросы, он на них отвечает. Поднимается Попов. Шмонин, конечно, не знал, что было в зале до его прихода, так как он только что вызван из комнаты свидетелей. Попов уже совершенно прокурорским тоном обращается к Шмонину:

— Господин полицмейстер, во-первых, почему мы были арестованы исправником, а не вами? Во-вторых, вам были переданы 10 рублей. Так вот, они не были возвращены обвиняемому Молодову.

Полицмейстер повторяет сцену с исправником. Он также гордо заявляет о своем отказе отвечать на вопросы обвиняемых, тоже что-то рычит, шипит, шея его багровеет.

И так же, как в первом случае, председатель суда вынуждает свидетеля отвечать на вопросы обвиняемых. Тогда полицмейстер заявляет, что он, действительно, помнит, что ему были переданы 10 рублей, но, кому потом он их передал, он сейчас никак не может вспомнить. Попов просит суд занести в протокол, что деньги попадали из кармана в карман и в чем-то кармане исчезли. Скамья подсудимых хохочет. Едва сдерживаются конвойные. Даже судьи руками закрывают рот, чтобы не выдать своих улыбок. Председательствующий начинает перешептываться с членами суда и потом заявляет, что в такой редакции это занести в протокол нельзя, но он считает правильным, чтобы в протокол было занесено: деньги не были возвращены обвиняемому Молодову.

Поднимается прокурор. Это его первое выступление. Мы ждем какой-то каверзы. Он просит слова у председательствующего, делает большую паузу и заявляет:

— Я прошу занести в протокол... (Еще большая пауза. Мы недоумеваем, в чем дело.) Я прошу занести в протокол, что брюки также пропали.

Скамья подсудимых уже не сдерживается и не хохочет, а гогочет. Судья близок к тому, чтобы прыснуть. Полицейские сидят посрамленные, уличенные в воровстве и подлогах. Попов все время задает каждому из свидетелей вопрос: не они ли принес и подбросил прокламации. По-видимому, у суда начало складываться впечатление, что дело в значительной мере дутое и что полицейские понаделали таких вещей, которые компрометируют власти.

Как я уже сказал, предполагалось, что в этой квартире собралась боевая дружина. По-видимому, эти сведения собрал исправник. Желая отличиться, он сам, а не жандармские власти и не полиция, арестовал нас. Делу был придан военный характер. На деле же выяснилось, что при нас, арестованных, да и то только у одного человека, оказался... перочинный нож. Правда, как потом нам рассказывали, у другого арестованного был браунинг. Но этот браунинг, будучи отобран, не фигурировал ни в каких протоколах. Очевидно, и он был украден полицейскими.

Мне сейчас, по прошествии 25 лет, очень трудно вспомнить все подробности суда, но было очень много

моментов, которые все больше и больше ставили полицию в смешное и жалкое положение.

После допроса свидетелей давали показания эксперты. Они должны были доказать, что рука, вносившая некоторые поправки в проекты резолюций, найденные при обыске, является рукой Попова. Председатель спрашивает экспертов:

— Скажите, пожалуйста, это рука обвиняемого Попова?

— Да, — отвечают оба эксперта.

— Скажите, но, может быть, это распространенная рука и, может быть, это простое совпадение?

Эксперты с недоумением смотрят на председателя и молчат. Он говорит:

— Так это распространенная рука. Хорошо, можете идти.

Мы недоумеваем. Настроение суда совершенно неожиданно в нашу пользу. Единственное важное показание против нас — собственной рукой Попова писанные поправки в резолюциях — отменяется. Все остальное мы можем отрицать, потому что обыск произведен в наше отсутствие, протокола обыска мы не подписывали, за все то, что было найдено в наше отсутствие, мы ответственности нести не можем.

Судебное следствие закончено, начинаются речи защитников и прокурора. У нас защитников нет, выступает лишь один защитник несовершеннолетнего Айзина. Он говорит только о нем и по существу только о его несовершеннолетии.

Выступает прокурор. По-видимому, ему вообще было присуще говорить с большими паузами, солидно. Он чисто формально излагает дело, заверяет в том, что о боевой дружине здесь не может быть и речи, так как единственное оружие, найденное у обвиняемых, — это перочинный нож, и то в единственном числе, но есть все основания предполагать, что суд имеет дело с социал-демократической организацией. Поэтому он просит применить к нам 126-ю статью, такой-то пункт, приговорив нас к четырем годам каторги.

Речь была исключительно формальной. Ни одного аргумента, ни одной попытки доказать. Речь по обязанности. Зато, когда прокурор перешел к обвинению Курилки во втором деле, в деле распространения прокламаций среди войск, его нельзя было унать. Появился пафос, появилось чувство. Он громил, призывал суд быть бдительным и т. д.

и настаивал на применении к Курилке статьи, карающей пожизненной каторгой.

Слово предоставляется обвиняемым — последнее слово подсудимых. Мы сидели на скамье по алфавиту. Первым должен говорить Абрамович (Шанцер).

— Господин Абрамович, хотите ли вы воспользоваться последним словом?

— Пожалуй, воспользуюсь, — говорит он.

И вот он начинает речь, сначала несколько вяло. Мы смотрим на него с некоторым недоумением. Потом он постепенно расходится, и зал оглашается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-либо омский суд. Это была не оправдательная речь, это была речь обвинителя против полиции, против ее методов работы, против самодержавия. Естественно, Шанцер не перегнул палки в части обобщений и атак царского строя. Но это сквозило в каждом его слове. Полицию он так разделал, что от нее не осталось живого места. Воровство, подлоги, кумовство — все это было им использовано, и использовано необыкновенно ярко и полно.

Отвлекаясь, я должен сказать, что я в жизни своей не встречал такого большого оратора, как Шанцер. Недаром Шанцер был прозван Маратом. Это была его постоянная партийная кличка.

Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта блестящая речь «портного Абрамовича» на суд и прокуратуру. Даже мы, знавшие Шанцера уже в течение пяти месяцев по совместному тюремному заключению, слушали его, раскрыв рот, так как тюремная обстановка, естественно, не давала повода для проявления его столь большого, столь исключительного ораторского таланта.

Дальше началась переключка по алфавиту остальных обвиняемых. Все мы отказываемся от права воспользоваться последним словом. Доходит очередь до Попова. Он берет слово и не столь талантливо, не столь горячо, но с поразительной логикой, более детально доказывает те положения, которые только что привел в своей речи Шанцер-Марат.

Суд удаляется на совещание. Мы сидим в специально отведенной для нас комнате и не можем прийти в себя от

недоумения. Я не помню, что больше нас поразило: необыкновенное ли поведение суда или совершенно необыкновенная речь «портного Абрамовича».

В то, что Абрамович — товарищ из центра и что он Шанцер-Марат, было посвящено только пять или семь человек. Все остальные не сомневались, что это действительно портной Абрамович.

Поведение суда заставило всех нас недоумевать. Мы абсолютно не сомневались в том, что встретим на суде грубые окрики, ожидали и побоев. Таково было наше представление о суде. Но все это нас мало пугало. А тут вдруг суд явно настроен против наших обвинителей и сочувствует нашему поведению.

Суд совещался два-три часа. Мы разговаривали между собой, недоуменно задавая друг другу вопросы. Вдруг входит прокурор и направляется прямо к Абрамовичу.

— Господин Абрамович, вы портной?

— Да, портной.

— Слушайте, я ничего не могу понять. У меня уже 20-летняя судебная практика, и я уверяю вас, что ни разу в зале суда не была произнесена такая речь, какую произнесли вы. Чем это объяснить?

— Вы знаете, господин прокурор, я портной. Наше дело такое: сидим на нарах, ноги под себя поджав, и все время разговариваем с товарищами на разные темы. Вот так я и приобрел практику, умею болтать.

Прокурор, сразу почувствовав иронию в этом ответе, покачал головой:

— Да, знаете, это речь, это речь!

И ушел.

Мы долго хохотали над прокурором. Наконец, нас зовут в зал заседания.

— Встать, суд идет!

Входит суд. Председатель суда читает приговор. Приговор короткий: «Признать всех обвиняемых (обвиняемые перечисляются все снова по алфавиту) по 126-й статье Уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124-й статье Уголовного уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

Что касается Курилки (я, к сожалению, не могу вспомнить его настоящей фамилии), то он был приговорен к трем годам каторги.

Мы вернулись в камеру. Может быть, это было продиктовано молодостью (мне еще не было 19 лет), но я был страшно огорчен этим приговором: или воля, или каторга, а то вдруг один месяц тюрьмы!

Так кончился суд и мой первый арест.

Естественно, возникает вопрос: чем объяснить такое поведение суда? Конечно, при наличии общей линии на разгром революции, при соответствующих директивах никакие блестящие речи и никакое наше поведение не могли бы повести за собой такого мягкого приговора. Ведь все-таки была найдена печать комитета, все-таки была найдена резолюция, писанная рукой одного из наших товарищей. Мы держались демонстративно, никаких показаний не давали, заявив, что с представителями царской власти мы разговаривать не хотим. Мы отказались от защитников. Среди нас был К. А. Попов, который уже неоднократно подвергался преследованию за принадлежность к партии.

Мы долго ломали голову над этим обстоятельством. Из того, что нам стало известно впоследствии, выяснилось следующее: исправник получил сведения о боевой дружине и пришел арестовывать эту дружину. По-видимому, еще до того, как исправник ворвался в нашу квартиру, генерал-губернатору Западной Сибири Надарову и всем окружным властям было известно, что будет произведена операция против боевой дружины. Руководить этой операцией геройски согласился исправник. Очевидно, ему чудилось сопротивление, ему чудилась какая-то ужасная организация, которая вот-вот должна была произвести какое-то зверское нападение в городе Омске. После ареста обнаружилось, что в нашем деле нет и элементов боевой дружины. Полицией были сделаны совершенно непростительные ошибки (обыск в отсутствие арестованных). Дело было передано в гражданский суд, а оттуда — в военный. Военный суд этого дела принять не хотел, и дело снова было передано в гражданский суд. Тогда генерал-губернатор Надаров настоял на передаче дела все-таки военному суду. Военный суд снова отказался. И, как нам потом стало известно, эта тяжба между генерал-губер-

натором и военным судом дошла до Петербурга, где спорили уже между собой ведомство юстиции и военная прокуратура. Надаров победил. Дело все-таки передали военному суду против воли его председателя. Председатель суда после этой борьбы с генералом Надаровым решил не особенно стараться на суде.

Так генерал Седов, председатель суда, отомстил генерал-губернатору Надарову за то, что тот навязал ему это дело. Генерал-губернатор Надаров мог отомстить за свое поражение только единственным способом. Он всех нас подверг административной ссылке. Я поехал в Каинск, Попов — на Волгу. Не помню, куда был направлен Шандер-Марат. Выборы на всероссийский съезд от омской организации все же оказались реализованными. Попов был делегатом от омской организации на Лондонский партийный съезд.

(В. В. К у й б ы ш е в, Избранные произведения, М., 1958, стр. 18—30.)

СУД НАД БОЛЬШЕВИКАМИ- ДЕПУТАТАМИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

С вступлением царской России в первую мировую войну русская империалистическая буржуазия заявила о своей полной поддержке правительства. 26 июля 1914 г. представители всех буржуазно-помещичьих фракций Думы провозгласили лозунг забвения «внутренних распрей» и сплочения вокруг правительства для победоносного ведения войны. Меньшевики и эсеры встали на путь поддержки буржуазии.

Только партия большевиков, верная делу пролетарского интернационализма, решительно вы-

ступила за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Большевистская фракция IV Государственной думы (А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов) отказалась вотировать военный бюджет и повела революционную пропаганду среди рабочих. В ноябре 1914 года большевики-депутаты были арестованы и преданы суду. Вот что рассказывает об этом суде Ф. Н. Самойлов в своих мемуарах *«По следам минувшего»*.

Суд и приговор

Скоро собрались все. Нас выстроили в обычном порядке, и через несколько минут мы вошли в большой судебный зал первого отделения окружного суда.

Места для публики, для представителей печати в зале и на хорах были густо заполнены. Защита уже на своих местах, обвинитель тоже. На местах сзади судей сидели граф Витте, наш следователь по особо важным делам, и какие-то не известные нам лица. Судей еще не было. На местах для публики было много членов Государственной думы. Я узнал кадетов Милюкова и Родичева, прогрессиста Ефремова, меньшевиков Скобелева и Чхенкели и многих других.

В первых рядах находились жены и родственники подсудимых.

Заняв свои места на скамье подсудимых и окинув беглым взглядом зал суда, мы обменялись приветствиями с некоторыми знакомыми депутатами, родственниками и женами, затем поздоровались с подошедшими к нам нашими защитниками и повели с ними разговор (поскольку это было возможно в такой обстановке) о нашем поведении на суде.

Скоро раздалась обычная команда судебного пристава: «Прошу встать, суд идет!» Показались судьи. Впереди шел председатель суда Крашенинников, за ним три члена палаты и так называемые сословные представители: от дворян — губернский предводитель дворянства, от владельцев промышленных предприятий — член городской управы и от крестьян — какой-то волостной старшина.

Началась проверка свидетелей и подсудимых. После этого защитник Каменева, также привлекавшегося по делу большевистской думской фракции, Бернштам ходатайствовал перед судом о вызове Н. Иорданского (социал-патриота, бывшего редактора известного журнала «Современный мир»), который должен был подтвердить, что Каменев в беседе с ним о войне высказал мысль, совершенно противоположную той, которая приписывается подсудимому обвинительным актом. Другими словами, Иорданский должен был показать, что Каменев говорил ему о нежелательности поражения правительства в этой войне.

Прокурор возразил против этого ходатайства, заявив, что частный разговор между подсудимым Каменевым и Иорданским для дела значения не имеет.

После совещания, длившегося около 40 минут, палата в ходатайстве отказала. Каменев повел себя на суде, как подлый, презренный трус. В показаниях на предварительном допросе он указывал, что не согласен с лозунгом поражения царского правительства в войне и солидаризируется в этом вопросе с социал-патриотом Иорданским.

Каменев, уполномоченный по руководству работой нашей фракции, должен был собственным примером давать тон поведения фракции перед царским судом. Вместо этого он с самого начала пытался вызовом в свидетели тогдашнего оборонца Иорданского доказать суду, что он не против войны

и что взгляды его по этому вопросу совершенно противоположны взглядам ЦК партии. Заняв такую явно антипартийную позицию, Каменев поставил фракцию в весьма тяжелое положение. Фракция нащупывала правильную политическую линию, а Каменев тащил ее назад, преследуя одну задачу: как можно дешевле отделаться и удачнее вывернуться от угрожающей расправы царского суда. Таким образом, еще в годы империалистической войны Каменев показал себя как оппортунист, капитулянт, изменник делу партии. Это предательское поведение Каменева было решительно осуждено Лениным.

По обвинительному акту, предъявленному нам на суде, мы обвинялись в принадлежности к партии социал-демократов — большевиков, противников войны, стремящихся сорвать войну, организовать революцию, уничтожить самодержавие и заменить его демократической республикой и т. п. Для всего этого осенью 1914 года нами были устроены два совещания: одно 30 сентября — 1 октября в Финляндии, другое — в начале ноября в Озерках, на квартире у Гавриловых, т. е. там, где нас арестовали.

На основании этого мы, 11 человек — 5 депутатов: Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и я, и 6 не депутатов — привлекались по ч. 1 ст. 102 Уложения, т. е. по обвинению в принадлежности к нелегальной партии, а Гаврилова — по ст. 63, т. е. по обвинению в недонесении властям о происшедшем в ее квартире незаконном собрании.

На обычные вопросы о виновности все подсудимые ответили отрицательно, и все, кроме Муранова, выразили желание дать объяснения. Муранов же от дачи объяснений отказался.

Начался допрос свидетелей.

Петровский взял слово для объяснения и от имени всей фракции произнес небольшую речь *. Он отмечал, что наша фракция примыкает к большевистскому течению, что, как рабочие, мы нуждались в указаниях сведущих лиц и пользовались ими, сотрудничали в наших рабочих газетах и

---

* Эта речь, как было сказано, была согласована со всеми членами фракции во время ознакомления с материалами следствия незадолго до суда.

всячески способствовали их распространению. Стремясь защитить интересы рабочих, мы участвовали в страховой кампании, поддерживали профессиональную и культурную деятельность рабочих и, делая по их приглашениям доклады, всегда старались в своей деятельности отстаивать интересы и требования рабочих. Чтобы быть в курсе решений РСДРП, мы знакомились с ее литературой. На вопросы председателя по поводу тезисов о войне Петровский ответил, что он их получил по почте или через рассыльного, — точно не помнит.

Затем, присоединяясь к сказанному Петровским, каждый из депутатов давал свои дополнительные объяснения. Муранов заявил, что он присоединяется к сказанному Петровским и что к партии он принадлежит, поскольку состоит членом думской социал-демократической фракции. После этого председатель спрашивает Петровского, почему по вопросу о войне мы нашли нужным совещаться именно с рабочими. Петровский отвечает, что по всем важным вопросам мы всегда совещались с представителями рабочих.

Дальше говорит Бадаев. Он подтверждает, что мы выслушивали мнения рабочих по различным поводам и всегда интересовались мнениями, существовавшими в рабочей среде. Шагов заявляет, что ответственность за какие-то присоединенные к делу прокламации на нас лечь не должна, что мы их не печатали и отвечать за них не можем.

Я показал, что прошел в Думу под флагом социал-демократов — большевиков, вступил там в социал-демократическую большевистскую фракцию, но через несколько месяцев тяжело заболел и вынужден был уехать за границу лечиться. Возвратившись в Россию, я не успел еще осмотреться как следует, как уже очутился на скамье подсудимых.

Свидетель Кудрин имел вид психически больного. На вопрос председателя, кто руководил газетой «Правда», он ответил:

— Не знаю.

На некоторые другие вопросы он тоже отвечает «не знаю», «забыл» и т. д. и добавляет, что у него было воспаление мозга. Сейчас он находится в больнице и не помнит, что показывал судебному следователю. Прокурор заявляет, что не придает значения показаниям Кудрина и от даль-

нейшего допроса его отказывается. На вопрос председателя, подтверждает ли Кудрин свои показания, данные им судебному следователю, последний ответил отрицательно и снова сказал, что он теперь более или менее выздоровел и давать такие показания, какие он давал судебному следователю, не может. На вопросы защиты Кудрин сообщает, что содержится в тюремной больнице. Когда помещен, когда заболел и сколько времени сидит, не помнит.

Муранов заявил, что свой карманный блокнот, найденный в уборной на квартире у Гавриловых, он бросил, чтобы уберечь от тюрьмы 58 рабочих, адреса которых были там записаны.

На вопросы председателя Яковлев, Линде (Печак) * и Воронин заявили, что в ночь с 3 на 4 ноября они ночевали у Гавриловых.

Допрос свидетелей закончился. Заседание закрылось, и стороны в присутствии председателя знакомятся с вещественными доказательствами по делу. Уже поздно ночью нас увели в камеры.

Утром 11 февраля мы снова в прежнем порядке явились в суд. Зал по-прежнему полон публики.

После открытия заседания на вопрос председателя сторонам, чем они желают дополнить судебное следствие, прокурор просит разрешения ссылаться на все находящиеся в деле документы, а один из защитников от имени подсудимых просит разрешения ознакомиться с вещественными доказательствами. Объявляется перерыв, и мы все, подсудимые и защитники, осматриваем вещественные доказательства. Потом возбуждается ряд ходатайств: о разрешении ссылаться на протокол осмотра и документы в деле, об оглашении и присоединении к делу некоторых других документов и пр.

На вопрос председателя, почему ответ на телеграмму Вандервельде дает ЦК партии, Петровский отвечает, что телеграмма эта была напечатана во всех газетах. И на вопрос председателя, не является ли ответ ЦК в то же время и ответом фракции, Петровский отвечает, что мы остаемся при

---

* Линде был арестован с паспортом Печака; во время следствия он сообщил свою настоящую фамилию.— Ф. С.

взгляде, выраженном в заявлении, прочитанном 26 июля 1914 г. в Государственной думе.

Муранов дает показания по поводу найденной у него книжки с записями о его поездке по Уралу. Он, между прочим, объясняет, что, когда была распущена Государственная дума, он, чтобы не терять даром времени, решил поехать к избирателям.

— Я считал нужным ехать к ним даже тогда, когда они не звали,— говорит он.

Дальше он сказал, что считает позорным скрывать, что занимался внедумской деятельностью. На вопрос председателя, пропагандировал ли он сам социал-демократическую программу, Муранов ответил:

— Это ясно из того, что массовки были в лесу, в лесу — свобода слова.

На вопрос председателя, призывал ли он организовываться в социал-демократическую партию, Муранов сказал:

— Да, я призывал. Существуют профессиональные, кооперативные и просветительные рабочие организации. Я не скрывал, что согласно постановлению конференции социал-демократы должны употребить все усилия, чтобы получить в этих организациях влияние. Я считал своей обязанностью создавать такие организации, а делать их социал-демократическими было делом других лиц. Свою думскую деятельность я считал совершенно автономной.

Здесь считаю нужным остановиться на допущенных нами ошибках во время предварительного следствия и на суде. Ошибочно было, что я, Петровский, Шагов и Бадаев давали показания судебному следователю. Муранов, как уже об этом сказано, отказался от показаний и подписания протокола следствия. Отказом от показаний достигалась цель: затруднить прокурору раскрытие нелегальной организации и связей с ней.

Другая существенная ошибка заключалась в том, что мы не в достаточной мере выявили свое отрицательное отношение к войне.

«Товарищам надо было...— как писал впоследствии В. И. Ленин,— поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только

царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков» *.

После Муранова с речью выступил обвинитель, товарищ прокурора судебной палаты Ненарокомов. Прежде всего он отметил, что с началом войны социалистический Интернационал впал в глубокую пропасть, так как германская социал-демократия не только не выступила с грозным протестом против войны, как она обещала, но, наоборот, германские социал-демократы голосовали за военные кредиты, и ошеломленное человечество узнало, что социалисты ассигновали деньги на войну. Но германские социал-демократы все же поступили лучше тех, кто отказал в средствах для самообороны страны.

Бельгийские и французские социалисты поняли, что социалистический Интернационал дал трещину, что под громкой фразеологией немецкие социал-демократы преследовали интересы германского правительства. Тогда бельгийские и французские социалисты без колебаний стали под знамя «короля-рыцаря» и под знамя Франции. Затем обвинитель говорил о том, что трудно было думать, что наша фракция пойдет против родины. Разбирая прочитанное в Думе Хаустовым наше общее заключение о войне, он сделал вывод, что этим заявлением думская фракция социал-демократов с трибуны объявила открытый разрыв с правительством в тот момент, когда оно больше всего нуждалось «в единении всех элементов населения». Дальше обвинитель отмечает, что социал-демократическая фракция была полностью подчинена Центральному Комитету партии и что подчинялась не только фракция, но и каждый член партии в отдельности. И в этом отношении «деятельность фракции давно представляла собой секрет полишинеля».

По мнению обвинителя, главной целью собрания у Гавриловых было обсуждение резолюции из семи пунктов... Дальше обвинитель, характеризуя нас, говорит, что Петровский — руководитель и председатель фракции, Муранов — наиболее деятельный член ее, Бадаев — связующее звено фракции с рабочими Петрограда, Шагов передавал приглашения на собрания, а Самойлов — один из деятельных

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 150.

членов; случайным был только Козлов. Затем прокурор снова говорит, что фракция являлась очень сплоченным сообществом и находилась в живой связи с партией, подчиняясь директивам ЦК. Заканчивает он тем, что подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей партийной программы и выступают против государства в момент борьбы с внешним врагом.

Выступления защитников в общем свелись к доказательству полной необоснованности обвинения подсудимых в измене. Защитники говорили о том, что деятельность думской социал-демократической фракции и ее сношения с ЦК партии не являются преступлением, что подсудимые как депутаты пользовались свободой совести и имели право знакомиться со всякой литературой, поэтому их нельзя обвинять за найденные у них при обыске нелегальные издания. Депутаты стремились к тому, чтобы их сердца бились в унисон с их избирателями. Депутаты не могли не встречаться с представителями партии, потому что их задачи те же, что и задачи партии.

Прения сторон закончились, и заседание закрылось. Нас снова увели в камеры.

13 февраля мы снова явились в суд. На этот раз нам пришлось ждать судей гораздо дольше, чем в предыдущие два дня. Между тем наступал решительный момент процесса — оставалось лишь покончить с некоторыми формальностями и выслушать приговор. Понятно, что настроение у нас было нервное и напряженное.

Среди лиц, находившихся на местах сзади судей, снова был судебный следователь по особо важным делам. У него в петлице фрака был прикреплен какой-то новый орден на цветной ленте. Кто-то из защитников объяснил нам, что это знак отличия, полученный им за ведение следствия по нашему делу.

Судьи появляются в половине второго, и по открытии заседания председатель оглашает следующие вопросы суду:

«1) Виновен ли крестьянин Харьковской губернии Волчанского уезда Печенегской волости Григорий Иванов *Петровский*, 36 лет, в том, что в 1914 году в пределах Российской империи, состоя членом общества, заведомо для него, подсудимого, поставившего целью своей деятельности, со-

гласно программе и уставу Российской социал-демократической партии, насильственное изменение в России установленного законами основного образа правления на демократическую республику, причем он, Петровский, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач 4 ноября 1914 г. участвовал на устроенном в квартире крестьян Гавриловых, в Озерках, в доме № 38 по Выборгскому шоссе тайном собрании членов сообщества, в коем обсуждались предназначенные для посылки на места в местные организации сообщества, составленные на основании директив Центрального комитета сообщества положения о деятельности сообщества в течение настоящей войны, в коих положениях после указания, что «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», представляется необходимым всесторонняя и распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и направления оружия не против своих братьев — наемных рабов других стран, — а против реакции буржуазных правительств, безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках ячеек и групп в войсках всех наций и необходимая пропаганда как одного из важнейших лозунгов республики немецкой, польской, русской и других наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты?

2) Виновен ли мещанин г. Полтавы Матвей Константинович *Муранов*, 40 лет, в том, что тогда же и там же, состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, причем он, Муранов, в качестве члена сего сообщества и для обсуждения его задач 4 ноября 1914 г. участвовал в вышеупомянутом в первом вопросе собрании членов названного сообщества, с целью учреждения отдельных организаций сообщества в разных частях России объехал в 1914 году Поволжье и Урал, во многих местах созывал тайные собрания народа, в которых разъяснял деятельность сообщества и призывал слушателей к революции, на Верхне-Исетском заводе создал организацию сообщества, составив для нее устав, согласно которому члены ее признают директивы Центрального Комитета сообщества, составил от

имени трех отделов организации сообщества три мандата о посылке делегатов на предстоящий в Вене съезд рабочих... и хранил у себя в квартире, в Харькове, с целью распространения, заведомо зная содержание, три экземпляра воззвания, призывающего пролетариат вести борьбу как за прекращение войны, так и с обнаружившимся уже теперь стремлением русской реакции к захвату чужой территории под флагом освобождения подъяремных народов?

3) Виновен ли крестьянин Орловской губернии Карачевского уезда Юрьевского сельского общества Алексей Егоров *Бадаев*, 31 года, в том, что тогда же и там же состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, причем он, Бадаев, в качестве члена сего общества и для осуществления его задач 4 ноября 1914 г. участвовал в упомянутом в первом вопросе собрании членов сообщества?

В отношении остальных подсудимых: крестьянина Костромской губернии Нерехтского уезда Острцовской волости Николая Романова *Шагова*, 32 лет; крестьянина Владимирской губернии Ковровского уезда Лежневской волости Федора Никитина *Самойлова*, 32 лет; потомственного дворянина Валентина Николаева *Яковлева*, 22 лет; крестьянина Лифляндской губернии Вольмарского уезда Мецкюльской волости Фрица-Александра Велюмова *Линде*, 22 лет; крестьянина Костромской губернии Нерехтского уезда Сорокинской волости Ивана Алексеева *Воронина*, 38 лет; крестьянина Ярославской губернии Любимского уезда Ясинской волости Ивана Яковлева *Козлова*, 35 лет...— обвинение предъявлено по третьему вопросу. В отношении обвиняемой *Гавриловой* обвинительный пункт формулирован следующим образом:

«Виновна ли крестьянка Псковской губернии и уезда Сидоровской волости Ульяна Георгиева Гаврилова, 27 лет, в том, что, не принимая участия в описанном в первом вопросе сообществе, заведомо для нее преследовавшем описанные в том же вопросе цели, но достоверно зная участников сего сообщества, коим она 4 ноября 1914 г. предоставила устроить в своей квартире собрание членов сообщества для обсуждения касавшихся деятельности сообщества вопросов, без уважительных причин не довела об этих участниках сообщества до сведения власти?»

По оглашении этих пунктов защита ходатайствует об объявлении перерыва для ознакомления с редакцией вопросов.

После перерыва защита представила ряд ходатайств о дополнении вопросов по данным обвинительного акта, следствия и прений. Прокурор, соглашаясь на некоторые дополнения, возражает против большей их части.

После повторных реплик сторон палата выносит следующее определение: «Обсудив замечания защиты, палата постановляет отказать в ходатайстве защитников о включении декларации фракции в Государственной думе, как не относящейся к делу, и статьи «Защита Интернационала» (из № 33 «Социал-демократа») и пп. III, IV и V. Остальные ходатайства защиты удовлетворяются, причем в мотивах включения в редакцию вопросов цитат из статьи «Социал-демократия и война» указывается, что эта статья представляет собою окончательную редакцию отношения ЦК к вопросу о войне. В отношении подсудимых Яковлева, Воронина, Козлова и Линде-Печака поставлен дополнительный вопрос по признакам ч. 2 ст. 164 Угол. улож.».

После некоторых замечаний защиты палата признает редакцию вопросов окончательной и в 8 часов 20 минут удаляется в совещательную комнату. Мы остаемся ждать приговора. Зал и хоры переполнены, и кажется, что вся публика вместе с нами охвачена напряженным ожиданием.

После удаления суда в зале появляется большой наряд чинов полиции. Заняв все проходы между стульями среди публики, полицейские выстраиваются в полной боевой готовности.

— Что это значит? — спросил я подошедшего к нам защитника.

— Это меры предупреждения возможной демонстрации протеста против приговора со стороны публики, — ответил он.

Проходит час. Мы ждем, беседуем между собой, но беседа не клеится. У Шагова растерянный вид. У Гавриловой больше чем следует блестят глаза. Защитники куда-то частенько уходят и снова появляются. Они молчаливы и на вопросы отвечают скупно и односложно. И ответы их неутешительны. На мой вопрос одному защитнику: «Что слышно?» — он вполголоса ответил:

— Носятся нехорошие слухи, нужно быть готовыми к худшему.

Время идет. Наконец, в 11 с половиной часов вечера появляется суд, и в наступившей мертвой тишине всего зала председатель суда читает следующий приговор:

«Члены Государственной думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, а также... Яковлев, Линде и Воронин на основании ч. 1 ст. 102 Угол. улож. приговариваются к ссылке на поселение».

Гаврилова признана виновной по ч. 2 ст. 134 Уголовного уложения (за недонесение) и приговорена к крепости на один год шесть месяцев.

«Приговор,— говорилось далее,— по вступлении его в законную силу будет представлен на высочайшее благоволение. В окончательной форме приговор будет объявлен 20 февраля. Мера пресечения по отношению ко всем подсудимым, кроме Козлова, оставлена без изменений. Козлов объявлен свободным».

Мы приготовились услышать гораздо более суровый приговор и были поражены этой неожиданной «мягкостью». Стало ясно, что приходит конец тюрьме, что ссылка все же не то, что тюрьма, и наше настроение сразу улучшилось. Только Гаврилова по-прежнему невесела: ей предстояло длительное тюремное заключение.

Нас снова уводят в тюрьму...

Идя в тюрьму, я думал о том, что мы больше не депутаты, не «представители народа», а побежденные пленники, попавшие в руки врага, лишенные всех прав, в том числе права свободного передвижения с места на место, права выбирать по собственному желанию работу и т. д. Но мысль о том, что ссылка, хотя бы и «вечная»,— все-таки не тюрьма, не угрюмые стены одиночки, а воля, как бы урезана она ни была, эта мысль подбодряла.

Не предвидя, когда и где удастся и вообще удастся ли встретиться вновь, мы крепко обнялись и попрощались друг с другом. Тяжелые двери одиночных камер снова скрыли нас от внешнего мира.

Суд над думской фракцией большевиков имел огромное революционизирующее значение. Большевики открыто продемонстрировали волю к борьбе за победу революции.

Деятельность думских депутатов делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма.

В результате судебного процесса над депутатами рабочие-меньшевики переходили на сторону большевиков. Наконец, суд сыграл огромную положительную роль и в том отношении, что революционная социал-демократия хорошо использовала процесс для пропаганды своих большевистских взглядов.

(Ф. Н. Самойлов, По следам минувшего, М., 1954, стр. 314—324.)

Итогам суда В. И. Ленин посвятил статью, которая целиком приводится.

Что доказал суд над РСДР Фракцией?

Царский суд над пятью членами РСДР Фракции и шестью другими социал-демократами, захваченными на конференции под Питером 4-го ноября 1914 г., окончился. Все приговорены к ссылке на поселение. Легальные газеты поместили судебные отчеты, из которых цензура вырезала места, неприятные царизму и патриотам. Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро, и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов.

Что же доказал суд над РСДР Фракцией?

Во-первых, он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-

патриотом г. Иорданским, как делал Розенфельд или свое несогласие с ЦК, есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый.

Заметим, что по отчету «Дня» (№ 40) ¹⁰³ — официального и полного отчета о суде не имеется — тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, *совпадающие с отношением Центрального Комитета*».

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеется фраза о том, что *даже* радикально-настроенный Чхейдзе с воодушевлением говорит об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты РСДРФ давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде.

Кадетская «Речь» ¹⁰⁴ холопски «благодарит» царский суд за то, что он «рассеял легенду» о том, что социал-демократические депутаты желали поражения царским войскам. Пользуясь тем, что социал-демократы в России связаны по рукам и ногам, кадеты делают вид, будто принимают всерьез мнимый «конфликт» между партией и фракцией, уверяя, что подсудимые давали свои показания совсем не страха ради судейска. Какие невинные младенцы! Они будто бы не знают, что в первой стадии дела депутатам угрожали военным судом и смертной казнью.

Товарищам надо было отказаться от показаний по вопросу о нелегальной организации и, поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков.

Пусть бешено набрасывается на РСДР Фракцию правительственная и буржуазная печать, пусть злорадно «ловят» проявления слабости или мнимого «несогласия с Центральным Комитетом» социал-революционеры, ликвидаторы и социал-шовинисты (надо же им бороться с нами хоть как-нибудь, если они не могут бороться принципиально!). Партия революционного пролетариата достаточно сильна, чтобы от-

крыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью. Сознательные рабочие России создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался — еще и еще раз — единственно верным путем: пойдем по нему еще решительнее, еще тверже, выдвинем новые передовые отряды, добьемся не только выполнения ими той же работы, но и более правильного доведения ее до конца.

Во-вторых, суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной социал-демократией. Пример такого использования лучше всяких речей будет апеллировать к уму и сердцу пролетарских масс, убедительнее всяких доводов будет опровергать оппортунистов-легалистов и фразеров анархизма. Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом *той* работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России. В такое время, когда почти все «социалистические» (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый «европеизм», прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабочей легальности, в России наплась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не красноречием, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков *на деле* был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение. Ни один мыслящий рабочий ни для одной страны мира не согласится на старое удовлетворение легальностью парламентаризма буржуазии — после того, как эта легальность во всех передовых странах была сразу отменена почерком пера и повела лишь к теснейшему фактическому союзу оппортунистов и буржуазии. Кто мечтает о «единстве» революционных социал-демократических рабочих с «европейскими» легалистами с.-д. вчерашнего — *и сегодняшнего* — типа, тот ничему не научился и все позабыл, тот на деле союзник буржуазии и враг пролетариата. Кто не понял до сих пор, почему и зачем РСДР Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с «дружелюбным, терпимым отношением» к «Нашей Заре»¹⁰⁵ или к «Северной Рабочей Газете»¹⁰⁶, к «Современнику»¹⁰⁷, к ОК¹⁰⁸ или к Бунду¹⁰⁹.

Правительство надеется запугать рабочих отправкой в Сибирь членов РСДР Фракции? Оно ошибется. Рабочие не испугаются, а лучше поймут свои задачи, задачи рабочей партии, в отличие от ликвидаторов и социал-шовинистов. Рабочие научатся выбирать в Думу только таких людей, как члены РСДР Фракции, для такой же и еще более широкой а вместе с тем еще более *неоткрытой* деятельности среди масс. Правительство думает убить «нелегальный парламентаризм» в России? Оно только закрепит связь пролетариата *исключительно* с подобным парламентаризмом.

В-третьих, — и это самое главное, — суд над РСДР Фракцией впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне *разных классов* российского общества. Не довольно ли уже смертельно надоевшей интеллигентской болтовни о соединимости «защиты отечества» с «принципиальным» (читай: словесным или лицемерным) интернационализмом? Не пора ли взглянуть на *факты*, относящиеся к *классам*, т. е. к миллионам людей жизни, а не к десяткам героев фразы?

Прошло более полугода со времени начала войны. Высказалась легальная и нелегальная печать всех направлений, определились все думские партийные группы — очень недостаточный, но единственный объективный показатель наших классовых группировок. Суд над РСДР Фракцией и отклики печати подвели итог всему этому материалу. Суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму вообще, но в частности разделяют именно позицию нашего ЦО. Депутаты арестованы 4 ноября 1914 г. Более двух месяцев, следовательно, вели они свою работу. С кем и как они вели ее? Какие течения в рабочем классе они отражали и выражали? Ответ на это дает тот факт, что материалом для конференции являлись «тезисы» и «Социал-Демократ», что Питерский комитет нашей партии выступал неоднократно с листками того же содержания. Других материалов на конференции не было. О других течениях в рабочем классе депутаты не собирались докладывать конференции, ибо других течений не было.

Может быть, члены РСДР Фракции выражали лишь мнение меньшинства рабочих? Мы не вправе сделать такого предположения, ибо за 2½ года, с весны 1912 г. по осень 1914 г., около «Правды», в полной идейной солидарности с которой работали эти депутаты, сплотилось 4/5 сознательных рабочих России. Это факт. Будь сколько-нибудь значительный протест среди рабочих против позиции ЦК, — этот протест не мог бы не найти выражения в проекте или проектах резолюции. Ничего подобного не обнаружил суд, хотя он «обнаружил», можно сказать, многое из работы РСДР Фракции. Поправки рукой Петровского никакого даже оттенка не показывают.

Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России *на деле* сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран» — эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму. к

пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду.

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части и такой призыв рабочего класса — вот фактическая, объективная картина наших политических делений. С этой фактической картиной, а не с благопожеланиями интеллигентов и основателей группок надо сочетать свои «виды», надежды, лозунги.

Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду»; много больше читало ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых угнетенных. Он *один* устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братству наемных рабов других стран» показал всей России суд над РСДР Фракцией.

С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстаивать, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу.

ВЕСЬ МИР

Материалы настоящего раздела охватывают период с 1925 года по настоящее время. Огромный рост коммунистического движения во всем мире — вот чем характеризуется этот период и предшествующие ему годы. Еще в 1919 году, обращаясь к немецким коммунистам, В. И. Ленин писал: «Во всем мире движение коммунистическое растет превосходно — медленнее, чем бы хотели, но широкое, мощное, глубокое и непобедимое».

И это действительно так. В 1919 году возник Коминтерн, возник как наследник и продолжатель дела первого Интернационала, заложившего идейные основы международной борьбы пролетариата за социализм.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, вызвала мощный подъем революционного движения во всех странах. В 1918 году создаются компартии в Венгрии, Германии, Польше, Финляндии, Австрии, Аргентине, Голландии, Греции. Если на первом (Учредительном) конгрессе Коминтерна (1919 г.) были представлены коммунистические партии и группы 30 стран, то на втором конгрессе (1920 г.) — 41 страны.

Напуганные ростом рабочего движения и активной деятельностью коммунистических партий правящие буржуазные круги обрушивают на лучших представителей пролетариата волну репрессии. Особенно злобствуют фашиствующие круги Германии и Италии. Не отстают от них кичащиеся своей демократией воротилы английского и французского капитала.

В Индии английские колонизаторы организуют известный Мирутский процесс. Финская охранка бросает за решетку Тойво Антикайнена. По сути дела на пожизненное заключение обречены Эрнст Тельман и Антонио Грамши. Но не

всегда империалистам удастся изолировать активных деятелей компартий. Ярким событием на фоне довоенного периода явился разоблачающий немецкий фашизм Лейпцигский процесс. Поведение на этом процессе Георгия Димитрова навсегда войдет в историю коммунистического и рабочего движения как образец поведения коммуниста на суде, как событие огромной политической важности.

Начало второй мировой войны французские продажные правители ознаменовывают позорнейшим процессом над деятелями Компартии Франции.

Но вот отгремела вторая мировая война, и новые репрессии обрушиваются на верных сынов народа — коммунистов. Соединенные Штаты Америки и Греция, Франция и Турция. Западная Германия и Португалия — во всех капиталистических странах буржуазные заправилы пытаются остановить, задержать растущее рабочее движение.

По команде правящих кругов США в 1947—1949 гг. начинается разнузданная антикоммунистическая и антисоветская кампания. Цель этой кампании — запугать массы, оторвать их от коммунистических партий, а следовательно, изолировать сами коммунистические партии. «Коммунистов заносят в «черные списки», лишают работы, объявляют «иностранными агентами», заключают в тюрьмы, — говорил на XXII съезде КПСС тов. Н. С. Хрущев. — В 36 капиталистических странах коммунистические партии вынуждены действовать в глубоком подполье. Но народы на опыте убеждаются, что коммунисты — самые верные и надежные защитники их интересов. Идеи коммунизма не знают преград, их нельзя расстрелять или посадить за толстую тюремную решетку. Они завоевывают умы и сердца людей, становясь непобедимой силой»¹.

Не брезгуя никакими методами, в том числе и заимствованными у немецких и итальянских фашистов, буржуазные деятели становятся на путь удушения буржуазно-демократической законности, организации провокационных судебных процессов, прямого запрещения компартий. Особенно злобствуют империалисты США. Здесь вступают в действие

---

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, М., 1961, стр. 28.

антирабочие законы Смита, Тафта — Хартли, Маккарэна — Вуда, Маккарэна — Уолтера. Все эти законы, хоть они и называются по-разному, имеют одно направление. Они направлены против рабочего движения, против руководителей и рядовых членов Коммунистической партии.

В 1953 году в США издается приказ о регистрации Коммунистической партии страны как «организации коммунистического действия». А еще через год принимается закон о «контроле» над коммунистической деятельностью, по которому Компартия не может иметь «никаких прав, привилегий и иммунитетов, присущих законным организациям» в США. 5 июня 1961 г. Верховный суд США простым большинством в пять голосов против четырех принял решение, равнозначное запрещению Компартии. Суд обязал Компартию зарегистрироваться в министерстве юстиции в качестве «агента иностранной державы».

В ряде капиталистических стран Европы, действующих по американскому образцу, вводятся такие формы преследований коммунистов, как увольнение их из государственных учреждений и предприятий, пресловутая «проверка лояльности». Издаются чрезвычайные законы о «государственной безопасности». Летом 1956 года западногерманский федеральный конституционный суд принял решение о запрещении Компартии Германии и ее роспуске. В настоящее время свыше 30 коммунистических партий мира работают в подполье. Полицейский террор, судебные расправы прокатываются по странам Среднего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки. С 1956 года тянется в Южно-Африканском союзе позорный процесс лидеров прогрессивных организаций по обвинению в «государственной измене».

Французские колонизаторы, ведущие кровопролитную грязную войну против алжирских патриотов, бросают в тюрьмы славных защитников народа — коммунистов. И всюду, где есть возможность, коммунисты используют судебные процессы для провозглашения своих взглядов, для разоблачения империалистических планов развязывания новой войны.

Голос коммунистов слышит трудовой народ. Миллионы людей знают: на стороне коммунистов правда. И как бы ни злобствовали защитники капитализма, эта правда победит!

СЛАВНЫЙ 1925 ГОД

С 1924 года, когда капиталистический мир начал выходить из последнего кризиса, в английской промышленности обнаружилось серьезное отставание. В стране усилилась безработица, снизился жизненный уровень трудящихся, усилилась эксплуатация. В эти годы в стране наблюдается подъем рабочего движения. К 1925 году в рядах Коммунистической партии Англии насчитывается около миллиона человек. В первых рядах борьбы про-

тив усилившегося наступления капиталистов шли горняки.

Активное участие в революционных событиях этого времени принимал один из руководителей Коммунистической партии Англии Гарри Поллит. Осенью 1925 года он был арестован и предан суду. Ниже публикуется глава из его книги *«Годы политического ученичества»*, где он описывает суд и приводит свою защитительную речь.

Коммунистическая партия перед судом

Чтобы понять политический смысл ареста 12 руководителей работников Коммунистической партии Великобритании в октябре 1925 года, нужно вспомнить, что победа в «красную пятницу» была лишь первым этапом битвы, наивысшей точкой которой явилась всеобщая забастовка в мае 1926 года. И хотя у нас были все основания радоваться этой победе, мы тем не менее принимали необходимость подготовки к дальнейшей борьбе. Капиталисты, в свою очередь, также не замедлили воспользоваться передышкой, которую они получили благодаря субсидии, полученной угольной промышленностью. Позднее Уинстон Черчилль, бывший в то время министром финансов, охарактеризовал положение следующим образом: «Мы поэтому решили оттянуть кризис в надежде предот-

вратить его, а если не удастся, то, когда придет время, эффективно противостоять ему».

Уже в сентябре под руководством крупных тузов, среди которых были лорд Джелликоу и сэр Франсис Ллойд, была создана «Организация для обеспечения снабжения». Классовый характер этой организации стал особенно ясен, когда президент и вице-президент существовавшей тогда фашистской организации ушли со своих постов, потому что, как заявили они, «в данный момент эффективная помощь государству может быть лучше оказана путем поддержки усилий Организации для обеспечения снабжения».

Одновременно с тайно проходившей подготовкой этой черной армии промышленников и банкиров лидеры лейбористской партии открыто проводили свою обычную реформистскую тактику сотрудничества с буржуазным правительством и раскола рядов по-боевому настроенных рядовых членов партии и профсоюзов.

Конгресс тред-юнионов продемонстрировал прилив боевых настроений. Но последовавшая за ним в сентябре Ливерпульская конференция лейбористской партии явилась рупором самого плаксивого макдональдизма¹¹⁰. Было ясно, что наши реформистские «государственные деятели» находились под впечатлением предупреждения, сделанного Болдуином¹¹¹ после «красной пятницы».

«На прошлой неделе,— говорил тогда он,— мы оказались лицом к лицу с великим союзом тред-юнионов... Если нам еще раз придется столкнуться с такого рода вызовом, то позвольте мне сказать, что никогда еще ни одно меньшинство в свободной стране не оказывало насилия по отношению ко всему обществу». Не может быть никакого сомнения в том, что эта высокопарная чепуха не выходила из головы председательствующего (С. Т. Крэмп из профсоюза железнодорожников), когда в своей вступительной речи он робко заявлял: «Мы выходим за пределы классового конфликта; мы требуем сотрудничества всех классов», а затем выступил с нападками на все левые силы рабочего движения и особенно на коммунистов.

Но нападки на коммунистов были не только словесными. По рекомендации исполкома конференция значительным большинством голосов приняла решение, что в будущем

члены Коммунистической партии не могут быть индивидуальными членами лейбористской партии, а профсоюзы не должны избирать коммунистов делегатами на конференции лейбористской партии. Это был не единственный результат Ливерпульской конференции. Принятая конференцией программа была примечательна и тем, что из нее были исключены почти все подлинно социалистические требования, которые были включены в программу 1918 года.

Как мы можем теперь видеть, Ливерпульская конференция уже содержала зародыш подлого предательства, совершенного в 1931 году. Буржуазная печать восторженно приветствовала исключение коммунистов, а Дж. Х. Томас, видимо, уже мечтавший получить пост в национальном правительстве, присоединился к ней, выступив со статьей «Разгромите красных, иначе они разгромят нас!», опубликованной в «Уикли диспетч» от 11 сентября. История, однако, не дала «красным» возможности «разгромить» distinguished мистера Томаса, поскольку сей господин сделал это своими собственными руками в 1936 году, будучи замешанным в истории с разглашением секретных данных, касающихся бюджета.

Поднятый в Ливерпуле белый флаг явился для правительства сигналом к усилению наступления на рабочих. Удара не пришлось долго ждать. Как я уже писал выше, двенадцать руководящих работников Коммунистической партии были арестованы 14 октября 1925 г. Дело слушалось в Центральном уголовном суде судьей Свифтом. Их обвиняли в издании бунтарских пасквилей и в побуждении к нарушению закона 1797 года о подстрекательстве к мятежу.

Исполнительный комитет Коммунистической партии Великобритании решил вести защиту по двум линиям: во-первых, изложить чисто юридические соображения против нашего осуждения и, во-вторых, вести политическую защиту всех принципов, всей политической линии Коммунистической партии Великобритании и Коммунистического Интернационала. Для юридической защиты пригласили сэра Генри Слессера, а Уильяму Галлахеру, Дж. Р. Кэмпбеллу и мне поручили взять свою защиту на себя.

Процесс вызвал большой интерес со стороны общественности. Приводимые ниже выдержки из моей речи дадут некоторое представление о защищавшейся нами политической линии.

Моя речь в свою защиту

Поллит: Милорд, прежде чем начать говорить, я хочу просить вашего снисхождения, если в ходе своей защиты несколько уклонюсь от обычной процедуры, принятой в данном суде. Боюсь, что в котельном цехе я чувствовал бы себя более уверенно, чем на этой скамье.

Это судебное дело является самым значительным политическим процессом за последние 60—70 лет. Каково бы ни было ваше решение, оно окажет заметное влияние на будущее политическое развитие страны, и поэтому в стремлении найти правильное решение явно недостаточно пользоваться методами, которыми пользуется обвинение. Вспомните, что на одном из этапов данного разбирательства сам ученый судья спросил, что означает слово «большевик». И вы не сможете прийти ни к какому решению, которое соответствовало бы тому, что называют правосудием, если вы не знакомы с тем, что означает это слово, и со всем тем, что с ним связано.

В начале судебного разбирательства по этому делу генеральный прокурор заявил: «Прежде всего я хотел бы сказать вам: что бы вы ни делали, не допускайте того, чтобы какие-либо политические взгляды, которые у вас могут быть, оказывали бы на вас давление в ту или другую сторону». И было бы весьма уместно, господа присяжные, если бы два очень видных члена нынешнего консервативного правительства с первого же дня данного процесса воспользовались советом генерального прокурора в том смысле, чтобы не давать разыграться политическим страстям.

Для меня невозможно встать на нейтральную или беспристрастную точку зрения. Я собираюсь говорить о своих политических взглядах как рабочий, лишенный тех возможностей, которые имеют люди, использующие свое выгодное положение министров, чтобы изливать потоки клеветы и

представлять в ложном свете ту политику, с которой они не согласны.

Еще задолго до начала этого судебного разбирательства все общественное мнение нашей страны преднамеренно обрабатывалось, с тем чтобы независимо от того, кто мог бы быть в дальнейшем избран для выступления в том качестве, в котором вы выступаете сегодня, он бы подходил к делу с предубеждением еще до рассмотрения его обстоятельств. Появлялись газетные статьи, печатались карикатуры. Мы добились наложения судебного взыскания на газету «Ивинингс» за помещение карикатуры, на которой мои арестованные товарищи были изображены едущими в автомашине с бомбами в руках. На бомбах было написано «Мятеж и призыв к бунту».

Я предлагаю, чтобы дело, в той мере, в какой оно касается меня, рассматривалось на значительно более высоком уровне. Мне представлялось, что когда в понедельник вас пригласили занять свои места, то после всего прочитанного вами о красных, о коммунистах, агитаторах и большевиках вы, естественно, проявите какое-то любопытство в отношении того, как же будут выглядеть эти 12 страшных людей, когда их введут в зал суда. Вы можете заметить, что ни один из 12 не имеет усов и не носит красного галстука.

Мы являемся членами политической организации. Нас судят за нашу политику, а наша политика находит свое выражение в наших взглядах и мнениях. Мы очутились на этой скамье потому, что реакционное правительство стремится использовать свою временную власть для подавления враждебных ему идей.

В ходе разбора этого дела много говорилось об иностранном золоте. Господа присяжные, большинство из вас знает в этой области больше меня, и я уверен, что вы согласитесь, что в нашей стране еще не было такого случая, когда бы в ходе политического процесса находившееся в каждый данный момент у власти правительство не стремилось бы оправдать выдвигаемые обвинения точно такими же разговорами об иностранном золоте, к каким оно прибегло и на этом процессе. Когда Ллойд-Джордж¹¹² выступал против Бурской войны, газеты утверждали, что он получает немецкое золото. Когда Джон Редмонд¹¹³ проводил в Ирландии агитацию за

гомруль*, то в этом случае утверждали, что при помощи американского золота пытаются подорвать конституцию Британской империи. Когда мистер Рамсей Макдональд занял, как тогда считали, неправильную позицию по отношению к мировой войне¹¹⁴, то опять утверждали, что немецкое золото стремится подорвать и ослабить основы нашей великой нации. И теперь, когда появилась новая политическая партия, выражающая отнюдь не новые идеи, мнения и политику, партия, представляющая традиции, которые уходят в глубь истории рабочего движения, мы видим, как опять за отсутствием аргументов прибегают к измышлениям об иностранном золоте. Вы уже слышали эти заявления. Но как мало они доказывают. Давайте допустим самое худшее и предположим, что все обвинения, выдвинутые прокурором, справедливы (мы отрицаем это, потому что обвинение не представило ни тени доказательства) и что партия получила из иностранных источников 12 000 фунтов стерлингов. Вас старались напугать болтовней о тайных каналах, через которые они получены. Господа присяжные, во вторник в вечерней газете появилось небольшое сообщение, на которое я хотел бы обратить ваше внимание, ибо, если мы собираемся полностью изменить общественные и экономические условия, располагая 12 000 фунтов в год, что же тогда собирается делать правительство, получающее 12 000 фунтов в неделю? Когда вы видите в печати сообщение о том, что сэр Роберт Хоустон будет в Ливерпуле...

Судья Свифт: Вы должны придерживаться выдвинутых против вас обвинений и показаний по этому делу. Вы можете продолжать выступление в том духе, как делали до сих пор. Я не вмешивался и буду по возможности меньше прерывать вас. Но когда вы будете отходить от темы, вроде того, как, мне показалось, вы собираетесь сделать, тогда я должен остановить вас.

Поллит: Полагаю, милорд, что вы не позволите мне отойти очень далеко.

---

* Гомруль — умеренная буржуазно-либеральная программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи, выдвинутая в 70-х годах XIX в.— *Ред.*

Судья Сви́фт: Моя обязанность состоит в том, чтобы не давать вам отклоняться вообще. Надеюсь, что буду следовать своим обязанностям, хотя возможно, что я и не делал этого до того, как прервал вас. Продолжайте.

Поллит: Следующее обстоятельство, господа присяжные, на которое я хотел бы обратить ваше внимание, касается времени принятия закона, по которому нас судят. Похоже на то, что современная цивилизация в настоящее время достигла такой точки, когда для расправы с противниками приходится возвращаться более чем на 100 лет назад и откапывать древний закон. И такая политика оправдывается людьми, которые всегда заявляли о том, что они стоят за полные и неограниченные права человеческой личности, за свободу слова и печати, и выдвигали другие подобные лозунги. Думаю, что я имею право указать на одно обстоятельство, на которое обвинение вряд ли обратит ваше внимание: этот закон был принят в тот момент, когда в британском военно-морском флоте вспыхнул бунт. Питт¹¹⁵ был настолько встревожен развитием событий, что с помощью весьма продажного парламента протащил этот закон в Свод законов. Но я уверен, что Питт меньше всего мог думать, что этот закон будет применен в 1925 году. Однако дело обстоит именно так; нас обвиняют по закону, который был предназначен исключительно для подавления уже вспыхнувшего мятежа. Сможет ли кто-нибудь утверждать, что сейчас уже вспыхнул или может вспыхнуть мятеж?

Господа присяжные, по моему мнению, обвинение подходит к этому делу с чисто юридической точки зрения. Оно утверждает, что дело не имеет ничего общего с политикой. Я хочу сказать, — если логика что-нибудь да значит, — что те самые люди, которые возбудили процесс, сами в 1912—1914 гг. распространяли клеветнические пасквилы, подстрекали к мятежу и создавали свои ячейки в армии, размещенной в Ирландии, что мы никогда не смогли бы сделать, если бы даже хотели.

Если логика мирится с обвинением рабочих по закону 1797 года, то мы хотим сказать, что вместе с нами на этой скамье должны быть люди, возглавляющие в настоящее время наше правительство. Вам было прочитано много цитат, много документов; полиция во время налета на дом одного из на-

ших товарищей изъяла документ, который обвинение не осмеливается, просто не решается предъявить в качестве доказательства по делу о клеветнических пасквилях и подстрекательстве к мятежу. Это документ, который сам мистер Асквит¹¹⁶, лорд оксфордский, назвал...

Судья Свифт: Вы не должны приводить факты, которые не собираетесь подтверждать доказательствами. Если вы намереваетесь вызвать свидетеля, чтобы представить документ, то имеете право предъявить его присяжным, но вы не должны ссылаться на факты, в отношении которых не станете приносить присягу в качестве свидетеля.

Поллит: Милорд, вы можете помочь мне. Я хотел бы избавить вас от необходимости поправлять меня, но в данном случае я хочу процитировать из книги, отобранной полицией и представляющей собой собрание бунтарских речей лорда Биркенхеда, лорда Керзона и Джойнсон-Хикса.

Судья Свифт: Боюсь, что не смогу разрешить вам это. Я не понимаю, как бунтарские речи лорда Биркенхеда, лорда Керзона и сэра Уильяма Джойнсон-Хикса могут оказать хотя бы малейшую помощь присяжным или иметь что-либо общего с данным делом. Знаете ли вы, что если бы вы хотели, то могли бы выдвинуть против них обвинение; нет никаких причин для того, чтобы вы не обвинили лорда Биркенхеда, лорда Керзона и сэра Уильяма Джойнсон-Хикса, но мы не можем смешивать подстрекательство к бунту с их стороны с вашим делом.

Поллит: Что касается вашего последнего замечания, милорд, то я думаю, что когда мы станем членами правительства, то мы к вашему удовлетворению предпримем это действие.

А теперь, господа присяжные, мне думается, что я уже достаточно сказал, чтобы показать вам, что данное обвинение является не юридическим обвинением, не чем-то таким, что восстанавливает закон, а политическим обвинением, и я хочу, чтобы до конца процесса вы имели это в виду. Правительство предприняло эти действия совсем не из-за содержания приводившихся здесь документов.

Первое обстоятельство, подсказавшее правительству возможность предпринять эти действия, состояло в том, что правительство узнало об исключении нас из лейбористского

движения на Ливерпульской конференции лейбористской партии. Увидев, что мы изолированы, непопулярны, что официальное движение по-своему лишило нас прав, оно подумало, что пришло время нанести нам удар, потому что официальное лейбористское движение не придет к нам на помощь. Мне думается, что в этом вопросе правительство уже увидело свою ошибку, ибо произошли два события, которые совершенно ясно и убедительно показали, что рабочее движение не считает, что данный процесс делает честь рабочему движению и консервативной партии. Между прочим, ответственные деятели лейбористского движения откликнулись на просьбу поручиться...

Судья Свифт: Нет.

Поллит: Имею ли я право, милорд, рассказать о причинах, по которым, на мой взгляд, выдвинуто это обвинение?

Судья Свифт: Думаю, что да, но я повторяю, что вы не должны говорить о чем бы то ни было как о фактах, если не имеете доказательств и не собираетесь их представить. Вы можете как вам угодно критиковать обвинение и вы уже назвали причину, по которой, как вам кажется, было возбуждено данное дело, но вы не можете излагать как факты причины, почему выдвинуто обвинение, если не собираетесь доказать это.

Поллит: Однако, милорд, могу ли я сказать, какова, на мой взгляд, причина того, почему обвинение начало этот процесс?

Судья Свифт: Да, но вы уже сказали это. Если, по-вашему, имеются другие причины, то вы, конечно, можете сказать о них, но вы не можете продолжать и приводить факты о том, кто поручался за вас или что-нибудь в этом роде; это не относится к делу.

Поллит: Вторая причина того, почему возбуждено обвинение, также является политической. В результате кризиса в горнодобывающей промышленности в июле этого года правительство испытывало трудности и под угрозой прямых действий со стороны профсоюзов было вынуждено пойти на соглашение. Партия, к которой мы принадлежим, была единственной партией, пропагандировавшей известную доктрину единства действий, и в силу того, что правительство не чувствовало себя достаточно сильным для прямого наступления

на профсоюзы, нас сделали козлами отпущения, чтобы дать удовлетворение наиболее твердолобым слоям консервативной партии, вынуждавшим лидеров этой партии к нападению на Коммунистическую партию. На последней конференции консервативной партии, проходившей после Ливерпульской конференции лейбористов, твердолобая группа резко осудила лидеров консервативной партии. Принята была резолюция с требованием начать наступление на Коммунистическую партию. Таковы основные причины того, почему было возбуждено обвинение.

На этом я заканчиваю свои предварительные замечания. Прежде чем перейти к вещественным доказательствам, я хочу сказать, что в политическом судебном процессе нет ничего легче, ничего проще, как взять документ, прочесть выдержку из него, выкинуть целый ряд других положений и тем самым затемнить подлинный смысл этого документа. Сегодня днем мы были свидетелями этого, когда генеральный прокурор прочел параграф 45 одного документа, который был предъявлен свидетелю, и судья был вынужден обратить внимание генерального прокурора на то, что в следующем за этим параграфом положение представлялось в совершенно ином свете. Если мы будем иметь в виду подобные случаи, то увидим, как легко создать совершенно ложное представление о документах, предъявленных обвинением.

Вы сами знаете, что при чтении газетных заголовков можно составить представление, полностью отличающееся от того, которое дает сама статья. Именно это и имеет место в данном случае. Никто из вас, как бы он ни старался понять, что говорил генеральный прокурор, не мог получить на основе весьма беглого обзора ряда политических заявлений сколько-нибудь последовательного представления о теории и политике той организации, деятельность которой рассматривается судом. Мы хотим заявить вам, что нельзя брать изолированные выдержки и затем пытаться на основе этого прийти к каким-то выводам, ибо это противоречит принципам справедливости и не соответствует британским традициям, о которых нам постоянно твердят.

Возьмем самый ранний документ, который смогло представить обвинение, документ № 16, «Тезисы Коммунистического Интернационала». Когда представитель обвинения

начал читать выдержки из этого документа, начал ли он читать с первой страницы или же взял определенный абзац, представив все в ложном свете? Документ начали читать с середины четвертой страницы. Он был принят в 1920 году. Важно, чтобы вы уяснили себе обстановку, в которой вырабатывался данный, а также остальные документы. Это была обстановка, когда в результате войны, в результате актов насилия, совершенных в различных странах европейского континента, весь мир находился в состоянии революционного брожения; слетали со своих тронов короли, императоры и цари; и происходило это не из-за деятельности отдельных лиц, а в результате движения огромных масс в этих странах, как следствие ужасных условий военного времени.

Следовательно, положение в 1920 году отличалось от положения, существующего в настоящий момент; и эти документы следует рассматривать с учетом условий того времени, когда они были написаны. Обвинение вовсе не намеревалось обратить ваше внимание на обстановку, при которой были приняты эти документы.

Документ начинается заголовком «Устав Коммунистического Интернационала», и хотя вам уже читали много выдержек, я должен ради излагаемой мной позиции взять на себя смелость и зачитать вам следующую выдержку. «В 1864 году в Лондоне — не в Москве, господа присяжные, а в столице Великобритании Лондоне — было создано первое Международное товарищество рабочих, известное позднее как Первый Интернационал». В Уставе Международного товарищества рабочих говорилось,

«что освобождение рабочего класса должно быть осуществлено самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, и лежит в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений».

Это был первый документ, который должно было рассмотреть первое Международное товарищество рабочих. На этом собрании присутствовало много людей, имена которых почитаются и уважаются в истории рабочего движения нашей страны.

Этот документ был написан Карлом Марксом, который в 1847 году, как уже упоминалось, написал «Манифест Коммунистической партии».

Он доказывает, что мы являемся прямыми продолжателями и последователями не нескольких тайных заговорщиков в Москве, не нескольких небольших групп людей, объединившихся то здесь, то там, а представляем партию и что политика и принципы, за которые нас преследуют, являются исторической политикой и историческими принципами, которые не являются творением отдельных личностей, а возникли из обычного общественного и экономического развития в течение последних 200 лет. Это обстоятельство придает совершенно иную окраску всему процессу, возбужденному обвинением.

Далее в документе говорится: «Второй Интернационал, основанный в 1889 году в Париже, обязался продолжить дело I Интернационала, но в 1914 году в начале мировой

бойни он потерпел полный крах. Второй Интернационал погиб, подточенный оппортунизмом и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии».

Не бойтесь этого абзаца, господа присяжные. В нем лишь утверждается, что во время войн, вместо того чтобы заявить, как это должен был бы сделать рабочий Интернационал, что ни одно орудие, ни один солдат не направятся на войну, некоторые лидеры II Интернационала объединились с капиталистами против рабочего движения. А ведь это совершенно законная форма комментариев, отвечающая тому, что произошло в действительности и теперь принадлежит истории.

«Третий Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 года в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого I Международным товариществом рабочих».

Таким образом, Интернационал, с которым мы связаны, считает своей исторической задачей претворение в жизнь дела I Интернационала рабочих, который собрался в Лондоне в 1864 году.

В документе далее говорится:

«Третий Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистическая война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 млн. человек.

— Помни об империалистической войне! Вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил. Помни о том, что благодаря существованию капиталистического строя небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собой! Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету! Помни о том, что без свержения капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно».

Затем представитель обвинения зачитал следующий абзац, который нельзя понять, если мы как следует не поймем смысл того, что я только что прочел. В этом абзаце говорится:

«Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, также и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной Советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает Советскую власть исторически данной формой этой диктатуры пролетариата».

В ходе своего выступления, господа присяжные, я надеюсь представить этот абзац в его настоящем свете. В данный момент я только хочу заметить, что, высказывая свою точку зрения, генеральный прокурор сделал несколько замечаний, свидетельствующих о том, что мы отходим от обсуждения политики и обращаемся к политическим предрассудкам.

Одного этого документа достаточно, чтобы показать вам, что мы обсуждаем переходный период. Обвинение утверждает, что мы — незаконная организация. В целом ряде нелепых утверждений содержался намек на то, что мы якобы сторонники насилия над личностью. Генеральный прокурор, например, выразился следующим образом: «Вы имеете полное право (если мне позволят проиллюстрировать свою мысль) говорить, что, по вашему мнению, собственность должна быть уничтожена; никто не может возражать против того, что вы исповедуете эту доктрину. Вы также имеете полное право утверждать, что премьер-министра нужно сбросить с занимаемого поста. Но вы не имеете никакого права говорить людям: «Крадите вещи ваших соседей, потому что собственность не должна существовать», или призывать их: «Убейте премьер-министра, потому что это единственный способ избавиться от него».

Помните, что в конце этого процесса генеральный прокурор имеет право ответить мне именно потому, что он генеральный прокурор. Если бы он не выступал по этому делу, то обвинение не имело бы права на ответ, и мы надеемся, что в своем ответе он приведет хотя бы один документ, в котором мы призываем к хищению чужой собственности или к убийству премьер-министров. Такое утверждение генерального прокурора представляет собой лишь открытую апелля-

цию к политическим предрассудкам и попытку заставить вас поверить, что это одна из наших доктрин. Вы можете просмотреть все представленные здесь вещественные доказательства и не найдете в них ничего такого, что свидетельствовало бы об актах индивидуального террора. Мы просим вас отклонить этот тривиальный аргумент.

Прежде чем перейти к документам в целом, необходимо остановиться на нескольких утверждениях, содержащихся во вступительной речи генерального прокурора. Вы увидите, что он так изобразил коммунизм, коммунистическую пропаганду и коммунистическую агитацию, что с каким бы великим уважением я к нему ни относился, это можно назвать лишь извращением фактов. Этот вопрос нужно так осветить, чтобы это выдержало тщательный анализ.

Я ссылаясь на заявление генерального прокурора о том, что мы не имеем права «похищать чужую собственность». Далее он сказал следующее: «Итак, хотя вы имеете полное право говорить: «Я считаю, что данная форма общества, при которой мы живем, является нежелательной и что можно построить другое общество, которое будет лучшим обществом для каждого», хотя вы имеете полное право проповедовать это, вы не имеете права говорить: «Так как я верю, так как я считаю, что та форма общества, которую я проповедую, лучше существующей, и так как я не могу достичь своей цели путем мирного убеждения, законными средствами, я буду побуждать людей к тому, чтобы попытаться добиться силой того, чего нельзя добиться убеждением».

Каков смысл этой фразы? В ней подразумевается, что Коммунистическая партия не верит в свою способность и умение привлечь на свою сторону людей, довести до них свою точку зрения путем доводов, обмена мнениями, газетных статей; и так как мы не можем добиться этого, то так или иначе мы должны попытаться заставить силой тех же самых людей согласиться с тем, с чем они не могут согласиться в результате законного убеждения. Я смею утверждать, что такие аргументы не выдерживают никакой критики. И если из прошлой истории можно чему-то научиться, так это тому, что все величайшие общественные изменения, которые имели место в нашей и любой другой стране, происходили в результате разрыва со старыми формами, в результате возникно-

вления новых форм общества и новых идей. Являются ли эти изменения мирными или насильственными — определяется условиями, в которых возникают и существуют эти новые формы. Я думаю, что даже генеральный прокурор не станет утверждать, что Кромвель во время исторического инцидента в палате общин несколько сот лет назад верил в убеждение мирными средствами.

Далее, генеральный прокурор завершает свои рассуждения следующими словами: «Присяжным придется решить, являлись ли совершенные деяния попыткой возбудить вражду и ненависть между классами, или же лишь указать, имея в виду их устранение, на деяния, определенно имеющие вредные последствия». Согласно этому заявлению, одно из выдвинутых против нас обвинений заключается в том, что мы несем ответственность за возбуждение вредных настроений, вражды и ненависти между различными классами. Господа присяжные, я и мои товарищи, находящиеся на этой скамье, не имели тех преимуществ, которыми пользуются люди, господствующие в политической и экономической жизни нашей страны. Если своей слабой пропагандой мы можем вызвать вредные настроения, вражду и ненависть, то правящий класс, располагающий огромными возможностями, мог бы завтра же снести все эти настроения, если бы они действительно порождались только коммунистической пропагандой. Эти условия порождаются общественной жизнью, и ничто из того, что мы можем сказать с этой скамьи подсудимых или что с противоположной точки зрения может сказать представитель короны, не может изменить условий, которые вызывают вредные настроения, вражду и ненависть, пока вы не измените весь существующий общественный строй.

Генеральный прокурор утверждает, что мы не верим в осуществимость изменений мирными средствами: я покажу немного позднее, как, на его взгляд, мы предлагаем их осуществить. В начале выступления генеральный прокурор изо всех сил старался разъяснить вам, что представляют собой Коммунистическая партия, Коммунистический Интернационал и Коммунистический союз молодежи. Я возьму на себя смелость, господа присяжные, в течение нескольких минут остановиться подробнее на сделанных здесь заявлениях. Коммунистическая партия является политической партией, и мне

вряд ли нужно напоминать вам, что политическая партия — это партия, которая стремится представлять интересы определенной группы, определенного класса. Коммунистическая партия представляет интересы рабочего класса, и она проводит организационную и агитационную работу и стремится бороться путем обычных пропагандистских средств, имеющих в нашей стране, за привлечение рабочего класса нашей страны на свою сторону. Наши взгляды могут вызывать антипатию, они могут быть неприятны, они могут быть совершенно ошибочными — но это наши взгляды, и мы имеем такое же право выражать их, как и люди, выступающие против них.

Наша партия насчитывает 5000 членов, и, хотя предпринимались попытки запугать вас разговорами о тайных каналах, тайных передвижениях, можете поверить мне, что большая часть членов нашей партии никогда не покидала берегов нашей страны. Этот факт стоит иметь в виду, когда вы вспоминаете рассказы о заговорах, секретных методах, нелегальных средствах. В каком виде представляется заговор не в умах юристов, а в воображении неискушенных людей? В виде деятельности, развертывающейся по темным закоулкам, на тайных собраниях, путем нашептываний на ухо. Им представляется, что мы никого не посвящаем в свои намерения. Но мы совершенно легальная политическая партия, которая следует своей линии начиная с момента своего образования в 1920 году, и если то, что мы говорим сейчас, ошибочно, то оно было ошибочным и в то время. Это было ошибочно в 1921 году, в 1922, в 1923 и было ошибочно в 1925 году. Сам министр внутренних дел, отвечая на вопрос в палате общин, вынужден был заявить, что Коммунистическая партия является легальной, законной организацией. На основании этого мы сразу же можем отвергнуть намеки на то, что мы якобы являемся какой-то заговорщической организацией.

В настоящее время наша партия, являясь партией рабочего класса, проводит митинги на уличных перекрестках. Она издает свою газету «Уоркерс уикли». Она издает свой теоретический журнал «Коммунист ревью». Она проводит массовые митинги. Все это делается для того, чтобы убедить рабочих в правильности нашей точки зрения. Рассказывая

о своих взглядах, мы готовы выслушать аргументы, направленные против них, и если в ходе дискуссии мы можем убедить кого-нибудь в том, что мы правы, то эти люди вступают в партию. Каковы те основные положения, благодаря которым нам удается убедить людей вступать в партию? Мы заявляем, что считаем капиталистический строй несправедливым по своему существу, что он не может обеспечить рабочим нашей страны, широким массам населения приличных условий существования. Мы говорим рабочему классу нашей страны, что, как показывают история и современный опыт, правящий класс не согласится на повышение зарплаты даже на 6 пенсов в неделю, если только сможет избежать этого. Если, утверждая, что горняки — эгоисты и относятся без всякого уважения к обществу, капиталисты могут заставить горняков работать за нищенскую зарплату, что они фактически и делают, то мы указываем рабочему классу на эти факты, доказывая, насколько далеко готов пойти правящий класс, чтобы сохранить свои богатства и привилегии.

Когда генеральный прокурор утверждает, что мы не верим в возможность мирного убеждения, то мы имеем право спросить у рабочего класса: «Имеются ли какие-нибудь основания для таких утверждений?» А какими могут быть эти основания, господа присяжные, можно представить себе, если вспомнить, что ради прихода к власти правительство не остановилось перед использованием фальшивого письма *. Что же тогда оно способно сделать для защиты своего права собственности, своих привилегий и своей роскоши?

Я хочу остановиться еще на одном вопросе, касающемся организационного построения партии. Когда давались показания, вы слышали много разговоров о ячейках. Нет никаких причин бояться этого слова. Оно всего-навсего означает, что те члены партии, которые состоят в профсоюзах, работают в советах профсоюзов или в организациях лейбористской партии, организуются для своей деятельности. Мы считаем, что не можем иметь политическую партию, если она не организована для проведения своей линии. Поэтому, чтобы товарищи в Манчестере не говорили одно, а в Глазго — совсем

---

* Речь идет о фальшивом «письме Коминтерна», сфабрикованном консерваторами перед парламентскими выборами 1924 года. — *Ред.*

другое, мы организуем их, чтобы они действовали в одном направлении. Слово «ячейки» означает лишь группу членов нашей партии, которые организованы для проведения наших форм деятельности и, как уже говорилось, входят в Коммунистический Интернационал.

При ознакомлении вас с документами значительный упор делался на факте существования Коммунистического Интернационала. Я хотел бы обратить ваше внимание на документ 16, стр. 11 («Тезисы Коммунистического Интернационала»). В нем говорится:

«Все постановления съездов Коммунистического Интернационала, как и постановления его Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал, действующий в обстановке обостренной гражданской войны, должен быть построен гораздо более централизованно, чем это было во II Интернационале».

Вы видите, господа присяжные, что тезисы были написаны в 1920 году, т. е. в момент, когда в Центральной Европе происходила гражданская война. Далее в документе говорится: «При этом Коммунистический Интернационал и его Исполнительный комитет во всей своей работе, разумеется, обязаны считаться со всем многообразием условий, при которых приходится бороться и действовать различным партиям и выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны». Далее, хотя теперь мы и находимся на этой скамье, но мы ни на минуту не допускали и мысли отмежеваться от политики Коммунистического Интернационала. Все мы гордимся тем, что являемся составной частью этого Интернационала. Но из зачитанного мной документа совершенно ясно видно, что тактика, правильная для Болгарии, была бы никуда негодна в нашей стране.

Касаясь условий приема в Коммунистический Интернационал, генеральный прокурор говорил: «И вы обнаружите, что впоследствии эти условия были вновь подтверждены, по-моему, на IV конгрессе. Одно или два из этих условий представляют интерес в связи с моим вторым замечанием, суть которого состоит в том, что коммунисты очень хорошо понимают, что при осуществлении насильственного сверже-

ния государства им придется иметь дело с армией, флотом и полицией, чья святая обязанность в силу присяги состоит в поддержке государства и в подчинении законным приказам правительства при подавлении беспорядков и гражданской войны». В данном случае, господа присяжные, так или иначе имеется противоречие. Вы можете вспомнить, что в другом месте своей речи он говорил: «И так как я не могу достичь своей цели путем убеждения, путем законных средств, я буду возбуждать людей, чтобы получить силой то, чего не могу получить путем убеждения». Подумайте о смысле этих слов. Мы якобы не можем привлечь на свою сторону рабочих на шахтах, судоверфях, на текстильных предприятиях и в учреждениях, но нам, видимо, не представляет трудности привлечь на свою сторону армию, флот и полицейские силы. На деле это сводится к следующему: будучи котельщиком, я разговариваю с рабочим, работающим рядом со мной в котельном цехе, и стараюсь показать ему недостатки данного строя, но он остается равнодушным. Я убеждаю его в том, что рабочим мира нужно объединиться, а он не хочет иметь со мной никакого дела. Но вот я увидел солдата, идущего с девушкой в театр. Я говорю ему: «Не стреляй в рабочих», и он прислушивается к моим словам. Такова логика подобного рода аргументов, но ведь это абсолютно неубедительно и находится в полном несоответствии с подлинными фактами.

Господа присяжные, мы должны следовать здравому смыслу, реалистически оценивая сложившееся положение. Если наша партия не может привлечь на сторону своих принципов котельщиков и машиностроителей, то она не может привлечь и солдат армии, моряков военно-морского флота и летчиков военно-воздушных сил. Так подсказывает здравый смысл. Далее генеральный прокурор говорит: «Однако из вышесказанного следует, что в данный момент задача коммунистических партий состоит в том, чтобы ускорить революцию, не вызывая ее искусственным путем, пока не будет проведена достаточная подготовка; такая подготовка должна проводиться и усиливаться путем революционной деятельности». До окончания этого процесса я считаю документ, опубликованный правительством, и надеюсь показать вам, в чем состоят причины революции.

Я подробно разобрал эту вступительную речь, потому что в ее основе лежит философия, абсолютно враждебная рабочему классу нашей страны, и таким образом путем инсинуаций, вымыслов и намеков, так или иначе могут создать впечатление, что партия, которую мы представляем, якобы является партией, не верящей в мирную агитацию, не верящей в конституционную процедуру, и что она состоит всего лишь из небольшой группы людей, нашептывающих повсюду один-два лозунга в надежде вызвать социальную революцию. Я позволю себе утверждать, господа присяжные, что никогда еще в истории политических процессов ни одной коллегии присяжных английского суда не давалось такое искаженное представление о политической теории.

Господа присяжные, теперь я хочу перейти ко второй линии своей защиты. Я пытался показать вам историческое положение Коммунистической партии. Моя вторая линия заключается в том, чтобы попытаться показать вам, чего мы добиваемся и каким образом мы хотим достичь своей цели. Поэтому, если вы обратитесь к странице 7 данного документа («Проект программы Коммунистического Интернационала»), то увидите, что в нем говорится, что это «проект программы, принятой V конгрессом Коммунистического Интернационала», а его первый раздел озаглавлен: «Капиталистическое наемное рабство». Я осмелюсь попытаться объяснить, что означает этот раздел. В нем говорится: «Почти весь земной шар находится в настоящее время под владычеством капитала». Что это означает? Это означает, что, по нашему убеждению, незначительное меньшинство населения владеет и распоряжается всей землей, всеми банками, фабриками и заводами и в результате этого осуществляет полный экономический, социальный и политический контроль над силами государства, как гражданскими, так и военными. Этот контроль осуществляется не от лица всего общества, не от лица нации, как это часто утверждают, а в интересах определенного класса, который владеет всей землей и т. д. В результате этой собственности он может господствовать над всем населением, так что нами правит меньшинство, а совсем не большинство.

Я, конечно, могу предположить, что мне в ответ станут утверждать, что правящее меньшинство избрано большин-

ством и что у избирательных урн все равны перед законом. Я, однако, не могу забыть, что когда я иду к избирательной урне отдать свой голос, то другие люди, идущие к избирательной урне, располагают могущественными газетами, чтобы оказывать влияние и привлекать на свою сторону миллионы голосов, и что в этом нет никакого равенства. Исходя из этого, я и указываю, что предметы, нужные для нормальной жизни, находятся под контролем немногочисленного класса, который мы называем классом капиталистов. В результате он в состоянии господствовать над всем трудящимся населением, а когда мы говорим о трудящихся, то не следует предполагать, что в нашем понимании это только те, кто подметает улицу или выполняет подсобную работу на производстве. Когда мы говорим о трудящихся, то имеем также в виду мелких торговцев, служащих и подобных им людей. Все эти разнообразные слои населения полностью находятся под контролем немногочисленной клики, которая владеет шахтами и рудниками, средствами производства и обмена.

В документе говорится, что класс капиталистов контролирует образование. Господа присяжные, вы знаете, что это означает. В разделе об образовании говорится: «...господство буржуазии закрепляется и культурно, причем средством для этого является монополия образования, находящаяся в руках капиталистов». На данной стадии нам нужно получить некоторое представление о том, что означает слово «буржуазия». Иногда после наших выступлений на улицах некоторые думают, что это скаковая лошадь, и даже ставят на нее свои деньги. Когда мы употребляем слово «буржуазия», то мы говорим о той группе населения, которая владеет банками, землей, шахтами, рудниками, заводами и фабриками. Если при чтении этого документа вы обратите внимание на другое слово — «пролетариат», которое также вызывает сильный ужас, то оно все-таки является обобщающим названием для рабочего класса.

В разделе «Монополия образования» указывается лишь то, что огромная масса людей вынуждена получать только такое образование, которое дают им правящие классы нашей страны. Это означает, что масса наемных рабочих нашей страны не может даже на тысячу миль приблизиться к Оксфорду или Кембриджу, Харроу, Итону или Винчестеру. Это

не означает, что эти учебные заведения воспитывают лучших граждан, чем обычные средние школы и школы-пансионаты. В этой связи я считаю уместным напомнить вам, господа присяжные, что когда одному из полицейских, дававших показания по этому делу, задали вопрос о Попларе, то за смех в зале сделали замечание не тем, кто был на галерее, а тем, кто занимал привилегированные места под галереей. Это свидетельствует о том, что, хотя капиталисты все еще контролируют образование, это совсем не означает, что такой контроль дает хорошие результаты. Теперь взгляните на раздел, озаглавленный: «Развитие основных противоречий капиталистической системы». Что это означает? Это просто означает, что, по моему мнению, сам капиталистический строй порождает ряд противоречий, которые в конечном счете его и разрушат. Этот строй развивался от частной собственности к мелкому предприятию и т. д. до тех пор, пока в конце концов не достиг нынешней сложной структуры, свидетелями которой мы являемся. И не в результате высказываний Ленина или статей «Уоркерс уикли», а в ходе исторического развития самого капитализма начинают создаваться определенные условия, которые в конечном счете должны привести к разрушению этого строя.

Обратите внимание на параграф «а» («Классовая борьба») на той же странице. В нем говорится: «Капиталистическое общество, построенное на эксплуатации огромного большинства населения его незначительным меньшинством, раздирается надвое, и борьба классов наполняет всю его историю. Классовые противоречия возникают в результате противоречий между экономическими интересами. На первых этапах развития капиталистического строя классовая борьба в основном выражалась в борьбе рабочих за получение мелких уступок, таких, как восьмичасовой рабочий день, вместо десяти- или четырнадцатичасового, отмена неполного рабочего дня, улучшение вентиляции в цехах и повышение зарплаты на шиллинг в неделю. В тот период это было основным направлением борьбы. Но по мере того, как этот строй набирает силы и становится все более компактным, классовая война усиливается, причем усиливается она не потому, что мы того хотим, а потому, что по мере развития капитали-

стического строя усиливается борьба между рабочим классом и классом капиталистов».

Как вы, может быть, заметили, фирма «Бутс», являющаяся монополистом по продаже медикаментов, открывает магазин напротив небольшой аптеки, владелец которой, может быть, торговал в данной деревне уже около 20 лет, и если он не сможет продавать свои изделия дешевле, чем «Бутс», то он будет уничтожен. То, что верно в отношении фирмы «Бутс», верно и в отношении торговли мылом, и в отношении собственников железных дорог и землевладельцев. Все эти вещи не принадлежат широким массам населения; они принадлежат крохотному меньшинству, и с каждым годом данное меньшинство в результате концентрации капитала становится все более малочисленным. Говоря о «большой пятерке», мы, как это известно каждому, подразумеваем пять крупнейших банков в нашей стране. Они обладают большей властью, чем вся лейбористская партия в целом. И это не в силу правильности их взглядов, а лишь потому, что они «большая пятерка». Они «большая пятерка», и поэтому они господствуют над банковскими учреждениями нашей страны.

По мере усиления этой борьбы рабочий класс должен развивать свои организации, а класс капиталистов — свои. Мы видим, как формулируется политический курс организации капиталистов, как появляется огромное объединение, представляющее политические и экономические интересы капиталистов. Это объединение называется Федерацией британской промышленности. С другой стороны, мы видим рост числа членов Конгресса тред-юнионов. Оба класса смыкают свои ряды, один для того, чтобы защитить завоеванное и добиться лучших условий существования, а другой — чтобы удержать то, что он имеет, и помешать рабочему классу добиться лучших условий существования. Эта война усиливается обычным экономическим развитием. Локауты и забастовки и вообще любые политические выступления принимают значительно более серьезный характер, чем прежде.

На странице 9 вы увидите параграф, озаглавленный «Борьба капитализма за господство», и короткое, зловещее слово «войны». В этом параграфе говорится: «Борьба капиталистической системы за эксплуатацию всего мира ведет

к особой конкуренции, конкуренции между капиталистическими государствами и, в конце концов, находит свое выражение в войнах, которые составляют такую же необходимую принадлежность капитализма, как кризисы и безработица». Из этого абзаца вы увидите, господа присяжные, что наши представления о происхождении войн несколько отличаются от политической концепции другой стороны. Вы видите, что мы не верим в то, что войны ведутся ради защиты национального достоинства или борьбы за свободу или вызываются необходимостью защиты подвластных народов. Я думаю, что опыт прошлой войны, во время которой использовались все эти лозунги, показал, насколько пусты и неискренни были эти заверения. Мы считаем, что войны возникают под влиянием определенных причин, вынуждающих различные капиталистические государства развязывать войны. Каковы эти причины? Они, безусловно, состоят в том, что по мере развития промышленности в каждой стране излишние прибыли, извлекаемые промышленностью, должны быть где-нибудь вложены для того, чтобы производить новые прибыли. Поскольку их нельзя вложить внутри страны, они должны быть вложены в зарубежных странах. Таким образом, борьба за империю, борьба за территории ведется не потому, что нам не терпится вавалить на себя бремя, которое несут чернокожие. В действительности же, как только мы туда приходим, именно чернокожие начинают нести на себе наше бремя. По крайней мере, им здорово достается в алмазных копиях Южной Африки.

А если мы считаем себя вправе добиваться новых рынков и территорий, то точно так может считать и немец. Если он отправляется в тот или иной район земного шара, намереваясь эксплуатировать экономические ресурсы той страны, где он видит дешевые источники труда и где он, по его мнению, может создать промышленность и извлечь прибыли, обеспечив тем самым пути для снижения уровня жизни населения своей собственной страны, которому он будет угрожать конкуренцией, он, конечно, пойдет на это. Но если он узнает, что там до него уже побывал «Юнион Джекс» *, он

---

* Британский государственный флаг.

созовет конференцию круглого стола и заявит: «Пусть там будет распростертый орел» *. Если можно, то они приходят к соглашению дипломатическим путем, но если они не приходят к дипломатическому соглашению, то им приходится начинать войну. А чтобы заставить население своих стран идти на войну, вы думаете, что они скажут ему, например, о том, что в Месопотамии имеется нефть? Вы думаете, что они скажут ему, что в Китае имеются баснословно богатые угольные шахты или что необходимо получать золото из Индии? Они скажут что-нибудь вроде того, что германский орел клюнул в хвост британского льва. А в Германии дадут понять, что британский лев выщипал перья у германского орла. Таким путем на международной арене будут созданы определенные настроения, и у людей появится новая причина для войны.

Итак, вы видите, господа присяжные, что наше представление о войне несколько отличается от той патристической чепухи, которой сегодня учат в школах. Мы считаем, что они дерутся за торговлю, за территории и за прибыли. Мы не верим, что в Калькутте расходуются и вкладываются средства потому, что люди, вкладывающие эти деньги, питают любовь к рабочему классу Калькутты. Они направляют туда свои деньги потому, что там можно извлечь более высокую прибыль, чем на джутовых фабриках в Данди. Не забывайте также, что многие владельцы фабрик в Данди имеют фабрики и в Калькутте, и они получают прибыли...

Судья Свифт: Вы отклоняетесь к таким фактам, для установления достоверности которых требуются доказательства.

Поллит: Я уверен, милорд, что отвлекся впервые.

Судья Свифт: Это я впервые счел необходимым вернуть вас на правильный путь.

Поллит: Сделанное мною заявление бросает свет на материалы о пацифизме, которые были оглашены генеральным прокурором, где содержится намек на то, что мы якобы не хотим мира, что нас не интересует разоружение, что мы жаждем только крови. Мы утверждаем, что при капитализме войны неизбежны и разговоры о пацифизме и разоружении

---

* Государственный герб Германской империи.

в условиях, когда существует капиталистический строй, лишь вводят в заблуждение трудящиеся массы*. Во-вторых, мы считаем, что рабочий класс нашей и любой другой страны должен отказаться стрелять друг в друга из-за прихотей тех, кто требует, чтобы рабочие проливали свою кровь ради прибылей, империй и новых территорий. Мы не боимся выступить с таким заявлением, потому что, как вы слышали, мы являемся членами Коммунистического Интернационала и наш лозунг — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мы не верим в необходимость стрелять друг в друга. Мы считаем, что рабочий класс нашей страны и рабочий класс Германии имеют одни и те же интересы. Мы считаем, что в случае войны нужно послать воевать тех, кто ее объявляет, и тогда она скоро кончится. Эта позиция является абсолютно честной, это не лицемерная позиция. Наша позиция является совершенно определенной. В случае империалистической войны мы честно и открыто скажем рабочим всех стран: «Откажитесь участвовать в войне, которая несет рабочим лишь страдания и лишения». Насколько правильными и искренними являются эти взгляды, было доказано последней войной, когда народу нашей страны не говорили, за что он воюет, и положением в стране сегодня, когда в ней царят массовая нищета и лишения, являющиеся прямым результатом победы в этой войне.

Господа присяжные, будьте любезны обратиться к странице 10. Вы увидите на этой странице абзац, озаглавленный «Организация противоречивых общественных сил». В этом

---

* Поскольку существует империализм, сохраняется и экономическая основа для возникновения войн. Но ныне на земном шаре существует не только капиталистическая система. В лице могучего социалистического лагеря миролюбивые силы имеют теперь не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии. Кроме того, возникла большая группа других государств с населением в сотни миллионов человек, активно выступающих против войны. Есть мощное всенародное движение сторонников мира. Огромной силой стало рабочее движение в капиталистических странах. Поэтому в настоящее время нет фатальной неизбежности войн. Одним из важнейших путей предотвращения войны является борьба за разоружение, особенно актуальная в настоящее время, в связи с появлением обладающего огромной разрушительной силой ракетно-ядерного оружия. — *Ред.*

абзаце говорится, что рост трестов, синдикатов и монополий, которые в настоящее время являются характерной чертой современной жизни, вынуждает капиталистов организовываться во все более и более могущественные группы. Он вынуждает их использовать все ресурсы государства, чтобы нанести поражение рабочему классу. Рабочий класс вынужден организовываться и еще больше объединяться не только в результате коммунистической пропаганды, а потому, что его вынуждает к этому борьба за существование. Когда квалифицированный машиностроитель после недельного труда приносит домой всего 2 фунта 16 шиллингов 6 пенсов, то уже это обстоятельство заставляет его идти на борьбу в единстве с подсобным рабочим, которого он раньше почти не замечал. Оба они видят, что их положение все больше ухудшается, и поэтому они вынуждены все более сближаться друг с другом. В результате общей неустойчивости политической обстановки капиталисты также вынуждены все более сближаться друг с другом. Таким образом проявляется растущий антагонизм. В эти дни загнивания капитализма этот антагонизм подрывает стабильность всего капиталистического государства. Чтобы нанести поражение рабочему классу, капиталистам приходится быть готовыми использовать все силы государства.

Например, локаут в угольной промышленности, намек на забастовку горняков. К чему это ведет? Это заставляет правительство превратить Гайд-парк в военный лагерь, как это было в 1921 году. Почему? Потому что какая-нибудь забастовка или локаут проводятся не ради революции, не ради завоевания власти, а локаут горняков проводится ради заработной платы, которой бы хватало на жизнь тем, кто ныне за 6 дней работы под землей получает всего 2 фунта стерлингов. Этот факт превращается в действенный фактор. Он подрывает стабильность капиталистического строя, и для того, чтобы позволить капиталистам сконцентрировать все усилия для нанесения поражения горнякам, по всей стране происходит перераспределение сил государства. Солдаты из лондонских казарм направляются в Южный Уэльс, а солдаты из Южного Уэльса направляются в Ньюкасл, потому что контроль и право распределять эти силы находятся в руках тех, кто правит трудящимися. Эти лица знают, что путем

передислокации войсковых частей они могут направить их в такие районы, где эти силы почти наверняка не смогут связаться с местными рабочими.

Это ни в какой мере не является игрой воображения. Ведь это же исторический факт, что во время современных конфликтов, простых конфликтов в промышленности по вопросам заработной платы и рабочего времени государство вмешивается, но не в пользу трудящихся, а во имя частной собственности. В этой связи мне хотелось бы напомнить вам, что названия поселков угольщиков Тонипэнди и Фезерстоун вошли в обиходный язык рабочих кварталов. Они испытывали на себе силы государства во время промышленных конфликтов. Мне хотелось бы напомнить факт, который вам не следует забывать: ежедневно вы видите подготовку к событиям, которые должны произойти в мае следующего года (конец перемирия с горняками). Мы не считаем себя виновниками этой классовой войны, мы считаем ее естественным порождением того строя, при котором мы живем.

На странице 11 вы найдете параграф, озаглавленный: «Мировой характер капитализма». В этом параграфе показано, что в настоящее время капитализм представляет собой универсальную систему, однако, господа присяжные, в этом параграфе подразумевается нечто большее. В нем указывается, что капитализм не был создан злыми капиталистами, которым надоел другой строй, и они немедленно ввели в действие капитализм. В этом параграфе указывается, что до капитализма существовали другие формы общества, в нем указывается, что выживают наиболее приспособленные. В прошлом существовали феодальные государства с купцами, ремесленниками, крестьянами, натуральным обменом, и капитализм является закономерным развитием этих форм общества.

В параграфе «б» говорится о монополистическом характере новейшего капитализма. И вновь просто, ясно и доходчиво показано, как капитализм развивался из ряда частных предприятий, конкурирующих друг с другом и в процессе этой конкуренции уничтожающих друг друга, как их место заняли огромные синдикаты, тресты, банки и т. д., причем все это объединяется и во многих случаях находится под полным господством банков. Это привело к уничтожению

конкуренции и к монополии на мировые ресурсы в интересах тех, кого мы называем современными капиталистами. Сегодня собственники земли, железных дорог, шахт и банков настолько переплелись между собой, что мы живем в условиях диктатуры — диктатуры людей, которым все это принадлежит. Капитализм смел с лица земли мелкую сошку. Стоит только проследить по газетам за сообщениями о налогах на наследства и о банкротствах, как можно увидеть, что богатые богатеют, а бедные становятся еще беднее, и не потому, что Галлахер произнес речь в Москве, а потому, что бедные неспособны на конкуренцию. В силу этого монополистического характера капитализма меньшинство будет еще более яростно защищать свою собственность.

На странице 13 вы, господа присяжные, найдете параграф «Обострение противоречий и война 1914 года, как начало крушения капитализма». Мы уже показывали, что, по нашему мнению, явилось причиной войны. В этом параграфе говорится: «...эта война настолько потрясла основы капиталистического хозяйства, настолько ухудшила положение рабочего класса, разрушила столько империалистических иллюзий в среде пролетариата, что, в общем, положила начало новому историческому периоду — периоду распада производственных капиталистических отношений мирового хозяйства». Это один из самых важных параграфов, который нам нужно принять во внимание. В нем говорится, что война поколебала основы капиталистической экономики. Это абсолютно верно, потому что, как вам известно, в результате войны распалась система обмена, во всех странах обнаружилась политическая и экономическая неустойчивость; участвовавшие в войне страны не смогли устроить в промышленности тех людей, которые пошли воевать за то, чтобы превратить мир в место, пригодное для жизни. Вы знаете, что улицы полны людей (у некоторых из них нет ног), играющих на шарманках и тому подобное.

Один из следующих параграфов озаглавлен: «Издержки войны и разрушение производительных сил». Разве это не подлинный факт? Разве война не привела к ухудшению положения рабочего класса? Если вы теперь беседуете с рабочими, то они говорят, что хотели бы вернуться к условиям 1914 года. Я хотел бы спросить, господа присяжные, разве

тот факт, что в 1925 году сотни тысяч рабочих хотели бы вернуться к тому, что они имели в 1914 году, не является красноречивым комментарием ко всем разговорам о процессе? Из-за высокой стоимости жизни и снижения зарплаты они не в состоянии достичь в 1925 году жизненного уровня 1914 года. Что означает приведенное нами место, что война «разрушила столько империалистических иллюзий в среде пролетариата»? Это означает, что в результате прошлой войны появились сотни тысяч рабочих, которые никогда не захотят снова воевать, ибо их опыт и обращение с ними после войны показали им подлинный характер войны.

Война «положила начало новому историческому периоду — периоду распада производственных капиталистических отношений мирового хозяйства». Что это означает? В результате войны капитализм получил такой удар, от которого он никогда не сможет оправиться. В продолжение четырех лет ресурсы самых важных стран использовались не для созидания, а для разрушения. В результате уничтожения лучших сил рабочего класса, в результате уничтожения средств производства, которые можно было бы использовать на производительные цели, в результате хаоса и нищеты, которые последовали за войной, и политических взрывов в Центральной Европе капитал испытал потрясение, от которого он никогда не сможет оправиться. Если, как я говорил, война до такой степени потрясла капитализм, то она сделала еще более неустойчивым и положение самих капиталистов. Они видят авангард рабочего движения, который указывает путь к освобождению рабочего класса. Война вызвала в нашей стране и вообще во всем мире, но в нашей стране в особенности, сокращение торговли и огромную армию безработных, дезорганизацию всего общества и возросший антагонизм между капиталистами и рабочими. Общество стоит перед крахом, когда больше невозможно гарантировать массам населения уровень жизни, к которому они раньше привыкли. Если на ранних этапах капитализм был таким общественным строем, который продвигал общество на одну ступень вперед по пути человеческого прогресса, то теперь он перестал быть исторической необходимостью. Его падение вызвано не большевиками и не коммунистами, а явилось результатом условий, которые привели к войне, и условий, которые были

порождены войной. Эта общая неустойчивость наблюдается во всем мире. Мы были свидетелями уничтожения монархии, уничтожения царизма, что было вызвано не коммунистической пропагандой, а явилось результатом условий, созданных капитализмом вообще и последней войной в особенности. Больше всего страдает рабочий класс и низшие прослойки мелкой буржуазии. Коммунистическая партия не верит, что революции можно изготовлять, как изготовляют модели из игрушечных «конструкторов», которые вы покупаете для своих детей в магазине «Гэмаджес». Коммунистическая партия не верит, что революции могут быть вызваны агитацией какого-нибудь пропагандиста. Капиталист за один день может достать столько денег для пропаганды, сколько мы не получим и за двадцать пять лет. Если пропаганда и агитация могут вызвать революцию, то они могут и предотвратить ее. И наши попытки вызвать революцию, если я правильно понимаю, что хотел сказать генеральный прокурор, нужно сравнивать с аналогичными усилиями правящих классов, с их попытками приостановить революцию.

Господа присяжные, вы не должны дать увести себя в сторону высказанными здесь намеками в отношении методов мирного убеждения. Когда история привела к насильственным общественным изменениям в нашей стране, то они произошли не потому, что этого хотели один или два человека, а потому, что экономические условия того времени привели к такой конкретной форме этих изменений. Все эти усилия запугать вас разговорами о революции и вооруженной борьбе были бы смешными, если бы они не имели одну трагическую сторону. Эта трагическая сторона заключается в том, что то самое правительство, которое возбудило этот процесс, которое пугает всех леденящими кровь рассказами об ужасах красной опасности, само никогда не колебалось, когда ему было выгодно, субсидировать революции в интересах капитализма.

Теперь я хотел бы просить вас обратиться к странице 24. Вы, видимо, помните, что обвинение утверждает, будто наша партия не верит в возможность достижения своих целей обычными мирными и конституционными методами. На этой странице имеется целый ряд предварительных предложений в отношении того, что мы сделаем, когда рабочий класс

(именно рабочий класс, а не Коммунистическая партия, ибо это две разные вещи) решит создать правительство рабочих. Вы слишком много слышали о так называемых разрушительных тенденциях. Нас всегда обвиняют в том, что мы хотим разрушать, а не строить, но перед вами наши предварительные предложения в отношении того, что следует делать, если рабочий класс будет достаточно силен, чтобы создать правительство. Теперь, господа присяжные, я хотел бы просить вас обратиться к странице 17. Я предлагаю прочесть там абзац, так как считаю, что он свидетельствует о том, что если даже поверить в самые худшие из утверждений обвинения, то все равно наша цель столь же благородна, велика и замечательна, как и цель любого другого существующего ныне политического объединения.

«Ижживание империалистических иллюзий в среде рабочего класса высвобождает пролетариат из-под влияния социал-демократии и фашизма и составляет почву для развития коммунистических партий, которые в ходе борьбы объединяются в великое международное товарищество революционных рабочих — Коммунистический Интернационал. Из хаоса и нищеты, из небывалой разрухи распадающегося капитализма, из новых безумных и чудовищных войн, в которых буржуазия готова расстрелять пушками миллионы трудящихся и остатки своей собственной культуры, Коммунистический Интернационал должен привести человечество к коммунизму, вне которого — смерть и разложение».

Верите ли вы, господа присяжные, в правильность нашего пути или нет, но вышесказанное, по крайней мере, свидетельствует о том, что в основе всей нашей философии, всех выступлений, всех статей и действий лежит одна цель — «создать порядок из хаоса и нищеты и привести массы населения к такому обществу, которого никогда не может дать существующий режим».

Теперь я в последний раз позволю себе побеспокоить вас и просить ознакомиться с разделом на странице 34 данного документа. Господа присяжные, я еще раз хочу напомнить вам, что все выступление генерального прокурора было пронизано одной мыслью. Эта мысль заключалась в том, что мы якобы не верим в свою способность мирным путем привлечь на свою сторону рабочих и что мы думаем лишь о подстре-

кательстве вооруженных сил короны к мятежу, к неповиновению и гражданской войне. Данный документ показывает, в каком направлении работает мысль тех, кто входит в состав Коммунистического Интернационала. Я хочу, чтобы вы рассмотрели этот раздел тщательней всех других заявлений, предложенных вашему вниманию, ибо в нем заключается все существо вопроса. Этот раздел озаглавлен: «Стратегия Компартии (завоевание большинства рабочего класса, завоевание профсоюзов, рабочей молодежи, рабочих и т. д.)». Там сказано:

«Чтобы разрешить свою историческую задачу, Коммунистическая партия должна предварительно поставить и выполнить следующие стратегические цели.

Завоевание под свое влияние большинства членов своего собственного класса, в том числе женщин-работниц и рабочей молодежи. Завоевание под свое влияние широких кругов трудящихся масс вообще (городской и деревенской бедноты, обедневших слоев интеллигенции, так называемого «мелкого люда», т. е. мелкобуржуазных слоев вообще) и осуществление таким путем политической гегемонии пролетариата, руководимого Коммунистической партией, использование конфликтов внутри враждебных классов как внутри страны, так и в международном масштабе (например, использование военных кризисов)...

Один из присяжных: Разрешите задать вопрос, милорд. Не попросите ли вы обвиняемого разъяснить смысл слова «гегемония».

Судья Свифт: Можете ли вы разъяснить присяжным значение этого слова?

Полиит: Слова «и осуществление таким путем политической гегемонии пролетариата» означают обеспечение преобладающего контроля.

«...дискредитирование, разоблачение и уничтожение политического влияния социал-демократии и желтой профессиональной бюрократии, которые являются наиболее надежной опорой капитализма; завоевание под свое влияние широких массовых организаций пролетариата (профсоюзов, кооперативов, фабзавкомов, советов и т. д.)».

Господа присяжные, разве в этом разделе говорится, что мы вступили в какой-то тайный заговор и пытаемся создать

крошечное меньшинство для того, чтобы подготовить вооруженное восстание и спровоцировать революцию? Мы совершенно открыто заявляем, что выступаем за завоевание на сторону своих принципов большинства рабочего класса. Если наши принципы неверны, то мы не завоюем на их сторону большинства рабочего класса. Если они верны, то мы этого добьемся. Принято говорить о врожденном разуме и здравом смысле среднего английского рабочего. Во всем этом документе нигде нет и намека на то, что до завоевания на нашу сторону решающего большинства рабочего класса может вообще идти речь о насилии, вооруженном восстании и о других подобных небывлицах, которыми вас запугивают.

Каким образом мы предлагаем добиться такого политического руководства? Путем заказа оружия в Германии для доставки его в Ольстер, как это было в 1914 году? Или путем налетов на Вулвичский арсенал, чтобы раздать пулеметы «Максим» нескольким группам рабочих? Или же пытаюсь подкупить нескольких рядовых, с которыми придется случайно встретиться в поезде? Партия намерена завоевать большинство рабочих такими же методами политической агитации, к каким прибегает в нашей стране любая другая политическая партия. Не больше и не меньше. Господа присяжные, можем ли мы придерживаться такой точки зрения?

Когда мы говорим о рабочем классе, то имеем в виду и рабочих, которые служат в армии, во флоте, в полиции и в военно-воздушных силах. Большинство военнослужащих являются выходцами из наших рядов. Они вступили в вооруженные силы не из-за какого-то ложного чувства патриотизма. Они пошли служить потому, что у них не было работы и им до смерти надоело болтаться по улицам. Когда они отслужат свой срок в армии, во флоте или в полиции, им придется вернуться в ряды рабочего класса. Им придется вместе с нами стоять в очередях на бирже труда или работать на производстве — на верфях, в котельных и механических цехах. Но имеется еще один фактор: они являются гражданами и во время выборов имеют право выражать свои убеждения. Поэтому когда мы говорим о завоевании большинства, то имеем в виду и рабочих, которые служат в вооруженных силах. Когда мы говорим об их воспитании, то имеем в виду точно такую же пропаганду, какую мы ведем

на улицах и в общественных залах. Мы хотим ознакомить их с положением в промышленности. Мы хотим разъяснить им происхождение войн, чтобы они поняли свое положение.

Если мы хотим требовать просвещенной демократии, если мы хотим, чтобы все мужчины и женщины, независимо от их обязанностей и должности, сознательно (а не под влиянием сфабрикованных писем, как это было на прошлых выборах) отдавали свои голоса, чтобы это были голоса граждан, которые проанализировали и изучили политические проблемы, если вы собираетесь достичь этой цели, то тогда вы должны быть готовы допустить самую полную свободу пропаганды и агитации среди всех слоев общества. Коммунистическая партия никогда не будет смотреть на вооруженные силы, как на какую-то нейтральную организацию, полностью изолированную от рабочего класса. В ходе конфликтов в промышленности вполне может случиться так, что какой-нибудь полк пошлют в тот или иной горняцкий поселок и что этому полку прикажут стрелять в бастующих (что уже случалось и раньше), и что среди бастующих окажутся отцы и братья этих солдат. В этих обстоятельствах наша партия обратится к ним с призывом: «Не стреляйте в рабочих!»

В случае войны партия с такой же ясностью обращается к рабочим, которые служат в вооруженных силах. Мы стремимся завоевать большинство, но мы не можем завоевать большинство рабочего класса, если будем в темных углах шептать им на ухо один-два коротких лозунга. Мы можем завоевать их на свою сторону только тогда, когда наши политические призывы соответствуют их собственному политическому и экономическому опыту.

Считает ли наша партия, что она может достичь своей цели только силой, или она так не считает? Господа присяжные, вопрос о насилии может разрешаться всякий раз лишь при учете конкретных условий. Мы извлекли из своего опыта так много уроков, что не можем их игнорировать. И мы не выполнили бы своей обязанности перед рабочим классом нашей страны, если бы не разъясняли ему эти уроки. Коммунистическая партия считает, что насилие неизбежно, и не потому, что мы хотим в это верить, а потому, что прошлый и нынешний опыт убедил нас в этом. Достаточно проследить историю последних 200 лет. Хороша ли вера в прогресс, вера

в то, что общество развивается в результате мирного убеждения? Она весьма правдоподобна, но не находится в соответствии с фактами. Что произошло даже при милитаристском режиме? Чартистская агитация в Англии, революция 1848 года, французская революция 1879 года, южноафриканская война, русско-японская война и империалистическая война 1914—1918 гг. — разве все это мирные события в обычных условиях капитализма? Разве все они не возникли в обстоятельствах, вызвавших применение силы со стороны правящих классов? Уничтожение рабства в Америке, например, было осуществлено совсем не путем мирного убеждения. Революция в России произошла в результате последней войны. Беспорядки в России начались только после революции. Они начались тогда, когда те, кто раньше принадлежал к господствующему классу, попытались восстановить свое господство. Они не только пытались сделать это сами, но и полагались на сочувствие и снаряжение, на солдат и деньги всех капиталистических стран мира.

Господа присяжные, вы знаете тот общеизвестный факт, что, пытаясь уничтожить русское правительство, наша страна израсходовала 100 миллионов фунтов стерлингов. Урок истории заключается в том, что какой бы правящий класс ни находился у власти, он будет удерживать эту власть — мирно и на основе конституции, если может, а если не может, то прибегая к другим методам. Это не просто точка зрения одной-двух горячих голов, которые сейчас находятся на этой скамье; она имеет широкое распространение среди населения нашей страны. Она широко распространена в рабочем движении всего мира. Мы стараемся провести своих кандидатов в муниципалитеты, попечительские советы и в парламент. Никто больше членов Коммунистической партии не будет рад, если это осуществится мирными средствами, но мы имеем право ознакомить рабочий класс с тем, что имело место в прошлом и что происходит на наших глазах теперь.

Окружающая нас действительность подтверждает эту точку зрения. Появляются фашистские организации, сколачивается новая штрейкбрехерская организация, носящая название «Организация поддержания снабжения», а консервативные газеты говорят народу, что если лейбористское пра-

вительство попытается предпринять что-либо в интересах рабочего класса, то оно будет уничтожено.

Теперь, господа присяжные, я хотел бы только подытожить то, о чем пытался сказать. Во-первых, я хотел показать историческую связь и развитие коммунистической теории, которая теперь находится перед судом; во-вторых, я хотел попытаться создать у вас правильное представление о том, чего мы добиваемся; попытаться развеять ошибочное представление, что мы являемся якобы какой-то группой заговорщиков, собирающихся в темных углах и осуществляющих свою деятельность, пользуясь тайными каналами, и показать вам, что мы — политическая организация рабочего класса, имеющая свою точку зрения и стремящаяся претворить в жизнь эту точку зрения точно таким же путем, как и все другие политические организации рабочего класса в нашей стране. Здесь пытались создать впечатление, будто когда мы говорим о ближайших требованиях, то делаем это лишь по материальным соображениям. Господа присяжные, ничто из того, что когда-либо писал Ленин или обнаружил в Британском музее Маркс, не создает коммуниста; его создают условия, в которых мы живем. Когда я слышу, что нас обвиняют в злостной клевете, рассчитанной на то, чтобы порождать «злую волю, вражду, ненависть и недовольство» среди различных классов населения, то, извините меня, господа присяжные, если я скажу, что наши слова совсем не злостная клевета. Вместе со мной на работу ходила самая лучшая женщина на свете, и каждое утро ей приходилось носить с собой двоих детей. Именно это и сделало меня коммунистом.

Судья Свифт: Вы не должны сообщать присяжным факты, которые не собираетесь подтверждать.

Поллит: Именно жизненный опыт каждого из сидящих на этой скамье подсудимых заставил его посвятить всю жизнь борьбе за дело, в которое мы верим. Обвинение оказалось не в состоянии назвать кого-нибудь, кто бы попал под чье-то влияние и проявил злую волю, ненависть и недовольство; оно не смогло назвать ни одного рабочего, служащего в вооруженных силах, которого бы побудило к мятежу что-либо, что он слышал от члена Коммунистической партии или читал в литературе Коммунистической партии. Я заявляю,

что наша партия — это политическая партия, проводящая в жизнь свои политические идеи. Ни одной коллегии присяжных за последние семь-десять лет не приходилось выносить столь ответственного приговора, какой придется вынести этой коллегии присяжных. Наши идеалы могут вам не нравиться, вы можете питать к ним отвращение, но это наши идеалы, и именно идеалы преданы суду. Мое последнее обращение к вам сводится к следующему: когда вы будете выносить приговор, помните, каков характер закона 1797 года и при каких обстоятельствах он был принят, ибо вы судите нас по этому закону. Поверьте мне, господа присяжные, что дело, которому служим мы, наша партия, Коммунистический Интернационал, признанным членом которого я являюсь и горжусь этим, является постоянным фактором современной политической жизни, а идеалы, за которые нас здесь собираются осудить, являются идеалами, которые вдохновляли и будут в еще большей степени вдохновлять в дальнейшем миллионы лучших представителей рабочего класса.

На нас смотрят, как на авангард рабочего движения. Можно помешать прогрессу, можно его задержать, но его нельзя остановить. Сегодня коммунизм — это общая политическая проблема, которую нельзя разрешить путем преследований и репрессий.

Я настоятельно прошу вас, господа присяжные, вынести приговор «Не виновны».

Однако ни юридическая, ни политическая защита не могла обеспечить вынесения оправдательного приговора. Ни один из двенадцати товарищей, находившихся на скамье подсудимых, не питал в этом отношении никаких иллюзий. Все мы слишком хорошо знали английскую судебную систему и особенно хорошо понимали характер консервативного правительства, которое отдало приказ о нашем аресте.

Семь товарищей были приговорены к 6 месяцам тюремного заключения, а пятеро получили по 12 месяцев тюремного заключения. В соответствии с приговором нас отправили на несколько дней в Бриктонскую тюрьму, а оттуда для отбывания наказания в Вэндсуортскую тюрьму.

Никогда не забуду первую ночь в Вэндсуорте. Я знал, что заключенным разрешалось брать в камеру по три фото-

графии. На одной из повешенных мною на стену фотографий были изображены двое прелестных ребятишек сестры. Одному из них было три года, а другому — три месяца. Как обычно, ко мне пришел священник, чтобы, как он думал, утешить меня. Глядя на фотографии, висевшие на стене, и вспомнив газетные заголовки о «красном женихе», он неодобрительно покачал головой и мрачно произнес: «Ну и ну... Кажется, родились до свадьбы». Я ответил ему в таких энергичных выражениях, с которыми он не мог познакомиться при изучении Ветхого и Нового завета.

Еще одна бурная сцена с ним произошла у нас во время всеобщей забастовки. У священника была привычка утром по вторникам коротко сообщать заключенным новости за неделю. Как-то раз он взял на себя смелость сделать чересчур оскорбительные замечания в адрес горняков. Я потребовал встречи с комендантом тюрьмы и со священником и откровенно сказал, что я думаю о подобной пропаганде.

В свободное от работы в мастерских время мы читали и учились. Все очень надеялись взяться за тщательное изучение трудов основоположников марксизма, но, к сожалению, передать нам эти книги запретили, потому что их пришлось бы держать в тюремной библиотеке, где их могли бы взять и другие заключенные, а это могло бы сказаться «отрицательно» на их сознании.

Такие же нелепые правила распространялись и на художественную литературу. Как-то Марджори послала мне «Боги жаждут» Анатоля Франса. В обед ко мне пришел библиотекарь и серьезно заявил: «А-44, сожалею, что не могу позволить вам получить эту книгу. В ней имеются... места, рассчитанные на возбуждение сексуальных импульсов. Но так как я с удовольствием заметил, что вам нравится хорошая литература, то одолжу вам свой экземпляр «Красной лилии» Анатоля Франса. Мне стоило большого труда подавить улыбку; я, разумеется, воспользовался этим предложением.

Я всегда думал о том, что когда за мной закроется тюремная дверь, то главное — путем упражнений и учебы поддерживать в себе бодрость, чтобы время проходило как можно незаметнее. На различных людей тюрьма действует по-разному. Больше всего меня раздражало мытье жирной посуды в холодной воде. Я всегда страшно злился на это.

Кроме того, на мое самочувствие влияли бессмысленные методы исправления преступников, тупость многих тюремных служащих; на общем фоне невежества и грубости отдельные, более или менее человеческие лица, являвшиеся редкими исключениями, казались подлинно замечательными людьми. Для меня остается загадкой, как могут избежать деградации и одичания люди, которые большую часть своей жизни посвящают тому, что открывают и закрывают двери, выкрикивая при этом: «Все в порядке, сэр».

Мне повезло, так как моими соседями по камере были Альберт Инкпин и Вэл Хэннингтон. Оба обладали большим чувством юмора, и я мог бы написать целую книгу только о нашем пребывании в тюрьме. Мы всегда во всем искали юмористическую сторону и редко проходил день, чтобы, выкраивая за одним столом почтовые сумки, мы не нашли чего-нибудь забавного, что несколько скрасило бы наше существование.

В первый день нашего появления в мастерской к нам под столом пробрался заключенный, по имени Фред (ну и тип же это был!), и спросил: «Это вы красные?» Мы с гордостью признались в этом. «Сколько получили?» «12 месяцев». «Так вам, черт возьми, и надо. Вас следовало бы расстрелять. Никакого уважения к частной собственности». Сам Фред был известным вором-домушником.

Мы все бунтовали против отвратительных, антисанитарных условий для бритья и требовали, чтобы нам выдали наши собственные бритвы. В этой просьбе было отказано, и мы решили не бриться и отращивать бороды. Какой у нас был вид, когда мы встречались на прогулочном дворе! Однако в сочельник открылась дверь нашей камеры, всех нас выстроили и повели в кабинет начальника тюрьмы. Перед стенами тюрьмы каждую неделю проходили демонстрации с требованием нашего освобождения. Они оказывали возбуждающее влияние на всех заключенных и порождали в нас надежду, что массовые выступления в нашу пользу могут оказать влияние на правительство. Итак, в тот сочельник мы весело взглянули друг на друга, думая: «Вот оно. Выходим». Но не тут-то было: нам торжественно вручили бритвы, присланные заботливыми женами. Таким образом, я запомнил

рождество 1925 года, потому что вновь почувствовал себя опрятным, хотя и лишился своей изумительной бороды.

Я регулярно посещал тюремную часовню. Это разнообразило монотонный распорядок дня. Кроме того, в конце службы устраивалось что-то вроде концерта. Как-то в конце недели в Вэндсуорт привезли приговоренного к смертной казни. В понедельник в Центральном апелляционном суде рассматривалась апелляционная жалоба на приговор, и священник успокаивал осужденного проповедью на тему: «Смерть есть цена греха».

На следующий день приговор был отменен, однако присутствие человека, приговоренного к смерти, насыщает атмосферу электричеством. Становится жутко. Все это чувствуют, хотя наиболее закаленные обитатели тюрьмы и пытаются шутить.

Самым худшим было сознавать, что мы заперты, не в состоянии даже шевельнуть пальцем, чтобы помочь во время всеобщей забастовки и в последовавшие за ней недели локаута горняков. Это был самый тяжелый удар — оказаться в стороне, когда в нас больше всего нуждались.

Раз в неделю мы ходили на уроки французского языка. В конце урока учитель обычно проникался сочувствием к нашему духовному грлоду и разрешал задавать вопросы общего характера. В первый вечер мы буквально засыпали его вопросами. Он был чрезвычайно хорошо информирован, видимо, хотел нам сделать приятное и мужественно старался справиться с задачей дать ответ на все вопросы, падавшие на него градом. Но я никогда не забуду выражения его лица, когда, после того как он прошелся по всему миру, чтобы удовлетворить наши аппетиты, Билл Галлахер спросил его, может ли он сообщить нам что-нибудь о рифах и друзьях*.

В другой раз сенсацию вызвало распространение Биллом Галлахером тезисов о тактике Коммунистической партии во время всеобщей забастовки; написаны они были на туалетной бумаге. За стенами тюрьмы очень легко вступить в

---

* Рифы — народность в Северном Марокко. Друзы — группа населения Сирии и Ливана, отличающаяся от остального населения этих стран своей религией и некоторыми бытовыми особенностями. В тот период рифы и друзы вели вооруженную борьбу против колонизаторов. — *Ред.*

ожесточенные политические споры, сохраняя самообладание, но начните спор в тюрьме, и произойдет страшное. Билл дрался со всеми, и когда я говорю дрался, то те, кто хорошо знает Галлахера, поймут, что я хочу сказать. Мы так и не пришли к согласию по этим тезисам, о чем Галлахер очень часто напоминал нам.

Проводились также занятия по общеобразовательным предметам. Учитель был любезный и терпеливый человек, умевший держать нос по ветру. Уроки проводились каждый четверг по вечерам. Мы с Биллом Галлахером сидели вместе. Было очень забавно следить за тем, как кусочек черного прессованного табака упал на пол, пройдя лишь половину своего пути к Галлахеру. Последовал захватывающий момент ожидания и неизвестности. Неужели какой-нибудь желающий выслужиться ябедник поднимет его и передаст учителю? Останется ли он лежать на полу и будет ли найден после занятий, что может привести к отмене занятий? Или же его поднимут и передадут тому, для которого откроются на один час врата рая? Несколько секунд спустя по довольной улыбке Билла я понял, что все в порядке.

Меня освободили 10 сентября 1926 г. Как прекрасно себя чувствуешь, выходя на волю, снова становясь свободным человеком. В первые дни пребывания в тюрьме такому заядлому курильщику, как я, бывает очень трудно, но когда я думал о том, что скоро снова смогу закурить, то становилось еще труднее. Сразу же по выходе из тюрьмы я выкурил подряд 14 сигарет «Гоулд флейк» и жестоко поплатился за свое безрассудство — меня ужасно тошнило.

(Г. Поллит, Годы политического ученичества, М., 1960, стр 186—236.)

РАСПРАВА С АНТОНИО ГРАМШИ

8 ноября 1926 г. фашистская полиция Италии арестовала одного из основателей Итальянской коммунистической партии, видного деятеля международного рабочего движения Антонио Грамши. Аресту Грамши предшествовала волна разнузданного террора, спровоцированного неудачным покушением на жизнь Муссолини. В стране были распущены все антифашистские партии и организации, закрыты все оппозиционные газеты, лишены депутатского звания представители оппозиции, произведены массовые аресты коммунистов.

Для рассмотрения «политических преступлений» был создан «Особый трибунал по охране безопасности государства», решения которого не подлежали обжалованию.

Перед судом этого трибунала и предстал верный сын итальянского народа, член парламента Антонио Грамши.

Ниже мы публикуем главу из книги Л. Ломбардио-Радиче и Дж. Карбоне *«Жизнь Антонио Грамши»*, рассказывающую о «большом процессе», как его называли из-за большого числа обвиняемых.

Суд и приговор

Вы приведете Италию к катастрофе;
мы, коммунисты, ее спасем!

(Слова Антонио Грамши, обращенные к судьям фашистского Особого трибунала).

*Конкурс сторнелей * в тюремном вагоне*

Ночь в мае 1928 года. Холодно. На вокзале в Милане между двумя рядами карабинеров движется длинная цепочка скованных между собой людей. Их ведут на посадку в

* Сторнель — вид народной итальянской песни: рифмованные куплеты, близкие к частушкам. — *Прим. ред*

тюремный вагон. Это руководящие работники Коммунистической партии. Их отправляют в Рим, где состоится «большой судебный процесс» — процесс над коммунистами, назначенный на 28 мая. Этих людей, может быть, ожидает смертный приговор или, по крайней мере, долгие годы тюремного заключения. Но лица их не мрачны, с их губ не срываются жалобы. Смерть и тюрьма ждали их в течение многих лет. Каждый день и каждый час. Но коммунисты не боятся их. В этот холодный вечер скованные цепями люди веселы и немного взволнованы: они окликают друг друга, шутят, разговаривают. Здесь встречаются товарищи после долгой разлуки, после мучительного одиночного заключения, они встретились здесь, чтобы снова смело вступить в борьбу с врагом.

Их вталкивают в тесные клетки тюремного вагона, уже хорошо знакомые им; это настоящие коробки, в которых невозможно двинуться. Особенно тяжелые мучения это создает для Грамши, у которого деформирована грудная клетка. Этой холодной ночью вагон превратился в настоящий ледник. Антонио думает, что в этом холоде и мертвом молчании у кого-нибудь могут не выдержать нервы. Спать нельзя: нужно что-то придумать, чтобы ободрить товарищей. «Синьоры,— кричит Антонио, и его голос хорошо слышен товарищам через тонкие металлические стенки вагона,— синьоры, организационный комитет, подготавливающий в нашу честь празднества в Риме, сегодня ночью проводит большой конкурс на самый остроумный рассказ. Все должны в нем участвовать! Победители получают ценные премии!» Ему отвечает взрыв дружного смеха — тюремный вагон ожил. «Начинай ты, Антонио!» Карабинеры не мешают: они вышли из народа, многие из них — бедные сардинские крестьяне. Они знают, кто такие Грамши и его товарищи, во всяком случае, знают, что эти люди не крали и не убивали, а боролись за лучшую жизнь для народа.

И Грамши начинает рассказывать. Он рассказывает много занимательных случаев, происшедших за последний год, юмористически описывая даже самые драматические эпизоды; ему удается под видом шутки или остроты дать товарищам совет или указание. Когда ему кажется, что они устали рассказывать и слушать рассказы, он предлагает:

«А теперь — другое соревнование, товарищи! Объявляю конкурс на лучший сторнель!» Холодной ночью мчитса по рельсам тюремный вагон, а из его решетчатых окон доносится пение; коммунисты, запертые в ледяные клетки, поют, по очереди сочиняют сторнели. Единогласно присуждают первую премию Антонио: самые остроумные и веселые куплеты были сочинены им. Ночь, которая по замыслу палачей должна была доставить их жертвам тяжелые страдания и привести их в подавленное состояние, проходит благодаря Антонио в тесном товарищеском общении, придает узникам новые силы и бодрость.

Фашисты не могут изобрести никаких обвинений

В тюрьме Реджина Чёли Грамши помещают в шестом корпусе в камеру вместе со Скотчимарро¹¹⁷ и Террачини¹¹⁸. Эта камера находится на первом этаже, и Грамши поместили в нее для того, чтобы как можно строже наблюдать за главой Коммунистической партии и в то же время чтобы лишить его даже тех немногих лучей солнца, которые заглядывали, хотя и ненадолго, в камеры верхних этажей. «В камере темно, в ней никогда не бывает солнца... Ее окно выходит во дворик, которого нам не видно, потому что нижняя часть окна заколочена досками. Камера тесна... Кровать и два соломенных тюфяка на полу оставляют так мало свободного места, что троем ее заключенным негде и шагу ступить... Все четыре этажа тюремного корпуса заполнены исключительно политическими заключенными — коммунистами. Под угрозой строжайшего наказания запрещено перестукиваться или каким-нибудь другим способом поддерживать связь с заключенными других камер. Когда нас выводят раз в день на часовую прогулку во дворик тюрьмы, делают это таким образом, что во время прогулки заключенные не могут даже взглянуть друг на друга». (Так пишет Аморетти, который впоследствии был помещен в ту же камеру.)

Тем не менее Грамши удается (тайные тюремные способы связи поистине неисчерпаемы, даже среди тюремных охранников находятся люди, возмущенные наглым беззаконием готовящегося судебного процесса) подготовить товарищей

к сражению, в котором им предстоит участвовать во время следствия и на суде. Обвиняемые должны стать обвинителями, коммунисты должны выступить с обвинительной речью против фашизма. Судьи — палачи из Особого трибунала — в большом замешательстве. Нет и не может быть никакого законного основания для судебного процесса и тем более для вынесения приговора. Речь идет о гражданах, арестованных в момент введения «чрезвычайных законов». Даже самые отъявленные фашисты не могут найти в их политической деятельности ничего, что могло бы рассматриваться как преступление, так как эта деятельность относится к периоду, предшествовавшему изданию этих законов. Подсудимые — депутаты, законно избранные народом, которые мужественно и решительно выполняли наказ, данный им избирателями. Это журналисты, сотрудничавшие в легально выходивших газетах, которые с 1925 года стали подвергаться фашистской предварительной цензуре. Следователи попытались было поставить в вину Грамши, Скоччimarро и другим их статьи, но были вынуждены замолчать, услышав, что прежде чем эти статьи были напечатаны, они были прочтены цензором. Это политические организаторы, работавшие в партии, которая вплоть до их ареста была легальной; поэтому их деятельность не может быть вменена им в вину даже позорящими звание судьи палачами Особого трибунала. Таким образом, все попытки членов следственной комиссии при Особом трибунале хотя бы в какой-то степени придать обвинению видимость законности провалились самым жалким образом. Мы хотим напомнить имена этих палачей, чтобы навсегда заклеить их вечным позором. Вот они: Акилле Мускарá, дивизионный генерал (председатель), Клаудио Пассани, консул фашистской милиции (судья), Джакомо Буккафурри, адвокат (судья-докладчик).

«Судьи» в черных рубашках теряют почву под ногами, но они во что бы то ни стало должны что-то выдумать, хоть что-нибудь изобрести. «Военный заговор с целью насильственного свержения правительства» — вот их главное обвинение. Но его нужно подкрепить какими-нибудь документами. И тут палачи в судейской мантии вновь терпят провал. Им не удается найти какие-нибудь документы, подтверждающие то, что говорится в обвинительном акте, а именно, что

обвиняемые «пытались в 1926 году поднять вооруженное восстание в соответствии с решениями, принятыми на съезде в Лионе». Не удастся, потому что это ложь. Нельзя же в самом деле привести в качестве доказательства доклад Грамши, в котором говорилось совсем противоположное, а именно: «Работа, которую следует в настоящий период проводить в Италии,— это организационно-политическая работа; бессмысленно, безумно говорить в настоящий момент о попытках восстания». Нельзя найти какого-либо «доказательства» и в практической деятельности итальянских коммунистов: обвиняемые хотят сказать об этом, но «судьи» во время следствия и суда делают все возможное, чтобы не дать им говорить, чтобы обойти этот вопрос. Поэтому они прибегают к самым жалким выдумкам, к самым смехотворным трюкам.

Что же фигурировало в качестве основного обвинительного документа на судебном процессе 1928 года против Центрального комитета Коммунистической партии Италии? Трудно поверить, но это была тоненькая брошюрка, содержащая перевод статьи, напечатанной в советском журнале «Военная мысль», в которой излагались военно-политические уроки гражданской войны в России 1918—1922 гг. Полный перевод этой статьи был в свое время опубликован под названием «Гражданская война и большевизм» в фашистском журнале «Политика», редактировавшемся ни больше, ни меньше, как фашистским министром юстиции Рокко — жалким негодяем, который теперь санкционировал использование этой статьи судьями Особого трибунала в качестве основы обвинительного акта против коммунистов.

Перед Особым трибуналом — 28 мая 1928 г.

Если вы войдете в Палаццо Джустизия* в Риме через подъезд со стороны моста Умберто, то, пройдя налево по коридору, вы окажетесь в просторном вестибюле, в который выходят двери двух залов судебных заседаний. В одном из них (ныне зал X) происходили заседания «Особого трибунала по охране безопасности государства». В этот зал 28 мая

---

* Дворец Правосудия — здание суда на берегу Тибра в Риме, где происходят крупнейшие судебные процессы.— *Ирим. ред.*

1928 г. в «клетку подсудимых» * поднялись Антонио Грамши и его товарищи, приведенные из зловонных подвальных камер, где их держали до суда. Немного позже, в то же утро 28 мая, в этот зал, прибыв в роскошных автомобилях, вошли, окруженные многочисленной охраной, судьи в черных рубашках и заняли места за стоящим на возвышении огромным судейским столом.

Немного было в истории Италии случаев, когда в смертельной схватке лицом к лицу встречались такое благородство, величие духа с такой низостью и моральным падением.

Грамши высмеивает квестора¹¹⁹ города Кальяра

В качестве свидетелей обвинения прокурор Иагро (прозванный «гиена») мобилизовал всех квесторов Италии. Они должны были своими показаниями подкрепить предъявленное коммунистам обвинение в заговоре с целью поднять восстание. На возвышение, с которого выступают свидетели, поднимается квестор города Кальяри.

— Клянусь говорить правду, всю правду, только одну правду.

— Что делал подсудимый Антонио Грамши в 1924 году на Сардинии?

— Он приехал на Сардинию, господин председатель, под предлогом повидаться с матерью.

Грамши: Я не виделся с нею много лет; не думаю, что свидание с нею — преступление.

— Подсудимый Грамши, призываю вас к порядку. Продолжайте, свидетель.

— В действительности же подсудимый установил там тайные связи с целью организовать восстание; он тайно встретился не только со своими товарищами-коммунистами, но и с руководителями сардинской партии действия, партии революционных крестьян и партии сардинских пролетариев...

Грамши: Председатель, прошу разрешения задать один вопрос квестору Кальяри.

— Задавайте, но по существу дела.

---

* В Италии подсудимых во время судебных заседаний помещают в специально устроенные клетки из железных прутьев.—
Прим. ред.

— Я уже много лет с большим интересом изучаю политические организации Сардинии; я был бы весьма признателен, если бы вы сообщили какие-нибудь сведения о двух последних названных вами партиях, о которых я до сих пор ничего не знал. Кто их руководители, каковая их численность?

— Но... по правде говоря... я не знаю...

— В том то и дело. Вы этого не знаете и не можете знать, потому что двух названных вами партий не существует.

— Как не существует? Их названия указаны в одном донесении: наверно, они действительно существуют.

Взрыв смеха сотрясает клетку подсудимых, повторяется, как эхо, среди адвокатов; на застывших лицах карабинеров мелькает улыбка. Председатель спешит убрать из зала свидетеля обвинения — квестора Кальяри — злополучного изобретателя несуществующих партий и столь же глупой клеветы о «попытках восстания».

В течение двух дней Грамши и его товарищи высмеивали невежественных квесторов, разоблачали их лживые выдумки, Незадачливых свидетелей бросает в жар и холод. Иностранная печать острит по адресу Особого трибунала; в Италии среди рабочих, трудящихся, интеллигенции живо обсуждается происходящее на процессе. Через два дня взбешенная «гиена» признает себя побежденной — прокурор Изгро предлагает не заслушивать показаний прочих свидетелей обвинения. Тогда в наступление переходит Грамши:

— Господин председатель, теперь мы, подсудимые, настаиваем, чтобы были заслушаны все свидетели обвинения. До сих пор не обнаружилось ничего, что могло бы быть поставлено нам в вину — лживые обвинения тех, кто нас обвинял, были разоблачены. Пусть выступят также и другие.

Но председатель отклоняет это требование.

„Мы должны на 20 лет лишить этот мозг возможности работать“

Борьба становится еще более напряженной. Начинается допрос обвиняемых. Грамши поручает Скотчимарро изложить программу Коммунистической партии. Председатель все время прерывает Скотчимарро: «Это не относится к делу», «мы вас обвиняем не в этом».

Скоччимарро: Но в чем же тогда вы обвиняете нас? Дело в том, господин председатель, что этот процесс затеян против людей, не совершивших никакого преступления; в действительности нас судят за то, что мы — коммунисты, что мы боролись против фашизма в защиту народа и свободы...

— Подсудимый Скоччимарро, говорите по существу!

— Почему вы не призывали говорить по существу свидетелей обвинения, когда они рассказывали свои смехотворные и явно лживые выдумки? Ваш меч, господин председатель, — это не меч правосудия, это меч гражданской войны...

— Карабинеры, уведите его из зала! — кричит вне себя судья-чернорубашечник.

Маска сорвана, все хитросплетения, все лживые уловки, вся клевета разоблачены активно защищающимися коммунистами, разящими врага своим словом. Теперь уже невозможно придать приговору даже видимость законности. И «гиена» — прокурор Изгро — меняет тактику. Его обвинительная речь полна неприкрытого цинизма и злобы: «Подсудимые — враги фашизма, и они должны быть уничтожены. Эти люди опасны, так как они умны и фанатичны» (презренный фашист не решился сказать: отважны). И, указывая на Грамши, он добавляет: «Мы должны на 20 лет лишить этот мозг возможности работать».

Приговоры вынесены уже заранее и не в стенах этого зала. Задолго до начала фарса «судебного процесса» они вынесены в Венецианском дворце самим Муссолини. Об этом знают все, но «судебный процесс» был затеян «по всей форме», чтобы создать видимость законности.

Перед тем как суд удаляется на совещание для вынесения приговора, генерал Сапорити, выполнявший функции председателя, спрашивает подсудимых, имеют ли они что-нибудь добавить к ранее ими сказанному. Когда очередь доходит до Грамши, Антонио встает и произносит одну лишь фразу: «Вы приведете Италию к катастрофе; мы, коммунисты, ее спасем!»

После суда

Много веков назад древнегреческий философ Сократ, обращаясь к судьям, бесчестно приговорившим его к смерти, сказал: «Теперь пора, о судьи, идти: вас ждет жизнь, а меня

смерть. Только одни боги знают, чья участь лучше». Эти слова Сократа следует вспоминать всякий раз, когда подлые палачи осуждают невиновного. «Особый трибунал по охране безопасности государства» 4 июля 1928 г. приговорил Антонио Грамши — депутата, арестованного в нарушение всех правовых норм и судимого без малейших законных оснований, — к 20 годам 4 месяцам и 5 дням тюремного заключения. Фактически же это был смертный приговор.

И Грамши это прекрасно понимал. После окончания процесса, в ожидании отправки по этапу он имеет возможность, находясь в общей камере, беседовать со многими товарищами. Грамши разъяснял им: «Ненависть фашизма и реакционной буржуазии к нам, коммунистам, стала еще более бешеной; некоторые из нас не выйдут отсюда живыми. Но о чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что наша партия стала более сильной и зрелой; доказательством этого служит судебный процесс. Однако не следует строить иллюзий, не следует повторять ошибку буржуазных антифашистов, которые легкомысленно полагают, что с фашизмом не сегодня-завтра будет покончено. Борьба будет очень жестокой и длительной, но наша победа несомненна». Немногие дни, оставшиеся до разлуки с товарищами, до того, как он будет подвергнут одиночному заключению, Грамши использует для занятий с ними, для того чтобы дать им указания по наиболее важным вопросам.

Во время одного из занятий возникает спор: кто-то утверждает, что итальянская буржуазия не играла никакой роли в период Рисорджименто. Грамши сразу же активно вмешивается в дискуссию, энергично поправляет ошибающегося и в течение двух дней очень подробно излагает свои мысли по вопросу о роли классов, партий, отдельных деятелей в этот период, о целях, которые они преследовали. К счастью, Грамши удалось изложить эти глубокие мысли в своих «Тюремных тетрадах», и мы можем ныне ознакомиться с ними в томе его сочинений, озаглавленном «Рисорджименто».

Жизни Грамши угрожает серьезная опасность: его, больного, истощенного, обессиленного, направляют в самую страшную тюрьму Италии — в Портолонгоне, где он подвергается заточению в одиночной камере. Близится отъезд.

Настала ночь с 21 на 22 июня; завтра отправка, а администрация тюрьмы продолжает отказывать Грамши в праве подвергнуться специальному медицинскому осмотру, в результате которого его должны были бы поместить в тюремный госпиталь. Грамши всю ночь беседует со Скотчимарро, койка которого рядом. Они много лет боролись плечом к плечу; кто знает, когда они теперь встретятся и удастся ли им вообще когда-либо встретиться.

Светает. Друзья на минуту замолкают. Потом Антонио спокойно и тихо говорит: «Мауро, я чувствую, что они меня не выпустят живым».

Проходит еще несколько часов. Стражники вызывают из камер отъезжающих: на них надевают наручники и скрепляют всех одной длинной цепью. Среди них также и Антонио. Лишь в самый последний момент, когда закованные осужденные уже потянулись к выходу из тюрьмы, стражник кричит: «Антонио Грамши, к врачу!» С Антонио снимают наручники. Он крепко обнимает отъезжающих товарищей. «До свиданья!» Но Антонио не обмануло предчувствие, высказанное им Скотчимарро,— это было прощание навеки.

(Л. Ломбардо-Радиче и Дж. Карбоне, Жизнь Антонио Грамши, М., 1953, стр. 158—167.)

А. Грамши умер в тюрьме 27 апреля 1927 г., не прекращая напряженной работы до последней минуты. Пальмиро Тольятти писал о нем «Вся история нашего народа — это история борьбы против внешней и внутренней тирании, непрерывной борьбы прогив обскурантизма и лицемерия, против безжалостной эксплуатации и жестокого угнетения трудящихся масс имущими классами. Антонио Грамши пал в этой борьбе; но вся его жизнь, жизнь агитатора, пропагандиста, политического организатора,

вождя рабочего класса и Коммунистической партии — это уже не просто протест какой-либо выдающейся личности, не понятый массами или оторванной от масс. Антонио Грамши — это человек, сумевший увидеть в нынешнем итальянском обществе те классовые силы, которым предстоит выполнить историческую задачу освобождения всего общества от всякого угнетения и эксплуатации». (Л. Ломбардо-Радиче и Дж. Карбоне, Жизнь Антонио Грамши, стр. 5.)

ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПРОЦЕСС

22 февраля 1933 г. в здании Германского рейхстага вспыхнул пожар. Вечером по радио было объявлено, что поджигатель «голландский коммунист» Ван-дер-Люббе пойман на месте преступления.

На следующий день министр внутренних дел Геринг объявил, что поджог рейхстага — дело Компартии Германии.

По стране прокатилась волна арестов. 9 марта в Берлине был арестован Георгий Димитров и еще двое болгар Благой Попов и Василь Танев.

Председатель Коммунистической фракции рейхстага Торглер явился в полицию без разрешения ЦК партии «с целью реабилитации» и там был арестован.

Процесс, начавшийся в Лейпциге, тянулся 93 дня (сентябрь — декабрь 1933 года). Вся тяжесть ведения процесса пала на Г. Димитрова.

Ван-дер-Люббе был послушным орудием в руках фашистов. Торглер занял капитулянтскую позицию и согласился, чтобы его защищал фашистский адвокат Зак.

Танев и Попов ограничивались в основном личной защитой.

Для каждого честного человека было ясно, что совершили

этот поджог наемники фашистского министра внутренних дел Геринга для того, чтобы свалить вину на коммунистов. Для чего им это понадобилось? Для того, чтобы хоть как-то реабилитировать фашистских поджигателей и палачей внутри страны и вне ее, оправдать варварский террор в глазах мировой общественности, дать повод для новой антикоммунистической кампании, выставить фашизм спасителем не только Германии, но и всей Европы от «угрозы мирового коммунизма».

Эта провокация не удалась. Георгий Димитров сумел своим стойким мужественным поведением на процессе превратить его в суд над всей фашистской системой. Процесс проходил с 21 сентября по 23 декабря 1933 г.

С. Благоева в книге «Георгий Димитров» пишет:

«21 сентября 1933 г. начался Лейпцигский процесс — гнуснейший процесс контрреволюции против революции, буржуазии против пролетариата. Шесть месяцев фашисты фабриковали обвинительное заключение против арестованных коммунистов, инсценировали и натаскивали шпионов, которые должны были служить свидетелями обвинения. Шесть месяцев они держали

Димитрова в тюрьме закованным в кандалы. Физическая и моральная пытка должна была по расчетам фашистов сломить волю революционера. Важнейшим элементом подготовки процесса явился разгул белого террора в стране. Вслед за поджогом рейхстага в Германии начались кровавые мартовские дни 1933 года. Не прекращались пытки и убийства тысяч пролетариев-революционеров, начались гонения на евреев, начался поход против науки и культуры.

«Необычайным затягиванием процесса, прямым вмешательством министерства в ведение следствия, тайственными ссылками на неведомые ужасы, хвастливыми заявлениями о заговоре, охватывающем всю Европу, ужасно грубым обращением с арестованными процесс был раздут в *procès monstre* *, к нему было привлечено внимание европейской прессы, а подозрительное любопытство публики достигло высшей степени напряжения. Прусское правительство поставило себя в такое положение, что обвинение ради приличия должно было представить доказательства, а жюри приличия ради должно было требовать доказательств. Жюри само стояло перед другим жюри — перед жюри общественного мнения.

Чтобы исправить первую ошибку, правительство должно было совершить вторую ошибку. Полиция, которая во время следствия выполняла обязанности следователя, во время судебного разбирательства должна была вы-

ступить в качестве свидетеля. Рядом с обыкновенным обвинителем правительство должно было поставить еще необычного, рядом с прокуратурой полицию, рядом с Зедтом и Зеккендорфом — Штибера с его Вермутом, с его Фогелем, Грейфом и Гольдгеймом. Вмешательство в суд третьей государственной власти стало неизбежным, чтобы чудодейственными силами полиции постоянно доставлять юридическому обвинению факты, за тенью которых оно тщетно гонялось. Суд так хорошо понял это положение, что председатель, судья и прокурор с похвальнейшей покорностью попеременно уступали свою роль полицейскому-советнику и свидетелю Штиберу и постоянно прятались за его спиной» **.

Эти строки как бы прямо характеризуют подготовку и ход Лейпцигского процесса. На самом деле они описывают Кельнский процесс коммунистов 1852 года и принадлежат перу великого учителя пролетариата — Карла Маркса...

...Глупым и грязным бредням коммунист Димитров противопоставил правду о коммунизме. Эта правда страшна для буржуазии...

Димитров открыто на суде цитировал гениальные слова Карла Маркса:

«Они (коммунисты.— *Ред.*) открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господ-

* Чудовищный процесс.

** К. Маркс, Разоблачение о Кельнском процессе коммунистов (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 505).

ствующие классы содрожали перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*.

Судьи остолебели. Они ждали любой защиты, но не подобной. Они не знали, что коммунисты защищают не себя, а свою партию, не свою жизнь, а свои взгляды, дело коммунизма. Они пытались всеми способами заставить Димитрова замолчать. Но было поздно. Весь мировой пролетариат, и в первую очередь закованный в цепи германский пролетариат, ловил с глубочайшим вниманием каждое слово мужественного пролетарского вождя, стоявшего перед фашистским судилищем.

Димитров выполнял указание Ленина. Каждое слово, каждый тактический ход его на Лейпцигском процессе явились классическим образцом того, как надо использовать буржуазный суд...

Линия Димитрова, закаленного пролетарского революционера-большевика, была направлена на то, чтобы подчеркнуть политический смысл процесса, чтобы поднять процесс на политическую высоту. Он в корне пресекал всякую попытку судей, прокурора и «защитников» снизить политическое значение процесса, обернувшегося неожиданно, вопреки воле его инициатора, против фашизма.

С первого же дня Димитров занял по отношению к суду открытую и независимую позицию.

— На этом процессе я не должник, а кредитор,— бросил он фашистскому суду.

Вернувшись в зал после первого своего исключения, он немедленно заявил:

— Я не ищущий милости, ни симпатий в этом зале. Я требую лишь возможности защищать себя как коммуниста.

Когда суд углублялся в юридические тонкости относительно алиби Димитрова и других болгарских товарищей, Димитров прерывал судей:

— Самым веским доводом в пользу нашего алиби является то, что мы — коммунисты, и при этом — ответственные коммунисты; исходя из своих коммунистических убеждений и интересов нашей партии, мы не могли участвовать в таком антикоммунистическом деле, как поджог рейхстага.

Когда прокурор выразил свое сомнение по поводу подлинности имени одной свидетельницы, бывшей из СССР, которая не носила фамилию своего мужа, Димитров заметил прокурору, что последний еще многому должен поучиться, что он обнаруживает невежество в вопросах советского законодательства и вообще всего того, что происходит в СССР.

Так каждым словом, в каждом выступлении Димитров бесстрашно и последовательно разил своих врагов острейшим оружием.

Димитров произнес на суде обвинительную речь против фашизма. Она была блестящим применением указаний Ленина

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, М., 1958, стр. 73.

об обязанности коммуниста выступать на суде с принципиальной речью.

«Во всяком случае речь о принципах, программе и тактике социал-демократии, о рабочем движении, о социалистических целях, о восстании — самое важное», — писал Ленин в 1905 году.

Речь Димитрова на суде с восторгом читали миллионы пролетариев и трудящихся во всем мире. Речь Димитрова несла в широчайшие массы принципы, программу и тактику Коммунистического Интернационала. Эта речь — талантливейший образец

речи большевика перед буржуазным судом. Это был призыв к трудящимся всего мира бороться против фашизма, за победу мировой пролетарской революции.

Через головы фашистских судей Димитров обращался к пролетариям всех стран. Он звал рабочих, звал трудящихся крестьян, звал всех честных интеллигентов на путь коммунизма. (С. Благоева, Георгий Димитров, М., 1938, стр. 38—54.)

Процесс закончился 23 декабря 1933 г. Суд вынужден был оправдать всех обвиняемых.

Речь Г. Димитрова 16 декабря 1933 г.

Димитров: На основании параграфа 258 процессуального кодекса я имею право говорить как защитник и как обвиняемый.

Председатель: Вы имеете право на последнее слово; оно вам предоставляется.

Димитров: На основании этого кодекса я имею право полемизировать с прокуратурой, а потом уже приступить к последнему слову.

Господа судьи, господа обвинители, господа защитники! Еще в начале этого процесса, три месяца назад, я как обвиняемый обратился с письмом к председателю суда. В нем я писал, что сожалею, что мои выступления приводили к столкновениям. Но я решительно возражал против того, чтобы мое поведение было истолковано как преднамеренное злоупотребление правом задавать вопросы и делать заявления в целях пропаганды. Понятно, что раз я был обвиняем, будучи невиновным, я стремлюсь защищаться всеми имеющимися в моем распоряжении средствами.

«Я признаю,— писал я,— что некоторые вопросы ставились мной не всегда правильно с точки зрения юридической формы. Это, однако, объясняется лишь тем, что я не знаком с германским правом. Кроме того, я в первый раз в своей жизни участвую в подобном судебном процессе. Если бы я имел защитника по своему выбору, я, безусловно, мог бы избежать таких неблагоприятных для моей собственной защиты инцидентов.

Но я напомним, что все предложенные мной кандидатуры [адвокатов Дечева, Джаффери, Кампинки, Тореза, Григорова, Лео Галлахера (Америка) и д-ра Лемана (из Саарбрюкена)] были отклонены имперским судом под тем или иным предлогом одна за другой, а г-ну Дечеву, как видно, даже отказано в выдаче входного билета.

Я не питаю какого-либо персонального недоверия к г-ну д-ру Паулю Тейхерту как к личности и адвокату. Но при современном положении вещей в Германии я не могу питать необходимого доверия к Тейхерту как официальному защитнику. Поэтому я пытаюсь защищать сам себя, причем я безусловно совершаю нередко неправильные с юридической точки зрения шаги.

В интересах моей защиты перед судом и, полагаю, также и в интересах нормального хода процесса я еще раз — и в последний раз обращаюсь к верховному суду с заявлением дать адвокату г-ну *Марселю Виллару*, ныне получившему полномочия от моей сестры, разрешение участвовать в моей защите.

Если это мое последнее предложение, к сожалению, также было бы отклонено, то мне не останется ничего иного, как защищаться самому, как я это умею и понимаю».

После того, как и это предложение было отклонено, я решил себя сам защищать. Не нуждаясь ни в меде, ни в яде красноречия навязанного мне защитника, я все время защищал себя без помощи адвоката.

Совершенно ясно, что я ни с какой стороны не чувствую себя связанным защитительной речью д-ра Тейхерта. Значение в моей защите имеет лишь то, что до сих пор я сам говорил перед судом, и то, что я сейчас буду говорить. Я не хотел бы обижать своего товарища по партии Торглера, — по-моему, его уже достаточно оскорблял его защитник, — но

я должен прямо сказать: я предпочитаю быть невинно осужденным на смерть германским судом, чем добиться оправдания благодаря такой защите, с которой д-р Зак выступил в пользу Торглера.

Председатель (прерывает Димитрова): Не ваше дело заниматься здесь критикой.

Димитров: Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым, но моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, *кровь от крови и плоть от плоти моей*. Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

Меня часто упрекали в том, что я несерьезно отношусь к германскому верховному суду. Это абсолютно несправедливо.

Верно, что для меня как коммуниста высшим законом является программа Коммунистического Интернационала, высшим судом — Контрольная комиссия Коммунистического Интернационала.

Но для меня как обвиняемого верховный суд есть инстанция, к которой следует относиться со всей серьезностью не только потому, что он состоит из судей особой квалификации, но и потому, что этот суд — весьма важный орган государственной власти, важный орган господствующего общественного строя, инстанция, которая может в окончательной форме приговорить к высшей мере наказания. Я могу со спокойной совестью сказать, что перед судом, а следовательно, и перед общественностью, по всем вопросам говорил

лишь правду. Что касается моей партии, находящейся на нелегальном положении, то о ней я отказался давать какие-либо показания. Я говорил всегда серьезно и с чувством глубочайшего убеждения.

Председатель: Я не потерплю, чтобы вы здесь, в этом зале занимались коммунистической пропагандой. Это вы делали все время. Если вы будете продолжать в этом же духе, я лишу вас слова.

Димитров: Я должен решительно возразить против утверждения, что я преследовал цели пропаганды. Можно считать, что моя защита перед судом имела известное пропагандистское действие. Допускаю, что мое поведение перед судом может также служить примером для обвиняемого коммуниста. Но не это было целью моей защиты. Моя цель состояла в том, чтобы опровергнуть обвинение, будто Димитров, Торглер, Попов и Танев, Коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал имеют какое-либо отношение к поджогу.

Я знаю, что никто в Болгарии не верит в нашу мнимую причастность к поджогу рейхстага. Я знаю, что за границей вообще вряд ли кто этому верит. Но в Германии иные условия, здесь таким странным утверждениям могут поверить. Поэтому я хотел доказать, что Компартия не имела и не имеет ничего общего с участием в таком преступлении.

Если говорить о пропаганде, то многие выступления здесь носили такой характер. Выступления Геббельса и Геринга также оказывали косвенное пропагандистское действие в пользу коммунизма, но никто не может их сделать ответственными за то, что их выступления имели такое пропагандистское действие. *(В зале движение и смех.)*

Меня не только всячески поносила печать — это для меня безразлично, — но в связи со мной и болгарский народ называли «диким» и «варварским»; меня называли «темным балканским субъектом», «диким болгаринном», и этого я не могу обойти молчанием.

Верно, что болгарский *фашизм* является диким и варварским. Но болгарский рабочий класс и крестьянство, болгарская народная интеллигенция — отнюдь не дикари и не варвары. Уровень материальной культуры на Балканах безусловно не так высок, как в других европейских странах.

но духовно и политически наши народные массы не стоят на более низком уровне, чем массы в других странах Европы. Наша политическая борьба, наши политические стремления в Болгарии не ниже, чем в других странах. Народ, который 500 лет жил под иноземным игом, не утратив своего языка и национальности, наш рабочий класс и крестьянство, которые боролись и борются против болгарского фашизма, за коммунизм, — такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары в Болгарии — это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: *в какой стране фашисты не варвары и не дикари?*

Председатель (прерывает Димитрова): Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?

Димитров (с иронической улыбкой): Конечно, нет, господин председатель...

Задолго до того времени, когда германский император Карл V говаривал, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространили древнеболгарскую письменность.

Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападок на болгарский народ. У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса!

Прежде чем остановиться на основном вопросе, я должен указать на следующее. Д-р Тейхерт нас упрекнул в том, что мы сами себя поставили в положение обвиняемых в поджоге рейхстага. На это я должен ответить, что с 9 марта, когда нас арестовали, и до начала этого процесса прошло очень много времени. За это время можно было расследовать все моменты, вызывающие подозрение. Во время предварительного следствия я говорил с ответственными чиновниками так называемой пожарной комиссии о поджоге рейхстага. Эти чиновники мне сказали, что болгары не виновны в поджоге рейхстага. Нам ставили в вину только, что мы жили по чужим паспортам, под чужими именами, жили без прописки и т. д.

Председатель: То, о чем вы сейчас говорите, не обсуждалось на процессе, поэтому вы не имеете права об этом говорить здесь.

Димитров: Господин председатель, за это время надо было проверить все данные, для того чтобы избавить нас своевременно от этого обвинения. В обвинительном акте указывается, что Димитров, Попов и Танев утверждают, что они болгарские эмигранты. Однако, несмотря на это, надо считать доказанным, что они проживали в Германии в целях нелегальной работы. Они, говорится в обвинительном акте, являются «уполномоченными Коммунистической партии в Москве для подготовки вооруженного восстания».

На стр. 83 обвинительного акта говорится, что хотя Димитров заявил, что он не был в Берлине с 25 по 28 февраля, однако это не меняет дела и не освобождает его, Димитрова, от обвинения в соучастии в поджоге рейхстага. Это видно, указывается... в обвинительном акте, не только из показаний Гельмера, другие факты также указывают на то, что...

Председатель: Вы не должны здесь зачитывать весь обвинительный акт: он нам достаточно известен.

Димитров: Я должен сказать, что три четверти всего того, что здесь говорили на суде прокурор и защитники, всем давно известно, но здесь они снова повторили это. *(В зале движение и смех.)* Гельмер показал, что Димитров и Вандер-Люббе были в ресторане Байернгоф. Далее я читаю в обвинительном акте: «Если Димитров и не был пойман на месте преступления, то он все же принимал участие в подготовке к поджогу рейхстага. Он поехал в Мюнхен, чтобы обеспечить себе алиби. Найденные у Димитрова брошюры указывают, что он принимал участие в коммунистическом движении в Германии».

Так было обосновано это скороспелое обвинение, оказавшееся недоноском.

Председатель *(прерывает Димитрова)*: Вы не должны употреблять таких выражений по отношению к обвинению.

Димитров: Я шодыщу другое выражение.

Председатель: Но не столь недопустимое.

Димитров: Я возвращаюсь к методам обвинения и к обвинительному акту в другой связи.

Характер этого процесса был предreshen тем тезисом, что поджог рейхстага — дело рук Коммунистической партии Германии, даже мирового коммунизма. Этот антикоммунистический акт — поджог рейхстага — был приписан коммунистам, объявлен сигналом к коммунистическому восстанию, сигналом к изменению государственного устройства Германии. При помощи этого тезиса всему процессу был придан антикоммунистический характер. В обвинительном акте говорится: «Обвинение стоит поэтому на той точке зрения, что это преступное покушение должно было стать сигналом для врагов государства, которые хотели повести генеральную атаку на германское государство, чтобы уничтожить его и на его месте воздвигнуть пролетарскую диктатуру, советское государство милостью III Интернационала...»

Господа судьи! Не в первый раз подобное покушение приписывается коммунистам. Я не могу привести здесь все примеры этого рода. Я напоминаю о железнодорожном покушении здесь, в Германии, возле Ютерборга, совершенном психопатом, авантюристом, провокатором. Тогда не только в Германии, но и в других странах неделями распространялось утверждение, что это — дело рук Германской компартии... Потом выяснилось, что это сделал психопат и авантюрист Магущка. Он был арестован и осужден.

Я помню другой пример: убийство французского президента Горгуловым. Тогда тоже во всех странах писали, что здесь видна рука коммунистов. Горгулов изображался коммунистом, советским агентом. Что же оказалось? Это покушение оказалось организованным белогвардейцами, а Горгулов — провокатором, который хотел добиться разрыва отношений между Советским Союзом и Францией.

Я напоминаю также покушение на взрыв Софийского собора. Это покушение не было организовано Болгарской компартией, но из-за него Компартия подверглась преследованиям. Две тысячи рабочих, крестьян и интеллигентов были зверски убиты фашистскими бандами под тем предлогом, что собор взорвали коммунисты. Эта провокация со взрывом Софийского собора была организована болгарской полицией. Еще в 1920 году начальник софийской полиции Пруткин сам организовал во время стачки железнодорожников покушение бомбистов как средство провокации болгарских рабочих.

Председатель (*прерывает Димитрова*): Это не относится к процессу.

Димитров: Полицейский чиновник Геллер говорил здесь о коммунистической пропаганде поджогов и т. д. Я спросил его, не известны ли ему случаи, когда поджоги, которые производились предпринимателями, потом относились за счет коммунистов. В «Фелькишер Беобахтер» от 5 октября написано, что штеттинская полиция...

Председатель: Эта статья не была предъявлена на процессе.

(*Димитров пытается продолжать.*)

Председатель: Вы не смеете об этом говорить здесь, раз об этом не упоминалось на процессе.

Димитров: Целый ряд пожаров...

(*Председатель снова прерывает Димитрова.*)

Димитров: Это было предметом следствия, потому что целый ряд поджогов здесь был вменен в вину коммунистам. Потом было выяснено, что это сделали предприниматели «в целях предоставления работы»! Я напому еще один момент: подделка документов. Имеется большое количество фальшивок, которые были использованы против рабочего класса. Таких случаев — множество. Я напому ряд фальшивок, фигурировавших здесь, в Германии.

Председатель: Это выходит за пределы судебного разбирательства.

Димитров: Здесь утверждалось, что пожар рейхстага должен был послужить сигналом к вооруженному восстанию. Это пытались обосновать следующим образом.

Геринг сказал здесь, на суде, что Компартия Германии в тот момент, когда к власти пришел Гитлер, была вынуждена разжечь настроения своих масс и что-либо предпринять. Он сказал: «Коммунисты вынуждены были что-нибудь предпринять — теперь или никогда!» Он сказал, что Коммунистическая партия уже целые годы призывала к борьбе против национал-социализма и что для Коммунистической партии Германии в момент взятия власти национал-социалистами не оставалось другого выхода, как выступить — теперь или никогда. Верховный прокурор пытался этот же тезис формулировать точнее и еще «умнее».

Председатель: Я не допущу, чтобы вы оскорбляли верховного прокурора.

Д и м и т р о в: То, что утверждал Геринг в качестве высшего обвинителя, здесь развивал верховный прокурор. Верховный прокурор д-р Вернер сказал: «Коммунистическая партия находилась в таком положении, что она должна была или уступить без боя или вступить в борьбу, невзирая на то, что подготовка не была полностью доведена до конца. Это был единственный шанс, который оставался для Коммунистической партии при данных обстоятельствах. Либо без борьбы отказаться от своей цели, либо пойти на определенный акт отчаяния, играть ва-банк, — это при известных обстоятельствах еще могло бы спасти положение. Эта игра могла бы также и сорваться, но и в этом случае положение было бы не хуже, чем если бы Коммунистическая партия отступила без боя». Выдвигаемый тезис, приписываемый Компартии, не является коммунистическим тезисом. Такое предположение показывает, что враги Коммунистической партии Германии плохо ее знают. Кто хочет правильно бороться с противником, тот должен хорошо знать этого противника. Запрещение партии, роспуск массовых организаций, потеря легальности — все это, конечно, тяжелые удары по революционному движению. *Но это не означает, что этим все потеряно.*

В феврале 1933 года Коммунистическая партия была под угрозой запрещения. Коммунистическая пресса была запрещена, ожидалось запрещение Коммунистической партии. Германская компартия ожидала этого. Об этом говорилось в листовках, газетах. Германская компартия хорошо знала, что во многих странах компартии запрещены, но несмотря на это они продолжают свою работу и борьбу. Компартии запрещены в Польше, Болгарии, Италии и в некоторых других странах.

Я могу говорить об этом на основании опыта Болгарской компартии. После восстания 1923 года Болгарская компартия была запрещена, но она работала, и, хотя это стоило многочисленных жертв, она сделалась сильней, чем была до 1923 года...

Германская компартия, даже будучи нелегальной, может при соответствующей ситуации совершить революцию. Это

показывает опыт *Русской компартии*. Русская компартия была нелегальной, она подвергалась кровавым преследованиям, но потом рабочий класс с Компартией во главе пришел к власти. Руководители Германской компартии не могли рассуждать таким образом, что теперь все потеряно и что вопрос стоит или-или: либо восстание, либо гибель. Такой глупой мысли не могло быть у руководства Компартии. Германская компартия точно знала, что нелегальная работа будет стоить многочисленных жертв и потребует самоотверженности и смелости, но она знала также, что ее революционные силы укрепятся и что она окажется способной осуществить стоящие перед ней задачи. Поэтому совершенно исключается, будто Германская компартия хотела в тот период вести игру ва-банк. *Коммунисты, к счастью, не так близоруки, как их противники, и они не теряют головы и при самых трудных ситуациях.*

К этому надо добавить, что Германская компартия и другие компартии являются секциями Коммунистического Интернационала. Что такое Коммунистический Интернационал? Я позволю себе процитировать устав Коммунистического Интернационала.

Я оглашаю здесь первый параграф устава:

«Коммунистический Интернационал — Международное товарищество рабочих представляет собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию. Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется за завоевание большинства рабочего класса и широких слоев неимущего крестьянства, за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного союза социалистических советских республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества».

В этой миллионной мировой партии Коммунистического Интернационала Компартия Советского Союза является сильнейшей партией. Она является правящей партией Советского Союза, величайшего в мире государства. Коминтерн — мировая коммунистическая партия — взвешивает политическую

ситуацию совместно с руководством коммунистических партий всех стран.

Коммунистический Интернационал, перед которым непосредственно ответственны все секции, является не организацией заговорщиков, а мировой партией. *Такая мировая партия не играет восстанием и революцией.* Такая мировая партия не может официально говорить миллионам своих сторонников *одно*, а в то же время тайно *делать противоположное*. Такая партия, добрейший мой д-р Зак, не знает двойной бухгалтерии!

Д-р Зак: Ладно, продолжайте вашу коммунистическую пропаганду.

Димитров: Такая партия, когда она обращается к миллионным массам пролетариата, когда она принимает свои решения о тактике и ближайших задачах, делает это серьезно, с полным сознанием своей ответственности. Приведу здесь постановления XII пленума ИККИ. Так как эти постановления здесь, на суде, цитировались, я имею право огласить их.

Согласно этим решениям, основная задача Германской компартии состояла в следующем: «Мобилизовать миллионные массы трудящихся на защиту их насущных интересов, против грабежа их монополистическим капиталом, против фашизма, против чрезвычайных декретов, против национализма и шовинизма и путем развертывания экономических и политических стачек, путем борьбы за пролетарский интернационализм, путем демонстраций подводить массы к всеобщей политической стачке; завоевание основных социал-демократических масс, решительное преодоление слабостей профсоюзной работы. Главный лозунг, который Компартия Германии должна противопоставить лозунгу фашистской диктатуры («третья империя»), равно как и лозунгу социал-демократической партии («вторая республика»), есть лозунг *рабоче-крестьянской республики*, т. е. советской социалистической Германии, обеспечивающей также возможность добровольного присоединения народа Австрии и других немецких областей».

Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт, никаких авантур! Таковы альфа и омега коммунистической тактики.

У меня было найдено воззвание исполкома Коминтерна. Я считаю, что его также можно процитировать. В этом воззвании особенно важны два пункта. Так, в нем говорится о демонстрациях в различных странах в связи с событиями в Германии. В нем говорится о задачах компартий в борьбе против национал-социалистского террора, а также о защите организаций и прессы рабочего класса. В этом воззвании, между прочим, говорится:

«Главным препятствием на пути образования единого фронта борьбы коммунистических и социал-демократических рабочих была и есть политика сотрудничества с буржуазией, проводимая социал-демократическими партиями, поставившими ныне международный пролетариат под удар классового врага. Эта политика сотрудничества с буржуазией, известная под именем так называемой политики «меньшего зла», привела на деле в Германии к торжеству фашистской реакции.

Коммунистический Интернационал и коммунистические партии всех стран не раз заявляли о своей готовности к совместной борьбе с социал-демократическими рабочими против наступления капитала, политической реакции и угрозы войны. Коммунистические партии были организаторами совместной борьбы коммунистических, социал-демократических и беспартийных рабочих, вопреки вождям социал-демократических партий, систематически срывавшим единый фронт рабочих масс. Еще 20 июля прошлого года Германская компартия, после разгрома прусского социал-демократического правительства фон Папенем, обратилась к социал-демократической партии Германии и Всегерманскому объединению профсоюзов с предложением об организации совместной забастовки против фашизма. Но социал-демократическая партия Германии и Всегерманское объединение профсоюзов с одобрения всего II Интернационала квалифицировали предложение об организации совместной забастовки как провокацию. Свое предложение о совместных действиях Коммунистическая партия Германии возобновила в момент прихода Гитлера к власти, призывая центральный комитет социал-демократической партии и правление Всегерманского объединения профсоюзов совместно организовать отпор фашизму, но и на этот раз она получила отказ. Более того, когда

в ноябре прошлого года берлинские транспортники единодушно забастовали против снижения заработной платы, социал-демократия сорвала единый фронт борьбы. Подобного рода примерами полна практика международного рабочего движения.

Между тем в воззвании бюро социалистического рабочего интернационала от 19 февраля нынешнего года опубликовано заявление о готовности входящих в этот интернационал социал-демократических партий к установлению единого фронта вместе с коммунистами для борьбы против фашистской реакции в Германии. Это заявление стоит в резком противоречии со всеми действиями социалистического интернационала и социал-демократических партий до сих пор. Вся политика и деятельность социалистического интернационала до сих пор дают основание Коминтерну и коммунистическим партиям не верить в искренность заявления бюро социалистического рабочего интернационала, выступающего с этим предложением в тот момент, когда в целом ряде стран, и прежде всего в Германии, сама рабочая масса уже берет организацию единого фронта борьбы в свои руки.

Тем не менее, перед лицом наступающего на рабочий класс Германии фашизма, развязывающего все силы мировой реакции, исполком Коммунистического Интернационала призывает все коммунистические партии сделать еще одну попытку установления единого фронта совместно с социал-демократическими рабочими массами при посредстве социал-демократических партий. Исполком Коминтерна делает эту попытку в твердом убеждении, что единый фронт рабочего класса против буржуазии отбил бы наступление капитала и фашизма и чрезвычайно ускориł бы неизбежный конец всякой капиталистической эксплуатации.

В силу своеобразия условий отдельных стран и различия конкретных задач борьбы, встающих перед рабочим классом в каждой из них, соглашения между компартиями и социал-демократическими партиями для определенных действий против буржуазии могут быть успешнее всего проведены в рамках отдельных стран. Поэтому исполком Коминтерна рекомендует компартиям выступить с предложениями соответствующим центральным комитетам социал-демократических партий, входящих в социалистический интернацио-

нал, о совместных действиях против фашизма и наступления капитала. В основу таких переговоров должны быть положены элементарные условия совместной борьбы против наступления капитала и фашизма. Без конкретной программы действия против буржуазии всякое соглашение между партиями было бы направлено против интересов рабочего класса...

Перед лицом всего международного рабочего класса исполком Коммунистического Интернационала делает эти предложения и призывает все коммунистические партии, и в первую очередь Коммунистическую партию Германии, не ожидая результатов переговоров и соглашений о совместной борьбе с социал-демократией, приступить немедленно к организации общих комитетов борьбы совместно как с социал-демократическими рабочими, так и с рабочими всех других направлений.

Коммунисты доказали своей многолетней борьбой, что они были и всегда будут в первых рядах борьбы за единый фронт не на словах, а на деле, в классовых действиях против буржуазии.

Исполком Коммунистического Интернационала твердо убежден, что социал-демократические и беспартийные рабочие независимо от того, как вожди социал-демократии отнесутся к созданию единого фронта, преодолеют все препятствия и совместно с коммунистами осуществят единый фронт не на словах, а на деле.

Именно теперь, когда германский фашизм организовал в целях разгрома рабочего движения в Германии неслыханную провокацию (поджог рейхстага, подложный документ о восстании и пр.), каждый рабочий должен понять свой классовый долг в борьбе против наступления капитала и фашистской реакции».

В этом воззвании ничего не говорится о непосредственной борьбе за власть. Эта задача не была поставлена ни Компартией Германии, ни Коммунистическим Интернационалом. Но я могу сказать, что воззвание Коммунистического Интернационала предусматривает вооруженное восстание.

Суд сделал отсюда вывод, что раз Коммунистическая партия ставит своей целью вооруженное восстание, значит, это восстание непосредственно готовилось и должно было

разразиться. Однако это нелогично, неправильно, чтобы не сказать большего. Да, конечно, бороться за диктатуру пролетариата — задача коммунистических партий во всем мире. Это наш принцип, это наша цель. Но это определенная программа, для осуществления которой нужны силы не только рабочего класса, но и других слоев трудящихся.

Что Германская компартия была за пролетарскую революцию, — это всем известно. Но не в этом заключается вопрос, который предстоит решить на этом процессе. Вопрос заключается в том, действительно ли было назначено восстание для захвата власти на 27 февраля, в связи с пожаром рейхстага?

Что дало судебное следствие, господа судьи? Легенда. Будто бы поджог рейхстага — дело рук коммунистов, совершенно рухнула. Я не буду здесь цитировать свидетельских показаний, как это делали другие защитники. Но этот вопрос может считаться совершенно выясненным для всякого человека с нормальным рассудком. Пожар рейхстага не находится ни в какой связи с деятельностью Компартии — не только с восстанием, но и с демонстрацией, со стачкой или с другим выступлением подобного рода. Это вполне доказано судебным следствием. Пожар рейхстага — я не говорю об утверждениях преступников и психопатов — никем не был воспринят как сигнал к восстанию. Никто не намечал в связи с пожаром рейхстага каких-либо действий, актов, попыток к восстанию. Никто ничего об этом тогда не слышал. Все рассказы в этом направлении относятся к гораздо более позднему периоду. Рабочие в это время находились в состоянии обороны против наступающего фашизма. Компартия Германии пыталась организовать сопротивление масс, оборону. Но доказано, что *поджог рейхстага был предлогом, прелюдией к широко задуманному уничтожающему походу против рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Германии*. Неопровержимо доказано, что ответственные представители правительства 27—28 февраля и не думали о том, что предстоит коммунистическое восстание.

Я задавал по этому поводу много вопросов вызванным здесь свидетелям. Я спросил прежде всего Геллера¹²⁰, знаменитого Карване (*в зале смех*), Фрея¹²¹, графа Гельдорфа¹²², полицейских чиновников. Несмотря на различные ва-

рианты, все они ответили, что ничего не слышали о том, что предстоит коммунистическое восстание. Это значит, что со стороны правящих кругов не было предпринято абсолютно никаких мер.

Председатель: Однако суду было представлено сообщение от начальника западного отдела полиции по этому вопросу.

Димитров: Начальник западного отдела полиции в своем сообщении рассказывает, что Геринг вызвал его к себе и дал ему устные указания о борьбе против Компартии, т. е. о борьбе против коммунистических собраний, стачек, демонстраций, избирательной кампании и т. д. Но даже это сообщение не говорит, что были предприняты меры против непосредственно предстоящего коммунистического восстания.

Вчера здесь об этом говорил и адвокат Зейферт. Он сделал вывод, что никто в правящих кругах не ожидал в тот момент восстания. Зейферт ссылаясь на Геббельса, указав, что последний сперва не поверил известию о пожаре рейхстага. Так ли это было на самом деле,— это другой вопрос.

В этом отношении доказательством является также чрезвычайный декрет германского правительства от 28 февраля 1933 г. Он был выпущен тотчас же после пожара. Прочтите этот декрет. Что там написано? Там указано, что отменяются такие-то и такие-то статьи конституции, а именно: статьи о свободе организаций, свободе печати, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и т. д. В этом сущность чрезвычайного декрета, его второго параграфа: поход против класса...

Председатель: Не против рабочих, а против коммунистов...

Димитров: Я должен сказать, что на основе этого чрезвычайного декрета арестовывались не только коммунисты, но и социал-демократические и христианские рабочие и распускались их организации. Я хотел бы подчеркнуть, что этот чрезвычайный декрет был направлен не только против Коммунистической партии Германии,— хотя, конечно, прежде всего против нее,— но и против других оппозиционных партий и групп. Этот закон был необходим для введения чрезвычайного положения, и он непосредственно, органически связан с пожаром рейхстага.

Председатель: Если вы будете нападать на германское правительство, я лишу вас слова.

Димитров: В этом процессе один вопрос остался совершенно невыясненным.

Председатель: Вы должны говорить, обращаясь к судьям, а не к залу, иначе ваша речь может рассматриваться как пропаганда.

Димитров: Один вопрос остался невыясненным ни прокуратурой, ни защитниками. Меня не удивляет, что они не считали этого необходимым. Они очень боятся этого вопроса. Этот вопрос о том, какова была политическая ситуация в Германии в феврале 1933 года. Я должен здесь остановиться на этом вопросе. В конце февраля политическая ситуация была такова, что внутри лагеря национального фронта шла борьба...

Председатель: Вы вступаете в область, касаться которой я вам уже не раз запрещал.

Димитров: Я хочу напомнить мое предложение суду о вызове ряда свидетелей: Шлейхера, Брюнинга, Папена, Гугенберга, второго председателя «Стального плема» — Дюстерберга и других...

Председатель: Но судом вызов этих свидетелей был отклонен. Поэтому вы не должны останавливаться на этом.

Димитров: Я знаю это и знаю почему!

Председатель: Мне неприятно беспрестанно прерывать вас во время вашего последнего слова, но вы должны придерживаться моих распоряжений.

Димитров: Эта внутренняя борьба в национальном лагере происходила в связи с закулисной борьбой в хозяйственных кругах Германии. Борьба шла между кругами Тиссена и Круппа (военной индустрии), которые много лет подряд финансировали национал-социалистское движение, и их конкурентами, которые должны были быть отодвинуты на второй план.

Тиссен и Крупп хотели установить в стране принцип единовластия и абсолютного господства под своим практическим руководством, решительного снижения жизненного уровня рабочего класса, а для этого надо было раздавить революционный пролетариат. Коммунистическая партия стремилась в этот период создать единый фронт, для того

чтобы объединить силы к обороне против попыток уничтожения рабочего движения со стороны национал-социалистов. Часть социал-демократических рабочих чувствовала необходимость единого фронта рабочего класса. Они понимали это. Многие тысячи социал-демократических рабочих перешли в ряды Коммунистической партии Германии. Но в феврале и марте задача установления единого фронта вовсе не означала восстания и его подготовки, а означала лишь мобилизацию рабочего класса против грабительского похода капиталистов и против насилия национал-социалистов.

Председатель (*прерывает Димитрова*): Вы всегда подчеркивали, что вы интересуетесь только политическим положением в Болгарии, но ваши теперешние высказывания доказывают, что вы проявили очень большой интерес к политическим вопросам Германии.

Д и м и т р о в: Господин председатель, вы выдвигаете против меня упрек. Я могу вам на это возразить следующее: я как болгарский революционер интересуюсь революционным движением во всех странах; я интересуюсь, например, южноамериканскими политическими вопросами и знаю их, пожалуй, не хуже германских, хотя я никогда не был в Америке. Впрочем, это не означает, что если в Южной Америке сгорит здание какого-нибудь парламента, то это будет моя вина.

Во время судебного разбирательства здесь, на процессе, я многому научился и благодаря своему политическому чутью разобрался во многих подробностях. В политической ситуации того периода было два основных момента: первый — стремление национал-социалистов к единовластию, второй — в противовес этому — деятельность Компартии, направленная к созданию единого фронта рабочих. По моему мнению, это выявилось также во время судебного разбирательства на процессе.

Национал-социалистам нужен был диверсионный маневр, чтобы отвлечь внимание от трудностей внутри национального лагеря и сорвать единый фронт рабочих. «Национальное правительство» нуждалось во внушительном поводе для издания своего чрезвычайного декрета от 28 февраля, отменившего свободу печати, неприкосновенность личности и установившего систему полицейских репрессий, концентрационных лагерей и других мер борьбы против коммунистов.

Председатель (прерывает Димитрова): Вы дошли до крайнего предела, вы делаете намеки!

Димитров: Я хочу лишь осветить политическую ситуацию в Германии накануне пожара рейхстага так, как я ее понимаю.

Председатель: Здесь не место для намеков по адресу правительства и для утверждений, которые давно уже опровергнуты...

Димитров: Рабочий класс должен был всеми силами защищаться, и для этого Компартия пыталась организовать единый фронт вопреки сопротивлению Вельса¹²³ и Брейтшейда¹²⁴, которые теперь за границей подняли истерический вопль.

Председатель: Вы должны перейти к своей защите, если вы этого хотите, иначе у вас не останется для этого достаточно времени.

Димитров: Я уже раньше заявил, что в одном пункте согласен с обвинительным актом. Теперь я должен подтвердить это свое согласие. Оно относится к вопросу о том, устроил ли Ван-дер-Люббе поджог *один* или у него были сообщники. Представитель обвинения Паризиус здесь заявил, что от решения вопроса о том, были или не были у Ван-дер-Люббе сообщники, зависит судьба обвиняемых. Я на это отвечаю: нет и тысячу раз нет, этот вывод прокурора нелогичен. *Я считаю, что Ван-дер-Люббе действительно не один поджег рейхстаг.* На основании экспертизы и данных судебного разбирательства я прихожу к выводу, что поджог в пленарном зале рейхстага был другого рода, чем поджог в ресторане, в нижнем этаже и т. д. Пленарный зал подожжен другими людьми и другим способом. Поджоги Люббе и поджог в пленарном зале совпадают только *по времени*, в остальных отношениях они *в корне различны*. Вероятнее всего, что Люббе — бессознательное орудие этих людей, орудие, которым злоупотребили. Ван-дер-Люббе здесь говорит не все. Он и теперь упорствует в своем молчании. Решение этого вопроса не решает судьбы обвиняемых. Ван-дер-Люббе был не один, но с ним были не Торглер, не Попов, не Танев, не Димитров.

26 февраля Ван-дер-Люббе наверняка встретил в Генингсдорфе одного человека и рассказал ему о своих попыт-

ках поджога в ратуше и дворце. Этот человек сказал ему, что все эти поджоги — лишь «детские игрушки». Действительным делом был бы поджог рейхстага во время выборов. Таким образом, из тайного союза между политическим безумием и политической провокацией возник поджог рейхстага. Союзник со стороны политического безумия сидит на скамье подсудимых. Союзники со стороны политической провокации остались на свободе. Глупый Ван-дер-Люббе не мог знать, что в то время, когда он делал свои неловкие попытки поджога в ресторане, в коридоре и в нижнем этаже, в то же время неизвестные, применив горючую жидкость, о которой говорил д-р Шатц, совершили поджог пленарного зала.

(Ван-дер-Люббе начинает смеяться. Вся его фигура сотрясается от беззвучного смеха. Внимание всего зала, судей и обвиняемых в это время обращено на Люббе.)

Д и м и т р о в (указывая на Люббе): Неизвестный провокатор позаботился обо всех приготовлениях к поджогу. Этот Мефистофель сумел бесследно исчезнуть. И вот здесь присутствует глупое орудие, жалкий Фауст, а Мефистофель исчез. Вероятнее всего в Геннингсдорфе был переброшен мост между Люббе и представителями политической провокации, агентами врагов рабочего класса.

Верховный прокурор Вернер сказал здесь, что Ван-дер-Люббе — коммунист, он сказал далее, что если он даже не коммунист, то он сделал свое дело в интересах Компартии и в связи с ней. Это — неправильное утверждение.

Кто такой Ван-дер-Люббе? Коммунист? Отнюдь нет! Анархист? Нет! Он деклассированный рабочий, он бунтующий люмпен-пролетарий, тварь, которой злоупотребили, которую использовали против рабочего класса. Нет, он не коммунист! Он не анархист! Ни один коммунист в мире, ни один анархист не будет вести себя на суде так, как ведет себя Ван-дер-Люббе. Подлинные анархисты совершают бессмысленные дела, но на суде они держат ответ и объясняют свои цели. Если бы какой-нибудь коммунист сделал что-либо подобное, он не молчал бы на суде, когда на скамье подсудимых сидят невинные. Нет, Ван-дер-Люббе — не коммунист, не анархист; он — орудие, которым злоупотребил фашизм.

С этим человеком, с этим орудием, которым злоупотребили, которое использовали во вред коммунизму, — с ним не может быть ничего общего ни у председателя комфракции рейхстага, ни у болгарских коммунистов.

Я должен напомнить здесь, что 28 февраля утром Геринг опубликовал сообщение о пожаре. В этом сообщении указывалось, что Торглер и Кенен убежали из здания рейхстага в 10 часов вечера. Это было распространено по всей стране. В сообщении говорилось, что поджог совершили коммунисты. В то же время не пошли по следам Ван-дер-Люббе в Геннингсдорф. Человек, ночевавший с Ван-дер-Люббе в полицейской ночлежке в Геннингсдорфе, не разыскан...

Председатель (прерывает Димитрова): Когда вы намерены кончить свою речь?

Димитров: Я хочу говорить еще полчаса. Я должен высказать свое мнение по этому вопросу...

Председатель: Нельзя же говорить бесконечно.

Димитров: В течение трех месяцев процесса вы, господин председатель, бесчисленное множество раз вынуждали меня к молчанию, обещая, что в конце процесса я смогу подробно говорить в свою защиту. И вот пришел этот конец, но, вопреки вашему обещанию, вы снова ограничиваете меня в моем праве говорить. Вопрос о Геннингсдорфе чрезвычайно важен. Ночевавший с Ван-дер-Люббе Ващинский не был найден. Мое предложение разыскать его было признано бесцельным. Утверждение, будто Люббе был в Геннингсдорфе вместе с коммунистами, есть ложь, состряпанная национал-социалистским свидетелем, парикмахером Граве. Если бы Ван-дер-Люббе был в Геннингсдорфе с коммунистами, это было бы давно расследовано. Господин председатель, никто не интересовался тем, чтобы разыскать Ващинского.

Лицо в штатском, явившееся в Бранденбургский участок с первым сообщением о пожаре в рейхстаге, не разыскивалось, осталось до сего дня невыясненным. Следствие проводилось в ложном направлении. Национал-социалистский депутат д-р Альбрехт, покинувший рейхстаг непосредственно после пожара, не был допрошен. Поджигателей искали не там, где они были, а там, где их не было. Их искали в рядах Компартии, и это было неправильно. Это дало истинным поджигателям возможность исчезнуть. Решили: раз не

взяли и не смели взять истинных виновников поджога, то надо взять других, так сказать, «эрзац поджигателей» рейхстага...

Председатель: Я запрещаю вам это, я даю вам еще 10 минут.

Димитров: Я имею право вносить и мотивировать предложения по поводу приговора. Верховный прокурор в своей речи рассматривал все показания коммунистов как не заслуживающие доверия. Я не занимаю подобной позиции. Я не могу утверждать, например, что все национал-социалистские свидетели — лжецы. Я думаю, что среди миллионов национал-социалистов есть и честные люди...

Председатель: Я запрещаю вам подобные злобные выпады...

Димитров: Но разве не знаменательно, что все главные свидетели обвинения — национал-социалистские депутаты, журналисты и сторонники национал-социализма? Национал-социалистский депутат Карване ведь говорил, что видел Торглера вместе с Ван-дер-Люббе в здании рейхстага. Национал-социалистский депутат Фрей заявил, что он видел Попова вместе с Торглером в здании рейхстага. Национал-социалистский официант Гельмер показывал, что он видел Ван-дер-Люббе вместе с Димитровым. Национал-социалистский журналист Веберштедт видел Танева вместе с Люббе. Что это — случайность? Выступавший в качестве свидетеля д-р Дрешер, он же сотрудник «Фелькишер Беобахтер» Циммерман...

Председатель (прерывает Димитрова): Это не доказано.

Димитров: ...утверждал, что Димитров является организатором покушения на взрыв Софийского собора, что было опровергнуто, и якобы видел меня с Торглером в рейхстаге. Я со 100-процентной достоверностью заявляю, что Дрешер и Циммерман — одно и то же лицо...

Председатель: Я отвергаю это, это не доказано.

Димитров: Полицейский чиновник Геллер цитировал здесь коммунистическое стихотворение из книги, изданной в 1925 году, чтобы доказать, что в 1933 году коммунисты подожгли рейхстаг.

Я позволю себе также процитировать стихотворение величайшего поэта Германии Гете:

Впору ум готовь же свой.
На весах великих счастья
Чашам редко дан покой;
Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться;
Властвуй — или покоряйся,
С торжеством — иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся —
Или наковальной стой.

Да, кто не хочет быть наковальной, тот должен быть молотом!

Эту истину германский рабочий класс в целом не понял ни в 1918 году, ни в 1923 году, ни 20 июня 1932 г., ни в январе 1933 года. Виноваты в этом социал-демократические вожди: Вельсы, Зеверинги, Брауны, Лейпарты, Гросманы. Теперь, конечно, германские рабочие это смогут понять.

Здесь много говорилось о германском праве и законности, и я хочу высказать свое мнение по этому поводу. На решении суда, несомненно, всегда отражаются политические комбинации текущего момента и господствующие политические тенденции. Министр юстиции Керль — компетентный для суда свидетель. Цитирую его:

«Предрассудок формально-либералистского права заключается в том, будто кумиром юстиции должна быть *объективность*. Теперь мы добрались и до источника отчуждения между *народом и юстицией*, и в этом отчуждении в конечном счете *всегда повинна юстиция*. Ибо что такое объективность в момент борьбы народа за существование? Знает ли воюющий солдат объективность, знает ли ее побеждающая армия? Солдат и армия знают только одно соображение, признают только один вопрос: как мне спасти свободу и честь, как спасти нацию?

Таким образом, само собой разумеется, *юстиция* народа, борющегося не на жизнь, а на смерть, не может благоговеть перед мертвой *объективностью*. *Мероприятия суда, прокуратуры и адвокатуры должны диктоваться исключительно одним соображением*: что важно для жизни нации, что спасет нацию?

Не бесхребетная объективность, означающая застой и тем самым закостенение, отчужденность народа,— нет, все действия, все мероприятия коллектива в целом и отдельной личности должны быть подчинены насущным нуждам народа, нации!»

Итак, право — понятие относительное...

Председатель: Это не относится к теме. Вы должны сделать ваши предложения.

Димитров: Верховный прокурор предложил оправдать болгарских обвиняемых за отсутствием доказательств их виновности.

Верховный прокурор предложил оправдать обвиняемых-болгар за недостатком улик. Но меня это отнюдь не может удовлетворить. Вопрос далеко не так прост. Это не устраняло бы подозрений. Нет, во время процесса было доказано, что мы ничего не имеем общего с поджогом рейхстага; поэтому нет места для каких-либо подозрений. Мы, болгары, так же как и Торглер, должны быть оправданы не за отсутствием улик, а потому, что мы, как коммунисты, ничего не имеем и не могли иметь общего с этим антикоммунистическим актом.

Я предлагаю вынести следующее решение:

1. Верховному суду признать нашу невиновность в этом деле, а обвинение — неправильным; это относится к нам: ко мне, Торглеру, Попову и Таневу.

2. Ван-дер-Люббе рассматривать как орудие, использованное во вред рабочему классу.

3. Виновных за необоснованное обвинение против нас привлечь к ответственности.

4. За счет этих виновных возместить убытки за потерянное нами время, поврежденное здоровье и перенесенные страдания.

Председатель: Эти ваши так называемые предложения суд при обсуждении приговора будет иметь в виду.

Димитров: Наступит время, когда такие предложения будут выполнены с процентами. Что касается полного выяснения вопроса о поджоге рейхстага и выявления истинных поджигателей, то это, конечно, сделает всенародный суд грядущей пролетарской диктатуры.

В XVII в. основатель научной физики *Галилео Галилей* предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул: «*А все-таки земля вертится!*» И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества.

(Председатель резко прерывает Димитрова, встает, собирает бумаги и готовится уйти.)

Д и м и т р о в (продолжает):

МЫ, КОММУНИСТЫ, МОЖЕМ СЕЙЧАС НЕ МЕНЕЕ РЕШИТЕЛЬНО, ЧЕМ СТАРИК ГАЛИЛЕЙ, СКАЗАТЬ: «И ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ!» КОЛЕСО ИСТОРИИ ВЕРТИТСЯ, ДВИЖЕТСЯ ВПЕРЕД, В СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ЕВРОПЫ, В СТОРОНУ ВСЕМИРНОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК, И ЭТО КОЛЕСО, ПОДСТЕГИВАЕМОЕ ПРОЛЕТАРИАТОМ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, НЕ УДАСТСЯ ОСТАНОВИТЬ НИ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫМИ МЕРОПРИЯТИЯМИ, НИ КАТОРЖНЫМИ ПРИГОВОРАМИ, НИ СМЕРТНЫМИ КАЗНЯМИ. ОНО ВЕРТИТСЯ И БУДЕТ ВЕРТЕТЬСЯ ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОВЕДЫ КОММУНИЗМА!

(Полицейские хватают Димитрова и силой усаживают его на скамью подсудимых. Председатель и суд удаляются для совещания по вопросу, может ли Димитров продолжать свою речь. После совещания суд возвращается и объявляет, что Димитров окончательно лишен слова.)

(Г. Д и м и т р о в, Лейпцигский процесс, М., 1939, стр. 174—192.)

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ ТОЙВО АНТИКАЙНЕН

В октябре 1921 года отряды белофиннов, натравливаемые англо-американскими и французскими империалистами, вторглись на территорию Советской Карелии. «...Провалившись на борьбе против большевиков собственными солдатами,— писал В. И. Ленин еще в марте 1920 г.,— Антанта ставит ставку на маленькие государства: попробуем ими задуть Советскую Россию!..» (Соч., т. 30, стр. 362).

Советские войска при поддержке всего населения Карелии нанесли сокрушительный удар интервентам, которые вынуждены были убраться восвояси. Исключительную роль в разгроме белофиннов сыграл лыжный отряд курсантов Интернациональной школы, совершивший глубокий рейд в тылы противника.

Руководил этим отрядом легендарный герой карельского народа, один из руководителей Коммунистической партии Финляндии Тойво Антикайнен. У многих, вероятно, осталась в памяти замечательная кинокартина «За Советскую Родину», рассказывающая о героическом лыжном отряде.

Талантливый организатор революционной борьбы трудящихся, Антикайнен в течение ряда лет руководил Компартией Финляндии, работавшей в подполье.

«Жизнь Тойво Антикайнена,— писал Вильгельм Пик,— его детство и революционное развитие, его героизм во время гражданской войны, его большевистское выступление на белогвардейском суде — часть героической истории рабочего класса Финляндии. В Антикайнене воплощены лучшие качества, надежды и чаянье трудового народа Финляндии. Карельский народ создал сказания и песни об этом герое».

Этого верного сына народа финская охранка арестовала в 1934 году и предала суду. Буржуазия ликовала: наконец-то она расправится с Антикайненом. Государственный прокурор еще до суда заявил, что потребует для него смертной казни.

О. В. Куусинен писал: «Вся яростная ненависть господствующих классов Финляндии против пролетарского движения сосредоточилась в этот момент на Тойво Антикайнене, этом мужественном, героическом руководителе Финляндской Компартии, верном сыне финляндского народа».

Ниже мы публикуем главу из краткого биографического очерка А. Вотина «Тойво Антикайнен», описывающую обстоятельства суда и речь Антикайнена.

Перед судом реакции

«Приговор я приму с высоко поднятой головой. Можно уничтожить меня, но нельзя уничтожить дело рабочего класса, дело революции, которому принадлежит моя жизнь. Коммунизм вы не можете уничтожить. Он победит!..»

(Антикайнен, Речь на судебном процессе).

Какая же участь ждет Антикайнена, что готовит ему буржуазное «правосудие»?

Эти вопросы волновали умы и сердца трудящихся всего мира. Беспредельная тревога за судьбу Антикайнена, одного из лучших сыновей финского народа, особенно усилилась после того, как стало известно, что беспартийная работница Лидия Раск, хозяйка квартиры, где проживал Тойво Антикайнен, была тотчас же после ареста убита в охранке.

В мучительной тревоге и ожидании, в полной неизвестности прошло более трех месяцев. Власти никому не разрешали видаться с заключенным. Известный английский юрист Л. Линлей, приехавший в Финляндию, несмотря на настойчивые требования и просьбы, не мог добиться у министра юстиции разрешения на свидание с Антикайненом.

Наконец, к Антикайнену допустили его защитника, и тогда лишь мир узнал о гнусных намерениях финской реакции. Она не рискнула убить Антикайнена втихомолку, боясь народного гнева, который вызвало бы это убийство. Буржуазия решила расправиться с Антикайненом «законным путем».

«Фашистским юристам,— писал тов. О. В. Куусинен в 1936 году,— был дан заказ — раздобыть юридические формулы для оправдания судебного убийства Антикайнена. Одни предлагали издание особого закона о введении смертной казни, но в народе поднялось сильное движение против этого. Тогда другие охранники-юристы догадались, что и на основании существующего финского законодательства обвиняемого можно присудить к смертной казни, если дело поставить не как политическое, а как уголовное... Такое обвинение и было сочинено».

Как сообщил Антикайнен во время свидания защитнику, против него готовился процесс по обвинению в государственной измене.

Основанием для... обвинения являлось участие Антикайнена в революционном движении, его деятельная работа в финской Коммунистической партии (в буржуазной Финляндии принадлежность к Компартии являлась «преступлением» и каралась долголетним заключением в каторжной тюрьме).

Кроме того, охранка решила привлечь Антикайнена к ответственности по обвинению... в грабеже, так как якобы Антикайнен в 1918 году проводил конфискацию имущества финских буржуа. Основой для этого обвинения служил сострепанный финской охранкой «документ», «удостоверявший, что Антикайнен будто бы уполномочивался проводить конфискацию имущества буржуев в Выборге». Однако, как и следовало ожидать, охранке не удалось подтвердить это вымышленное обвинение какими-либо данными.

Был выдвинут еще и третий пункт обвинения: это — «убийство» некоего Мариениеми во время разгрома белофиннов в Советской Карелии в 1921 году.

Это все было нужно для того, чтобы вызвать в Финляндии враждебные настроения к Советскому Союзу. Ибо, распространяя подобного рода ложь и клевету на командира Красной Армии — Антикайнена, финская охранка пыталась очернить всю Красную Армию, весь СССР.

Затем, видимо на всякий случай, охранка состряпала обвинение против Антикайнена в убийстве некоего кулака Исотало на станции Рийхимяки во время революции 1918 года. Словом, вся гнусная свора агентов из охранки была спущена с цепи. Лихорадочно заработали набившие руку в провокациях, испытанные в борьбе против рабочего класса провокаторы, шпионы и специалисты по подделыванию документов. Из среды бандитов, участников разбойничьего нападения на Советскую Карелию были выбраны самые красноречивые для выступления лжесвидетелями обвинения на готовящемся процессе. Велась тщательная подготовка этих лжесвидетелей.

Из всех этих «дел», инспирированных охранкой против Антикайнена, в конечном итоге были пущены в ход два: обвинение в государственной измене и обвинение в убийстве белогвардейца Мариениеми.

Судебный процесс против Антикайнена не был проведен сразу после его ареста. Антикайнен, даже находясь в тюрьме, был опасен для врагов рабочего класса. Движение в защиту Антикайнена росло. Только в Финляндии, задавленной сапогом фашизма, протестовало против расправы над мужественным революционером около 150 тыс. человек. Под давлением общественного мнения финская буржуазия вынуждена была маневрировать. Во время первого процесса, состоявшегося в конце февраля 1935 года, Антикайнену было предъявлено обвинение в «государственной измене». Процесс происходил в провинциальном г. Або. Здесь, уже после начала суда, Антикайнену вручили для ознакомления и то лишь часть следственного материала.

Финская реакция рассчитывала тем или иным способом сломить Антикайнена, использовать его процесс в своих антисоветских целях и одновременно нанести удар не только Антикайнену, но и всей Коммунистической партии Финляндии.

Однако Антикайнен сумел блестяще опровергнуть все пункты обвинения и перейти в наступление против реакции. Разоблачая фашистский, антисоветский характер инспирированного против него процесса и используя трибуну суда для мобилизации рабочих и трудящихся масс Финляндии вокруг Компартии и единого фронта, т. Антикайнен проявил себя достойным учеником бесстрашного революционера, героя Лейпцига, принадлежащего трудящимся всего мира. Антикайнен, подобно героическому Димитрову, смело заявил о своих политических взглядах и бесстрашно использовал трибуну суда для атаки против своих классовых врагов.

На обоих процессах, как в Або, так и в Хельсинки, Антикайнен показал образец того, как должен вести себя пролетарский революционер перед буржуазным судом.

«Кто я? К чему стремлюсь? — говорил он в своей заключительной речи в Або 8 марта 1935 г. — Я большевик, ответственный работник партии, входящей в Коминтерн. Вся моя деятельность основана на учении и указаниях Маркса и Энгельса... на программе и решениях Коминтерна, решениях и директивах Коммунистической партии Финляндии. Основываясь на всем этом, моя деятельность охватила: защиту повседневных жизненных интересов рабочего класса, пред-

ставителем которого я являюсь, и беднейшего крестьянства, освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации и угнетения, осуществление власти рабочих и крестьян, диктатуры пролетариата, Советской власти, социализма.

Все, что я делал, все это происходило под руководством Компартии и через Компартию. Я отвечаю за политику Компартии. Полагаю, что, невзирая на мои ошибки и недостатки, я заслужил то доверие, которое мне оказывала моя партия.

Охранка взяла на себя труд прочесть часть моих речей и статей почти за 10-летний период и привести в качестве обвинительного материала из них многочисленные выдержки и упоминания. Эти выдержки говорят в пользу Коммунистической партии и меня. Они указывают, что во всей своей деятельности я придерживался генеральной линии партии и действовал, защищая классовые интересы рабочего класса и трудящегося крестьянства, прежде всего:

1. Против эксплуатации капитала, за повышение доведенной до границы голода зарплаты рабочих, против ужасающего грабежа налогами, за организацию борьбы безработных, за улучшение положения женщин и молодежи, за организацию трудящегося крестьянства на борьбу против гнета властей и т. д.

2. Против политического гнета и гонения, направленного на рабочий класс начиная со времени гражданской войны, но усилившегося особенно свирепо в лапуаско-фашистском наступлении, когда у стоящих на позициях классовой борьбы левых рабочих при помощи чрезвычайных законов отнято было право политической деятельности. Этот режим угнетения все еще продолжается и все больше обостряется против рабочего класса.

3. Против военной опасности — при помощи массового движения и разъяснительной работы среди широких масс и в армии. Хотя охранка оспаривает правильность моей оценки военной опасности в одной из статей, повторяю: упомянутые там факты говорят о наличии опасности войны против Советского Союза.

В Финляндии имеются широкие круги, которые и не скрывают того, что все еще стремятся завоевать Советскую Карелию, даже стремятся очертить границу Финляндии мечом вплоть до Урала. То, что подготавливаемая война еще не

вспыхнула, объясняется классовой борьбой пролетариата и международной мощью Советского Союза, его последовательной и твердой мирной политикой. Международный пролетариат защищает страну Советов.

4. Против лапуаско-фашистской партии, выступающей под флагом патриотического национального движения социальной демагогии, защищающей интересы крупного капитала и занимающейся широкообещательными обещаниями об улучшении якобы положения рабочих и устранении классовых противоречий. А сейчас они полосуют спину рабочего класса кровавой плеткой.

5. За пролетарский единый фронт — за единство в борьбе. Коммунисты серьезно стремятся добиться в борьбе против капитала единства борьбы со всеми рабочими — социал-демократическими и беспартийными, классовые интересы которых у всех одинаковы.

Коммунисты готовы к совместной борьбе со всеми социал-демократами и другими, кто действительно желает вести борьбу против фашизма, угрожающего во все большем количестве стран и социал-демократам.

Коммунисты готовы к совместной борьбе с социал-демократическими партийными организациями на практике, на основе важных жизненных вопросов для рабочих, при условии, что социал-демократы откажутся от своей политики поддержки буржуазии.

Неизбежность единой борьбы рабочих — вот предъявляемое современным положением требование».

Не страшась угроз буржуазных судей, Антикайнен заклеил позором контрреволюционные нападения финских белогвардейцев на Советскую Карелию, разоблачил антисоветские военные планы финской реакции. В своем выступлении перед буржуазным судом он защищал не себя, он защищал отечество трудящихся всех стран — Советский Союз, он защищал Коммунистическую партию Финляндии, верным сыном которой он был. Со свойственным ему мужеством смело парировал он удар реакции в заключительной речи на первом судебном процессе.

«Признаю, что участвовал прошлым летом на пленуме ЦК Компартии Финляндии, и одобряю принятые там решения, которые я подготовлял. Где состоялся расширенный

пленум ЦК Компартии Финляндии — этого не скажу. Заявляю, что ЦК Компартии Финляндии находится не в Советском Союзе; также не секрет, что ответственное партийное руководство находится не за границей, а в Финляндии.

Конечно, наша партия поддерживает тесную действительную связь с Коминтерном, с этой мировой партией мирового пролетариата, в организации которого Компартия Финляндии принимала посильное участие, секцией которого она является и решения и директивы которого она проводит в соответствии с принципами пролетарского интернационализма. Но разговоры о происходящем якобы извне руководстве нашей партией лишены всякого основания.

На последнем допросе мне бросили обвинение, что я являюсь преступником свыше 20 лет, начиная с «Сернеса». Этим проявлением классовой ненависти подразумевалось, что я провел свое детство и вырос в Сернесе — рабочем районе Гельсингфорса. Да, там, в Сернесе, в многодетной рабочей семье классовый инстинкт проник в мою плоть и кровь... В Сернесе я вступил на путь революционной борьбы. Я чувствую классовую гордость за влияние Сернеса на мое развитие.

Исходя из существующего положения, коммунисты организуют борьбу трудящихся за улучшение всех жизненных условий, против капитала, фашизма и военной опасности.

Без борьбы ничего не достигается. Я боролся за классовые интересы рабочих, за интересы всех трудящихся, за лучшую жизнь для человечества, за более высокую, двигающую развитие вперед культуру, за социалистический мир. За свою деятельность я ответствен перед пролетариатом Финляндии, перед его Коммунистической партией и перед Коминтерном.

Революционная деятельность преследуется. Коммунисты, и вообще рабочие, стоящие на позициях пролетарской классовой борьбы, арестовываются, даже убиваются. Преследования, фашистский террор затрудняют, но не в состоянии уничтожить нашу борьбу. Наша партия требует себе права легальности, и еще наступит момент, когда она выступит из подполья на полную легальность. Фашизм является смертельной судорогой гниющего капитализма. Он может продержаться краткое или более продолжительное время, но

рабочий класс рано или поздно все же явится могильщиком капитализма».

С особой силой Антикайнен бросил в лицо судьям последние слова своей речи:

«Приговор я приму с высоко поднятой головой.

Можно уничтожить меня, но нельзя уничтожить дело рабочего класса, дело революции, которому принадлежит моя жизнь. Коммунизм вы не можете уничтожить. Он победит!..

Интересы революции для меня высший закон».

Бесстрашный революционер из обвиняемого превратился в грозного беспощадного обвинителя. Он не только с последовательной убедительностью опроверг все коварнейшие обвинения буржуазного суда, но и перешел в наступление на классовых врагов пролетариата.

«...Я убежден, что в случае нового нападения на Советский Союз живущие там финские рабочие вместе с русскими и карелами вновь подымутся на защиту социалистического отечества».

Такое поведение и выступление Антикайнена вовсе не входило в планы реакции. Она решила закончить процесс, но когда Антикайнена удаляли из зала суда, он громко произнес: «Рот фронт!»

Весть о мужественном поведении Антикайнена на суде и о намерении финской буржуазии приговорить к смертной казни одного из любимых вождей финского народа облетела весь мир и вызвала мощные выступления солидарности с Антикайненом как в самой Финляндии, так и за границей.

Видные иностранные адвокаты предлагали свои услуги для защиты Антикайнена.

В Париже, Лондоне, Нью-Йорке к зданиям финляндских посольств являлись делегации с требованиями освободить Антикайнена.

В столицах соседних с Финляндией скандинавских стран — в Стокгольме, Осло и Копенгагене — трудящиеся организовали мощные демонстрации под лозунгом «Свободу Антикайнену!» Эти мощные выступления солидарности оказали давление на финскую буржуазию и сказались на приговоре. На первом процессе по обвинению в «государственной измене» т. Антикайнен был приговорен к восьми годам каторжной тюрьмы.

Боясь нового взрыва общественного негодования, финские реакционеры нашли, что даже отдаленный от центра страны провинциальный г. Сьундеа, где первоначально намечалось продолжать судебный процесс, неудобен для этой цели, и слушание процесса было перенесено в церковь при центральной тюрьме Хельсинки.

В марте 1935 года судебный процесс против Антикайнена возобновился при закрытых дверях.

На этот раз Антикайнена обвиняли в грабеже и убийствах, для чего заранее были сфабрикованы поддельные документы и вызваны лжесвидетели.

Финское буржуазное «правосудие» всячески стремилось очернить Антикайнена — этого безупречного, кристально чистого борца пролетарской революции, чтобы добиться вынесения ему смертного приговора и представить перед финским общественным мнением в ложном свете Коммунистическую партию Финляндии и страну Советов.

Своим мужественным поведением и на этом процессе, боевыми, бичующими буржуазию и ее агентов выступлениями Антикайнен разоблачил подоплеку этого процесса, доказал всю необоснованность спитого белыми нитками и сфабрикованного охранкой обвинительного материала, решительно встал на защиту Компартии Финляндии и социалистического отечества международного пролетариата — Советского Союза.

Финская реакционная буржуазия, поставив себе целью осудить Тойво на смерть, не останавливалась ни перед чем. Даже книга Антикайнена «За Советскую Карелию», изданная в свое время в Советском Союзе и правдиво описывающая борьбу Красной Армии против финской белогвардейщины в годы гражданской войны, была привлечена прокурором Плантингом в качестве материала, «свидетельствующего»... о «красных зверствах».

В финских реакционных газетах появились сообщения, что какой-то белогвардеец Мариенмиemi был сожжен живым в Карелии по распоряжению красного генерала Антикайнена. Однако подобные явно клеветнические измышления в буржуазной финской печати привели к обратным результатам. Мужественный революционер Антикайнен завоевывал все больше симпатий среди финских рабочих, имя его становилось

все более популярным среди широких масс, до которых доходила правда о процессе.

И второй процесс также проходил при грубых нарушениях общепринятых правил ведения судебных процессов. Адвокату было отказано в просьбе заслушать всех свидетелей защиты. Из 20 свидетелей защиты было разрешено дать показания только 3, в то время как со стороны обвинения дали «показания» все 69 «свидетелей», большинство которых состояло из белогвардейских офицеров, провокаторов, шпионов, открытых и тайных агентов полиции. Требуя, чтобы эти «свидетели» были лишены права давать показания, Антикайнен говорил на суде:

«Все эти люди с оружием в руках боролись против Советского Союза. Я делал однажды подробное заявление, но оно не было принято судом. Я повторяю это заявление и требую отвода тех свидетелей, которые боролись против Красной Армии, в которой я был кадровым командиром».

Во время судебного разбирательства Антикайнен задавал этим «свидетелям» совсем несложные вопросы:

«Каков был ваш чин в армии?», «В каких боях вы участвовали?», «Когда произошло такое-то событие?» Но едва только председатель суда замечал смущение свидетеля обвинения, он тотчас же запрещал отвечать на вопросы Антикайнена. Один из «свидетелей» обвинения, отвечая на вопросы Антикайнена, стал давать показания не в пользу обвинения. Оплотавший «свидетель» был тотчас же удален из зала. Несмотря на длительную и тщательную подготовку свидетелей обвинения, дело все же не всегда шло так гладко, как этого хотелось финским реакционерам. Так, из показаний двух белых, бывших в плену у Антикайнена, выяснилось, что в его отряде была образцовая дисциплина.

Клевета, возведенная на Антикайнена, была настолько чудовищно неправдоподобной, что даже тщательно подобранные охранкой свидетели обвинения своими выступлениями порой говорили в пользу Антикайнена.

Антикайнен не упускал ни одного случая, помогающего разоблачить «свидетелей» обвинения. Когда один из «свидетелей» обвинения начал с напыщенным лицемерием говорить о христианской морали, Антикайнен живо с нескрываемой иронией произнес:

«Если бы Иисус находился сейчас в Финляндии, его арестовала бы охранка, он был бы осужден по обвинению в государственной измене и, вероятно, находился бы сейчас в соседней со мной камере на четвертом этаже центральной тюрьмы».

Когда же защитник Антикайнена заявил, что обвиняемый не имеет ни малейшего отношения к убийству, в котором его хотели обвинить, Антикайнен саркастически-уничтожающе заметил: «Но зато они имеют отношение к подготовке того юридического убийства, жертвой которого хотят сделать меня. Я подготовлен к этому, господин прокурор».

Антикайнен знал, что ему нечего было ждать справедливости от реакционного суда. Он вновь мужественно и смело использовал трибуну суда для разоблачения классовых врагов.

Он не только защищался решительно и твердо, «ни на йоту не отступая от марксизма как в оценке своего дела, так и в квалификации своих классовых врагов», являвшихся в тот момент его судьями, но очень часто, как только тому представлялся случай, переходил в наступление. Антикайнен и на этот раз разбил все лживые обвинения, выставленные против него буржуазным судом. Он с гордостью заявил о своих политических убеждениях:

«Признаю себя виновным в том, что вел политическую борьбу и участвовал в классовой борьбе».

Отметая клеветническое обвинение в «жестоком убийстве», в «зверской ликвидации» белогвардейца, Антикайнен перешел к развернутому обвинению правящей клики Финляндии, показав на фактах со всей непреложностью, как поистине велика вина и ответственность финляндского правительства за бесчинства белофиннов в Советской Карелии.

В своих выступлениях на процессе и в письмах в суд Антикайнен показывает пример умелого использования пролетарским революционером статей буржуазного судебного кодекса для того, чтобы разоблачить сфабрикованное государственное обвинение, чтобы камня на камне не оставить от доводов и измышлений лжесвидетелей и прокурора.

Антикайнен вникает во все детали процесса и бьет врага его же оружием. Вот выдержки из речи т. Антикайнена, положения которой были воспроизведены им в письме в

верховный суд, направленном им в качестве протеста против приговора.

«Государственный обвинитель, правда, использовал всевозможные фокусы, но вряд ли простая грамотность и объективное понимание прочитанного являются настолько низкими, что он не мог бы разобраться в том задании, которое дано в приказе главнокомандующего насчет ликвидации органов власти белых и разгрома банд. Особенно если еще учитывать то, что выполнение этого задания совершенно правильно освещено в представленном обвинителем номере газеты «Пунайнен Карьяла» от 27 января 1935 г., а также в найденном докладе о моей деятельности. Обвинитель должен был бы проявить свою удовлетворенность тем, что я полностью присоединился к представленным им документам насчет ликвидации бандитизма в Карелии и роли лыжного отряда в ней».

Так, Тойво Антикайнен, последовательно разоблачая доводы обвинения, предъявленные и записанные в приговоре финского «правосудия», продолжал и дальше:

«В самом деле обвинительное заключение построено так, что оно охватывает все бои, направленные против интервентов. Чтобы показать это, приводят ряд рассказов, которые совершенно не связаны с кимасозерскими событиями и к тому же относятся ко времени 1919 года. Тайная полиция особо подчеркивала ту решающую роль, которую лыжный отряд играл в катастрофе.

Таким образом, нужно по-деловому ответить относительно ликвидации.

Что же было ликвидировано?

Я уже раньше показал, каким образом разбираемые военные действия являлись продолжением тех нападений, которые устраивались со стороны Финляндии на Страну Советов начиная с 1918 года.

Путеводной звездой в этих нападениях был известный приказ генерала Маннергейма ¹²⁵ от 28 февраля 1918 г. В нем хвастливо приказывалось: «Выгнать всех вплоть до последнего солдата Ленина из Карелии...» и что «...создадим мощную великую Финляндию».

Я показал также ошибочность сделанного министерством иностранных дел Финляндии в 1920 году заявления относи-

тельно «Олонецкого местного правительства как органа власти и законодательства».

В целях освещения слова «ликвидировать» приведу здесь несколько существенных отрывков из книги первого командующего так называемой «Олонецкой экспедиции», а впоследствии командующего южной группой Гуннар фон Герцен — «Карельская экспедиция» (издание Гуммерус, Ювяскюля, 1921).

Из упомянутой книги явствует, что никакого «местного управления» не существовало, а «что финское правительство, с согласия которого экспедиция была начата и которое, таким образом, стояло за ней, было бы также ответственно за ее исход и тем или другим путем приводило бы вопрос к счастливому завершению».

«Для организации администрации на освобожденной территории до тех пор, пока не могли выбирать временного правительства и пока оно не приступило к работе, было назначено временное управление под названием «Олонецкое временное управление», от которого экспедиция была в зависимости. Управление состояло из следующих лиц: председатель, юрист О. Окерссон, юрист В. Пуустинен, магистр П. Супинен, магистр И. Куяла, купец Х. Реппенен, купец И. Сейсе. После выбытия первых двух из правления их места заняли бургомистр П. Паюла, коммерции советник И. Юлин и полковник Венванд. Управляющий банком Хонкаюри состоял в нем тоже некоторое время. О мероприятиях финского правительства сказано между прочим: «1-го числа (марта 1919 г.) дало свое согласие на предприятие»... «Оружие и снаряжение получили, но не в таком количестве и не в такой мере целесообразных, как ожидали».

«Представителем военного министерства и ответственным начальником этапного учреждения был назначен полковник Венванд». Полковник и член сейма И. Сихво из Хельсинки был около 11 мая назначен главнокомандующим экспедицией. И. Сихво следовал по исходящему сверху военному плану, как именно указано.

Кто же, собственно, были эти указанные «местные» представители финансового капитала и чьи «местные» «интересы» они представляли — это настолько известно, что здесь нет необходимости на этом более подробно останавливаться.

Нападение на Карелию было для них лишь коммерческое предприятие, которое было совершено завербованными по контракту наемными отрядами.

Цель совершенного экспедиционным отрядом нападения ясно показана в главе «Проблема Карелии», в которой со стратегической, экономической и политической точки зрения обосновывается необходимость завоевания для Финляндии и Карелии Кольского полуострова и Мурманской области.

Эти приведенные мною по Герцену обстоятельства являются общеизвестными фактами, которые были известны в свое время и министерству иностранных дел, а также судебному канцлеру во время выработки решения о применении международного права, о котором мною доложено заранее.

Вышеупомянутое нападение было совершено, а также ликвидировано до подписания Тартуского мирного договора ¹²⁶.

Это обстоятельство является в этой связи особо важным потому, что и последующие интервенционистские нашествия имели ту же цель. Правда, поддержка со стороны официальных учреждений не была такой открытой, но проведенные в 1921 году в Финляндии подготовка, вооружение и вербовка были известны правительству и этой подготовке препятствий не чинили.

Действующие войска белых были формально подчинены так называемому «центральному правительству Карелии», которое находилось в Хельсинки и было сформировано из вышеупомянутых банковских господ по назначению «местных» «Олонецкого и Ухтинского правительств», как это явствует из воспоминаний «главнокомандующего Илмаринена».

Тогда совершенно открыто занимались агитацией за войну против Советского Союза, которую организаторы хотели спровоцировать. Известно, что финское правительство предполагало даже объявить всеобщую мобилизацию, но не смело, потому что боялось катастрофы. Повторилось опять то же положение, которое вообще характерно для интервенционистской политики белофиннов.

В деле завоевания Карелии попытались использовать в качестве рычага даже Лигу наций. Только тогда, когда полностью совершилась катастрофа, министр внутренних дел начал предпринимать кое-какие фиктивные меры по переводу финских участников из пограничной зоны.

В овете этих фактов нужно рассматривать представленное государственным обвинителем обвинительное заключение от 26 марта 1935 г., в котором утверждается, что белые «воевали» в Восточной Карелии за свободу и самостоятельность этой провинции. Это — извращение исторической действительности. В связи с разгромом штаба в мои руки попал ряд документов, из которых со всей отчетливостью и полнотой явствует план присоединения Карелии к Финляндии.

В этих документах также отражаются противоречия и интриги между финскими империалистами из-за раздела и эксплуатации природных богатств предполагаемых к захвату областей. Вопрос ведь был только о захвате Карелии и о превращении ее в провинцию «Великой Финляндии». Совершенно не обращалось внимания на то, что же скажет карельский народ о такой «родственной любви» капиталистов.

По всем данным эта великофинляндская идеология является также идеологией чиновников-обвинителей и суда. Иначе нельзя заклеить мою службу в Красной Армии и моего участия в боях против войск белых как государственную измену против Финляндии.

Из этого стараются сделать вывод, что я в 1919—1920 гг. и затем в 1921—1922 гг. будто бы воевал, как сказано в ст. 1 уголовного закона, «против Финляндии или части ее». Финские судебные органы объявляют мою деятельность «государственной изменой» и за этот период. То, что при обвинении в ликвидации карельского бандитизма ссылаются на мнимое дело о Марииниemi, показывает, что вопрос моего обвинения рассматривается как обвинение в преступлениях против «части Финляндии».

Этот судебный процесс показал также то, что кимасозерская операция — разгром штаба белых, уничтожение их складов боепитания, прорыв фронта, — которая полностью подавила боеспособность белых, имела, оказывается, гораздо более решающее значение в ликвидации всей интервенционистской авантюры, чем я до сих пор предполагал.

Главной причиной является все же то, как я показал, что спровоцированное восстание всецело опиралось на полученную и еще более обещанную извне помощь, а не на желание карельского народа. Те ничтожные группы тогдашних карельских купцов и кулаков и их прихвостней, которые

поддерживали белофиннов, никогда не представляли карельского трудового народа. Насильственно мобилизованное карельское население не хотело воевать за захватнические цели белофиннов. Поэтому кимасозерская катастрофа вызвала среди белых такой быстрый всеобщий развал.

Народ Советской Карелии с настоящим всенародным подъемом строит сейчас социалистическое бесклассовое общество.

В заключение я определяю, что вопрос относительно ликвидации выяснен на практике таким образом, что ликвидированы:

первое: попытки перенести стратегическую границу Финляндии на линию Ладожское озеро — Онежское озеро — Белое море, которая была целью организованных со стороны Финляндии нападений в 1918—1922 гг.;

второе: попытки белофиннов держать в качестве оккупированной захваченную обширную часть территории Советской Карелии, по крайней мере, до тех пор, пока Лига наций не обсудит и не вынесет какого-нибудь решения о «самостоятельности» Карелии и присоединении к Финляндии;

третье: империалистические попытки финансового капитала захватить природные богатства Советской Карелии и закабалить ее трудовой народ.

Таким образом, ликвидация означает то, что социалистическая Карелия является теперь свободной, а Финляндия так и не превратилась в великую Финляндию».

Это сильное, разящее врагов международного пролетариата выступление Антикайнена сорвало маску с тех, кто готовил, финансировал и осуществлял антисоветские интервенции, с тех, кто лелеял мечту о новых антисоветских походах и вынашивал их планы. Как верный сын рабочего класса, Антикайнен в своей роли обвиняемого перед судом буржуазии видел прежде всего задачу защищать то, что всего дороже каждому рабочему, каждому труженику земного шара — социалистическую Родину трудящихся всех стран — великий Советский Союз.

Несмотря на полную очевидность лживости показаний свидетелей, подложности документов, представленных охран-

кой, вымысленности всего обвинения, суд тем не менее приговорил Антикайнена по этому процессу к пожизненной каторге.

Приговор суда, вынесенный 26 апреля 1935 г., в совокупности сводился к следующим пунктам: «Пожизненная каторга за «убийство»; 8 лет тюрьмы с лишением всех прав навек «за государственную измену», 6 месяцев тюремного заключения «за введение властей в заблуждение»...

17 декабря 1935 г. в Хельсинки, снова в тюремной церкви, собрался суд для нового рассмотрения дела Антикайнена. И на этом судебном заседании прокурор Плантинг требовал смертной казни Антикайнену. Реакционеры вновь пытались разными способами устрашающе воздействовать на подсудимого, вырвать из его рук инициативу, застрашать, поставить на колени. Однако все надежды финской реакции подправить свой подмоченный престиж этим судебным заседанием не оправдались. Тойво Антикайнен и на этом заседании суда держал себя как подлинный революционер.

После совещания суда процесс был вновь отложен до 9 марта 1936 г.

Буржуазия пыталась замолчать и этот процесс. Но и на этот раз ей это не удалось. Весть о процессе Антикайнена и его мужественном поведении на суде облетела весь мир. В Финляндии и за ее пределами вновь поднялась широкая кампания солидарности с требованием отменить приговор Антикайнену...

Повсюду трудящиеся выражали свое негодование и протесты против бесчинств финского буржуазного суда. Во многих капиталистических странах происходили массовые митинги, собрания трудящихся. В Швеции рабочие собрали тысячи подписей под меморандумом протеста, адресованным финскому правительству, требуя свободы Антикайнену.

Шведские рабочие организовывали митинги, собрания протеста, а когда президент Финляндии совершил свою поездку в Швецию, они встретили его на Стокгольмском вокзале возгласами: «Да здравствует Антикайнен!», «Долой правительство палачей!»

Под давлением мирового общественного мнения финское буржуазное правительство, верховный суд Финляндии были вынуждены в ноябре 1935 года отменить приговор суда,

вынесенный Антикайнену «за убийство», и назначить новое слушание дела...

Весной и летом 1936 года в финляндском суде вновь рассматривается «дело» Антикайнена. И, несмотря на непрекращавшиеся массовые протесты против явно сфабрикованного обвинения, областной суд в июне 1936 года подтвердил приговор о пожизненной каторге т. Антикайнену.

(А. Вотиннов, Тойво Антикайнен, Петрозаводск, 1947, стр. 57—72, 77—79, 82.)

Шесть долгих лет провел Антикайнен в одиночных камерах ваазской и центральной тюрем в Хельсинках. Как-то, это было уже после окончания советско-финской войны, начальник ваазской тюрьмы сказал Антикайнену (его в это время переводили в хельсинкскую тюрьму): «Возможно, что нам придется встретиться еще раз, но тогда, может быть, мы уже поменяемся с вами местами...» «Мне ничего не оставалось,— вспоминал Антикайнен,— как улыбнуться в ответ «прозорливому» тюремщику и сказать, что «для

меня тогда, по-видимому, найдется... более ответственная или во всяком случае более приятная работа».

3 мая 1940 г. при содействии советских властей Тойво Антикайнен был освобожден и выехал в Советский Союз. Через 10 дней трудящиеся Карелии выдвинули его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

В годы войны в октябре 1941 года Тойво Антикайнен погиб при выполнении боевого задания партии.

ДЕПУТАТЫ-КОММУНИСТЫ ФРАНЦИИ ПЕРЕД СУДОМ ВИНОВНИКОВ ЕЕ РАЗГРОМА

Летом 1938 года буржуазным правителям Франции удалось разрушить изнутри созданный коммунистами антифашистский народный фронт. Депутаты, избранные в 1936 году в парламент на основе программы народного фронта, подло изменили своим избирателям и вступили в позорный блок с черносотенцами, развязав тем самым руки реакции. Правительство Даладье — Рейно перешло в наступление на рабочих. Был издан ряд законов, резко ухудшавших положение трудящихся. Газета «Юманите» и другие коммунистические газеты подверглись запрету. По стране прокатилась волна арестов членов Коммунистической партии.

26 сентября 1939 г. правительство Даладье провело закон о запрещении Коммунистической партии, а 5 октября распорядилось арестовать и предать суду депутатов-коммунистов.

В это время гитлеровские войска вторглись на территорию Польши. Франция и Англия как ее союзники вынуждены были объявить состояние войны с Германией. Это была странная война, война без бомбежек и выстрелов. Союзники выжидали. Они надеялись на то, что Гитлер все же повернет на Восток. А пока французское правитель-

ство продолжало громить коммунистов — единственную партию в стране, последовательно и упорно боровшуюся против политики умиротворения агрессоров, против фашизма.

Единственным поводом и единственным «вещественным» доказательством «преступления» коммунистов явилось предложение коммунистической фракции парламента председателю палаты депутатов созвать парламент для обсуждения на открытом заседании проблемы мира. «Надо решительным образом помешать стремлению отвергнуть предложения о мире, — писали депутаты-коммунисты, — что может привести Францию к авантюре и катастрофе». (Гастон Ришар, Депутаты-коммунисты Франции перед судом виновников ее разгрома, М., 1940, стр. 19.)

Известно, чем закончилась авантюра правительства Даладье — Рейно — Петэна. Исползовав передышку, предоставленную ему «странной войной», Гитлер, укрепив свои военно-стратегические позиции, двинул войска на запад, оккупировал Бельгию и Голландию, разгромил и принудил к капитуляции Францию.

20 марта 1940 г. начался процесс депутатов-коммунистов. Перед лицом позорнейшего суди-

лица предстали овеянные славой героические сыны рабочего класса Франции — Жак Дюкло, Габриель Перр, Франсуа Бийу, Флоримон Бонт и другие.

Второй раз за всю историю Франции суд проходил при за-

крытых дверях (первый раз за закрытым судом судили Альфреда Дрейфуса).

Мы приведем речи двух депутатов-коммунистов на суде, которые опубликовал в своей книге «Дорога чести» член ЦК ФКП товарищ Ф. Бонт.

Речь Ф. Бонта

Господин председатель, господа судьи, с самого начала этого процесса мы просили предоставить нам право публично доказать правильность нашей политики, разумность наших предложений, проницательность нашего патриотизма. Мы просили предоставить нам право публично восстановить истину, умышленно извращенную с трибуны палаты председателем совета министров, министрами и потерявшими всякую независимость депутатами.

Мы просили предоставить нам право публично ответить на гнусную клевету продажной печати. Вы отказали нам в этом праве, вынеся постановление о слушании дела при закрытых дверях.

В течение шести месяцев наши клеветники могли, пользуясь тем, что мы заключены в тюрьму, осыпать нас оскорблениями и бранью и возводить на нас лживые обвинения, тогда как нас вы лишили всякой возможности апеллировать к французскому народу — нашему единственному законному судье, которому мы обязаны отдать отчет в выполнении депутатских обязанностей, возложенных на нас избирателями.

Мы вновь заявляем протест против вашего несправедливого решения, лишаящего честных французских граждан, на которых напали из-за угла, возможности публично защищать свою честь.

Правительство не хочет, чтобы мы всенародно обличили полную необоснованность гнусных обвинений. Вот почему устами своего комиссара оно потребовало, чтобы дело слушалось при закрытых дверях. Оно не хочет, чтобы народу

сказали правду. Оно не хочет, чтобы народ знал, что мы выступаем здесь не как подсудимые, ссылающиеся на смягчающие вину обстоятельства, а как обвинители, что мы приводим веские доказательства вредности преступной политики правительства. Но оно не может помешать нам пролить свет на действия, противоречащие интересам нации, интересам, которые Коммунистическая партия всегда защищала и продолжает смело и стойко защищать, несмотря на жестокие репрессии, обрушившиеся на ее членов.

Свою обвинительную речь я начну с рассмотрения обвинительного акта, составленного правительственным комиссаром. В этом документе главным нашим преступлением комиссар считает написание письма, которое я вместе с моим другом Артуром Раметтом отправил 1 октября 1939 г. председателю палаты депутатов, предлагая созвать парламент для обсуждения вопроса о мире.

Я хочу сегодня сказать то, чего я не имел возможности сказать 30 ноября 1939 г., потому что я был удален из палаты депутатов. Я обрисую нашу позицию во всех вопросах внутренней и внешней политики, напомним наши взгляды на вопросы войны и мира и докажу, что политика коллективной безопасности, которую мы не переставали отстаивать, была единственной политикой, способной обеспечить мир и сохранить независимость Франции.

Я надеюсь, что трибунал позволит мне сказать все, что я считаю совершенно необходимым для защиты правого дела, которому мы посвятили свою жизнь.

Капиталистический строй — основная причина войны

Для того чтобы избежать путаницы и внести необходимую ясность, мы заявляем, что по вопросу о войне мы придерживаемся доктрины социализма.

Мы считаем, что коренной и основной причиной войны является капиталистический строй. Эта историческая истина была сформулирована Жаном Жоресом в следующих словах: «Капитализм несет в себе войну, подобно тому как туча несет в себе грозу».

Справедливость этого положения полностью подтвердилась тремя войнами, происходившими за последние 70 лет на самой территории Франции: войной 1870—1871 гг., войной 1914—1918 гг и войной 1939 года.

Три поколения, три войны.

Наши взгляды на основные причины войны мы высказали в сентябре 1939 года, во время дискуссии о Версальском договоре, который мы никогда не переставали разоблачать как постоянный источник империалистических противоречий, антагонизма, конфликтов и войн.

Для нас война — не случайное явление и не роковая неизбежность; война — это продолжение политики мирного времени, проводимой в ускоренных темпах и с применением оружия; это продолжение соперничества мирного времени за обладание рынками, за сферы влияния, за монополию на сырье, за мировое господство.

Но было бы ошибочно заключить из этого, что мы считаем войну фатально неотвратимой. Мы знаем, что мир — самое драгоценное достояние людей. Мы никогда не были бездейственными перед лицом угрозы войны. Вот почему мы никогда не переставали разоблачать всяких поджигателей войны и вести с ними борьбу. Коммунисты первыми сигнализировали об опасности, били тревогу и указывали на средства предотвращения опасности.

Наша тактика в борьбе против войны, в основном, всегда состояла в том, чтобы обеспечить:

объединение трудящихся внутри каждой страны;

объединение трудящихся всех стран в международном масштабе;

объединение всех свободолюбивых стран;

объединение всех стран, заинтересованных в мире.

Без такого объединения не может быть победоносной борьбы, но осуществления его достаточно, чтобы предотвратить войну. Благоразумное и твердое коллективное сопротивление явилось бы трудно преодолимым препятствием для поджигателей войны.

Мы всегда настаивали на том, чтобы любая возможность предотвращения катастрофы была использована, но мы наталкивались на трудности и препятствия, которые воздвигали

гали на нашем пути капиталистические правительства и их сообщники и пособники — руководители социал-демократии.

Капиталистические правительства, бесспорно, несут за это тяжелую ответственность. Своим систематическим отходом от принципов, записанных в уставе Лиги наций (которую они превратили в лавочку империалистических интриг, в магазин бутафорских изделий для «дипломатии на помочах», служащей интересам магнатов трестов), своим отказом от коллективной безопасности и упорным отклонением всех предложений Советского правительства объединить в борьбе за мир все государства, являющиеся противниками войны, — они открыли путь агрессорам, они расчистили дорогу Гитлеру и Муссолини.

Лидеры социал-демократии также несут за это тяжелую ответственность. Они саботировали и продолжают саботировать единство действий в национальном и интернациональном масштабах. Они участвовали и продолжают участвовать в жестоких репрессиях против народа и в подавлении демократических свобод. Они способствовали гибельной политике крупной буржуазии и играли на руку фашизму. Мы ни в коей мере не несем ответственности за эту политику. Политика крупной буржуазии вела непосредственно к войне. Политика Коммунистической партии, направленная к установлению единства и коллективной безопасности, поддерживала мир и сковывала поджигателей войны. Нельзя выносить суждение о тех и других без внимательного анализа нынешних событий, а также войны, без анализа событий, предшествовавших войне, и той роли, которую каждый из участников играл в них.

Война 1939 года

С дипломатической точки зрения теперешней войне предшествовало заключение союзов и пактов, подписание соглашений, образование коалиций, которые создавались и разрушались в угоду эгоистическим интересам империалистов. Капиталистические государства делали ставку то на одну страну, то на другую, использовали одних против других, противопоставляли одних другим, но, несмотря на

взаимные противоречия, были едины в ненависти к демократии и социализму.

Нынешняя война, начавшаяся в сентябре 1939 года, является не чем иным, как вторым этапом вооруженного конфликта, происходящего в различных пунктах земного шара и перенесенного в сердце Европы.

Первый этап этой войны проходит через Абиссинию в 1935 году, Испанию — в 1936 году, Китай — в 1937 году, Австрию и Чехословакию — в 1938 году. Он характеризуется агрессией Италии, Японии и Германии.

Он отмечен, в частности, заключением антикоминтерновского пакта, образованием «оси» Рим — Берлин, построением треугольника Рим — Берлин — Токио.

Наша общая позиция во время этого первого этапа может быть определена следующим образом: мы заявляли, что спасение мира заключается в разумной организации коллективной безопасности, в международном единстве действий, в сооружении плотины мира, непреодолимой для бушующих волн войны. Мы доказывали, что уступки поджигателям войны были губительны для мира, ибо они усиливали аппетиты, поощряли наглость, благоприятствовали империалистическим притязаниям, ослабляли народы, толкали мир в тупик и вели к войне.

Мы доказывали, что достаточно решительного сопротивления, чтобы заставить агрессоров отступить, ибо сопротивление поощряло бы народы в их борьбе за свободу и независимость в каждой стране, привело бы к созыву конференции всех заинтересованных наций и облегчило бы принятие мирных решений.

Вот тот тезис, который мы защищали. События подтверждали его правильность.

Свидетельство Франсуа-Понсэ

Мы процитируем по этому поводу высказывания французского посла в Берлине Франсуа-Понсэ, которые мы находим в документе № 17 французской Желтой книги — сборника дипломатических документов и материалов о событиях и переговорах, предшествовавших началу военных

действий между Германией, с одной стороны, и Польшей, Великобританией и Францией — с другой.

По мнению Франсуа-Понсэ, демократическим странам следовало сделать из мюнхенского диктата вывод, что, только будучи сильными и едиными, они смогут избежать повторения аналогичных кризисов.

4 октября 1938 г. он писал Боннэ ¹²⁷:

«Очень немногие немцы считали, что из-за Судет стоит идти на риск европейской войны. Народные массы совершенно ничего не знали о Судетах. Они интересуются судьбой Судет не больше, чем судьбой румынских немцев. Они легко могли бы согласиться на карательную экспедицию против Чехословакии, но, несомненно, предпочли бы отказаться от Судет, нежели видеть, как весь мир подымется против Германии».

Между тем политика французского и британского правительств была политикой разделения, разъединения и дробления сил мира и политикой уступок, отказа от прав, благосклонности в отношении Гитлера.

Трагический итог

И вот трагический итог их преступной политики.

В отношении Абиссинии: саботаж санкций, принятых по решению 54 стран — участников Ассамблеи Лиги наций, признание совершившегося факта завоевания Италией империи негуса.

Следствием этого явилось усиление притязаний Муссолини на Тунис, Корсику, Ниццу и Савойю, притязаний, подкреплявшихся демонстрациями фашистских войск.

В отношении Испании: преступное «невмешательство», отрицание международного права, отказ от помощи стране — члену Лиги наций — и примирение с гитлеровской и фашистской интервенцией, позорное покровительство Франко. Результатом всего этого был разгром испанской демократии.

В отношении Китая — постоянная помощь японским милитаристским кликам, запрещение перевозки оружия через Индо-Китай для китайских армий, поставка военных материалов Японии и, следовательно, значительное ослабление французских позиций на Дальнем Востоке.

В отношении Австрии — трусливая отставка правительства Шотана во время прискорбных событий и преступное согласие на захват Австрии Германией.

Что касается Чехословакии, то путь, приведший к кульминационному пункту уступок и потворства гитлеровскому фашизму — к Мюнхену — проходит через Берхтесгаден и Годесберг*. В целом — это отказ от подписей под союзными договорами, забвение торжественных обещаний, невыполнение принятых обязательств, позорное давление на Чехословакию перед лицом империалистических притязаний «Третьей империи». Стратегические последствия Мюнхена оказались катастрофическими для нас. Мюнхен был катастрофой, которую можно сравнить с катастрофами при Садовой¹²⁸, Ватерлоо¹²⁹ и Седане¹³⁰.

Как известно, не мы одни так расцениваем эти дела: такого же мнения придерживаются дипломатический обозреватель Пертинакс и генерал Фоше, который в знак протеста против позорного поведения французского правительства ушел в отставку со своего поста военного представителя в Праге. Мы сошлемся также на свидетельство самого Тардье¹³¹, который заявил, что «выдать Прагу, означало выдать Мец, Туль и Верден», на свидетельство Анри де Кериллиса, который глубоко сожалел об уступке чехословацкой «линии Мажино»¹³² и всех ее военных материалов.

Мюнхенский подарок гитлеровской Германии

28 апреля 1939 г. в здании оперы Кроль под бурные аплодисменты своей банды убийц Гитлер подвел итоги тому, что дал Германии Мюнхен.

Он заявил:

«Не могу удержаться, господа депутаты, от того, чтобы не дать вам представление об астрономических цифрах, в которых исчисляется содержимое этого международного порохового погреба, находящегося в центре Европы.

---

* В Берхтесгаден и Годесберг Чемберлен прилетал дважды на свидание с Гитлером в сентябре 1938 года накануне мюнхенского сговора о расчленении Чехословакии. — *Прим. ред.*

Со времени оккупации страны захвачено и сдано в надежное место:

- а) 1582 самолета, 591 зенитная пушка;
- б) оружия: 2175 пушек легкой и тяжелой артиллерии, 735 минометов, 468 танков, 43 876 пулеметов, 114 тыс. пистолетов, 1020 тыс. ружей;
- в) боеприпасов: более 1 млрд. ружейных патронов, более 3 млн. артиллерийских снарядов;
- г) прочих материалов: фронтового снаряжения, звукоулавливателей, прожекторов, измерительных приборов, моторизованных средств транспорта, специальных моторизованных средств транспорта — огромное количество».

Утверждение г-на Кулондра

Месяцем раньше, 19 марта 1939 г., французский посол в Берлине г-н Кулондр в своей заслуживающей внимания памятной записке министру иностранных дел Боннэ также подвел итоги операции, совершенной гитлеровскими чудовищами за несколько часов без единого пушечного выстрела. Эта записка была опубликована в Желтой книге под номером 80.

Вы просите меня, господин председатель, не цитировать документы Желтой книги. Но ведь я имею право черпать свои доводы из официальных публикаций правительства. Не потому ли вы хотите запретить мне цитировать документы Желтой книги, что они также являются обвинительными актами против политики г-на Даладье и его министра иностранных дел г-на Боннэ?

Я требую, чтобы мне дали возможность защищаться по своему усмотрению, как умею. Я считаю Желтую книгу важным документом, который необходимо приобщить к нашему делу. Я буду пользоваться этой книгой. Итак, слушайте!

Г-н Кулондр писал:

«На следующий же день после Мюнхенской конференции стало ясно, что по ту сторону Рейна подписанные соглашения были истолкованы как означающие свободу действия Германии в Центральной и Восточной Европе и, следовательно, относительную незаинтересованность западных держав в этих районах. В Германии эти соглашения истолко-

вали — или сделали вид, что истолковали — так, что в Мюнхене Франция и Англия хотели всего лишь помешать применению силы, а в остальном примирились с неизбежностью преобладания германской воли в тех зонах, где ни Париж, ни Лондон не имели никаких позиций для действительного вмешательства.

Мюнхенские соглашения, дополненные англо-германской декларацией и франко-германской декларацией*, означали, в немецком понимании, право Германии организовать на свой манер Центральную и Юго-Восточную Европу при молчаливом согласии или, по меньшей мере, терпимом отношении со стороны великих западных держав. Это толкование ежедневно в течение месяцев распространялось крупными немецкими ежедневными газетами, являющимися рупором официальных кругов, что неоднократно отмечалось в донесениях посольства».

Далее Кулондр показывает, что в результате оккупаций военный потенциал Германии возрастает в огромной степени:

«Новая перекройка карты Европы в пользу Германии приведет к значительному увеличению если не действующих вооруженных сил, то по крайней мере военного потенциала Германии. Германия, все валютные ресурсы которой были полностью исчерпаны, захватила большую часть золотой и валютной наличности Чешского эмиссионного банка. Захваченная сумма является ценным подспорьем для страны, которая была почти полностью лишена международных платежных средств.

Еще большее значение имеет огромное количество военных материалов превосходного качества, которые переходят в руки немцев вместе с заводами Шкода. Эти предприятия,

---

* Как англо-германская декларация, подписанная 30 сентября, так и франко-германская, подписанная 6 декабря 1938 г., фактически представляли собой пакты о ненападении, подписанные Англией и Францией с Гитлером. «В этих соглашениях с гитлеровской Германией, — говорится в Исторической справке Совинформбюро («Фальсификаторы истории»), — совершенно ясно обнаруживается стремление английского и французского правительств отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчете, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии на Восток, в направлении Советского Союза». — *Прим. ред.*

пользующиеся мировой известностью, снабжали не только Чехословакию, но и Румынию и Югославию, военные возможности которых в силу этого факта будут серьезно урезаны. Напомню также, что заводы Шкода производят для нас авиационные моторы.

Обладая заводами Круппа и предприятиями Шкода, Германия как поставщик военных материалов оказывается в наиболее благоприятном положении в отношении снабжения Восточной и Юго-Восточной Европы. Она получает, таким образом, высоко эффективное средство давления на политику и контроль над вооружениями, а также возможность обеспечить себе благодаря продаже оружия за границей поступление очень значительного количества валюты».

Далее Кулондр рассматривает проблемы продовольственного снабжения и рабочей силы. Он пишет:

«Захват Богемии и Моравии — это первый акт территориальной агрессии, который не повлек за собой продовольственных затруднений для Германии. Наоборот, он весьма чувствительно улучшает продовольственное снабжение Германии не только благодаря относительному плодородию Богемии и Моравии, но и, главным образом, в силу того, что отныне Германия находится у самых ворот венгерских и румынских закромов. С другой стороны, руководители германского хозяйства будут иметь теперь в своем распоряжении значительные резервы рабочей силы. Большие работы, предпринимаемые ради достижения автаркии, и безудержное вооружение требовали рабочей силы, превосходящей возможности Германии. Немецкой промышленности и сельскому хозяйству не хватало 1,5 млн. рабочих.

При таких условиях без увеличения резервов рабочей силы вряд ли Германия смогла бы в случае всеобщей мобилизации удовлетворить возросшие нужды и восполнить пробелы, которые образовались бы в результате призывов в армию. Чехи, считающиеся недостойными несения военной службы, дадут 3 млн. рабочих, которые понадобятся немцам в случае всеобщей мобилизации.

Наконец, — и это главное, — стратегическое положение Германии значительно улучшилось. Изломанную линию границы протяжением в несколько сот километров, отделявшую Чехословакию от Германии, заменила гораздо более короткая,

легко обороняемая линия, связывающая Австрию с Силезией. Германия, таким образом, сэкономит несколько дивизий, которые в случае войны должны были бы охранять чешскую границу.

Кроме того, богемское плато и Моравия являются превосходной базой, в особенности для авиации, радиус действия которой простирается отныне на большую часть Балкан, не говоря уже о Венгрии и Польше. Чехословакия становится основной базой военно-воздушного флота, констатирует наш посол. Первым актом немецких военных властей после оккупации чешских провинций явилось превращение Вены в базу нового военно-воздушного флота, четвертого (юго-восточного), сформированного из частей, расположенных в Австрии, Судетах, Богемии и Моравии. Создание этого четвертого флота, указывают немецкие газеты, обеспечивает увеличение мощи германских военно-воздушных сил, превосходящее все предположения».

Далее г-н Кулондр добавляет:

«Присоединить к Германии без боя и без всяких неприятностей, если не считать нескольких протестов, 10 млн. людей, потрясти до основания структуру Европы, выковать такую военную машину, которая неоднократно и при решающих обстоятельствах заставляла Европу подчиняться требованиям немцев,— это поистине такой результат, который может вскружить головы самым уравновешенным людям. Однако ни одна операция не протекала так легко, как только что совершенная, после которой Гитлер въехал в Градчаны*. Как же Гитлеру не вообразить, что ничто не может устоять перед его волей? Как же ему не попытаться использовать бесспорное воздушное превосходство, которого добилась Германия? Возможно, что завтра Германия применит в отношении Румынии или Польши метод, который оказался столь успешным в отношении Австрии и Чехословакии, и что он поставит эти страны перед альтернативой: либо истребление гражданского населения и разрушение открытых городов, либо принятие германских условий, сколь бы ни были они тягостны и унижительны. Однако нельзя также исключить возможности, что Германия повернется против западных

---

* Один из районов Праги.— *Прим. ред.*

держав прежде чем завершит осуществление своих обширных планов на Востоке».

Пугающий в своей точности, беспощадный в своем анализе Кулондр подчеркивал чрезвычайную серьезность положения и опасность фашистской агрессии. Но то, о чем Кулондр говорил конфиденциально в своих дипломатических донесениях, мы в полный голос говорили французскому народу. И мы гордимся этим. Существовала ли еще в то время возможность спасти мир и избавить человечество от ужасов войны? Несомненно, если бы Лондон и Париж опирались на Советский Союз.

Между тем Советский Союз, гарант безопасности Чехословакии, не был — позорный факт! — ни запрошен, ни предупрежден. Лондон и Париж цинично исключили Советский Союз из европейского концерта и решили, не испросив даже его мнения, судьбу страны, историческим другом которой он был. Главы государств Франции и Англии оправдывались тем, что они якобы обеспечили мир целому поколению.

Мы, коммунисты, и, в частности, секретарь нашей партии Морис Торез отвечали им, что это гнусная ложь, что Мюнхен — это война. Мы оказались правы.

Фланден¹³³ посылал поздравительные телеграммы Гитлеру. Мы его разоблачали как предателя. И в этом отношении история доказала, что мы были правы, что наши предсказания оправдались. Однако ни Чемберлен, ни Боннэ не считались с нашими неоднократными предупреждениями. Они продолжали укреплять свой реакционный заговор с Гитлером и Риббентропом.

Неистовая ненависть крупных капиталистов к Советскому Союзу

Крупной буржуазией руководила не забота о защите национальных интересов, а ненависть к коммунизму, к Советскому Союзу. Гитлер был для нее своим человеком. Подчиненная ей пресса бурно выражала свое удовлетворение по поводу заключения антикоминтерновского пакта, она приветствовала образование треугольника Рим — Берлин — Токио, полагая, что стальные углы этого треугольника вонзятся

в тело народов СССР и сломят наиболее активные силы демократии во всем мире. Что касается Великобритании, то в ее линии поведения в отношении Германии первоначально сказывалось определенное стремление ослабить мощь Франции, ставшей после 1918 года более развитой в индустриальном отношении страной, стремление играть свою традиционную роль арбитра и сохранять свою гегемонию в Европе на основе излюбленной системы так называемого европейского равновесия.

Что касается общности позиций Франции и Великобритании, несмотря на их соперничество, общности, ярким выражением которой явились ремилитаризация Рейнской области и англо-германское морское соглашение, то она диктовалась их стремлением благоприятствовать нацизму, чтобы побудить его выполнять роль бронированного кулака реакции, направленного против социализма, и, в особенности, пламенным желанием направить экспансию Германии на Восток.

Циничные признания Боннэ

Мы находим в той же Желтой книге многочисленные высказывания господ Кулондра и Жоржа Боннэ, которые свидетельствуют о правильности нашей оценки событий. Мы обращаем внимание г-на председателя и господ судей на циничное признание, содержащееся в записи беседы министра иностранных дел Жоржа Боннэ с германским послом в Париже графом Вельчеком 1 июля 1939 г.

В этой записи, опубликованной в Желтой книге под номером 149, Жорж Боннэ пишет текстуально следующее:

«Если после заключения мюнхенских соглашений Франция ставила перед собой задачу серьезного сотрудничества с Германией, то она соглашалась также с мыслью, что некоторые страны Центральной Европы могут, в силу своего географического положения, поддерживать с Германией более широкие экономические связи нежели с Францией».

Свобода рук для Германии

Однако Мюнхенское соглашение имело не только эту экономическую сторону: оно предоставляло Германии свободу действий на востоке Европы. Г-н Кулондр указывает на это

в своем письме Бонне от 15 декабря 1938 г., опубликованном под номером 33 в Желтой книге.

Ручаясь за искренность Германии, которая, по его мнению, хочет соблюдать территориальный статус-кво и навсегда покончить с вековой распрей между двумя странами (Францией и Германией), г-н Кулондр утверждает, что «стремление Третьей империи к экспансии на восток представляется столь же несомненным, как и ее отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на западе. Первое является следствием второго».

Г-н Кулондр поясняет:

«Первая часть программы Гитлера — включение в рамки Германии немецкого населения, проживающего за границей, — полностью выполнена. Теперь бьет час расширения «жизненного пространства».

Далее он в следующих словах излагает нацистский замысел:

«Стать хозяевами Центральной Европы, превратив Чехословакию и Венгрию в вассалов, затем создать великую Украину под гегемонией Германии».

Для этого, добавляет Кулондр, «нужно будет покорить Румынию, договориться с Польшей и отторгнуть у СССР часть его территории».

«Однако, — подчеркивает французский посол, — немецкий динамизм не останавливается перед этими затруднениями, и в военных кругах уже поговаривают о кавалерийском пробеге до самого Кавказа и Баку».

С марта по сентябрь 1939 года этот немецкий «динамизм» проявлялся во всей его силе. Первым его проявлением был окончательный захват Чехословакии.

Советские предложения

Г-н Кулондр в уже цитированной нами записке от 19 марта 1939 г. перечисляет катастрофические последствия этого трагического события.

Между тем еще можно было изменить это тревожное положение, если бы европейские правительства вовремя спохватились и согласились с точкой зрения Советского Союза.

Советский Союз внес четкие предложения о том, как обуздать агрессора. Если бы правительства Лондона и Парижа приняли эти предложения, то лицо мира изменилось бы и гитлеровская Германия была бы вынуждена отступить. Но, к несчастью, они отвергли все эти предложения.

20 марта СССР предложил немедленный созыв совещания Франции, Великобритании и Советского Союза с участием Польши, Румынии и Турции. Это предложение натолкнулось на иронический отказ Чемберлена. Катастрофические последствия этого отказа для Франции, Великобритании и демократических стран не заставили себя ждать: Румыния подписала экономическое соглашение с Германией, которая смогла, таким образом, получать по сходной цене пшеницу и нефть.

В июне 1939 года СССР предложил заключить пакт о помощи балтийским странам и предоставить гарантии без ограничений всем государствам, которые могут подвергнуться нападению. Это предложение было также отвергнуто. После этого Лондон и Париж, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, разыгрывали комедию посылки в Москву военных миссий без каких-либо определенных полномочий, миссий, которые вели там нескончаемые переговоры о заключении франко-англо-советского пакта о взаимопомощи...

Утверждения журнала „Иллюстрасьон“¹³⁴ .

Журнал «Иллюстрасьон» 21 октября 1939 г. также признал ответственность Польши. Он писал:

«В том, что возникло затруднение, виновата сама Польша, так как она ни под каким видом не соглашалась пропустить на свою территорию Красную Армию».

Между тем Польша в это время была союзницей Франции. Она имела гарантию Великобритании. Мы хотим обратить ваше внимание на то, что в противовес своим действиям в отношении Чехословакии в 1938 году во время мюнхенских переговоров как французское, так и британское правительства не оказывали никакого давления на польское правительство, чтобы побудить его принять советские предложения...

Поведение правительства Лондона, Парижа и Варшавы в значительной мере способствовало росту гитлеровской наглости. Одно за другим последовали: захват Мемеля, ремилиитаризация и изменение статута Данцига.

Наш долг как французов, граждан и депутатов заключался в том, чтобы разоблачить эту гибельную политику. Правительство Даладе пыталось помешать нам выполнить свой долг. Ему это не удалось, несмотря на незаконное применение репрессивных мер. И чтобы положить конец нашей деятельности, вопреки конституционным законам, оно запретило Французскую коммунистическую партию и бросило в тюрьмы ее наиболее активных и преданных членов.

Дипломатические предостережения

А между тем именно мы, коммунисты, были правы, предлагая проводить политику коллективной безопасности, поддерживая советские предложения, которые вполне соответствовали интересам Франции. Справедливость того, что мы публично заявляли на наших съездах, на наших конференциях, на наших митингах, с трибуны парламента, подтверждается повторными предостережениями и настойчивыми призывами французских послов.

В самом деле, во время англо-франко-советских переговоров 1 июня 1939 г. они писали: «В случае заключения соглашения Гитлер отступит»; 13 июня они повторяли: «Риббентроп уступит»; они советовали: «Надо ускорить заключение соглашения»; они настаивали: «Нужно ускорить переговоры»; они возвращались к этому вопросу 13 августа, говоря: «Нужно спешить»...

Я опять-таки пользуюсь Желтой книгой. Вы мне скажете, господин председатель трибунала: «Довольно Желтой книги». Я вам отвечаю:

— Если бы правительство разрешило нам просматривать газеты, мы использовали бы их, но вы знаете, что с нами обращались как с уголовниками, бандитами, мы были изолированы в своих камерах и полностью отрезаны от внешнего мира. Нам удалось заполучить один только документ. Это — Желтая книга, которую послала нам канцелярия палаты депутатов, не зная, вне всякого сомнения, о прави-

тельствующих директивах, и которую начальник тюрьмы Санте, введенный в заблуждение официальным характером посылки, передал нам.

Это единственный источник (помимо «Журналь офиссьель», единственной газеты, разрешенной в тюрьмах администрацией исправительных заведений, и журнала «Иллюстрасьон», внесенного в список изданий, разрешенных подсудимым и осужденным), из которого мы могли черпать материалы для подготовки к своей защите. Если вдобавок к принятому вами решению о слушании дела при закрытых дверях вы теперь запретите нам пользоваться официальными документами, то уж лучше немедленно прекратить судебное разбирательство и вынести обвинительный приговор, на что вы, вне всякого сомнения, получили полномочия.

Я вижу, что вы делаете жест, который я расцениваю как жест отрицания.

Свидетельства Желтой книги

Итак, я продолжаю приводить доказательства. Слушайте, господа члены трибунала.

В Желтой книге более 20 раз — я подсчитал — утверждается то, что мы никогда не переставали подчеркивать, а именно, что Гитлер вынужден был бы отступить, если бы Великобритания и Франция пришли к соглашению с Советским Союзом.

1 июня 1939 г. Кулондр писал Боннэ (я цитирую документ № 132):

«В германском министерстве иностранных дел преобладает мнение, что если Польша не пойдет на уступки, то решение Гитлера будет зависеть от подписания англо-русского соглашения. Полагают, что он пойдет на риск войны, если ему не придется бороться с Россией... Не исключается возможность, что в случае, если англо-русские переговоры затянутся, в ближайшие недели будут совершены насильственные действия в отношении Данцига».

Документы показывают, что французские и английские правители саботировали эти переговоры.

В том же письме Кулондр указывал на необходимость

быстрого завершения переговоров. Он считал, что в августе кризис достигнет кульминационной точки, и подчеркивал, что время, которое уходит на ведение нынешних переговоров, является особо опасным. Он добавляет (что очень важно заметить): «Мой британский коллега, который, подобно мне, считает эти сведения очень серьезными, сказал мне, что он сообщил их в Лондон, настаивая, чтобы заключение англо-франко-русского соглашения было елико возможно ускорено. Я ему указал, что мы со своей стороны не пренебрегаем никакими усилиями ради достижения этого результата в кратчайший срок». Однако в Лондоне и Париже делалось нечто прямо противоположное.

Кулондр возвращается к этому вопросу в другом письме, от 13 июня 1939 г., опубликованном в Желтой книге под номером 135. Он настаивает на необходимости для западных держав «ускорить переговоры, завершения которых в Берлине явно бояться». Он проповедовал в пустыне, он говорил с глухими, вернее, с людьми, прикидывавшимися глухими.

Прошел месяц. Правители Лондона и Парижа продолжали саботировать англо-франко-советские переговоры. В письме, опубликованном в Желтой книге под номером 194, Кулондр пишет Боннэ, что для предотвращения страшной опасности гитлеровского нападения на Польшу он считает необходимым:

«1. Сохранять абсолютную твердость и полное единство фронта, поскольку всякое колебание, даже видимость колебания, открывает путь к войне; всякий раз, когда представляется случай, настаивать на целесообразности оказания военной помощи автоматически.

2. Сохранять военные силы союзников, и в частности французские, на уровне военных сил Германии, которые непрерывно растут. Нужно, чтобы не создавалось ложного впечатления, будто мы уступаем.

3. Максимально ускорить заключение соглашения с Советским Союзом. Я не перестану повторять, что это для Германии важный психологический фактор».

И на этот раз эти предостерегающие замечания не были приняты во внимание.

Наконец, 18 августа, согласно документу № 199 Желтой книги, г-н Кулондр восклицает: «Следовало бы любой ценой

поскорее добиться успешного завершения переговоров с русскими. С разных сторон до меня доходят сведения о том, что в настоящее время именно военные наиболее решительно побуждают канцлера к войне против Польши. Наиболее действенным средством обуздания их явилось бы заключение соглашения с русскими».

Упорство Лондона и Парижа

Однако Лондон и Париж оставались глухими. Они преступно продолжали упорствовать. Они саботировали образование фронта мира в надежде втянуть Германию в войну против СССР, желая видеть СССР побежденным.

Циничные признания этого факта мы находим в английской Белой книге, в которой говорится о переговорах Гендерсона с Гитлером, и в заявлении Шотана в сенате 19 января 1940 г. Последний дошел до того, что со злорадством предвкушал поражение России, так как, говорил он, «Красная Армия находится в жалком состоянии».

Мы разоблачали антисоветские действия наших правителей, ибо они не только совершенно сознательно игнорировали франко-советский пакт, на котором стояли их подписи, но, кроме того, умышленно и систематически саботировали его *. Мы обвиняем французское правительство в том, что, саботируя франко-советский пакт, оно ввергло Францию в военную катастрофу. Соблюдение французским правительством статей франко-советского пакта гарантировало бы безопасность Франции, сохранило бы ее независимость, обеспечило и облегчило бы свободное развитие нашей страны среди западных держав, именно Великобритании, Германии, Италии, Испании. Оно гарантировало бы мир.

Мнение Анри де Кериллиса

Об этом заявил с одобрения цензуры в своей газете «Эпок» 25 февраля 1940 г. г-н де Кериллис, которого нельзя заподозрить в приверженности коммунизму. Он писал:

«В действительности — и это будет поражать будущего

---

* Имеется в виду франко-советский пакт о взаимопомощи, подписанный 2 мая 1935 г.— *Прим. ред.*

историка,— в то время когда во Франции, в стране, связанной с Россией пактом (который наши послы единодушно рассматривают как единственный инструмент, способный спасти мир), газеты неистощимы в иронических и даже оскорбительных оценках сил Красной Армии, немецкие военные газеты воздают ей должное. Тщетно мы пытались в «Эпок» обратить внимание официальных кругов на опасность подобного парадоксального положения. Эти круги вправе были отвергнуть идею союза с русскими. Такое мнение можно было бы даже обосновать. Но нельзя допускать того, чтобы дипломатические усилия нашей страны были направлены в сторону заключения такого союза в согласии с Англией и чтобы в то же время в печати велась кампания за срыв этих усилий и за поддержку немецких планов».

Увы, как это ни поразительно, но это факт, занесенный в анналы истории. Французское правительство положило франко-советский пакт под сукно, считало его мертвой буквой, недействительным.

И это понятно, ибо в своей политике правительство ориентировалось на четырехсторонний блок Франции, Великобритании, Германии и Италии против Советского Союза, блок, считавшийся крупной буржуазией, трестовиками необходимым для сохранения капиталистического строя и разгрома прогрессивного движения во всем мире.

Франко-германская декларация

Я ничего не измышляю. Я лишь констатирую то, что является печальной действительностью, то, что позволило Риббентропу на следующий же день после подписания франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г. подчеркнуть «постоянную солидарность, объединяющую одновременно, с одной стороны, Германию и Италию и, с другой, Францию и Англию, и согласование отношений этих четырех держав, которое на деле может быть доведено до организации сотрудничества двух осей». Согласие относительно распределения обязанностей и сфер влияния было настолько полным, что Жорж Бонне счел необходимым дать подробные объяснения по этому поводу в письме, отправленном всем дипломатическим представителям Франции за границей.

Однако в тот самый момент, когда гитлеровская «Третья империя» должна была решиться выполнить роль, которая была на нее возложена в Мюнхене, роль бронированного кулака, направленного против СССР, когда она должна была бросить стране социализма вызов и двинуть свои дивизии в сторону Украины — за хлебом, углем, рудой, — она обнаружила колебания.

Она обнаружила колебания по двум основным причинам. Она учитывала: 1) могущество СССР; 2) опасности, с которыми ей придется столкнуться в этой «загадочной» стране. Относительно этих двух пунктов мы процитируем мнение подполковника Клейна, отзывы генералов Кейтеля и Браухича, донесения г-на Кулондра.

Мнение подполковника Клейна

Клеветники забыли мнение немецкого подполковника Клейна, высказанное после заключения Раппальского договора 1922 года¹³⁵ и цитировавшееся де Кериллисом в газете «Эпок» 26 февраля 1940 г.

«В данный момент, — говорил подполковник Клейн, — русской армии не существует и, может быть, еще долгое время она не будет существовать. Однако военная мощь измеряется не только числом, качеством, силой и вооружением воинских частей. Она складывается из географических, стратегических и экономических факторов в единое целое, которое зависит также от численности населения и обширности территории. Страна, численность населения которой втрое превосходит численность нашего, потенциальные ресурсы которой беспредельны, страна, которая простирается от Балтики до Тихого океана и от Черного моря до Северного Ледовитого океана, будет играть в будущей мировой войне важнейшую роль.

Тот, кто будет действовать против нее, натолкнется на трудно преодолимые препятствия. Кто будет с ней — до бесконечности расширит свое поле действий и свои возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы в будущих реваншистских войнах СССР был нашим союзни-

ком. Если он не будет нашим союзником, то, прежде чем свести счеты с Францией, мы должны победить его, что потребует длительных и дорогостоящих усилий».

Легко понять, что то, что было верно в период Раппало, тем более было верно в 1939 году ввиду усиления промышленного и сельскохозяйственного могущества СССР.

Нужно было, как говорил Кулондр, во что бы то ни стало принять советские предложения. Тем не менее, они были отвергнуты. Играли на руку Гитлеру. И в самом деле, немецкие генералы впадали в явный пессимизм, когда вглядывались в перспективу франко-англо-советского соглашения.

Посол Кулондр изложил их взгляды в письме Бонне 1 июня 1939 г., воспроизведенном в Желтой книге под номером 132.

Взгляды генералов Кейтеля и Браухича

На вопрос «фюрера» — обернется ли мировая война при нынешних условиях в пользу Германии — начальник генерального штаба генерал Кейтель и главнокомандующий сухопутной армией генерал Браухич заявили, что на этот вопрос можно ответить в зависимости от того, останется или нет Россия вне конфликта.

«В первом случае генерал Кейтель ответил «да», а генерал Браухич ответил «вероятно». И тот и другой заявили, что в случае, если Германии придется бороться с Россией, у нее будет мало шансов выиграть войну».

Итак, существовала возможность зажать гитлеровскую Германию в стальных тисках и вынудить ее уступить. Это с очевидностью явствует из всех официальных документов.

Чемберлен и Даладье этого не пожелали, ибо они хотели договориться с Гитлером за счет Советского Союза. Следовательно, именно достойное осуждения поведение этих двух государственных деятелей вынудило Советское правительство подписать советско-германский пакт о ненападении.

Поскольку Чемберлен и Даладье отвергли все предложения Советского правительства, все его предупреждения и призывы, отказались от его помощи Польше, отвергли предложенные им гарантийные пакты, у СССР оставалась

единственная возможность обеспечить безопасность своих западных границ — заключить советско-германский пакт о ненападении.

От нас требовали осуждения этого дипломатического акта. От нас требовали выражения согласия с тезисом правительства Даладье. Мы отказались подчиниться этому позорному требованию. Мы имеем право анализировать и судить о советско-германском пакте о ненападении, как о любом другом пакте, заключенном между различными государствами; мы имеем право иметь свое суждение об этом пакте и выражать свое суждение, как мы выражали свое суждение о мюнхенском диктате и германо-польском пакте, подписанном Бекком¹³⁶ и Гитлером.

Разве от французских депутатов требовали осуждения англо-германского морского соглашения? Нет, не правда ли? Разве от французских депутатов требовали осуждения президента США, когда он провозгласил нейтралитет своей страны? Нет, не правда ли? Мы анализировали и объясняли советско-германский пакт о ненападении строго объективным образом. От нас требовали не выражения наших антигитлеровских и антифашистских убеждений, а антисоветской декларации. Но мы категорически отказались присоединить свой голос к антисоветским воплям правительства, парламента и продажной печати.

Мы не только не изменили Франции, мы ее защищали, ибо мы предусматривали единственно правильную политику, способную обеспечить спасение родины, ибо мы громко заявляли, что долг подлинно французского правительства заключался в том, чтобы проводить политику франко-советской дружбы, быстрого сближения с СССР, серьезных, честных переговоров с Советским правительством через посредство лучших наших полномочных представителей.

Нам ответили кампанией жестоких репрессий. Советско-германский пакт о ненападении был использован правительством Даладье как предлог для преследований коммунистов, как повод для изгнания из французской политической жизни Французской коммунистической партии, партия, имеющей 300 тыс. членов и поддерживаемой 1½ млн. избирателей.

Мы повторяем: мы имели неотъемлемое, неоспоримое право выразить наше мнение об этом пакте так же, как мы

выражали свое мнение об англо-германском пакте, об англо-итальянском соглашении, о скандинавских и голландско-бельгийских конференциях и франко-англо-турецких и балканских переговорах.

Признания Боннэ

Мы находим, опять-таки в Желтой книге (документ № 149), неопровержимые доказательства правильности наших утверждений.

В самом деле, советско-германский пакт о ненападении был лишь предлогом, поводом, зацепкой, ибо решение о преследовании коммунистов было принято еще в июле месяце, за шесть недель до подписания этого пакта.

Г-н Боннэ признается в этом в своей записке от 1 июля 1940 г.

«Я, наконец, указал послу на то, что он может отметить во Франции единодушие общественного мнения в поддержке правительства. Выборы будут отсрочены, публичные собрания запрещены, всякие попытки какой бы то ни было иностранной пропаганды будут подавляться, коммунисты будут образумлены».

Таким образом, еще 1 июля, т. е. почти за два месяца до подписания советско-германского пакта о ненападении, французское правительство заявляло в официальной записке, что его политика заключалась в уничтожении республиканских свобод и «обуздании» коммунистов. Это признание, не оставляющее камня на камне от обвинительного акта, в то же время проливает яркий свет на антидемократический сговор парижских и берлинских правителей: борьба против коммунизма, борьба против большевизма, а в действительности борьба против демократии, против народа.

Вот при каких условиях Европа шла к войне и каким образом вчерашние сообщники — чемберлены и даладье, гитлеры и муссолини — столкнулись лицом к лицу как соперники. Они уподобились неумелым колдунам, неспособным совладать с дьявольскими силами, которые они развязали своими собственными руками.

Для того чтобы здраво судить о положении в августе — сентябре 1939 года, не следует забывать об ответственности

Лондона и Парижа. Не следует также забывать, что Лондон и Париж всеми средствами поддерживали нацизм, окрепший на бесконечных франко-английских уступках гитлеровскому режиму.

Гигантская гитлеровская военная машина могла быть построена лишь при помощи магнатов международного финансового капитала. И если, в конце концов, завязалась вооруженная борьба за обладание рынками сбыта, за источники сырья, за новый передел мира, за господство в Европе, за мировое господство, то только в результате политики постоянной помощи германским реакционным силам, в результате политики постоянной вражды к СССР.

Плачевное состояние Польши

Лондонские и парижские правители в сентябре 1939 года заявили, что они придут на помощь Польше, будут защищать ее территориальную целостность и ее национальную независимость. Однако всякий мало-мальски осведомленный человек знал, что без участия СССР невозможно было защищать Польшу. В действительности — и это неоспоримый факт — Польша, с одобрения Лондона и Парижа, отклонила советскую помощь...

Сообщница Гитлера, Польша Бека, не имела никаких средств защиты против Германии. Она должна была стать ее добычей, попасть в ее когти. Кроме того, Польшу раздирали внутренние противоречия, не разрешимые при режиме диктатуры реакции. Она была нежизнеспособной. Это была тюрьма народов, ибо польские помещики угнетали евреев, украинцев, белорусов и литовцев.

В военном отношении Польша была чрезвычайно слаба. Она не имела укреплений, направленных против Германии. Ее «ливия Мажино» была обращена против СССР. Она не имела сколько-нибудь значительной авиации и противовоздушной обороны. Захват Гитлером Чехословакии, Мемеля и Данцига завершил ее окружение германскими армиями. В моральном отношении Польша находилась в плачевном состоянии. Повсюду, в особенности в высших сферах, царили коррупция, бездарность, мошенничество и предательство.

Подтверждение де Кериллиса

Г-н де Кериллис подтвердил то, что мы говорим сегодня и что мы говорили в сентябре прошлого года.

«Во время германо-польской войны,— писал де Кериллис в газете «Эпок»,— вскрылась чудовищная система германского шпионажа. Газеты в то время приводили ошеломляющие сведения, остававшиеся незамеченными среди вздорных новостей, которые в ту пору циркулировали по Европе и потрясали ее. Между тем теперь уже доказано, что в результате организации шпионажа, тщательно подготовленной еще в мирное время, несчастные поляки были преданы так, как не был предан ни один народ в истории. Все решения, принимавшиеся министрами, все решения, принимавшиеся генеральным штабом, становились известными немцам через несколько часов. Когда войска получали приказы о передвижении или боевые приказы, немцы уже имели их. Когда одно из учреждений водворялось в каком-нибудь помещении Варшавы, то уже через три часа немецкий самолет бомбардировал его. Позднее, в зловещий момент эвакуации и отступления, враг был предупрежден об отправке специальных поездов и бомбардировал места назначения еще до прибытия туда этих поездов. Немецкая техника заключалась в сочетании попыток деморализации населения с собственно шпионской деятельностью».

При таких условиях крушение Польши было неизбежным. По причине ее внутренней и внешней слабости оно произошло в 15 дней. Ввиду этого быстрого и страшного разпада Советская Армия вступила на территории, которые в прошлом были советскими.

Когда мы в тот момент заявили, что советское решение было продиктовано заботой об обеспечении безопасности СССР, нас стали осыпать оскорблениями вся печать и политиканы всех партий, начиная от социалистической партии и кончая фашистами.

А между тем правда была на нашей стороне.

Когда Советский Союз провел в прибалтийских странах мероприятия, гарантирующие его безопасность, то это опять вызвало поток антисоветских и антикоммунистических проклятий.

А между тем советские мероприятия означали, что господству прибалтийских баронов положен конец и что вековые тевтонские мечты похоронены.

Признания „Иллюстрасьон“

Этот факт признал журнал «Иллюстрасьон». Вот что он писал 7 октября 1939 г.:

«Теперь русские приобретают очень сильную позицию на Балтике, контролируют как Финский залив, так и Рижскую бухту. Против какой же страны приняты эти меры предосторожности, как не против Германии?»

14 октября 1939 г. «Иллюстрасьон» возвращается к тому же вопросу:

«Отныне позиция России очень сильна, ибо она могла бы устоять против любой агрессии, которая исходила бы с этой стороны. Кто же, однако, всегда мечтал о захвате прибалтийских стран, как не Германия? В конечном счете, Россия приняла свои меры предосторожности единственно против экспансии германизма. Она закрыла ему путь на северо-восток так же, как, воссоединившись с Западной Украиной, она преградила ему путь на юго-восток».

«Иллюстрасьон» не подвергся преследованиям за эти справедливые утверждения. Между тем нас преследовали, арестовали, заключили в тюрьму за то, что мы говорили буквально то же самое.

21 октября «Иллюстрасьон» еще раз возвращается к этому вопросу. Журнал говорит о капитуляции Германии:

«Германия оказалась неожиданно и, вероятно, окончательно от вековой мечты, которая была особенно близка ее сердцу. Капитуляция Германии перед Советским Союзом является исключительным событием в истории».

В заключение «Иллюстрасьон» писал:

«Можно считать, что это является одним из серьезнейших поражений, которые потерпела Германия».

Мы видим, что когда коммунисты делают подобные заявления, то их преследуют. Мы видим также, что все, что сделано СССР для защиты своей территории, для ослабления гитлеровских позиций, является предметом враждебных ком-

ментариев со стороны наших правителей и их прислужников. Мы видим, наконец, что печать то и дело сыплет оскорбления по адресу СССР, но она всегда проявляет сдержанность в отношении гитлеровской Германии. Мы констатируем, с другой стороны, что правительственная печать лгала, когда приравнивала вступление Советской Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину к аннексии.

Советский Союз освободил территории, бывшие прежде советскими, которые были похищены у него Польшей Пилсудского. Он лишь восстановил этническую демаркационную линию, намеченную самим лордом Керзоном. «Иллюстрасьон» признает это в категорической форме. В номере от 21 ноября 1939 г. мы читаем:

«Менее чем в две недели Россия вернула себе почти все провинции, расположенные к востоку от пресловутой линии Керзона, который в 1919 году, 20 лет назад, пытался провести по возможности справедливую этническую демаркацию между Польшей и Советской Россией».

Если бы лондонские и парижские правители, Чемберлен и Даладье, не саботировали франко-англо-советские переговоры, надеясь договориться с Гитлером и организовав антисоветский крестовый поход, они могли бы способствовать спасению Европы путем обуздания фашистских сил. Они этого не захотели.

Следовательно, именно они несут тяжкую ответственность за то, что своей антисоветской политикой способствовали развязыванию войны. Мы клеймили это поведение как противоречащее интересам Франции. Это было нашим долгом. Мы гордимся тем, что выполнили свой долг.

Предложения коммунистов

Однако мы не ограничивались критикой, мы делали конструктивные предложения, в частности в письме председателю палаты депутатов Эдуарду Эррио, которое мы послали ему по поручению депутатов-коммунистов 1 октября 1939 г.

Для того чтобы правильно понять мотивы, в силу которых мы написали это письмо, его нужно рассматривать на фоне того положения, которое создалось в результате

быстро, катастрофического крушения Польши Бека, т. е. Польши прислужников Гитлера.

Через месяц после начала военных действий мы заявляли, что еще есть возможность изменить положение и найти благоприятный с точки зрения интересов Франции выход при условии, если обратиться за помощью к нашему естественному союзнику — Советскому Союзу.

Мы говорили, что нужно испробовать все средства, чтобы избавить нашу страну от катастрофических последствий войны, которая, по нашим предположениям, должна была быть длительной и жестокой, и что еще не поздно добиваться в тесном сотрудничестве с Советским Союзом заключения справедливого и длительного мира. Мы говорили, что война приведет Францию к нищете и одичанию, к опустошениям и разрухе. Разве говорить это означало совершать преступление? Нет, ибо государственные деятели, которые возбудили против нас антиконституционные преследования и приняли против нас незаконные меры, в свою очередь высказывали такие же соображения.

В нашем письме звучал голос разума. Да, мир был еще возможен в сентябре 1939 года после крушения Польши; он соответствовал подлинным интересам народов, ибо означал выход из пропасти, вырытой в результате зловерной деятельности дипломатии, систематических нападков на СССР, отказа от единственно правильной политики — политики коллективной безопасности.

Правители и продажная печать пытались подавить наш голос. Они открыли заградительный огонь против того, что они называли «мирным наступлением».

Ваш решительный ответ на лживые заявления правительства

Они всюду твердили, что ведут войну против фашизма. Мы им отвечали: «Вы не ведете войны против фашизма, ибо вы саботируете единство, необходимое для победоносной борьбы с фашизмом, ибо вы отворачиваетесь от демократических стран, которые были нашими союзниками, ибо вы

поддерживаете преступные деяния фашизма». И мы были правы.

Они даже утверждали, что ведут войну за демократию. Мы отвечали, что это ложь, ибо они нарушали демократическую конституцию, они правили при помощи декретов, они отменили всякий подлинный парламентский контроль, они лишили граждан их традиционных прав, они приказали лишить депутатов-коммунистов парламентской неприкосновенности, производили незаконные аресты, повсюду насаждали фашистские нравы и методы. И мы были правы.

Они, наконец, утверждали, что ведут войну за свободу. Мы отвечали, что это ложь. Еще до объявления войны Даладье запретил газету «Юманите», запретил Французскую коммунистическую партию и приказал конфисковать ее имущество. Неистовствуя в разрушении, он поставил вне закона рабочие, крестьянские, ремесленные, профессиональные и культурные организации; он обрушился на все, что было создано трудящимися Франции в течение многих лет настойчивых усилий.

Он восстановил систему королевских приказов о заточении без суда и следствия, заключив в тюрьму тысячи и тысячи французских граждан и создав концентрационные лагеря.

Он возбудил преследования против депутатов-коммунистов и заключил их в тюрьму в нарушение 13-й статьи конституции, которая гласит: «Ни один из членов той или другой палаты не может быть предан следствию или суду за его убеждения, высказанные им при исполнении депутатских обязанностей, или за голосование».

Он растоптал ногами основные установления Третьей республики: представительную систему, всеобщее избирательное право, суверенитет народа. Он разорвал Декларацию прав человека и гражданина и установил режим законов о «подозрительных».

Антидемократический, антиреспубликанский, антинародный характер политики правительства до такой степени оскорблял совесть французского народа, что даже со скамей умеренных депутатов раздавались резкие протесты. А ведь никого из этих депутатов не преследовали, не арестовывали и не предавали суду военного трибунала. Стало быть, во

Франции существует два подхода, две мерки. Если бы во Франции еще существовало правосудие, то давно уже мы были бы освобождены и восстановлены во всех наших гражданских и депутатских правах.

Война не против Гитлера, а против французского народа

Итак, — это могут констатировать все — правительство Даладье ведет войну не с Гитлером. Оно ведет войну с французским народом, заключает в тюрьму его избранников — коммунистических депутатов, подвергая их бесчеловечному обращению в камерах для уголовных преступников. Но оно оказывает поддержку и благосклонность кагулярам¹³⁷, которые были убийцами итальянских антифашистов, братьев Росселли; фашистским организаторам покушения на улице Пресбург, которое пытались, хотя и тщетно, приписать профсоюзным организациям рабочих; контрабандистам, ввозившим германское и итальянское оружие и боеприпасы, предназначенные для убийства французов; виновникам катастрофы в Вильжюйфе, организаторам вооруженных банд.

Что же происходит начиная с августа 1939 года? Мы видим, как проявляют терпимость и оказывают милости агентам Абеца, завсегдатаям салонов, заправилам черной металлургии, тяжелой промышленности, трестов и оружейных заводов, поставщикам армии, тем, от кого пахнет нефтью, фашистским шпионам, оплачиваемым Гитлером и Муссолини, — т. е. всем тем, кто говорит: «Пусть погибнет Франция, свобода, справедливость, лишь бы капитализм остался невредимым». Ничего не предпринято против гитлеровцев. против людей из комитета «Франция — Германия»¹³⁸. Они неприкосновенны.

Зато поднялся целый ураган лжи и клеветы на антифашистов и Советский Союз.

Как я уже говорил, де Кериллис отметил это в газете «Эпок» за 25 февраля 1940 г.

«Антисоветская и антифранцузская кампании, — пишет он, — не прекратились с объявлением войны. Наоборот, они усилились, и салонным предателям была предоставлена пол-

ная свобода. Между тем с первых же дней войны французский и английский генеральные штабы убедились, что новая техника, примененная в Польше, применялась также во Франции, что, впрочем, можно было предвидеть на основании некоторых данных разведки, добытых еще в мирное время. Об этом говорили также сведения об огромных средствах, предоставлявшихся в распоряжение гестапо, нацистской партии и германской армии, а также их заграничных агентов».

Кто же, однако, эти агенты? На этот вопрос де Кериллис отвечает так:

«Гитлер выбирал своих шпионов и шпиенок в самых высших слоях общества. Двумя наиболее характерными представителями германских шпионов были шпионка Бютнер и шпион Абец. Оба они посещали самые богатые салоны Парижа, посольства, министерства политических деятелей и были вхожи в официальные круги. Имея доступ к академикам, членам парламента, посетителям салонов, министрам, редакторам газет, Абец руководил работой сверху и руководил очень умело.

О фактах, которые я здесь описываю, говорят все французы — военные и невоенные, все они подтверждают их.

Однако парламент хочет игнорировать их, некоторые большие газеты хотят игнорировать их потому, что г-н Абец... потому, что Бютнер... потому, что Поль Фердоннэ... потому, что г-н Обэн... потому, что... потому, что...»

Правительство покровительствует предателям

Что же сделало правительство, чтобы уничтожить эту сеть предательства и шпионажа, которая оплела министерства, редакции, салоны, будуары и альковы? Что оно сделало, чтобы вывести на чистую воду предателей? Ничего, решительно ничего.

Эти люди продолжают слоняться по правительственным учреждениям в то время, как избранники народа подвергаются преследованиям.

И эту несправедливость, этот антидемократизм, это уничтожение наших свобод, этот скандальный режим покровительства агентам «пятой колонны» хотят прикрыть флагом родины!

Право нарушено, справедливость и свобода попораны. Родина растоптана и раздавлена под каблуком тирании, а культурное наследие, накопленное в течение веков поколениями французов и француженок, уничтожено и развеяно в прах.

И все красивые слова, все возвышенные лозунги наших внешних правителей предназначены лишь для того, чтобы прикрыть отвратительную действительность и обмануть французов.

Франция находится сегодня в трагическом положении, и нужно установить, кто же несет за это ответственность? Мы заявляем, что ответственность не может быть односторонней.

Ответственность за войну

Общую ответственность за войну несет капиталистический строй. Что касается частной ответственности, то ее несут одновременно Германия, Англия и Франция. Гитлер и его разбойники типа Геринга и Геббельса несут ответственность. Но существует также, заявляем мы, французская ответственность. Ее несут, как мы это установили, противники политики реального, длительного, справедливого мира, которую отстаивали коммунисты. Ее несут те, кто саботировал коллективную безопасность, те, кто предпочел катаклизм войны союзу с великой страной социализма, с Советским Союзом.

Необходимость франко-советского союза

Поэтому, когда мы заявляем, что можно было бы установить справедливый и длительный мир при условии заключения честного, прочного и равноправного союза между Францией и СССР, мы говорим в интересах Франции, как подлинных французские патриоты.

Франко-советский союз явился бы надежной, абсолютной гарантией французской независимости, ибо он позволил бы Франции не быть ни рабыней Гитлера, ни вассалом Чемберлена, или прислужницей Муссолини.

Союз со страной Советов был бы для Франции гарантией ее безопасности, ибо в лице страны социализма с ее обшир-

ной территорией, неисчислимыми богатствами земли и недр, ее гигантской социалистической промышленностью, огромным коллективизированным сельским хозяйством и морально-политическим единством ее свободных народов Франция могла иметь защитника плодотворного мирного труда.

Принимая во внимание все перечисленные факты, объективно проанализировав обстановку, подобно тому, как я и сделал это сейчас в своем обзоре международной политики, я счел своим долгом написать 1 октября 1939 г. председателю палаты депутатов г-ну Эррио письмо, которое положено в основу вашего обвинительного акта.

Письмо к Эррио

Это письмо — французское письмо, оно написано французским депутатом при законном и нормальном исполнении своих парламентских обязанностей. Я был надлежащим образом уполномочен написать его другими французскими депутатами, входящими в парламентскую группу, называющуюся «Французской рабоче-крестьянской группой».

Эта группа была сформирована в строгом соответствии с уставом палаты, согласно авторитетным заключениям квестуры, с тем чтобы мы имели возможность нормально выполнять свои обязанности и осуществлять свои полномочия.

В самом деле, не участвуя в парламентской группе, депутат не может быть представлен на еженедельном совещании председателей групп, которые происходят по четвергам и на которых составляется повестка дня заседаний следующей недели; он не может ни входить в большие комиссии, ни вносить поправки или требования о публичном голосовании.

Это письмо продиктовано патриотическими чувствами. Единственной его целью является защита подлинных интересов французского народа. Я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что это письмо было адресовано председателю палаты депутатов и что как таковое оно представляет собой по существу парламентский акт, имеющий целью осуществление парламентом одной из его самых высоких функций.

Я тем более имею право подчеркивать парламентский характер письма, что обвинительный акт, как это мы доказали, основан на умышленно совершенном подлоге, ибо подлинный текст письма был серьезно искажен. Всякий честный человек сочтет позорным тот факт, что оригинал письма, на основе которого было возбуждено преследование, только вчера был приобщен к делу трибунала.

Как и во времена дела Дрейфуса, все это отвратительное дело, ведущееся против нас, могло быть начато лишь на основе подлога и с совершением подлога

Приключение Задига и суда

Мне вспоминается приключение Задига *, которое можно сравнить с нашим делом.

Задиг прогуливался в саду с друзьями. Разговор шел о счастливом окончании войны, которую царь недавно вел против Гирканского князя. Задиг хвалил мужество царя. Он взял свою записную книжку и экспромтом написал четверостишие. Друзья его поздравляли. Но Задиг не был доволен своим сочинением. Он разорвал на две части листок, на котором были написаны стихи, и бросил обе половинки в розовый куст.

Один завистник был свидетелем этой сцены. Когда Задиг вернулся к себе домой, завистник, оставшись в саду, долго искал и наконец нашел кусок листка. Он прочел на нем самые страшные оскорбления против царя:

Коварством и изменой
На троне утвердился
Общественного мира
Единственный губитель

Изобличенный Задиг был брошен в тюрьму. Вскоре его осудили, естественно, не соизволив выслушать. Ему не разрешили говорить. Его стихи говорили против него. Он был приговорен к казни.

В то время, когда он готовился к смерти, попугай царя слетел со своего балкона и сел в саду Задига на розовый

---

* Задиг — герой повести Вольтера «Задиг, или судьба».

куст. С соседнего дерева ветром сорвало персик, и он упал в куст на листок из записной книжки. Листок прилип к персику, и птица унесла все вместе и бросила на колени царю.

Царь прочел слова, не имевшие никакого смысла. Ему показалось, что это окончание каких-то стихов. Он дал прочесть их царице. Последняя, помня то, что было написано на листке из записной книжки Зади́га, велела принести его. Сложили оба клочка, и они совершенно припились один к другому. Тогда прочли стихи в том виде, как их написал Зади́г:

Коварством и изменой крамола свирепела.

На троне утвердился царь, отстояв закон.

Общественного мира пора теперь приспела,

Единственный губитель душ наших — купидов

Царь убедился в несправедливости приговора, и Зади́г был освобожден.

Использование фальшивки

Дайте мне одну строку, написанную кем-либо, и я добьюсь его осуждения, говорили некогда.

По поручению своих политических друзей я написал письмо председателю палаты депутатов. Пресса опубликовала отдельные искаженные, изуродованные куски этого письма. Это письмо члена парламента было избрано правительством как предлог, чтобы бросить меня в камеру для уголовных преступников. Был вынесен приговор о лишении депутатских мандатов меня и моих товарищей, причем, как в случае с Зади́гом, нас не соизволили выслушать. Но Зади́г вышел из тюрьмы, окруженный еще большим уважением своих соотечественников. То же самое будет с нами — я в этом убежден — в один прекрасный день, ибо наше дело правое, ибо наше письмо выражало глубокие чувства и законные чаяния французского народа.

Долг

То, что мы отправили наше письмо, то, что мы распространяли его, не было ни преступлением, ни правонарушением; это было наше право, наш долг, долг членов парла-

мента, руководствующихся единственно заботой о защите интересов французского народа. Этот долг особенно остро сознавали мы, люди, принадлежащие к поколению участников войны 1914—1918 гг.

Немедленно после заключения коммунистов в тюрьму многие депутаты и журналисты под давлением общественного мнения подхватили наши предложения и начали кампанию в печати за открытие дискуссии на публичном заседании палаты депутатов. Ни одного из авторов этих предложений, ни одного из участников кампании в прессе, о которой я упомянул, не преследовали и даже не тревожили. Наши предложения были настолько правильны, в такой мере отвечали общественным чувствам, что сам Даладье был вынужден уступить и созвать на 30 ноября 1939 г. чрезвычайную сессию обеих палат.

Если, с другой стороны, вы прочтете отчет об обсуждении бюджета, вы заметите, что многие депутаты решительно протестовали против нарушения прерогатив депутатов, требовали осуществления парламентского контроля и называли позорным то, что правительство не созвало депутатов, мобилизованных в армию.

Правонарушение, которое нам вменяется в вину, не существует, следовательно, обвинение беспредметно. Мы просто-напросто осуществляли наши депутатские права, гарантированные нам конституцией республики.

Нарушение конституции

Последствия нарушения конституции республики следующие.

Нарушение принципа национального представительства, поскольку большая часть народа была незаконно лишена своего представительства в парламенте.

Без парламентского иммунитета нет свободы действий, нет гарантии независимости депутата, который в таком случае подвергается любому давлению и становится объектом всяких попыток подкупа. Без парламентского иммунитета депутат немедленно попадает в зависимость от исполнительной власти. Без парламентского иммунитета бесхарактерный

депутат впадает в низкопоклонство и угодничество. Парламент превращается в охвостье исполнительной власти.

Так, нынешняя палата, изгнавшая депутатов-коммунистов, не выслушав их, не может законодательствовать в соответствии с конституцией, ибо нация подверглась насилию, избиратель — осмеянию.

Ее законы не имеют силы, и, следовательно, французские граждане должны рассматриваться как свободные от обязанности подчиняться им, ибо перед ними узурпация, произвол, деспотизм.

Следовательно, начатое против нас судебное дело совершенно незаконно, его мотивы неприемлемы, ибо образование рабоче-крестьянской группы и отправка нашего письма находились в полном соответствии с конституцией республики, с регламентом и с обычаями палаты депутатов.

Против нас использовали заключение советско-германского пакта. Мы доказали, что это не более, чем жалкий предлог. В течение последних месяцев, пользуясь советско-финской войной, от нас требовали, чтобы мы осудили позицию Советского Союза в письменных заявлениях. Мы на это не пошли. Мы на это не пойдем.

Антисоветская провокация со стороны Финляндии

В течение двух месяцев — октября и ноября, — когда я находился на нелегальном положении в парижском районе (полиция не сумела привести в исполнение постановление о моем аресте), я имел возможность следить изо дня в день за различными фазами советско-финских переговоров. В самые последние дни, в дни суда, я прочел обстоятельный труд об этом конфликте.

Войну против Советского Союза развязала Финляндия своими враждебными актами, своими неоднократными провокациями.

Все факты показывают, что финляндское правительство действовало в интересах гитлеровской Германии, и, поистине, позорно то, что правительство Даладье и подчиненная ему печать, которые утверждали, что ведут войну за демократию

и против фашизма, немедленно встали на сторону финских фашистов, антидемократов и гитлеровцев.

Причиной конфликта явились концентрация регулярных финских войск на самой границе, под Ленинградом, что представляло собой не только угрозу Ленинграду, но и враждебный акт против СССР, бомбардировка советских войск финляндской артиллерией и отказ финляндского правительства отвести свои войска на 25 км в глубь Карельского перешейка.

Советское правительство не могло терпеть присутствия финских войск на расстоянии пушечного выстрела от жизненного центра СССР — Ленинграда, — насчитывающего 3¹/₂ млн. жителей, в то время когда советские войска не угрожали каким-либо жизненным центрам Финляндии, поскольку советские войска, обороняющие Ленинград, находились на расстоянии сотни километров от этих центров.

Все усилия правительства СССР, желавшего поддерживать дружественные и искренние отношения с Финляндией, наталкивались на злонамеренность правительства Хельсинки.

Заявление Бернарда Шоу

Отвечая на вопрос сотрудника «Дейли мейл» о событиях в Финляндии, известный английский писатель Бернард Шоу заявил:

«Финляндией правило глупое правительство. Оно должно было принять русское предложение об обмене территориями и вести себя, как следует рассудительному соседу. Вполне возможно, что Финляндия не отклонила бы русских предложений, если бы она учла свои интересы».

Бернард Шоу добавил:

«Ни одна держава в мире не могла бы терпеть, чтобы с ее границы можно было бомбардировать такой город, как Ленинград, в особенности когда эта держава знает, что правительство государства, расположенного по ту сторону границы, государства малого и слабого, действует в интересах других, более крупных держав, которые угрожают ее безопасности».

Аналогичное мнение высказал Чарлз Дарвал из совета труда и объединения профсоюзов Шеффилда:

«Несчастный финский народ был использован бессознательным правительством. Это правительство позволило управлять собой как марионеткой другим державам, держащим в своих руках нити антисоветских интриг. Если бы не эти интриги, если бы решение мог принять сам финский народ, несомненно, дело было бы решено дружественным путем. Упустить из виду факт вмешательства третьей державы, это значит совершенно не понимать значения последних событий».

Да, вопрос с Финляндией ясен. Он разъяснен в одной брошюре, в настоящее время распространяемой во Франции. План лондонских и французских правителей, которые не воюют с Гитлером, заключается в том, чтобы воевать с СССР, и в этой связи они рассчитывают на две базы операций:

- 1) на севере — при поддержке Финляндии;
- 2) на Балканах и на Ближнем Востоке — при поддержке Румынии и Турции.

По существу, до сегодняшнего дня для английских и французских правителей дело идет не о войне с Гитлером, которого они упрекают прежде всего в том, что он не пошел войной на Советский Союз, а о том, чтобы сразить страну социализма и восстановить грубое, хищническое господство капитализма во всем мире.

Мы не можем этого допустить, и со скамьи подсудимых мы выражаем полную солидарность с руководством нашей партии, которая мужественно обличает позицию правительства Даладье, как полностью противоречащую интересам Франции. В этом вопросе, как и в других, Французская коммунистическая партия защищает интересы народа и страны.

Мы верны своему коммунистическому идеалу

Ни в чем, решительно ни в чем нас нельзя упрекнуть. Тем не менее, нас преследуют. Мы находимся перед военным трибуналом.

В действительности нас преследуют за наши убеждения, за верность нашей политической программе, нашей коммунистической философии.

Да, провозглашаем мы, коммунизм — это самый прекрасный из идеалов человечества. Он вдохновлял великих философов древности, он присутствует в произведениях энциклопедистов, он в центре мечтаний предшественников социализма, он развит в теории Маркса — Энгельса — Ленина... Вчерашняя утопия завтра станет реальностью.

Мы — коммунисты, мы остаемся коммунистами.

Наши мысли, наши взгляды, наши понятия — это мысли, взгляды и понятия свободных людей, отстаивающих свободу, благосостояние, справедливость и мир. Они не могут быть здесь ни предметом судебного разбирательства, ни предметом дискуссии.

Они могут быть предметом обсуждения лишь на публичном заседании палаты, а не за закрытыми дверями трибунала, прячущегося от народа. Они могут быть предметом обсуждения лишь на форуме, перед народными массами.

Право судить имеет народ, и только народ, освобожденный от цепей и пут чрезвычайного положения, высказывающий свое мнение путем всеобщего, прямого, тайного и равного для всех мужчин и женщин, начиная с 18 лет, голосования. Мы уверены в приговоре народа, ибо мы выполняли свои обязанности и осуществляли свои права депутатов, французов, республиканцев.

Наша гордость, наша честь

Теперь о себе лично.

Я — бывший французский фронтовик, тяжело раненный в Монмирае в 1914 году, лейтенант, командовавший ротой в Каронне, Пантавере, Помпелле и в Бют ле Мениль. Я — сын французского солдата, участника войны 1870 года, раненного в битве при Бомпе, и отец французских солдат, находящихся в армии.

Моя жизнь, как и жизнь моих товарищей, — это жизнь честного человека, отдающего себя служению общественному благу.

Я могу прямо взглянуть в глаза жене, мне не придется опускать глаза, ибо я всегда выполнял долг честного человека.

Мои дети могут шагать по улице с высоко поднятой головой. Они не будут краснеть за своего отца, ибо они знают, что он не запятнал своей чести.

Я люблю свой народ всем сердцем, я связан с ним всем своим существом. Я верю в него. Я уверен в его благодарности, в его признательности. Он скажет, что мои товарищи и я, что коммунисты и их великая партия оказали большие услуги родине. Я убежден, что, верная своим благородным традициям, дорожающая своей независимостью, гордая своим социальным прогрессом и своими народными завоеваниями, она встанет, сверкая своим гением, сияя великолепием своих изящных искусств, своей техники, своей литературы и науки, в первые ряды в союзе свободных, независимых и счастливых народов и пойдет твердым и решительным шагом, несмотря на препятствия и трудности, по пути к новой и высшей цивилизации коммунизма.

(Флоримон Бонт, Дорога чести, М., 1949, стр. 168—210.)

Речь Ф. Бийу

Господин председатель!

Господа судьи!

Наши адвокаты дали ответ на обвинительный акт, так же как и на обвинительные речи правительственных комиссаров.

С юридической точки зрения нам нечего прибавить. Господин председатель разрешит нам поблагодарить бельгийских и французских адвокатов, взявших на себя защиту наших интересов.

Однако господа правительственные комиссары коснулись нашей политической позиции. Мы считаем необходимым еще раз кратко, но четко определить ее.

Именно поэтому я делаю нижеследующее заявление от своего собственного имени и от имени моих друзей — Бареля, Бартолини, Бенуа, Берлиоза, Бонта, Брена, Корнавена, Коста, Коссоно, Кристофоля, Круза, Дадо, Демюзуа,

Жака Дюкло, Фажона, Гау, Греза, Ларешпа, Леви, Лозерэ, Мартеля, Мидоля, Мокэ, Мюмо, Пети, Прашэ, Про, Роше, Тушара.

На этом процессе, который сейчас приходит к концу, обвиняемыми были не коммунистические депутаты и не коммунизм.

Несмотря на то, что весь арсенал существующих законов создан для обеспечения интересов класса капиталистов, вы не найдете там ни одного положения, которое оправдало бы заключение нас в тюрьму и возбуждение судебного преследования против нас.

В истории общества и различных режимов бывают периоды, когда господствующие классы могут сохранять власть в своих руках только в том случае, если они нарушают установленную ими самими законность. Подобные примеры мы видели и в истории нашей... страны, но эта история показывает нам также, что рано или поздно народ уничтожает диктатуру путем решительной борьбы.

В чем нас обвиняют? В том, что мы, в соответствии с существующими в палате правилами, создали парламентскую группу и что мы в качестве депутатов написали председателю палаты письмо с требованием созыва парламента для обсуждения вопроса о мире.

Именно этим объясняют наш арест и начало судебного процесса против нас.

Отправка письма, равно как и создание группы, покрывается полным иммунитетом и неприкосновенностью, установленными в отношении выборных представителей нации (ст. 13 конституции 1875 года). Как депутаты мы имели полное право, и более того, мы обязаны были написать подобное письмо.

Кроме того, в качестве причины широкой кампании преследований против коммунистов был произвольно выдвинут один дипломатический документ, а именно, советско-германский пакт о ненападении. Нас заставляли осудить СССР за заключение этого пакта, и, поскольку мы отказались выполнить это странное и не имеющее прецедента требование, с нами начали жестоко расправляться.

В течение шести месяцев нас преследуют, оправдывая преследования нашим отказом согласиться с точкой зрения

правительства на советско-германский пакт о ненападении. Утверждали, что мы якобы нарушили французские интересы. Французскому народу пытались внушить, что нас преследуют именно за это.

Мы утверждаем, что эта версия — бесстыдная ложь. Мы утверждаем, что правительство само призналось в этой лжи в документе, опубликованном в Желтой книге на странице 170 под номером 149. Этот документ озаглавлен: «Запись беседы министра иностранных дел Жоржа Бонна с послом Германии в Париже графом Вельчеком».

Этот документ датирован 1 июля 1939 г. В этот период не было и речи о советско-германском пакте о ненападении, равно как и о том, одобрят или не одобрят его коммунисты. 1 июля, за два месяца до подписания этого пакта и в тот момент, когда французское правительство вело переговоры с Москвой, оно заявляло в официальном документе о том, что его политика будет состоять в обуздании коммунистов. Так откажитесь же от ложных предлогов, от мелких уловок, от низкого жульничества, прекратите ссылаться как на причину на то, что для вас является всего лишь предлогом, перестаньте нас упрекать за позицию, занятую нами в конце августа и в сентябре 1939 года. Преследования коммунистов, по собственному признанию тех, кто их начал, были задуманы еще 1 июля.

Правда, позднее пытались найти другие предлоги. Против нас была начата кампания низкой клеветы, причем нас лишили всякой возможности защищаться. Судебный процесс велся при закрытых дверях. Не является ли это доказательством того, что правители нашей страны больше всего боятся раскрытия правды о нашем процессе? Но эту правду мы говорили во время судебного разбирательства, мы повторяем ее теперь. Наши адвокаты дали достойный ответ на обвинительный акт и речи обвинителей. Наша задача состоит в том, чтобы разоблачить тех, кто нас судит, а именно, представителей финансовой олигархии.

Нас арестовали и судили потому, что мы — коммунисты, потому что мы остались коммунистами, несмотря на требования, угрозы и применение репрессий.

Нас судят за то, что мы выступали и выступаем со всей решительностью против преступной политики наших правителей, приносящей вред нашей стране, за то, что мы призываем народ требовать отказа от этой политики, за то, что мы показываем французскому народу, каким путем можно сделать нашу страну свободной и счастливой.

Ни преследования, ни приговоры, ни концентрационные лагеря не могут помешать коммунистам осуществлять это дело, носящее столь высокочеловечный характер.

Правители Франции и капиталисты, от имени которых они действуют, пытаются заставить народ поверить в то, что ответственность за войну несет только одна сторона, что они в войне не повинны, что народ Франции сражается во имя справедливости и своей свободы и независимости.

Мы первые в стране указали на угрозу международного фашизма для дела всеобщего мира. Именно мы с предельной страстностью разоблачали гитлеризм перед французским общественным мнением. Мы всегда были и будем самыми непримиримыми противниками фашизма во всех его формах.

И хотя мы никогда не призывали к войне против этого отвратительного режима и всегда утверждали, что освобождение немецкого народа должно быть делом рук самого немецкого народа, мы всегда были сторонниками политики организации сопротивления притязаниям фашизма.

В течение ряда лет мы говорили французскому правительству: «Или вы будете добиваться спасения мира и независимости страны путем объединения всех людей доброй воли в Европе, или же вы сорвете эти усилия, и война будет развязана, причем на вас падет ответственность за войну, которой вы не захотели воспрепятствовать и которая охватит весь мир,— и все это только потому, что вы ставите защиту капиталистических привилегий выше заботы о мире и независимости народов».

Именно такая война опустошает сегодня несчастную Европу. Ответственность за нее несет капиталистический режим, о котором еще Жан Жорес говорил, что он «несет в себе войну, подобно тому, как туча несет в себе грозу». Ответственность за войну? Мы отказываемся быть сообщниками в этом грандиозном обмане, смысл которого со-

стоит в том, что в каждой стране пытаются возложить ответственность исключительно на правительство враждебной стороны.

Ответственные за это имеются и у нас! И, в первую очередь, ответственность несут ушедшее в отставку правительство и его глава Даладье, который руководил государством вопреки интересам народа, в интересах кучки крупных собственников.

Темным проделкам правителей, которые неустанно готовили новую войну, мы с гордостью можем противопоставить нашу политику, неизменно направленную на защиту мира.

Приведем несколько примеров начиная с 1935 года. Именно соглашения, подписанные в Риме Лавалем¹³⁹ и одобренные руководителями французской социалистической партии, предоставили Муссолини свободу рук в деле удушения несчастной Абиссинии *. Только коммунисты выступили против этих соглашений, содержавших в себе зародыш новой войны. Блюм, глава французской социалистической партии, при помощи преступной политики так называемого «невмешательства» помог уничтожению Испанской республики мятежником — генералом Франко, ставленником Гитлера и Муссолини и врагом Франции. Только коммунисты выступили на защиту этой дружественной демократической республики.

Шотан позволил Гитлеру захватить Австрию, являвшуюся членом Лиги наций.

Даладье выдал Гитлеру другого члена Лиги наций — Чехословакию — вместе с ее сырьевыми ресурсами, армией, укреплениями, военными материалами и военными заводами. И Даладье, и прочие мюнхенцы утверждали при этом, что «мир спасен». Только коммунисты заявили: «Мюнхенское предательство означает войну».

Каждому ясно теперь, что именно замыслили лондонское и парижское правительства во времена Мюнхена и

---

* Речь идет о соглашениях, подписанных в Риме в январе 1935 года Лавалем и Муссолини. Этими соглашениями, подписанными незадолго до вторжения итальянских войск в Абиссинию, Франция санкционировала захват Италией Абиссинии.— *Прим. ред.*

после Мюнхена. Они попытались договориться с гитлеровской Германией, толкнув ее на войну против Советского Союза. Осуществляя эту политику, они поддерживали варшавское правительство, еще недавно являвшееся союзником Гитлера и сообщником по расчленению Чехословакии, в его отказе разрешить советским войскам проход через территорию Польши.

Отклонение советских предложений обрекало на провал московские переговоры. Оно делало невозможным заключение тройственного англо-франко-советского пакта, который один только мог бы спасти мир, и это подтверждается опубликованными в Желтой книге настойчивыми запросами, которые направлял посол Франции в Берлине г-н Кулондр на Ка д'Орсэ ¹⁴⁰.

Тем не менее и теперь, уже после начала войны, одной из целей капиталистов, которую они все еще не решаются открыто признать, но которую они все меньше маскируют, по-прежнему является организация «крестового похода» против СССР и захват кавказской нефти. Отсюда и кампания клеветы, подстрекательства и провокаций, становящихся все более и более частыми на Крайнем Севере и на Ближнем Востоке, провокаций, при помощи которых рассчитывают вовлечь трудящихся в антисоветскую авантюру.

Но тех, кто несет ответственность за эту противоречащую интересам Франции политику, ждет разочарование, ибо трудящиеся Франции никогда не забудут того, что величайшим достоянием Франции является свобода, ибо они никогда не станут соучастниками подобной авантюры. Как и в 1919 году, они поднимутся на борьбу против преступного правительства, злоупотребляющего предоставленными ему полномочиями.

Нас привлекли к суду потому, что мы были единственными, кто нашел в себе мужество обратиться к народу с призывом прогнать правительство Даладье, то самое правительство, которое несет тяжелую ответственность за войну и которое установило в нашей стране реакционные порядки и применяло гитлеровские методы.

Как осмеливаются говорить об освободительной войне люди, которые уничтожают свободу в своей стране! Прави-

тельство Даладье совершило преступление в отношении депутатов-коммунистов, являющихся представителями полутора миллионов избирателей, и лишило тем самым последних их прав свободно избирать своих представителей. Правительство Даладье закрыло самую крупную политическую газету Франции — «Юманите». Оно запретило самую большую политическую партию Франции — Французскую коммунистическую партию — и приступило к конфискации ее имущества. Оно поступило так же и с рабочими, крестьянскими, ремесленными, профессиональными, культурными организациями и с организациями ветеранов прошлой войны. В своей яростной жажде уничтожения оно стремится ликвидировать все, что было создано трудящимися ценою долготлетних упорных усилий: профсоюзы, кооперативы, спортивные организации, организации по защите матери и ребенка, летние лагеря и многое другое.

Оно заставило нас снова переживать время незаконных арестов, посадив в тюрьму, по признанию самих господ Даладье и Сарро в сенате, тысячи и тысячи французских граждан и создав во Франции концентрационные лагеря.

На заводах отменены законы о социальном страховании. Уничтожен статут государственных служащих. Избранные народом депутаты парламента и представители в муниципалитетах и департаментских выборных органах, в арбитражных советах и в других организациях, избранные делегаты на предприятиях сняты со своих постов, подверглись полицейскому преследованию и осуждению, брошены в тюрьмы или концентрационные лагеря.

Правительство воспользовалось военной мобилизацией рабочих и крестьян для того, чтобы вмешаться в руководство рабочими и крестьянскими организациями и передать его в руки тех, кто охотно идет на соглашение с хозяевами, кто стремится к расколу среди рабочих, кто способствует усилению эксплуатации со стороны капиталистов, проведению политики репрессий; оно поставило во главе рабочих и крестьянских организаций именно тех, кого рабочие и крестьяне оттуда изгнали.

Запрещение газет и журналов, конфискация книг, в том числе шедевров литературы, — такими действиями увенчало

свои отвратительные подвиги правительство Даладье, Рейно, Бонна и К^о.

Что дало правительство солдатам? Злоупотребление с мелкими облигациями займа и систему наживы на военных поставках.

Рабочие, служащие и чиновники получили снижение заработной платы, переутомление и порождаемые им несчастные случаи, удержание 18% заработной платы (полиция от этого освобождена!), не считая всех других налогов, обременяющих их: 11¹/₂ млрд. франков взимается с рабочих, тогда как хозяева платят всего лишь 300 млн. франков налогов с дохода; эти цифры были упомянуты во время обсуждения бюджета.

Рабочие вынуждены работать сверхурочные часы, за которые установлена смехотворно низкая оплата, в то время как дороговизна с каждым днем растет, а безработица не уменьшается.

Положение крестьян ухудшается вследствие реквизиций государством их продуктов, за которые им платят чрезвычайно низкие цены, а также вследствие чудовищного возрастания трудностей в сельскохозяйственном производстве.

Безобразия с пособиями — необоснованные отказы в выплате их, крайне низкая ставка, нерегулярная их выплата — тяжело отразились на семьях мобилизованных военнослужащих.

Что касается беженцев из пограничных областей и, в частности, из Эльзаса и Лотарингии, то им пришлось пережить ужасные лишения из-за отвратительной организации эвакуации: скверных материальных и санитарных условий эвакуации, низких пособий.

Ремесленники, мелкие торговцы, инвалиды и престарелые — все неимущее население познало нищету и разорение. Нищета для народа! Доходы для толстосумов!

Мы считаем, что спасение Франции требует создания правительства, которое бы явилось подлинным представителем народа.

Правительство Даладье пало под давлением народа, но теперь у нас имеется правительство Рейно.

Хотя оно и располагает большинством голосов в парламенте, мы не можем считать его выразителем интересов

нации, ибо оно было назначено парламентом, в котором отсутствовали коммунистические представители. Подлинное правительство Франции должно вернуть нас в парламент. Правительство не представляет страну. Оно может удержаться у власти, только установив реакционную диктатуру.

Капиталисты думают, что им удастся в течение долгого времени обманывать народ потому, что их поддерживают социалистическая партия и ее лидеры: блюмы, поль фьоры и предатели из числа руководителей ВКТ. Все эти люди возглавляют травлю рабочих.

Блюмы, поль фьоры, жуо и прочие, препятствовавшие проведению в жизнь программы народного фронта, теперь по уши погрязли в так называемом «священном союзе» реакции и стремятся уничтожить рабочие организации.

Они несут главную ответственность за те нищенские условия, в которых приходится жить французским трудящимся. Они достаточно ясно показали свое лицо — лицо предателей народа. Подобно фашистам, они размахивают знаменем антикоммунизма и борьбы против Советского Союза. Их действия свидетельствуют о полном банкротстве и разложении II Интернационала и его французской секции, усугубляя банкротство, которое они потерпели в 1914 году.

Да, мы — интернационалисты. Только мы и являемся интернационалистами. Трудящиеся всех рас и всех цветов кожи — наши братья. Наша судьба связана с судьбой английского шахтера и моряка, с судьбой металлиста из Эссена и докера из Гамбурга, с судьбой трудящегося из Детройта и Чикаго, с судьбой пражского рабочего, польского крестьянина, финского дровосека, арабского феллаха и китайского кули, точно так же, как наша судьба связана с судьбой советского рабочего и колхозника, освободившихся, наконец, от ига царизма и капиталистической эксплуатации.

Мы всегда утверждали — и повторяем это и теперь, — что французские трудящиеся не найдут ни в одной иностранной столице избавления от тех болезней, от которых они страдают. Своего освобождения они должны добиться своими собственными руками. Они будут вдохновляться при этом великими традициями нашего народа...

Изучив капиталистический строй, находившийся в тот момент в стадии расцвета, Карл Маркс показал нам, что этот строй будет заменен другим общественным строем — коммунистическим. В 1848 году Карл Маркс писал в «Коммунистическом манифесте»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

Этот призрак перестал быть призраком, превратившись в действительность на одной шестой части земного шара, и в недалеком будущем он станет действительностью во всем мире. Ленин и славная большевистская партия, выкованная им, показали нам в 1914—1917 гг., каким образом следует покончить с империалистической войной, освободив рабочих, крестьян, интеллигентов и угнетенные национальные меньшинства... какие изменения могут произойти в течение 20 лет в разрушенной империалистической войной и капиталистической анархией стране благодаря построению социализма и движению вперед, к коммунизму.

Подобно империалистам всего мира, французские империалисты ненавидят Союз Советских Социалистических Республик смертельной ненавистью. Понять это нетрудно. Их ненависть по отношению к СССР является ненавистью класса, над которым нависла угроза. Для французского народа Советский Союз является наглядным примером того, что может сделать народ, освободившийся от паразитов.

Советский Союз разрушил все планы французских и английских капиталистов. До сих пор их попытки натравить Германию на СССР и поставить ее во главе «крестового похода» против Советского Союза заканчивались провалом.

Советскому Союзу пока удалось ограничить мировую бойню. Вместе с тем он освободил 13 млн. белорусов и украинцев, подвергавшихся угнетению со стороны польских помещиков, которых мы не должны путать с польским народом. Советский Союз установил с прибалтийскими государствами дружественные отношения, благотворный характер которых признавал всего несколько недель назад корреспондент газеты «Тан».

Страны, находящиеся в северо-восточной части Европы, и в особенности Финляндия, могли бы жить в мире и спокойствии, если бы клика авантюристов, еще недавно яв-

лявшихся союзниками немецких генералов, а теперь получающих поддержку лондонских и вашингтонских банков, не взяла на себя инициативу в создании трагических осложнений в этой части континента.

Нас нельзя обмануть готовящейся преступной авантюрой. Мы ясно видим, что на наших глазах готовится «крестовый поход». Мы знаем, что хотя национальные интересы Франции совершенно не были затронуты политикой СССР в Финляндии, французские империалисты мечтали о том, чтобы вместо «странной войны» на Западе, т. е. бездейственной войны против Гитлера, начать широкую интервенцию против СССР. Поскольку в Финляндии эта операция не удалась, ее пытаются теперь повторить на Балканах и на Ближнем Востоке.

Именно для того, чтобы легче было осуществить эту авантюру, нас решили осудить и подло оклеветать. Пусть же правительство будет поосторожнее! Если оно попытается превратить в действительность свою мечту об агрессии против СССР, если оно попытается повторить «подвиги» интервенционистов, уже принесшие такой вред Франции, то от этого предприятия может погибнуть и самый его режим.

Капиталистические магнаты, правители и агенты «пятой колонны», вроде де Бринона, находящиеся на жалованье у Абеца, пытаются распространять о нас самые дикие вымыслы. Их социалистские лакеи превосходят их в подлости. Они утверждают, что мы «действуем вопреки интересам Франции», что мы — «наемники иностранной державы».

Мы уже дали ответ этим клеветникам, и мы можем сказать: «Неужели капиталисты, которые пьют кровь нашей страны, жиреют за счет нищеты народа и ведут войну против народа Франции, считают, что их зловердная кучка представляет Францию?»

Даладье заявил в палате депутатов и сенате, что мы «являемся агентами Германии». И эту чудовищную ложь осмелился сказать мюнхенец, человек, выдавший гитлеровской Германии самолеты, оружие и боеприпасы Чехословакии, при помощи которых убивают и будут завтра убивать наших жен, детей и братьев, — человек, посадивший

в тюрьмы немецких коммунистов, нашедших приют во Франции и являющихся самыми непримиримыми врагами Гитлера.

Мы не говорили бы обо всех этих гнусных делах, если бы не считали необходимым напомнить, что Жорес, являвшийся борцом за мир, был убит в 1914 году именно после того, как на него возвели такую же отвратительную ложь.

Много нужно наглости и динизма международным империалистам и их наемникам, получающим деньги за предательство, для того, чтобы обвинять коммунистов в продажности. Они знают, что Коммунистической партии присущи преданность и самопожертвование и что именно честность Коммунистической партии, которую никто не может оспаривать, еще сильнее подчеркивает их собственную продажность. Ни один коммунист не был замешан в скандальных аферах, имевших место с 1920 по 1939 год. В наших рядах нельзя найти стависких, гишэ, клиентов Базельского банка, виновников крушения почтового самолета, наемников Абеца. Их можно найти во всех правых и «левых» партиях, объединившихся для ведения «странной войны», т. е. войны не против Гитлера, а против народа.

Мы любим Францию и то, что в ней есть самое лучшее,— французский народ.

Мы гордимся французскими учеными, мыслителями, писателями и художниками, привлекающими к Франции любовь всего мира.

На протяжении всей своей истории и своего великолепного революционного прошлого народ Франции всегда восставал против тиранов. Не об этом ли поется в том куплете «Марсельезы», которому капиталисты стараются не учить детей народа?

Мы не хотим быть ни рабами Гитлера, ни вассалами Чемберлена, ни слугами Муссолини!

Да, мы любим французский народ, и мы хотим избавить его от тех, кто ведет его к гибели и разрухе, кто навязывает ему позор диктатуры.

С глубоким отвращением и презрением отворачиваются народные массы от горстки трусов, от предателей народа — Життона, Капрона и компании. Эти ренегаты пред-

ставляют теперь только самих себя и свой собственный позор.

Мы приветствуем широкие массы трудящихся, мужественно ведущих борьбу за коммунизм.

Мы, коммунисты, призываем народ бороться за хлеб, за свободу, за мир. Да, мы — коммунисты! Мы гордимся тем, что мы — наследники коммунаров, принесших себя в жертву во имя спасения республики, боровшихся за освобождение трудящихся, «штурмовавших небо», как писал о них Карл Маркс.

Коммунизм означает мирное развитие всех человеческих способностей, развитие наук и литературы, расцвет цивилизации.

Мы — французы, и потому мы всеми силами стремимся к тому, чтобы Франция была свободной, сильной и счастливой страной.

Мы — интернационалисты, и потому мы рассматриваем каждую победу пролетариата, в какой бы стране она ни произошла, как нашу собственную победу.

Да, мы считаем построение социализма в СССР первым актом мировой революции, которая освободит народы от угнетения и войны.

Мы, французские коммунисты, будем бороться за освобождение Франции вместе с Морисом Торезом, Жаком Дюкло, ... Бенуа Фрапоном и всеми друзьями, которых обвиняют вместе с нами. Мы исполнены веры в наше отечество, во Францию революций 1793, 1830 и 1848 гг., Францию Парижской коммуны, Францию 9 и 12 февраля 1934 г. и мая 1936 года.

Мы исполнены веры во французский народ, и мы убеждены в том, что очень скоро он похоронит капиталистический режим, несущий ответственность за нищету и войну. Да здравствует свободная Франция, да здравствует счастливая и сильная Франция! Да здравствует мир! Вперед, к коммунизму!

(Флоримон Бонт, Дорога чести, М., 1949, стр. 240—253.)

СУДИЛИЩЕ НА ФОЛИ-СКВЕР

Летом 1948 года в обстановке разнузданной пропаганды новой войны, антикоммунизма и шпиономании агенты Федерального бюро расследования США арестовали 11 руководящих деятелей Коммунистической партии: Ю. Денниса, Б. Дэвиса, Г. Уинстона, Г. Холла и других. Процесс над ними продолжался с января по октябрь 1949 года. Всем им, а также Уильяму З. Фостеру, дело которого было выделено в связи с его болезнью, было предъявлено обвинение в участии в заговоре с целью «проповедовать и отстаивать обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия».

«Большое жюри 16 месяцев занималось расследованием деятельности коммунистов в Америке, но не предъявило Коммунистической партии обвинения в каких-нибудь конкретных подрывных действиях,— пишет в книге «Имена родине» видный американский борец за мир Альберт Кан.— В обвинительном акте указывалось, что лидеры Коммунистической партии вступили в заговор, имевший целью свергнуть правительство путем: 1) организации политической

ципами марксизма-ленинизма; 2) «опубликования и распространения... книг, статей, журналов и газет, проповедующих принципы марксизма-ленинизма», и 3) устройства «школ и курсов для изучения принципов марксизма-ленинизма, где проповедовались и отстаивались бы обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия».

Обвинительный акт был составлен на основании закона 1940 года о регистрации иностранцев, известного под названием закона Смита. По словам видного авторитета в области государственного права, профессора Гарвардского юридического института Захарии Чэфи младшего, закон Смита разрешает самое грубое ограничение свободы слова, когда-либо применявшееся в США в мирное время... первое (после печально знаменитого закона 1798 года «о бунтах») ограничение права американских граждан говорить и писать, проводимое в федеральном масштабе в мирное время...

Процесс руководителей Коммунистической партии начался 17 января 1949 г. в зале № 110 Федерального суда на Фоли-сквер в Нью-Йорке.

Председательствовал на процессе судья Гарольд Р. Медина, бывший адвокат, владелец крупного недвижимого имущества в Нью-Йорке, в том числе многих домов в городских трущобах...

Процесс открылся в небывалой в истории американского суда атмосфере. В день начала процесса столичные газеты вышли с огромными шапками, объявлявшими о привлечении «красных вождей» к суду по обвинению в заговоре с целью «свержения правительства США». Вокруг здания суда расположилась целая армия конных и пеших полицейских, сыщиков и агентов федеральной полиции, как будто ожидалось вооруженное восстание. Репортер «Нью-Йорк таймс» насчитал там «не меньше 45 сыщиков, 40 полицейских, регулирующих уличное движение, 38 высших чинов полиции, 11 конных... и 260 пеших полицейских. История полиции не знает случая, когда бы на время судебного процесса выделялись такие крупные силы».

Защита решительно протестовала против этой необычайной охраны. «Вооруженная толпа, облаченная в мундиры и прикрывающаяся авторитетом закона, очевидно, должна запугать нас», — заявил защитник Джордж Крокетт судье Медине.

«Я не вижу, чтобы вооруженная охрана кого-нибудь запугивала», — ответил судья. — Наоборот, я был ей даже благодарен за то, что она помогла мне пробраться через толпу, когда я уезжал завтракать...»

14 октября, после девятимесячного разбирательства, процесс 11 коммунистов завершился так, как и следовало ожидать. Присяжные признали их виновными.

Как только старшина присяжных огласил это решение, судья приказал всем защитникам встать. Зачитав свое определение по обвинению пяти защитников и Юджина Денниса, который сам вел свою защиту, в неуважении к суду, судья приговорил всех шестерых к тюремному заключению на сроки от тридцати дней до шести месяцев.

Неделю спустя судья Медина приговорил 10 руководителей Коммунистической партии к тюремному заключению сроком на пять лет и к штрафу в 10 тыс. долларов каждого.

Роберт Томпсон был приговорен к трем годам тюрьмы и к штрафу в 10 тыс. долларов. Судья заявил, что он отнесся к Томпсону мягко, учитывая его героизм во время войны.

Американская печать превозносила решение присяжных и приговор суда как апофеоз американского правосудия. «Голос Америки» поведал всему миру об этом приговоре как о свидетельстве того, что в Америке суд относится с должным вниманием ко всякому — богатому и бедному, независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Однако многие мыслящие американцы поняли подлинное значение осуждения коммунистов и разделяют мнение, выраженное газетой «Сен-Луи пост-диспетч»:

«Наказывая коммунистов за их идеи, мы создаем возможность наказывать других граждан по еще менее значительному поводу, а то и вовсе без всякого повода» (Альберт Кан, Измена родине, М., 1950, стр. 400—441).

Значение этого процесса ярко охарактеризовал один из «подсу-

димых» — Юджин Деннис. «Наш процесс,— писал он,— имел историческое значение, так как в нем нашли свое отражение основные вопросы демократии и в связи с той борьбой, которую вела наша партия внутри и вне зала суда. В некоторых отношениях этот процесс явился для нашего народа тем, чем был Лейпцигский процесс для германского и других народов» («За прочный мир, за народную демократию» 2 июня 1950 г.).

Обвиняемые коммунисты с огромным мужеством и решительностью защищали на процессе правоту дела Коммунистической партии, разоблачали американских империалистов. Суть этой защиты Уильям Фостер выразил в следующих словах:

«Во время суда на Фолисквер над нашей партией и ее руководителями нас обвинили в том, что мы вступили в заговор с целью пропагандировать и защищать ниспровержение правительства Соединенных Штатов с помощью силы и насилия. Чтобы дать достойный ответ на это лживое обвинение, нам пришлось не только изложить много общих принципов марксизма-ленинизма и дать очерк истории нашей партии, но и указать главное направление борьбы за социализм в нашей и других странах. Вы-

ступая в свою защиту, которая явилась по существу наступлением на капитализм, наша партия проводила правильную марксистско-ленинскую линию. В частности, мы возложили ответственность за применение насилия в классовой борьбе на тех, на кого она должна быть возложена,— на плечи капиталистического класса и его правительства...

На суде мы в целом правильно изложили комплекс вопросов о силе и насилии в классовой борьбе. По этому пункту против нас было выдвинуто прямое обвинение. Существо нашей позиции заключалось в том, что, как указал много лет назад Маркс, ни один господствующий класс в истории никогда не уступал своих позиций растущему революционному классу, не используя предварительно для своего спасения все имевшееся в его распоряжении оружие, и что рабочий класс и его союзники во главе с Коммунистической партией будут достаточно сильны, чтобы преодолеть всякое насилие господствующего класса на пути к социализму» (Джордж Маррион, Судилище на Фолисквер, М., 1950, стр. 86).

С большой защитительной речью на суде выступил Юджин Деннис.

Речь Ю. Денниса

Господа присяжные!

Миллионы людей поняли, что данный процесс имеет историческое значение. И не только потому, что на нем судят 11 руководителей Коммунистической партии. Но и по-

тому, что на нем судят политические принципы и неотъемлемые права партии рабочего класса Америки, партии, основу теории и программы которой составляет научный социализм. Потому также, что на данном процессе судят первую поправку к конституции Соединенных Штатов, право на свободу слова, печати и собраний, т. е. судят демократические свободы и будущее всех американцев.

Мы, подсудимые, утверждаем и доказали, что данный процесс по сути дела является чрезвычайным политическим процессом, судом над образом мыслей.

Из показаний подсудимых и свидетелей ясно видно, что обвинение пыталось привлечь к суду то, что суду неподсудно. Утверждая, что наше дело является якобы «обычным уголовным делом», оно тем не менее изложило перед судом и присяжными во всех аспектах политическую доктрину, учение об общественном развитии, философию и экономическую теорию нашей партии.

Показания подсудимых и свидетелей только подтверждают то, что уже было ясно из обвинительного заключения: мы, руководители Коммунистической партии, не виновны ни в каком преступном заговоре, имеющем своей целью насильственное свержение правительства Соединенных Штатов с помощью каких-либо открытых, прямых или косвенных действий. И, безусловно, судят нас не за это.

Нет ни одного показания подсудимых или свидетелей, которое указывало бы на то, что мы в малейшей степени причастны к попыткам вызвать или организовать какой-либо мятеж, бунт или восстание. Нет ни одного показания подсудимых или свидетелей, которое утверждало бы, что мы втайне призывали к приобретению оружия и обучали его пользованию или проповедовали бунт, предательство или восстание, направленное против правительства Соединенных Штатов.

Нет никаких заслуживающих доверия улик, из которых было бы видно, что кто-либо из нас своими высказываниями, статьями или действиями когда-нибудь доказывал обязательность или необходимость насильственного свержения правительства Соединенных Штатов какой-либо группой лиц. И меньше всего подобных данных можно найти в показаниях свидетелей или подсудимых,

показаниях, относящихся к периоду, указанному в обвинительном заключении.

Более того, все показания полностью опровергают то, что, по словам обвинения, является якобы нашим пониманием основных положений марксизма-ленинизма. Из показаний ясно видно, как мы, руководители Компартии, на практике применяли свое понимание марксистского учения об обществе в интересах народа, в интересах дела мира, демократии и социального прогресса.

Не будучи в состоянии опровергнуть показания относительно нашей деятельности, обвинение посадило на скамью подсудимых еще одного обвиняемого, который не является ни действительным, ни вымышленным лицом. Вот почему лживым обвинениям подвергаются теория и философия научного социализма и, в частности, произведения классиков марксизма-ленинизма.

Рассмотрим улики, представленные обвинением. Они состоят почти исключительно из книг, статей, выступлений и резолюций, из цитат и отрывков, взятых вне связи с контекстом и исторической обстановкой.

Посмотрим на показания лжесвидетелей обвинения. Эти показания состоят в основном из сфабрикованных сообщений, говорящих о том, как некая Марта, Дейв или Эл, по их словам, понимает, — заметьте, она, а не подсудимые, — смысл отрывков из книг, представленных в качестве улик.

Обвинение и его свидетели претендуют не только на умение чревовещать, вкладывая свои слова в наши уста, но они претендуют также на способность читать чужие мысли и гадать на кривом зеркале. Они осмелились заявить присяжным, что мы, руководители Компартии, *сделали бы, пропагандировали бы, отстаивали бы, если бы и когда бы...*

Обвинение не может привлечь нас, руководителей Компартии, ни каждого отдельно, ни коллективно к судебной ответственности на основании наших действий, пропаганды или учения. Однако оно не осмеливается откровенно сказать, что стремится вынести нам обвинительный приговор за наши политические убеждения или за якобы скрываемые нами «опасные мысли».

Зная о существовании первой поправки и хорошо понимая верность американского народа принципам свободы слова, печати и собраний, обвинение вынуждено было пустить в ход все, чтобы преподнести общественному мнению этот процесс над политическими убеждениями и образом мыслей в виде «обычного уголовного дела». Как явственно видно из его попыток представить целый ряд доказательств этого, оно для этой цели прибегло к уловкам полицейского государства, заключающимся в следующем:

1) мы, подсудимые, восстановили Коммунистическую партию Соединенных Штатов;

2) эта политическая партия рабочего класса отстаивает принципы марксизма-ленинизма;

3) марксизм-ленинизм якобы требует обязательного и неременного насильственного свержения правительства Соединенных Штатов;

4) отсюда, согласно этому неправильному взгляду на принципы марксизма-ленинизма, Коммунистическая партия является организацией лиц, которые якобы проповедуют и отстаивают насильственное свержение правительства Соединенных Штатов.

Обвинение основывает свои жалкие доводы прежде всего на третьем пункте этой геббельсовского типа цепочки доказательств — на вопросе о том, является или нет пропаганда насильственного свержения правительства Соединенных Штатов марксистско-ленинским «принципом». Оно, таким образом, основывает свои доводы на чудовищной лжи, опровергнутой всеми показаниями подсудимых и свидетелей, и на вопросе, не подлежащем суду, о том, как мы, обвиняемые, понимаем и практически осуществляем нашу теорию и политическое учение.

Но прежде чем рассматривать, как в протоколах судебных заседаний доказывалось, что марксизм-ленинизм не имеет ничего общего с карикатурным изображением обвинения его принципов, выдержанного в духе гитлеровских аргументов в книге «Майн кампф», разберемся с путаницей в пп. 1 и 2.

Обвинение утверждает, что мы, обвиняемые, восстановили Коммунистическую партию как политическую партию

рабочего класса, основывающуюся на принципах марксизма-ленинизма.

Это событие произошло при ярком дневном свете за три года до того, как 20 июля 1948 г. темной ночью было составлено обвинительное заключение. Возрождение Коммунистической партии было событием, сообщение о котором все газеты поместили на первых полосах, оно дало пищу всем редакторам, фельетонистам, радиокомментаторам. Документы Коммунистической партии, излагающие подробности этого политического события, цели и задачи партии, были опубликованы и широко распространены в июне и июле 1945 года и после этого.

Как освещаются в этих документах действительные факты относительно возрождения Коммунистической партии?

Присяжных должно было поразить совпадение дат, допущенное в обвинительном заключении по небрежности. Вымышленный «заговор» против роспуска Коммунистической политической ассоциации начался якобы 1 апреля 1945 г. или примерно в это время.

12 апреля 1945 г. умер Франклин Делано Рузвельт. В апреле 1945 года военное поражение стран оси и победоносное окончание союзниками второй мировой войны были уже настолько очевидны, что думы всех мыслящих людей могли обратиться к проблемам послевоенного мира. Так, в Соединенных Штатах наблюдалась новая политическая обстановка, которую следовало принимать во внимание всем тем, кто заботился о благосостоянии нашего народа.

Из протоколов судебных заседаний следует, что эти объективные факторы заставили Фостера и 11 других коммунистических руководителей, обвиняемых здесь, а также значительные группы членов партии осуществить более тщательный пересмотр политики Коммунистической партии, который был начат задолго до 1 апреля 1945 г.

Из протоколов видно, что обвиняемые во главе с Фостером уже в течение целого года вели борьбу с неправильной ревизионистской политикой Браудера и его оценкой послевоенного мира. Это было до того, как Жак Дюкло выступил с важной и мудрой статьей, раскрывавшей

перед французскими коммунистами антимарксистские позиции Браудера. Внутрипартийный конфликт, продолжавшийся длительное время, не имел совершенно ничего общего с вопросом о пропаганде силы и насилия. Браудер и его приверженцы считали, что после войны американские монополистические круги обеспечат мир во всем мире и двинут вперед колесницу социального прогресса, так что рабочие смогут беззаботно устроиться за их спиной на этой колеснице.

В 1945 году мы, обвиняемые, а также Фостер решительно расходились во взглядах с Браудером. Мы понимали, что монополии не изменят своего характера. Мы считали тогда, так же как считаем и теперь, что монополии были и остаются реакционными и что лишь объединенными действиями, направленными на обуздание королей экономики, рабочие и простой народ могут предотвратить рост фашизма в нашей стране, защитить свой жизненный уровень, обеспечить устойчивый мир и двигаться вперед по пути социального прогресса.

Протоколы судебных заседаний показывают, что, возрождая Коммунистическую партию, мы ставили цель: *превратить Компартию в более влиятельную и эффективную силу рабочего класса для борьбы после войны за предотвращение усиления реакционных монополий творимого ими насилия над народом, линчевания и атомной войны, идейно вооружить нашу партию для выполнения ею своей роли марксистского авангарда рабочего класса, возглавляющего борьбу народа за мир, демократию и социализм.*

Обвинение не утверждает, что мы, подсудимые, организовали в 1945 году новую политическую партию или основали ее на новых принципах. Оно лишь утверждает, что мы «вернулись к старой, Коммунистической партии».

Какой «старой» Коммунистической партии? Даже обвинение не может отрицать, что подразумевается Коммунистическая партия, основанная в сентябре 1919 года. Это и есть та самая Коммунистическая партия, которая все годы с тех пор находилась на политической арене Америки, пропагандируя и отстаивая принципы марксизма-ленинизма.

Это та самая Коммунистическая партия, которая выступала против реакционной политики таких правительств, как правительства, возглавляемые Гардингом, Кулиджем и Гувером. Но она никогда не проповедовала их насильственного свержения.

Это та самая Коммунистическая партия, которая в 1933—34 и 1939—40 гг. выступала с резкими возражениями против ряда вопросов политики правительства Рузвельта, но она никогда не проповедовала насильственного свержения правительства Рузвельта и, наоборот, разоблачала крайние профашистские элементы, выступавшие с планами убийства «этого человека».

Но прежде всего, это та самая Коммунистическая партия, которая поддерживала Рузвельта в его борьбе против Лиги американской свободы и которая открыто выступила в поддержку его правительства в годы второй мировой войны, — та самая партия, которая показала народу США непревзойденный пример преданности делу победы над Гитлером и Хирохито.

Это та самая «старая» Коммунистическая партия, которая неоднократно возглавляла ставшие историческими битвы, как, например, борьбу за свободу юношей из Скотсборо, за свободу Анджело Херндона, Тома Муни и Сакко и Ванцетти. Это та самая «старая» партия, которая возглавила борьбу за социальное обеспечение, за создание профсоюзов в основных отраслях промышленности, за предоставление равных прав неграм и за изоляцию и разгром агрессоров оси.

С 1919 по 1948 год эта самая Коммунистическая партия находилась под неослабным негласным надзором ФБР. В ее рядах всегда имелся какой-нибудь Филбрик, Янглов или Гидальго, который фабриковал то, за что ему заплатили, и который пытался разными другими путями оклеветать или расколоть партию изнутри. Но ни до возрождения Коммунистической партии, ни после этого ни одно правительство не могло найти или сфабриковать улики, доказывающие, будто мы, подсудимые, или наша партия строим планы его насильственного свержения.

Обвинение задалось специальной целью организовать судебную инсценировку, использовав для этого факт воз-

рождения Коммунистической партии в 1945 году. Оно стремилось придать нашей Коммунистической партии, которая существует уже 29 лет, новые, зловещие черты, чтобы доводы его обвинительного заключения, напоминающего подобные документы нацистов, имели хоть слабое подобие обоснования. Делая это, обвинение судорожно пыталось скрыть от американского народа тот ясный и простой факт, что данный процесс — это процесс над политическими убеждениями и образом мыслей, имеющий своей целью лишить руководства и поставить вне закона марксистскую партию рабочего класса, немногочисленную оппозиционную партию.

Но в чем заключаются те ужасные деяния, для «доказательства» которых обвинение приложило столько стараний и которые мы, обвиняемые, *действительно совершили* между 1 апреля 1945 г. и июлем 1948 года? Что говорит обвинительное заключение о наших действиях?

Итак, оно утверждает, что мы проводили заседания национального совета, национального комитета и национальных съездов. Мы принимали резолюции. Мы даже изменили и приняли устав. Мы организовывали клубы, окружные комитеты и комитеты штатов, как любая другая политическая партия. Более того, мы избирали руководящие органы, старались вовлечь народ в свою партию. Мы взяли на себя ответственность по организации школ и курсов. Мы опубликовывали — только представьте себе! — ряд книг, статей, журналов и газет!

Ни одно из этих действий не запрещено законом, и все они находятся под защитой первой поправки. Но если обвинение добьется своей цели, то отныне вообще будут запрещены все действия политических партий рабочего класса и, в частности, Коммунистической партии, а впоследствии будут подобным же образом запрещены действия профсоюзов и других организаций народа.

Вы, присяжные, вот уже восемь месяцев смотрите на нас, 11 руководителей Коммунистической партии, сидящих на скамье подсудимых. Посмотрите на нас еще раз. Нас 11 человек. Но мы также составляем национальный комитет Коммунистической партии. Лишь одному из членов комитета — миссис Элизабет Гэрли Флинн — не предъявлено

обвинения, и лишь болезнь Фостера помешала рассматривать его дело на данном процессе.

Посмотрите на нас и на минутку представьте себе, что мы являемся национальным комитетом, скажем, Прогрессивной партии, Конгресса производственных профсоюзов, Американской федерации труда, Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения или Еврейского конгресса. Представьте также, что обвинения, показания подсудимых и свидетелей в основном были бы те же самые, за исключением того, что принципы нашей Коммунистической партии были бы заменены принципами другой организации и что другие подсудимые проводили заседания национального совета, национального комитета и съезда.

В таком случае разве сомневались бы вы, присяжные, в том, что это суд над мыслями, над политическим учением, над философией? Разве сомневались бы вы, что цель суда — не только посадить за решетку руководителей организации, но и объявить вне закона самую организацию и запретить определенные мысли?

Тот факт, что в данном случае организацией *является* Коммунистическая партия, решает все дело.

Представьте еще на минутку, что мы, 11 человек, — это не мы. Вы, присяжные, знаете, что против нас и против Фостера имеется второе обвинительное заключение, которое еще будет нам предъявлено. Оно инкриминирует каждому из нас индивидуально *членство* в Коммунистической партии. Не говорит ли это достаточно ясно, что если обвинение добьется осуждения нас, то *каждый член* нашей организации станет объектом обвинения и преследования?

Не надо обладать большим воображением, чтобы представить себе, что на месте, где сидим сейчас мы, руководители Коммунистической партии, в один прекрасный день могут оказаться руководители какой-либо другой организации рабочего класса или небольшой политической партии. Ведь то, что в нацистской Германии началось с коммунистов и евреев, очень скоро распространилось на протестантов и католиков, социал-демократов и членов профсоюзов, а вскоре — и на весь немецкий народ, на все прогрессивное человечество.

План, с помощью которого нацисты распространяли свое влияние, известен под названием «виновность по связи». Представители обвинения и члены суда заверили вас в том, что эту нацистскую концепцию никогда не потерпели бы на Фоли-сквер. Но что в действительности вы, американцы и американки, увидели здесь своими собственными глазами и услышали своими собственными ушами?

Все это дело, начиная с обвинительного заключения, построено на этом понятии «виновность по связи» подсудимых. Прежде всего, на нашей связи через *книги*, на нашей связи через *идеи*, так как научное социалистическое мышление является общим для сотен миллионов людей во всем мире.

Более того, при допросе подсудимых и свидетелей защиты представители обвинения не спрашивали, чем мы, руководители Коммунистической партии, на самом деле занимаемся, что пропагандируем или отстаиваем. Обвинение хотело знать, *кто слушал нас, когда мы говорили то, что нам приписывается.*

Мы, руководители Коммунистической партии, возражаем против всех попыток протащить контрабандным путем в американскую политическую жизнь и юриспруденцию само понятие виновности по связи. Мы считаем, что никто, будь то мы сами, наши родные, друзья, знакомые, политические союзники или любые другие сограждане, не должен нести наказания за наши убеждения или деятельность.

Присяжные знают, что ряд подсудимых по собственной воле отказался помогать или содействовать стремлению обвинения распространить виновность на лиц, не подвергающихся сейчас судебному разбирательству. Вы знаете также, что Генри Уинстон, Гэс Холл, Джильберт Грин, Карл Уинтер и другие были взяты под стражу для продолжения следствия и что трое из них находятся в тюрьме почти в течение всего процесса.

Согласно постановлению суда присяжные могут признать обвинительное заключение и закон Смита конституционными, а защита может оказаться не в состоянии доказать обратное. Но принципы Билля о правах и первой поправки понятны и дороги не только нам, обвиняемым, но и большинству американского народа. Обвинение знает это так

же хорошо, как и мы. Поэтому, без сомнения, оно в своей заключительной речи призовет присяжных вынести решение о заключении нас, руководителей Коммунистической партии, под стражу «в целях защиты», утверждая при этом, что в противном случае мы якобы уничтожим в неизвестном будущем Билль о правах.

Но вы, присяжные, не должны допустить, чтобы чьи-либо слова привели к изменению вашего мнения о том, что вы сами видели и слышали. Так как обвинение нарушало на глазах у вас принципы Билля о правах, вам следует по крайней мере сделать отсюда вывод, что оно само находится под подозрением.

Нам, руководителям Коммунистической партии, официально инкриминируются наши убеждения. Нам не предъявляли обвинения в лжесвидетельстве или пользовании поддельными паспортами. Нам не предъявляли обвинения в том, что кто-то из нас живет под вымышленным именем, или в том, что некоторые коммунисты зовут друг друга по имени.

Но обвинение пыталось протащить на этом процессе подобные не относящиеся к делу обвинения, потому что оно не в состоянии привести какие-либо улики или заслуживающие доверия показания, подтверждающие наличие заговора, имеющего целью проповедь и пропаганду обязательности и необходимости насильственного свержения правительства Соединенных Штатов. Вот почему ему пришлось прибегнуть к закулисной возне, чтобы создать вокруг нашей Коммунистической партии атмосферу тайны.

Присяжные могут вполне сделать свои собственные выводы из выступлений лжесвидетелей обвинения, которые признались в своих показаниях, что они продались обвинению за 30 серебряников и теперь только ищут возможность предать своих братьев по профсоюзу, своих кровных родных, своих соседей.

Они показали, что являются наемниками ФБР, которое обучило их грязному ремеслу организации фальсификаций, провокаций и раскола. Они признались — нет, хвастались, — что у них нет ни стыда, ни совести.

Таким образом, лжесвидетели обвинения, сами того не желая, доказали правоту положения марксизма, что цели

и средства взаимосвязаны и нераздельны. Они доказали, что презренные заговорщические методы, применяемые обвинением в его отчаянных усилиях показать виновность подсудимых, настолько неамериканские, насколько и злоешие.

Дело в том, что единственный заговор, существование которого было доказано на данном процессе,— это заговор между обвинением и его лжесвидетелями, двусторонний заговор, направленный на подрыв Билля о правах и дела мира.

И при этом обвинение и его лжесвидетели имеют наглость говорить вам, присяжным, что это мы, коммунисты, проповедуем, что «цель оправдывает средства».

Правда, некоторые коммунисты, боясь потерять работу, свободу, а порой и жизнь, действительно индивидуально решают иногда вопрос о сокрытии своего имени или осуществлении каким-либо другим путем своего конституционного права на сохранение в тайне своей политической принадлежности. Это не преступление. Но присяжным следует задуматься над тем, что же происходит в нашей стране, если такое сокрытие все чаще становится необходимостью не только для многих коммунистов, но и для не коммунистов — прогрессивных, профсоюзных, негритянских и других деятелей.

Разве такое положение вещей не указывает на зловещую реакционную политическую атмосферу в США, в которой все большее число американцев вынуждено прибегать к подобным мерам самозащиты? Как изжить это зло? Может ли быть ликвидировано такое положение, если будет принято предложение обвинения не только признать виновными нас, подсудимых, но и объявить вне закона Коммунистическую партию и если будет проведена в жизнь намечающаяся при этом программа все большего введения в американскую жизнь политических преследований?

Мы, руководители Коммунистической партии, отвечаем на это отрицательно. Мы считаем, что репрессии — это самый верный путь к тому, чтобы уничтожить Билль о правах, принудить к созданию различных секретных обществ и заставить миллионы людей ходить с осторожностью и

оглядываться по сторонам перед тем, как заговорить. Мы говорим, что единственной возможностью уничтожения этой атмосферы полицейского государства является требование о соблюдении Билля о правах и обеспечение того, чтобы каждый американец, будь то еврей или христианин, негр или белый, родившийся в Америке или иммигрант, коммунист или не коммунист, был гарантирован от экономического, социального или политического преследования за свои убеждения, расу, веру или цвет кожи.

Независимо от того, как некоторые отдельные коммунисты стремились защититься в период «охоты за ведьмами» и от наказания в нацистском духе за «виновность по связи», протоколы данного процесса доказывают, что мы, подсудимые, и наша партия полностью, откровенно и гордо излагаем наши взгляды и цели.

Более того, 35 свидетелей защиты познакомили присяжных с представителями различных местных организаций Коммунистической партии. Вы не могли не обратить внимания на тот контраст, который создается между этими достойными мужчинами и женщинами и вереницей иуд обвинения.

По-видимому, большинство из вас, присяжных, до суда на Фоли-сквер никогда не видели настоящего живого коммуниста.

Возможно, вас удивило, что потомки Даниэля Буна¹⁴¹ и Джона и Присцилы Олден осуществляют руководство нашей организацией совместно с потомками героических рабов-негров. Вы, должно быть, также заметили, что около половины этих свидетелей — ветераны второй мировой войны. В протоколах судебных заседаний отмечено, что в нашей сравнительно немногочисленной Коммунистической партии таких ветеранов 15 тыс. Многие из них, в том числе и четверо подсудимых, занимают руководящие посты в нашей партии.

Вы не могли не заметить, что мужчины и женщины, негры и белые, выходцы из разных национальностей, религиозных групп и профессий, большей частью рабочие и члены профсоюзов, приходят в нашу Коммунистическую партию, руководствуясь своим собственным опытом и социалистическими убеждениями.

Вы, присяжные, также узнали, что вне рядов нашей партии мы имеем выдающихся, благородных друзей, несмотря на то, что, например, один из них, великий американец Поль Робсон, не смог сделать ничего больше, как сказать, что он знает нас, обвиняемых, и что некоторые из нас его друзья.

Не надо быть ни коммунистом, ни сочувствующим коммунистам, ни прогрессивным или профсоюзным деятелем, чтобы понять разницу между людьми с добрыми и злыми намерениями. Нет необходимости понимать хоть одно положение марксизма или соглашаться хоть с одним словом произведений Ленина, чтобы различить действительный заговор, примером которого является предъявленное нам обвинение и его лжесвидетели, или чтобы разобратся в том, что подсудимые и свидетели защиты — это мужчины и женщины, посвятившие свою жизнь служению интересам американского народа, неграм и белым, и стремящиеся содействовать укреплению мира и демократии.

Теперь обратимся к содержанию параграфа 64 обвинительного заключения: означают ли какие-либо положения марксизма-ленинизма обязательность и необходимость насильственного свержения правительства Соединенных Штатов? Мы, подсудимые, доказали, что не означают.

Но что же выдвинуло обвинение в доказательство сфабрикованного им тезиса? Основное его обоснование состоит в том, что оно ссылается на «участие в заговоре». Это то, что мы, коммунисты, называем простым словом — *книги*. Это произведения классиков марксизма-ленинизма, неотъемлемая составная часть знаний, культурной жизни, научной мысли и социального прогресса современного человечества.

Прежде чем анализировать, даже очень кратко, великие освободительные принципы научного социализма, изложенные в этих классических произведениях, я хотел бы привлечь внимание присяжных к нескольким весьма важным фактам.

Некоторые произведения классиков, представленные обвинением в качестве улик, свободно распространялись в нашей стране в течение десятка лет, некоторые — в течение трех десятков лет, некоторые — пяти десятков, а неко-

торые — и ста лет. Коммунистическая партия способствовала их опубликованию, распространению и изучению большинства из них в течение тридцати лет, *не исключая* 1944—45 гг., т. е. период существования Коммунистической политической ассоциации.

На долю этих книг выпала особая честь стать символом политической обстановки: там, где произведения классиков марксизма были запрещены, свобода слова и печати также была запрещена, там, где их судили, мужчин и женщин без суда заключали в концентрационные лагеря; там, где эти книги сжигали, людей уничтожали в крематориях.

Эти книги представляют собой своего рода барометр политического климата. Присяжным известно и в протоколах этого процесса записано, что именно эти марксистско-ленинские произведения снова стали свободно распространяться в Германии, Италии, Франции и Японии после освобождения этих стран американскими, английскими и советскими солдатами от нацистской тирании и тирании микадо.

Как это ни странно, но именно с этими книгами нам, руководителям Коммунистической партии, устраивают очную ставку на данном суде. Обвинение даже не утверждает, что мы их *написали*. Оно даже не говорит, что мы, обвиняемые, цитировали их. Оно просто говорит, что кто-то рекомендовал их к разработке как «дополнительное чтение для будущего самообразования».

Обвинение претендует на то, чтобы подвергнуть суду наше понимание содержания этих книг. Но никакую теорию, и тем более научный социализм, нельзя подвергнуть судебному разбирательству. Ни один суд и ни один присяжный не может определить, что происходит у нас в уме или в уме любых других обвиняемых, которых судят за их политические убеждения.

И тем не менее мы, руководители Коммунистической партии, доказали, что представляют собой принципы марксизма-ленинизма и что они собой не представляют.

Что говорят протоколы судебных заседаний об этих принципах, которые нам официально инкриминируются? Включают ли они, например, «принципы»: «человек челове-

ку — волк» или «своя рубашка ближе к телу»? Нет, это принципы частного предпринимательства, империалистических поджигателей войны.

Что же представляют собой принципы марксизма-ленинизма, о верности которым мы, 11 подсудимых, с гордостью заявляем и которые мы стараемся применить в интересах нашего народа и нашей страны?

Эти принципы изложены в показаниях защиты, особенно в показаниях Фостера. Они также изложены в таких произведениях, как «Манифест Коммунистической партии», «Государство и революция», ...являющихся известными произведениями марксизма-ленинизма, представленными обвинением в качестве улик...

Хотя присяжным это может показаться странным, но обвинение ни разу открыто и прямо не оспаривало наших передовых научных принципов марксизма-ленинизма, которые нам, руководителям Коммунистической партии, официально инкриминируются. Не решилось обвинение открыто оспаривать также историческую цель рабочего класса, конечное социалистическое преобразование американского общества, которое мы, руководители Коммунистической партии, пропагандируем.

Как мы уже говорили в своих показаниях, социализм представляет собой общественное владение крупными банками, заводами, коммунальными предприятиями, железными дорогами, шахтами и всеми производственными ресурсами, а также управление народным хозяйством со стороны правительства народа, во главе которого стоит рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия.

Мы, подсудимые, говорили в своих показаниях, что при социализме, как, например, в Советском Союзе, нет эксплуатации большинства меньшинством, никакого расового или национального неравенства, никаких преследований на религиозной почве, никакого страха перед безработицей и отсутствием социального обеспечения. Нет никакой экономической или социальной базы для стремления к порабощению других стран или народов. Отсюда вытекает, что у социалистического государства нет причин или оснований для проведения внешней политики агрессии и войны. Со всем наоборот.

Мы говорили затем в своих показаниях, что мы глубоко верим, что усиление социализма в стране, где он уже осуществлен,— в СССР — и построение социализма во всех странах навсегда покончит с угрозой реакции, фашизма и войны и тем самым откроет новые безграничные возможности для процветания, счастья и социального прогресса человечества.

Здесь не дебатруется вопрос о том, согласен ли кто-нибудь из вас, присяжных, хотя бы в малой мере с тем, во что мы, коммунисты, верим в отношении социализма. Вопрос о том, когда американский народ решит, что он хочет построить социалистическое общество, и как он это сделает, зависит от большинства граждан Соединенных Штатов, от трудящихся и будущего развития.

Однако обвинение поставило перед вами, присяжными, гипотетический и теоретический вопрос, а именно: верим ли мы, подсудимые, в то, что социалистическое преобразование американского общества *может когда-либо, в какое-то время или при каких-то обстоятельствах быть осуществлено без насильственного свержения правительства Соединенных Штатов?*

Для лживого ответа на этот вопрос обвинение умышленно смешивает и стремится запутать важное различие между принципами и конечными целями, с одной стороны, и стратегией и специфической тактикой, необходимой для осуществления этих принципов, с другой.

Но как следует из показаний Фостера и других обвиняемых и свидетелей защиты, мы, руководители Коммунистической партии, учим и подчеркиваем, что осуществление целей рабочего класса, применение принципов научного социализма делает необходимым принятие определенной стратегии и гибкой тактики, отвечающих данной исторической ситуации, соответствующих времени, месту и обстоятельствам...

Обвинение... как попугай, повторяет неопровержимый факт, что существует закон неизбежности пролетарской революции. Для того чтобы создать впечатление, будто бы этот закон утверждает, что социализм не может быть достигнут мирным путем и что у нас, коммунистов, есть «план», в котором указано, когда и как осуществить его путем насиль-

ственного свержения правительства, обвинение позаимствовало доводы из гитлеровской книги «Майн кампф».

Закон неизбежности пролетарской революции был и остается основным законом учения о развитии общества. Он существует так же независимо от намерений подсудимых или любых других марксистов, как закон деления атома существует независимо от воли физиков-атомщиков.

Этот закон общественных изменений и революции утверждает, что социализм в конечном итоге победит во всех странах. *Но он не утверждает, ни когда это произойдет, ни каким образом.*

Мы, руководители Коммунистической партии, доказали то, что едва ли требовало доказательства: мы доказали, что реакционные классы или клика меньшинства, стоящего у власти, когда и где только могли пускали в ход силу и насилие, чтобы преградить путь прогрессу. Весьма ярким свежим примером этого было предупреждение, выраженное и отстаивавшееся Джоном Фостером Даллесом во время последней предвыборной кампании в Нью-Йорке, о том, что даже самые слабые социальные мероприятия, направленные на удовлетворение нужд народа, встретят яростное контрреволюционное сопротивление.

Мы, подсудимые, гордимся тем, что в течение 101 года марксисты использовали свое понимание законов развития человеческого общества в целях социального прогресса и защиты непосредственных, а также будущих интересов трудящихся.

Всюду в мире сила и насилие являются оружием господства монополий, особенно при их стремлении установить фашизм. Во все времена и повсюду благочестиво проповедуемое отвращение к насилию является лицемерной маской, которую цепляют на себя реакционеры, те, кто противодействует всем действиям народа, направленным на поддержание жизни, свободы и стремления к счастью. И Фолисквер не является исключением из этого правила.

Ответственность за применение силы и насилия очень хорошо показана Марком Твеном при описании Великой французской революции в его знаменитом классическом произведении «Янки при дворе короля Артура». Марк Твен, настоящее имя которого, кстати, Самуэль Клеменс, писал

«Нужно помнить и не забывать, что было два «царства террора»; ...одно длилось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно стоило жизни десятку тысяч человек, другое — сотне миллионов. Но нас почему-то ужасает первый, наименьший, так сказать, минутный террор... Все жертвы того красного террора, по поводу которых нас так усердно учили проливать слезы и ужасаться, могли бы поместиться на одном городском кладбище; но вся Франция не могла бы вместить жертв того древнего и подлинного террора, несказанно более горького и страшного; однако никто никогда не учил нас понимать весь ужас его и трепетать от жалости к его жертвам» *.

Поскольку обвинение хотело стереть воспоминания о древнем, подлинном терроре, оно также пыталось помешать присяжным понять, что закон неизбежности пролетарской революции является результатом длительного исторического процесса.

Показания всех подсудимых, и особенно показания Фостера, Грина, Томпсона и других, разъяснили присяжным, что этот закон подразумевает пять следующих стадий социальной эволюции и революции:

- 1) развитие капитализма и его переход в стадию загнивающего империализма;
- 2) достижение рабочим классом государственной власти;
- 3) установление диктатуры пролетариата, власти рабочего класса, т. е. демократии рабочего класса, которая приступает к уничтожению старой буржуазной государственной машины, сопротивления капиталистов и контрреволюции;
- 4) построение социализма;
- 5) постепенный переход к коммунизму и в конечном счете отмирание государства.

В этом законе неизбежности социальных изменений и революции нет ничего, что говорило бы, будто какая-либо из его пяти стадий или все они могут быть осуществлены лишь путем насильственного свержения правительства Соединенных Штатов или какого-нибудь другого правительства.

---

* Марк Твен, Янки при дворе короля Артура. М., 1953. стр. 73.

Однако обвинение в своем предвзятом «теоретизировании» рассматривает только вторую и третью стадии. Характерно, что оно предпочитает замалчивать тот факт, что капиталистическая система может похвастаться значительным достижением в применении силы и насилия, относящимся к гораздо более ранним годам, чем 1917 год.

Большая часть капиталистических государств утвердилось, совершив насильственное свержение феодальных и монархистских правительств. Капитализм в США и в других странах поглотил сотни миллионов жизней во время многочисленных несправедливых войн, имевших целью увеличение прибылей, грабеж и расширение сфер империалистического влияния. Он поглотил жизни сотен миллионов труженников в результате несчастных случаев на производстве и болезней, которые можно было бы предотвратить.

Только в виде ли погромов или линчеваний капитализм породил насилие, террор и шовинизм? В эпоху своего заката монополистический капитал порождает фашизм — разбойничье и жестокое правление самых реакционных трестов, жаждущих войны, который является виновником таких бесчеловечных преступлений, что пришлось для их определения изобрести новое слово — геноцид.

Тем не менее, закон неизбежности социалистической революции гласит, что каким бы злостным ни был капитализм, он все равно отживет свой век к тому моменту, когда созреют экономические, политические и социальные факторы, позволяющие рабочему классу подняться к власти и построить социалистическое общество.

Теперь рассмотрим те две стадии этого основного закона развития общества, к которым обвинение проявляет столь глубокий теоретический интерес.

Во-первых, присяжные должны знать, что мы говорим обо всем процессе социального развития, о законе развития общества, а не о каком-то плане. Во-вторых, вам следует иметь в виду, что на осуществление этого закона влияет изменение обстановки внутри страны и во всем мире...

Естественно, мы учим, что в России в 1917 году была революция, а также что она подтвердила основные законы, открытые Марксом и развитые Лениным и его последователями. Мы также учим, что эта первая пролетарская рево-

люция повергла в прах «планы» и посмеялась над любителями догм. Мы учим, что в России в 1917 году не произошло бы социалистической революции, если бы Ленин и его соратники приняли *«Манифест Коммунистической партии»* как догму. Потому что, как вы помните, это произведение классиков марксизма — правительственное вещественное доказательство № 40 — предполагало, что первая социалистическая революция начнется в высокоразвитой промышленной стране, такой, как Германия, и будет победоносной лишь в том случае, если она одновременно совершится в большом числе других развитых стран.

Мы учим, что в России в 1917 году произошла успешная социалистическая революция потому, что история пошла не по тому пути, которого ожидали, но которого не навязывали Маркс и Энгельс. А также потому, что Ленин и его последователи на практике доказали, что настоящие марксисты руководствуются наукой о развитии общества, что они не пользуются при этом готовыми рецептами, а обогащают и развивают созидательную науку — марксизм.

Более того, мы учим, что в какой-то момент при существовавших тогда условиях Маркс и Энгельс предусматривали возможность победы социализма в двух странах — Соединенных Штатах и Англии — путем обычного конституционного прихода к власти рабочего класса и что Ленин, поборник социальных изменений и пролетарских революций, видел две реальные, хотя и быстро исчезнувшие возможности мирного развития русской революции: в марте, а затем в июле 1917 года. Ленин учил, что, где и когда только возможно, рабочий класс должен прилагать все усилия, чтобы реализовать подобные возможности. Не принципы марксизма-ленинизма, а сопротивление капиталистов и интервенция империалистов не дали возможности воспользоваться этими мирными путями победы социалистической революции.

И, наконец, мы учим, что социалистическая революция в России произошла в разгар империалистической войны, в мире, который раздирали различные силы и насилие. За сравнительно мирным достижением власти рабочим классом последовала военная интервенция английских, французских, американских и японских милитаристов.

Первая социалистическая революция была безусловно трудной, но мы, руководители Коммунистической партии, не учим, что все последующие социалистические революции будут столь же трудными...

Ведь факт остается фактом, что разгром держав оси и дальнейшее усиление социализма в Советском Союзе создали возможности для совершенно нового развития событий, не предусмотренного и не «планировавшегося» Марксом и Лениным.

Таким образом, вопрос о том, кто несет ответственность за применение силы и насилия, давным давно перестал быть «теоретическим» вопросом для народов восточноевропейских стран. Польский народ увидел, что те, кто обвинял польских коммунистов в проповеди силы и насилия, уничтожили 9 млн. мирных поляков, из них 3 млн. евреев. Народ Чехословакии не забыл, что, когда нацистские захватчики начали сажать за решетку чехов за марксистские убеждения, они попутно казнили 60 тыс. патриотов — не марксистов, бросили 200 тыс. человек в концентрационные лагеря и 1,5 млн. человек лишили крова.

Как было показано здесь свидетелем защиты Максом Вейссом и подсудимым Джильбертом Грином, венгерский рабочий класс пришел к власти в 1919 году мирным путем, что приветствовал и поддерживал Ленин. Но его законное правительство было свергнуто силой и насилием феодальных землевладельцев и профашистски настроенных капиталистов, чью государственную машину венгерские рабочие не смогли разбить.

В результате рабочий класс и его коммунистический авангард смогли встать во главе народов восточноевропейских стран только после освобождения их Красной Армией в 1945 году от ненавистного нацизма и предателей.

В этих странах рабочий класс пришел к власти мирным и исключительно конституционным путем. Он не свергал никаких капиталистических правительств с применением силы или насилия.

Одобряете вы, двенадцать присяжных, или нет созданные народами Восточной Европы демократические порядки — это не является предметом данного суда. Но показания и свидетельство, несомненно, доказывают, что нет такого

зверя, как марксистский «план», и что мы, коммунистические лидеры, не учим тому, что приписывает нам обвинение.

Наоборот, мы учим, что необычайно кратковременный момент возможного мирного перехода к социализму, отмеченный Лениным в России в 1917 году, сейчас стал значительно продолжительным.

Присяжные знают, что Коммунистическая партия в течение 30 лет пропагандирует социализм. Но мы никогда не пытались убедить американский народ в том, что в Соединенных Штатах путь к социализму заранее кем-то декретирован.

Даже обвинение не может придумать достаточно веский мотив, согласно которому мы должны начать осуществлять это сейчас; *сейчас*, когда появились новые блестящие возможности для мирного социального прогресса.

Показания подсудимых и свидетелей защиты доказывают, что в целом закон Маркса о неизбежности социальной революции действителен для всех социальных революций, как социалистических, так и несоциалистических. Мы также установили, что имели в виду Маркс и Энгельс, когда они заявляли в «Манифесте Коммунистической партии», что «их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» *.

Демократическое и революционное значение этого утверждения Маркса и Энгельса подтвердилось при их жизни не где-нибудь, а здесь, в Соединенных Штатах. Присяжные слышали показания защиты о том, как это произошло...

В 1860 году Авраам Линкольн был избран президентом Соединенных Штатов. Избрание его было не обычными выборами, хотя проходило оно строго в рамках закона и мирно. Линкольн был избран от новой политической партии.

Это была коалиционная партия капиталистов, рабочих и фермеров — пионеров, которые расходились во мнениях по множеству вопросов, но которых сплачивала прежде всего их общая вражда к распространению рабства, а отсюда и понимание того, что победа над рабовладельческой олигархией требует отмены рабства.

---

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, М., 1959, стр. 71.

Эти американцы — аболиционисты, социалисты, капиталисты — потеряли веру в обе старые политические партии того времени. Новое правительство, которое они избрали, было полно решимости не допустить распространения рабства на новую территорию и сохранить республику.

Присяжным следует обратить внимание на то, что это было единственное правительство Соединенных Штатов за всю нашу 173-летнюю историю, которому пришлось оградить себя от серьезной угрозы насильственного свержения. Эта угроза исходила от нелегально вооружившихся мятежников-рабовладельцев, решивших любой ценой сохранить социальные условия рабского труда. Этот контрреволюционный мятеж произвели не аболиционисты, не первые социалисты и не негры, которые выступали за ликвидацию рабского труда.

Для подавления этого вооруженного мятежа правительство Линкольна пустило в ход самое мощное орудие силы и насилия, имевшееся в его распоряжении, — армию Соединенных Штатов.

Как это ни ужасно для обвинения, федеральное правительство позже послало армию в южные штаты, чтобы *разгромить государственную машину рабовладельческой олигархии*. Оно отобрало у рабовладельцев их самое ценное имущество, не заплатив им за него и не спросив у них разрешения. Оно внесло изменение в конституцию, предоставив неграм право голоса и другие гражданские права, и не позволило рабовладельческим штатам голосовать ни за, ни против 13, 14 и 15-й поправок.

Странные вещи можно узнать на Фоли-сквер. Возможно, большинство из вас, присяжных, не знало, что во времена Линкольна имелись американские марксисты. Они придерживались принципов, за которые нас, подсудимых, официально привлекают к судебной ответственности. Их конечной целью был социализм, ликвидация открытого и скрытого рабства. Они проповедовали единство негров и белых. Они были пролетарскими интернационалистами. Сам Линкольн питал большое уважение к пролетарскому интернационализму. Он говорил: «Самыми сильными узами, помимо родственных, должны быть узы, соединяющие всех трудящихся разной национальности, разного языка и разной веры».

Эти первые американские марксисты гордились успехами Маркса в деле организации английских рабочих в поддержку северян. Они приняли участие в создании широкой коалиции и новой политической партии, избравшей Линкольна, и занимали крупные офицерские посты в армии северян.

Это — настоящая социальная революция, которую можно противопоставить закону Смита, обвинительному заключению и выдержанной в духе «Майн кампф» версии закона о неизбежности пролетарской революции, выдвинутой обвинением.

Эта социальная революция происходила в точном соответствии с основным законом марксизма. Ее поддерживали американские марксисты и международное коммунистическое движение. Она насильственно уничтожила *социальные условия* для рабского труда и начала, хотя и не закончила, национальное освобождение негритянского народа.

Но эта американская социальная революция не свергла правительства Соединенных Штатов. Она достигла своих целей, силой и насилием *поддерживая* правительство Соединенных Штатов. Эта настоящая революция опрокинула, разрушила и вдребезги разбила всю «теоретическую» базу доводов обвинения.

У обвинения имеется еще одна позиция, основанная на «если». Нам предъявляется ложное обвинение в том, что «если» мы, руководители Коммунистической партии, не отстаиваем насильственного свержения правительства во время депрессии, мы якобы «сделаем» это во время «следующей» империалистической войны.

Эту теорию обвинение сфабриковало, используя известнейший старый лозунг рабочего класса «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую».

Что касается этого пункта, то мы, обвиняемые, ответили на него в первую очередь: все наши расчеты основаны на предпосылке, что народы *не допустят* новой империалистической войны, новой мировой войны.

Тем не менее мы рассказали присяжным все об этом лозунге, выкопанном обвинением из архивов первой мировой войны...

Вы знаете, что в 1907 году в Штутгарте, а затем в 1912 году в Базеле всемирное социалистическое движение

заявило, что рабочие считают преступлением стрелять друг в друга ради прибылей капиталистов.

Когда разразилась первая мировая война, одни лишь большевики придерживались этого принципа и превратили лозунг «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» в руководство к действию. Это был единственно возможный путь борьбы именно с той несправедливой войной и путь ускорения ее окончания. Это также оказалось в то время, в том месте и в тех условиях правильным путем развития борьбы за социализм до его полной победы над царизмом и капиталистической эксплуатацией в России.

Присяжные знают, что немецкие рабочие не применяли этот лозунг в 1914—1918 гг. Защита показала, как это могло впоследствии подготовить почву для прихода Гитлера к власти.

Прежде всего присяжные должны помнить, что лозунг «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» применялся во время определенной войны, в конкретных условиях первой мировой войны. Правда, эта тактика, этот лозунг действия проистекает из основного положения марксизма, с которым мы, подсудимые, целиком согласны.

Положение это заключается в том, что между войнами оборонительными и войнами захватническими, национально-освободительными войнами и поработительными войнами — словом, между справедливыми и несправедливыми войнами имеется большая *разница*. Согласно этому принципу рабочего класса мы, марксисты, считаем, что нашим долгом является борьба против всех несправедливых войн, борьба за их предотвращение, а если это не удастся, то борьба за установление демократического и справедливого мира.

Обвинение не смеет сказать прямо, что делить войны на справедливые и несправедливые незаконно или аморально. Но оно раскрыло свою позицию особенно во время допроса подсудимых Грина, Томсона и некоторых других.

Обвинение различает только войны, начатые с объявлением или без объявления войны, которые вело или поддерживало правительство Соединенных Штатов.

Это язык проповедников «превентивной войны», это язык агрессоров и тех, кто стремится превзойти Адольфа Гитлера.

Мы, коммунисты, говорим на прямом и честном языке трудящихся. Мы ясно говорим, что первый и наивысший долг патриота *любой* страны — определить, является ли причина, из-за которой его *собственное* правительство вступило в войну, справедливой или несправедливой. Мы говорим, что если виноваты те немцы, которые не боролись против гитлеровских агрессивных войн, то так же виноваты будут американцы, если они поддержат несправедливую войну, которую будет вести правительство Соединенных Штатов.

Как мы, обвиняемые, уже говорили присяжным, мы согласны с патриотической идеей, высказанной Карлом Шурцем, близким соратником Линкольна, противником несправедливых войн и сенатором от штата Висконсин. В 1872 году Шурц сказал на заседании конгресса: «В одном смысле я говорю: моя страна права или неправа. Если она права, пусть и идет по этому пути, если неправа, то надо ее направить на правильный путь».

Мы, 11 подсудимых, много писали о несправедливых войнах, а также об историческом значении лозунга «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Обвинение прочесало весь этот материал густым гребнем. Но вы, присяжные, знаете, что не было вычесано даже половины предложения, которое доказывало бы, что кто-нибудь из нас когда-либо выдвигал этот лозунг *как лозунг действия*.

Повторяю, что не играет никакой роли, что тот или иной подсудимый как отдельное лицо мог думать в тот или иной период или писать десятки лет назад. Обвинение не смогло найти ни одного примера того, что Коммунистическая партия или ее национальное руководство когда-либо отстаивали применение этого лозунга, конкретное приложение этой тактики, хотя мы и имели конституционное право это сделать.

Самое лучшее или, вернее, самое худшее, что обвинение могло сделать, чтобы «доказать» недоказуемое, — это выставить лжесвидетеля Буденца, который заявил, что в 1939 или в начале 1940 года он однажды слышал, что я сказал, будто империалистическую войну следует превратить в гражданскую. Эта отъявленная ложь была полностью разоблачена свидетелем защиты Максом Вейссом.

Мы, руководители Коммунистической партии, показали под присягой и повторяем, что если возникнет несправедливая война, мы будем бороться против нее, делать все, чтобы как можно скорее прекратить ее в интересах нашего собственного и всех других народов и будем отстаивать установление демократического и прочного мира. Это относится к *любой* несправедливой войне, будь то против Советского Союза или любой страны Латинской Америки, против Англии, Франции или Италии, против стран народной демократии в Восточной Европе или против нового свободного Китая.

Но это совсем не означает, что если вспыхнет подобная империалистическая разрушительная война, то мы, коммунисты, обязательно будем проповедовать, чтобы кто-то превратил эту несправедливую войну в войну гражданскую.

Как вы, присяжные, знаете, лозунг «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» ни разу не был выдвинут как лозунг действия во время второй мировой войны, справедливой войны, которую мы, коммунисты, решительно поддерживали от начала до конца.

Как же обвинение «теоретически» обосновало этот факт, чтобы он подходил к его системе доказательств, основанных на чтении чужих мыслей?

Обвинение обращается к другому хорошо известному факту, а именно, к тому, что мы, руководители Коммунистической партии, считали первый период, период «странной войны» 1939—40 гг., империалистической войной и предупреждали, что Чемберлен и Даладье собираются переменить на другую сторону и перетащить с собой Соединенные Штаты в гитлеровский лагерь. Но этот факт ставит эрзац-«теории» обвинения в еще более беззащитное положение. Потому что даже обвинение вынуждено признать, что в тот период мы, американские коммунисты, выдвинули следующий лозунг действия: «Не допускать вступления Америки в войну».

Следующим своим шагом обвинение пытается обойти этот вопрос, заявляя, что то, что мы не призывали к гражданской войне против правительства Рузвельта в 1939—40 гг., «не считается». Почему? Потому что в то время Соединенные Штаты «официально» не были воюющей стороной.

Но и эти лживые утверждения рассыпаются под тяжестью показаний подсудимых и свидетелей. Потому что, как присяжным известно, правительства Чемберлена и Даладье официально *были* в состоянии войны с нацистской Германией. Эта война была известна под названием «странной» не столько потому, что в то время это была империалистическая война, сколько потому, что эти официальные воюющие стороны объявили друг другу войну, но фактически ее не вели.

Согласно теории обвинения французские и английские коммунисты должны были призывать к гражданской войне. Но они этого не делали. Они выдвинули новый лозунг действия, вытекавший из новой исторической обстановки даже до того, как Советский Союз вступил во вторую мировую войну. Такого лозунга коммунисты никогда не выдвигали в первую мировую войну. Это был лозунг, призывавший к *переговорам о демократическом мире для народа*, который стало возможным осуществить благодаря новому всемирно историческому фактору, не имевшемуся в 1914 году, а именно фактору существования СССР.

Как только обвинение попадает в действительно затруднительное положение со своими «теориями», особенно в вопросе войны и мира, оно снова старается перепутать принципы, стратегию и тактику. По этому поводу оно старается предсказать нашу стратегию в случае возникновения третьей мировой войны, «доказывая» давно установленный факт, что мы, марксисты, учим, что капитализм порождает империалистические войны. Но из протоколов судебных заседаний видно, что с апреля 1945 года мы, руководители Коммунистической партии, учим, что капитализм «уже не тот, каким он был», и что совсем необязательно, чтобы из яиц, которые он несет, всегда высиживались цыплята.

Протоколы судебных заседаний доказывают, что в течение всего периода, охваченного обвинительным заключением, мы утверждали, что благодаря разгрому держав оси..., а также благодаря все растущей мощи антиимпериалистического лагеря мира, демократии и социализма стало возможным *впервые в истории предотвратить* новую мировую войну.

Многие американцы, обманутые военной пропагандой Уолл-стрита, его антикоммунистической истерией, верят, что

третья мировая война неизбежна. В это же верит и обвинение, поощряющее кампанию подготовки к войне, которую ведут обе основные партии США.

Но нет никакого закона, запрещающего людям верить, и, наоборот, есть все основания верить, что миролюбивые народы мира, если они объединят свои усилия, обладают сейчас достаточной мощью, чтобы навязать свою волю к миру.

Мы, руководители Коммунистической партии, действительно верим в это. Мы верим, что на сегодняшний день Советский Союз представляет собой мощный и непоколебимый оплот мира, даже еще более сильный и влиятельный, чем он был во время своей военной победы над странами оси в годы второй мировой войны. Мы верим, что молодые страны народной демократии в Восточной Европе, а также Китайская Народная Республика еще больше перетягивают чашу всемирных весов против империалистических поджигателей войны. Мы верим, что сотни миллионов людей в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке объединяются, чтобы спасти мир от невообразимых ужасов атомной войны.

Мы верим также, что страстное стремление к миру сплачивает миллионы американцев, особенно трудящихся, которые придерживаются различных взглядов на будущий путь социального развития, и объединяет их для действий, направленных на обеспечение того, чтобы никакое правительство Соединенных Штатов никогда не бросило их в новую мировую войну, в несправедливую и варварски разрушительную войну.

Похоже, что обвинение хочет, чтобы вы, присяжные, забыли про атомную бомбу и игнорировали бы тот факт, что если бы вспыхнула новая мировая война, то она не только была бы развязана Уолл-стритом, но и была бы атомной войной. Как по-другому можно объяснить тот факт, что обвинение считает зловещим то, что мы, 11 обвиняемых, отстаиваем *предотвращение* подобной преступной войны, подобной варварской силы и насилия, беспрецедентного массового убийства и разрушения?

Ввиду этого обвинение, не считаясь со сроком давности, пытается представить дело таким образом, будто мы, коммунисты, поддерживали в войне Соединенные Штаты и Объединенные Нации против антикоминтерновских стран оси

по мотивам, «связанным с нашими конечными целями и пока не раскрытым».

Обвинение хочет, чтобы вы поверили, будто наша преданность делу мира во всем мире мотивируется не верностью своему народу или заботой о благосостоянии нашей страны. Оно стремится также инсинуировать, будто в настоящее время наша пропаганда американско-советской дружбы и мира похожа на предательство.

В действительности мы, руководители Коммунистической партии, и миллионы наших соотечественников не хотели, чтобы строительство социализма было прервано мюнхенскими предателями и чтобы оно было приостановлено Гитлером, Муссолини и микадо. Ни мы, ни другие миролюбивые и прогрессивные люди не хотим также, чтобы спокойное великое созидательное развитие социализма в послевоенный период было прервано или задержано другим агрессором.

Но в равной мере действительно и то, что все, что мы делали и делаем, было и есть в интересах нашего собственного народа и страны. Разве не в интересах американского народа была борьба за изоляцию фашистских агрессоров перед второй мировой войной? Разве американский народ меньше выиграл, чем русский, от военного разгрома оси Берлин — Рим — Токио? Разве не в интересах американского народа надеть смиренную рубашку на проповедников «атомной блиц-войны» с Уолл-стрита, предотвратить новую мировую войну, что мы, руководители Коммунистической партии, и стремимся всеми своими силами делать?

Возможно, присяжные вспомнят, что когда Томас Джефферсон в 1790 году противился заговору федералистов в отношении создания англо-американского военного союза против революционной Франции, он руководствовался истинными интересами американского народа и дела мира.

Линкольн принимал к сердцу благополучие нашего народа не меньше, чем мексиканского, когда противился в 1848 году захватнической войне против Мексики. И Франклин Делано Рузвельт стремился отстаивать и действительно отстаивал жизненно важные интересы американского народа и дело мира тем, что установил дружбу и сотрудничество с СССР и проводил это как в военное, так и в мирное время.

Таким образом, и мы, коммунисты, рьяно борющиеся с

поджигателями войны, пропагандирующие и отстаивающие пакт о мире и дружбе между США и СССР, никем не превзойдены в борьбе за не отделимые друг от друга мир во всем мире и благосостояние, свободу и счастье наших соотечественников.

В настоящее время нигде в мире, кроме Уолл-стрита и Фоли-сквер, не говорят о «неизбежности» новой мировой войны. Повсюду в мире, во всех штатах нашего государства люди, и, в первую очередь, коммунисты выдвинули боевой лозунг действия: *Никаких войн!* Это одновременно и чудесный и практически осуществимый лозунг. Это лозунг, в который мы, 11 обвиняемых, верим и который отстаиваем. Это мы делали на протяжении всего периода, охваченного обвинительным заключением, и будем делать сегодня и завтра.

Но если вопреки воле подавляющего большинства человечества на мир обрушится агрессивная империалистическая война, атомная война — что тогда? Неужели присяжные хоть на мгновение думают, что если мы, 11 подсудимых, будем в тюрьме, то никого не найдется в Америке, никого не найдется в мире, кто встал бы на борьбу за быстрое окончание преступного атомного уничтожения человечества?

Мы, руководители Коммунистической партии, думаем иначе.

В течение всего этого длительного процесса вы, присяжные, должно быть, не раз задавали себе вопрос — что же все-таки инкриминируется нам, 11 обвиняемым? Но теперь уже всем ясно, всем, кто хочет видеть, что 20 июля 1948 г. нам, руководителям Коммунистической партии, было предъявлено обвинение в наших убеждениях, наших мыслях, наших принципах.

Протоколы судебных заседаний показывают, что это обвинительное заключение было выдвинуто против нас через восемь лет после принятия в 1940 году постыдного закона Смита, через восемь долгих лет, в течение которых мы, коммунисты, продолжали пропагандировать и отстаивать принципы марксизма-ленинизма, которым наша партия верна с момента ее образования в 1919 году.

В течение четырех из этих лет американский народ, в том числе и коммунисты, силой и насилием поддерживал

правительство Соединенных Штатов в самой критической войне за существование, которую мы когда-либо вели. Никто из вас не задумывался над тем, почему нам, руководителям Коммунистической партии, не было предъявлено обвинений в то время, когда ложные доводы обвинения были бы приравнены к измене, в военные 1941—1945 гг.?

Ответ заключается в том, что нам *не предъявляли обвинения тогда*, потому что не было никаких данных и основания для обвинения нас в заговоре, направленном на пропаганду и отстаивание обязательности и необходимости насильственного свержения правительства Соединенных Штатов — *так же как их нет и сейчас*.

Далее, произведения классиков марксизма-ленинизма и наши принципы были фактически поставлены под двойной удар. Это обвинительное заключение было предъявлено через пять лет после решения Верховного суда по делу Шнейдермана, вынесенного тогда, когда закон Смита уже был в действии.

По положению присяжные могут не признать или же защита может отклонить политические и конституционные моменты, общие для данного процесса и дела Шнейдермана.

Однако на основании протеста обвинения один маленький параграф из решения по делу Шнейдермана был включен в улики. Вы можете прийти к собственным выводам, почему все остальное включено не было.

Во всяком случае, из протокола видно, что в Верховном суде дело руководящего работника Компартии Уильяма Шнейдермана вел покойный Уэнделл Уилки, который отказался от вознаграждения и вел его как общественное поручение. Далее из протоколов видно, что решение Верховного суда было написано известным юристом-демократом судьей Фрэнком Мэрфи, чья безвременная кончина наступила во время данного процесса. И, наконец, из протокола видно, что параграф, взятый в качестве улики, относится к изучению и юридическому заключению Верховного суда в отношении того, как мы, американские коммунисты, интерпретируем и понимаем такие выдающиеся произведения классиков марксизма-ленинизма, как «Манифест Коммунистической партии», «Государство и революция»... и «Программа Коммунистического Интернационала» 1928 года.

Выражая мнение большинства членов Верховного суда, судья Мэрфи писал в этом параграфе:

«Правильным выводом из вышесказанного будет, что партия в 1927 года желала достигнуть своей цели мирными демократическими средствами и теоретически оправдывала применение силы и насилия лишь как метода предотвращения попыток насильственного контрпереворота после того, как партия уже пришла к власти мирным путем, или в качестве последнего средства для того, чтобы добиться выполнения воли большинства, если в неопределенном будущем ввиду каких-либо особых обстоятельств конституционные или мирные каналы будут закрыты».

Это решение Верховного суда было принято в июне 1943 года, когда Соединенные Штаты были в состоянии войны. Обвинительное заключение было выдвинуто через три года после того, как в 1945 году чрезвычайная сессия Верховного суда подтвердила, что мы, 11 подсудимых, и Коммунистическая партия в целом верны принципам и теории, на которые ссылался судья Мэрфи.

Что же изменилось за этот период? Что изменилось за годы с 1943 по 1948? Конечно же, не принципы марксизма-ленинизма, которые оставались и остаются неизменными и действенными, такими же, какими они были до и после этих лет. Даже обвинение не инкриминирует нам изменения принципов, нет, оно инкриминирует нам возврат к тем принципам, которых мы придерживались в то время, когда Верховный суд принимал это решение.

Из протоколов заседаний суда видно, что именно изменилось с 1943 по 1948 год — это *политическая ситуация в Соединенных Штатах и федеральное правительство Соединенных Штатов*.

Из протоколов видно, что в 1943 и 1944 гг. мы, подсудимые, были активнейшими сторонниками правительства Рузвельта. Из протоколов видно также, что в 1944 году мы не только играли ведущую роль в проведении предвыборной кампании по избранию Ф. Д. Рузвельта на четвертый срок, но и поддерживали баллотировавшегося с ним Гарри С. Трумэна.

Да, что-то изменилось после 1945 года, но не наши принципы научного социализма и не наше отношение к «новому

курсу» Рузвельта и к политике коалиции против стран оси. Из протоколов видно, что в 1948 году мы, руководители Коммунистической партии, все еще поддерживали прогрессивную политику Рузвельта и боролись с теми, кто ее предал.

Из протоколов следует, что в 1948 году наша партия поддерживала Генри Уоллеса и список кандидатов Прогрессивной партии на пост президента и вице-президента против кандидатур президента Трумэна и губернатора Дьюи. Из протокола видно, что нам было предъявлено обвинение в самый разгар напряженной предвыборной кампании, за два дня до основания новой Прогрессивной партии.

В протоколе нет ни одного показания подсудимых или свидетелей, которое указывало бы на какой-либо подходящий мотив, обосновывающий якобы намерение подсудимых пропагандировать и отстаивать обязательность и необходимость насильственного свержения некоего предположительного правительства Соединенных Штатов. Но в нем ясно отражен мотив, по которому правительство демократов, подстрекаемое нападками республиканцев, утверждающих, будто оно «заигрывает» с коммунистами и их попутчиками, предъявило 11 руководителям Коммунистической партии обвинение в разгар предвыборной кампании летом 1948 года.

Однако за этим процессом кроется нечто большее, чем политика непримиримости. Присяжные видят теперь зловещую, далеко идущую цель, которая привела к обвинению руководителей Коммунистической партии за наши принципы, убеждения, идеи, а не за какое-либо открытое действие.

На данном процессе обвинение пыталось подвести «теоретический» фундамент под аннулирование Билля о правах и вело идеологическую войну против принципов Джефферсона и наших принципов. Обвинение пытается подвести тот же самый антикоммунистический идеологический фундамент, который использовали нацисты в своих действиях для уничтожения рабочего и коммунистического движения и буржуазно-демократических прав, которыми пользовался немецкий народ при Веймарской республике.

Но данный процесс во многом отличен от процесса 1933 года в связи с поджогом рейхстага, хотя тех из вас.

кто помнит тот процесс, должно быть, поразило их сходство во многих отношениях.

Ложное обвинение о поджоге германского рейхстага, являвшемся будто бы сигналом к какому-то коммунистическому восстанию, предъявленное Гитлером великому болгарскому коммунисту Георгию Димитрову и другим, было отклонено лейпцигским судом.

Однако к тому времени Гитлер уже достиг своей ближайшей цели. Нацисты стояли у власти, а Коммунистическая партия Германии была объявлена вне закона. Тогда-то рабочий класс и весь немецкий народ потеряли свои свободы. Много крови пролилось в Германии и во всем мире в промежуток между лжесвидетельством Геринга и Гиббельса против Димитрова в Лейпциге и осуждением нацистских военных преступников Высоким трибуналом... в Нюрнберге.

Фашизм еще не пришел к власти в Соединенных Штатах. Если бы он пришел, то нам, руководителям Коммунистической партии, не устраивали бы девятимесячного процесса, а наша партия была бы уже запрещена.

Но если бы не было опасности фашизма, то этот процесс вообще не мог бы состояться, и Билль о правах не был бы под угрозой.

Стремясь осудить нас, 11 руководителей Коммунистической партии, обвинение намеревалось этим ударом добиться далеко идущей цели. Оно пыталось подвести «теоретический фундамент» под «обвинение» всех в любой точке земного шара, кто придерживается марксистских принципов, «обвинение» в том, что они стремятся пропагандировать и отстаивать обязательность и необходимость насильственного свержения правительства Соединенных Штатов.

Таким образом, как вам, присяжным, легко понять, убеждая вас «осудить» не 11 человек, а «принципы» марксизма-ленинизма, обвинение пытается подвести «теоретическую базу», «идеологическую» базу под политику «холодной войны» Уолл-стрита, под его политику «жесткого курса с Россией», под его колоссальную гонку вооружений, под его дипломатию атомной бомбы, под всю подготовку к развязыванию новой мировой войны.

Господа присяжные, никто не может искренне соглашаться с принципами Устава Организации Объединенных

Наций и решительно их поддерживать и в то же время принимать смехотворные обвинения против марксистско-ленинских принципов, которых мы придерживаемся, обвинения, составленные в духе нацистов. Никто не может соглашаться с ложными доводами обвинения и одновременно защищать «великий план» Рузвельта, план американо-советской дружбы и сотрудничества — краеугольный камень сохранения мира во всем мире.

История дала вам, двенадцати присяжным, возможность, а тем самым и возложила на вас ответственность внести свой вклад в дело предотвращения подъема фашизма и развязывания империалистической войны за мировое господство.

В подобное время присяжным не легко выполнить свой долг и свои важные обязанности на подобном политическом процессе, направленном на контроль над мыслями, особенно в нынешней атмосфере искусственно поднятой антикоммунистической истерии.

Я знаю, что перед вами выступит прокурор и попытается повлиять на вас тем, что он говорит от имени правительства Соединенных Штатов, т. е. что за ним стоит вся власть, престиж и авторитет правительства. Генеральный прокурор Соединенных Штатов будет пытаться представить вам дело так, будто патриотизм требует признания нашей виновности.

В подобной ситуации присяжным трудно сохранить независимость. Слушая выступление генерального прокурора Соединенных Штатов, вы, присяжные, должны помнить, *что конституция возлагает на вас обязанность защищать народ и в случае необходимости защищать народ от произвола любой бюрократической или тиранической партии или любого режима, представляющего себя правительством Соединенных Штатов.*

Целью нашего института присяжных является защита обвиняемого от несправедливости и нечестности. Мне не надо говорить данному составу присяжных, что даже при обычном уголовном процессе присяжным полагается служить оплотом, защищающим обвиняемых от судебных инсценировок и притеснений со стороны самого правительства.

В политическом же деле, подобном данному, ответственность присяжных в отношении защиты обвиняемых почти безгранична. Потому что, если бы присяжные не стояли между правительством и народом *в целях обеспечения политических прав, защиты неотъемлемых прав свободы слова, свободы печати и свободы собраний, а также права политической оппозиции, то тогда эти права были бы насмешкой.* Все наши институты, защищаемые конституцией, превратились бы тогда в орудие для уничтожения тех, кто критикует правительство и оспаривает его политику.

Помните также, что прокурор на процессе в Скотсборо говорил от имени штата Алабама, прокурор на процессе Тома Муни говорил от имени штата Калифорния, прокурор на процессе Сакко и Ванцетти говорил от имени штата Массачусетс, прокурор, обвинявший друзей и соратников Томаса Джефферсона, говорил от имени Соединенных Штатов. Разве от этого их обвинения стали правыми или справедливыми? Разве от этого смягчился последующий приговор истории, заклеивший их выступления и отметивший их бесчестные обвинения?

И поэтому, когда на данном процессе прокурор говорит вам, что он выступает от имени Соединенных Штатов, помните, что мы, американцы, боролись в нашей стране в рядах революционной армии, чтобы на все времена уничтожить отговорки, будто «король не может ошибаться» и будто «правительство стоит выше народа». Наша страна была основана на предпосылке, что вся власть находится в руках народа и что воля народа священна.

Вас, присяжных, собрали не для того, чтобы одобрить или осудить принципы или же политическую деятельность 11 подсудимых или Коммунистической партии. Согласно первой поправке к конституции, гарантирующей свободу вероисповедания, свободу слова, печати и собраний, эти принципы и деятельность находятся вне юрисдикции судов и присяжных.

Теории, идеи и политические линии не подсудны ни одному суду.

И тем не менее вас, присяжных, собрали независимо от вашего желания и в нарушение первой поправки к конституции вынести решение о том, священен ли Билль о пра-

вах для всего американского народа, как для коммунистов, так и для не коммунистов. Вас собрали для того, чтобы вы вынесли решение, будет или нет Билль о правах подорван тем, что он будет распространяться лишь на тех, кто согласен с существующим положением вещей, кто поддерживает политическую партию, стоящую сейчас у государственной власти, и кто склоняется перед «законными» интересами монополий, которые господствуют в нашей стране.

Не одни мы, 11 обвиняемых, но и миллионы других американцев и сотни миллионов людей во всем мире ждут вашего решения.

Мы надеемся, что вы, двенадцать мужчин и женщин, вновь подтвердите принцип Билля о правах, принцип, гласящий о том, что в Америке все еще есть место для различных политических взглядов и существует свобода для простого народа, в том числе и для тех, с кем вы лично не согласны,— свобода говорить и слушать, печатать, и собираться, и трудиться в защиту мира и социального прогресса.

Именно эти демократические принципы находятся под угрозой на данном историческом процессе.

Каким бы ни было ваше решение, мы, руководители Коммунистической партии, смотрим в будущее с верой в нашу партию, наш класс, наш народ и нашу страну. Тем или иным путем мы будем продолжать служить делу мира, демократии и социализма, которому мы посвятили свою жизнь.

Так или иначе, но это дело неизбежно победит. Потому что никто, ни одно федеральное правительство не может остановить прогрессивного хода истории. Никто, ни одно федеральное правительство не может остановить наступления народа. Никто, ни одно федеральное правительство не может убить идеи или же упрятать за решетку принципы и убеждения.

(Eugene Dennis, Ideas they cannot jail, International Publishers, New York, 1950.— Юджин Деннис, Идеи, которых не упрятать за решетку, Нью-Йорк, 1950.)

ПЕРЕД САЛАЗАРИСТСКИМ ТРИБУНАЛОМ

25 марта 1949 г. полиция фашистского диктатора Португалии Салазара арестовала члена секретариата Центрального комитета Португальской коммунистической партии Алваро Куньяла. Более года фашистские палачи держали Куньяла в одиночной камере и лишь потом инсценирова-

ли судебный процесс над ним. На суде 2 мая 1950 г. Алваро Куньял произнес речь, которая через два месяца была в виде брошюры издана в Португалии подпольно.

Ниже приводится сокращенный перевод речи.

Речь А. Куньяла (Дуарте)

Со дня моего ареста, 25 марта 1949 г., т. е. больше года, я подвергался незаконному режиму одиночного заключения. От этого режима, являющегося новым видом пытки, погиб наш великий патриот Милитао Рибейра. О его смерти я узнал только после того, как меня привели в трибунал.

Когда меня арестовали, я отказался давать какие бы то ни было показания. Тогда на меня надели наручники, а полицейские агенты принялись избивать меня чем попало: кулаками, ногами, дубинками. Потом меня повалили на пол, сняли ботинки и носки и стали бить по пяткам, а затем, продолжая избивать, заставили ходить на израненных ногах. Это повторялось до тех пор, пока я не потерял сознания. Пять дней пролежал я в бессознательном состоянии.

Заключение в одиночной камере не менее мучительно, чем побои. В данном случае одиночка сменила «своевременное обуздание» (так цинично Салазар назвал систематиче-

ские избиения политзаключенных в португальских тюрьмах.— *Ред.*). Полиции так и не удалось добиться от меня никаких признаний. Мне задали несколько прямых и косвенных вопросов насчет моей политической деятельности. Я отказался отвечать на эти вопросы, основываясь на том, что член Португальской компартии, которая является передовой политической силой в борьбе за демократию, за национальную независимость и длительный мир, не имеет никаких заявлений для политической полиции, являющейся орудием репрессий против португальских трудящихся, патриотов и сторонников мира. С большой радостью убедился я в том, что так же поступили и другие товарищи, арестованные вместе со мной. Коммунисты преданно и честно умеют защищать свое дело. Этим мы обязаны своей партии, которая является не только школой политического воспитания, но и школой воспитания характера человека. Официальные сообщения о моем аресте изобиловали преднамеренными извращениями фактов и грубыми измышлениями. Выдумки реакционной пропаганды об «инструкциях Информбюро» для той или иной страны, избитые фразы о «приказах извне», о «руке Москвы» — вся эта ложь имеет целью извратить в глазах народа национальный и патриотический характер борьбы португальских коммунистов. Все это старая песня, только в американской версии. Салазаристы имеют возможность публиковать эту клевету, поскольку в их распоряжении находятся печать и цензура и поскольку они могут — хотя бы временно — делать это безнаказанно. Они рассчитывают, что кое-что из этой клеветы принимается за чистую монету. Поэтому я считаю необходимым разъяснить тотчас же, в начале процесса, несколько основных вопросов.

Португальские коммунисты и международное рабочее движение

Документы совещаний Информационного бюро коммунистических партий являются историческими документами и важным вкладом в дело политического и идеологического укрепления каждой компартии. Документы Информбюро дают правильное определение политики компартий в ны-

нешней международной обстановке и определяют общие задачи пролетариата и всех демократических и антиимпериалистических сил. За эту политическую помощь мы, португальские коммунисты, благодарны партиям, входящим в состав Информбюро...

Долг Компартии Португалии — поддерживать братские отношения с другими компартиями. В такое время, когда реакционная буржуазия объединяется для борьбы против пролетариата, против основных прав человека, против свободы народов, против мира, наш народ никогда не простил бы нам изолированности и отдаления от передовых сил демократического и антиимпериалистического лагеря. Если в деятельности Компартии Португалии и нужно кое-что изменить, то эти изменения должны выразиться, главным образом, в расширении и укреплении связей с братскими компартиями. Верность принципам пролетарского интернационализма необходима не только для непосредственной защиты интересов пролетариата, но и для защиты мира и национальной независимости.

Португальские коммунисты и национальная независимость

Правящие круги Португалии уже давно предают интересы нации. Они выступили против национальных интересов, на стороне международных монополий и трестов. Интересы нации с каждым днем все больше сливаются с интересами пролетариата. Отсюда вытекает характерная особенность нашей эпохи: реакционная буржуазия, именующая себя националистической, превращается в представителя иностранных интересов, являясь прямым защитником англо-американского владычества. Это происходит даже в тех странах, которые, как Португалия, будучи колонизаторами в Африке, сами превращаются в американские колонии в Европе.

Подлинными защитниками национальной независимости, настоящими и неустанными борцами против иностранного ига или против его угрозы являются пролетариат и коммунисты — последовательные интернационалисты и истинные

демократы. В наше время национализм буржуазии ведет к порабощению страны, и только интернационализм пролетариата ведет к независимости родины.

Все, что я сказал, можно проиллюстрировать на примере Португалии. Большая часть народного хозяйства нашей страны находится в руках иностранных империалистов, в частности англо-американских. За последние годы эта зависимость продолжает возрастать в результате новых кабальных концессий. Разве не правда, что хозяева Уолл-стрита и Сити через посредство международного треста «Софина» управляют Объединенным обществом по выработке газа и электричества и что в их руках более 70% португальского производства электроэнергии? Разве не правда, что в результате этого для тепловых электростанций, владельцы которых тормозят развитие гидроэлектростанций, ввозится уголь по повышенным ценам? Разве не правда, что истинными хозяевами электротранспортного общества Лиссабона и транспортных монополий нашей столицы являются господа из Сити? Вчера они были хозяевами электротранспорта, сегодня они хозяева электро- и автотранспорта. Разве не они хозяева телефонного общества Лиссабона и Порто, главная контора которого находится в Лондоне? Разве не правда, что рудники Монкорво, надежда национальной промышленности Португалии, которые в годы гитлеровского владычества были переданы немецкой монополии «Ферейнигте штальверке», теперь находятся в руках американских трестов? То же самое можно сказать и о добыче вольфрамовой, железной, медной руд и о других отраслях хозяйства, где на каждом шагу встречаются имена иностранных фирм, указывающие на то, что в Португалии орудуют иностранные капиталисты. Дело не только в иностранных вывесках, а в фактах. Во всех отраслях португальской экономики имеется к тому же много иностранных предприятий, прикрывающихся португальскими вывесками, как, например, «Португальская» железнодорожная компания или «Национальное» производство каучука.

А португальские колонии? Алмазными россыпями Анголы владеют англо-американские тресты через «Сосьете Жереналь де Бельжик», банк «Барней» и «Алмазную компанию Анголы». Они же прибрали к рукам производство хлопка и

других сельскохозяйственных продуктов. Англо-американские тресты получили право на разведку и добычу нефти, урановой руды и угля в Мозамбике.

В своем труде «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин указал, что Португалия, будучи зависима извне в финансовом и дипломатическом отношении, еще сохранила некоторую политическую независимость. С тех пор положение изменилось к худшему. Теперь Португалия утратила последние остатки политической независимости. Это ясно видно на примере закабаления Португалии «планом Маршалла», на ее участии в Северо-атлантическом пакте и на полном подчинении внешней политики Португалии интересам США.

Чего же хотим мы, коммунисты, в связи с создавшимся положением? Мы хотим, чтобы португальская экономика была освобождена от ига иностранных империалистов. Мы хотим, чтобы наша промышленность и сельское хозяйство производили продукцию для блага нашего народа, а не для неогороженных сейфов Сити и Уолл-стрита. Мы хотим, чтобы национальные ресурсы были использованы для оснащения промышленности и техники нашей страны, для ее развития, а не для закупок никому не нужных побрякушек и залежалых товаров за границей, особенно в США. Эти ничем не оправданные закупки увеличивают дефицит Португалии и отрицательно сказываются на торговом балансе, в частности на торговом балансе с США. Португальский внутренний рынок наводняется иностранными товарами, конкурирующими с отечественными товарами, в то время как промышленность и сельское хозяйство Португалии переживают застой.

Мы хотим, чтобы торговые и финансовые отношения между Португалией и другими странами были основаны на принципе равноправия и взаимного уважения интересов, а не на принципе, существующем в торговых отношениях Португалии с Англией и США, по которому португальцы обязаны покупать много и то, что нам навязывают, а продавать мало и лишь то, что у нас хотят купить. Мы хотим, чтобы португальская политика была действительно португальской и чтобы она определялась интересами большинства населения, а не интересами горстки сверхмиллионеров.

Фашисты лишают избирательного права португальцев, подозреваемых в симпатии к коммунистам. Фашисты говорят, что идеи коммунистов «противоречат существованию Португалии как независимого государства». В этом случае, как и во всех других, фашисты следуют тактике вора, который кричит: «Держите вора!»

Клеветническое обвинение португальских коммунистов в «антинациональной» деятельности ни на чем не основано. Фашистам уже не хватает этих необоснованных обвинений в «антинациональной» деятельности для того, чтобы преследовать и судить нас. Поэтому теперь нас судят за нашу любовь к народу.

Португальские коммунисты и угроза войны

Войны неизбежны при империализме. Империализм — это инкубатор войны. Хваленое единство между капиталистическими странами, в частности между Англией и США, — только фикция. Капиталистический мир полон противоречий, которые ведут к столкновениям интересов империалистических держав. Угроза войны существует, ибо империалисты США мечтают о мировом господстве, о предотвращении кризиса путем гонки вооружений, о подавлении национально-освободительного движения. Угроза войны существует, так как реакционная буржуазия, связанная с международными трестами и монополиями, которые хозяйничают в зависимых странах (в том числе и в Португалии), пытается, развязав войну, задержать подъем демократического и национально-освободительного движения.

В чем же заключается угроза войны? Откуда она исходит и против кого направлена?

Пытаясь обмануть миролюбивые народы, империалисты США уверяют их в том, что опасность войны исходит якобы от СССР. Одним из глашатаев этой американской пропаганды является фашистский диктатор Португалии Салазар. Но португальские коммунисты разъясняют народу правду. Они говорят ему, что СССР по самой природе своей не может преследовать никаких агрессивных целей. Интересы Советского Союза и стран народной демократии не противоречат

интересам португальского народа. Советский Союз и страны народной демократии не посягают на независимость Португалии. Враги нашего народа и нашей страны — это враги Советского Союза и стран народной демократии. Поэтому мы заявляем, что в лице Советского Союза и стран народной демократии португальский народ видит своих лучших союзников. И если империалистам удастся развязать войну против СССР и стран народной демократии, мы глубоко уверены в том, что в интересах независимости Португалии, ее свободы и благосостояния, ее будущего португальский народ не выступит против своих лучших друзей и союзников.

Все знают, что во главе трестов и монополий стоят фашисты и реакционеры всех мастей. Это они мечтают о войне, пропагандируют и готовят ее, в то время как трудящиеся, прогрессивная интеллигенция, коммунисты и все подлинные демократы хотят мира и борются за мир. Война нужна империалистам. И это не случайно. Империализм не может существовать без войн. Мир смертелен для империалистов. Но и новая война, если им удастся ее развязать, будет для них также смертельна. Империализм находится в безвыходном положении, он зашел в тупик.

Португальские коммунисты и экономическое и культурное положение нашего народа

Нас пытаются убедить в том, что нищета Португалии якобы неизбежна. Но если бы ее природные богатства разумно использовались, то все португальцы жили бы в довольстве, пользовались бы отдыхом и развлечениями. Однако португальский народ живет в нищете, тогда как господствующие классы и правящая верхушка утопают в роскоши.

Кто может отрицать факт снижения реальной заработной платы? Для этого не нужно справляться в салазаристских статистических фальшивках. Об этом нужно спросить у самих рабочих, у матерей, которые выбиваются из сил, чтобы прокормить своих детей, но не в состоянии творить чудеса. В течение почти 10 лет правительство объясняло низкую заработную плату «затруднениями, созданными войной», и так называемым «порочным кругом инфляции». Эти

объяснения послужили лишь предлогом для того, чтобы не допустить повышения заработной платы и оправдать рост цен. Сверхприбыли капиталистов и голодная заработная плата рабочих — вот что на деле представляет собой «порочный круг».

Почему фабрики и заводы закрываются или сокращают производство, почему тысячи трудящихся выбрасываются на улицу?

Чем объяснить массовую безработицу батраков, когда в стране пустует более двух миллионов гектаров земли, и почему ввозится громадное количество продуктов, которые с успехом может производить наше сельское хозяйство?

Средства, отчисляемые из заработной платы трудящихся в «фонд безработных», расходуются на реакционные пропагандистские фильмы и прочие мероприятия демагогического характера. Тысячи мелких промышленников, земледельцев и торговцев разоряются под гнетом непосильных налогов, под ярмом ростовщиков и монополистов. В Португалии увеличивается детская смертность от туберкулеза, процветает проституция, растет преступность. Более половины населения неграмотно. Передовые ученые и деятели искусства подвергаются преследованиям и репрессиям.

Португалия не бедная страна. Однако господство реакционной крупной буржуазии, связанной с международными монополиями и трестами, обрекло наш народ на нищенское существование как в материальном, так и в культурном отношении.

Крупная буржуазия и помещики навязывают свою волю всему народу через посредство так называемых корпораций, куда насильственно загнаны трудящиеся, лишенные в фашистском государстве права иметь свои классовые профсоюзы. Иногда трудящимся после долгой и упорной борьбы удается избрать в руководство профсоюзных корпораций людей, пользующихся доверием масс; однако вслед за этим начинаются полицейские преследования и увольнения, создаются комиссии, в состав которых входят доверенные лица хозяев — реакционеров и фашистского правительства.

Португальская компартия борется против эксплуатации и репрессий. Мы считаем необходимыми и небольшие и крупные активные выступления, начиная от требования соз-

дать комиссии из представителей трудящихся на фабриках, в мастерских, в деревне и кончая крупными демонстрациями и забастовками.

Борьба народных масс — это не только борьба против репрессий, за повышение жизненного уровня. Это борьба и за окончательное освобождение трудящихся. Но она ведется в неравных условиях. В распоряжении правящих классов имеется правительство, государственный аппарат, армия и полиция, трибуналы и тюрьмы, антинародные законы и материальные средства для реакционной пропаганды.

Португальские коммунисты и нынешний режим

Могут ли быть удовлетворены стремления демократов и патриотов к независимости, миру и благосостоянию нашего народа при нынешнем режиме? Нет!

Политический режим является формой господства одного или нескольких классов над другими классами. Нынешний режим — это господство крупной реакционной буржуазии, связанной с международными монополиями, которые, как я указал выше, являются противниками независимости, мира и благосостояния нашего народа. Одним из стремлений португальских демократов и патриотов, одной из элементарных потребностей нашего народа является демократическая свобода, свобода слова, свобода печати, свобода собраний. Эти права и свободы недостижимы при нынешнем режиме, который по самой своей природе отрицает свободу.

Для удовлетворения законных требований народа нужна перемена режима. Это не значит, что нужно вернуться к республике 1910 года, как думают некоторые. С тех пор появилось много изменений, которые делают невозможным возвращение к старому. Во внутриполитической жизни Португалии мы наблюдаем подъем рабочего движения, усиление руководящей роли рабочего класса и его Коммунистической партии в демократическом движении. В международной жизни мы видим торжество социализма в СССР, военный разгром фашистских агрессоров, освобождение ряда стран от империалистического ига, крупные сдвиги в рабочем и антиимпериалистическом движении.

Эти новые факторы делают невозможным возврат к республике 1910 года, слабость которой заключалась в том, что тогда не были осуществлены глубокие социальные реформы, не была осуществлена демократизация государственного аппарата, не было развернуто национально-освободительное движение. Это случилось потому, что с 1910 по 1926 год власть находилась в руках либеральной буржуазии, а затем она была захвачена фашистами.

В настоящее время демократическая республика в Португалии немыслима без глубоких социальных преобразований, без полной демократизации государственного аппарата, без проведения политики освобождения страны от иностранного империалистического господства. Я уверен, что в этих вопросах не будет разногласий между коммунистами и остальными демократами.

Для установления в Португалии демократической республики нужна свобода выборов, нужно полное, активное участие широких народных масс в обновлении всех отраслей национальной жизни. Это неосуществимо до тех пор, пока народ у себя на родине будет чувствовать себя, как в чужой и недружелюбной стране, как это наблюдается в настоящее время. Полное участие народа в обновлении национальной жизни невозможно без освобождения страны от влияния иностранного империализма и его внутренних агентов, без национализации основных отраслей португальской экономики, без земельной реформы, т. е. без передачи земель и латифундий батракам и бедным крестьянам, без экономического и культурного подъема рабочих и служащих, без оказания помощи мелким промышленникам, земледельцам и торговцам, которых необходимо избавить от ростовщической кабалы и тяжелых налогов.

Для полного участия народа в обновлении национальной жизни необходимо создать благоприятные для наших ученых и артистов, для наших специалистов и техников условия, при которых они могли бы работать на пользу страны; необходимо открыть доступ к образованию и культуре детям трудящихся, защищать интересы молодежи, которая в настоящее время обречена на нездоровую и безрадостную жизнь, защищать интересы женщин, которые находятся на-

положении низших существ, отстаивать интересы угнетенных колониальных народов.

Освобождение от ига империализма, коренные социальные преобразования, участие рабочего класса в государственном аппарате и правительстве — таковы главные условия для создания демократической республики в Португалии.

Мы стремимся к такой республике и боремся за нее. Но недостаточно видеть цели, нужно иметь в виду и средства для их осуществления.

Португальские коммунисты и методы их деятельности

Никто так не жаждет мирного решения португальских проблем, как мы, коммунисты. Поэтому мы уже давно выставляем основное требование: свободные выборы в учредительное собрание. Несмотря на антидемократический характер ныне действующей конституции, несмотря на то, что Национальная Ассамблея не имеет ничего общего с демократическим парламентом, а избирательный закон устанавливает многочисленные виды дискриминации (в зависимости от политических убеждений, материального положения, образования и пола), несмотря на все это, мы вместе со всеми демократами согласились участвовать в «выборах» Национальной Ассамблеи в ноябре 1945 года и «выборах» президента в начале 1949 года. Свое участие в «выборах» демократы обусловили очень скромным требованием: чтобы существующие законы действительно исполнялись. Каковы же были результаты? Демократы требовали выполнения законов, а правительство и в 1945 и в 1949 гг. нарушило и конституцию, и законы, которые оно само утвердило.

При режиме насилия реакционные правительства с демагогической целью обыкновенно указывают в конституции много «гражданских прав», зная, что граждане практически не в состоянии добиться гарантии и осуществления этих прав. Речь идет не только о «выборах». Всякий раз, когда трудящиеся Португалии на основе закона пытаются защи-

щать свои экономические, политические, социальные или культурные интересы, правительство отказывается применить закон, занимается демагогией или же просто изменяет закон. В этом случае декрет изменяет закон, указ изменяет декрет, а постановление изменяет указ. Граждане, требующие соблюдения закона, зачастую подвергаются преследованиям. За примерами не далеко ходить: их можно найти на этом судебном процессе.

Всякое выступление в защиту интересов трудящихся и тех, кто против правящих кругов, будь оно легальное или нелегальное, рассматривается как подрывное. Зато когда дело касается защиты интересов монополий, трестов и фашистской клики, оправдываются все средства: голод, нищета, массовая неграмотность, медленная смерть в концлагере Таррафаль и убийства политзаключенных в одиночках.

Мы живем в государстве, где права, предусмотренные законом, обеспечены исключительно господствующему классу, а обязанности существуют только для трудящихся и тех, кто выступает против нынешнего незаконного и антиконституционного режима. Это говорит о том, что фашисты неправомерно судить нас за то, что мы пользуемся «антиконституционными» и «незаконными» средствами.

В фашистском государстве политическая партия, которая действительно хочет защищать интересы народа и страны, должна сочетать легальную деятельность с подпольной работой. Мы говорим: проведение свободных выборов является законным средством для изменения режима. Однако ввиду того, что при нынешнем режиме не может быть свободных выборов, вопрос надо поставить иначе: не выборы для перемены режима, а перемена режима для проведения свободных выборов. Придет день, когда наш народ поднимется на борьбу за свободу и законность. На силу он ответит силой. И в тот день, как и сейчас, мы, коммунисты, будем с народом.

Скажу еще несколько слов о различных формах действия. Коммунисты являются противниками индивидуального террора. Этому нас учат Маркс, Энгельс, Ленин... Терроризм порождает в массах неправильное представление, будто бы глубокие социальные изменения могут произойти в результате простого действия маленькой группы людей. Терро-

ризм отталкивает, отдаляет массы от борьбы. Только широкое участие народных масс в борьбе может привести к перемене режима и к глубоким социальным изменениям. Партия, которая идет по пути терроризма, не может быть истинной Коммунистической партией; она превращается в сектантскую группу, оторванную от масс и обреченную на гибель.

Мы, коммунисты, противники индивидуального террора. Никто не может указать хотя бы на один террористический акт, совершенный португальскими коммунистами. Никто не может указать, что коммунисты в газетных статьях, отчетах руководства Компартии или в резолюциях ее съездов защищали террористические методы борьбы. Отсюда вывод: обвинение португальских коммунистов в террористической деятельности не имеет никакого основания. У наших обвинителей нет убедительных доказательств, чтобы преследовать и судить нас за это. Правительство Салазара применяет методы террора, свирепо расправляется с политическими заключенными. *(Куньял называет имена многих коммунистов, замученных фашистами в тюрьмах Португалии, говорит о 40 политзаключенных, убитых в концлагере Таррафаль.)* Однако настанет день, когда эти преступления правительства будут разбираться, но в другом трибунале и с другим составом обвиняемых.

Несмотря на судебные расправы с коммунистами, несмотря на гибель члена секретариата Компартии Милитао Рибейра и многих других коммунистов, руководство Компартии остается в надежных руках. Португальские коммунисты спокойны. Они знают, что в составе руководства их партии много способных и опытных руководителей, обладающих таким высоким качеством, как преданность народу и партии. Все они гордость партии и народа. В ряды Компартии каждый день вливаются серьезные и мужественные борцы.

Мы — представители не побежденной партии, не побежденного дела, а великой национальной партии рабочих, крестьян и всех эксплуатируемых и поработанных в нашей стране. Мы — представители передовой силы, борющейся за демократию, за независимость и мир. Мы — представители дела, которое исторически уже победило.

Португальских демократов, особенно нас, коммунистов, жестоко преследуют. Против нас ведется истерическая кампания лжи и клеветы.

К счастью, мы знаем, что, несмотря на эти преследования, наша партия может рассчитывать на активную поддержку и симпатию рабочих, крестьян, всех честных тружеников и интеллигенции, на сочувствие нашей молодежи и женщин, на поддержку со стороны колониальных народов и всех честных демократов.

Нас будут судить и, безусловно, осудят. Но мы знаем мнение нашего народа, который считает, что за действия против интересов народа и страны, за политику вовлечения Португалии в преступную войну, за применение террора и других антиконституционных и незаконных средств должны быть осуждены не мы, коммунисты, а фашисты, нынешние правители и их глава Салазар. Это они должны сесть на скамью подсудимых.

(«Большевик» 1951 г. № 2, стр. 39—46.)

Салазаристские власти осудили Куньяла на длительный срок тюремного заключения. Почти 11 лет просидел он в одном из каменных мешков португальской тюрьмы — крепости Петитше, хотя срок приговора давно истек.

И вот совсем недавно телеграф принес радостную весть: 3 января 1960 г. Алваро Куньял и девять его соратников совершили побег из тюрьмы. Преодолев высокую стену и глубоко-

кий ров, узники вышли на свободу.

«Обретя свободу и вновь заняв свое место в бою,— писали участники побега в центральном органе Португальской компартии газете «Аванте!»,— мы прежде всего приветствуем нашу партию и португальский народ и подтверждаем свою решимость служить им, как и раньше, ведя борьбу за установление в Португалии режима свободы и законности».

ВСЕГДА С НАРОДОМ

Члены Коммунистической партии Турции всегда находились в первых рядах борцов за независимую, свободную, нейтральную, миролюбивую Турцию, всегда боролись против антинациональной политики, проводимой марионеточным правительством Мендереса.

Полицейское правительство жестоко подавляло всякое проявление свободной мысли. Особенно жестокие репрессии обрушивались на Коммунистическую партию. Множество коммунистов было казнено, брошено в тюрьмы.

Деятельность коммунистов во многом способствовала тому, что правительство Мендереса потеряло опору в турецком народе и 27 мая 1960 г. было свергнуто.

Один из руководителей Компартии Турции С. Устюнгель не один год провел в тюрьмах, осужденный за свои политические убеждения. В 1950 году он написал книгу *«В тюрьме и на воле»*. Последнюю главу, рассказывающую о фашистских трибуналах и поведении коммунистов на них, мы помещаем ниже.

За что мы боремся?

Фашистские трибуналы выносят приговоры коммунистам по одной стандартной формуле: «За попытку низвержения существующего государственного и политического строя, разгона меджлиса и свержения правительства...»

Военный трибунал № 2 в Анкаре. Небольшой зал заседания. Закрытые двери. Вдоль стен выстроились часовые в американской форме, с американскими винтовками в руках.

Судейская коллегия. Широкий стол. Жирный турецкий генерал в американском мундире. Слева и справа от него такие же американизированные члены коллегии. Рядом — прокурор...

Посреди зала — место для подсудимых, обнесенное с четырех сторон высокой — по грудь — железной решеткой. В этой железной клетке плечом к плечу стоит группа коммунистов. Один из них невысокий, с седой головой, говорит внятно и громко:

— Мы отклоняем обвинение, предъявленное нам прокурором. Перед народом же мы готовы отчитаться. Вот почему мы требуем, чтобы ваши заседания проводились при открытых дверях. Народ должен знать правду. Пусть народ знает, за что нас преследуют.

Мы, коммунисты, открыто заявляем, что «существующий политический строй» никогда не обеспечивал, не обеспечивает и не может обеспечить угнетенному большинству никаких прав и никаких свобод. 30 лет прошло с тех пор, как под натиском народных масс был образован меджлис — Великое национальное собрание Турции. За это время не было случая, чтобы его порог переступил хоть один представитель рабочих и крестьян-бедняков.

Компартия с самого начала боролась и борется сейчас за то, чтобы народу была гарантирована свобода выборов. С самого начала Компартия требовала и требует установления справедливого государственного строя. Нынешний социальный строй несет народным массам лишь нищету, голод и слезы. Правительства, сменяющиеся одно за другим, и не помышляют отменить антидемократические законы. Силой отстранив массы от участия в политической жизни, эти правительства с легкостью продают интересы нации империалистам. А раз все это так, нужно сломить антинародный режим. Вот к каким справедливым выводам приходят все более широкие слои турецкого народа, наученные собственным горьким опытом.

Нынешние правители Турции кричат о «единстве нации». Никогда не было и не будет единства между народом и теми, кто продал за доллары национальные интересы страны. Но созревают условия для объединения различных слоев населения в едином национальном фронте против американского рабства, против предателей, против реакции...

Председатель трибунала делает попытку прервать нашего товарища, но он продолжает свое гневное обличение:

— Вы предъявляете нам лживые обвинения, чтобы оправдать эксплуататорские классы, их фашистские правительства, оправдать лицеу и бесправие народа. Вы устраиваете закрытые процессы, вы хотите расправиться с коммунистами потому, что они от имени всего турецкого народа протестуют против антинациональной политики проамериканских партий...

Генерал выходит из себя, стучит кулаком по столу, кричит так, что кажется его толстый живот сейчас лопнет:

— Молча-а-ать! Забрать их! Заковать в кандалы — пусть знают, перед кем они говорят!.. Я не позволю издеваться над честью нашего мундира!..

Из группы коммунистов раздается спокойный... голос:

— Ваш мундир — американский, а сами вы — фашисты

Солдаты и офицеры вмиг окружают коммунистов и, подталкивая прикладами, выводят из зала заседаний.

Тупоголовый американизированный генерал никогда и не слышал, вероятно, правдивых слов народного турецкого поэта: «Разве можно замок повесить на текущие воды реки!» Продолжение речи коммуниста, прерванной за закрытыми дверями военного трибунала в Анкаре, народ читал в нелегальных газетах Компартии:

«...Коммунистическая партия Турции положила в основу своей боевой программы чаяния народных масс. Мы боремся за действительно демократическую республику. За равные права для национальных меньшинств. За коренное разрешение земельного вопроса. Нужно окончательно уничтожить остатки феодализма, бесплатно раздать землю миллионам безземельных крестьян, обеспечить их сельскохозяйственными орудиями, семенами. Нужно ликвидировать нынешнюю налоговую систему, которая является не чем иным, как узаконенным грабежом. В то время как рабочие отдают на налоги 30 % своего нищенского заработка, миллионеры платят меньше 1 % своих барышей. Бедный крестьянин платит налогов в семь раз больше, чем крупный помещик. Феодалы, деревей, которые владеют десятками деревень, налогов вовсе не платят.

Народ умирает от голода и болезней, а фашистский меджлис и правительство тратят на американские пушки и танки деньги, которые они выжимают из народа.

Вырвем Турцию из лап империалистических хищников! Уничтожим контроль американско-английских монополий над экономикой, политикой, армией и культурой страны!

Чтобы спасти народ от империалистического порабощения, есть только один путь — расторгнуть «американско-турецкие соглашения», порвать эти рабские цепи! Турецкому народу ненавистны агрессивные пакты, он не хочет проливать свою кровь за иностранцев!

Турецкий народ требует установления добрососедских отношений со странами народной демократии и нашим великим соседом, крепостью мира — Советским Союзом.

Богатства страны необходимо использовать на благо народа.

Надо провести коренные социальные преобразования. Навсегда покончить с безработицей, голодом, нищетой — неизбежными спутниками нынешнего режима; повысить благосостояние народа, организовать здравоохранение; широко распахнуть для детей рабочих и крестьян двери школ и университетов.

Необходимо обеспечить участие широких народных масс в коренных преобразованиях нашей национальной жизни. Дать возможность рабочему классу активно участвовать в создании нового государственного аппарата. Очистить государственную машину от реакционеров, мракобесов — агентов империализма. Разогнать фашистские пантуркистские организации. Очистить армию от врагов народа, от реакционных генералов и офицеров — выкормышей германского, английского и американского милитаризма!

Трудящиеся должны получить возможность свободно создавать свои организации. Турецкий народ должен занять свое место в рядах всемирного фронта мира и демократии!»

Эти горячие слова тайком читали тысячи людей и одобряли их.

...Был канун Первого Мая 1950 года. На Черноморском побережье, особенно в районах Бафры и Чаршанбы, свирепствовал голод. Американцы и их анкарские слуги разорили турецких крестьян-табаководов. Голодающие крестьяне организованной колонной направились в Самсун.

В яркий солнечный день рабочие, выброшенные за ворота табачных и текстильных фабрик Самсуна, вышли на

улицу, чтобы защитить свои права, чтобы заявить о своих требованиях. Безработные вместе с голодающими крестьянами заполнили площадь перед зданием вилайетского управления.

— Хлеба! Работы!

Площадь была похожа на вулкан, гудела, как лесной пожар.

Этот поход голодных, эта демонстрация безработных была организована Коммунистической партией.

— Те, кто обрек вас на голод и безработицу, — говорил один из ораторов, — кутят сейчас вместе с американцами в Анкаре. Главарям фашистских партий нет дела до страданий народа, до интересов страны. Турецкие богачи вместе с американцами грабят народ...

— Заткните ему рот! Это коммунист! — раздался чей-то одинокий возглас.

— Не смее! Он будет говорить! Говори, земляк!.. Он говорит правду! — раздалось в ответ сотни голосов.

Народ шумел. Толпа на площади все росла. В центре площади демонстранты сомкнулись кольцом, будто стена выросла вокруг. Подняли на плечи нового оратора. Этого высокого белокурого рабочего-табачника знали все.

— Да, это говорил коммунист, — обратился табачник к толпе на площади. — Только коммунисты понимают наши страдания и горе... Да, народ с вами, товарищи коммунисты!..

Коммунистическая партия Турции стоит во главе национально-освободительного движения, охватывающего все более широкие слои народа. Это национально-освободительное движение развивается в совершенно иной обстановке, чем в 1919—1920 гг. И хотя наши враги — это прежние враги, но расстановка и соотношение сил теперь иные. Следуя революционным боевым традициям нашего народа, мы не зовем, однако, народные массы бороться старым оружием, старыми методами. Мы следовали и будем следовать всепобеждающей стратегии и тактике ленинизма. Организация рождается в борьбе и живет борьбой. Для того чтобы добиться победы в борьбе за мир и национальную независимость, необходимо объединить, организовать народные массы.

Наша партия до конца, решительно и последовательно отстаивала, отстаивает и будет отстаивать интересы всей

нации, все теснее сплетающиеся с интересами пролетариата. Коммунистическая партия Турции родилась из груди народа.

Коммунистическая партия Турции пережила тяжелые годы и много тяжелых дней у нее впереди. В борьбе народа против американского рабства и предательства реакции Компартия стала его знаменосцем. Турецкий рабочий класс гордится своей Коммунистической партией. Ряды Коммунистической партии непрерывно пополняются новыми борцами.

«Сидеть в тюрьме — это не искусство; искусство в том, чтобы всегда и всюду бороться», — говорят у нас в партии.

Многие товарищи по несколько раз бежали из тюрем, из ссылок. Скрывались, уходили в подполье. В тяжелейших условиях они с честью выполняют порученное им партией дело.

Я рядовой боец Коммунистической партии Турции. Мне гоже удалось бежать, вырваться из лап тюремщиков, полиции, жандармов. Я снова в гуще народа, в море народном! Я снова на поле боя!

(С. Устюгелъ, В тюрьме и на «воле», М., 1952, стр. 89—94.)

СУД НАД ПРАВДОЙ

Короткая жизнь народного героя, одного из руководителей Компартии Греции Никоса Белоянниса — ярчайший пример страстного и преданного служения своей родине. 19-летним юношей он становится революционером, беззаветным борцом за свободу, за счастье трудового народа. В годы второй мировой войны он комиссар дивизии ЭЛАСа, как называли Народно-освободительную армию Греции, боровшуюся против германо-итальянских фашистских оккупантов.

Как известно, в 1944 году ЭЛАС, умело используя успешное наступление Советской Армии на Балканах, сумела освободить от гитлеровских оккупантов всю материковую Грецию. Однако при поддержке США и Англии реакционное греческое эмигрантское правительство спровоцировало гражданскую войну. Греческий народ под руководством Компартии вынужден был подняться на борьбу за независимость и демократию. Активную роль в этой борьбе играл Белояннис, стоявший во главе одной из групп войск Демократической Армии.

Уже после прекращения гражданской войны, в 1951 году греческой охранке удалось схватить Белоянниса и 92 его това-

рищей и устроить над ними судилище.

В предисловии к книге «Белояннис. Суд над правдой» редакция издательства «Неа Эллада» писала:

«Процесс Никоса Белоянниса и его товарищей не является обычным процессом. Для нашей страны этот процесс является одним из серьезнейших политических событий, потому что в этом процессе Н. Белояннисом, членом ЦК КППГ, и другими борцами за народное дело было дано КППГ и греческим народом сражение против монархофашизма и американократии. В лице Н. Белоянниса и его товарищей хотели обвинить и осудить политику КППГ. Но добившись обратного. Скамья подсудимых превратилась в народную трибуну, а Коммунистическая партия из обвиняемого, которым старались ее представить, превратилась в обвинителя.

Процесс 93 борцов явился одним из самых многолюдных процессов, имевших место в Греции. 93 обвиняемых, 153 свидетеля обвинения; вместе со свидетелями защиты и защитниками число участников этого процесса близко к цифре 500. Этот процесс вызвал всегреческий и всемирный интерес. Трудно сыскать в Греции другой процесс, кото-

рый принял такие размеры и так сильно взволновал греческий народ и мировую общественность.

И результатом этого процесса явилось большое политическое и моральное поражение монархофашизма и американократии. Монархофашисты и их хозяева американцы хотели представить, что подсудимые, проводя политику партии, обвиняются в насильственном ниспровержении существующего строя, в попытке отторгнуть часть государственной территории, в заговорах и саботажах, в «получении денег» из заграницы, в «похищении детей» и т. д. и т. д.

Судопроизводство показало, что весь процесс является не чем иным, как грубой инсценировкой. Правительство и охранка были уверены, что в атмосфере самого необузданного террора, истязаниями и ложными показаниями они терроризируют народных борцов и заставят самих обвиняемых сознаться и признать ложные обвинения. Наоборот, мужественное и геройское поведение Никоса Белоянниса и его товарищей опровергло их расчеты.

Весь смысл процесса Никос Белояннис высказал в своей защитительной речи в следующих характерных словах: «Я являюсь членом ЦК КПГ и именно за это меня судят, потому что моя партия борется и указывает путь к миру, независимости и свободе...»

В афинском военном трибунале громко прозвучал голос Коммунистической партии, и с его трибуны провозглашена ее патристическая и народная политика. Во всем судопроизводстве выявились полностью инсценировка и незаконное сформирова-

ние трибунала. Беззакония правительства, военного трибунала и охраны становятся очевидными с первого момента. Приводим здесь некоторые основные данные, показывающие беззакония и инсценировку процесса.

Для того чтобы обеспечить себе верного исполнителя своих приказов и добиться осуждения на смерть Белоянниса и его товарищей, монархофашистское правительство назначило председателем военного трибунала мажорного фашиста полковника Ставропулоса. Этот разраженный палач уже не состоял на действительной службе, так как был уволен в отставку за выслугой лет королевским декретом от 28.8.51. Указом от 27.10.51 г. правительство снова призвало его на действительную службу с единственной целью назначить его председателем трибунала на процессе Белоянниса. Между тем Ставропулос начал судить с 19 октября, когда начался процесс, т. е. за 10 дней до своего нового назначения! Уже единственно тот факт, когда офицер, не находящийся на службе, призван быть судьей, показывает, насколько сформирование военного трибунала было незаконно и недействительно.

Адвокаты защиты неоднократно заявляли протест против компетенции военного трибунала, утверждая, что его функционирование является незаконным и антиконституционным, так как воспрещается, чтобы в мирное время граждан судили военные трибуналы. Защитники обвиняемых обратились и к правительству и потребовали, чтобы обвиняемых судили гражданским судом. Правительство «демократа» Пластираса не приняло предло-

жений адвокатов. Наоборот, отсрочило опубликование закона об упразднении военных трибуналов, чтобы успеть судить военным трибуналом 93 патриотов.

Что этот процесс был инсценирован, видно и из того факта, что в трибунал приволокли по этому же делу людей, не имевших никакой связи между собой, приволокли борцов за народное дело, находившихся в лагерях и в ссылке с 1946 года. Среди обвиняемых были люди, арестованные за то, что поздоровались с каким-то патриотом, или за то, что в их лавке другой патриот купил фрукты.

Таким образом, все свидетели обвинения, сыщики охраны стали посмешищем своими ответами, которые они давали на вопросы обвиняемых и адвокатов защиты. Многоопытные сыщики из числа стоящих во главе охраны, как Ангелопулос, растерялись, пришли в замешательство и были осмеяны всей аудиторией.

В течение хода процесса стало совершенно ясным, что правительство и военный трибунал заранее определили, согласно указке Пэрифоя, какие наказания следует наложить.

Характерной является также манера, которой председатель руководил процессом. По простетивия первых дней он в редких случаях задавал свидетелям вопросы. Ни один член трибунала не обращал внимания на показания свидетелей. Показания читались так быстро, что никто ничего не понимал.

Таким образом, процесс, в котором решался вопрос жизни 93 человек, где должны были быть допрошены 153 свидетеля, процесс, в котором должны были

защищать себя обвиняемые и выступать защитники, — этот процесс был разобран и было вынесено решение в течение 25 дней. Конечно и этих 25 дней было много, раз американский посланник Пэрифой заранее дал конкретные указания по поводу решений, которые должны были быть вынесены трибуналом.

Сам председатель в продолжении процесса выдал свои намерения и приказы, полученные им. После защиты Белоянниса он сказал ему:

«Этот суд будет продолжен, и будет вынесено решение, которое явится уроком для тех, кто пытался покровительствовать тебе, как бы ни было высоко их положение».

В качестве защитников обвиняемых прибыли из заграницы два известных иностранных адвоката, француз Клод д'Эннери и англичанин Фрэнсис Лефлер.

Юстиция «демократии» западного типа воспрепятствовала им взять на себя защиту. Клоду д'Эннери запретили даже присутствовать на процессе.

Председатель коллегии адвокатов Рондирис, исполняя обязанности сыщика, спросил его, каких он убеждений, для того чтобы ему разрешить или нет присутствовать на процессе.

Английский адвокат Лефлер в меморандуме ООН утверждает, что чрезвычайный военный трибунал не имел права судить граждан в мирное время, и констатирует, что совершенно отсутствовали письменные и устные показания, на которых трибунал мог бы базировать свои решения. «Характерно, — говорит Лефлер, — что обвинители не могли

представить никакого доказательства, что при аресте у обвиняемых были найдены взрывчатые вещества или оружие. Вместо этого дали показания о свиданиях между некоторыми из обвиняемых, о приготовлениях для раздачи брошюр, о писании лозунгов, об организации профсоюзных или профессиональных организаций и т. д.».

Французский адвокат Клод д'Энвери по возвращении во Францию опубликовал в газете «Монд» от 19 ноября 1951 г. письмо, в котором пишет:

«Непрерывно волокут в охранку мужчин и женщин. Там им угрожают и днями, неделями и месяцами подвергают истязаниям. Предлагают им, как единственный якорь спасения, подписать отказ от своей деятельности и донести на своих обвиняемых, отказывающихся стать отступниками или орудиями властей».

Этот процесс обнаружил и показал все скотство монархофашизма. Были применены самые ужасающие орудия пытки, самые сатанинские изобретения. Здесь сконцентрировался опыт гитлеровцев, монархофашистов и американских палачей. Американец Дрискаль руководит всеми допросами, имея в качестве помощника немецкого гитлерофашиста.

Всплыл на поверхность весь позор охраны — одиночные камеры размером в 1 кв. м, так называемые темные могилы, пытки в тюремных подвалах, электрические машины для истязаний, которыми управляет американец Дрискаль, и выбрасывание из окон. Там истязали людей, там люди сходили с ума, там люди умирали.

Является характерным, что когда в первый день процесса председатель вызвал обвиняемого Цамиса, он получил ответ: «Отсутствует, сошел с ума от истязаний в охранке».

Явилось на процесс много свидетелей и обвиняемых, вышедших из дома умалишенных. Многие свидетели обвинения и обвиняемые аннулировали свои показания, данные под диктовку охраны. Это не помешало трибуналу считать действительными эти первоначальные показания и основывать на них свои решения.

В самом зале трибунала сыщики терроризировали свидетелей и обвиняемых и даже адвокатов. Вынуждали свидетелей давать показания, которые они им диктовали.

Но самую гнусную роль сыграл сам председатель трибунала Ставропулос. Он обрывал каждую фразу, которая была негодна охране и военному трибуналу, лишал слова адвокатов, обзывал обвиняемых «скотами», не давал возможности обвиняемым завершить свою защиту, запрещал обвиняемым задавать вопросы свидетелям, понимая, что эти вопросы осветили бы различные стороны дела и опровергли бы клевету, и, наконец, открыто угрожал обвиняемым.

Все это, однако, не принесло им никакой пользы. Сила и мужество народных борцов совершенно уничтожили все эти усилия. Никос Белояннис поднялся выше всего этого, возвысил голос партии, голос правды и разоблачил всю инсценировку процесса.

Его примеру и его поведению последовало большинство подсудимых. Таким образом, процесс

93 превратился в народное сражение, в котором монархофашизму и американоκραтии был нанесен жестокий удар.

Защитительная речь Никоса Белоянниса и других патриотов явилась сокрушительным обвинением против режима монархофашизма и американоκραтии. Эта речь выражала народную волю,

говорила о борьбе и возжеланиях греческого народа, о правильной политике национальной независимости, демократии и мире.

Поэтому вся Греция с трепетом следила за развитием процесса, жила его боевой атмосферой, которую внес в него неустрашимый горный орел Никос Белояннис.

Защитительная речь Н. Белоянниса

Я член ЦК КПГ и именно за это меня судят, потому что моя партия борется и указывает путь к миру, независимости и свободе.

Сперва я вам прочту несколько строк из одной старой газеты, которая написала меньше фантазий о моем аресте. (*Читает из газеты «Филелефтерос»*): «...что... когда он был арестован, у него было при себе 30 млрд. драхм, что один из арестованных, Коронеос, сделал разоблачение о вербовке бывших эпонитов, которые обучаются саперному делу и посылаются в Болгарию, что на руках у Белоянниса был найден архив КП, где упоминается, что имеются предприятия, общества, рестораны, принадлежащие КП!»

Это часть из рокамбольной истории того времени. И это не было написано случайно. Это было написано с целью создать такую атмосферу, чтобы они могли потребовать голову Белоянниса «на блюде» и чтобы оклеветать политику КПГ. Некоторые из моих обвиняемых выражают недоумение, почему они находятся здесь. Я не стану выражать такого недоумения. Я член Центрального Комитета КПГ и именно за это меня судят, потому что моя Партия борется и указывает путь к миру, независимости и свободе. В моем лице судят политику КПГ.

То, что я скажу, имеет целью не отвести от себя лично предъявленные мне обвинения, а укрепить политическую линию партии и защитить свою жизнь и то, во что я верю.

Мы сидим на скамье подсудимых в качестве обвиняемых на основании чудовищного закона 509*, который говорит о насильственном ниспровержении строя и о отторжении части территории и т. д. и т. д. И вы привлекли нас к чрезвычайному военному трибуналу, который является судом предумышленности. Вот вам простой пример: если бы я сделал декларацию об отречении, я был бы, по всей вероятности, оправдан с большими почестями. Моя жизнь связана с историей КПГ и с ее деятельностью. Я мог бы иметь жизнь беззаботную, но я предпочел жизнь, полную лишений и опасностей. Десятки раз передо мною вставала дилемма: жить или умереть, жить, предавая свою идеологию, или умереть, оставаясь верным своим идеалам и своей идеологии, и умереть за нее. Я предпочел трудный путь и еще сегодня предпочитаю этот путь.

Пресловутые декларации об отречении

Я сделаю небольшое отступление и скажу вам несколько слов о «декларациях отречения». Со времени метаксастской диктатуры¹⁴² в Греции было сделано приблизительно 120 000 деклараций об отречении. Констатировано, что все эти декларации были сделаны под давлением, путем насилий и всякого рода шантажей. Итак, возникает серьезная общественная и национальная проблема. Один строй, одна политическая группировка стремится заставить другую группировку отречься от своих идей, сдаться перед опасностью, отречься от своих убеждений. Этот урок, однако, не дается только левым, но и сторонникам правой. Так учат всех греков сдаваться перед опасностями и испытаниями. Я желаю, чтобы те, кто дают такие уроки, не пожали плодов своих трудов.

Председатель: Скажи теперь относительно пленных, взятых вами.

Белояннис: Я выскажу вам свое личное мнение относительно пленных солдат и офицеров, взятых нами.

Член военного трибунала (обращаясь к председателю): Он оскорбляет офицерский корпус.

---

* Закон о запрете КПГ.

Белояннис: Не теряйте хладнокровия, и я буду говорить открыто. Я говорю о том, что я видел своими глазами. Многие из тех, кто попадал в наши руки, говорили, что они замкнуты и эластичны и т. д. Однако все они были мне несимпатичны. Другие, которые смело говорили, что они борются за что-то, во что верили, я их считал мужественными людьми.

Первыми прибегли к насилию правые. Левые не провозгласили его принципом и догмой.

(В этот момент Белояннис просит стакан воды. Председатель говорит, что в такой час воды нет. После этого замечания председателя Белояннис говорит, что он не хочет воды).

Политика КПГ

Перехожу к двум главным пунктам моего обвинения: а) к вопросу о насильственном ниспровержении и б) об отторжении части и т. д. Пыталась ли Компартия когда-нибудь до сих пор ниспровергнуть строй?

Здесь я должен упомянуть о двух заслугах КПГ: а) Период оккупации. КПГ не нуждается просить у других признаний в патриотизме, потому что она добилась их своей кровью и своим мечом.

Председатель: Главным образом своим мечом...

Белояннис: Сперва своей кровью на тире в Кесарьяни, в Курново и всех германо-итальянских местах казни, а затем своим мечом, воюя против германо-итальянцев на полях и в горах Греции. Здесь рядом, на улице Стадиона происходили аресты и бои, потому что болгарские фашисты хотели занять Македонию.

б) Всем, что завоевал рабочий класс, он обязан исключительно борьбе КПГ.

В продолжение всего этого времени мы делали ошибки. Однако не нашим противникам бросать в нас камень проклятия, потому что они не являются непогрешимыми.

КПГ имела полную возможность захватить власть после освобождения, так как на ее стороне было народное большинство. Она не сделала этого и пошла на соглашение с

Папандреу¹⁴³, единственным стремлением которого было всеми средствами уничтожить народно-освободительное движение. Это была ошибка. Пришел декабрь. Мы говорим, что Декабрьские события¹⁴⁴ были нам навязаны. Мы были вынуждены подписать Варкизское соглашение¹⁴⁵. Здесь мы совершили ошибку, потому что этим соглашением мы передавали беснующейся правой связанными по рукам и ногам всех сторонников левой.

Является, однако, также фактом, что Варкиза давала возможность нормального демократического развития нашей страны. Но это, благодаря нашим недостаткам, зависело от несуществующей доброй воли правой. В то время для правой открывались два пути: или ввести страну в нормальное развитие и восстановление, или развязать одностороннюю гражданскую войну против сторонников национального сопротивления. Правая предпочла второй путь и наполнила Грецию кровью и крестами. Привожу имена Кацареоса в Пелопоннесе, Сурлоса в Фесалии, Чауша Антона в Македонии. Число демократических граждан, убитых с начала 1946 года, достигает 1700.

Председатель: Переходи к своей защите.

Белояннис: Нет, я должен вам сказать, почему я стал партизаном, потому что меня судят за это. В это время у нас была гражданская война и происходила резня, которую совершала правая. Ввиду такого неслыханного террора много народу, чтобы спастись, ушло в горы, а затем этот народ вынужден был защищать свою жизнь с оружием в руках. Партизанское движение является созданием антинациональной политики правой и торговцев ненавистью.

Мы не хотели войны

Создание демократической армии и ее борьба не являлись попыткой насильственного ниспровержения, гнилого, впрочем, строя.

Мы противопоставили насилию насилие. Было невозможно сидеть сложа руки и говорить «режьте нас, чтобы мы стали святыми». Эта наша политика опиралась на народ, поэтому мы могли в течение трех лет противостоять столь-

ким трудностям. В конце концов, однако, мы были побеждены... Нужно, однако, подчеркнуть, что мы не потерпели стратегического поражения, потому что наши главные силы не уничтожены.

КПГ стремится к миру

С этого момента КПГ решает сосредоточить все силы на массовой экономической и политической борьбе за жизнь и хлеб народа, за мир и демократическое возрождение нашей страны.

Снова для Греции открываются два пути: или односторонняя гражданская война, начатая греческой правой, с чрезвычайными военными трибуналами, концлагерями, или умиротворение страны с возвращением КПГ в легальное состояние, предоставление всеобщей амнистии и возвращение в Грецию политэмигрантов и детей, находящихся в странах народной демократии. К сожалению, и на этот раз инициатива выбора оказалась в руках правой, и, к несчастью, торговцы ненавистью и кровью, пролитой с обеих сторон, избрали одностороннюю гражданскую войну, насилие и террор, войну, которая в случае ее продолжения не принесет Греции ничего, кроме новых бедствий и катастроф.

„Похищение детей“

Я коснусь теперь некоторых других вопросов нашей политики и нашей деятельности, вопросов, которые наши противники пытались использовать в демагогических целях.

Во-первых, относительно так называемого похищения детей, в то время как в действительности здесь подходило бы больше слово демагогия относительно детей. Сотни деревень находились тогда в трагическом положении. Детей косил голод и убивали ежедневные воздушные налеты. Ввиду такого трагического положения вещей страны народной демократии согласились оказать детям гостеприимство в своих странах. Тогдашнее демократическое правительство предложило всем родителям, чтобы они послали туда своих детей. Посылка была совершенно добровольной. Те, кто не

хотел послать, не послали. Является клеветой и басней, что этих детей превращают якобы в «янычаров». Наоборот, они воспитываются и обучаются в духе любви к Греции, демократии и миру. Подавляющее большинство детей находятся там вместе с своими родителями. И я думаю, что никто не будет возражать, чтобы они вернулись на родину, как только Греция перестанет быть фашистской джунглей...

Басни о фунтах стерлингов

...Но я думаю, что я говорю по содержанию обвинительного акта и продолжаю по поводу басен о миллиардах драхм и тысячах фунтов стерлингов, которыми якобы располагает КППГ. Мы являемся большой партией, и у нас также имеются расходы, как бесспорно имеют и другие партии, которые, как известно, расходуют колоссальные суммы. Наши ресурсы не являются, однако, ни нелегальными, ни подозрительными. Наши ресурсы проистекают из поддержки народа, и мы их не получаем ни от бодосакисов, ни от дендринелисов. Некоторые партии делают сборы пожертвований за границей. Наша партия могла бы также произвести такого рода сбор среди 30 000 политэмигрантов, работающих в странах народной демократии. И было бы достаточно, чтобы каждый из них дал, если бы мы пожелали, свой дневной заработок, чтобы мы получили из такого честного и чистого источника по крайней мере 4000 золотых фунтов стерлингов. Почему в таком случае вы клеветаете на КППГ и совершенно не говорите относительно подозрительных ресурсов других партий? Где они нашли миллиарды, израсходованные ими на выборную кампанию?

О „действующих по указке извне“

Посмотрим теперь, какого рода орудиями иностранных держав мы являемся: ежедневно на все лады и тона повторяется, что мы являемся орудиями иноземцев. Я сказал бы, что «не говорят о веревке в доме повешенного», потому что весь мир прекрасно знает, какую роль играют американцы в Греции. И здесь, в зале, была показана их роль

даже при допросах в охранке. Коммунисты не являются орудиями иностранцев. Коммунизм — это общечеловеческий идеал и всемирное движение. Коммунисты были немногочисленной группой во время Маркса. Ныне под знаменем социализма стоит 800 млн., а завтра социализм распространится по всей земле. Возможно ли, чтобы такое грандиозное движение было создано с помощью иностранного воздействия? Какой агент иностранного государства отдает с таким великодушием свою жизнь, как дают ее тысячи коммунистов? Эти жертвы коммунистов можно сравнить только с жертвами христиан, но опять-таки имеется разница, что в то время как христиане принимали мучения и шли на смерть в надежде унаследовать царство небесное, коммунисты отдают свою жизнь, не надеясь ни на что. Они отдают ее для того, чтобы для человечества возшло лучшее, счастливое завтра, которого они, однако, не будут видеть. Какое орудие иностранцев может принести в жертву свою жизнь для такой великой цели?

Председатель: Надо кончать...

КПГ борется за мир

Белояннис: Я вам говорил о политике КПГ. Я хочу, однако, подчеркнуть также и то, что КПГ имеет в народе глубокие корни, орошаемые кровью, и ее невозможно уничтожить ни военными трибуналами, ни карательными отрядами. Ее политика всегда была направлена к благу народа и нашей страны. К этому она стремится и сегодня. Поэтому народ ее поддерживает. КПГ желает умиротворения страны и ее экономического восстановления и демократического возрождения. Правая отвергает все это и необдуманно ведет Грецию к новым трагическим катастрофам, сев повсюду ненависть и свирепый террор. За эту нашу тактику вы меня судите. Поэтому ваши суды — это суды предумышленности. Поэтому я не прошу вашего снисхождения. Я шриму с гордостью и стоицизмом свое осуждение и с высоко поднятой головой смело встану даже перед вашим карательным отрядом. Это все.

Председатель: Я тебе отвечаю на это. Суды предумышленности — это те суды, которые позволили тебе вести

перед нами в течение часа свою пропаганду. Но трибунал завершит свою задачу и вынесет такое решение, которое явится уроком для тех, которые пытались покровительствовать тебе, как бы высоко ни было их положение.

(Председатель приказывает вывести Белоянниса из зала. Во время выступлений защитников защитник предателя Стилианидиса Параскевопулос оскорбляет патриотов, обзывая их уголовными преступниками, бандитами и т. д.)

Белояннис: Позвольте, господин председатель, я протестую. Он не имеет права оскорблять. Он защитник или королевский комиссар?

Председатель *(в сильном возбуждении)*: Не смей больше разговаривать! Слышишь, что я тебе говорю? *(Обращаясь к жандармам.)* Уведите его отсюда немедленно... Немедленно, я сказал!

Караул ведет Белоянниса в изолятор, находящийся в зале.

(Белояннис, Суд над правдой, «Неа Эллада», 1952, стр. 11—14, 93—101.)

Советским людям никогда не забыть обаятельную улыбку Белоянниса, сфотографировавшегося перед казнью с цветком в зубах.

Его образ стал для честных людей всего мира символом мужественного и борющегося народа Греции.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИТИНГ В ЗАЛЕ СУДА

18 июня 1948 г. французские колониальные власти в Марокко приговорили к изгнанию из страны первого секретаря Коммунистической партии Марокко товарища Али Яту. Таким образом они надеялись нанести тяжелый удар Коммунистической партии Марокко.

21 июня 1948 г. французская полиция вознамерилась осуществить это решение. Но в момент, когда она пыталась захватить товарища Али Яту, чтобы выслать за пределы Марокко, ему удалось скрыться. Так он смог остаться на родной земле и начать жизнь коммуниста-польщика.

Полиция разыскивала Али Яту непрерывно, но арестовать его удалось лишь 15 июля 1950 г. Он был сразу же выслан, но спустя некоторое время тайно вернулся в Марокко. Его еще раз арестовали и приговорили к 10 месяцам тюрьмы и лишению марокканской национальной принадлежности. Как только он вышел из тюрьмы, его опять выслали. Али Ята вновь нелегально возвратился на родину. Только в конце лета 1952 года он выехал из Марокко по поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Марокко, пославшей его своим представителем на

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Али Ята не доехал до Москвы. В дороге его опознали и арестовали в Алжире. Два месяца он провел в тюрьме этого города. Али Ята должен был получить предварительное освобождение, но накануне этого парижский военный суд выдал мандат на его арест. Его сейчас же перевели в столицу Франции и заключили в военную тюрьму Френ по обвинению в «государственной измене и покушении на внешнюю безопасность государства» — преступлениях, наказуемых смертной казнью.

И в лапах тюремщиков, и перед так называемыми судьями, бывшими в действительности лишь прислужниками колониальных властей, Али Ята отстаивал свои права марокканского патриота и коммуниста, в особенности — право пользоваться свободой на земле своей родины. Эта защита личных прав не могла быть для него самоцелью. Он использовал ее в плане общей борьбы марокканского народа за свое национальное освобождение для того, чтобы бичевать колониальный гнет, обличать преступления угнетателей-империалистов, выступать в защиту правого дела своего народа, оказыв-

вать поддержку его стремлению к свободе и национальной независимости.

Ниже публикуется выступление т. Али Яты перед исправительным судом Касабланки. Ежедневная газета колонизаторов в Касабланке «Вижи Марокен» на следующий день — 22 февраля 1951 г. поместила отчет под «шапкой» «Как и следовало ожидать, Али Ята и Мухаммед Фархат провели коммунистический митинг в зале исправительного суда».

«Вчера, — говорилось в отчете, — все коммунисты Касабланки (около 300 человек) откликнулись на призыв и присутствовали на процессе Али Яты и Мухаммеда Фархата, представших перед исправительным судом по обвинению в нарушении постановления о запрещении им пребывания в Марокко.

Процесс — это не совсем то слово, которым можно определить происшедшее вчера на дневном заседании суда. Скорее это можно было бы назвать политическим собранием, ибо на про-

тяжении почти пяти часов каждый мог излить свою желчь и порочить Францию, Генеральную резиденцию, протекторат и французскую политику в Марокко, не уделив ни одной минуты сути самого процесса. Али Ята и Мухаммед Фархат находились в суде по обвинению в нарушении постановления о высылке, но об этом, пожалуй, никто не думал.

Отныне Коммунистическая партия сможет гордиться тем, что провела митинг в самом здании суда, причем это был митинг без противников, митинг, организация которого была бы запрещена, если бы он был назначен в любом другом помещении.

Ни разу Али Ята не обращался к суду. Он говорил для 300 «товарищей», составлявших судебную аудиторию. Он смог публично высказать им все то, о чем был лишен возможности говорить в течение последних двух лет» («Досье изгнанника», М., 1959, стр. 55.)

Выступление Али Яты перед исправительным судом Касабланки 21 февраля 1951 г.

Господин председатель, господа!

Мне предъявлено обвинение в нарушении резидентского постановления об экспатриации. Разрешите мне дать объяснения по этому обвинению.

Действительно, я вернулся в Марокко после того, как был оттуда изгнан *mapu militari**.

Мое решение было вызвано несколькими причинами.

Первая причина заключается в том, что постановление об экспатриации, принятое по отношению ко мне, никогда не было доведено до моего сведения должным образом.

Вы уясните это себе, если узнаете, при каких условиях проводилась экспатриация.

15 июля 1950 г., в канун большого марокканского праздника Аид-ас-Сагира, которым заканчивается месяц поста Рамадана, на следующий день после большого французского праздника свободы и демократии, в то время как я и шесть моих товарищей спокойно собрались частным образом на квартире у одного из них в квартале Бюрже в Касабланке, полицейские целой толпой нагрянули туда около 15 часов и выломали двери.

Сколько их было? 20? 30?

Не могу сказать точно, потому что не мог их сосчитать.

Во всяком случае их было много, и у каждого был в руке револьвер.

Среди них были комиссар Ангель, инспектора политической полиции Вуарон и Гарсетт, был также и некий хулиган, один из тех подонков общества, которых авантюристы используют для грязных дел. Этот тип, которого, по-видимому, предварительно привели в состояние возбуждения, был со мной особенно груб — в течение нескольких недель на моем теле сохранялись следы его ударов.

В дивизионном комиссариате инспектор Вуарон устно заявил мне, что причиной моего ареста является постановление о моей экспатриации, вынесенное в июне 1948 года Генеральной резиденцией, что я немедленно опротестовал в письменной форме самым энергичным образом.

В 17 часов в сопровождении девяти инспекторов, вооруженных револьверами и автоматами, я был направлен в Уджду, где в 3 часа утра меня, как настоящего преступника, подвергли антропометрическому исследованию и без промедления препроводили в Тлемсен.

---

* Буквально — вооруженной рукой, военной силой.— *Ред.*

В Тлемсене, в центральном комиссариате, меня заперли в одном помещении с пьяницами и ворами и, несмотря на мои резкие протесты, выпустили только через шесть часов, не преминув великодушно предупредить о том, что я подлежу аресту за бродяжничество. Ведь французская полиция Марокко изгнала меня из моей страны, не дав мне ни копии постановления об экспатриации, ни удостоверения личности, ни паспорта. Она изгнала меня, не дав мне возможности обнять на прощание родных, без денег, без провизии, без вещей, в одной рубашке и брюках.

Такое поведение следует назвать по меньшей мере не очень корректным по отношению к человеку, которому можно поставить в упрек только независимость его взглядов!

Достоин сожаления, что Генеральная резиденция, которая еще в 1915 году подготовила и издала дахир, узаконивший изгнание без суда, не сочла своим долгом за это время установить порядок приведения этого дахира в исполнение, раз уж у нее были основания для того, чтобы прибегнуть к этой современной разновидности системы *lettres de cachet**.

Иначе обстоит дело во Франции, где, к сожалению, до сих пор существует в качестве меры наказания изгнание, применяемое только к иностранцам.

В самом деле, ордонанс от 2 ноября 1945 г. и декрет о введении его в силу от 18 марта 1946 г. гласят, что всякое постановление об изгнании обязательно должно содержать краткую мотивировку. По прошествии недели заинтересованное лицо имеет право потребовать, чтобы его выслушала специальная комиссия в составе председателя суда, советника префектуры и начальника отдела иностранцев префектуры. После этого оно имеет право ознакомиться со своим делом и может представить свои объяснения, пользуясь консультацией адвоката.

Эти гарантии, предоставляемые во Франции лицам, подвергаемым изгнанию, бесспорно логичны. И французские власти в Марокко знают о них и должны были бы за отсут-

---

* *Lettres de cachet* — тайное повеление об аресте во Франции до 1789 года, исходившее от короля. По такому приказу арестованный мог содержаться в заключении без предъявления обвинения, суда и следствия в течение произвольно большого срока. — *Ред.*

ствием соответствующих распоряжений резиденции соблюдать эти гарантии или хотя бы руководствоваться ими.

Получается, следовательно, что не только постановление об экспатриации, в нарушении которого меня обвиняют, не было мне сообщено должным образом, но и сами условия его исполнения были возмутительными. Я не мог их принять.

Вот первая причина моего возвращения на родину.

Вторая причина заключается в том, что постановление это является незаконным.

Законы, действующие в Марокко и, как это известно каждому, изданные самой же Генеральной резиденцией, не признают за генеральным резидентом права изгнать марокканца из его отечества.

А ведь я — марокканец. И фактически, и юридически. Не стану распространяться на эту тему, которую я уже подробно освещал в суде первой инстанции Касабланки и в апелляционном суде Рабата. Правда, эти две инстанции, к которым я обращался, чтобы установить свою принадлежность к марокканской национальности, отказали в моей просьбе. Я не считаю себя побежденным и потребовал пересмотра моего дела в кассационном порядке. Я убежден, что нельзя до бесконечности отрицать очевидное и что в конце концов истина восторжествует, какие бы препятствия ни ставили на ее пути.

Я родился в Марокко от матери-марокканки и от отца-мусульманина, уроженца Алжира, более полувека проведенного за пределами этой страны и поселившегося в Марокко до установления протектората. Я всегда жил в Марокко, и здесь живет вся моя семья. Я всегда действовал как марокканец и чувствовал как марокканец. Я принадлежу к марокканской национальности с точки зрения как марокканского права, так и французских законов.

Следовательно, вынесенное постановление о моей экспатриации незаконно.

Такова вторая причина моего возвращения на родину. Третья причина заключается в том, что это постановление — яркое проявление произвола.

Действительно, оно принято на основании дахира от 8 декабря 1915 г., дахира чудовищного, по которому генеральный резидент волен высылать всякого, кого он сочтет

нежелательным, без предоставления ему возможности быть выслушанным, или защищаться, или обратиться в высшую судебную инстанцию или к высшей власти.

Разве не возмутительно то, что на одного человека возложены функции главы исполнительной власти, обвинителя и судьи?

И разве не становится это положение еще более возмутительным оттого, что этот же человек — иностранец, не забывая об этом, — сам вырабатывает и издает законы?

Где же тогда великий принцип разделения властей, который так превозносил Монтескье и ради торжества которого народы пролили столько крови?

В наши дни нигде на свете нет такого положения, чтобы правительство само осуществляло законодательную власть и самочинно и непосредственно высылало граждан. Этого нет даже в Соединенных Штатах Америки, несмотря на то, что там открыто проводится фашизация государства. Там действительно существует так называемая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности под руководством сенатора Парнелла Томаса, который, будучи уличенным в мошенничестве, был приговорен к тюремному заключению. Эта комиссия считает антиамериканцем всякого американца-антиимпериалиста и антикапиталиста, она считает подрывным каждое убеждение, не совпадающее с правительственной точкой зрения. Но на этом роль ее кончается. Она не высылает своих жертв. Она обвиняет. А разбирает дело и выносит приговор суд.

По сути не существует никакого реального различия между дахиром, дающим генеральному резиденту бесконтрольное право высылать граждан, и той абсолютной властью, которая в прошедшие мрачные времена давала королям возможность издавать *lettres de cachet*.

Вот почему я прошу вас, господа, осудить дахир от 8 декабря 1915 г. как олицетворение произвола.

Вы можете возразить, что находитесь здесь не для того, чтобы давать оценку законам, а для того, чтобы применять их такими, какие они есть, чтобы наказывать предусмотренные ими преступления.

В таком случае я отвечу вам: ваша роль должна быть выше, гуманнее, прекраснее роли роботов: в нее следовало

бы вкладывать больше интеллекта, мастерства, чуткости, больше ответственности, чем могли бы проявить простые автоматы, слепо применяющие законы, не видя, что в них хорошо, а что — плохо, что справедливо, а что — несправедливо. Вы — судьи в полном смысле слова. А значит, для того, чтобы найти истину, вы имеете право призвать на помощь свой здравый смысл, свою логику, свой ум, прислушаться к тому, что говорят честные люди, наука, история. Для торжества справедливости вы имеете право осудить то, что заслуживает осуждения. Более того, это ваш долг!

Опираясь на дахир от 8 декабря 1915 г., Генеральная резиденция в течение нескольких месяцев отказывалась сообщить причины моей экспатриации. Потребовалось вмешательство члена французского парламента, коммуниста, и Центрального комитета французской Лиги защиты прав человека и гражданина, чтобы узнать, что резиденция обвиняет меня в том, что:

1) я «утверждал, что политика, проводимая в Марокко, благоприятствует американской экспансии, давая Соединенным Штатам возможность сохранять свои военные базы»;

2) я «заявил, что Коммунистическая партия Марокко готова стать во главе марокканского народа, чтобы страна не могла превратиться в плацдарм в грядущей войне»;

3) я перевозил листовки, «обвиняющие Генеральную резиденцию в организации кровавой расправы в Уджде»;

4) я, «перейдя на нелегальное положение... по-прежнему продолжал угрожать безопасности Шерифской империи, подписывая большую часть антиправительственных листовок»;

5) я — «ярый антифранцуз и марокканский коммунист».

Рассмотрим, господа, на чем основаны эти обвинения.

Во-первых, резиденция ставит мне в вину мое утверждение относительно того, что «политика, проводимая в Марокко, благоприятствует американской экспансии».

В действительности же я не только утверждал, но и доказал это. И я горжусь тем, что состою в национальной партии, которая первая в Марокко разоблачила эту экспансию.

Нужны ли сейчас еще дополнительные разъяснения по этому вопросу?

Кто не знает, что американские империалисты занимают нашу морскую воздушную базу в Кенитре и содержат тысячи солдат в этом городе, где их полиция сменила французскую полицию? Кто не знает, что они безраздельно распоряжаются нашими аэродромами и с помощью техников приспособливают их для своих нужд; что они укрепляют северное побережье нашей страны, представляющее вместе с Гибралтаром ключ к Средиземноморью? Кто не знает, что, выстроив в 32 км к югу от Танжера одну из самых мощных радиостанций мира, они пытаются теперь расширить до Кенитры «интернациональную зону», эту неотъемлемую часть нашей родины, бесчеловечно оторванную от ее живого тела, за возвращение которой мы не перестанем бороться?

В интересах точности нужно сказать, что с мая 1947 года французские правители и их представители в Рабате не только благоприятствовали экспансии американских милитаристов, но и уступили последним территорию, которая им не принадлежит, а составляет неоспоримую собственность марокканской нации.

Действуя так, они, конечно, не испытывали никаких колебаний: ведь они отдают американцам такие частицы своей собственной страны, как порты Ла Палис и Бордо и земельные участки в Ландах, для устройства аэродромов и складов бомб и снарядов.

Принимая план Маршалла, подписывая Брюссельский пакт, Атлантический пакт и программу военной помощи, они хорошо знали, что подчиняют американскому военному командованию не только Францию, но и Марокко.

Народ Франции восстает против этого предательства, и мы с благодарностью приветствуем эту с каждым днем усиливающуюся борьбу.

Со своей стороны, мы не признаем за французскими правителями права распоряжаться по своему усмотрению нашей страной и включать ее в военно-оперативную группировку иностранной державы. Мы полностью поддерживаем заявление партии Истикляль: «Марокканский народ никогда не сможет считать себя союзником тех, кто не признает его прав на свободу и независимость».

В области же экономической — кто не знает, что после окончания второй мировой войны американские дельцы бок

о бок с французскими магнатами принимают все более и более интенсивное и непосредственное участие в эксплуатации наших ресурсов стратегического сырья, в частности свинца, марганца, нефти?

Кто не знает, что они вместе с французами наводнили рынок дешевым хламом и разорили множество наших ремесленников и мелких фабрикантов? Ведь янки экспортируют огромные массы товаров в нашу страну, но сами старательно избегают импорта из нее — это можно увидеть из нашего торгового баланса, показывающего в 1950 году дефицит в несколько миллиардов в пользу долларовой зоны.

Бесспорно, люди, правившие Францией после того как коммунисты были отстранены от участия в правительстве, проводили по отношению к Соединенным Штатам политику подчинения. Для нашей страны это кончилось включением ее в военном, экономическом и политическом отношениях в западную коалицию, созданную и руководимую Вашингтоном.

Сегодня никто этого отрицать не может. И каждый честный человек должен признать, что Коммунистическая партия Марокко доказала свою прозорливость и дальновидность, разоблачив еще в конце 1947 года включение в эту коалицию, противоречащее интересам марокканской родины и делу мира.

Вот то, что я могу сказать по поводу первого обвинения.

Во-вторых, резиденция ставит мне в вину мое заявление относительно того, что «Коммунистическая партия Марокко готова стать во главе марокканского народа, чтобы страна не могла превратиться в плацдарм в грядущей войне».

Верно, что с конца 1947 года вместе со всей Коммунистической партией Марокко я вел активную и непрерывную кампанию за то, чтобы наша страна не была использована как плацдарм в агрессивной войне.

Эту агрессивную войну сейчас лихорадочно готовят американские империалисты. Они готовят ее, потому что с начала века, а в особенности во время двух мировых войн они накопили огромные богатства и теперь хотят господствовать над миром, чтобы вывозить свои капиталы, сбывать свои продукты, захватывать в свои руки сырье.

Они и не скрывают своего стремления к мировому господству. Они бесстыдно выставляют его напоказ. Послушайте, что они пишут и что говорят.

На 332 странице французского перевода книги, озаглавленной «За мировое господство», Джемс Бернхем пишет: «Судьба призывает Соединенные Штаты к господству над миром. Все или ничего».

6 апреля 1946 г. в речи, произнесенной в Чикаго, президент Трумэн заявил: «Соединенные Штаты сегодня — это сильная нация. Сильнее ее нет. Это означает, что, обладая такой силой, мы имеем право принять на себя руководство организацией всего мира».

А 11 января 1949 г. в речи, произнесенной в Литтл Роке, он повторил ту же мысль в следующей форме: «Мы приняли на себя ту ответственность, которую, как я думаю, богу было угодно, чтобы взяла на себя эта великая республика... Мы взвалили на свои плечи огромную ответственность, соразмерную с нашей колоссальной силой. Мы должны идти вперед, не зная слабости, веря в успех миссии, возложенной на нас божественным провидением».

Эти речи ничего не напоминают вам, господа?

Лично меня они непреодолимо наводят на мысль о речах Гитлера, с его низкой лестью германской нации, которую он изображал божьей избранницей, призванной вершить судьбами мира, а все для того, чтобы оправдать свою преступную агрессию против европейских стран.

Не подумайте, пожалуйста, что те высказывания, которые я только что цитировал, — это слова, случайно сорвавшиеся с языка президента Трумэна. Они представляют собой выражение обдуманной и прочно установленной линии поведения; это доказывает еще одна речь, произнесенная в апреле прошлого года в Форт-Беннинге и содержащая такие слова:

«Нам понадобилось две войны и 30 лет, чтобы заметить, что наше место в мире — место руководителя. Теперь мы хотим сохранить это господствующее положение».

А генерал Маршалл заботливо уточнил 15 января 1948 г.:

«Американский народ часто слышит, как утверждают, что события выдвинули нашу страну на роль руководителя в мире, роль, налагающую на нас такую ответственность, какой мы никогда до сих пор не знали... Скажу без колеба-

ний, что группа деловых людей, как ни одна другая группа нации, полна решимости проводить эту роль сильно и решительно».

Да, именно деловые люди ведут Америку к развязыванию нового международного конфликта, потому что они боятся мирного времени, когда их доходы снижаются, а число безработных возрастает, когда создается почва для периодических экономических кризисов, присущих капиталистической системе.

Вот доказательство.

В течение семи лет последнего мирового конфликта официальная сумма чистой прибыли американских капиталистических компаний возросла до 60 млрд. долларов, в то время как за предшествующие восемь лет она достигала лишь 9,5 млрд.

Что касается безработицы, то в Соединенных Штатах было в 1932 году 12 060 тыс. незанятых рабочих; в 1933 году — 12 830 тыс.; в 1938 году — 10 390 тыс.; в 1939 году — 9480 тыс. Только на пятом году войны эта цифра снизилась до 670 тыс. А сразу же после установления мира подскочила до 2270 тыс. в 1946 году, до 4095 тыс. в июле 1949 года, до 4684 тыс. в феврале 1950 года. А ведь это официальные цифры, опровергаемые американскими рабочими организациями, по данным которых число безработных в 1949 году равнялось 6 млн. человек.

Теперь становится понятным, почему сэр Уильям Беве-ридж сказал: «До сих пор демократии открыли только одно превосходное лекарство от безработицы: это тотальная война».

И понятно, почему г-жа Люс, жена главного редактора американского журнала «Лайф», писала в статье, перепечатанной в «Ви франсез» 18 февраля 1949 г.: «Америка прошла через две большие войны, но от них остались гораздо менее горькие воспоминания, чем от кризиса 1930 года, проклятого времени, когда безработные торговали яблоками на улицах. Наш народ не хочет ни кризиса, ни войны, но если бы ему пришлось выбирать, он выбрал бы войну».

Американские правители уже выбрали эту войну и хотят, чтобы она началась без промедления. Вот почему они ассигнуют баснословные суммы на производство смертонос-

ного оружия, значительно повышают численность своей армии, перевооружают армии реакционных государств и в первую очередь — Западной Германии, в которой не проведена денацификация, покрывают земной шар своими военными базами.

Они ищут подходящего случая, чтобы поджечь порох. Они даже создают такие случаи, как признался 17 июня прошлого года министр иностранных дел Соединенных Штатов Дин Ачесон; вот что он сказал:

«Западные державы должны идти вперед в осуществлении своих планов, стремясь создавать ситуации силы».

Дух провокации господствует в настоящее время в политике Вашингтона, как это видно из официальной брошюры, выпущенной в сентябре прошлого года Государственным департаментом; мы читаем в ней следующее:

«Помогать созданию во многих частях земного шара ситуаций силы — это для Соединенных Штатов в 1950 году политика № 1».

Эти «ситуации силы», или провокации (примером их служит война в Корее, развязанная и упорно затягиваемая американскими империалистами), нужны им для того, чтобы расширить конфликт и втянуть в него Советский Союз и народно-демократические республики Европы и Азии, другими словами, страны, навсегда освободившиеся или освобождающиеся от капиталистического строя и тем самым противодействующие их политике мировой гегемонии.

Не одним нам, коммунистам, ясно это. Послушайте, что думает об этом видный французский христианин Луи де Вильфосс, офицер морской службы с 1919 по 1949 год, начальник штаба морских сил Свободной Франции:

«Те, кто скажет, что я говорю лишнее, что я преувеличиваю, — лишь простодушные люди, ничего не знающие о современной политике Соединенных Штатов, о финансистах и промышленниках, стоящих за спиной их министров, или, говоря шире, о тайных пружинах современного мира. То же можно сказать и о тех, кто, наслушавшись американских обвинений, наивно верит в агрессивные стремления Советского Союза. Но за океаном боятся совсем не военного вторжения, нет, там боятся заражения коммунистическими

идеями. С каждым днем в известных американских кругах все сильнее становится искушение развязать войну, чтобы войной положить конец опыту, неоспоримые экономические успехи и социальные достижения которого пробуждают все более грозный отклик в пролетарских массах всего мира».

Но по примеру нацистских агрессоров американские поджигатели войны обвиняют Советский Союз в военных замыслах.

Советский Союз не может желать войны, это несовместимо с социалистическим строем, на котором он основан, со строем, уничтожившим эксплуатацию человека человеком, сделавшим невозможным кризисы со всеми их последствиями и несчастьями и таким образом устранившим самую возможность возникновения какой бы то ни было предпосылки для несправедливой войны.

Советский Союз по самой своей сути — мирная держава. Этим и объясняются непрерывные усилия, которые он прилагает со дня своего основания для сохранения мира во всем мире на самых прочных основах:

— сосуществование социалистического и капиталистического строя;

— сотрудничество всех наций, больших и малых, на основе абсолютного равенства и уважения их независимости.

Воля Советского Союза к миру очевидна. Это вынуждены признать самые ожесточенные враги социализма.

Бывший посол Франции в Москве генерал Катру писал в феврале 1949 года в «Ревю де политик этранжер»: «Повторяю: нужно преклоняться перед огромной работой, которая уже проделана. Она поражает ум, она вызывает восхищение, она заставляет думать, что замысел, осуществление которого проводят Советы,— не химера, и что если у них будет время, т. е. мир, то благодаря отличающей их энергии и воле им удастся его реализовать, и они завершат свою революцию. Вот почему, приняв во внимание все стороны вопроса, я совершенно убежден, что Советский Союз искренен, когда он заявляет о своем миролюбии».

Генеральный уполномоченный союза предпринимателей машиностроительной промышленности Франции Жан Констан писал в октябре прошлого года в журнале «Лез эндю-

стри механик»: «Не знаю, имеют ли русские намерение захватить нашу страну, но начинаю сомневаться в этом, видя, что они ничего не предпринимают в такой момент, когда каждый задает себе вопрос,— что же собственно их останавливает?»

И государственный министр Великобритании Янгер заявил 17 октября прошлого года в Нью-Йорке группе главных редакторов американских газет: «Забота о том, чтобы избежать новой мировой войны, составляет, быть может, цель номер один советской политики... Идеино-воспитательная работа, широко проводимая в русском народе, уделяет значительно больше внимания строительству социализма, чем мировому господству».

Действительно, Советский Союз завершает строительство социализма и приступает уже к строительству коммунистического общества, основной принцип которого: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Его планы и замыслы не составляют тайны ни для кого. Он использует атомную энергию для того, чтобы повернуть течение сибирских рек, превратить бесплодные земли в цветущие сады. Он насаждает бескрайние леса в южных степях. Он строит на Волге две электростанции, которые будут ежегодно давать 20 млрд. квт/ч электрической энергии — в 10 раз больше, чем все электростанции царской России; это даст возможность оросить 14 млн. га земли — площадь, равную Нидерландам, Бельгии, Швейцарии и Дании.

Ну, скажите честно, искренне: как же Советский Союз может желать войны, если все свои силы он отдает на выполнение этих задач, таких грандиозных, титанических и таких чудесных?

Как может Советский Союз желать войны, если последний мировой конфликт, для предотвращения которого он сделал все, что было в его силах, стоил жизни миллионам его сыновей, привел к разрушению десятков тысяч его городов и деревень, оставил ему огромное число сирот и бездомных?

Все это показывает, все это подтверждает: Советский Союз непоколебимо стремится к миру.

Вот почему обращает к нему свою признательность все прогрессивное человечество!

Вот почему миллионы и миллионы честных людей во всем мире встанут на его защиту, если он когда-нибудь, к несчастью, подвергнется военному нападению.

Вот почему мы, марокканские коммунисты, скорее согласимся, чтобы пули империалистов пронзили нашу грудь, чем задели хоть одного солдата Красной Армии.

Стоя на такой позиции, мы отчетливо сознаем, что защищаем жизнь своего народа, служим делу всех народов, включая и американский народ.

Мы глубоко уверены, что служим высшим интересам своей родины. Мы убеждены, что сохраняем верность самым чистым интернациональным традициям передовых организаций своего века.

Ведь мы не забываем резолюции исполнительной комиссии профсоюза металлистов департамента Сены во Франции, опубликованной в «Юманите» 14 августа 1920 г.:

«Металлурги Сены не будут производить снаряжения для войны против Советской Республики».

Мы не забываем призыва административной комиссии ВКТ Франции, во главе которой стоял тогда Леон Жуо, призыва, опубликованного в «Юманите» 19 августа 1920 г.:

«Административная комиссия просит трудящихся высказываться и действовать, отказываясь от всякого участия в выпуске военной продукции и в перевозке снаряжения и войск».

В нашей памяти вечно жив исторический лозунг, брошенный в августе 1920 года постоянной комиссией французской социалистической партии: «Ни одного су, ни одного человека»; лозунг этот был подсказан резолюцией конгресса в Нанси (1907 г.), призывавшей трудящихся «к подготовленному, согласованному и совместному выступлению, которое в каждой стране и прежде всего в соседних странах, а также в тех, где сложится соответствующая обстановка, привело бы в действие всю энергию и все силы рабочего класса и социалистической партии для предотвращения войны всеми средствами — от парламентского выступления, публичной агитации, народных демонстраций до всеобщей забастовки и восстания».

Обратимся теперь к Англии: мы помним, что сам Эрнст Бевин,— понятно, до того, как он стал министром его

британского величества — заклеил войну против Советов. Он писал в 1920 году: «Лейбористская партия не хочет войны с Россией ни в какой форме. Она помешает отправке снарядов и орудий, предназначенных любому из врагов России».

В заключение скажем, что мы, коммунисты, — принципиальные противники несправедливых войн, т. е. войн агрессивных, завоевательных и реваншистских, грабительских колониальных войн и войн за мировое господство, войн, разжигаемых империалистами, войн, к которым не могут прибегать социалистические страны. Мы боремся за то, чтобы наша родина, которую мы хотим видеть освобожденной от игоземного ига, не служила плацдармом для агрессии и чтобы наших братьев не использовали в качестве наемников. Сам собой напрашивается логический вывод: кто отвергает нашу позицию, тот, следовательно, признает, что он — за агрессивные войны. Кому не по душе наша борьба, тот показывает, что он замышляет вооруженное выступление против свободы других народов.

Таким образом, второе обвинение, выдвинутое резиденцией, обращается, как и первое, против самой резиденции.

В-третьих, мне ставят в вину то, что я перевозил листовки, в которых резиденция представлена организатором кровавой расправы в Уджде.

Объясняюсь по этому пункту. В начале июня 1948 года, во время провокации в Уджде и в Джераде, стоявшей жизни 50 марокканцам и 1 европейцу, руководство Коммунистической партии Марокко оказало мне честь, поручив от его имени выразить сочувствие пострадавшему населению этих двух городов. Генеральная резиденция приняла необоснованное и незаконное решение: не допускать меня в эти города. Резиденция заставила меня повернуть обратно от Аль-Айуна. Несмотря на мои протесты, автомобиль, в котором я ехал, был обыскан четыре раза, в Аль-Айуне, Герсифе и Тазе жандармами, не имевшими мандата на обыск, которые ничего не нашли кроме 11 экземпляров бюллетеня по району Касабланки, издаваемого Коммунистической партией Марокко для внутреннего пользования. Этот бюллетень, датированный маем 1948 года, был выпущен до событий в Уджде и Джераде.

Итак, я не перевозил листовок. А Генеральная резиденция, утверждая обратное, попросту солгала. Можете себе представить, что уж она не преминула бы притянуть меня к суду, как «застигнутого на месте преступления», если бы действительно у меня были найдены листовки.

Я признаю, что Коммунистическая партия Марокко, как только ей стало известно о кровавой провокации, выпустила манифест, призывающий марокканский народ к удвоенной бдительности. В манифесте говорилось, что только империалистическим угнетателям выгодно использовать войну в Палестине для того, чтобы натравить друг на друга марокканцев — евреев и мусульман — и отвлечь их таким образом от борьбы против колониального ига, помешать их объединению и найти новые поводы для обуздания национального движения вообще и его передовых организаций в частности.

События показали, что Коммунистическая партия Марокко была права.

Действительно, было доказано, что воровство, грабежи и убийства в Уджде и Джераде совершались подлыми авантюристами-наемниками. Их преступления и злодеяния послужили поводом для ареста более 500 патриотов и активных профсоюзных деятелей и присуждения их к различным наказаниям: от трех месяцев тюремного заключения до смертной казни. Кроме того, был распущен крупный профсоюз горняков в Джераде, была разгромлена Марокканская федерация горнорабочих, объединявшая 13 тыс. человек. И все это происходило под аплодисменты французских сторонников рабовладения.., связанных с заокеанскими трестами.

Такие погромы, как в Уджде и Джераде, относятся к числу классических провокаций, к которым прибегают империалисты, чтобы упрочить свое господство, как только они почувствуют, что оно поколеблено растущим освободительным движением поработенных народов.

Примеров тому — бесчисленное множество.

В январе 1944 года, когда наш народ, всеми своими силами участвовавший в разгроме нацистской военной машины и в освобождении Франции, потребовал, чтобы на следующий день после победы было признано его право свободно распоряжаться своей судьбой, ему ответили на это справедливое требование кровавой расправой в Рабате, Сале и Фесе.

В апреле 1947 года, когда его величество султан готовился к официальной поездке в Танжер, на мирных жителей Бен Мсика были брошены сенегальские стрелки, надлежащим образом проинструктированные и вооруженные до зубов. Им разрешалось убивать людей десятками лишь для того, чтобы создать обстановку, при которой глава марокканского государства не мог бы выступить в Танжере перед народом и представителями многих держав с заявлением о воле марокканцев к борьбе за восстановление своей национальной независимости.

Не стану много говорить о кровавых событиях в округе Константины, стоивших жизни 40 тыс. алжирцев, и на Мадагаскаре, где было совершено убийство 100 тыс. мальгашей, и о совсем недавних событиях в Тунисе: о 19 убитых и 54 раненых в Сфаксе, о 7 убитых и 12 раненых в Энфедавиле.

Все наши соотечественники хранят память об этих неслыханных убийствах и сумеют, усиливая свою борьбу, избежать ловушек, которые всюду подстерегают их, особенно теперь, когда репрессии нарастают, когда национальному движению объявлена беспощадная война.

Я хочу только почтить память моих братьев — алжирцев, мальгашей, тунисцев, марокканцев — всех, и евреев, и мусульман без различия, павших жертвой колониального гнета. Я хочу почтить память европейца, рабочего Аморо, убитого наемниками в Уджде. Я хочу выразить свои самые искренние чувства солидарности патриотам, которые томятся в заключении с июня 1948 года, и в первую очередь — профсоюзному деятелю Бухамида, несправедливо приговоренному пожизненно к каторжным работам.

Итак, если третье обвинение, выдвинутое резиденцией, и говорит о чем-нибудь, то только о том, что ответственность за массовые убийства в Уджде и Джераде лежит на наших угнетателях-колонизаторах.

Четвертое обвинение: резиденция ставит мне в вину то, что я, «перейдя на нелегальное положение... по-прежнему продолжал угрожать безопасности Шерифской империи, подписывая большую часть антиправительственных листовок».

Правда то, что, перейдя на нелегальное положение, к чему вынудила меня резиденция, я, как коммунист, вносил

по-прежнему свой скромный вклад в борьбу моего народа за претворение в жизнь его национальных устремлений и за удовлетворение его требований.

Правда и то, что я имел честь составлять и подписывать документы, критиковавшие политику резиденции. Эти документы распространялись в виде листовок. Они публиковались бы в газетах при нормальном положении, если бы из-за усердия информационной службы резиденции не появлялись пробелы на страницах национальной печати, если бы цензура систематически не вымарывала мои статьи начиная с июня 1948 года и если бы она не доходила до смешного, запрещая всякое появление моего имени или моей фотографии в газетах.

Резиденция возмущается тем, что критикуют ее политику. Но разве она тем самым не выдает своего произвола, своего фашистского духа? Ведь в наши дни только фашисты не терпят критики.

Как же не критиковать политику, которая расчленила, раздробила нашу национальную территорию, политику, которая полностью отстраняет наш народ от управления своими делами и надевает на него двойное ярмо — иностранцев-колонизаторов и феодальных властителей, невежественных, развращенных, как тот низкий тип, носящий имя аль-Глави, поставленный ими во главе большого заговора против национального движения, Султана и всей нации?

Как не критиковать политику, которая позволила империалистическим трестам наложить лапу на все богатства наших недр, а колонистам — отнять у наших феллахов миллион гектаров самых плодородных земель?

Как не критиковать политику, которая лишает наш народ просвещения, чтобы легче было его поработить, чтобы больше выгод могло приносить это порабощение? В нашей стране насчитывается около 2 млн. детей школьного возраста, но на школьных скамьях нашлось место лишь для 115 тыс. из них! Лишь 2218 учеников сдавали в прошлом году экзамены на аттестат о начальном образовании, и лишь 50% сдали их успешно!

Как не критиковать политику, которая предоставляет нашему населению вымирать от болезней, потому что для борьбы с ними ассигнуются средства на содержание всего

лишь 181 штатного врача, а в то же время выплачивается жалованье 14 тыс. полицейских чиновников?

Как не критиковать политику, которая вынудила 300 тыс наших братьев жить в позорных бидонвилях и смотреть с завистью на свинарники и хлевы на фермах колонистов?

Как не критиковать политику, которая вынуждает наших рабочих жить на нищенскую заработную плату, на ничтожно низкие пособия по многосемейности, политику, которая лишает их даже права защищать себя от алчности и жестокости хозяев-капиталистов?

Как не критиковать политику, которая спустя почти шесть лет после военной победы над фашизмом поддерживает еще осадное положение в нашей стране, окружает ее настоящим железным занавесом, не позволяя ни одному марокканцу выехать из нее без предварительного разрешения и закрывая доступ в нее любому прогрессивно настроенному человеку? Политику, которая отказывает нашему народу в элементарных свободах: в свободе убеждений, собраний, ассоциаций, печати; которая глумится над нашим достоинством, как это показал скандал в Сеттате, где патриоты были подвергнуты аресту и допросу за то, что приветствовали национальную эмблему, или в Ксибе, где другие патриоты были приговорены к тюремному заключению за то, что ездили в Рабат приветствовать его величество Султана после его возвращения из Франции.

Не критиковать политику — значит одобрять ее, принимать ее. Но коммунист не может принять колониальную, расистскую, антинациональную политику. Как сказал Анатоль Франс в «Жизни Жанны д'Арк»: «Я не мог не высказать по этим серьезным вопросам истину такой, какой она мне представляется; великое удовлетворение получаешь, когда говоришь то, что считаешь полезным и справедливым».

Итак, четвертое обвинение показывает в конечном счете, что есть нечто, наносящее ущерб Шерифской империи, и это — абсолютизм резиденции, не допускающей никакой критики по своему адресу.

Пятое обвинение резиденции заключается в том, что я — *«ярый антифранцуз и марокканский коммунист»*.

Я со всей силой негодования отвергаю бессмысленное обвинение, приписывающее мне чувства, враждебные французскому народу.

Бессмысленное, так как всем известно, что мы, коммунисты, по своим убеждениям не можем питать ненависти к какой-либо нации, будь то американская, германская, французская или какая-либо еще.

Бессмысленное, так как всем в Марокко известно, какую борьбу мы вели и ведем против всех проявлений ненависти к чужеземцам, против всех идей, могущих посеять недоверие между народами; всем известно, какие усилия мы прилагали и прилагаем для достижения понимания и сотрудничества между народами.

Бессмысленное, так как всем известно, с каким упорством и постоянством мы поддерживаем великую идею, впервые внесенную нами в марокканскую политику. — идею боевого союза с пролетариатом и трудовым народом Франции.

Наши научные взгляды проводят резкую грань между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Мы ненавидим эксплуататоров, какой бы они ни были расы, национальности, религии; мы считаем себя братьями эксплуатируемых. каков бы ни был цвет их кожи, форма носа, вероисповедание.

Именно таким образом мы проводим четкое и глубокое различие между трудовым народом Франции и французскими империалистами.

Мы любим Францию рабочих, интеллигенции; Францию Рабле, Мольера, Виктора Гюго, Бальзака, Золя, Арагона; Францию Декарта, Вольтера, Дидро, Гельвеция, Ланжевена и Жюлио-Кюри; Францию Баяра *, Жанны д'Арк, Бара **, всех героев 1789 года, Парижской Коммуны, восстания

---

* Баяр П. (1476—1524) — «рыцарь без страха и упрека», французский полководец, прославившийся своей храбростью и неподкупностью. — *Ред.*

** Бара, Жозеф — 14-летний герой французской революции, убитый вандейцами в декабре 1793 года за то, что отказался кричать: «Да здравствует король!» Умер, прижимая к груди трехцветное знамя, с возгласом: «Да здравствует Республика!» — *Ред.*

1944 года; Францию Мориса Тореза, Жака Дюкло, Марселя Кашена.

Эта Франция вызывает у нас такое искреннее и сильное восхищение, что во многом она служит нам примером в нашей освободительной борьбе и будет также служить примером в деле возрождения независимого, свободного, суверенного Марокко.

Что же касается французских империалистов, жиреющих за счет пота и крови нашего народа, то мы их ненавидим. Мы питаем к ним беспощадную ненависть, сила которой может сравниться только с силой нашей любви к своему народу, нашей привязанности к родной стране.

И за то, что мы обличаем их злоупотребления, их беззакония, их преступления; за то, что мы мешаем их грязным делишкам; за то, что не даем им безмятежно наслаждаться всеми непомерными привилегиями, которые они себе присвоили во вред нашей родине, — за все это они обвиняют нас в том, что мы будто бы антифранцузы.

К сожалению, не мы, коммунисты, являемся первыми жертвами подобного обвинения.

14 лет назад такое же обвинение было предъявлено Си Алляль Фаси, нынешнему председателю партии Истикляль, и Си Мухаммеду бен Хасан Ваззани, генеральному секретарю Демократической партии независимости; первый был выслан в Габон, а второй — интернирован в Южной Сахаре. Но в то время как они вернулись на родину в ореоле славы, их обвинитель кончает свои дни в позоре, у своего приятеля Салазара, после того как он подло предавал родину, рабски служа нацистской Германии. Я говорю о генерале Ногесе.

37 лет назад был преступно убит выдающийся трибун Франции Жорес, которого также обвиняли в том, что он антифранцуз. Но в то время как останки его покоятся в Пантеоне, а имя его всегда произносится с уважением и восхищением, на его обвинителей навеки легла печать презрения.

Раз уж я упомянул имя Жореса, разрешите мне, господа, напомнить вам, как отвечал он своим оскорбителям, когда за то, что он разоблачал завоевательную войну, затеянную в Марокко, его называли антифранцузом: «На тех, кто и в этот раз снова играет на патриотизме, чтобы прикрыть оборотную сторону медали — тщеславие, захват чужой земли,

стижательство, — мы возлагаем ответственность за эту игру. Мы достаточно сильно любим Францию, чтобы найти в себе мужество служить ей наперекор всем интригам. Мы любим ее достаточно сильно, чтобы согласиться, если это понадобится для ее спасения, прослыть плохими французами».

Вот что можно сказать по поводу обвинения, превращающего меня в антифранцуза.

Что же касается утверждения, что я «марокканский коммунист», то оно справедливо. Быть марокканским коммунистом — высшая гордость и высшая честь для меня. И я бесконечно счастлив, что мои политические враги признают это. Лишь одно вызывает у меня сожаление: в июне 1948 года резиденция позабыла, что я — марокканец, а суд Рабата не принял во внимание ее официального свидетельства, хотя я позаботился представить его.

Таким образом, и пятое обвинение резиденции, как и остальные четыре, не имеют под собой никакой почвы.

А если эти пять обвинений неправильны, то и постановление об экспатриации, принятое по отношению ко мне, является актом произвола.

«Когда солдат не повинуется преступному приказу, это прекрасно», — сказал Анатоль Франс.

Именно эта благородная идея вдохновляла и вела меня, когда я не подчинялся постановлению резиденции.

В действительности резиденция прекрасно знала, что ее обвинения невозможно подтвердить. Поэтому-то она и отказалась предать меня суду, предпочитая нанести мне удар и не дать возможности защищаться. Поведение недостойное и трусливое; во всяком случае оно представляет собой явное нарушение Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., декларации, к которой Франция официально примкнула и десятая статья которой гласит: «Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом».

(«Досье изгнанника», М., 1958,
стр. 34—55.)

Своей героической борьбой, в которой активно участвовали коммунисты, народ Марокко нанес тяжелое поражение империалистам. Он вынудил Францию 2 марта 1956 г. признать независимость Марокко. Со дня этого исторического события прошло два года, а Али Ята по-прежнему был в изгнании на основании постановления, вынесенного в 1948 году. Образованное в результате одержанной народом победы национальное правительство наперекор справедливости и здравому смыслу не отменило этого акта открытого произвола. Многие патриоты не понимали, почему так задерживается отмена постановления французских властей, и стремились сделать все, чтобы положить конец такому возмутительному положению.

С целью поддержать этих патриотов, дать им возможность действовать, располагая всеми материалами дела, и достичь желаемых результатов руководство Коммунистической партии Марокко решило опубликовать небольшой сборник документов об изгнании Али Яты. В начале сентября 1958 года было выпущено «Досье изгнанника».

Через месяц руководство Коммунистической партии Марокко приняло еще одно важное решение. Оно предложило Али Яте, не дожидаясь отмены постановления, вернуться в родной город.

7 октября 1958 г. Али Ята открыто вернулся в Танжер. Через три дня против Коммунистической партии Марокко была организована крупная провокация. На дому у некоторых руководителей партии были произведены обыски. Помещение Цент-

рального Комитета в Касабланке было обыскано до последней щелчки, рабочие материалы были конфискованы, архивы захвачены, а двери опечатаны. Было арестовано 14 известных партийных работников, в их числе — товарищ Абдаллах Аяши, член Политбюро и секретарь Центрального Комитета партии.

На следующий день после этой провокации был арестован в Танжере и товарищ Али Ята, которого поместили в камеру при главном полицейском управлении города.

Но организаторы провокации просчитались. Они неправильно оценили положение, рассчитывая нанести сокрушительный удар Коммунистической партии Марокко. Их действия обернулись против них самих. К глубокому их разочарованию и вопреки их расчетам внутри страны и за ее пределами возникло и разрослось движение солидарности с Коммунистической партией Марокко. Крупное профсоюзное объединение — Марокканский союз труда, насчитывающий полмиллиона членов, стал на сторону коммунистов. Гражданские судьи Касабланки отказались вести следствие по делу арестованных 14 партийных работников, обвинявшихся в «покушении на внутреннюю безопасность государства». Исполнительный суд Танжера также отказался преследовать Али Яту, считая невозможным осудить патриота, единственным преступлением которого является то, что он никогда не изъявлял покорности врагам-империалистам и вернулся на родину.

В этом новом испытании повсеместное, даже в залах суда, проявление солидарности с Ком-

мунистической партией вынудило марокканские власти разрешить Али Яте пребывание в его родном городе Танжере. Секретарь Коммунистической партии Марокко находится под неусыпным надзором полиции. Ему запрещено передвижение по родной стране, он не может в полной мере пользоваться правами

гражданина. Но эти ограничения не смогут долго существовать. Они непонятны общественному мнению, прогрессивным кругам страны. Вот почему можно сказать, что окончательная отмена постановления 1948 года об изгнании Али Яты не заставит себя долго ждать. («Досье изгнанника», М., 1959, стр. 4—5.)

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НАШЕЙ ИСКРЕННОСТИ НАПИСАНО КРОВЬЮ“

В ноябре 1951 года правительство Германской Федеративной Республики возбудило в федеральном конституционном суде дело против Коммунистической партии Германии с целью объявить ее антиконституционной и, следовательно, запретить.

Несмотря на возражение КПП против ходатайства о запрещении, аденауэровская полиция приступила «к делу».

Утром 31 января 1952 г. полицейские вторглись в помещения партийных органов КПП и в квартиры функционеров партии. Со всех концов страны к зданию суда в Карлсруэ начали тоннами поступать материалы, которые должны были послужить в качестве доказательств антиконституционной деятельности КПП.

Позорное судилище продолжалось до июля 1955 года.

В качестве представителей Компартии правление КПП выде-

лило своими представителями на суде первого секретаря Правления Макса Реймана, а также секретарей Правления КПП Фрица Рише, Вальтера Фиша и Йозефа Ледвона.

Правительство ФРГ немедленно арестовало Рише и Ледвона, а несколько позднее и Фиша.

Каждый день Вальтера Фиша, Фрица Рише и Йозефа Ледвона под конвоем приводили в суд из тюрьмы. В таких условиях они были вынуждены вести защиту КПП.

О целях и результате «процесса» против теоретических основ коммунизма читатель хорошо осведомлен. Мы приведем здесь в качестве примера лишь один эпизод процесса — речь члена секретариата правления КПП Ф. Рише 2 июня 1955 г. против неоднократных утверждений правительства ФРГ о том, что Компартия Германии якобы имела «задние мысли и намерения».

Речь Ф. Рише

Господин председатель,
сударыня, господа члены федерального конституционного суда!

Я буду говорить о высокой политической и моральной ценности той борьбы Сопротивления, которую вели коммунисты. Знаменательно само по себе, что через 10 лет после победы над гитлеровским фашизмом выступающий перед этим высоким судом от имени представительства КПП оратор чувствует себя обязанным говорить о достоинствах самоотверженной антифашистской освободительной борьбы немецких коммунистов.

Подтасовки, к которым прибегает в своей тактике на процессе противная сторона, должны были разлететься в прах перед лицом исторической правды и демократических целей КПП; представители федерального правительства на суде вынуждены были замолчать, когда были приведены в пример борцы партии Эрнста Тельмана, посвятившие всю свою преданность, всю свою готовность и самопожертвование делу возрождения подлинной Германии.

Резолюция Бернской конференции КПП, происходившей с 30 января по 1 февраля 1939 г., явилась выдающимся документом в антифашистской освободительной борьбе и сыграла свою роль в определении целей немецких коммунистов. Тогда, как и сегодня, речь шла об одних и тех же целях:

предотвращение войны, создание новой германской республики, спасение нации.

Тогда, как и теперь, КПП не считалась с жертвами, чтобы помешать гибельной политике и добиться коренного поворота к лучшему во имя жизни нации.

Во всей своей неприкосновенности и истинности записаны дела борцов КПП на страницах истории немецкого народа. Представители федерального правительства на этом процессе не раз утверждали, что они якобы «раскрыли» цели и планы КПП. Они не «раскрыли» ничего, что имело отношение к правде и действительности, ибо пожелай они это сделать, они были бы вынуждены отступить перед этой правдой.

Эта правда, однако, скреплена кровью, самоотверженной преданностью членов КПП делу новой демократической Германии. Эта Германия, которой служила и служит неустанная, требующая жертв борьба КПП, охарактеризована в резолюции Бернской конференции как новая демократическая

республика. За новую демократическую республику коммунисты отдавали всю свою революционную энергию и шли на смерть.

Бернская резолюция указывает в разделе VII, где говорится о роли партии, на упорную и мужественную деятельность коммунистов в стране, на жертвы, которые они несут в этой борьбе. Историческая правда повелевает сказать, что именно коммунисты шли во главе антифашистского освободительного движения.

«Там, где растут сопротивление и единство, где новое мужество наполняет людей, где правильные лозунги передаются через «устные газеты», пробиваясь в массы, где лозунги, написанные мелом, записки и листовки призывают к борьбе,— там народ говорит с уважением:

«Это — коммунисты!»

Я цитирую здесь страницу 398 из VII раздела Бернской резолюции. Вслед за этими полными значения словами Бернской резолюции в том же разделе делается вывод: «Коммунистическая партия имеет право гордиться своими героическими кадрами».

Антон Зефков, создавший одну из крупнейших групп Сопротивления в Германии и руководивший ею, был за это казнен в Бранденбургской тюрьме вместе с сотней своих товарищей. Он передал в 1944 году из тюрьмы следующее политическое завещание:

«Надвигающаяся на Германию катастрофа не будет гибелью Германии. К возрождению страны может привести только независимая демократическая Германия. Но эта Германия должна быть Германией широчайшего национального и антифашистского единого фронта»...

Я цитирую по книге Курта Кюна «Последний дозор», Издательство объединения жертв фашизма, Берлин, 1949 год.

Эти слова обрисовывают политические идеалы, на которые опиралась КПГ в своей борьбе против гитлеровской тирании, за новую демократическую Германию.

Это идейное наследие, высокий сенат, сохранило всю свою значимость для всех партийных документов начиная с 1945 года и по настоящее время.

Коммунистическая партия Германии, которую хотят сегодня запретить как якобы недемократическую партию, со

времени своего возникновения вела принципиальную и бескомпромиссную борьбу против врагов демократии. Уже в период Веймарской республики она была самым решительным противником фашистской партии Гитлера, вскормленной золотом магнатов рурской индустрии. Со дня своего основания КПП борется против шовинизма и агрессии.

Коммунистическая партия была на деле единственной в Германии партией, которая вела непримиримую борьбу против разгула фашистского террора накануне установления гитлеровской диктатуры, против господства империалистов и милитаристов.

В своей речи на пленуме Центрального Комитета КПП, состоявшемся 19 февраля 1932 г. в Берлине, Эрнст Тельман указал путь разгрома рвущегося к власти гитлеровского фашизма. Он сказал буквально следующее:

«Сейчас, когда гитлеровский фашизм привлек к себе большую часть всех резервов из среды сторонников старых буржуазных партий,— возможно, действительно приближается начало загнивания национал-социалистского движения в Германии. Но, товарищи, это станет действительностью лишь в том случае, если мы удесятерим нашу деятельность по разоблачению гитлеровской партии. Поэтому на выборах в Пруссии нам предстоит бороться за то, чтобы быть единственными наследниками всей социал-демократии, и за то, чтобы даже частица бывших приверженцев СДПГ не перешла к нацистам. Мы должны постараться помешать такому переходу. И мы можем этому помешать, если сделаем все от нас зависящее. Но предпосылкой к этому должно быть дальнейшее развертывание нашей борьбы против гитлеровского фашизма на всех фронтах.

Я кратко указываю лишь на важнейшие вопросы, которые мы должны решить: мы должны дать отпор «кулачным действиям» — имеется в виду фашистский уличный террор — путем усиления нашей работы на предприятиях с целью очищения заводов от тех, кто ратует за гитлеровский фашизм.

Более активное внимание уделять миллионам безработных, ведущим борьбу против нацистов, которые стремятся всеми средствами приобрести влияние в этом движении.

Далее — стремительно разворачивать на самой широкой основе массовую красную самооборону против террора гитлеровских фашистских убийц, не позволяя ни в малейшей мере сбить себя на путь индивидуального террора, но и не проявляя никаких колебаний в массовом отпоре нацистскому террору.

Затем — максимально возможное усиление идеологической обработки масс, попавших под воздействие нацизма, с тем чтобы оторвать их от гитлеровского фашизма, привлечь в наш фронт, отвоевать их снова для классовой борьбы.

Наконец, предпосылкой для усиления всей этой деятельности должно быть: серьезное и неустанное проведение политики нашей партии, направленной на разоблачение нацистов в том же плане, в каком мы уже с успехом это делали в вопросе о прекращении выплаты репараций и выходе из Лиги наций. Позднее мы запустили эту важную часть нашей политической работы.

Действуя в этом направлении, товарищи, мы получим возможность изобличить роль гитлеровской партии, находящейся в услужении у финансового капитала, в услужении у Гугенберга, проводящего политику крутых мер, и сумеем нанести им поражение».

Немецкому народу уже тогда были известны предложения КПП о создании широкого антиимпериалистического и антифашистского боевого общенародного фронта. Они известны также суду. Они нашли свое выражение в антифашистском движении, в программе национального и социального освобождения немецкого народа.

Самоотверженная борьба за свержение гитлеровского фашизма была борьбой за демократию и мир, и в ней коренится и нынешняя борьба КПП за мир, единство, демократию и независимость. Чтобы достигнуть этой великой патриотической и демократической цели, КПП, единственная немецкая партия, создала централизованную сплоченную и боеспособную нелегальную партийную организацию во всей стране — и это в то время, когда буржуазные партии добровольно себя распустили после голосования их вождей за фашистский закон о чрезвычайных полномочиях, а руководство СДПГ удовлетворилось тем, что у нее остались изолированные доверенные люди. Именно КПП явилась единственной

партией, которая выступила с предложениями и конкретными действиями, направленными на создание надпартийного движения Сопротивления, а позднее, в период войны, дала о себе знать в Комитете свободной Германии. Уже самый этот факт свидетельствует против измышлений, что КПП якобы стремится в своих политических установках к единоличному господству.

Когда полиция, используя как повод провокацию с поджогом рейхстага, арестовала 4 тыс. функционеров КПП, штурмовики захватили на квартирах еще дополнительно 6 тыс. коммунистов, бросили их за решетку и подвергли самым ужасным расправам. То, что произошло тогда, было лишь прелюдией к тому, что на протяжении 12 лет сделалось в Германии обычным. Эрнст Тельман, вождь КПП, сказал по этому поводу на заседании Центрального Комитета 7 февраля 1933 г.:

«Малейшее сомнение в том, что это правительство не остановится перед любыми методами самого невероятного террора, было бы очень опасным. Буржуазия всерьез задалась целью окончательно разгромить партию и весь авангард рабочего класса».

Я цитирую из книги Вальтера Ульбрихта «К истории немецкого рабочего движения», том I, страница 654.

Вскоре после этого Эрнст Тельман был сам арестован и 11 лет содержался без суда в строжайшей изоляции, пока не был злодейски убит 18 августа 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд оружием, изготовленным немецкими военными монополиями.

Героизм немецких борцов-рабочих, в большинстве своем состоявших в рядах КПП, был засвидетельствован буржуазным писателем Эрнстом Вихертом, которому пришлось делить с ними мучения в концентрационном лагере Бухенвальд. В речи «К немецкой молодежи», произнесенной в Мюнхенском театре, Вихерт так сказал об активных противниках Гитлера в Германии:

«Среди них мало было людей из аристократии и столь же немного представителей собственно интеллигенции. Среди них можно было найти большое число людей из церковного мира, но все они далеко отступают перед длинными колоннами людей, днем и ночью выходявшими из своих жалких

бараков в последний смертный путь. Долгие десятилетия тягот, голода и мучений перенес немецкий рабочий, тягот войны и мира, но никогда не лежала на нем такая невыносимая тяжесть, как в эти 12 лет. Невыносимая — и в то же время почетная. И никакая рука в будущем — все равно, будет ли оно мрачным или светлым, — не смоет с его чела этого немеркнущего сияния».

Цитирую из книги Гюнтера Вайссенборна «Безмолвное восстание», страница 145.

Председатель: Могу ли я попросить о следующем: когда цитата кончается, говорить: «конец цитаты», имея в виду, что...

Рише: Весьма охотно, я готов следовать этому желанию.

О демократической освободительной борьбе КПГ говорит также мученическая гибель коммунистических депутатов рейхстага и ландтагов — я упоминаю здесь только некоторые имена: Роберт Штамм, доктор Тео Нейбауэр, Карл Беккер, Силли Скамира, Макс Маддалена, Вальтер Бленкле, Рудольф Хенниг, Христиан Хейк, Генрих Шлёссер, Мак Зельхейм, Георг Шуманн, Альберт Кайзер, Альберт Кунц, Вальтер Штекер, Вальтер Шютц, Германи Шеффлер.

О том же свидетельствует смерть гамбургского коммуниста Фите Шульце, казни которого прокурор требовал в марте 1935 года в следующих словах (я цитирую теперь дословно):

«Это человек, который должен быть обезврежен и, раз уж его одолели, уничтожен. Обвиняемый знает, что топор палача сверкнет над его затылком. Для этого обвиняемого нет места в новой Германии, ни на свободе, ни в тюрьмах.

Я требую смертного приговора Фите Шульце. Он заслуживает смерти, и голова его принадлежит палачу».

Доказательством служит мученическая смерть молодой студентки Лило Херманн из Штутгарта, первой немецкой женщины, умерщвленной юстицией гитлеровского рейха за ее борьбу во имя новой демократии.

Доказательством служит героическая смерть боевых соратников Эрнста Тельмана: Джонни Шера, Эугена Шенхаара, Эриха Штейнфурта и Рудольфа Шварца, которые были

застрелены эсэсовцами 2 февраля 1934 г. открыто, на улице за то, что они, несмотря на ужасающие пытки в заключении, не пошли на предательство партии. Джонни Шер бросил в лицо своим палачам:

«Моя жизнь принадлежит рабочему классу, демократии и социализму. Я был и остаюсь врагом фашизма».

Доказательством служит Эдгар Андрэ, вожак гамбургских рабочих и друг Тельмана, процесс над которым с целью устрашения проводился еще публично в 1936 году и на котором Эдгар Андрэ так ответил прокурору, требовавшему его казни (я цитирую): «Господа! Если старший прокурор также требует лишить меня чести, то я должен заявить здесь: ваша честь — это не моя честь, а моя честь — не ваша; ибо нас разделяет разное мировоззрение, разделяют классы. Нас разделяет глубокая пропасть. Если вы захотите превратить невозможное в возможное и честно-го борца отослать на плаху, я готов отправиться в этот тяжкий путь!

Я не хочу милости, я жил борцом, борцом и умру с последними словами: да здравствует коммунизм!»

Доказательством служит судьба борцов Роберта Уригса, Антона Зефкова, Бернгарда Бестлейна, Георга Лейхлейнера, которые гордо и мужественно пошли на эшафот, как надлежит немецким коммунистам, борцам за свободу.

Доказательство — мужественная смерть молодого коммуниста Гейнца Капелле, который, стоя у эшафота, написал своим родителям:

«Я смело и спокойно вступаю на этот путь, на эту тропу, тяжелую для некоторых людей. Вы знаете, что я открыто и честно прошел по жизни и до последнего часа останусь верным себе».

Доказательство мы видим в немецком коммунисте Отто Энгерте, принявшем вместе со своими товарищами из группы Шумана смерть от руки палача. В своем последнем письме к жене он писал:

«Моя жизнь кончена, я отдаю ее в уверенности, что делал то, к чему меня звали убеждение и долг. Только так можете вы меня понять, и об этом я вас прошу. Было ли то, что я делал, правильным и необходимым — решит в свое время история».

История вынесла свое решение. Она засвидетельствовала, что борьба, которую вели бесчисленные известные и неизвестные герои КППГ, была справедливой, патриотической, демократической борьбой.

Следующей страницей в борьбе Сопротивления, которую вела КППГ, является ее выступление против нападения Гитлера на Испанию. В связи с агрессией Гитлера в Испании КППГ 3 августа 1936 г. обратилась к немецкому народу с воззванием Центрального Комитета:

«Испанский народ ведет тяжчайшую борьбу за свою свободу. Победа испанского народного фронта — это победа демократии и мира в Европе. Поражение испанского народного фронта привело бы к огромному усилению фашизма, прежде всего главного поджигателя войны Гитлера, оно явилось бы опасной угрозой для народного фронта во Франции. Поэтому у всех друзей мира есть только одна задача: нанести поражение Франко, этому кровавому союзнику Гитлера. Мы обращаемся с призывом ко всем имеющим военную подготовку немецким антифашистам за границей — отдать себя в распоряжение испанского народного фронта в качестве солдат. Обращайтесь к знакомым ответственным функционерам!»

Я цитирую по книге Вальтера Ульбрихта «К истории немецкого рабочего движения», том II, страницы 223—224.

В Испании — это исторический факт — немецкие антифашисты по призыву КППГ отстаивали честь немецкого народа. Но легионерам Гитлера правительство Аденауэра официально выплачивает сегодня пенсии, в то время как против КППГ оно инсценирует процесс о запрещении. Упорная и самоотверженная борьба КППГ в период господства гитлеризма указывала путь к цели рабочему классу, крестьянству и всем миролюбивым силам немецкого народа. Если бы немецкий народ прислушался в 1932—1933 гг. к предостережению КППГ: кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну, был бы прегражден путь к власти гитлерам, папенам, гугенбергам. Если бы немецкий народ, уже после прихода их к власти, внял предостережениям Бернской конференции, Гитлеру и торговцам пушками не удалось бы спустить с цепи вторую мировую войну. В 1939 году в Берне Коммунистическая партия Германии предупреждала народ.

Я привожу выдержку из страницы 383 сборника «К истории КПГ»:

«На Западе, как и на Востоке, гитлеровский режим создает положение, при котором со дня на день немецкий народ может быть ввергнут в военную катастрофу, в войну против огромного фронта всех народов, которым грозит агрессия Гитлера и держав «оси» или которые уже подверглись нападению».

Тогда, как и ныне — на этот раз против парижских военных соглашений, — именно КПГ своевременно указывала немецкому народу путь к предотвращению войны. Тогда, как и ныне, КПГ зовет бороться против того же врага, германского милитаризма. Десятки тысяч коммунистов отдали свою жизнь, пламенно стремясь открыть нашему народу дорогу к миру, прежде чем Гитлер и его антикоммунизм ввергнут Германию в катастрофу. Если она в конечном счете все-таки разразилась, то вину за то, что Германию не смогли спасти тяжелые жертвы, понесенные антифашистами, несут те силы и люди, которые и сегодня снова возвращают фашизм и милитаризм. Антифашистская борьба Сопротивления, жертвенная борьба героев-коммунистов в фашистском подполье, принесла, однако, свои плоды. Если в мире, несмотря на гитлеровское варварство, проявляется сегодня уважение к немецкому гуманизму и немецкому духу, то это — заслуга немецких борцов Сопротивления, т. е. в значительной мере немецких коммунистов. Если сегодня возникло движение миллионов против милитаризма и гонки вооружений, то это потому, что в народе живет и оказывает свое воздействие память о боях, которые убежденно вели против фашизма борцы Сопротивления. Если, наконец, в Германской Демократической Республике искоренены милитаризм и империализм и возникло государство, в котором трудящиеся массы обрели свободу, если создано государство, ставшее прочной базой единства и мира и выступающее за общенемецкое и международное соглашение, то это было бы невозможно без вклада, который внесли героические борцы подпольной КПГ. Эрнст Тельман, вождь КПГ, убитый фашистами перед окончанием войны, писал в 1944 году в письме к одному из товарищей по тюремному заключению:

«Всей моей жизнью и деятельностью я мог и, могу сделать только одно: отдать весь свой ум и знания, опыт и способности, всего себя, все свое «я» за немецкий трудовой народ, за лучшее будущее Германии, за победоносное социалистическое освободительное движение, за новую народную весну немецкой нации».

Эти слова о немецком рабочем классе, начертанные великим пролетарским вождем эпохи веймарской республики, который возвышается как гигант антифашистского освободительного движения,— эти слова и сегодня представляют для каждого коммуниста смысл и цель его борьбы за единство и мир. Бесчисленные жертвы, принесенные коммунистами в антифашистской освободительной борьбе, свидетельствуют также и перед этим судом о том, что КППГ приходится весьма нелегко в борьбе за демократию и свободу, за новую Германию. Центральный Комитет КППГ, имея в виду эти записанные кровью свидетельства, был вправе с гордостью заявить 11 июня 1945 г. перед Германией и всем миром (я цитирую из воззвания):

«Коммунистическая партия Германии была и остается партией решительной борьбы против милитаризма, империализма и империалистической войны. Она никогда не сворачивала с этого пути. Она всегда держала в чистоте знамя Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Эрнста Тельмана и Джона Шера. С гордостью оглядываемся мы, коммунисты, на эту борьбу, в которой пали наши лучшие и вернейшие товарищи».

Из всего этого следует, что не может быть сомнений относительно роли КППГ в борьбе за демократическое возрождение Германии, против антинационального режима гитлеровской диктатуры. Что же, разве после 1945 года это изменилось? Я могу только сказать: нет! Политика и практическая деятельность КППГ после 1945 года показали ее сотрудничество во всестороннем демократическом возрождении немецкого народа. Отсюда следует: не КППГ, не политика КППГ изменилась, гораздо более изменилась политика партий и групп, которые представляют нынешнюю политическую линию Бонна. Политика боннской группы противопоставлена демократическому возрождению и носит характер реставрации всех ужасающих картин прошлого.

Я повторяю поэтому в заключение то, что уже сказал вначале: тактика подтасовок и клеветы должна отступить перед исторической правдой и ни в чем не изменившимися демократическими целеустремлениями КППГ. И пусть умолкнут представители правительства перед примером, который показали самоотверженные борцы партии Эрнста Тельмана, отдавшие свой революционный пыл и принесшие жертвы во имя возрождения подлинной Германии.

(«Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КППГ в федеральном конституционном суде в Карлсруэ», М., 1956, стр. 190—200.)

В заключение открытого судебного разбирательства на процессе по делу о запрещении КППГ 14 июля 1955 г. уполномоченный Коммунистической партии Германии на процессе Фриц Рихе зачитал следующее заявление Правления КППГ по поводу процесса о запрещении КППГ:

«В течение восьми месяцев правительство Аденауэра ведет процесс против Коммунистической партии Германии. 5 июля 1955 г. оно внесло ходатайство о том, чтобы запретить и распустить КППГ.

Кто желал этого процесса? Кто желает запрещения Коммунистической партии Германии? Ни немецкий народ! Ни один рабочий! Ни один немец, сознающий свою ответственность за судьбу нации!

Проведения процесса и запрещения КППГ требовали правящие круги США, ибо КППГ является помехой при осуществлении их намерений превратить Западную Германию в американский протекторат, в плацдарм атомной войны. Проведения процесса и запрещения КППГ требовали Аденауэр и стоящие за

ним магнаты тяжелой индустрии, бывшие вервиртшафтсфюреры и гитлеровские генералы. Они желают этого запрета потому, что испытывают страх перед растущим сопротивлением народа против проводимой ими политики раскола Германии, перевооружения и военщины. Они желают этого запрета потому, что для осуществления их планов внешней агрессии им нужна могильная тишина внутри страны.

Американцы и боннское правительство именно сейчас настаивают на запрещении КППГ потому, что положение меняется не в их пользу, потому, что немецкий народ хочет взаимопонимания, а все народы — безопасности и мира. Мы находимся накануне Женевского совещания, от которого народы ожидают ослабления международной напряженности. Аденауэр приглашен в Москву. Поэтому реакция стремится путем запрета КППГ противопоставить внутригерманскому и международному взаимопониманию политику совершившихся фактов. Она стремится осуществить политику войны.

КППГ хотят запретить потому, что она решительно борется

за окончание холодной войны между немцами, против ремилизации, за взаимопонимание и единство. Процесс правительства Аденауэра против КПГ является ударом против единства Германии, покушением на мирное существование нашего народа и наступлением против рабочего движения. Предполагаемый запрет КПГ касается поэтому всех немцев, касается прежде всего немецких рабочих. Его нельзя допустить.

Нельзя допустить повторения 1933 года! Гитлер старался при помощи террора подавить всякое сопротивление военным приготовлениям. Поэтому он начал с запрещения КПГ. Затем последовали запрещения СДПГ и профсоюзов, а потом всех остальных, которые не дали себя унифицировать. Ныне приговор против КПГ снова должен послужить сигналом к общему наступлению против мира и демократии, свободы и законности в Западной Германии.

С тех пор, как 100 лет тому назад Маркс и Энгельс опубликовали «Манифест Коммунистической партии» и боролись за неделимую германскую демократическую республику, главной внутривойсковой целью прусской реакции и кайзеровской Германии, Веймарской республики и гитлеровской диктатуры являлся разгром социалистического движения. Все они потерпели крах: Фридрих Вильгельм IV и Вильгельм II, Бисмарк и Гитлер.

Марксизм пережил всех тех, кто шел походом против него с целью его уничтожения.

Коммунисты всегда стояли в первых рядах борцов против империалистической войны, ми-

литаризма и фашизма. Коммунистическую партию Германии нельзя уничтожить потому, что она неотделима от рабочего класса, потому, что она олицетворяет будущее нации. Гитлеры пришли и ушли, но коммунисты остались. Аденауэры приходят и уходят, но коммунисты остаются. Наш народ живет большой надеждой на воссоединение нашей родины в условиях свободы на мирной основе.

КПГ нельзя запретить, потому что коммунисты являются наиболее последовательными борцами за воссоединение Германии на демократической основе, потому что они всегда были наиболее смелыми защитниками интересов рабочих и крестьян, национального и социального освобождения нашего народа.

Кто сегодня обвиняет коммунистов, завтра будет обвинен сам. Пусть сегодня партия коммунистов, которая всегда самоотверженно боролась за высокие идеалы человечества, обвиняется перед судом — недалеко тот день, когда наш народ вместе с КПГ пойдет навстречу более счастливому и радостному будущему.

Сотнями тысяч исчислялись за прошедшие месяцы доказательства солидарности с обвиняемой Коммунистической партией. Теперь это движение солидарности должно развернуться еще шире, теперь народ должен сказать свое решающее слово. Удар против КПГ будет отражен, если рабочий класс, если народ будет действовать сообща.

Коммунисты никогда не скрывали своих намерений и целей. Вчера, точно так же как сегодня и завтра, мы заявляем: никакого мира с теми, кто ли-

шает Германию мира. Незыблемыми остаются цели коммунистов: неделимая Германская Демократическая Республика, мир и социализм! Это путеводные звезды надежд Германии. Их яркий свет озаряет нашу борьбу. Коммунисты Германии, верные своей программе, пойдут вместе со своим народом навстречу победоносному счастливому будущему.

Да здравствует борьба немецкого народа за единую, независимую, демократическую и миролюбивую Германию. Да здравствует немецкий рабочий класс и его Коммунистическая партия Германии!» («Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПГ в федеральном конституционном суде в Карлсруэ», М., 1956, стр. 279—281.)

ГЛАВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ— ИМПЕРИАЛИСТЫ США

В мае 1955 года в США вышла книга одного из видных деятелей рабочего движения Америки Стива Нельсона, называлась она *«13-й присяжный (подоплека моего процесса)»*.

Страстный борец против произвола монополий и разгула реакции, руководитель коммунистов Питтсбурга Нельсон стал жертвой судебно-полицейских преследований.

31 августа 1950 г. наряд полиции произвел налет на помещение питтсбургской организации Коммунистической партии. Налет, как всегда, сопровождался разгромом и бесчинствами. Стив Нельсон был схвачен и брошен в тюрьму.

Только через год с лишним он был предан суду.

В предисловии к русскому изданию книги «13-й присяжный» М. Ю. Рагинский пишет:

«Среди служителей американской юстиции нашлось немало охотников использовать «дело» Нельсона, чтобы угодить крупным боссам и построить на этом свою карьеру. Судьи Мусманно и Монтгомери, прокуроры Льюис и Серконе и целый ряд других «блуждающих законов» штата Пенсильвания сфабриковали обвинение против Нельсона и пытались расправиться с ним. Федеральные судьи не пожелали

отстать от пенсильванских и также издали приказ об аресте Нельсона за нарушение пресловутого закона Смита. В Питтсбурге была организована и проведена судебная инсценировка, которая завершилась в январе 1952 года обвинительным приговором: за «подстрекательство к мятежу» Нельсон был приговорен к 20 годам тюремного заключения.

Вот как описывает этот процесс прогрессивный английский журналист Д. Картэн: «Весь процесс с точки зрения любых достойных уважения юридических норм был фарсом. Марксистскую литературу привезли в суд на тележке. Там было несколько сотен книг — по экономике, политике, истории философии и рабочему движению. Обвинитель заявил: «Ваша честь, мы доставили сюда некоторые книги лишь для опознания. Мы представляем их в качестве доказательств, не читая». Нельсон предложил: «Почему бы обвинению не положить их на весы? Именно так следовало бы поступить, исчисляя их на фунты». И на основании подобного рода доказательств и показаний нескольких профессиональных провокаторов был вынесен чудовищный приговор — 20 лет тюремного заключения! Характеризуя это «правосудие», американский журналист Стоун

писал: «Атмосфера линчевания, царившая на этих процессах питтсбургских коммунистов, в особенности на процессе Нельсона, эти жадные до рекламы судьи, их прославляемые доносчики и истерическая печать представляют собой самый страшный эпизод деятельности нашей современной инквизиции».

Разоблачение подоплеки этого сфабрикованного процесса, всей цепи грязных провокаций и гнусных издевательств над человеком, вся «вина» которого состоит в том, что он придерживается коммунистических убеждений и выступает в защиту мира и конституционных прав американского народа, составляет содержание настоящей книги.

С неопровержимой убедительностью и беспощадной логикой раскрывает Нельсон подлинную причину судебного фарса и показывает, кто в действительности является преступником против народов Соединенных Штатов.

«Главными преступниками,— заявил он,— являются Меллон и Морган, богачи Питтсбурга, кото-

рые контролируют «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Они наживают миллионы на войне в Корее. Они говорят: «Если вы помешаете нашим планам, то вы сядете за решетку». Они ответственные за высокие цены и тяжелые налоги, являющиеся следствием этой позорной войны. А я, как коммунист, никогда не колебался выступать против этой войны и никогда не буду колебаться».

Книга Нельсона — это подлинно человеческий документ исключительной силы, она оставляет неизгладимое впечатление.

«Всякого, кто читает книгу Стива Нельсона,— писал в газете «Нейес Дейчланд» 12 августа 1955 г. профессор Герхардт Эйслер,— должен, даже если он не марксист, охватить священный гнев против проституирования права и суда. Этот процесс... мог бы с таким же успехом иметь место в гитлеровской Германии».

В качестве последней главы книги Нельсон помещает сокращенное изложение своего заключительного обращения к присяжным.

Речь С. Нельсона

Леди и джентльмены, господа присяжные заседатели!

Я хочу подытожить то, что, мне кажется, имеет отношение к этому процессу и что затронуто этим процессом. Я держу в руках текст вступительной речи прокурора, в котором он обещал доказать вам целый ряд моих преступлений. Но он не доказал их. Единственное, что он делал, так это пытался вызвать предубеждение, пристрастное

отношение ко мне и разжечь истерию. Таковы его «доказательства».

Он собирался показать, что у обвинения нет никакой «личной заинтересованности» в этом судебном преследовании (от подобного утверждения расхохочется и лошадь). Это у него-то нет «личной заинтересованности» в процессе! Общеизвестно, что судья Мусманно, главный представитель обвинения, использовал это судебное дело в целях своей политической карьеры. Он состряпал его вместе с другими своими коллегами. В результате их деятельности Лорин Льюис стал окружным судьей. Племянник Мусманно — Серконе — включился в процесс после того, как Льюис стал судьей. И теперь Серконе утверждает, что обвинение не имеет личной заинтересованности в деле!

В своей вступительной речи (страница 449 стенограммы) прокурор обещал доказать, что я помогал подготовке к свержению правительства штата Пенсильвания силой и насилием. Какие доказательства он привел для подтверждения этого обвинения? Никаких!

На той же странице судебного протокола он обещал доказать, что обвиняемый является членом «пятой колонны». Какие доказательства он представил, чтобы доказать это? Даже самые главные свидетели обвинения ничем не подтвердили этого обвинения.

Прокурор обещал вам доказать, что Коммунистическая партия Соединенных Штатов является организацией, руководимой из-за границы. Даже Кветик, основной свидетель обвинения на этом процессе, когда ему предъявили его же показания, данные им двум комиссиям Конгресса, признал, что, будучи спрошен: «Имеете ли вы доказательства того, что Коммунистическая партия является организацией, руководимой из-за границы?», он ответил: *«Нет, я не могу ответить на этот вопрос!»*

Прокурор собирался доказать вам, что я был ответствен за «просачивание» коммунистов на заводы в нашем округе. Что же он доказал? Защита откровенно признала, что коммунисты вынуждены умалчивать о своем членстве в партии, когда они работают на заводах, так как ни один предприниматель не захочет нанять на свой завод или держать на работе прогрессивных рабочих. Можно ли было открыто но-

свить профсоюзный жетон, работая на заводах 10 или 15 лет назад? Можно ли было носить рузвельтовский значок, работая на сталелитейных заводах в 1932 или в 1933 году? Нет, нельзя. И все же прокурор хочет, чтобы мы носили коммунистические значки, работая на фабрике, на заводе или в шахте.

Он сказал, что приведет доказательства моей «подрывной» деятельности на фабриках и заводах этого района. За исключением его вступительной речи, не было сказано ни одного слова, чтобы подкрепить это обвинение.

Он собирался доказать, что я стремился проникнуть в армию, в учебные лагеря офицеров запаса, в Национальную гвардию, во флот. Какие же доказательства он привел? Подкупленный провокатор Крауч сказал, что это имело место в 1928 году. Таково единственное свидетельство о моей «подрывной» работе в вооруженных силах!

Серконе зашел так далеко, что после моих настоятельных протестов суд был вынужден оборвать его. Скажите, почему он выдвигал обвинения, которые не имели ничего общего с обвинительным заключением и которые он (хотя отлично это знал) даже не собирался доказывать? Потому что он построил свои расчеты на истерии — на единственном его доказательстве. Он думает, что стоит ему только топнуть ногой, и вы все, господа присяжные заседатели, прыгнете в его петлю, как это делали его свидетели. Он обещал сообщить вам о том, чем я занимался в период 1931—1938 гг., когда жил в угольном районе — в Вилкс-Барре и Скрантоне. Слышали вы хоть единственное слово об этом? А ведь это охватывает период времени в восемь лет. Если я виновен в преступной деятельности, почему же прокурор не предъявил вам факты, леди и джентльмены? А он заявил только, что я находился в штате Пенсильвания и жил в Вилкс-Барре. Я с гордостью могу рассказать вам, что я там делал, рассказать то, о чем пытался умолчать прокурор.

Он сказал, что докажет, будто я шпион, но даже не сделал и попытки доказать это. Потому что он ничего не может доказать, потому что это клевета. Коммунистическая партия является политической организацией. Политическая партия рабочего класса не может достигнуть своей конечной цели при помощи шпионажа и саботажа. Мы можем

победить только путем открытого обсуждения нашей программы и путем борьбы, которую ведет народ.

Прокурор обещал доказать, что мы распространяли «подрывные» книги и читали их. Что же, леди и джентльмены, вы уже видели, как они интерпретировали эти книги. Вы знаете, что эти книги читались, читаются и свободно распространяются во всех демократических странах. Даже по словам Мусманно, эти книги нельзя было свободно читать только в фашистской Италии, в нацистской Германии и франкистской Испании. Даже он был вынужден признать это. В остальных странах люди читают эти книги и извлекают из них то, что, по их мнению, подходит для их стран, для положения в этих странах.

Серконе в своей вступительной речи, с которой началось судебное разбирательство, крича, выдвинул грозные обвинения, которые он даже не пытался обосновать. Он просто декламировал, размахивал флагом и затем вдруг умолк. Председательствующий был озабочен этим и заметил:

— Я не хотел помешать вам излагать ваши доводы перед присяжными.

— Все в порядке, я это уже сделал,— ответил ему Серконе.

Судья, думая, что он невольно прервал его, просил Серконе продолжать, но Серконе сказал, что он уже кончил. «Мне кажется, что я уже все сказал»,— произнес он извиняющимся тоном. Таков в общих чертах ход изложения дела обвинителем.

Как я уже говорил, это суд над политическими взглядами. Такой суд возможен в стране, в которой не существует свободы слова, в которой не существует свободы мыслей, в которой не существует свободы дискуссий или в которой эти свободы находятся под угрозой, как это происходит теперь в нашей стране.

Предположим, что вы придерживаетесь социальных взглядов, которые отвергаются другими. Вы хотите рассказать о ваших взглядах народу. Вы, так же как и я, могли бы оказаться под арестом, особенно если бы ваши взгляды содержали в себе нечто, противоречащее взглядам меньшинства, взглядам тех людей, которые хотят насадить в Соединенных Штатах фашизм и навсегда удержаться у власти.

На этом процессе под судом находятся книги! Некоторые из книг, которые здесь были предъявлены в качестве доказательств, имеют столетнюю давность. В прошлом они печатались в нашей стране и распространялись довольно свободно. Авраам Линкольн переписывался с Карлом Марксом — автором «Коммунистического манифеста», одной из книг, находящихся сегодня под судом. Во время гражданской войны между Севером и Югом Карл Маркс организовал помощь Северу, когда британское правительство хотело оказать помощь Югу. Марксисты в то время помогли организовать помощь Северу со стороны британских рабочих, организовать протест против посылки оружия южанам. Линкольн написал Марксу письмо от имени американского народа, выражая благодарность за оказанную нашему народу поддержку. Но эти люди (*указывает на прокурора*) хотят сжечь сегодня эту книгу точно так же, как это сделали нацисты и сторонники Муссолини. Вот, господа присяжные заседатели, что хотят сделать эти люди. И когда они сожгут *эти книги*, что остановит их стремление сжечь и *другие книги*? Кто может судить, какие книги правильны, а какие неправильны? В прошлом американская традиция состояла в том, что люди читали эти книги, если хотели. Как же можно узнать, как вы понимаете ту или иную книгу? Или как я понимаю прочитанную мной книгу? Обвинение осмеливается объяснять мои взгляды! Вот что находится под судом здесь: *право читать и право мыслить*! Фашистские костры из книг, вот чем грозит нам этот процесс!

Леди и джентльмены! Этот суд над идеями и книгами — зловещий сигнал для нашей страны. Это сигнал бедствия, предупреждение о том, что наши демократические традиции гибнут, а насаждаются фашистские порядки. И это делается под видом «защиты нашей страны», «защиты конституции» и «нашего образа жизни»! Какая чепуха! Обман, ложь! Фашизм протаскивается в этот самый зал, в котором мы сейчас находимся! Вот каким путем мусманновско-маккартистское обвинение пытается его проташить!

Моих друзей в разных концах страны судят сейчас за то, что они предупреждали народ относительно этой опасности. За это судят и меня. Мы не хотим, чтобы наша страна испытала ужасы фашизма. Все вы достаточно прожили на

свете, чтобы знать современную историю. Вы знаете, что при фашизме уничтожается свобода слова, уничтожаются выборы, право критиковать людей, находящихся у власти, право критиковать политику правительства. Обвинение хочет ограничить наши права.

Я не говорю, что у нас уже воцарился фашизм. Но все это является чертами фашизма. Мы должны остановить его. Именно такова моя цель здесь, и вы должны решить на данном процессе, откроем ли мы дверь фашизму? При фашизме деятельность судов и полиции объединена. Вы уже видели, какие вольности позволяет себе Мусманно в качестве судьи. Он действует, как полицейский. Он арестовывает меня. Он дает показания как свидетель, действует в качестве частного обвинителя и в качестве члена верховного суда. У него есть власть, чтобы отклонить мою апелляцию. Деятельность полиции и деятельность суда при фашизме объединены. Мусманно, Гантер и другие судьи доказывают это здесь.

При фашизме права трудящихся уничтожаются, при фашизме не существует права организовываться или переходить к коллективным соглашениям. Все то, ради чего мы сражались последние 100 лет, будет сметено, и только у монополий будет право высказывать последнее слово по всем вопросам. При фашизме самые рьяные изуверы и расисты находятся у власти. В нашей стране это будет означать, что флаг Ку-клукс-клана будет поднят над зданием нашего федерального правительства всякими бильбо, маккарти, маккаренами, ренкиными и вудами, которые господствуют в основных комиссиях нашего конгресса. Мне пришлось предстать перед комиссией конгресса, председателем которой является такой человек, как Вуд, который был избран в конгресс в Джорджии 8 тыс. голосов. Кветик и Шерман побежали в Вашингтон, чтобы дать перед ним свои свидетельские показания. Теперь эти «показания» используются против меня. Здесь они проходят как «доказательства». Вот кто — эти типы — правил бы страной при фашизме.

Вы знаете, что сделал в Германии Гитлер с меньшинствами? Он уничтожил 6 млн. людей. Сперва он устроил проверку «чистоты крови». В нашей стране можно обой-

тись без такой проверки. Я имею в виду негритянский народ и американцев, рожденных за границей. Что происходит с ними даже теперь? При фашистской системе это было бы в тысячу раз хуже. Такова другая цель настоящего процесса. Билль о правах находится под судом! Билль о правах, который гарантирует свободу слова и собраний! Но этот процесс ставит своей целью пресечь те разговоры, которые ведете вы и я. Они хотят решать, что можно говорить. Это цензура, которая характерна для фашизма. На этом суде делается попытка учредить ее в нашей стране.

Фашизм ведет к постоянным войнам за колониальные завоевания. Нашим сыновьям пришлось бы сражаться за интересы горстки людей, как это пришлось делать сыновьям простых людей в Германии: немецкие юноши вынуждены были идти на войну по приказу Гитлера. А что они получили от этой войны? Шесть футов земли да могильную насыпь, — вот что они получили! 25 млн. людей во всем мире были уничтожены. Фашизм — это угроза, которую мы не должны допустить в нашу страну. Эта катастрофа может быть предупреждена. Вот о чем вы должны будете вынести вердикт, господа присяжные! Хотите ли вы открыть дверь для цензуры? В прошлом люди либо слушали вас, либо не слушали. Но теперь нам заявляют, что мы не имеем права разговаривать. Вот что решается на этом процессе.

В борьбе моей партии против фашизма в нашей стране мы считаем, что первым шагом должно быть изменение военной программы, которой следует наше правительство в настоящее время. Вы помните о телеграмме, посланной мне Национальным комитетом Коммунистической партии? Судья Мусманно зачитал ее в качестве доказательства. Эта телеграмма призывала к прекращению войны в Корее. Мы призывали к этому, потому что считали опасным для нашей страны развязывать такую войну. Мы заявили, что народ нашей страны ничего не выиграет от этой войны. Поэтому мы были за то, чтобы прекратить ее. Что мы сделали для ее прекращения? Мы распространяли петиции, призывающие к миру. Обвинение конфисковало их. Тысячи петиций, призывающих к миру, были предъявлены в качестве доказательств моего преступления. Разве это преступление — призывать к миру?

Мы призывали к прекращению войны, к предотвращению зарождения фашизма в Соединенных Штатах. Гражданские свободы могут быть защищены во время мира лучше, чем во время войны. Мы боролись за восстановление свободы слова. Мы боролись за прекращение подобных процессов, которые раздувались демагогами, пользующимися военной лихорадкой и состоянием истерии в стране. Все, что мы делали, законно по нашей конституции. Таково наше отношение к войне. Мы считаем, что войны не неизбежны и что народ может прекратить эту войну. В настоящее время в городе нет ни одной газеты, которая так или иначе не проклинала бы войну. И все же, когда я пошел повидаться с редактором питтсбургской газеты «Пресс» и принес ему телеграмму от Национального комитета Коммунистической партии и сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы вы опубликовали эту телеграмму в вашей газете.

Он ответил:

— Это не новости.

Каждый день тонны чернил и бумаги тратятся на то, чтобы очернить меня и мои идеи. Вот это для газеты новости! Но они отказались напечатать телеграмму, призывающую к миру в Корею.

Итак, леди и джентльмены, вы можете видеть, что одним из вопросов, который находится под судом, является вопрос о праве защищать мир, о праве призывать к прекращению этой ненужной войны. Телеграмма Национального Комитета Коммунистической партии явилась первым документом, предъявленным на этом процессе. Неужели обвинитель думает, что я стыжусь этой телеграммы? Я горжусь ею. Эта телеграмма войдет в историю как важнейший документ, тогда как мелкие людишки, которые пытаются осудить меня, будут забыты и стерты со страниц истории. Если призыв к миру — преступление, то я виновен в этом преступлении. Если призыв к миру в рамках нашей конституции письмами, телеграммами, делегациями, резолюциями, народным протестом является преступлением — я совершил и это преступление.

Кроме того, настоящий процесс является судом над политической партией. Это суд над партией, с которой вы не

согласны или, очевидно, немного о ней знаете. Они хотят запретить деятельность моей партии, хотя она существует и действует в Соединенных Штатах уже 33 года. Взгляды этой партии известны всем тем, кто интересуется ее деятельностью. Она проводила громадную работу в защиту организованного труда, в защиту безработных, боролась за права негритянского населения. Никакая другая партия не может похвастать этим. Теперь же они хотят положить конец деятельности этой партии. Хотят судить меня за то, во что я верил и что отстаивал больше 20 лет. Моя деятельность — открытая книга. Я выставлял свою кандидатуру на выборах, я выступал на сотнях и сотнях собраний. В моем прошлом нет ничего тайного. Но 20 лет спустя они хотят осудить меня потому, что теперь им понадобились жертвы. Осудив меня, они надеются вселить страх в остальных. Они думали, что я окажусь удобной жертвой. Но я отказался раболепствовать и склонить голову перед ними.

Леди и джентльмены, мы встанем на опасный путь, если подобные процессы будут продолжаться. Напомню вам, что мой свидетель, доктор Аптекер, уже касался этого вопроса. Он рассказал вам, что этот суд по обвинению в «подрывной» деятельности является не первым в истории Америки. Основатели нашей страны, автор Декларации независимости Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон и другие, были в 1798 году свидетелями того, как их друзей судили за «подрывную» деятельность. Они были первыми «подрывными» элементами. В то время в нашей стране не было и такого количества судов. Всего-навсего один судья ездил из Бостона, переезжал из города в город, для того чтобы судить «подрывников».

Кто же были эти «подрывники» в те далекие дни? Это были демократы, сторонники Джефферсона. За что же их судили? Почти за то же, за что судят сегодня меня: они не хотели, чтобы наша страна воевала против Франции. Народ Франции только что свергнул короля и учредил демократическую республику. Американский народ, изгнавший короля Британии, сочувствовал народу Франции. Те, кто в нашей стране поддерживал короля и монархию, начали процессы по обвинению в «подрывной» деятельности. Они отправили судью Кокса по всей стране, чтобы он вел

процессы против члена конгресса Мэтью Лайона, редакторов газет (один из них был ирландец из Филадельфии по фамилии Дуэйн) и американца немецкого происхождения, тоже из Филадельфии, чье имя я не могу вспомнить в данный момент, и многих, многих других жертв по всей стране. Их признали виновными в «подрывной» деятельности. Но два года спустя эти зверские законы о подрывной деятельности были отменены, и тем людям, которые потеряли свою собственность из-за того, что были несправедливо брошены в тюрьмы, конгресс возместил их потери. Что осталось от законов о подрывной деятельности 1798 года? Постыдное пятно в истории нашего народа!

В 1919 году стальной и угольный тресты хотели предотвратить организацию рабочих сталелитейной промышленности, в которой активное участие принимал Уильям З. Фостер, председатель нашей партии, чьи книги предъявлены здесь в качестве доказательств. Закон о подстрекательстве к мятежу, по которому сейчас судят меня, был принят законодательным собранием штата большинством в три голоса. Теперь вспомнили об этом законе и воспользовались им для того, чтобы осудить меня. Этот закон уже был однажды применен в так называемом Вудлонском деле, когда по сфабрикованному обвинению были осуждены рабочие за то, что они хотели организовать профсоюз на заводах Джонса и Лафлина, еще когда там не было никаких союзов, задолго до начала 30-х годов.

Леди и джентльмены, если на основании таких ничтожных доказательств меня признают виновным в нарушении закона, то этот закон будет использован и против других, и в особенности против организованных рабочих. Что может помешать трестам нанять полсотни провокаторов, которые заявят, что лидер забастовщиков сделал «подрывное» заявление, что он призывал к «насилию», тогда как в действительности он призывал к организации пикетов? По этому закону станут судить рабочих, если вы, господа присяжные, разрешите обвинению продолжать в том же духе.

Итак, не я один нахожусь под судом, хотя здесь перед вами я и стою в одиночестве. Под судом находятся простые люди Америки и их права. Если вы рабочий или работница, вы тоже находитесь под этим судом. Может пока-

заться странным, что я делаю такое заявление людям, которые будут выносить решение по моему делу. Я говорю это без тени смущения, ибо уверен в правоте своих слов. От результатов данного процесса зависит все будущее простых людей.

Обвинение предъявило суду в качестве доказательств против меня ряд выдержек из книг. В самом деле, больше 30 выдержек включено в обвинительный акт. Обвинение сопровождало эти выдержки своими пояснениями. Обвинение пыталось рассказать вам о том, во что я верю, о том, чем эти книги являются для меня.

Вы слышали показания моего свидетеля — ученого и историка, доктора Аптекера, — который правдиво рассказал вам, как мы понимаем идеи, изложенные в этих книгах. В своей вступительной речи я обещал опровергнуть все искажения в марксистской теории, допущенные обвинительным актом, и мы разобрали их пункт за пунктом и опровергли. Я очень сожалею, что для этого нам пришлось занять так много вашего времени, но объяснить было необходимо. Нельзя вырывать фразу из контекста и утверждать, что сказанное применимо сегодня так же, как было применимо в то время, когда была написана та или иная книга.

Доктор Аптекер объяснил суть марксистско-ленинской теории. Он сказал вам, что эти книги разъясняют суть капитализма и проповедают переход к социализму. Он не отрицал этого; я также не отрицаю этого. Он рассказал, как происходит смена исторических формаций, показал, что капитализм умирает. Мы объяснили, что капитализм не вечен и что придет время народного контроля и народного владения средствами производства. Эти книги показывают, что от социализма больше всего выиграют рабочие, простые люди, фермеры. Эти книги показывают, что богачам, которые господствуют в нашей политической жизни, есть что терять. «Сильные мира сего», не знающие даже, где расположены их заводы и шахты, продолжают выколачивать прибыли из своих владений и смертельно противятся наступлению социализма. Однажды, будучи судьей, Меллон, представ перед комиссией конгресса, был спрошен: «Мистер Меллон, спускались ли вы когда-нибудь в шахту?» Он замахал руками: «Что вы! Нет, нет!»

Эти люди извлекают прибыль из труда других людей. Они не встают рано утром, не спускаются в шахту, не идут трудиться на заводы. Но так ли живет большинство нашего народа? Нет! Так живет только горстка миллионеров. Естественно, что они не хотят никаких перемен. У них есть все. Но эти книги призывают к изменению такого положения. Они призывают к тому, чтобы использовать заводы и шахты на благо большинства людей. Они объясняют, как монополии становятся еще более могущественными и господствуют в экономической и политической жизни и как, когда нет дальнейшей возможности экспансии внутри своей страны, они переходят за ее рубежи и пытаются учредить свое господство над естественными богатствами и жизнями других народов. Мы называем это империализмом. Обвинение утверждает, что, критикуя американский империализм, мы тем самым критикуем страну. Но я заверяю вас, что, когда я говорю об империализме, я имею в виду Уолл-стрит, а не Америку в целом и не народ.

Эти книги рассказывают также о фашизме, объясняют причины возникновения войн, и доктор Аптекер показал вам, что мы относимся к этим книгам не как к догме, мы не повторяем их, как попугаи или подобно граммофонной пластинке, как это смеют утверждать свидетели обвинения. Идеи, заложенные в этих книгах, применимы в каждой стране соответственно с условиями, существующими в этой стране. Совершенно очевидно, что обвинение не может объяснить, как они могут быть применены в нашей стране. Они продемонстрировали только выдуманные ими карикатуры, выдуманные ими уродства, а не суть марксизма. Эти книги показывают, что мы стоим за правление большинства. Мы покажем вам, что даже Верховный суд верил, что это именно так. По мнению судьи Мэрфи...

Серконе: Заявляю протест.

Председатель суда: Мы не вдаемся в анализы каких-либо судебных разбирательств.

Нельсон: Будь я адвокатом, я сумел бы представить вам дело Шнейдермана, но в этих условиях я не знаю, как это сделать. Все же я считаю, что присяжным было бы важно знать, что сказал Верховный суд по этому поводу.

Председатель суда: Присяжным будет разъяснено, что толкование законов они должны получать от суда, а не от вас. Продолжайте.

Нельсон: Эти книги, как объяснял мой свидетель, доказывают, что мы не проповедуем силу и насилие. Небольшая клика — те, кому суждено потерять свое богатство и власть, те, которым придется взяться за орудия труда и пойти на работу, — вот кто не хочет перемен! Это они прибегают к силе и насилию! Они готовы на все, лишь бы остановить движение народа к социализму. Поэтому даже сегодня они калечат демократию, налагают на нее ограничения. Это они организуют налеты на профсоюзы, фабрикуют дела против активных профсоюзных работников, разгоняют забастовки... даже тогда, когда рабочие добиваются всего лишь незначительной прибавки к заработной плате.

Мы уже показали, что наша партия борется за право участвовать в выборах и что она участвовала в выборах всякий раз, когда нам представлялась возможность. В этом зале находится человек, джентльмен 84 лет, который много раз избирался по списку Коммунистической партии в сенат Соединенных Штатов. Он родился в Питтсбурге. Он помогал организовывать первые союзы рабочих сталелитейной промышленности еще в 1892 году в Хемстеде и был председателем первого местного профсоюзного комитета.

Мы хотим иметь возможность высказывать народу наши взгляды и нашу программу, говорить о нашей непосредственной деятельности, так же как и о наших конечных целях. Мы делаем так всегда, выставляя своих кандидатов. К силе и насилию прибегает меньшинство, которое не может убедить большинство в своей правоте. Против кого нам применять силу и насилие? Мы были бы безумцами, если бы применяли силу и насилие против самих себя, против трудового народа нашей страны. Это нелепое обвинение. Оно могло появиться на свет только благодаря царящим теперь в стране страху и истерии. Просить обвинение о справедливом толковании этих книг — все равно что просить Гитлера дать свое толкование конституции Соединенных Штатов. Разве он объяснил бы ее в интересах простых людей? Объяснил бы он 13, 14 и 15-ю поправки к консти-

туции *, которые даруют права негритянскому народу? Разве применил бы он эти поправки так, как имеется в виду в конституции?

Эти книги говорят также о справедливых и несправедливых войнах. Я не отрицаю этого. Я уже заявлял вам, господа присяжные, в своей вступительной речи, что война в Корее — несправедливая война и что я противник этой войны. Обвинение желает убить меня за это. Когда 50-летнему человеку грозит 20-летнее заключение в таких тюрьмах, в которых мне придется сидеть, это фактически означает смертный приговор. Да, мы призывали к умиротворению в Корее. Обвинение не могло предъявить ни малейших доказательств, что мы делали что-либо кроме того, что убеждали американский народ в постыдности и ненужности этой войны, которую необходимо прекратить.

Конечно, эти книги говорят о несправедливых войнах и о тех временах, когда такие войны прекращались войнами гражданскими. Но к каким ситуациям это относится, господа присяжные? Это относится к тем странам, в которых у власти находится фашизм, в которых нет свободы слова, нет свободы выборов, нет свободы дискуссий. Это не относится к нашей стране и к таким государствам, как сегодняшние Франция, Италия и Британия, это относится к таким странам, как нацистская Германия и фашистская Италия. Именно на этот шаг был вынужден германский народ, чтобы с помощью народов мира освободиться от фашизма. Гитлеровская власть не могла окончиться мирным путем. Именно так должны быть прочитаны эти книги. Но обвинение вырывает фразу из контекста и говорит: «Вот, что они имеют в виду». Когда читаешь эти книги, надо помнить об особенностях времени. Эти книги являются обобщающими по своему характеру. Некоторые вещи при-

---

* Поправки к конституции США, принятые в результате гражданской войны 1861—1865 гг. В декабре 1865 года вступила в силу 13-я поправка, провозгласившая отмену рабства во всех штатах; в июле 1868 года вступила в силу 14-я поправка, предоставлявшая гражданское равенство всему населению США (кроме индейцев), а в марте 1870 года — 15-я поправка, запрещавшая лишать граждан США избирательных прав под предлогом цвета кожи, принадлежности к другой расе или прежнего пребывания в рабстве. — *Прим. ред.*

менимы в одной стране, но они неприменимы ко всем странам одинаково. Судья Мэрфи из Верховного суда... (*Серконе заявляет протест.*) говорит: «Политические писания зачастую являются преувеличенно эмоциональной полемикой,носящей на себе отпечаток того места, где они пишутся».

Обвинение далее утверждает, что у нас существует какой-то зашифрованный язык, что мы говорим одно, а подразумеваем другое. Леди и джентльмены, нельзя по политическим вопросам только потому, что находишься под судом, иметь сегодня одно мнение, а завтра проповедовать что-то другое. Я бы не искал значения этих книг даже ценой моего оправдания, потому что это было бы фальшивой игрой в великом политическом движении и повредило бы борьбе за социализм. Нельзя один день говорить народу одно в надежде, что он верит вам, а на следующий день делать нечто противоположное. Я не отрекаюсь от своих убеждений, которые высказал вам. Я отвергаю обвинение в том, что мы имеем секретные шифры, посредством которых сообщаем свои идеи другим людям. Наши книги и наши идеи, заключенные в них, значат только то, что они говорят на ясном английском языке.

В этих книгах говорится о том, что в нашей стране господствуют гигантские монополии и крупные концерны. Мои свидетели рассказывали об этом в своих показаниях. Мы показали, что 60 семейств контролируют 250 крупнейших концернов и что эти 250 концернов в свою очередь контролируют 60 % основных отраслей индустрии в нашей стране. Мы показали, что в городе Питтсбурге только две банкирские группы — Меллоны и Морганы — владеют стальным трестом Соединенных Штатов, фирмой «Вестингауз», алюминиевой компанией Америки, Пенсильванской железной дорогой, угольной компанией Питтсбурга, «Дюкесн лайт», «Крусибл стил», «Галф ойл», медной компанией, Питтсбургским стальным трестом, Питтсбургскими железными дорогами, стальной компанией Джонса и Лафлина, авиационными компаниями, автобусными компаниями, газетами и радиостанциями,— и это далеко еще не полный перечень.

Эти книги объясняют, что благодаря экономическому могуществу монополий они обладают огромной политиче-

ской силой и фактически господствуют в двух главных политических партиях нашей страны, а через них и в самом правительстве. Крупные богачи, которые собираются в Дюкесен-клуб, решают, кто будет кандидатом на политические посты и кто на какой именно. Народу оставляют возможность голосовать только за одного из намеченных ими кандидатов. Но пока мы пользуемся нашими демократическими правами, народ имеет возможность прорваться сквозь эту паутину и вопреки всем расчетам политиканов избрать кандидатов, которые не находятся под контролем монополий. Иногда так и случается, и монополистам это весьма не по нраву. Иногда на местных выборах, на выборах в отдельных штатах и на общенациональных выборах избиратели не голосуют за кандидатов-марионеток.

Конгресс Соединенных Штатов, который, как я сказал, проводил пагубную политику в отношении войны в Корее и в отношении «холодной войны», хорошо описан в книге Уильяма З. Фостера «Закат мирового капитализма», которая также предъявлена здесь в качестве доказательства. Мистер Фостер ссылается на журнал «Юнайтед Стейтс ньюс», в номере от 26 ноября 1948 г. анализирующий состав нашего сената: «...66 адвокатов, 16 бизнесменов, 9 фермеров и 5 прочих». В Америке 60 млн. трудящихся, но ни один из них не заседает в сенате. Кто же эти адвокаты? Это юрисконсульты крупных концернов, члены правления различных больших компаний. И так за редким исключением. А что сказать о палате представителей? «235 адвокатов, 81 бизнесмен, 37 фермеров, 21 газетчик, 21 учитель, 41 прочих».

Разве не правда, леди и джентльмены, что эти юристы, работающие в крупных концернах, которые заседают в палате представителей и сенате, руководят нашим правительством в интересах тех, с кем они так тесно связаны? Наше правительство окружено советниками и послами, которые явились с Уолл-стрита и связаны с Уолл-стритом. Возьмите Гарримана, члена правительственного кабинета; Перль Места, владелицу крупнейших заводов, так называемых меставских заводов, в которых существует система «открытых мастерских». Она посол. Ни КПП, ни АФТ не могут вернуть на ее заводах свою деятельность. Она добрая прия-

гельница нынешней администрации и оказывает влияние на правительственную политику, ассигнуя на предвыборные кампании много больше денег, чем это в состоянии сделать профсоюз. Джон Фостер Даллес — «специальный советник» президента Трумэна — находился в Корее за неделю до начала войны. Что делал там этот крупный уолл-стритовский банкир? Он заинтересован в акциях Международной никелевой компании. Эта крупнейшая военная монополия уже сейчас получает огромные прибыли от войны. Никель необходим для военной промышленности. Почему такой человек, как Даллес, должен желать мира, господа присяжные? Хочет ли мира госпожа Места, чей завод производит станки для расточки пушечных стволов? Эти люди присосались к администрации, господствуют там и влияют на политику. Во времена Рузвельтовской администрации это было для них не так просто. Вот почему они вопили тогда. Вот почему они протестовали против «второго срока» и против «третьего срока». Они противодействовали Рузвельту потому, что он стоял за демократические права, которые теперь, при военной администрации Трумэна, уничтожаются.

Эти люди, господствующие в нашем правительстве, проводят неправильную внешнюю политику, так же как и неправильную внутреннюю политику. Вам известно, как Трумэн предложил оштрафовать шахтеров на 1 млн. долларов за то, что они объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Компании уволили тысячи шахтеров вследствие введения в производство новых механизмов. Шахтеры требовали защиты против этого, требовали уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы. Но на помощь монополиям пришли суды и оштрафовали их на 1½ млн. долларов. А что сделал Трумэн с забастовавшими железнодорожниками? То же самое: приказал войскам подавить забастовку.

Я говорил, что те, кто проводит неправильную внешнюю политику, проводят и неправильную политику внутри страны. Крупные монополии и концерны желают уменьшить заработную плату рабочих и увеличить свои прибыли. Простые люди желают, чтобы им повысили заработную плату и сократили рабочий день. В этом состоит постоянное столкновение интересов, которое ведет к продолжительной борьбе.

Богачи пользуются всеми своими преимуществами, чтобы как можно больше прибыли выжать для себя из жизней рабочих.

Есть старая поговорка, что человека можно узнать по тому, с кем он ведет компанию. С кем ведет теперь компанию государственный департамент за рубежом? В Италии друзья Муссолини поддерживают нашу внешнюю политику. Они превозносят так называемый план Маршалла, а сами продолжают обирать народ Италии. Но антифашистски настроенные итальянские рабочие и крестьяне, а особенно профсоюзы, находятся в оппозиции к теперешнему правительству. То же самое происходит и во Франции и в большинстве других стран. В Западной Германии нацистские генералы, которых наша армия разбила в прошлую войну, такие, как генерал Гудериан, создатель бронетанковых армий Гитлера, являются теперь советниками наших экспертов по внешней политике и помогают ремилитаризации Германии. Те, которые убивали наших солдат, стали теперь друзьями нашего государственного департамента. Но за то, что мы критикуем подобные вещи, против нас фабрикуют обвинения и судят за «подстрекательство к мятежу». За то, что мы протестуем против признания Франко, который сверг демократическое правительство в Испании и которого президент Рузвельт не желал признавать, нас обвиняют в «подрывной» деятельности. Сегодня администрация Трумэна признает Франко и вступает с ним в деловые отношения, несмотря на то, что в прошлую войну Франко предоставил свои базы подводных лодок в Испании нацистам, сражавшимся против нас. Надо задуматься над этим, потому что иначе не поймешь, что за администрацию мы имеем. Скажи, с кем ты дружишь дома и за границей, и я скажу, кто ты.

На Дальнем Востоке нашим государственным деятелям не составило, мне кажется, никакого труда найти общий язык с последователями Тодзио в Японии. Многие из наших монополий прибирают к своим рукам богатства Японии. Нефтяные компании этой страны уже связаны с нефтяными компаниями Соединенных Штатов. Электропромышленность Японии поглощается американскими интересами, особенно компаниями «Вестингауз» и «Дженерал электрик».

Американский большой бизнес имеет там огромные капиталовложения и интересы. Газеты сообщают о восстаниях в Индокитае, Тунисе, Северной Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке. Что же предпринимаем по этому поводу мы? Народы этих стран хотят выгнать монархов, королей и иностранных империалистов, хотят учредить свое собственное демократическое правление, но наша внешняя политика поддерживает таких старых марионеток, как Чан Кай-ши, Ли Сын-ман, Бао Дай и прочих им подобных.

Член Верховного суда Дуглас недавно опубликовал статью, написанную им после возвращения из поездки по Дальнему Востоку. Он утверждает, что никакие деньги в мире не остановят борьбы этих народов за свои права. Он критикует нынешнюю политику Соединенных Штатов в той части земного шара. А за то, что мы критиковали эту политику два года назад, нас обвиняют в «подрывной деятельности»! Сегодня многие люди начинают воочию убеждаться, что американская внешняя политика ошибочна. Леди и джентльмены, критика внешней политики правительства со стороны моей партии, оппозиция моей партии по отношению к этой политике основана на убеждении, что она может и должна быть исправлена, если мы не хотим ступить на тот путь, на который Гитлер толкнул немцев. Разве они осмеливались не соглашаться с ним? Некоторые — да. Но те, которые осмеливались критиковать его, были обвинены нацистами в критике режима, были заклеены как иностранные агенты и брошены в тюрьмы...

«Вы не смеее осуждать мою внешнюю политику, когда я аннексирую Австрию,— заявлял Гитлер.— Бросьте всех, кто противится мне, в тюрьмы, ибо они враги Германии».

Разве не то же самое хотят проделать со мной?

«Вы не смеее осуждать меня, когда я вторгаюсь во Францию, в Бельгию, Голландию и Польшу,— заявлял Гитлер.— Иначе вы окажетесь в тюрьме».

И именно это пытаются сделать с нами, которые протестуют против постыдной войны в Корее.

Господа присяжные, простые люди всего мира не соглашались с политикой нашего правительства. Они восстали против нее. А правительство Соединенных Штатов, к сожалению, пытается надеть на эти народы кандалы, для того

чтобы те же самые американские монополии, которые владеют нашей страной и контролируют ее политику, могли бы обворовывать и эксплуатировать также и эти народы. Я не имею ничего общего с такой политикой. Всеми своими силами я буду критиковать эту политику и противодействовать ей. Коммунисты повсюду противостоят этой политике и будут противостоят ей и впредь. Одна из многих причин, почему я оказался под судом, заключается в том, что я придерживаюсь взгляда, что монополисты наживают кровавые деньги на корейской войне, а тягость военных расходов падает на плечи налогоплательщиков. 85 млрд. долларов отпущено в настоящее время нашим бюджетом на вооружение. Это означает 500 долларов на каждого человека в Соединенных Штатах. А что же сказать о том, чего нельзя купить за деньги? О сотне тысяч жертв, о сотне тысяч жертв, уже понесенных одними только американцами? Что же говорить о невинных людях, женщинах и детях, которые погибают в Корее от напалмовых бомб? Считаете ли вы, что это хорошо? Только потому, что эти бомбы не падают на наши дома? Я так не считаю.

Конечно, компаниям «Стандард ойл», «Галф ойл» и меллонам, которые производят эти бомбы, нравится мысль об усилении бомбежек Кореи. А расплачиваются за это вы. Сынки миллионеров не воюют. Нет, они сидят дома и считают денежки.

А за то, что я протестую против этих огромных ассигнований на военные расходы, протестую против огромных прибылей, которые богачи получают, наживаясь на войне, протестую против повышения цен для простых людей, протестую против того, что военные рэкетеры в Вашингтоне собираются и дальше наживаться на войне, меня хотят бросить в тюрьму. Я считаю, что это фашистский способ разрешать споры с несогласными, а не демократический.

Свидетель доктор Аптекер объяснил вам содержание книг, объяснил, что такое социализм. Я не намерен убеждать вас в преимуществах социализма. Не об этом сейчас речь. Вам вовсе незачем соглашаться со мной в неизбежности или в справедливости социализма. Мне лично кажется, что идея социализма — великая идея и что социализм наступит обязательно. Не существует такой сверхъестест-

венной силы, которая заставила бы нас согласиться с тем, что фабрики и заводы должны вечно оставаться в руках монополий. Народ может в тысячу раз лучше управлять промышленностью, чем монополисты. Мы могли бы сократить рабочее время и облегчить труд, если бы на наших плечах не сидели эти пиявки.

Вот почему я проповедую социализм, который покончил бы с безработицей и сделал бы так, чтобы люди работали четыре часа в день, а то и меньше. Чем больше машин мы заставили бы работать, тем лучше. А что происходит теперь? Когда предприниматели внедряют новые машины — часть рабочих выбрасывается на улицу. Почему? Потому что предприниматели, владеющие промышленностью, вводя новые машины, не сокращают рабочего времени. Напротив того, они удлиняют рабочий день насколько могут или до тех пор, пока профсоюз не остановит их. Всякий раз, когда профсоюзы пытаются добиться сокращения рабочего дня, предприниматели вопят: «Бедствие!», «Судный день наступает». В 1916 году во время всеобщей забастовки рабочих фирмы «Вестингауз» компания сделала такое заявление:

«Если рабочие добьются 10-часового рабочего дня, нам придется убираться из долины».

Что ж, мои друзья и я добиваемся еще более короткого рабочего дня. Понятно поэтому, почему так хотят заткнуть нам рты. Но вы, господа присяжные, вы не получаете и крохи со стола меллонов. Некоторые из вас даже, может быть, проливают пот, трудясь на их заводах. У вас иные интересы.

Социализм, который я защищаю, покончит с перепроизводством, ведущим к депрессиям. Перепроизводство происходит из-за того, что народ производит слишком много товаров, больше товаров, чем предприниматели могут продать, и поэтому рабочих выбрасывают с заводов. Когда человек оказывается без работы, он не может покупать товаров, которые произведены. В результате еще большая безработица, еще более глубокая депрессия.

Каждые 10 лет в течение прошедшего столетия нашей истории это регулярно повторялось. В настоящее время депрессию отодвинула военная программа. Я утверждаю, что, если социальная система поддерживается войной, значит

эта система никуда не годится. Мы, коммунисты, проповедуем социализм, потому что он покончит с перепроизводством и голодом в нашей стране, где полно товаров и каждому есть к чему приложить руки. Мы, коммунисты, верим, что социализм покончит с неуверенностью в завтрашнем дне, которая гнетет наш народ. Рабочие люди постоянно зависят от милости хозяина. От хозяина зависит их будущее. Он решает — держать ли их на работе, когда они стареют или заболевают. Как долго будем мы мириться с этим? Но я не прошу вас соглашаться со мной и на сей раз. Единственно, чего я прошу, так это защитить мое право проповедовать социализм. Это было законным правом в нашей стране. Но теперь определенные профашистские круги хотят уничтожить, отнять у нас наши права; они хотят очернить марксистское учение о том, что перемены неизбежны, что мы можем основать на земле братство людей; они хотят остановить движение истории вперед.

Вот чему учат эти книги, которые обвинение представило как доказательство моей вины. Американский народ встанет на социалистический путь развития, когда преимущества этого пути будут очевидны для большинства народа. Народ нельзя принудить к этому насильно.

Господа присяжные, с помощью моего свидетеля мистера Бенджамина Каритерса мы показали вам, какова была деятельность нашей партии за время ее существования. Мистер Каритерс хорошо осведомлен о деятельности партии. Он связан с местной партийной организацией больше 20 лет и являлся одним из ее руководителей. Этого человека не купишь за 34 сребреника. Он занял свидетельское место на процессе, зная, что это вызовет озлобленные нападки на него. Он рассказал вам о программе нашей партии. Он рассказал вам, что мы боремся за мир, за жилищное строительство, за равноправие негров, за объединение рабочих в профсоюзы, за пособия по безработице.

Таковы «преступления», которые мы совершали. В этой груде книг много всего, а в той груде, которой здесь нет, — в листовках, которые обвинение не принесло сюда, но которые оно конфисковало...

Серконе: Протестую!

Нельсон: Помолчите, пока я не кончил!

Председатель суда: Джентльмены, вы, видимо, хотите, чтобы я объявил перерыв?

Нельсон: Сожалею, ваша честь. Но таковы факты, я говорил вам о них.

Председатель суда: Ни один из вас не обращает на меня ни малейшего внимания.

...Мой свидетель показал, что он принимал участие и руководил борьбой за создание профсоюзных организаций. Хотя прокурор пытался извратить причины того, почему мы это делаем, факты говорят за то, что мой свидетель помогал организовать рабочих ради защиты их прав и улучшения условий их существования.

Леди и джентльмены, новый ветер повеял на этом процессе. Вопреки всем попыткам обвинения доказать обратное я покажу вам, что под судом находится право чтения книг. Вердикт против меня по существу будет означать разрешение в нашей стране «охоты на ведьм» и костры из книг. Я зачитал вам 19 книг, которые, по свидетельству библиотекаря, свободно выдаются в библиотеке и которые могут читать все. Обвинение осмеливается делать выводы относительно того, чему научили меня эти книги, какие выводы я сделал из чтения и как я хочу применить в жизни все почерпнутое мной из этих книг. Что же будет с теми, кто берет читать эти книги в библиотеке? Следующим шагом явится предписание: «Немедленно сообщите нам, когда эта книга будет выдана на руки, чтобы мы могли послать кого-нибудь за читателем и узнать, где он живет». Костры из книг должны быть погашены в нашей стране, если мы хотим сберечь нашу демократическую систему.

Теперь, леди и джентльмены, я хочу проанализировать показания свидетелей обвинения. Вы слышали, как свидетель Крауч дал клятву говорить правду и ничего кроме правды. Он говорил о тайных собраниях, которые коммунисты якобы созывали. Помните, я спросил его: «Где происходили эти тайные собрания?» — и (посмотрите на страницу 1241 стенограммы) он ответил: «Они собирались в Вебстер-холле, в Манхаттанском лицее и в Центральном отеле в городе Нью-Йорке». Вы помните, что я спросил его? «Разве Вебстер-холл является секретным местом, специально выстроенным для того, чтобы там встречались ком-

мунисты? Разве в него надо попадать через подземный туннель?» После того как я около 10 минут добивался от него ответа, он, наконец, сказал «нет». Его ответ напечатан на странице 1323 стенограммы. Затем он заявил: «Когда мы приходили туда, то получали значки». Вы, конечно, помните это показание. Значки! Значки!.. И он хочет заставить вас, господа присяжные, поверить, что это собрание являлось тайным собранием, скрытым от публики.

Крауч показал, что в 1941 году, задолго до того времени, к которому относится обвинительное заключение, где-то в Калифорнии функционировала партийная школа. Если в этой школе происходило что-нибудь противозаконное, он мог бы сообщить о ней давным-давно. А теперь он говорит об этой школе, как о «подпольной». Когда он не смог доказать своих слов, суд запретил ему ссылаться на эту школу, как на «подпольную».

Вы помните, какой крик поднял Крауч, когда ему пришлось сообщить свой адрес, что якобы грозило ему смертью. Почему он сказал это? Это был приказ вам засадить меня в тюрьму или даже хуже! Он сказал, что его жизни угрожают... Давайте взглянем в существо его слов.

Я обращаю ваше внимание на показания другого... свидетеля обвинения. Я спросил свидетеля Патерсона:

— Сталкивались ли вы с какими-нибудь затруднениями при выходе из партии?

— Нет, я вышел — и все.

— Вышли — и все?

— Да!

— Чинил ли вам кто-нибудь какие-либо препятствия?

— Нет.

— Никто не грозил вам?

— Нет.

— И вам не приходилось скрывать свой адрес, не так ли?

— Нет, я никогда не скрывал его.

— И никто не беспокоил вас со стороны Коммунистической партии относительно этого?

— Нет.

А Крауч визжал, словно недорезанный поросенок, когда ему предложили сообщить свой адрес. Он заявил, что ни-

когда не явился бы сюда, зная, что ему придется открыть свое местожительство.

Крауч давал показания о книгах, которыми якобы пользовались в 1941 году в партийной школе в Калифорнии. На нескольких предыдущих процессах и перед сенатскими комиссиями он свидетельствовал относительно книг, по которым якобы учились в этой школе. Тогда он ни разу не упомянул о трех книгах, которые были предъявлены на этом процессе в качестве доказательств, господа присяжные. Это «Программа Коммунистического Интернационала», «Почему коммунизм?» и «Руководство по организации». Крауч не упоминал об этих книгах ни в одном из своих прежних показаний. Но в данном процессе эти три книги имеют весьма важное значение для версий обвинения, так что, когда Крауч был спрошен: «Пользовались ли они этими книгами, мистер Крауч?» — он ответил: «Да, мы пользовались ими». Помните, однажды он колебался и я сказал: «Отвечайте, вы же знаете, чего от вас хочет обвинение», — и он ответил: «Да, мы пользовались ими».

Кветик со свидетельского места признал, что, когда он состоял в партии, этими книгами никогда не пользовались.

Здесь вы видели трех свидетелей, слышали три различных ответа. Хотя эти свидетели читали стенограммы отчетов различных процессов и пытались придерживаться своих прежних показаний, они все же противоречили друг другу.

Крауч показывал об активности Коммунистической партии в Пенсильвании. Его спросили: «Проводилась ли политика Коммунистической партии в Западной Пенсильвании?» — и он ответил: «В значительно большей степени, чем в других местах».

Почему же в большей степени, чем в других местах? И откуда ему известно это? Он никогда не бывал в Западной Пенсильвании. Он не знает, какую работу проводит там партия. Но такой ответ необходим был для мистера Серконе, и мерзкий доносчик дает ему этот ответ: «В значительно большей степени...» Он признал, что никогда не бывал в Питтсбурге до 1950 года, т. е. до того раза, когда он приехал, чтобы засвидетельствовать, что не видел меня

в течение долгого времени. И все же он употребляет выражение: «В значительно большей степени...»

Вы помните заявление Крауча о том, что он знаком с редактором английской «Дейли уоркер». А затем, господа присяжные, выяснилось, что мистер Раст умер за пять лет до этого. Можно ли верить свидетельству человека, который делает рэкет из своих показаний?

Я спросил Крауча: «Есть ли у вас договор с Департаментом по делам иммиграции?» Он ответил: «Нет». «Имеет ли ваша жена договор с Департаментом по делам иммиграции на дачу показаний?» Он ответил: «Нет».

Леди и джентльмены, здесь у меня находятся его показания, данные перед Департаментом по делам иммиграции, где ему был задан вопрос...

Серконе: Я возражаю, ваша честь.

Председатель суда: Этот вопрос не подлежит разбору здесь.

Нельсон: Ваша честь, этот вопрос я поднимал во время перекрестного допроса. Свидетель отрицал это. Не хотите ли удостовериться сами? У меня записаны страницы протокола: июль 1950 года, папка 0300-30401, страницы 1138—1139, дело Дмитричана.

Председатель суда: Я больше не приобщу к делу никаких дополнительных доказательств. Протокол закончен. Ограничьтесь теми доказательствами, которые уже есть в деле.

Нельсон: Ваша честь, этот вопрос был ему задан на данном процессе, и он отрицал, что у него есть договор. Но в этом документе он признает наличие договора. Его жена также признает.

Председатель суда: Это не имеет отношения к доказательствам. Вы не должны упоминать здесь об этом и не должны ссылаться на это.

...Леди и джентльмены, он удостоверил, что выступал на многих процессах, всякий раз получая за это 25 долларов плюс 9 долларов на расходы плюс дорога в размере стоимости билета на самолет, если бы ему пришлось пользоваться воздушным сообщением. Он называет себя «Консультант Департамента по делам иммиграции». Я бы назвал его иначе: «Указательный палец Департамента по де-

лам иммиграции». Палец — вот его орудие, палец, которым он тычет в людей. У него есть договор на 100 долларов в неделю плюс расходы. Он признал, что давал свидетельские показания на 15 различных процессах. Его жена также давала свидетельские показания, хоть он и отрицал, что она получала за это плату, говоря, что «она делает это из патриотических чувств». Вот в этом документе доказывалось, что у нее также был договор. Он сказал, что она домашняя хозяйка, — и снова ложь. Помните, какую комедию он ломал по поводу того, что, присутствуя здесь, он якобы теряет заработок. Он утверждает, что теряет заработок всякий раз, когда ему приходится выступать свидетелем. Но когда он начал жаловаться на то, что ему придется сообщить свой адрес, он «выпустил kota из мешка» (выдал себя с головой). Он сказал, что у него есть один дом в Майами и что другой он приобрел в Вашингтоне (округ Колумбия). Как же это удастся ему, если он теряет заработок?

Вы помните, что мистер Серконе пытался уберечь его от вопроса — получает ли он деньги за дачу показаний. Как видно из этой стенограммы, председатель суда сказал: «Он признал, что является платным свидетелем».

Итак, леди и джентльмены, первый свидетель обвинения Крауч делает рэкет из дачи свидетельских показаний, этим он зарабатывает себе на жизнь. Он, не задумываясь, отправляет ни в чем не повинных людей в тюрьму — ведь это его заработок!

Вы помните спор относительно того, прошел ли Крауч через пикеты в Майами (штат Флорида), организованные рабочими газеты «Геральд». Я настаивал, чтобы он либо признал, либо отверг это. Он пытался увильнуть от ответа. Судья спросил:

— Была ли забастовка в этой газете?

Крауч ответил:

— В одном из отделов.

Затем, когда я еще немного нажал на него и спросил:

«Прошли ли вы через пикет или нет?» — судья сказал: «Он признал, что вокруг предприятия были расставлены пикеты».

Таким образом, для всех стало ясно, что он прошел через пикеты, как обычный штрейкбрехер.

Я спросил Крауча:

— Куда вы направились после того, как вас вышвырнули с завода в Майами?

Он признал, что отправился на Западное побережье, чтобы свидетельствовать против Гарри Бриджеса. Затем я спросил его:

— Были ли вы знакомы с Гарри Бриджесом?

Он ответил:

— О, я знал его очень хорошо.

Тогда я уличил его стенограммой его показаний перед сенатом Соединенных Штатов, где на вопрос: «Знаете ли вы Бриджеса?» — он ответил: «Я лишь немного знаком с ним». Здесь он «знал его очень хорошо», но в том деле «был лишь немного знаком с ним».

Таков один из главных свидетелей обвинения — Крауч, профессиональный провокатор, который тычет в людей пальцем, делает для себя рэкет из дачи свидетельских показаний, врет со свидетельского места и разыгрывает здесь комедию о какой-то опасности, которая якобы угрожает его жизни. Вот каков один из главных свидетелей обвинения!

Теперь мы перейдем к другому свидетелю, члену Верховного суда штата Микель Анджело Мусманно. Вы, конечно, помните, леди и джентльмены, что я спросил его:

— Сколько судей в штате Пенсильвания?

Он не захотел ответить на этот вопрос, но я думаю, что судей приблизительно 200. Я спросил его, знает ли он какого-нибудь другого судью, который делал бы то же самое, что делает он на этом процессе? А что сам Мусманно делает на этом процессе? Я хочу, чтобы вы взвесили факты, господа присяжные, хотя он и является членом Верховного суда и всякий раз, когда это ему нужно, прикрывается флагом патриотизма, что является приемом всех негодяев во все времена...

Что он сделал в связи с моим процессом?

Во-первых, лично явился в помещение Коммунистической партии, чтобы изъять там материалы, которые отправил не в канцелярию шерифа, а в свою. Он признал, что

это действие было противозаконно, но ведь он судья и юрист!

Вы помните мой допрос свидетеля относительно его пребывания в Италии в 1924 и 1925 гг., когда у власти был Муссолини и когда все порядочные люди, у которых был выбор, не ездили туда. Он отправился туда учиться, изучать право, «римское право»...

Затем вы помните статью, написанную им и опубликованную в питтсбургской газете «Пресс» в 1926 году, в которой он называл деятельность фашистской партии «благородными деяниями молодых фашистов».

Мусманно пытается насадить фашизм в нашей стране, вот что он делает. Вот почему он конфискует книги и предает их суду. Вот почему он добивается моего ареста и лично выполняет «законные» полицейские обязанности. Но будучи смущен своими противозаконными действиями, он не забывает привлечь к себе всеобщее внимание и пользуется этим во время своей предвыборной кампании.

Вы помните, как он обращался с мисс Рот, когда она появилась в зале суда в качестве члена Большого жюри. Он выгнал ее и произнес речь, направленную против коммунизма. Пять дней спустя он был выдвинут кандидатом демократической партии на пост помощника губернатора. Он явился в помещение нашей партии 18 и 19 июля, чтобы забрать там литературу, а 5 сентября официально началась избирательная кампания. Он утверждал, что боролся против коммунизма в течение 25 лет. Но когда людей линчуют и бомбят только потому, что они негры, или потому, что они заявляют о своих правах, этот человек говорит: «Нам не нужно больше никаких законов, стоит ли обращать на это внимание».

Когда из помещения Коммунистической партии были изъяты книги, он настаивал, чтобы помещение было опечатано. Когда он притянул меня в суд, а все его доносчики, такие, как Шерман, поднимались на свидетельское место и лгали, что будто бы во время моего выступления по радио я говорил о том, что...

Серконе: Если ваша честь разрешит, я протестую...

Нельсон: Шерман утверждал это на предварительном рассмотрении дела: он поднялся на свидетельское место и

лгал. Почему вы не вызвали его свидетелем на этот процесс, мистер Серконе? Боялись, что я сорву с него маску? Вы знали, что я мог это сделать.

Мусманно является другим главным действующим лицом, стоящим за спиной обвинения. Залог был определен в 100 тыс. долларов, без которых, господа присяжные, меня не хотели выпустить на поруки и засадили в окружную тюрьму, где продержали в течение 30 дней. Мусманно прибег к этому для рекламы во время избирательной кампании. Наконец, трое других судей снизили сумму залога «всего» до 50 тыс. долларов! Видите ли, это, по их мнению, был «разумный» залог. В конце концов Верховный суд штата сократил залог до 10 тыс. долларов.

Вы помните, что Мусманно ответил «нет» на мой вопрос: «Проходили ли вы когда-нибудь кандидатом по так называемому «списку Меллона»?

В номере питтсбургской газеты «Пресс» от 4 марта 1928 г. говорится: «В. Л. Меллон вынес решение против человека по имени Истон и выдвинул М. А. Мусманно кандидатом в законодательное собрание». Почему же Мусманно нужно было соврать? А вот почему: чем больше обмана и чем крупнее ложь, тем больше вероятности, что кто-нибудь поверит ей. Вот каков человек, который, используя обвинение и преследование меня и моих друзей, пробрался в высший суд нашего штата.

Он обвинил меня и моих друзей ради того, чтобы взобраться по политической лестнице. Он сделал это не за 34 сребреника, как другие провокаторы. У него были далеко идущие цели: воспользоваться мною и моими друзьями, чтобы заработать себе политический капитал. Он не намерен останавливаться на достигнутом. Он написал книгу, в которой высказал намерение выставить свою кандидатуру в президенты Соединенных Штатов. Знали ли вы об этом?

Серконе: Ваша честь, я протестую. Это сплошная ложь.

Нельсон: Это не ложь. Я представлю эту книгу признанным, и вы подавитесь своими словами.

Серконе: Это ложь.

Нельсон: Вы подавитесь своими словами.

Председатель суда: Упомянутая книга не была предъявлена суду.

Нельсон: Но ведь это факт, ваша честь, и любой человек, который читал книгу, знает об этом.

Председатель суда: Этот факт не имеется в распоряжении суда.

Нельсон: Книга называется «Глубокая река». Она была написана в Германии, когда Мусманно служил там в американских оккупационных войсках. К счастью, не так много экземпляров этой книги было распродано здесь. Люди хохотали бы над намерением Мусманно. Лишь недавно Верховный суд штата пять раз аннулировал решения этого судьи и юриста, я не хочу снова повторять здесь, по каким именно делам. Я скажу только, что такой человек — угроза для общества. Он насаждает фашизм, а ему поручают толковать здесь эти книги, потому что обвинение утверждает, что он «эксперт по марксизму». Он сделал то же самое, что сделал бы Гитлер, если бы ему поручили разъяснять 14 и 15-ю поправки к нашей конституции.

Леди и джентльмены, ни одному слову из его показаний нельзя верить, потому что это предубежденные показания, в основе которых лежат политические мотивы, они бесчестны, они лживы и основаны на лжи.

Господа присяжные, обвинение допросило еще двух свидетелей, вызванных сюда из Нью-Йорка: Паттерсона и Уайта. Я не уделю им много времени. Они свидетельствовали о таких вещах, которые якобы имели место 21 год назад. Если это лучшее, что может продемонстрировать обвинение, я думаю, что оно должно признать, что не имеет против меня никаких доказательств.

Итак, леди и джентльмены, я хочу коротко остановиться на показаниях Кветика.

Кветик сказал: «Вернувшись из Вашингтона с заседаний Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, я пришел в Американо-славянский конгресс и встретил там Нельсона вместе с другим человеком, по имени Джордж Вучинич».

Затем он следующим образом передает разговор: «Гордж Вучинич сказал: «Нужно достать пулеметы и покосить этих с...» Он свидетельствует, что на это я отве-

тил: «Еще рано, Джордж. Мы еще не готовы для того, чтобы вооружаться пулеметами».

Вы помните, я спросил его: «Сообщали ли вы комиссии конгресса о том, что я собираюсь расстреливать членов конгресса?» Нет, он не сообщал об этом, господа присяжные, хотя давал показания в Вашингтоне вскоре после этого вымышленного разговора. Но для Мусманно, Серконе и Шермана было важно услышать вымысел на настоящем процессе, полтора года спустя. Почему?

Господа присяжные, я вновь обращаю ваше внимание к другой части показаний этого человека, который сделал себе рэкет из лжесвидетельства. Проследите еще раз за этим попугаем. Он дал здесь показания о якобы имевшем место моем высказывании по поводу сообщения об изобретении атомной бомбы в Советском Союзе. Послушайте, как он цитировал на этом процессе мои слова: «У нас теперь есть атомная бомба, и враг не будет в такой чертовской спешке, чтобы развязать новую войну». А что он сообщил на заседаниях комиссии: «У нас теперь есть атомная бомба, и враг не будет в такой спешке, чтобы развязать новую войну».

Но, господа присяжные, когда он давал показания перед комиссией конгресса, он заявил, что этот разговор происходил на собрании, а здесь он утверждал, что этот разговор имел место на авеню Свободы и на Смитфильдской улице. Сравните эти два показания. Это полный провал обвинительного показания, исходящего из уст этого провокатора. Вы помните, как я сказал во время перекрестного допроса, что единственное, что нужно сделать правительству с этим свидетелем, — это «опустить в него монету (как в автомат), и в ответ можно услышать все, что обвинение приказало ему сказать».

Леди и джентльмены, аргументация обвинения зиждется на ложной теории, что Коммунистическая партия США и я будто бы контролировались иностранной державой. Когда член конгресса Кирни задал подобный вопрос Кветику: «Откуда вы получаете приказы?» — он ответил: «От Национального комитета». Затем член конгресса Свини спросил: «Откуда они получают приказы о том, какую им проводить политику?» — и Кветик сказал: *«Я не могу ответить на это».*

Это было в 1950 году, вскоре после того, как он отправился в Вашингтон давать показания. Но двумя годами позже он заявляет вам с этой трибуны, что мы «получали приказы от Коминформа». Как видите, господа присяжные, этот человек дает показания, сообразуясь со своими целями и целями обвинения. Вот вам еще одна ложь, заметить которую может даже слепой. И этот Кветик — главный свидетель, на чьих показаниях основано все обвинение.

В своих прежних показаниях он утверждал, что получает 95 долларов в месяц от ФБР. Можно ли жить на такие деньги в отеле «Уильям Пенн»? Нет, господа присяжные! Я утверждаю, что Кветик — провокатор. Он доносил на рабочих предпринимателей этого города, Торговой палате, доносил мистеру Трою, который является одновременно главой Торговой палаты и владельцем отеля «Уильям Пенн». Кветик жил в отеле бесплатно. Он говорит, что получал 95 долларов в месяц в то время; позже ему стали платить 85 долларов в неделю. Даже на эти деньги не так-то легко выкроить на оплату отеля. Откуда же у него были деньги на остальные расходы? Леди и джентльмены, я утверждаю, что Кветик является шпииком, что он шпионил за членами профсоюза работников отелей и ресторанов еще до того, как ему велели шпионить за коммунистами. Я утверждаю, что в 1943 году, чтобы освободиться от мобилизации в армию, он дал согласие шпионить за нами и за членами профсоюзов. Теперь кое-кто считает его «героем». Но он недолго будет ходить в героях.

Этот агент дал свидетельские показания относительно мнимой секретности в Коммунистической партии. Вы помните его слова, что на Норд-Сайде состоялась тайная конференция или собрание, на котором меня знакомили с членами партии. После длительных дебатов он признал, что это было *закрытое собрание*, на котором присутствовали только делегаты.

Вы помните свидетельские показания мистера Сибела, библиотекаря, на попечении которого находился тот зал. Он показал, что Коммунистическая партия арендовала этот зал и что он предоставлял его в наше распоряжение всякий раз, когда его просил об этом представитель партии. Протокол этого собрания, предъявленный суду, подтверждает,

что 9 и 11 июля проходила конференция Коммунистической партии Западной Пенсильвании, которая состоялась в библиотеке Карнеджи на Норд-Сайде. А Кветик уверяет, что это была тайная конференция, «подпольная конференция».

Кветик свидетельствовал также о собрании, на котором присутствовал я и где зачитывались отрывки из «Истории Коммунистической партии Советского Союза» в связи с темой о «свержении правительства силой и насилием». Он говорит, что этому же учили в партийной школе, которую он посещал. В течение трех месяцев он учился в классе, который вел Билл Альбертсон, один из моих товарищей. Кветик показывает, что там якобы повторялось только одно: «свергнуть правительство», «свергнуть правительство»... Если бы обвинение хотело проверить это показание, — а я просил суд затребовать сюда протоколы, — то существуют протоколы всего, что происходило в том зале в течение пяти лет. Если там говорились такие вещи, так принесите сюда протоколы и давайте послушаем, что же там говорилось! Я готов к этому. Несите же протоколы! Но ничего подобного в протоколах нет и не может быть, зато в распоряжении обвинения есть ничтожный провокатор, который может подняться на свидетельское место и готов прыгать через веревочку всякий раз, как ему свистнут.

Мой свидетель, мистер Каритерс, говорил вам, что мы не верим в такие вещи, что мы не учим таким вещам. То же самое говорил вам другой мой свидетель — мистер Аптекер. Эти два человека — люди чести. Они, так же как и я, никогда не солгут, когда речь идет о наших убеждениях.

Чьему свидетельству вы поверите? Свидетельству людей, получающих 34 доллара за каждый день своих показаний, или людям с достоинством, с принципами, за которые они готовы отдать свою жизнь? Вот в чем заключается вопрос, господа присяжные.

Чтобы вызвать к себе симпатию, Кветик наболтал здесь о том, что он лечится у психиатра из-за плохого состояния сердца. Даже не специалист знает, что когда у человека больное сердце, он обращается к врачу-сердечнику. Но Кветик говорит, что его лечат от «нервного сердца». Леди и джентльмены, лучше бы он сказал, что лечит нервную голову.

И этот человек, которого считают здесь важным свидетелем, избивает свою невестку, сломал ей руку...

Протест. Принят.

— Итак, господа присяжные, этот человек дал показания против 12 людей. Он признал, что получает 34 доллара в день в каждой инстанции.

Кветик давал показания против женщины, получающей пособие,— Тони Нэсс. В результате его показаний ее лишили пособия.

Он давал показания против школьной учительницы, которая честно прослужила 18 лет. В результате его показаний учительницу выгнали с работы и предали ostracismu.

Он давал показания против Натана Альберта за то, что этот человек вместе с другими боролся против дискриминации негров в купальнях Хайланд-парка. Его показания помогли осудить этого человека, который в настоящее время отбывает 23-месячное заключение в Блоуноксе.

Кветик давал показания против рабочего стекольного завода из Нью-Кенсингтона, который проработал на заводе в течение 45 лет, и добился того, что рабочего уволили с завода, хотя он является ветераном первой мировой войны и у него большая жена. И теперь еще этот стекольщик не может найти работы.

Он давал показания против рабочих с Крусибл Стил. На этом свидетельском месте Кветик заявил: «Компания просила меня дать показания»,— но тут же поправился: «Профсоюз просил меня дать показания». Но первое заявление соответствует истине. Именно компания просила его дать показания.

Кветик дал показания против рабочего-негра, который проработал 27 лет у доменной печи на заводе Стального треста Соединенных Штатов в Этне (Пенсильвания). Как раз когда этого человека должны были перевести на другую работу, где он бы получал немного больше денег, этот негодяй Кветик ткнул в него пальцем и добился его увольнения, хотя у этого рабочего сын находился тогда в армии, в Корее, если хотите знать точно. Кветик получил за это деньги, а рабочий-негр до сих пор без работы.

Он давал показания против адвоката Шлезингера, который защищал меня на предыдущем процессе. В 1951 году

Кветик и Мусманно придрались к Шлезингеру и арестовали его как раз тогда, когда Мусманно избирался в Верховный суд. Кто был главным свидетелем против Шлезингера? Кветик. Это дело было сфабриковано так низко и подло, что было аннулировано Верховным судом штата. На этот раз дело было шито слишком уж белыми нитками.

В Нью-Кенсингтоне он давал показания против пяти человек, замешанных в стычке у линии пикетов. Эти люди были осуждены на четыре года тюрьмы на основании лжесвидетельства Кветика. Он вынужден был признать на свидетельском месте, что ему за это уплатили. Труиту, одной из его жертв, пришлось закрыть свой зубо врачебный кабинет. Жена Труита должна была распродать обстановку и покинуть город. Его дети сталкивались с оскорблениями и унижением.

Серконе: Ваша честь, ему хорошо известно, что всего этого нет в материалах дела.

Нельсон: Есть!

Серконе: Не понимаю, о чем вы говорите.

Нельсон: Об этом говорилось во время перекрестного допроса.

Серконе: Мы заявляем протест.

Председатель суда: Мне кажется, что многого из того, что говорит Нельсон, нет в материалах дела. Имеются кое-какие ссылки, но в своем большинстве то, о чем вы говорите, мистер Нельсон, не отражено в материалах дела.

Нельсон: Одну минутку, ваша честь.

Председатель суда: Я могу ошибиться, и в таком случае прошу меня поправить.

Нельсон: Прошу прощения, ваша честь, но мне нужно всего одну минуту, чтобы найти это в стенограмме. Я спросил: «Давали ли вы показания по делу, разбиравшемуся в Нью-Кенсингтоне?» Он пытался увильнуть от ответа, и, после того как я загнал его в угол, я обратился к председателю суда: «Ваша честь, это — платный свидетель, и, мне кажется, я имею право получить от него ответ». И председатель суда сказал: «Он признал это».

Серконе: Что признал?

Нельсон: Что давал показания против Труита.

Серконе: Где в протоколе хоть одно слово из того, что вы сказали присяжным? В свидетельских показаниях?

Нельсон: На странице 1580 — ищите сами. Я не собираюсь отыскивать это для вас.

Председатель суда: Прекратите!

Нельсон: У вас есть целая канцелярия, которая работает на вас.

...Он признал, что давал показания против Труита и против четырех других людей, осужденных по этому делу. Это признано им. А Верховный суд отменил приговор после того, как пятеро невинных людей провели 10 месяцев в работном доме округа на блоуноксовской похлебке. Да, господа присяжные, таков этот главный свидетель.

Он признался, что давал показания против одного из бывших прокуроров этого города — госпожи Марджори Мэтсон. Хотите ли вы знать страницы стенограммы — 1574, 1575, 1576 и 1577, чтобы вам не пришлось долго копать, господин обвинитель...

Когда я спросил его, сколько денег он получил за показания против госпожи Мэтсон, он не мог ответить.

— Получили ли вы 5 долларов? — спросил я.

— Не помню.

— 200 долларов?

Он не помнил. Но зато он точно помнит, кто и что сказал 2 года назад, а если понадобится, то и за 50 лет до его рождения.

Леди и джентльмены, этот человек связан с несколькими судьями и с Гарри Алланом Шерманом, основавшим здесь организацию «Американцы, борющиеся против коммунизма», с людьми, которые используют эту организацию для того, чтобы сколачивать деньги и нажить себе политический капитал. Оба этих человека, Кветик и Шерман, предстали перед Большим жюри, чтобы свидетельствовать против меня. Эти люди готовы на библии поклясться в чем угодно, лишь бы это им было на пользу. Большое жюри поверило им, как и следует ожидать, когда в деле замешан престиж окружающих судей. А уже затем сфабриковать судебное дело так же просто, как катить бревно. Вот что они сделали.

Их корыстные цели — зарабатывать деньги и порочить мою партию и меня, искажать наши взгляды, для того чтобы

получить возможность накопить побольше пахнувших кровью долларов.

Таковы свидетели обвинения, господа присяжные: Мусманно, Крауч, Кветик, Паттерсон и Уайт*, — принимающие участие в игре ради денег или ради того, чтобы составить себе политический капитал. Честолюбие Мусманно хорошо известно всем и каждому. В 1927 году он имел наглость — вот даже как! — спорить с «великим человеком» Кларенсом Дарроу по вопросу о том, должна или не должна преподаваться эволюция в наших школах!

Мусманно сказал тогда: «Нет». А ведь он фактически руководит политикой в некоторых местностях. Трое из его родственников занимают должности в округе, в муниципалитете, и среди них Серконе — обвинитель на данном процессе.

Серконе: Я получил свою должность не благодаря моему дяде, будьте уверены.

Нельсон: Я уверен, что не благодаря дяде. Вы получили ее благодаря своему уму, ха! Перед вами, господа присяжные, яркий пример кумовства. Эти люди используют политику для продвижения своих родственников.

Серконе: Ваша честь, я не могу пройти мимо такого заявления со стороны этой личности.

Председатель суда: Он заявил присяжным о ваших родственных связях со свидетелем, он критикует показания свидетеля, отрицает, что свидетель заслуживает доверия, и обвиняет его в кумовстве. Я не могу оградить вас от этого, так как это было высказано на суде и он имеет право аргументировать этим. Вы можете ответить ему сами, как сочтете нужным, мистер Серконе.

...Итак, леди и джентльмены, сравните их свидетелей и ставку, которую они поставили на этот процесс, и то, что скрыто за кулисами этого фарса, — с моими свидетелями, и вы увидите разницу, как между ночью и днем. Я мог бы вызвать больше свидетелей, господа присяжные, будь теперь иные времена, если бы людей не преследовали за то, что они осмеливаются занять свидетельское место. Я ограничил свою защиту двумя свидетелями: одним — знатоком теории и дру-

---

* Уайта нет в живых. Он был убит в своей квартире в Гарлеме, а дело было замято.

гим — который рассказал о практической деятельности местной организации. И оба они говорили правду. Они давали показания не за 34 доллара в день, не за пост в Верховном суде, не ради того, чтобы стать судьей. Я хочу, чтобы вы взвесили все это, когда начнете обсуждать дело, которое слушалось перед вами.

Леди и джентльмены, в нормальные времена подобный процесс был бы невозможен, он был бы невозможен, если бы не «охота на ведьм» в нашей стране, если бы не антикоммунистическая истерия, которую намеренно насаждают и разжигают.

«Охота на ведьм» в нашей стране велась в давние времена в Салеме. В то время, если хотели разделаться с кем-нибудь, надо было только дать клятву, что видели жену такого-то летающей по воздуху на метле. И невинные люди оказывались на костре, умерщвлялись. По чьему слову это делалось? По слову невежд, глупцов и лжецов. Видел ли кто в наши дни, чтобы ведьмы летали по воздуху? Да! Они летают посредством радио и прессы. Это современный вариант «охоты на ведьм», также опирающийся на невежество и предрассудки; именно таков весь этот судебный процесс, основанный на невежестве и предрассудках. Охотники на ведьм думают, что народ настолько неосведомлен, что не видит их лжи. Средства распространения пропаганды в наши дни находятся в руках 60 семейств. Бесспорно, вы свободны, чтобы издавать газету, но много ли рабочих людей имеют свою газету? Многие ли могут высказать свои взгляды по радио? Многие ли имеют собственную телевизионную станцию? Банки и миллионеры — вот кто владеет радио и прессой. А кто пишет в газеты? Человек, работающий в газете, знает, что от него требует хозяин. Если он будет писать не то, что хочет босс, его выбросят за борт точно так же, как выбросили бы Кветика, если бы он показывал не то, что хочет мистер Серконе.

Вот кто подстегивает эту истерию XX века, «охоту на ведьм», преследование тех людей, которые высказывают хоть малейшее несогласие с тем, что они считают неверным в нашем обществе. Я один из этих людей. Но нельзя сказать, что Нельсон летал на метле, поэтому говорят, что Нельсон хотел «свергнуть» правительство», Нельсон говорил о «силе и

насилии»; говорил — «пользуйтесь пулеметами». Такова современная версия «охоты на ведьм». Кто же эти охотники за ведьмами? Краучи, и кветики, и мусманно. Им лишь бы делать деньги, а порядочных людей пусть хоть вешают. Эти люди составляют себе капитал «охотой на ведьм». Стоит только сказать: «Нельсон коммунист» — и найдутся люди в ложе присяжных, которые даже не захотят посмотреть в мою сторону. Стоит только сказать... И, однако, разве можно назвать это доказательством? Было время, когда газеты не переваривали и Рузвельта. 80% газет было против него, некоторые называли его «красным». Только прислушайтесь к тому, как они называют меня. Вы видели хоть раз в газетах, чтобы было сказано хоть одно лестное словечко обо мне? Нет, леди и джентльмены! Так вот, это блюдо сервировалось вам день за днем перед тем, как вы явились сюда, чтобы сесть в этой ложе. Их рты — их пресса — сервировали вам это блюдо. И эти люди осмеливаются говорить вам о моей партии и обо мне!

Обвинение сообщило вам о других аналогичных процессах, на которых обвиняемые были признаны виновными. Обвинение прибегает к таким приемам, которые вообще нельзя разрешать. Оно хочет вызвать у вас убеждение, что раз кто-то был осужден за колдовство в Салеме, вы должны в отношении меня решить то же, что было решено на других процессах. Грязно и низко прибегать к таким приемам! Автоматически переносить на меня решения по другим делам опасно. Так делают на юге. Негров привлекают к суду, белые люди сидят в ложе присяжных, *ipso facto* * — негры виновны. Именно это хочет проделать со мной обвинение, когда оно ссылается на решения по другим процессам. Многие ветераны профсоюзного движения знают, что суд над Томом Муни был подстроен, что Муни был неправильно осужден присяжными и помилован только спустя много лет, проведенных им в тюрьме.

Вы знаете об осуждении Сакко и Ванцетти. Они были осуждены в период массовой истерии. Люди на всем земном шаре знают, что за комедия суда была разыграна над ними. Много лет спустя само обвинение согласилось, что Сакко и

---

* В силу самого факта (лат). — Прим. ред.

Ванцетти были осуждены по ложным, клятвопреступным свидетельским показаниям провокаторов, которых в те времена поставляло министерство юстиции, предшественник ФБР. И все же они были осуждены и погибли на электрическом стуле.

Юджин Дебс был осужден. Чарли Рутенберг был осужден. Их помиловали лишь несколько лет спустя. Было признано, что эти люди были осуждены из-за политических взглядов, которых они придерживались, несмотря на массовый антикоммунистический психоз, а не потому, что совершили какое-либо преступление.

Официальная история штата Пенсильвания знает десятки подобных приговоров. Так как обвинение решило упомянуть об этих судебных процессах, мы сейчас тоже поговорим о них.

Хорошо известно, что против работников профсоюзов фабриковались дела и их осуждали за то, что они организовывали здесь профсоюзы. Одной из самых постыдных страниц в истории нашего штата является осуждение на основе свидетельских показаний провокатора Макфарланда — агента пинкертонов предшественников ФБР...

Серконе: Ваша честь, я протестую...

Председатель суда: Я не могу разрешить вам упоминать о судебных процессах по другим делам.

Нельсон: Ваша честь, я говорю только о некоторых общеизвестных процессах, о которых я хочу упомянуть как о сфабрикованных по образцу этого.

Председатель суда: Я буду беспристрастен в своем напутственном слове присяжным, но не разрешу касаться случаев из судебной практики, о которых никто из нас не знает.

Нельсон: Да, но об этих процессах знает всякий, кто знаком с историей.

Председатель суда: Возможно, что мы не читаем столько книг по истории, сколько вы. Я не могу быть уверенным в том, знают об этом присяжные или нет, и не могу позволить вам ссылаться на эти процессы как на факты и аргументировать ими перед присяжными.

Нельсон: Можете осведомить об этом присяжных, ваша честь, но разрешите мне на этот раз высказать свои доводы.

Председатель суда: Высказывайте любые доводы, но только не говорите присяжным о том, чего нет в протоколе данного процесса. Я не позволю вам этого, мистер Нельсон.

Нельсон: Я вижу, что обвинению не нравятся такого рода доводы... Мне думается, что вся страна знает об осуждении юношей из Скоттсборо... Они были невинно осуждены, но в конце концов под давлением народного протеста освобождены.

Председатель суда: Мы не знаем, были ли они осуждены и были ли освобождены, или даже были ли они вообще под судом.

Нельсон: Но всякий, кто знаком с историей, знает об этом!

Председатель суда: Возможно, мы не так хорошо знакомы с историей, как вы.

Нельсон: Недавно вынесен обвинительный приговор 11 коммунистическим лидерам в городе Нью-Йорке. Я утверждаю, что эти люди были осуждены в обстановке той же самой истерии. Я не буду вдаваться в подробности их дела и рассказывать о нем, но они были осуждены так же невинно, как пытаются осудить и меня. Они явились первыми жертвами трумэновской политики «холодной войны». Даже КПП протестовал против их обвинения, против привлечения к суду на основании закона Смита. Кандидат демократической партии на последних выборах в этом штате, мистер Дилворт, заявил протест против их осуждения...

Серконе: Ваша честь, мы протестуем.

...Но коллега мистера Дилворта по выборам — Мусманно — хотел бы, чтобы подобных приговоров было побольше. Генерал Биддл, бывший при Рузвельте генеральным прокурором, заявил свое несогласие с этим приговором, так же как и судьи Дуглас и Блэк.

Серконе: Мы протестуем против всего этого.

Нельсон: Вы первый упомянули об этом!

Председатель суда: Нет, ни слова не говорилось ни о мистере Бидdle, ни о мистере Дилворте, ни о ком другом.

Нельсон: Конечно, он не мог говорить об этом.

Председатель суда: Да, но и вы тоже не говорили...

Нельсон: Ваша честь, он говорил все, что хотел, и я

думал, что ни на йоту не выхожу за пределы своих законных прав, обсуждая процесс над 11 коммунистическими лидерами. Разговор об этом начало обвинение.

Председатель суда: Неприлично говорить о вещах, неизвестных присяжным.

Нельсон: *Вы это позволили делать обвинению, ваша честь.*

Председатель суда: *Я делал это ради одной-единственной цели...*

Нельсон: *Чтобы нанести мне вред, не так ли?..*

Председатель суда: *Не для того...*

Нельсон: Он спросил: «Знаете ли вы Юджина Денниса?» — «Да». Затем он спросил: «Знаете ли вы Бена Дэвиса?» — и перечислил всех остальных членов Национального комитета, осужденных в Нью-Йорке. Леди и джентльмены, цель упоминания всех этих имен заключалась в одном — сказать вам: предубежденные присяжные осудили их, поэтому вы должны вынести такое решение, какое хочет обвинение. Причина, почему я заговорил об этом, иная, леди и джентльмены! Я не стыжусь быть связанным с этими людьми: я хорошо знаю их. Они виновны не больше, чем я. Они против политики «холодной войны», вот их единственное «преступление». И если бы их послушались, если бы страна прислушалась к их словам, не было бы 100 тыс. убитых и раненых в результате этой губительной войны в Корее. Их предали суду в самом начале «холодной войны», они явились жертвами «охоты на ведьм». Но я убежден, что их точку зрения одобрит история.

Леди и джентльмены, всякие провокаторы много болтали на этом процессе о «секретности». Я уже говорил о том, что существует много организаций, которые допускают на собрания только своих постоянных членов. Такой порядок существует у масонов, у «Рыцарей Колумба», «Маккавеев», «Лосей», в профсоюзах. Большинство профсоюзов ставит у входа специального человека, который пропускает в зал только членов организации, за исключением особых случаев. А когда мы созываем собрания, открытые только для членов нашей партии, это считают большим преступлением.

Один из способов, которым обвинение извращает на этом процессе наши взгляды, лучше всего может быть показан

на примере того, как оно пыталось представить вам отношение Коммунистической партии к негритянской проблеме. Вы помните ответ моего свидетеля доктора Аптекера, который посвятил всю свою жизнь изучению этого вопроса. Его честность вне всякого сомнения. Хотя ему всего 36 лет, он написал восемь или десять книг и много брошюр, посвященных негритянской проблеме. Обвинение упоминало эти книги, хотя и не осмелилось предъявить их в качестве «доказательства».

Когда я спросил судью Мусманно относительно книг, обнаруженных в помещении Коммунистической партии, он сказал:

— О, эти книги были унижительны для Соединенных Штатов.

Помните, как я спросил его:

— А что вы скажете относительно книг Аптекера, которые были найдены там?

И спросил также:

— Не правда ли, что эти книги осуждали рабство и настаивали на предоставлении демократических прав негритянскому народу?

И Мусманно не ответил на эти вопросы. Они предоставили такому ничтожеству, как Кветик, заявить, что «мы использовали негритянский вопрос ради своей выгоды».

Леди и джентльмены, негры были привезены в эту страну более 300 лет назад; почти 250 лет они были рабами; и со времени отмены рабства, т. е. уже почти 100 лет, они были гражданами второго сорта.

Мы делали все, что в наших силах, чтобы покончить с дискриминацией, дать неграм право голоса и обеспечить им полное участие в нашей сегодняшней демократии.

Можно ли сказать, что это является осуждением нашей страны? Нет. Это осуждение того, что существует в стране и с чем должно быть покончено. Мистер Каритерс рассказал вам о борьбе, в которой он в составе различных комиссий принимал участие, борясь за то, чтобы негров принимали на работу в магазины, в конторы, в общественные учреждения округа и штата, т. е. туда, где они имели только формальное право служить. Негры получали работу в результате борьбы народа, в особенности рабочих, как белых, так и негров.

И нас обвиняют в том, что мы «используем эту проблему в наших выгодах»! Почему негритянскому народу не дают возможности пользоваться своими правами? Тогда бы никто «не использовал» эту проблему.

Но что в действительности скрывается за этим утверждением? А скрывается за этим то, что негры, по мысли расистов, якобы ниже других людей и «должны знать свое место». Этой «идеи» придерживался Гитлер и этой же «идеи» придерживаются Мусманно и Кветик. Вот почему они так оскорбительно отзываются о негритянском народе, утверждая, что кто-то может «использовать» его.

Каково было отношение мистера Серконе к Бону Каритерсу, когда тот давал свидетельские показания? Разве вы не заметили, что он оскорбил свидетеля, накричал на него? Если я иногда повышал голос, то у меня были уважительные причины кричать на этих лживых крыс. Обвинитель вел себя иначе в отношении белых свидетелей. Я перечитал стенограмму перекрестного допроса Бена Каритерса мистером Серконе. Почти за весь день он лишь дважды — ровно дважды — назвал его «мистером».

Леди и джентльмены, поведение прокурора на этом суде напоминает нравы невольничьих рынков, и только потому, что я и моя партия не можем мириться с этим, у него хватает смелости заявить, что мы желаем «использовать негритянскую проблему».

Когда Серконе приказали отойти от свидетельского места, после того, как Бен Каритерс не стал ползать перед ним на брюхе, на что надеялся Серконе, лучшее, что он мог придумать, это затронуть вопрос о так называемом осуждении Бена Каритерса по обвинению в лжесвидетельстве. 30 человек были невинно осуждены за то, что они собрали подписи под петицией с просьбой выдвинуть список кандидатов Коммунистической партии во время избирательной кампании 1940 года. Имена людей, которые подписали эту петицию, были опубликованы в питтсбургской «Пресс». Предприниматели вызвали этих людей и заявили им: «Вы поставили свою подпись под этой штукой?» И в результате десятки людей были вызваны в суд, на котором они под влиянием страха заявили, что не знали, что они подписывали.

Вы слышали утверждение Бена Каритерса, что все люди, подписавшие эту петицию, без всякого сомнения знали, что именно они подписывали, ведь мистер Каритерс в течение многих лет хорошо известен как коммунист. Он никогда не отрицал этого. И все же эти люди, боясь потерять работу, под влиянием запугиваний стали утверждать то, что требовал от них прокурор. И в результате 12 человек были посажены в тюрьму. Вот в чем заключается так называемое обвинение в лжесвидетельстве. Подоплека процесса заключалась в том, что политики не хотели допускать мою партию к избирательным урнам. Это лишний раз показывает вам, какую демократию имеет рабочий класс, как он ограничен в своих правах в наши дни, как политики используют любые пути, чтобы преградить дорогу рабочим и удерживать распространение их идей. Вот как Каритерс и другие попали в тюрьму за «лжесвидетельство».

Годом позже, леди и джентльмены, такой же суд происходил в Ридинге, но его решение было отменено Верховным судом.

Я хочу просить вас, чтобы вы вынесли решение по данному делу на основе того, что вы здесь слышали. Я прошу вас, 12 леди и джентльменов, дать беспристрастную оценку свидетельским показаниям и не позволить повлиять на себя «13-му присяжному». Вас только 12 в вашей ложе. Но существует и 13-й присяжный, хотя он физически и не находится среди вас. 13-й присяжный — это пристрастие. 13-й присяжный — это предубеждение. Он пытается оказать на вас давление теми факторами, которые не были затронуты на суде. 13-й присяжный — это фанатизм, узость взглядов, которые зачастую влияют на вердикт в таком деле, как это. 13-й присяжный — это боязнь, страх перед тем, что скажут люди, если вы будете голосовать против «народного требования» прокурора. 13-й присяжный — это ваш босс, на которого вы работаете, который держит вас в страхе тем, что может отобрать у вас работу, и который совершенно наверняка не относится ко мне дружелюбно.

Леди и джентльмены, я знаю, что нужна храбрость, для того чтобы голосовать за мое оправдание при подобных обстоятельствах, но я прошу вас действовать согласно вашей клятве и вашей совести. Вы — 12 присяжных — должны бу-

дете решить этот вопрос. Каждый из вас имеет независимые взгляды и свои убеждения. И я надеюсь, что вы будете настолько беспристрастны, чтобы придерживаться этих убеждений. Иными словами, моя жизнь находится в ваших руках. 20 лет человеческой жизни, моей жизни, в ваших руках вместе с жизнями моей семьи, моей жены, моих детей и моих друзей. И помимо этого, леди и джентльмены, не только моя судьба зависит от вашего решения, а куда более великие и важные вещи. Я имею в виду Билль о правах и американскую демократию, право думать и читать что хочешь, свободу слова.

Я не прошу вас соглашаться с моими взглядами на социализм. Когда я сам впервые услышал о социализме, много времени прошло, пока я понял, что это такое. Я не прошу вас судить о приемлемости социализма или коммунизма, не в этом суть. Единственное, о чем я прошу, это предоставить мне право придерживаться тех взглядов, которые кажутся мне правильными.

Если вы не согласны со мной по поводу корейской войны, даже и это не является предметом спора. Если вы считаете, что это правильная война, что ее следует продолжать, и это не предмет спора. Спор заключается в том: имею ли я право говорить «нет» и не соглашаться с вами или с кем-либо другим! Вот о чем идет спор на этом процессе!

Мы всегда были против судов над ересью в истории Америки. Мы всегда были против осуждения политических доктрин. И теперь этот вопрос встал перед нами. Хотите ли вы растворить дверь политическим процессам? Это очень важный вопрос, леди и джентльмены.

Я знаю, найдутся люди, которые скажут: «От меня не убудет, если я последую за Мусманно. Что может мне дать Нельсон?» Вот почему я опасаюсь 13-го присяжного. 13-й присяжный сказал бы: «Следуйте за Мусманно: это легче, вас не будут порицать за это».

Я предоставляю вам, леди и джентльмены, взвесить все и обсудить. Помните, что Мусманно затеял этот процесс потому, что рассчитывал, что он приведет к моему осуждению.

Я горжусь своей деятельностью. Правда, я не сделал столько, сколько сделали некоторые другие, но я старался как мог. В то время, когда я активно работал в Антрацитном

районе, в стране была ужасная депрессия — шахты были закрыты, заводы были закрыты. Угольные компании поднимали из шахт мулов и подкармливали их. Но шахтеры и их семьи не видели такой заботы. Их просто-напросто выбросили на улицу. Предприниматели смазывали бездействующие машины, чтобы сохранить их, чтобы они в любой момент были готовы для использования, но уволенные рабочие не имели денег на жизнь, если не считать их скудных сбережений или того, что они могли взять займы у своих друзей. В те дни я был одним из тех, кто боролся за пособие безработным.

Серконе: Ваша честь, я собираюсь возражать.

Председатель суда: Имеются показания о том, что он проводил определенную деятельность. Об этом свидетельствовал мистер Каритерс, так же как и некоторые другие свидетели.

...Каритерс говорил, что встретил меня в Гаррисбурге, если желаете, мистер Серконе, на ступенях Капитолия штата, в 1933 году — во время «голодного похода», как мы его тогда называли, похода безработных из Филадельфии, Питтсбурга, из Антрацитного района. Мы пришли, чтобы просить наши законодательные органы предпринять что-либо в связи с создавшимся положением.

О чем же мы просили тогда? Мы просили, чтобы богатые были обложены налогом с тем, чтобы, когда рабочие окажутся жертвами локаута, они могли получать пособие по безработице. Вот о чем мы просили. И я был арестован за то, что был настолько смел, что требовал этого в те дни!

Некоторые думали, что мы выжили из ума. Они спрашивали: «Что вы хотите? Чтобы вам платили, когда вы не работаете? Вы просто рехнулись!» Так говорили они. Но теперь мы получаем пособие по безработице. Люди принимают это как должное. Люди, которые не знают, как было завоевано это пособие по безработице, получают от него пользу. Коммунисты были в первых рядах этой борьбы. В самом деле, я был одним из первых национальных секретарей движения за предоставление пособий по безработице... Это было в 1939 году. В то время я был еще молодым профсоюзным работником.

Мы боролись против насильственных шерифских распродаж имущества. Люди теряли свои дома из-за того, что не

могли платить налогов. Мы предложили, чтобы правительство предприняло что-нибудь в связи с этим. Найти миллиарды долларов на войну не составляло никакого труда, но когда мы просили один миллиард на пособия, газеты завопили: «Это ужасно!»

Это «социализм». Такова была деятельность, в которой я принимал участие. Обвинение обещало доказать, что я сражался в Испании и что я был оргсекретарем организации, известной под названием «Американская лига борьбы против войны и фашизма». Наша программа еще в то время призвала к тому, чтобы остановить гитлеров, и тодзио, и муссолини; и я принимал активное участие в этой работе.

В то время крупные концерны продавали металлический лом Японии. Мы предупреждали, что этот лом упадет на наши головы, если Тодзио, Гитлер и Муссолини не будут остановлены. Некоторые люди считали, что мы выжили из ума, когда настаивали на своем. Но вы знаете, что произошло. А ведь мы могли остановить разгул фашизма и войны. Вместе с 3 тыс. американцев я был добровольцем в войне против Франко в Испании. Обвинение говорит, что мой отъезд в Испанию — это преступление; но я весьма горжусь тем, что сражался в Испании. Люди, близкие к обвинению, поддерживали Франко. Мы сражались против него.

Когда вы взвесите все это, спросите самих себя: «Может ли человек, который всегда честно работал, который известен многим людям, который читал и продолжает читать те же книги и который в основном делал то же самое, что он делает и теперь, — может ли он вдруг так сразу стать преступником?» Обвинение не привело никаких доказательств того, что моя нынешняя деятельность чем-либо отличается от того, что я делал в прошлом. Меня и прежде пытались притянуть к суду. На этот раз они решили добиться своего.

В этом судебном зале меня лишили юридической помощи. Я не изучал право, никогда в жизни не открывал юридических книг до тех пор, пока мне не пришлось явиться на этот суд без адвоката. Я был болен, леди и джентльмены, когда начался процесс. Я до сих пор плохо чувствую себя, но я боролся как только мог.

Если бы вы, леди и джентльмены, оказались на моем месте, если бы прокурор швырнул вам в лицо это чудовищ-

ное обвинение, вы бы тоже не утерпели и не сидели бы спокойно на месте. Вы не можете винить меня за то, что я ненавижу обвинение. На стороне обвинения — работа, и деньги, и рэкет; с моей стороны — это борьба за мою жизнь, за мои принципы, за нашу демократию.

Я не собираюсь приносить извинений за мои взгляды. Я хочу, чтобы вы поняли это. Мои политические идеи и убеждения сильны и имеют глубокие корни. Леди и джентльмены, если бы мне представился случай прожить свою жизнь сызнова, я уверен, что не захотел бы изменить ее. Я бы не избрал иного пути, ибо то, за что я стою, останется в веках. То, за что стоит обвинение, будет сметено со страниц истории.

Да, я могу открыто взглянуть в лицо любому человеку; мне не надо смотреть в потолок, как Краучу, который продался за 34 сребреника. Я не должен просить о защите со стороны суда, как Кветик, который крутился, юлил и не мог ответить на вопросы. Или как Мусманно, который должен был обратиться к суду с просьбой защитить его достоинство.

Леди и джентльмены, я стою в одном ряду с руководителями моей партии, которые были невинно осуждены таким же образом, каким осудили меня. Я не собираюсь отрекаться ни от своих взглядов, ни от своих друзей, даже если бы думал, что такое отречение могло бы изменить картину процесса. Мы всецело преданы народу Америки, американским рабочим, — вот почему поджигатели войны засадили нас на скамью подсудимых. Я стою рядом с моими вождями.

В вашей власти, леди и джентльмены, остановить эти политические процессы, эту «охоту на ведьм». Не думайте, что это должны рептать высшие суды. В вашей власти решить так, чтобы не было больше «охоты на ведьм» и чтобы люди, со взглядами которых вы не согласны, не были бы повешены или брошены в тюрьмы за свои взгляды или за то, что вы не согласны с ними.

Все это в ваших руках. Дайте мне право продолжать проповедовать социализм, защитите мои права бороться за мир. Дайте мне мое право бороться за демократическую Америку, за то, что — я верю! — будет новым братством людей.

(Стив Нельсон, «13-й при-
саяжный (подоплека моего процес-
са)», М., 1957, стр. 262—310.)

Нельсон был приговорен к 20 годам тюрьмы за «подстрекательство к мятежу» и еще на 5 лет за «неуважение к суду». Вот что рассказывает он о том, как присяжные выносили свой обвинительный вердикт:

«То, что фактически произошло в ночь перед тем днем, когда присяжные должны были приступить к вынесению вердикта, является одним из самых потрясающих событий в длинной цепи проявлений фашизма, сопутствовавших процессу.

Здесь я впервые сообщаю об этом.

Отсутствующий присяжный, «попавший в аварию», которого разыскали детективы и доставили в суд, часто посещал один клуб в той части города, где он проживал. У него вошло в привычку делиться своими впечатлениями о процессе и рассказывать о том, как продвигается дело. Однажды, находясь в клубном баре, он заявил, что «Нельсон не виновен» и что он будет голосовать за мое оправдание, хотя и не согласен с моими взглядами.

В вечер перед тем днем, когда присяжные должны были приступить к совещанию, этот человек в клубе за кружкой пива снова высказал мысль, что «Нельсон не виновен».

Около полуночи он отправился из клуба домой. Когда он свернул на свою улицу, на него вдруг набросились четверо людей, швырнули его на землю и стали избивать, проклиная и понося всеми словами.

— Паршивый ублюдок! — крикнул один, перекрывая вопли присяжного о помощи. — *Это научит тебя, как нужно голосовать!*

Но и это еще не конец. При

первой баллотировке четверо присяжных проголосовали за то, что я не виновен. Это вызвало долгие и горячие споры. Кое-кто из присяжных, «засучив рукава», начал произносить тирады, призывающие к травле «красных», и угрожать тем, которые не соглашались с прокурором. Эти раздоры продолжались много часов подряд, но когда пришло время объявить перерыв на ночь, четверо присяжных, голосовавших за мое оправдание, по-прежнему стояли на своем.

На следующее утро борьба возобновилась. Первыми «сдались» две женщины-присяжные, голосовавшие за мою невиновность. А вскоре и третий — дряхлый старичок — отказался от борьбы и объявил о готовности изменить свое решение. Таким образом, тот самый присяжный, который был избит в предыдущую ночь, остался в одиночестве, но по-прежнему твердо стоял на своем: «Нельсон не виновен».

Те трое, которые сдали свои позиции, сохраняли молчание, но остальные, охваченные жадой крови, стали оскорблять моего заступника, грозя ему физическим насилием. Под влиянием этого натиска его нервы сдали, и с ним началась истерика. О происходящем в совещательной комнате сообщили судебному приставу, и он, с ведома судьи, вызвал врача из окружной тюрьмы. Доктор прописал успокоительные лекарства. И, наконец, после 26 часов пререканий, а не совещания, во время которых на присяжного оказывалось физическое, моральное и медицинское воздействие, был принужден под угрозой дубинки проголосовать «виновен» и последний присяжный.

Я ничего не знал о ночном нападении на присяжного. Судья не информировал меня ни о конфликте в совещательной комнате, ни о том, что к одному присяжному пришлось вызвать врача, хотя он был обязан поставить меня в известность обо всем, так как я действовал в качестве своего собственного адвоката.

Что скажут теперь судья Мусманно, его племянник прокурор Серконе и прочие, инсценировавшие этот процесс?

Вот как фабрикуются обвинительные вердикты в нашу эру маккартистских фашистов, в эру «охоты на ведьм», в эру, когда провокаторы ФБР вызываются в суд в качестве свидетелей. В наши дни не только обвиняемые, но даже честные люди, исполняющие свой гражданский долг присяжных, находятся в опасности,

могут полатиться жизнью и подвергнуться избиению. Вот как я был приговорен к 20 годам тюрьмы за «подстрекательство к мятежу», да еще на 5 лет за «неуважение к суду». И если они осудили меня, почему же они не могут осудить и вас?..».

(Стив Нельсон, 13-й присяжный, стр. 260.)

Приговор питтсбургского окружного суда был отменен Верховным судом штата Пенсильвания. Но прокурор штата опротестовал это решение перед Верховным судом США. В июне 1955 года Нельсон был обвинен в нарушении закона Смита и филадельфийский окружной суд приговорил его к пяти годам заключения. В октябре 1956 года Верховный суд США постановил пересмотреть «дело Нельсона». Противозаконные приговоры были отменены.

ЕЩЕ РАЗ ФОЛИ-СКВЕР

В начале 1953 года на Фоли-сквер состоялся еще один процесс деятелей Коммунистической партии США. На сей раз по обвинению в нарушении пресловутого закона Смита были привлечены еще 13 руководящих деятелей Компартии. Это старейшая деятельница партии Элизабет Гарли Флинн (ныне лауреат международной Ленинской премии за укрепление мира и дружбы между народами), Петтис Перри, Александр Биттлман, Александр Трахтенберг, Уильям Унистоун, В. Дж. Джером, Арвольд Джонсон, Бетти Гарнет, Альберт Лэннон, Луис Вейнсток, Джекоб Майндл, Джордж Блейк Гарли и Клодия Джонс.

Этот от начала до конца сфальсифицированный процесс

окончательно опозорил перед всем миром американскую юстицию. Выдуманные обвинения «подкреплялись» подкупленными «свидетелями». Один из таких свидетелей — Х. Матусоу — бывший член Компартии США, в конце концов отказался давать лживые показания. Он открыто выступил в печати с признанием, что нарочно, за плату давал вымышленные показания на суде. В книге *«Лжесвидетель»* он подробно рассказал о том, как вместе с помощником прокурора США Роем Коном покупал марксистскую литературу, как подбирал цитаты, чтобы обосновать положение, будто коммунисты говорят одно, а на деле подразумевают другое. Вот отрывок из его книги, ярко характеризующий обстановку на суде:

«Накануне своего выступления в суде я сказал в шутку:

«А что если я заявлю завтра в суде, что меня запугали и силой принудили давать показания?»

Один из прокуроров посмотрел на меня и проговорил:

«Попробуйте, если хотите проверить, как мы к этому отнесемся. Но боюсь, что в завтрашнем номере газеты мы увидим тогда заголовок: «Свидетель покончил жизнь самоубийством, бросившись с шестого этажа здания суда Соединенных Штатов», — или что-нибудь в этом роде».

Мы все немало посмеялись над этой шуткой. Но любопытно то, что ни они, ни я не могли знать, было ли это

действительно шуткой и с той и с другой стороны. Во всяком случае, я не собирался проверять это на деле.

Впервые мне приходилось давать показания в присутствии людей, которых я знал лично. Мне было очень трудно смотреть им в глаза. Клодия Джонс, Джордж Блэйк и все остальные... В Нью-Йорке в это время было очень жарко, и вентиляторы в зале суда работали на полную мощность, но я, тем не менее, весь покрылся испариной.

Правительственный обвинитель Дэвид Маркс возразил во время процесса против какого-то замечания противной стороны. Сразу же разгорелся спор между судьей Эдвардом Димоком и Джоном Мактернаном, защитником руководителей Коммунистической партии. «Ну вот, опять начинается», — подумал я. Адвокаты спорили, судья слушал, а мысли мои блуждали.

Я взглянул на обвиняемых, сидевших в противоположном конце зала. Все лица были мне хорошо знакомы. Клодия Джонс глядела на меня с ненавистью, Александр Трахтенберг отвернулся.

Каждый раз, когда Риган задавал мне вопрос, я тщательно взвешивал заученные мною ответы. Отвечая, я глядел на женщин-присяжных и всячески старался произвести на них впечатление.

Рассказывая о том, что я был ветераном второй мировой войны и войны в Корее, я наблюдал за их лицами. «Слушайте, слушайте внимательно, ведь я мог быть вашим сыном. Осудите этих людей, их место — в тюрьме», — таков был подтекст всех моих показаний.

Я менял костюм каждый раз, когда давал показания в суде. Я предусмотрел каждую мелочь своего внешнего вида.

Я упорно старался не замечать зрителей в зале. Многих из них я знал, когда был членом Коммунистической партии. День за днем, на каждом заседании, утреннем и вечернем, лица зрителей менялись, но и новые лица были мне знакомы.

Мне казалось, что это делалось Коммунистической партией сознательно, с тем чтобы пробудить во мне угрызения совести. И этот план — если только он существовал не только в моем воображении — частично удался. Но он также имел и другие последствия. Чем отчаяннее я боролся со своей совестью, видя в зале знакомые лица, тем сильнее я озлоб-

лялся, тем упорнее защищался, и мои показания становились все более убийственными.

Однако меня ожидало несколько «сюрпризов». Я предполагал, что буду работать с «дружественным судьей», одних со мною взглядов. Но меня, так же как и все обвинение, ждало разочарование.

Не раз мне приходилось слышать, как судью Димока называли «дурьей башкой» или говорили о нем: «Этот сукин сын так же подходит для ведения этого процесса, как человек, свалившийся с луны».

Процесс проходил не так, как его запланировали правительственные обвинители. Судья оказался слишком справедливым и беспристрастным, и это создавало трудности для обвинения. Обвинители были обеспокоены тем, что судья отклонял некоторые их возражения и поддерживал возражения защиты. Они то и дело вступали в пререкания с судьей и утверждали, что он недостаточно компетентен для ведения этого дела.

В тот день, когда судья Димок прекратил дело двух обвиняемых — Симона Герсона и Исидоры Биган, обвинители разразились градом ругательств и проклятий по его адресу.

Я, со своей стороны, тоже не питал к судье никакой симпатии. Он мешал мне, то и дело прерывал мои так хорошо заученные показания.

Аппарат обвинения не проявлял никакого уважения и к адвокатам защиты. Среди защитников был негр, по имени Джеймс Райт, которого они называли «Белоснежный Райт».

Правительственные обвинители совершенно серьезно спросили меня, не могу ли я показать, что некоторые из адвокатов защиты являются членами Коммунистической партии. Если эти показания, сказали они, будут занесены в протокол, они окажут свое действие на присяжных. Эту услугу я им оказать не мог. Но во всем, что касалось искажения истины и превращения ее в нечто совершенно неузнаваемое, мне не было равных.

Я должен был дать показания в отношении «фактов», подтверждающих виновность каждого обвиняемого. Я не мог выражать свое личное мнение, как делал это в комиссиях Конгресса. Я должен был припомнить разговоры или выступления обвиняемых. Моя задача облегчалась тем, что мне

достаточно было изложить общий смысл высказываний обвиняемого.

Я дал показания о встрече с обвиняемым Петисом Перри. Встреча эта произошла на обеде, на котором присутствовали лица, распространявшие подписку на газету «Дейли уоркер».

В суде имел место следующий диалог.

Вопрос: встречались ли вы в декабре 1948 года с Петисом Перри?

Ответ: Да, встречался.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, где произошла эта встреча?

Ответ: В ресторане на Юниверсити-Плейс.

Вопрос: Можете вы объяснить нам, почему вы присутствовали на этом обеде?

Ответ: Да, могу.

Вопрос: Почему же?

Г-н Мактернан: Ваша честь, я возражаю против этого вопроса, он несуществен, не относится к делу и заставляет свидетеля высказать свое личное мнение и свои личные выводы.

Суд: Возражение принято.

Вопрос: Г-н Матусоу, выступал ли г-н Перри с речью?

Ответ: Да, выступал.

Вопрос: Не расскажете ли вы нам, что он говорил? И, пожалуйста, обратите ваше внимание на...

Г-н Риган: Хорошо, я снимаю вопрос.

Я стал извращать все слова Перри относительно необходимости более влиятельной газеты и более мощной Коммунистической партии, интерпретируя их как призыв к насилию. Будучи и сам негром, Перри говорил о том, что необходимо покончить с дискриминацией негров. Но в моей интерпретации это превратилось в зловеющий заговор коммунистов, направленный на создание негритянского государства, на территории которого, согласно моим показаниям, всех белых предполагалось уничтожить.

Я взглянул на обвиняемого Арнольда Джонсона и тут же по-новому осветил его выступление на организационном собрании новой марксистской молодежной группы. Джонсон никоим образом не призывал к низвержению правительства, но мои показания в суде оставили именно такое впечатление.

Другой обвиняемый, Джордж Блэйк, был моим начальником, когда я работал в комитете Коммунистической партии графства Нью-Йорк. Я дал показания о встрече с Джорджем Блэйком, во время которой он рассказал мне о положении в Пуэрто-Рико, куда была устроена для меня поездка газетой «Дейли уоркер». Блэйк говорил только о плачевных экономических условиях Пуэрто-Рико, о которых знает любой человек, знакомый с этой территорией. Но и в этом случае я извратил слова Блэйка так, чтобы можно было выставить его в качестве заговорщика...

В течение недели меня подвергали прямому и перекрестному допросу. Вопросы защитников действовали на меня, как удары молотка, но каждый раз я находил крепкую поддержку в лице прокуроров, и мои показания дали тот результат, на который мы рассчитывали».

(Х. Матусоу, «Лжесвидетель», М., 1956, стр. 154—160.)

В начале февраля 1953 года перед оглашением приговора обвиняемые выступили с заявлениями, в которых показывали, что творимый над ними суд был судом лишь по форме. На деле же это была классовая расправа американских монополистов с

передовыми представителями рабочего класса страны. Обвиняемые использовали скамью подсудимых как трибуну для разоблачения преступной политики американских правящих кругов. Первой выступила Элизабет Гарли Флинн.

Из заявления Э. Флинн

Ужасно, сказала Флинн, видеть Соединенные Штаты под тенью «бесполезной, глупой завесы страха», созданной правящим классом, который расходует миллиарды долларов на вооружения из-за боязни растущего стремления к свободе всех народов мира. Флинн заявила, что, несмотря на все попытки «заглушить голос истины», наступит время, когда американский народ поймет, что подлинными его врагами являются «люди, готовые развязать войну в надежде распространить свою дурную корыстную власть на весь мир».

Война не является неизбежной, заявила Флинн и продолжала: «Я горжусь той ролью, которую мы, коммунисты нашей страны, вместе с коммунистами всего мира играем в борьбе за мир... Я спокойно смотрю в лицо будущему, ибо знаю, что мы победим. Мы знаем, что миллионы американцев разделяют нашу ненависть к фашизму и войне и хотят мира».

Отметив, что прежние репрессивные законы — закон о беглых рабах, а также законы об иностранных врагах и подстрекательстве к бунту — были отброшены американским народом, Флинн заявила, что закон Смита также будет выброшен и «простой народ освободится от пелены страха, окутывающей жизнь людей. Хотя нас могут заставить временно замолчать, вместо наших голосов раздадутся другие голоса»...

«Идеи мира, свободы и социализма не умрут, когда вы нас бросите в тюрьму. Это идеи нашей партии, и исходят они из политических и экономических условий в нашей стране. Другие люди — живые носители этих идей — займут наше место. Силы демократии и мира победят».

(«Правда» 6 февраля 1953 г.)

Из заявления П. Перри

«Нашу страну толкают к войне против воли народа. Ее толкают люди, располагающие богатством и властью, владеющие и управляющие страной... Этот процесс — результат их подготовки к войне... Правительство США хочет сделать суд на Фоли-сквер символом всех тех, кто выступает против войны... Мы находимся здесь не потому, что мы совершили какие-либо преступления, а потому, что мы придерживаемся убеждений, которые не по вкусу 60 семействам, владеющим нашей страной, потому, что мы постоянно боремся за мир и дружбу между народами, потому что мы выступаем против планов воротил Уолл-стрита, которые жиреют и богатеют благодаря войне и эксплуатации...»

Коммунистическая партия посвятила себя не целям уничтожения и убийства, а жизни и прогрессу; она верит в необ-

ходимость и неизбежность социалистического переустройства общества в Соединенных Штатах.

Этот суд — военный суд. Мы находимся здесь потому, что наша партия делает все, что в ее силах, для того, чтобы помочь народу осознать опасность фашизма... Мы находимся здесь потому, что наша партия доказала, что она является борцом за права для негров. Нас судят потому, что наша партия — это партия социализма.

(«За прочный мир, за народную демократию» 6 февраля 1953 г.)

«Правящему классу, возможно, удастся запретить нашу партию, но ему не удастся уничтожить ее, так же как это не удалось Гитлеру, Муссолини и японской секретной полиции. Вы не можете уничтожить Компартию с помощью таких инсценированных судебных процессов, ибо Компартия нерушима и своими корнями она уходит в массы американского народа».

«Эти судебные инсценировки организованы силами, которые создают в Америке полицейское государство. И это полицейское государство идет к фашизму. Я уверен, что американский народ остановит фашизм. Я горжусь тем, что борюсь за принципы марксизма-ленинизма».

(«Правда» 6 февраля 1953 г.)

Все обвиняемые были признаны «виновными» и осуждены

к различным срокам тюремного заключения и штрафам.

ПОЗОРНОЕ СУДИЛИЩЕ В АЛЖИРЕ

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1954 г. в горном районе Аурес, в Алжире, вспыхнуло восстание. Задавленные французским колониальным гнетом, алжирские патриоты решительно выступили на защиту своих прав, против расовой сегрегации, оскорблений, нищеты и издевательств. На восставших французские империалисты бросили полумиллионную армию, вооруженную современными танками и самолетами. Запылали алжирские города и деревни. До сотни тысяч алжирцев были брошены в концентрационные лагеря. пытки и массовые расстрелы стали обычным явлением.

Военные репрессии сопровождались политическими. В стране было введено чрезвычайное положение, позволяющее применять против повстанцев самые бесчеловечные меры. Были запрещены прогрессивные организации. Демократическая пресса подверглась преследованию.

10 сентября 1955 г. был объявлен декрет о запрещении Коммунистической партии Алжира. Начались аресты лидеров Ком-

партии. В период с апреля по июнь 1957 года колонизаторы арестовали и бросили в тюрьму секретаря Коммунистической партии Алжира Ахмеда Аккаша и его соратников Мориса Одэна, Андре Муана, Поля Кабальеро, Анри Аллега. Около трех лет провели они в заключении, ожидая суда. Ни бесчеловечные пытки, ни издевательства не сломили волю коммунистов. Никто из них, в том числе и замученный до смерти Морис Одэн, не сказал палачам ни одного слова, могущего повредить своим товарищам.

Главным обличением колониализма прозвучала на весь мир небольшая книжка Анри Аллега *«Допрос под пыткой»*, в которой он рассказал лишь об одном месяце заключения в тюрьме Эль-Биар. Вот небольшой эпизод, приведенный в книге. Лейтенант парашютистов, арестовавших Аллега, Ша... (фамилии лиц, указанных автором, французское издательство «Минюль» не решилось опубликовать полностью) ведет Аллега на допрос.

«Вслед за Ша... я вошел в большую комнату, на третьем или четвертом этаже, — гостиную будущей квартиры. Несколько сборных столов, на стене — увеличенные фотографии разыскиваемых лиц, полевой телефон — вот и вся обста-

новка. Около окна стоял лейтенант. Позже я узнал, что его зовут Ир... Это был человек медвежьего сложения, с невероятной маленькой для такого большого тела головой, припухшими глазами невыспавшегося младенца и тонким, со слащавыми и сюсюкающими интонациями голосом.

— Мы даем вам шанс на спасение,— сказал Ша..., повернувшись ко мне.— Вот бумага и карандаш. Вы нам скажете, где живете, кто вас приютил после перехода на нелегальное положение, что за люди, которых вы встречали, в чем состояла ваша деятельность...

Все это было сказано вежливым тоном. С меня сняли наручники. Я повторил этим двум лейтенантам то же, что уже говорил Ша... в машине. Я сказал:

— Я перешел на нелегальное положение, чтобы не быть арестованным, так как знал, что принято решение о моем аресте. Я занимался и по-прежнему занимаюсь делами своей газеты. С этой целью я встретился в Париже с господами Ги Молле и Жераром Жаке. Я ничего не скажу больше. Я ничего не буду писать, и не рассчитывайте, что я выдам тех, кто имел мужество меня приютить.

По-прежнему улыбаясь и абсолютно уверенные в себе, оба лейтенанта многозначительно переглянулись. Затем Ша... сказал:

— Я думаю, бесполезно тратить время.

Ир... согласился с этим. В глубине души я был того же мнения. В сущности, если предстояла пытка, то имеет ли значение, будет она раньше или позже? Чем ждать, лучше узнать самое худшее немедленно.

Ша... подошел к телефону:

— Подготовьте команду. Это для «крупной дичи» и скажите Ло..., чтобы пришел сюда.

Через некоторое время в комнату вошел Ло... Лет 25, маленький, смуглый, горбоносый, с прилизанными волосами и узким лбом, он подошел ко мне и, улыбаясь, сказал:

— Это и есть мой клиент? Идите за мной.

Я прошел вперед. Спустившись этажом ниже, я вступил в маленькую комнату слева по коридору — кухню будущей квартиры. Раковина, другая — фаянсовая с навесом — простой металлической рамой без стекол. В глубине — дверь на балкон, забитая кусками картона, который затемнял комнату.

— Раздевайтесь,— сказал Ло... и, так как я не слушался, добавил: — Если не сделаете сами, вас разденут силой.

Пока я раздевался, мимо комнаты сновали парашютисты, с любопытством посматривая на «клиента» Ло... Один из них блондин с парижским выговором, просунул голову в незастекленную дверь:

— Поглядите, ведь это француз. Он предпочел иметь дело не с нами, а с алжирскими ублюдками. Позаботься о нем, Ло...

Ло... положил на пол черную сырую и грязную доску со следами рвоты, оставленными, вероятно, прежними «клиентами»:

— Ложитесь!

Я вытянулся на доске. С помощью другого парашютиста Ло... привязал меня к доске ремнями за кисти рук и лодыжки. Я наблюдал за Ло... снизу. Он стоял надо мной в позе победителя, расставив ноги и подбоченясь. Не сводя с меня глаз, он пытался, как и его начальники, смутить меня.

— Послушайте,— сказал он с акцентом жителя Орана,— лейтенант дает вам возможность немного подумать, но затем придется говорить. Когда мы берем в работу европейцев, то обращаемся с ними покруче. И все начинают говорить. Вам придется все сказать — не частицу правды, а все, слышите, все!

Тем временем «синие береты» вокруг меня старались перешеголять друг друга в остроумии:

— Почему друзья не спешат к тебе на помощь?

— Посмотрите, как разлегся этот парень. Что он делает? Отдыхает?

— Нечего терять время с такими типами,— заявил другой еще более злобным тоном.— Будь моя воля, я бы покончил с ним сразу.

Из-под балконной двери дул ледяной ветер. Лежа голым на влажном полу, я начал дрожать от холода. Улыбаясь, Ло... спросил:

— Вам страшно? Вы хотите говорить?

— Нет, мне не страшно, мне холодно.

— Так вы еще бравируете, а? Это быстро пройдет. Через четверть часа заговорите, как миленький.

Я молча лежал среди забавлявшихся и оскорблявших меня парашютистов и старался сохранять полное спокойствие. Наконец в комнату вошли Ша..., Ир... и капитан. Высокий, бледный, с тонкими губами и шрамом на щеке, изящный и молчаливый — таков был этот капитан Де...

— Так вы подумали? — этот вопрос мне задал Ша...

— Я не изменил своего решения.

— Отлично. Ему придется подумать. — И, обращаясь к другим, он продолжал: — Лучше перейти в соседнюю комнату, там светло и будет удобнее работать.

Четверо парашютистов схватили доску, к которой я был привязан, и перенесли в соседнюю комнату против кухни. Там они положили меня на цементный пол. Офицеры собрались вокруг, усевшись на ящики, которые принесли их люди.

— Так вот, — сказал Ша..., по-прежнему совершенно уверенный в том, что добьется желаемого, — мне нужна бумага и картон или что-нибудь твердое, чтобы подложить под нее.

Ему протянули планшет, который он положил рядом с собой... Взяв из рук Лю... магнето, он поднял его на уровень моих глаз и сказал, повертев у меня перед глазами аппарат, много раз описанный теми, кто подвергался этой пытке.

— Ты, конечно, знаешь, что это такое, не правда ли? Ты, наверное, часто об этом слышал? Даже писал об этом статьи?

— Вы напрасно применяете такие методы. Вы убедитесь в этом. Если вы можете меня в чем-нибудь обвинить, передайте в руки правосудия. На это вам дано 24 часа, и еще прошу меня не «тыкать».

В ответ вокруг раздался хохот.

Я отлично знал, что этот протест ничему не поможет и что в подобных условиях было бы смешно требовать уважения закона от этих мерзавцев. Но мне хотелось дать им понять, что меня не запугали.

— Начали, — сказал Ша...

Один из парашютистов сел мне на грудь. Это был брюнет с вздернутой верхней губой, с широкой улыбкой мальчишки, который собирается выкинуть веселую штуку... Мне пришлось позднее с ним встретиться у следователя во время очной ставки. Это был сержант Жа... Еще один парашютист (оранец по выговору) оказался слева, третий — у моих ног,

а офицеры — вокруг. В комнате были и другие парашютисты, не занятые делом, но желающие, по всей видимости, полюбоваться интересным зрелищем.

Все время улыбаясь, Жа... двигал перед моими глазами зажимами, которыми оканчивались электроды. Это были маленькие блестящие стальные щупальцы, продолговатые и зазубренные, так называемые «крокодилы», как говорят телефонисты, которые ими пользуются. Он зацепил одним из электродов мочку моего правого уха, а другим притронулся к пальцу правой руки.

Я всем телом резко рванулся вверх в своих путах и закричал во весь голос. Ша... послал мне в тело первый электрический разряд. Рядом с моим ухом вспыхнула длинная искра, и я почувствовал, как в груди затрепетало сердце. Я рвался и кричал, грозя сам нанести себе увечье, между тем как электрические разряды от магнето в руках Ша... следовали один за другим без остановки. В том же ритме Ша... скандировал один и тот же вопрос:

— Где ты скрывался?

Между двумя такими рывками я повернулся к нему и сказал:

— Вы поступаете незаконно, и вы в этом раскаетесь.

Разъяренный Ша... до конца повернул реостат магнето.

— Всякий раз, когда ты станешь читать мораль, — сказал он, — я буду вкатывать тебе усиленную дозу.

Я продолжал кричать, а он сказал, обращаясь к Жа...:

— Господи боже, какой крикун! Заткните ему чем-нибудь рот.

Свернув кляп из моей рубахи, Жа... втолкнул мне его в рот, и попытка продолжалась. Я сдал из всех сил зубами ткань, чувствуя почти облегчение. Неожиданно я почувствовал такую боль, словно дикий зверь вцепился зубами в мое тело и рвет его в клочья. Стоя надо мной и по-прежнему улыбаясь, Жа... переместил зажим на мой половой орган. Я с такой силой вырывался из сдерживающих меня пут, что ремни, которыми была привязана одна из моих ног, в конце концов развязались. Попытку остановили на минуту, чтобы привязать меня, и затем они начали сызнова.

На смену Жа... вскоре пришел лейтенант. Он вооружился одним из электродов и стал двигать им вдоль моей груди.

Я был совершенно измучен этими встрясками, которые продолжались одна за другой. Для того чтобы увеличить силу тока, меня полили водой, и в перерывах между очередной порцией электричества я дрожал от холода. Сидя вокруг меня, Ша... и его друзья пили пиво. Чтобы избежать судорог, которые сводили все мое тело, я еще сильнее впивался зубами в кляп. Тщетно.

Наконец они остановились.

— Хватит. Развяжите его.

«Первый сеанс» кончился.

Я встал, пошатываясь, надел брюки и куртку. Ир... стоял передо мной. Мой галстук лежал на столе. Он взял его, набросил мне на шею, как веревку, и посреди раскатов смеха потянул меня, как потянул бы собаку, к ближайшему столу.

— Ну, как,— сказал он,— тебе этого достаточно? Нет, тебя так не отпустят. На колени!

И своими огромными лапами он стал хлестать меня по щекам. Я упал на колени, но не был в состоянии держаться прямо. Я качался то влево, то вправо. Удары Ир... как бы поддерживали равновесие.

— Ты будешь говорить? Послушай, мерзавец, ты же подохнешь здесь!

— Приведите Одэна,— сказал Ша...— Он в другом здании.

Ир... продолжал избиение, а другой офицер, сидя на столе, присутствовал при этом спектакле. Очки давно соскочили у меня с носа. Моя близорукость еще больше усиливала ощущение нереальности, кошмара, против которого я старался бороться, страшась только одного, что моя воля будет сломлена.

— А ну, Одэн, скажите ему, что его ожидает. Избавьте его от тех ужасов, которые вы пережили вчера!

Это говорил Ша... Ир... поднял мне голову. Я увидел бледное и суровое лицо моего друга Одэна, который смотрел на меня, в то время как я покачивался на коленях.

— Да ну же, говорите,— сказал Ша...

— Это нелегко, Анри,— сказал Одэн. И его увели.

Ир... рывком поднял меня. Он был вне себя.

— Послушай, мерзавец, ты будешь говорить! Слышишь? Ты будешь говорить!

Он приблизил свое лицо к моему, почти касаясь его, и рычал:

— Ты будешь говорить! Здесь все должны говорить! После войны в Индокитае мы хорошо вас знаем. Здесь гестапо! Ты знаешь, что такое гестапо? — затем ироническим тоном добавил: — Ты писал статьи о пытках, а? Негодяй! Вот теперь эти пытки применяет к тебе 10-я дивизия парашютистов!

Позади меня раздался смех палачей. Ир... продолжал молотить меня по лицу кулаками, бил в живот коленкой.

— То, что делают здесь, будет и во Франции. То, что делают с тобой, сделают и с твоим Дюкло, и с твоим Миттерраном. Твоя шлюха-республика полетит ко всем чертям! Клянусь, ты заговоришь!

На столе лежал кусок твердого картона. Он схватил его и начал им бить меня. С каждым ударом оупение мое все усиливалось, но одновременно я укреплялся в решимости не уступать этим палачам, которые хвастались тем, что они наследники гестапо.

— Хорошо же! — сказал Ша... — Ты этого хотел! Тебя отдадут хищникам.

«Хищниками» называли тех, кого я уже знал, но им предоставлялась возможность еще шире проявить свои таланты.

Ир... потащил меня в комнату, где были доска и магнето. Я успел заметить голого мусульманина, которого пинками заставили подняться и погнали по коридору. В то время как Ир..., Ша... и другие занимались мною, остальная часть команды продолжала свою «работу» с доской и магнето. Чтобы не терять времени, они «допросили» еще одного «подозрительного».

Ло... привязал меня к доске. Начинался новый сеанс пытки электричеством.

— На этот раз познакомишься с «большой Жежен», — сказал он.

В руках своего мучителя я увидел большой аппарат, а затем почувствовал на себе разницу в силе, с которой он действовал. Вместо острых и быстрых уколов, которые, ка-

залось, раздирали мое тело, на смену пришла более сильная боль, которая словно проникала глубоко во все мои мускулы и яростно напрягала их. Я весь сжался, стараясь как можно крепче сжимать челюсти и держать глаза закрытыми. пытка прекратилась, но я продолжал нервно дрожать.

— Ты умеешь плавать? — спросил Ло..., склонившись надо мной. — Тебя научат. Тащите его к крану!

Подняв доску, к которой я был по-прежнему привязан, палачи перенесли меня на кухню. Там они положили на раковину тот конец доски, на котором лежала моя голова. Двое или трое парашютистов держали другой конец. Кухня освещалась лишь светом, проникавшим из коридора. В полумраке я различил Ир..., Ша... и капитана Де..., который, вероятно, возглавил операцию. К никелированному крану, блестящему над моим лицом, Ло... прицепил резиновый шланг. Он обернул затем мою голову тряпкой. Де... сказал ему:

— Положите ему что-нибудь в рот.

Через тряпку Ло... защебил мне нос. Он постарался затолкнуть мне кусок дерева между губами, чтобы я не мог закрыть рот и выбросить шланг.

Когда все было готово, он мне сказал:

— Если захочешь говорить, пошевели только пальцем.

И он открыл кран. Тряпка быстро набухла. Вода текла всюду — в рот, в нос, по лицу. Но временами я мог еще изредка глотать воздух. Я старался пропускать в рот возможно меньше воды и сопротивляться удушью, как можно дольше удерживая воздух в легких. Но это удалось лишь в течение нескольких секунд. Мне показалось, что я тоню, и ужасный страх, страх смерти, охватил меня. Помимо воли все мои мускулы стремились воспрепятствовать удушью. Пальцы на обеих руках невольно зашевелились.

— Готово! Он будет говорить, — сказал чей-то голос.

Вода перестала течь, с меня сняли тряпку. Я дышал. В полутьме я увидел лейтенанта и капитана с сигаретами в зубах. Они сильно били меня в живот, чтобы удалить отсюда воду. Опыненный воздухом, я едва ощущал эти удары.

— Ну?

Я молчал.

— Он издевается над нами. Давайте снова!

На этот раз я сжал кулаки с такой силой, что ногти впились мне в кожу. Я решил во что бы то ни стало не дать им двигаться. Лучше задохнуться. Я ждал приближения страшной минуты, когда начну терять сознание, и в то же время я всеми силами боролся против смерти. Я не двигал больше пальцами, но трижды испытал этот невыносимый страх. В последний момент они давали мне глотнуть воздуха и удаляли воду.

В конце концов я потерял сознание».

(А н р и А л л е г, Допрос под пыткой, М., 1958, стр. 8—14.)

Пыткам и истязаниям подверглись также Ахмед Аккаш и другие подсудимые. Аккашу удалось передать из тюрьмы на волю несколько страничек, которые

были напечатаны в начале 1958 года французским журналом *«Новая критика»*. Мы публикуем эти странички.

«У одиночной камеры нет окна в коридор. Вместо него — смотровой глазок величиной с небольшую монету, закрытый снаружи металлической бляшкой. Я не могу видеть своих товарищей по заключению, но я могу слышать их. Постепенно я научился знакомиться с ними, вслушиваясь в их голоса. Голоса твердые и спокойные, голоса чистые, голоса живые, веселые и насмешливые, голоса алжирских гаврошей, преждевременно повзрослевших на древних улицах старого города. Протяжные голоса, в которых звучит забавный мелодичный акцент жителей склонов Джинджины. Молодые голоса: большинство приговоренных к смерти в возрасте от 20 до 30 лет.

Я научился слушать таким образом Мерзека и Мустафу, Аллана и Хамида, Мухамеда, Гасана и Джафара. Особенно Джафара. Потому что его камера расположена прямо под моей, и по вечерам мы можем даже обменяться несколькими словами, когда каждый из нас дотягивается до вентиляционной трубы, которая пропускает немного дневного света в его камеру.

Это мальчишка с нашей улицы. Как и Гасан. Рабочие лет 20, с детства знакомые с нищетой, взрослыми узнавшие безработицу и возмужавшие в страданиях, как и вся молодежь колониальных стран. Они убили комиссара тайной

французской полиции. Их приговорили к смертной казни. И все трое мы встретились в тюрьме.

Когда, наконец, впервые я очутился на прогулке, с соседнего двора до меня донесся звон цепей. Туда выводили приговоренных к смерти. Вдруг кто-то появился над стеной, разделяющей дворы. С крыши умывальни мне улыбались Гасан и Джафар:

- Ну и похудел же ты!.. Как дела?
- Отлично!
- Что-нибудь узнал?
- Есть хорошие известия, держитесь!

Джафар подмигнул. Его круглое лицо расплывается. Он прекрасно знает, что после недели одиночного заключения у меня не может быть новых сведений. Но это неважно. Доверие и оптимизм здесь закон. И если вы, измученный этим гнусным существованием, отвечаете скупым «в порядке», то сами приговоренные утешают:

— Не беспокойся, мы победим! Она будет жить! С нами или без нас...

Она — это родина. Алжир.

И вслед за тем:

— Тебе что-нибудь нужно? Табаку?

Тут же голубая пачка тюремных папирос перелетает через стену. Я поднимаю ее и перебрасываю обратно:

— Вы что, спятили? У меня все есть!

И в подтверждение своих слов бросаю им большую плитку шоколада, которую «изолированные» только что незаметно опустили мне в карман, когда я медленно проходил мимо их окошек.

Появляется стража, привлеченная шумом. Нужно разойтись. Но разговор только откладывается до следующего раза, потому что после вечерней поверки привычный шум голосов донесется до карцеров и одиночек вестником надежды и солидарности.

Но вечером я почему-то волнуясь. Только что, дотянувшись до вентиляционной трубы, я тихонько позвал:

- Джафар! Ну как дела?
- Отлично! Держись!

Голос звучит так же спокойно и уверенно, как всегда. Джафар спрашивает:

— Есть новости?

— Все хорошо! Крепись!..

Я не захотел говорить ему, что только что на свидании получил новые сведения: реакционеры все более и более ожесточенно орудуют в Алжире. Третьего дня они подошли к тюремным зданиям и опять требовали крови.

И опять их удовлетворили. Вчера на заре казнили еще четверых приговоренных. Тюрьма содрогалась от гнева. Все заключенные — их более 2 тыс., в том числе и уголовные — объявили суточную голодовку. Нельзя забыть этот день траура, отмеченный глубоким молчанием.

Сегодня вечером, казалось бы, у меня не должно быть плохого предчувствия. «Они» не могут спустя всего два дня повторить это. Гильотина, наверное, убрана в свое мрачное логово. Или, может быть, она увезена вершить кровавое дело в другие места, в Константину или Оран. Но сегодня я долго не могу заснуть.

Прошло, видно, уже два или три часа с тех пор, как смолк обычный шум. Такая тишина, что можно слышать громкое дыхание или отрывистый капель соседей. Одиноко горят электрические лампочки в коридорах и общих камерах. Только изредка слышатся равномерные шаги ночного обхода. Внизу, в нескольких метрах от меня, 59 приговоренных к смерти спят спокойным сном людей, уже готовых пожертвовать своей жизнью. И все же не сказал ли себе каждый из них, бросаясь вечером на тюфяк: «Может быть, этой ночью...»?

Незаметно я уснул. Тяжелое забытие, прерываемое кошмарами. Уже, наверное, два часа ночи. Сквозь сон мне слышится громкий крик:

— Братья, они пришли, они вернулись!

Я вскакиваю с тюфяка. Огни потушены, тюрьма погружена в темноту. За дверью шепот: «Седьмая камера, седьмая...» Внизу шум шагов, лязг ключей, поворачиваемых в тяжелых замках. Затем доносится стихающий голос человека, которого уводят:

— Прощайте, братья, держитесь! Алжир победит!

Тогда вся тюрьма, мгновенно проснувшись, дает волю своему горю и гневу:

— Убийцы! Убийцы!

Поднимается мощный, неудержимый гул. Он несется, нарастая, как грозный шквал, и огромные своды зданий до бесконечности повторяют его. Вцепившись в решетки общих камер, яростно прильнув к слуховым окнам, колотя в двери одиночек, все заключенные криками и песнями провожают приговоренных в последний путь.

Наступает утро и с ним первое затишье. Становится известно:

— Взяли пятерых: Мерзека, Мухамеда...

В темноте и шуме невозможно разобрать, кого еще. А пятеро сейчас на пороге смерти мужественно проходят последние приготовления.

Издаleine, совсем издаleine, проникая сквозь стену, окружающую дворы, до нас доходит ясный, отчетливый крик, звучащий гордо, как вызов:

— Да здравствует Алжир! Да здравствует независимость!

Умирая, один из молодых приговоренных крикнул: «Долой Францию!» Но его товарищ спокойно и убежденно уточнил:

— Долой французский колониализм! Да здравствует Алжир!

Тот же возглас вырывался у Иветона, у Жераджа, у «маленького Мороко» и у других товарищей...

Нож гильотины, наверное, скользит в этот момент в стальных пазах. Молодая голова, должно быть, уже упала. Необъятный хор, несущийся из тюрьмы, подхватил победный клич:

— Да здравствует Алжир! Да здравствует Алжир!

Срывающийся от волнения голос муллы благословляет первую жертву душераздирающим причитанием, которое повторяют в некоторых камерах:

— Аллах у акбар! Велик Аллах!

Затем среди внезапно наступившей тишины из женского отделения, как далекий надгробный плач, до нас доходят последние отголоски дружного протеста наших сестер по заключению:

— Таиа эль Джезаир! Да здравствует Алжир!

Долго еще в гневном шуме, стихающем на короткие мгновения, звучит общий протест, охватывая самые отдален-

ные камеры. Теперь мрачные здания — это огромная грудь, в которой тысячи сердец бьются в унисон. И вот свершилось. Но эти пятеро останутся живыми в благодарной памяти народа. Один за другим заключенные опускаются на тюфяки. Слышится последний возглас:

— Братья, за вас отомстят!

Пять чистых молодых голосов не прозвучат сегодня вечером в дружном хоре одиночных камер. Не будет больше ни Мерзека, ни Мухамеда... Я думаю об остальных патриотах, головы которых только что покатались в опилки, об этих молодых защитниках Алжира, лишенных даже чести умереть стоя, перед карательным отрядом. Я думаю о последнем призыве заключенного из седьмой камеры. Какое изумительное мужество! Кто это был? Джафар, наверно, скажет мне. Лихорадочно прижимаюсь к решетке.

— Джафар!

Молчание. Вероятно, он не слышит.

— Джафар! Джафар!

Снова молчание. Комок подкатывается к горлу. Я изо всех сил последний раз зову, надеясь еще раз услышать его горячий голос, голос молодого парня, жаждущего работы, жизни, веселья. Я чувствую, что вокруг настораживаются десятки ушей, как и я, надеясь на ответ. Нет, ни звука. Холодное молчание смерти. Тогда мы все поняли. Джафар не ответит больше, как не ответят Мерзек и Мухамед. Это он сидел в седьмой камере.

Обессиленный, я бросаюсь на тюфяк, устремив взгляд в бледнеющие сумерки. Камера Джафара пуста. Мой товарищ, мой друг, мой брат... Я вспоминаю... Я вновь вижу его широкую, детскую улыбку над стеной умывальни. Я вспоминаю... Я думаю о борцах старшего поколения, о сынах Франции, Греции, Китая, о священной крови, пролитой во имя прогресса. «И если бы нужно было начать сначала...»

За стеной начинается день. Смущенно щебечут ласточки, удивленные мучительной тишиной, наступившей после бури. Мне кажется, что я слышу нежный запах... Запах жасмина, который расцветет завтра на могилах всех жертв».

(«Нева» 1958 г. № 5, стр. 171—172.)

В июне 1960 года после трех-летнего предварительного заключения начался суд. Здание суда было окружено сплошным кольцом полицейских и жандармов, вооруженных автоматами. На первом же заседании председатель суда потребовал его проведения при закрытых дверях. Колонизаторы боялись разоблаче-

ний, они опасались, что обвиняемые вскроют их звериное лицо, что они расскажут о зверских пытках, о тех преступлениях, которые были совершены империалистами против алжирского народа. После выступлений адвокатов, выразивших протест против требования председателя, слово взял Ахмед Аккаш.

Заявление А. Аккаша

Я полностью присоединяюсь и поддерживаю выводы моих защитников,— сказал он.— Я категорически возражаю против суда за закрытыми дверями. К тому же я не признаю французских законов, так как являюсь алжирцем.

Мы не признаем принадлежности к французской национальности, которую нам навязали помимо нашей воли. Мы — алжирцы и гордимся этим. Всеми своими силами мы боремся за свободу Алжира и признаем лишь одно правительство — Временное правительство Алжирской Республики. И если нас должны судить, то пусть нас судит сам алжирский народ. Завтра мы сами объясним ему все. Но мы реалисты: сегодня мы ваши пленники.

Мы не боимся признаться в нашей деятельности. Вы называете нас мятежниками. Так вот: да, мы восстали против колониализма. Да, мы участвуем в национально-освободительной борьбе алжирского народа. Нам хотелось бы сказать об этом публично. Но мы не дадим вам никаких показаний о членах Алжирской коммунистической партии, которые продолжают справедливую подпольную борьбу на земле Алжира. Вы хотите свести с нами счеты? Пусть это делается открыто. Мы знаем, что на протяжении многих лет значение борьбы нашей партии искажали. Я горжусь, для меня это честь нести ответственность за борьбу этой партии. Нам говорят: «Вы бандиты и убийцы». В свою очередь мы хотим показать, где находятся истинные убийцы. Шесть дней и шесть ночей меня пытали в подвалах замка Сюзини. Кроме

Мориса Одэна, еще одного алжирского коммуниста, там находился Омар Джегри, который был арестован вместе со мной и подвергнут страшным пыткам. В апреле 1957 года он еще был жив. Что вы сделали с ним?

(В это время один из обвиняемых замечает: «Он исчез!»)

...Я обвиняю тех, кто убил Джегри и кто убил Мориса Одэна. Мы, члены Алжирской коммунистической партии, бок о бок с нашими братьями из Фронта национального освобождения, борющегося за свободу Алжира, применяем законы войны, уважая Женевские конвенции. Но земля Алжира залита кровью. Подлинные террористы не на нашей стороне. Они на стороне тех, кто на протяжении более столетия навязывает свои законы Алжиру. Я — алжирец и горжусь моей родиной. Я ненавижу людей, ответственных за несчастья моей страны. Но я очень хорошо понимаю моих братьев — французских трудящихся. Я ценю красоту их языка, их культуру и...

Правительственный комиссар обрывает речь Аккаша: Пропаганда! Пропаганда! Мы здесь не на политическом митинге. Говорите нам только то, что вы думаете о суде за закрытыми дверями.

Аккаш: Мы считаем, что эти требования имеют целью помешать нам, моим товарищам и мне, представляющим здесь Алжирскую коммунистическую партию, объяснить нашу политику и наши отношения с Фронтом национального освобождения. Я должен сказать, что Алжирская коммунистическая партия всеми силами поддерживает борьбу Фронта национального освобождения.

Правительственный комиссар в ярости обращается к председателю суда: Достаточно, господин председатель! Хватит слов, которые ничего не значат!

Аккаш: Убиты тысячи людей, а вы говорите о ничего не значащих словах!

Наступает очередь Анри Аллега. Чуть улыбаясь, он говорит:

— У меня есть много доводов против решения проводить суд при закрытых дверях. Это лишь низкая уловка, нужная для того, чтобы помешать услышать здесь правду о применяемых против алжирских патриотов колонизаторских методах, о которых я рассказал в своей книге.

(Анри Аллег называет имена убийц, и каждый раз председатель суда требует, чтобы он замолчал. Наконец, судья вызывает полицейских, которые надевают Анри Аллегу и Азмеду Аккашу наручники. Обоих обвиняемых уводят из зала.)

(«Правда» 17 июня 1960 г.)

Суд, разумеется, принял решение о «закрытых дверях». Что было дальше, рассказывает корреспондент газеты «Франс

Суар» — один из немногих, кому удалось проникнуть в зал заседаний:

«Процесс в Алжире ведется при закрытых дверях в постоянном трибунале вооруженных сил, который судит главных руководителей Алжирской коммунистической партии. Жандармы, вооруженные автоматами, преграждают доступ в здание из желтого камня тем, у кого нет пропуска.

Входить могут только военные, представители генерал-губернатора и службы порядка или адвокаты. Всех остальных безжалостно гонят даже с тротуара перед входом в здание.

По некоторым сведениям, которые удалось получить, приговор должен быть оглашен в отсутствие обвиняемых (таков закон, согласно военному уголовному кодексу) не ранее среды. Обвиняемые решили молчать и не отвечать на вопросы председателя, адвокаты по договоренности с их клиентами решили не защищать их, поэтому легко представить себе, как в настоящее время происходят прения сторон.

Судьи должны ознакомиться со всем досье. Для них это нечто совершенно незнакомое. Поскольку обвиняемые молчат, председателю приходится излагать судьям одновременно не только обвинения, но и доводы защиты. Таким образом, логично думать, что он терпеливо читает все протоколы и время от времени обращается с вопросом к обвиняемым: «Хотите ли вы что-нибудь сказать?» Но обвиняемые делают вид, что они не слышали, и председатель переходит к другому разделу... И так до тех пор, пока он не прочитает всего до конца. Тогда правительственный комиссар произнесет свою речь. Слово будет предоставлено представителям

защиты, и выступит только один адвокат — Нарбони, который защищает Констана Тиффуда.

Таким образом, на этом процессе, если не касаться дела Тиффуда, вместо диалога происходит монолог, о котором после утреннего заседания следует сказать, что он происходит в присутствии глухих».

17 июня был зачитан приговор. Ахмед Аккаш и Андрэ Муан приговорены к 20 годам тюрьмы каждый. Поль Кабальеро — к 15 годам и Анри Аллег — к 10 годам.

Как только председатель кончил читать, обвиняемые встали и проскандировали:

«Да здравствует национальная независимость Алжира!»

(«За рубежом» 1960 г. № 2,
стр. 19.)

Спустя год после осуждения — 2 октября 1961 г. — из Центральной тюрьмы французского города Ренн удалось бе-

жать сначала одному из заключенных — журналисту Анри Аллегу, а затем и Ахмеду Аккаш.

ДЕЛО МАНОЛИСА ГЛЕЗОСА

«Греция сегодня — это страна, где подавляются самые элементарные свободы народа. Антиконституционные законы (509, 375 и другие), концентрационные лагеря и тюрьмы для политических заключенных, оголтелый антикоммунизм, экономические трудности и открытое насилие — все служит одной цели: подчинить народ, сломить его волю к сопротивлению, заставить безропотно покориться судьбе, превратить его в безвольную толпу. И все это лишь для того, чтобы сохранить режим национального подчинения, нищеты для народа и привилегий для олигархии и чужеземцев».

Мы привели слова из предисловия к греческому изданию книги «Дело Манолиса Глезоса», выпущенной административным комитетом Единой демократической левой партии Греции (ЭДА).

ЭДА, с которой сотрудничают многие политические деятели других партий, самая большая партия в стране после правящей реакционной партии Национально-радикальный союз (ЭРЭ). На выборах 11 мая 1958 г. она получила около 25% голосов избирателей.

Правительство Карманлиса подвергает членов этой партии и ее газету «Авги» бесперывным гонениям.

Одна из наиболее чудовищных провокаций греческого правительства — организация «дела Глезоса». После процесса Белоянниса — это самая гнусная судебная инсценировка в Греции.

5 декабря 1958 г. оргсекретарь партии ЭДА и директор газеты «Авги» Манолис Глезос был арестован. Ему, национальному герою страны, было предъявлено нелепое обвинение в шпионаже.

Суд начался 9 июля 1959 г. В книге «Дело Манолиса Глезоса» описана обстановка в зале суда:

«Публики не было. 20 адвокатов, столько же греческих журналистов, приблизительно 20 иностранных наблюдателей и корреспондентов, 17 обвиняемых, большое число полицейских в форме и в штатском заполнили до отказа в самый разгар летней жары крошечный зал военного трибунала».

Обвинение было таково, что Глезосу и его товарищам угрожала смертная казнь. Волна протестов против намечаемой расправы над демократами прокатилась по земле.

Уже первые судебные заседания показали нелепость обвинений. Эту нелепость показал в своей защитительной речи Манолис Глезос.

Речь М. Глезоса

Как я уже заявлял сразу же после ареста, я категорически отвергаю обвинение, которое является клеветническим и направлено не только против меня лично, но и против партии ЭДА. Прежде чем говорить об отсутствии улик против меня, что доказывает полную необоснованность обвинения, я хотел бы ознакомить вас с некоторыми конкретными фактами, которые свидетельствуют о том, что моей защите старались помешать всеми средствами. Я не буду говорить о моем длительном пребывании в одиночном заключении. Когда в первый день после предъявления мне обвинения я попросил г-на Карахалиоса ¹⁴⁶ помочь мне опровергнуть обвинение, г-н Карахалиос ответил отказом. Он заявил, что 16 августа я встретился с Колияннисом ¹⁴⁷. Я сказал, что такой встречи не было, на что он мне ответил: «Мы убеждены, что встреча была». Я спросил его, на какой день недели приходится 16 августа, поскольку эта дата ничем не была примечательна для меня и я не помнил, где был в тот день. Он мне ответил, что это была суббота. Тогда я сказал ему, что по субботам мы обычно ходим с женой в кино. Я попросил его посмотреть газеты и сказать мне, какие фильмы шли в тот вечер, чтобы я мог рассказать ему содержание фильма, который я смотрел, и доказать, что я действительно был в кино.

Я был арестован 5 декабря и, естественно, не мог вспомнить, где находился 16 августа. Когда меня привели к следователю, г-ну Пападакису, я попросил его перевести меня из одиночной камеры и дать указание разобраться в этом вопросе. Он заверил меня, что позаботится об этом. На другой день г-н Карахалиос известил меня через г-на Ламбру, что 16 августа газеты не выходили из-за забастовки. Я сказал им: «Справьтесь по телефону в какой-нибудь кинокомпании». Они отказались это сделать. Но забастовки не было. И вот газеты (*он показывает газеты*). Можете спросить г-на Пападакиса об этом деле. Когда значительно позже моя жена посетила меня в тюрьме Каламион на острове Крит, мы старались вспомнить, где мы были в тот день. И мы вспомнили. Если бы мне тогда помогли, истина могла быть установлена сразу же и я не был бы сегодня на суде. Но

этого не сделали. Меня держали в одиночке в течение целого месяца, чтобы лишить возможности выяснить конкретные факты, необходимые для установления истины.

Из асфалии меня перевели в тюрьму Каламион, которая является тюрьмой для осужденных, а не для подсудимых, и в течение месяца не разрешали переписку. Таким образом, мое одиночное заключение продолжалось. Я просил парламентские протоколы, чтобы при их помощи восстановить в памяти события. Мне в этом отказали. Имеется приказ министерства (*показывает приказ*), которым запрещалось выдавать мне парламентские протоколы. Я просил, чтобы мне дали возможность просмотреть газету, которую я возглавляю, или другие газеты за 16, 17 и 18 августа, чтобы я мог сопоставить события и вспомнить, где бывал в те дни. Мне в этом отказали. Газеты мне принесли мои защитники за несколько дней до суда. Мне дали их на минуту и сейчас же забрали обратно. И когда меня недавно перевели в Афины, мне не разрешили встречаться с моими защитниками, как это обычно делается в тюрьме, а разрешили беседовать лишь через решетку.

Председатель: В законе 375 содержится соответствующее положение, которое было применено в этом случае.

Глезос: Значит, было применено это положение?

Председатель: Конечно. Это положение может быть применено или не применено.

Глезос: Кроме того, прилагались все усилия, чтобы вывести меня из спокойного состояния. Тюремный устав предусматривает, чтобы камеры были открыты от восхода и до захода солнца. Но я находился в течение 22 часов в сутки запертым в камере в тюрьме Авероф. В соответствии с законом каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока не будет доказана его виновность. Но меня с самого начала считали виновным, и я должен был доказывать, что не виновен. Не думаю, чтобы так поступали со всеми обвиняемыми. Меня обвиняют во встрече с Колияннисом. Никакой встречи не было. Называют 16 августа. Во время допроса, который вел г-н Папаспиропулос, я спросил его, какие имеются доказательства, что эта встреча состоялась. Он ответил мне, что лично вел слежку за Колияннисом и

видел, как тот входил в дом на улице Германику. Я спросил его: «А видели ли вы меня входящим в этот дом?» «Нет», — ответил он. «А видели вы, как я выходил?» «Нет». Итак, если никто не видел меня входящим в дом или выходящим из него, то как же могла произойти встреча? Сотрудники асфалии, начиная с г-на Ракидзиса и кончая господами, которые утверждают, что следили за мной, знают меня очень хорошо. Сотрудники асфалии говорят, что они могут узнать меня не только издали, но даже со спины. Так как же они могли меня не увидеть, если эта встреча действительно имела место?

У меня был твердо установленный распорядок дня. В 9 часов утра я выходил из дому и шел в канцелярию ЭДА. Затем возвращался домой. После обеда снова шел в канцелярию ЭДА и в 7 или в 8, а то и в 9 часов вечера направлялся в редакцию газеты «Авги», где оставался до 12 или до часу ночи; в некоторых случаях я задерживался в типографии до 3 часов утра, после чего возвращался домой. Мою жизнь сотрудники асфалии знали во всех подробностях. И когда мне приходилось разъезжать по стране, им было точно известно, где я нахожусь в данную минуту.

Г-н Карахалиос говорил мне о моих встречах с политическими деятелями. За мной, значит, следили и тогда, когда я встречался с политическими деятелями. Меня это не беспокоило, так как я знал, что всякое может случиться. Во время беседы с представителями Административного комитета ЭДА по вопросу о ссыльных г-н Каладзис сказал нам: «Вы хотите, чтобы я освободил ссыльных и арестовал Глезоса?» Я спросил его, как могли бы меня арестовать, не имея никаких улик против меня. Тогда вмешался присутствовавший при этом г-н Ракидзис и сказал мне буквально следующее: «Манолис, ты заблуждаешься и притом глубоко заблуждаешься».

Председатель: Когда это было?

Глезос: Летом 1958 года.

Председатель: До 16 августа?

Глезос: 16 августа не является каким-то знаменательным днем в моей жизни, чтобы я мог это вспомнить. Утверждают, что после 16 августа за мной следили, чтобы напасть на след Колиянниса. Я не могу представить себе, чтобы за

таким лицом, как Колияннис, следили и позволили ему уйти. Если бы на минуту допустить, что через меня хотели найти Колиянниса и что встреча с ним действительно имела место, не могла ли произойти до 5 декабря еще одна встреча? Говорят о более ранних встречах, но не предъявляют никаких доказательств. Но, в конце концов, почему меня не арестовали 16 августа во время этой так называемой встречи? Можно ли было найти лучшее орудие для правительственной политики?

Вы можете сказать: возможно ли, чтобы г-н Папаспиропулос так грубо солгал? Наука наук — философия анализирует, каким образом возникает заблуждение. Весло, опущенное в море, кажется сломанным, потому что мы не видим всех сторон действительности, которые образуют это явление. Так и здесь. Не исключено, что он следил за каким-то лицом, которое шло в этом направлении, а потом потерял его из виду. Помните, что он сказал: «А неделю спустя мы уточнили, в какой квартире состоялась встреча Глезоса с Колияннисом». Проговориться — значит открыть правду. Через неделю они обследовали дома того квартала и обнаружили, что там живет моя сестра. Но я прожил в этом квартале с 1935 по 1945 год, меня знают там даже камни. Меня бы узнали там даже в темную безлунную ночь. Если бы даже я хотел встретиться с Колияннисом, разве я выбрал бы этот район?

Вы, возможно, спросите: «Почему избрали именно тебя, чтобы сфабриковать это дело?»

Ответ прост. Я директор газеты «Авги» и оргсекретарь ЭДА, и меня стараются впутать в какое-то дело в политических целях. Мои обвинители господа Сакеллариу и Папаспиропулос были свидетелями обвинения и на процессе, возбужденном против меня за одну из статей в газете. Какое отношение имеет к этому «информационная служба»?

Были приложены огромные усилия, чтобы закрыть газету «Авги» под каким-нибудь законным предлогом, ибо хотели показать миру, что у нас существует свобода печати и что у левых также есть своя газета. Предпринимались попытки задуть газету экономически. После выборов по указанию правительства и по личному распоряжению вице-министра внутренних дел государственные и прочие организации перестали помещать в «Авги» рекламу, которую дают во все газеты (*перечисляет эти организации*). Из-за этого газета

теряла 164 500 драхм в месяц. В парламенте было заявлено, что «мы не можем давать государственные средства газете левых». Но государственные средства принадлежат не только тем, кто не относится к левым, они поступают от всех налогоплательщиков. Известно, что за левую партию голосовал 1 млн. избирателей. И с этой точки зрения, не говоря уже о необходимости соблюдения принципа равного отношения ко всем органам печати, «Авги» имеет право на те средства, которые предоставляются другим газетам, раз ее читатели платят налоги.

Председатель: Во всяком случае, это было основано на каком-то законе?

Глезос: Ни на каком законе это не основано. Государственные средства не являются средствами правящей партии.

Кроме того, старались подорвать нашу газету путем судебных репрессий, намереваясь лишить ее права получать беспоплатно бумагу. К счастью, греческие судьи оказались на высоте, и все эти попытки ни к чему не привели. Все судебные процессы против газеты возбуждались властями. Никогда частные лица не подавали в суд на газету, за исключением одного человека, проживавшего в старом немецком доме, фотографию которого газета поместила. Но и он сделал это под давлением, а затем отказался от своего иска.

Предпринимались большие усилия с целью оказания воздействия на читателей. Хотите знать, как продается «Авги»? Наденьте штатский костюм и пойдите купить газету. Владелец киоска, прежде чем дать ее вам, сложит ее вдвое, чтобы заголовок не был виден.

Председатель: Я вижу газету в киоске широко развернутой.

Глезос: Это обязаны делать по закону. Это совсем другое.

Кроме того, имеются случаи, когда сотрудников газеты «Авги» арестовывали и ссылали без суда на остров Агиос-Эвстратиос.

Все эти меры, направленные на то, чтобы нанести удар по газете «Авги», не увенчались успехом. Что лучшее могли они придумать, как не объявить, что «Глезос — шпион»? Так они полагали. Поскольку директор газеты «Авги» обвиняется в шпионаже, читатели перестанут покупать газету.

...Известно, что политика партии ЭДА и газеты «Авги» была и является совершенно противоположной правительственной политике по кипрскому вопросу. Организация лондонских киприотов, организация отнюдь не левая, направила в прошлом году приглашение председателю партии г-ну Пасалидису присутствовать на ее съезде. В случае если бы он не мог поехать сам, они просили, чтобы он направил меня. Я готовился к этой поездке. Надо ли говорить вам, что асфалия знала об этом? Вот приглашение *(показывает письмо)*.

Господин председатель, господа военные судьи, хотя, учитывая различие во взглядах, различие в идеологии вашей и свидетелей обвинения, с одной стороны, и моей — с другой, я понимаю слабость моей позиции здесь, я уверен, что правда восторжествует. Я хотел бы, говорю это совершенно искренне, после окончания процесса иметь возможность громко сказать, как это делали древние афиняне в отношении Ареопага: «Никто и никогда, осужден он или оправдан, не может утверждать, что его судили несправедливо».

Политика партии ЭДА и газеты «Авги» противоположна политике правительства не только в кипрском вопросе, но и в вопросах внутренней и внешней политики. Я твердо убежден, что именно это было причиной, побудившей моих политических противников арестовать меня и предъявить мне это обвинение. Имеется веское доказательство этому. На другой день после моего ареста вице-министр внутренних дел заявил — и это было опубликовано в печати *(читает из газеты)*: «Высшие руководящие деятели и активисты партии ЭДА — это коммунисты, поддерживающие постоянную связь с нелегальным аппаратом Коммунистической партии и получающие от него директивы и инструкции. Поскольку известно, что Коммунистическая партия является орудием иностранной державы, можно сделать вывод, что деятельностью твердого ядра партии ЭДА руководит иностранная держава». А затем мораль: «Всех, кто попал в сети ЭДА, простодушно веря, что эта партия греческая и демократическая, мы призываем отмежеваться от нее». *(Показывает суду газету с заявлением Каладзиса.)* Вот единственная причина моего ареста.

Председатель: Каким числом датировано это заявление?

Глезос: 7 декабря. Намерение ясно. Надо было доказать, что ЭДА — «шпионская партия», и поэтому греческий народ должен отмежеваться от нее. Вчера правительство сделало подобное же заявление.

Председатель: Председатель вашей партии сказал, что в ЭДА имеются коммунисты.

Глезос: Об этом он неоднократно говорил в парламенте, и я сам говорил об этом на первой всегреческой конференции ЭДА.

Председатель: И он не исключал возможности того, что сторонники ЭДА могли встречаться с нелегальными деятелями КПП.

Глезос: Он сказал, что у нас миллион сторонников и он не может знать, кто с кем встречается. Но ЭДА является самостоятельной партией, у которой имеется собственная программа.

Возможно, вы спросите: «Почему это сделано именно в отношении вас, а не в отношении какого-либо другого деятеля ЭДА?» Была попытка сделать то же самое и в отношении других членов Административного комитета ЭДА. Известно дело Протогереллиса, служащего канцелярии ЭДА, которого обвинили в предоставлении убежища одному подпольщику; старались впутать в это дело и члена Административного комитета ЭДА г-на Илиаса Илиус. Кроме того, не забывайте, что я единственный член секретариата Административного комитета, не являющийся депутатом парламента. Это тоже в известной степени облегчало им задачу.

В течение семи месяцев надо мной висит это обвинение. В течение семи месяцев на этом всячески спекулируют в ущерб партии, к которой я принадлежу. В течение семи месяцев определенные газеты называют меня «шпионом». В последние дни положение изменилось. Теперь и эти газеты пишут — «обвиняется в шпионаже». Вначале я был просто «шпионом». Теперь я подсудимый. Но в течение семи месяцев на этом спекулировали.

Почему так случилось? Потому что неизменно растет убеждение в том, что ЭДА правильно выражает требования, интересы и чаяния греческого народа во всех внешнеполитических, внутривнутриполитических и экономических вопросах. В этом мы твердо уверены. Недопустимо вести борьбу про-

тив нас подобными методами из-за недостатка аргументов. Сердится тот, кто не располагает аргументами. Другие действуют иными методами. И нет таких аргументов, которые могли бы опровергнуть нашу позицию, позицию нашей партии. Вот чем объясняется неуклонный рост влияния партии ЭДА.

Это понимают наши противники. В полиции многие офицеры изъявляли желание дискутировать со мной по политическим вопросам. Как видите, они не побрезговали дискуссией со «шпионом». Все они говорили: «В то время как в Европе влияние левых уменьшается, в Греции оно возрастает. Мы не можем допустить, чтобы ваши силы росли. Мы будем защищаться». То же самое говорили во время встреч министры и другие государственные деятели членам Административного комитета ЭДА. Это и служит оправданием методов, которыми они пользуются.

Я готов был бы пожертвовать собой, если бы верил, что интересы Греции требуют разгрома левых, но, конечно, чтобы меня не называли при этом шпионом. Но я в это не верю. Наоборот, я убежден, что без левых сил наша страна не может идти вперед. Мы, как партия, бескорыстны, и мы неоднократно заявляли, что готовы поддерживать любое правительство, даже если мы не будем в нем участвовать! Но мы не можем отказаться от своего права представлять греческий народ. И мы не можем позволить правительству проводить политику, противоречащую интересам народа, а тем более помогать ему в этом.

Вы говорили о том, какую огласку получил этот процесс во всем мире. Дело тут не во мне лично. Дело в том, что по обвинению в шпионаже арестован директор газеты и член Административного комитета партии. Для каждого ясно, что я не шпион. Я не могу им быть. Чтобы объяснить это, я вынужден коснуться моего прошлого. Как я уже заявлял в своих показаниях, вся моя жизнь — и в этом я не представляю исключения — отдана служению родине. Все это знают и понимают. Горе народа — это мое горе, я слышу биение его сердца. И все знают, что я непримирим, когда надо защищать интересы народа.

Председатель: Вы занимаетесь агитацией.

Глезос: Мне незачем вести здесь агитацию. Я делал это в течение долгого времени в газете. Но Глезоса обрядили в какой-то костюм и сделали отсюда соответствующие выводы. А затем призвали народ отвернуться от него. Предъявленное мне обвинение напоминает костюм без тела. Форму без содержания. Где доказательства? Говорят, что я встретился с Колияннисом и мы разговаривали. О чем мы говорили? Кто это слышал? Говорят далее, что Колияннис изъяснил готовность вести шпионаж. Какие имеются доказательства того, что он изъяснил подобную готовность? И где доказательства того, что я с ним встречался? Все обвинение построено на предположениях. Асфалия заявляет, что Глезосу поручили укрепить кадрами подпольный аппарат КППГ. Кого я наметил для этого? Здесь никто не был назван.

Предположение о том, что КППГ является шпионской партией и что поэтому ее деятели изъяснили готовность к шпионажу, а я помогал шпионам, является безответственным. Коммунистическая партия — это не шпионская партия. Это партия патриотическая, и вся ее история доказывает это.

Вы, господин председатель, тоже говорите, что парламент должен отменить закон 375. Но и суды своими решениями создают прецеденты. И вы своим решением можете способствовать отмене этого закона.

Существует и другая причина, которая привела к моему аресту. Партию ЭДА также пытаются представить как шпионскую партию. Наряду с целями, которые я вам изложил, речь идет о том, чтобы затруднить объединение демократических сил в борьбе против политики правительства. Ибо возникла объективная необходимость координировать деятельность всех оппозиционных партий. Именно этому сотрудничеству хотят помешать. Вот причина моего ареста, который должен облегчить правительству проведение его политики. Поэтому они стараются уничтожить меня и в первую очередь уничтожить ЭДА. Но это им не удалось и не удастся, потому что народ верит ЭДА, потому что народ любит ЭДА. Поэтому ЭДА никогда не будет уничтожена.

Партию нельзя уничтожить. Это относится и к Коммунистической партии, состоящей из людей, имеющих общие взгляды на жизнь, общие интересы и общие стремления.

Коммунистическая партия объявлена вне закона, но тем не менее она действует, раз арестовывают ее кадры.

Председатель: В партии ЭДА вы относитесь к коммунистам или к некоммунистам?

Глезос: Всем известно, что я коммунист. Но в рамках ЭДА не разрешается функционирование другой партии. Партии, на основе которых создана ЭДА, образовали единую партию. Отдельные деятели имеют свои собственные взгляды, но они поддерживают общую программу, программу Единой демократической левой партии, основными требованиями которой являются мир, демократия, независимость.

Председатель: КПГ имеет своих членов в ЭДА?

Глезос: В ЭДА имеются и коммунисты, но не как организованные члены Коммунистической партии.

Председатель: Но вы сказали, что имеются и коммунисты.

Глезос: Это не означает, что в рамках ЭДА действует какая-то организованная фракция Коммунистической партии. Одно дело — быть коммунистом, другое — организованным членом Коммунистической партии. Между ЭДА и КПГ не существует организационных связей. Это две различные партии. Одна программа у одной партии, другая программа у другой.

Председатель: ЭДА утверждает, что стремится победить мирным путем. А что говорит Коммунистическая партия?

Глезос: А Коммунистическая партия утверждает, что она хочет бороться в рамках конституции. Об этом заявлялось в ее решениях.

Председатель: Пишут одно, делают другое.

(Председатель возвращается к вопросу о партии ЭДА и замечает.)

Мне кажется странным, что оргсекретарь партии — коммунист.

Глезос: Это внутренний вопрос партии ЭДА, решения которой принимаются с согласия всех членов Административного комитета, состоящего из деятелей различных политических убеждений. Об этом вам говорил председатель партии ЭДА, который не является коммунистом, но который питает ко мне доверие. Поэтому нельзя говорить о том, что

внутри ЭДА существует аппарат Коммунистической партии. Но правительство нашло «выход». Оно говорит о «твердом ядре ЭДА». Что оно подразумевает под «твердым» ядром и где тогда «мягкое»? Г-н Каладзис говорит в своих заявлениях о «твердом ядре», но не разъясняет, что он подразумевает под этим.

(Судебное заседание прерывается на 10 минут. После перерыва Глезос продолжает.)

Поскольку обвинение совершенно не обосновано и представители обвинения не привели никаких доказательств, что они обязаны были сделать, я постараюсь рассказать вам по возможности подробно, где я был в те дни, о которых упоминает асфалия.

Как обычно, в субботу вечером я вышел из редакции около 9 часов, когда редакции газет закрываются, перед тем как газеты поступают в набор. Я поехал домой на автобусе, как это делал каждый субботний вечер. Не могу сказать точно, когда я приехал. Для меня этот день не был отмечен ничем особенным, и я не запомнил его. Мы пошли с женой и ребенком в ближайший кинотеатр «Ева» и смотрели картину «Данни — солдат». Вернувшись домой, мы легли спать.

Председатель: Твоя жена вспомнила больше подробностей.

Глезос: Хождение в кино — не основное мое занятие. При желании представители обвинения могли бы помочь мне восстановить истину в первый же день моего ареста, если бы нашли газеты за 16 августа 1958 г. Это дало бы мне возможность вспомнить картину, которую я тогда смотрел. Но этого не захотели сделать. Существует пословица — «Что правдиво — то полезно». Они перевернули ее наизнанку — «Что полезно — то правдиво». Для обвинения было «полезно», чтобы я не мог припомнить, где я был. Даже господин следователь отказал мне в помощи. Спросите у самого г-на Пападакиса, пусть он расскажет об этом. Я мог бы придумать и рассказать кучу подробностей. Я этого не делаю, потому что это не свойственно мне. Прежде, когда меня арестовывали, например во время оккупации, меня спрашивали: «Ты был там?» Я отвечал им: «Я вам ничего не скажу». Теперь в этом не было необходимости, и поэтому я сразу же сказал: «Принесите мне газеты, посмотрим, какая кар-

тина шла и в каком кинотеатре я ее видел, и я расскажу вам ее содержание».

На другой день мы поехали в Рафину, чтобы поздравить жену моего брата, которую, как вы знаете из показаний, зовут Мария и которая отмечала в этот день свои именины. Там мы встретили мою сестру и моего зятя. Вечером приехала и моя мать.

Председатель: Почему вы не заявили следователю о своем алиби. Это серьезный факт.

Глезос: В моей жизни это событие не имело серьезного значения.

Председатель: Но зато обвинение серьезное.

Глезос: Если бы вас спросили спустя пять месяцев, где ты был в такой-то вечер...

Председатель: Это было не через пять месяцев.

Глезос: 6 декабря меня спросили, что я делал 16 августа.

Председатель: Я бы помнил.

Глезос: Я мог бы вспомнить события и даты, которые имеют отношение к моей деятельности в партии ЭДА. Об этом я помню. Но я не могу вспомнить, когда и куда я ходил.

(О своих отношениях с семьей отца Глезос говорит, что это были «отношения любви без встреч».)

Для меня было невозможно организовать встречу в доме моей сестры хотя бы по причине различия наших политических взглядов.

И он добавляет, что если бы он знал, что Колияннис находится в Греции, то постарался бы встретиться с ним и по политическим соображениям, и как журналист. Он не считал бы, да и не считает сейчас, что такая встреча была бы преступлением.

Председатель читает записку, врученную ему защитниками Глезоса, и останавливается на положении, согласно которому обвинение, предъявленное Глезосу, является ложным даже в том случае, если на минуту допустить, что встреча с Колияннисом состоялась.

Глезос отвечает, что это «относится к юридическим аргументам, которые приведены его защитниками».

Стефанакис: Т. е., господин председатель, вы используете неоднократно приводимые доводы защиты как данные

обвинения. В то время как мы 15 раз опровергли обвинение, мы не имеем права сказать даже «если бы»!

Глезос говорит затем, что если бы он и встретился с Коляннисом, то он сделал бы это по договоренности с председателем партии ЭДА.

Глезос продолжает:

— Считаю, что наша страна стремится к ликвидации ненормального политического положения.

Он подчеркивает, что люди, принадлежащие к различным классам, выступают с требованием умиротворения, нормального демократического развития страны, национальных демократических перемен. Почти все политические партии требуют легализации Коммунистической партии и отмены позорной практики ссылок и применения антидемократических законов. Это означает, что «никакая сила не может противостоять этому движению».

Мы считаем, что нормальное демократическое развитие может быть обеспечено только в том случае, если прекратится вмешательство в дела нашей страны — вмешательство Соединенных Штатов Америки. К несчастью, есть политические деятели, которые разделяют ответственность за нынешнюю политику, и это является единственной причиной, из-за которой мы не можем идти по пути национальных демократических перемен. Но я верю, что рано или поздно наша страна обретет полную независимость.

(«Дело Манолиса Глезоса», М., 1960, стр. 372—384.)

Тремя голосами против двух всеобщий трибунал приговорил Глезоса к пяти годам тюремного заключения, четырем годам ссылки и к последующему лишению политических прав на восемь лет.

Но честные люди Греции, всего мира не сложили рук. Они продолжают борьбу за освобождение Глезоса.

Осенью 1961 года народ Греции избрал Глезоса депутатом парламента, но он продолжает томиться в тюрьме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Эбер*, Мишель Пьер Алексис (1799—1887) — французский юрист и консервативный государственный деятель, орлеанист, член палаты депутатов (1834—1848), с 1841 года главный прокурор королевского суда, министр юстиции (1847—февраль 1848), в 1849 году депутат Законодательного собрания; *Плузюльм*, Пьер Амбруаз (1796—1863) — французский чиновник, юрист, член палаты депутатов (1846—1848); *Баве*, Шарль Виктор (1801—1875) — бельгийский судебный чиновник; с 1844 года генеральный прокурор в Брюсселе — 18.

² *Гизо*, Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 по 1848 год фактически руководил внутренней и внешней политикой, выражал интересы крупной финансовой буржуазии — 18.

³ *Луи-Филипп* (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848) — 18.

⁴ *Леопольд* (1790—1865) — бельгийский король (1831—1865) — 18.

⁵ *attorney-general, solicitor-general...* атторней-генерал — в Англии член правительства, высшее должностное лицо юстиции, назначенное для ведения судебных и других юридических дел, затрагивающих государственные интересы; солиситор-генерал — звание должностного лица, помощника генерал-атторнея — 18.

⁶ *Соглашателями* Маркс и Энгельс называли депутатов прусского Национального собрания, созданного для выработки конституции «по соглашению с короной» — 24.

⁷ *Робеспьер*, Максимилиан (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794) — 26.

⁸ *Ганзельман*, Давид (1790—1864) — крупный капиталист, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — сентябре 1848 года министр финансов Пруссии, вел предательскую политику соглашения с реакцией — 28.

⁹ *Вульф*, Юлиус — немецкий демократ, в 1848 году председатель дюссельдорфского Народного клуба, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года — 29.

¹⁰ В № 48 «*Neue Rheinische Zeitung*» от 18 июля 1848 г. была помещена корреспонденция из Дюссельдорфа, в которой подвергалось

резкой критике выступление обер-прокурора Шназе против дюссельдорфского Народного клуба — 29.

¹¹ Маркс имеет в виду разоблачения «*Neue Rheinische Zeitung*» в связи с арестом Ю. Вульфа, Фалькенхайна и Иозефа Вольфа. В ответ на последнюю корреспонденцию прокурор Геккер выступил с опровержением, на что редакция газеты ответила заметкой «Г-н Геккер и «*Neue Rheinische Zeitung*»» (№ 65 от 4 августа 1848 г.) — 30.

¹² В чем причина крушения мартовской революции? — Имеется в виду революция 1848—1849 гг. в Германии, начавшаяся в марте. Благодаря предательской тактике либеральной буржуазии мартовские события окончились безрезультатно: монархия ни в одном из германских государств не была уничтожена — 31.

¹³ *Аннеке*, Фридрих (1818—1872) — прусский артиллерийский офицер, уволенный в 1846 году из армии за политические убеждения; член кельнской общины Союза коммунистов, в 1848 году один из основателей кельнского Рабочего союза, редактор «*Новой Кельнской газеты*», член Рейнского окружного комитета демократов; в 1849 году подполковник баденско-пфальцской революционной армии; впоследствии участник гражданской войны в США на стороне северян — 34.

¹⁴ См. статью «Судебное следствие против «*Neue Rheinische Zeitung*»» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 183) — 35.

¹⁵ Имеется в виду реакционная клика (братья Герлах, Радовиц и др.), окружавшая прусского короля Фридриха-Вильгельма IV — 36.

¹⁶ *Пфуль*, Эрнст (1779—1866) — прусский генерал, один из представителей реакционной военщины, в 1832—1848 гг. губернатор Невшателя, в марте 1848 года комендант Берлина, в мае руководил подавлением восстания в Познани, в сентябре — октябре 1848 года министр-президент и военный министр; *Эйзман* — один из представителей старопрусской дворянской бюрократии; в 1845—1850 гг. обер-президент Рейнской провинции, министр внутренних дел в министерстве Пфуля (сентябрь — октябрь 1848 года), в 1849 году депутат первой палаты; *Кискер* — прусский судебный чиновник, в 1848 году министр юстиции в министерстве Пфуля, в 1849 году депутат первой палаты; *Ладенберг*, Адальберт (1798—1855) — один из представителей прусской реакционной бюрократии, министр по делам культа, просвещения и медицины (ноябрь 1848 — декабрь 1850) — 36.

¹⁷ *Врангель*, Фридрих Генрих Эрнст (1784—1877) — генерал, видный представитель прусской реакционной военщины; один из главных участников контрреволюционного переворота в Пруссии и разгона прусского Национального собрания в ноябре 1848 года — 36.

¹⁸ *Карл I* (1600—1649) — английский король (1625—1649), казнен во время английской буржуазной революции XVII в. — 42.

¹⁹ *Соединенный ландтаг* — накануне революции 1848—1849 гг. в Германии прусский король в поисках выхода из серьезных финансовых затруднений был вынужден созвать Соединенный ландтаг (апрель 1847 года). Попытка короля добиться вотирования новых бюджетов потерпела неудачу вследствие противодействия буржуаз-

ной оппозиции. В июне этого же года Соединенный ландтаг был распущен — 42.

²⁰ Кампгаузен, Людольф (1803—1890) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — июне 1848 года министр-президент Пруссии, проводил предательскую политику соглашения с реакцией; прусский посол при центральной власти (июль 1848 — апрель 1849) — 42.

²¹ «Дикая охота» — в немецкой мифологии предание о том, что по ночам души умерших под предводительством «дикого охотника» со страшным шумом проносятся по воздуху. Люди, повстречавшиеся с этими духами, вынуждены вечно скитаться вместе с ними — 50.

²² Имеется в виду принятый прусским Национальным собранием 28 августа 1848 г. закон об охране личной свободы (по аналогии с английским законом 1679 года его называли Habeas Corpus Akt); этот закон с самого начала грубо нарушался прусским правительством — 51.

²³ Закон о гражданском ополчении, принятый Национальным собранием 13 октября 1848 г., ставил гражданское ополчение в полную зависимость от правительства. Однако и в этом виде существование гражданского ополчения казалось контрреволюции опасным. 12 ноября 1848 г., после вступления войск Врангеля в Берлин, ополчение было там разоружено — 52.

²⁴ 9 августа 1848 г. прусское Национальное собрание приняло предложение депутата Штейна с поправками депутата Шульца — потребовать от военного министра издания приказа о том, чтобы офицеры, настроенные против конституционных учреждений, «следуя долгу чести», сами подали в отставку. Военный министр Шреккенштейн, вопреки решению Собрания, не издал такого приказа. В связи с этим Штейн вторично внес свое предложение на заседании Национального собрания 7 сентября; в результате голосования этого предложения министерство Ауэрсвальда — Ганземана вынуждено было подать в отставку; при сменившем его министерстве Пфюля приказ в более смягченной форме был, наконец, издан, но и он остался на бумаге. 17 сентября 1848 г. генерал Врангель издал приказ по войскам, свидетельствовавший о намерении прусской военщины перейти в открытое наступление против завоеваний революции. Приказ предписывал обеспечение «общественного спокойствия», угрожал «элементам, выступающим против законности», и призывал солдат сплотиться вокруг офицеров и короля — 52.

²⁵ Брошюра Унру «Очерки по новейшей истории Пруссии», Матдебург, 1849 — 53.

²⁶ Гемпден, Джон (1594—1643) — видный деятель английской буржуазной революции XVII в., выражал интересы буржуазии и обуржуазившегося дворянства — 58.

²⁷ Брауншвейгское дело — 10 октября 1871 г. прокурор Брауншвейга Кох по требованию Бисмарка состряпал обвинение против социал-демократов Бракке, Бонгорста, Шпира и Кюна. Все они были привлечены к суду за преступление против общественного порядка.

Окружной суд приговорил обвиняемых к различным срокам тюремного заключения. Высший суд кассировал приговор и смягчил меру наказания, обвинив подсудимых в участии в союзе, преследующем противозаконные цели. Суд признал, что назначенное подсудимым наказание отбыто в течение предварительного заключения — 61.

²⁸ Ограниченный жестким регламентом, В. Либкнехт не мог произнести подготовленную речь целиком. Однако после процесса она была издана отдельной брошюрой и получила название «непроизнесенной речи» — 62.

²⁹ «*Vorwärts*» («Вперед») — альманах, выходивший в Лейпциге при участии немецкого демократа Роберта Блюма (1807—1848), возглавлявшего левое крыло во франкфуртском Национальном собрании — 63.

³⁰ *Ферейн* — объединение, общество (нем.) — 64.

³¹ *coram publico* — публично, в присутствии публики (лат.) — 65.

³² *Сократ* (462—399 до н. э.) *Платон* (ок. 427—347 до н. э.) — древнегреческие философы-идеалисты; *Анаксагор* (ок. 500—428 до н. э.) — древне-греческий философ-материалист; *Авиценна* (Ибн-Сина, 980—1037) — великий таджикский ученый; *Аверроэс* (1126—1198) — арабский философ — 67.

³³ *Латин* — легендарный основатель латинского племени. Лавиния — его дочь. Миф, широко известный благодаря «Энеиде» Вергилия — 67.

³⁴ «*Der Volksstaat*» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической партии, редактируемый В. Либкнехтом. Одна из лучших рабочих газет 70-х годов XIX в. — 67.

³⁵ *Брауншвейг-Вольфенбиттелеровский комитет* — социал-демократический комитет в городах Брауншвейге и Вольфенбиттеле — 70.

³⁶ *Ладендорф* — немецкий мелкобуржуазный демократ, философ, в 1854 году на основании ложного обвинения в заговорщической деятельности был приговорен к пяти годам тюремного заключения — 70.

³⁷ «*Zeidler's Korrespondenz*» («Корреспонденция Цайдлера») — газета, издаваемая немецким реакционным политическим деятелем, экономистом Адольфом Вагнером (1835—1917). Проводила политику «государственного социализма» и сотрудничества с Бисмарком — 70.

³⁸ *Сцилла и Харибда* — в древнегреческой мифологии два чудовища, живущие на прибрежных скалах узкого морского пролива и губившие всех проплывавших мимо мореходов — 71.

³⁹ *Швейцер Иоганн Батист* (1833—1875) — один из лидеров Всеобщего германского рабочего союза, проводившего политику соглашения с Бисмарком — 71.

⁴⁰ *Беккеровское воззвание* — речь идет об одном из воззваний, написанных Иоганном Филиппом Беккером, активным деятелем революции 1848—1849 гг., одним из видных деятелей I Интернационала, редактором журнала «*Vorbote*» (см. прим. 41) — 73.

⁴¹ *Эйзенатский конгресс* — 7—9 августа 1869 г. в Эйзенахе состоялся съезд социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии.

На съезде была учреждена немецкая Социал-демократическая рабочая партия. В программе партии говорилось, что она считает себя секцией международного товарищества рабочих — 73.

⁴² «*Vorboten*» («Der Vorbote») — ежемесячный журнал, официальный орган немецкой секции Интернационала в Швейцарии, редактируемый Иоганном Филиппом Беккером (1809—1886), другом и соратником Маркса и Энгельса — 73.

⁴³ *Лига Мира и Свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 году при активном участии В. Гюйо, Дж. Гарибальди и др. — 74.

⁴⁴ *embarras de richesses* — затруднение от избытка (фр.) — 74.

⁴⁵ *reduction ad absurdum* — доведение до неясности, приведение к абсурду (лат.) — 74.

⁴⁶ *argumentum ad hominem* — не объективный аргумент, буквально: аргумент к человеку (лат.) — 75.

⁴⁷ *Георг Ганноверский* — Георг V, король ганноверский (1819—1878). Долгое время сопротивлялся присоединению Ганновера к Пруссии, но в конце концов вынужден был подписать договор (1868 г.) — 76.

⁴⁸ *Мидас* — царь Древней Фригии (8—7 вв. до н. э.), обладавший якобы способностью превращать в золото предметы, к которым он прикасался — 79.

⁴⁹ *Charite* — благотворительный дом — 79.

⁵⁰ *Демосфен* (384—322 до н. э.) — знаменитый афинский оратор и политический деятель, вождь демократической антимакедонской партии в Афинах — 79.

⁵¹ *Берке Эдмунд* (1729—1797) — английский реакционный публицист и политический деятель. Сочинения его наполнены злобными нападками на революцию во Франции, отражавшими страх английских правящих кругов перед революционными событиями вообще — 79.

⁵² *Лассаль, Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист. Сыграл известную роль в создании Всеобщего германского союза, но повел союз по оппортунистическому пути. Лассаль рассчитывал путем мирной легальной агитации, введением всеобщего избирательного права и с помощью Junkerского буржуазного государства добиться построения народного государства — 80.

⁵³ *agent provocateur* — агент-provokator — 83.

⁵⁴ *Учение о транссубстанции...* — Трансцендентная субстанция — термин идеалистической философии, применяемый для обозначения всего того, что лежит якобы «за пределами опыта», «за границами» чувственно воспринимаемого мира. Учение о транссубстанции — это идеалистическое учение Э. Канта о «вещи в себе» — 83.

⁵⁵ После создания в 1867 году под эгидой Пруссии Северо-германского союза Бисмарк из демагогических соображений внес предложение включить в конституцию статью о созыве рейхстага, избираемого на основе всеобщего голосования. Однако солдаты, женщины,

домашняя прислуга права голоса не получили. Права рейхстага были до предела ограничены властью президента союза — прусского короля и реакционного Союзного совета.

«Буржуазия...» — писал Ленин, — вполне помирилась на всеобщем избирательном праве при полном сохранении власти за дворянско-чиновничьим правительством» (Соч., т. 10, стр. 394) — 84.

⁵⁶ *bona fides* — чистосердечно, искренне, по совести (лат.) — 85.

⁵⁷ *Мантейфель Отто Теодор* (1805—1882) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел в 1848—1850 гг., министр-президент и министр иностранных дел в 1850—1858 гг. — 86.

⁵⁸ *Вестфален Фердинанд* (1799—1876) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел в 1850—1858 гг., сводный брат жены К. Маркса Женни Маркс — 86.

⁵⁹ *Максимилиан Габсбург* (1832—1867) — австрийский эрцгерцог, император Мексики в 1863—1867 гг. Был посажен на престол интервентами в период французской экспансии в Мексику. После отъезда французских войск из страны, вызванного героическим сопротивлением народа, Максимилиан был расстрелян мексиканскими республиканцами — 86.

⁶⁰ *Диоклетиан* — римский император в 284—305 гг., известный своими гонениями на христиан — 86.

⁶¹ *Карл V* (1500—1558) — испанский король, император так называемой Священной римской империи — 86.

⁶² *honesty is the best policy* — честность — самая лучшая политика (англ.) — 87.

⁶³ *veto* — запрещаю (выражение протеста, лишаящее силы решение большинства; лат.) — 88.

⁶⁴ *Людовик XIV* — французский король в 1643—1715 гг. Его правление — период наивысшего расцвета абсолютизма — 88.

⁶⁵ «Кладдерадач» — иллюстрированный сатирический еженедельный журнал, издавался в Берлине с 1848 года — 89.

⁶⁶ *in permanenz* — постоянный, непрерывный — 91.

⁶⁷ *Тьер Адольф* (1797—1877) — французский политический деятель и историк, палач Парижской Коммуны — 92.

⁶⁸ *Ленный владелец* — лен или феодал — в Западной Европе в эпоху феодализма так называлось наследственное земельное владение — 93.

⁶⁹ *Матью Арнольд* (1822—1888) — английский поэт и критик — 95

⁷⁰ *par excellence* — по преимуществу (фр.) — 95.

⁷¹ *Государственные преступники, окрашенные в двойной цвет 1649 и 1688 гг...* В 1649 году революционерами был казнен английский король Карл I и провозглашена республика; в 1688 году в Англии произошел государственный переворот, в результате которого был низвергнут король Яков II Стюарт, пытавшийся восстановить абсолютизм — 99.

⁷² В. Либкнехт перечисляет этапы французского революционного движения: *Конвент* — национальное представительное собрание, созданное после низложения короля Людовика XVI и существовавшее в 1792—1795 гг.; *Директория* — правительственный орган диктатуры крупной буржуазии; *Консульство* — период в истории Франции от государственного переворота Наполеона («18 брюмера») до провозглашения его императором; затем период, когда у власти стоял император *Наполеон Бонапарт*. *Реставрированные Бурбоны* — имеется в виду восстановление у власти в 1814—1815 гг. королей династии Бурбонов, свергнутых июльской революцией 1830 года. Февральская революция произошла в 1848 году, в результате ее установилась буржуазная республика, но после июльского восстания в стране был установлен режим Второй империи («Второй Наполеон»). Империя была уничтожена в результате сентябрьской революции 1870 года — 100.

⁷³ *Италия 1859 года* — имеется в виду итало-франко-австрийская война, большую роль в которой сыграл Дж. Гарибальди. В 1859 году к Италии была присоединена Ломбардия — 100.

⁷⁴ *1866 год в Германии* — в это время Германия вела войну с Австрией за объединение — 100.

⁷⁵ *2 декабря Бонапарта* — 2 декабря 1852 г. Наполеон произвел переворот («18 брюмера») и объявил себя императором — 105.

⁷⁶ *Французский государственный переворот конца XVIII столетия* — имеется в виду Французская буржуазная революция 1789—1794 гг., в результате которой были ликвидированы феодально-абсолютистские отношения — 106.

⁷⁷ *Царь Персии, который хотел заковать океан в цепи* — *Дарий I Гистасп* (522—486 до н. э.) — 108.

⁷⁸ *Гумбольдт Александр* (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель-путешественник — 110.

⁷⁹ *Танталовы муки* — Тантал в древней греческой мифологии царь Лидии. Был обречен богами на вечную жажду и голод в подземном царстве. Он стоял по горло в воде, которая уходила из-под губ, как только он хотел напиться, а над головой его висели спелые плоды на недосыгаемой высоте — 112.

⁸⁰ *Паллиативные меры* — меры, не устраняющие причины чего-либо, полумеры, не дающие коренного решения проблемы — 116.

⁸¹ *Шкатулка Пандоры* — Пандора в древнегреческой мифологии прекрасная женщина, посланная Зевсом на землю со шкатулкой или сосудом, содержащим бедствия. Пандора раскрыва сосуд, и бедствия распространились по всей земле. Шкатулка Пандоры в переносном смысле — источник всяких бедствий — 118.

⁸² *tabula rasa* — букв. чистая доска, нечто нетронутое (лат.) — 119.

⁸³ *raison d'être* — право на существование (фр.) — 120.

⁸⁴ Либкнехт имеет в виду арест членов Брауншвейгского комитета, поводом к которому послужил манифест по поводу франко

прусской войны, выражающий протест против бессмысленности политики территориальных захватов — 125.

⁸⁵ Бланки цитирует слова из старинной французской песни — баллады «Зверинец» — 130.

⁸⁶ Филиппика — гневная обличительная речь; получила название от политических речей Демосфена (см. прим. ⁶⁰), направленных против царя Македонии Филиппа II — 130.

⁸⁷ Полтора миллиарда фиску... — Фиск в буржуазной юридической литературе — государственная казна — 130.

⁸⁸ Поль Курье — французский публицист, автор ряда остроумных памфлетов о злоупотреблении властей и духовенства — 130.

⁸⁹ Барбес Арман (1809—1870) — французский мелкобуржуазный революционер-демократ. Вместе с Бланки возглавлял «Общество времен года». В 1839 году осужден на пожизненное заключение. В годы революции 1848—1849 гг. вышел из тюрьмы, участвовал в майской демонстрации. Был осужден. В 1854 году эмигрировал в Англию — 131.

⁹⁰ Майское восстание — Бланки упоминает об организованном им восстании, которое произошло в мае — 132.

⁹¹ Иона — один из христианских пророков, посланный якобы для того, чтобы проповедовать смирение жителям Ниневии (город в Месопотамии, существовавший с пятого тысячелетия до 612 года до н. э.). Во время действия Ионы Ниневия, как свидетельствуют священные писания, была на вершине могущества, а жители ее отличались «гордостью и нечестием». Своими проповедями и пророчествами Иона убедил ниневитян смириться и покаяться — 133.

⁹² 15 мая 1848 г. в Париже состоялась народная демонстрация, участники которой требовали оказания помощи польскому народу, поднявшемуся на освободительную борьбу. Бланки, зная о готовящейся демонстрации, не рекомендовал членам своей организации участвовать в ней, но, захваченный энтузиазмом толпы, против своего желания, как он сам рассказывал, вошел в зал заседаний Учредительного собрания и произнес речь. В ней он потребовал роспуска Учредительного собрания, проводившего враждебную пролетариату политику — 134.

⁹³ Р. Люксембург имеет в виду слова кайзера Вильгельма II, обращенные им 27 сентября 1900 г. к немецким отрядам, отправляющимся из Бремена в Китай для подавления так называемого икхэюаньского, или «боксерского», восстания. «Никакой пощады, — говорил Вильгельм, — никаких пленных... так же, как гунны тысячи лет тому назад под руководством Атиллы завоевали себе славу, живущую в истории, так и Германия должна показать себя в Китае таким образом, чтобы ни один китаец не осмелился косо взглянуть на германца» — 146.

⁹⁴ — См. прим. 65.

⁹⁵ Под первым движением интеллигенции 60-х годов имеется в виду русское революционно-освободительное движение, возникшее

после реформы 1861 года. Его участники — революционные демократы — В. Г. Белинский, петрашевцы, Герцен, Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. А. Антонович, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи и др. — пропагандировали идеи свержения царского самодержавия — 165.

⁹⁶ *Нечаевский процесс...* — Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847—1882) — русский революционер-заговорщик, пытавшийся создать узкую организацию «Народная расправа». Его план общественного преобразования К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали как образчик «казарменного коммунизма». Был арестован в 1872 году и приговорен к 20 годам каторги за убийство студента Иванова, вставшего в оппозицию к провокационным методам Нечаева. Умер после 10-летнего одиночного заключения в Петропавловской крепости — 166.

⁹⁷ *Международное общество рабочих*, или Международное товарищество рабочих — первая международная массовая революционная организация пролетариата, созданная в 1864 году и получившая название Первого Интернационала. Создателями и вождями его были К. Маркс и Ф. Энгельс. Первый Интернационал сыграл огромную роль в распространении марксизма, соединении социализма с рабочим движением. «Он незабываем, — писал В. И. Ленин, — он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение. Он заложил фундамент того здания всемирной социалистической республики, которое мы имеем теперь счастье строить» (т. 29, стр. 216) — 169.

⁹⁸ *Желеховский* — прокурор в «Процессе 193-х» — 179.

⁹⁹ *Голгофа* — холм в окрестностях Иерусалима, на котором в Древней Иудее совершались казни. Здесь, по христианскому преданию, был распят Иисус Христос. В книге под «голгофой» разумеются места на суде, отведенные для смертников. Слово «голгофа» иногда употребляется как символ подвижничества и нравственных страданий — 181.

¹⁰⁰ *Стопани Александр Митрофанович* (1871—1932) — профессиональный революционер с 90-х годов. С 1903 года большевик. После Октябрьской революции прокурор по трудовым делам при Верховном Суде, позже — заместитель председателя общества старых большевиков — 182.

¹⁰¹ *Война с Японией* — русско-японская война 1904—1905 гг. — 216.

¹⁰² *Наместник Алексеев* — русский адмирал, в 1903—1905 гг. царский наместник на Дальнем Востоке. Несмотря на бездарность, был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке. В войне преступно пренебрегал элементарными принципами военной стратегии. В октябре 1904 года был освобожден от обязанностей главнокомандующего — 216.

¹⁰³ *«День»* — ежедневная газета либерально-буржуазного направления; издавалась в Петербурге с 1912 года. В газете принимали участие меньшевики-ликвидаторы, в руки которых газета перешла

целиком после февраля 1917 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г. — 248.

¹⁰⁴ *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г.; выходила под другими названиями по август 1918 года — 248.

¹⁰⁵ *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 гг. в Петербурге. Вокруг *«Нашей Зари»* сложился центр ликвидаторов в России — 250.

¹⁰⁶ *«Северная Рабочая Газета»* — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге с января по май 1914 года — 250.

¹⁰⁷ *«Современник»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Петербурге в 1911—1915 гг. Вокруг журнала группировались меньшевики-ликвидаторы, эсеры, народные социалисты и левые либералы. Журнал не имел никакой связи с рабочими массами. Направление журнала Ленин в 1914 году определял как помесь народничества с марксизмом — 250.

¹⁰⁸ *ОК* — Организационный комитет, руководящий центр меньшевиков, образовался в 1912 году на августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов и всех антипартийных групп и течений, действовал до выборов ЦК меньшевистской партии в августе 1917 года — 250.

¹⁰⁹ *Бунд* — Всеобщий еврейский социал-демократический союз, оппортунистическая мелкобуржуазная националистическая партия, стоявшая на меньшевистских позициях — 250.

¹¹⁰ *Макдональдиизм* — по имени реакционного политического деятеля Джемса Рамсея Макдональда (1866—1937) — одного из основателей и лидеров лейбористской партии. В 1924 году благодаря обещаниям установить нормальные дипломатические отношения с СССР пришел к власти. Под давлением рабочих масс вынужден был восстановить дипломатические отношения с СССР. Проводил реакционную антирабочую политику.

В 1931 году Макдональд возглавил так называемое «национальное правительство», в котором руководящую роль играли консерваторы. Это привело к расколу лейбористской партии. Макдональд образовал национал-лейбористскую партию — 259.

¹¹¹ *Болдуин Стэнли* (1867—1947) — английский реакционный государственный деятель. Премьер-министр в 1923—1924, 1924—1929 и 1935—1937 гг. Руководил подавлением всеобщей забастовки горняков в 1926 году. Проводил политику поощрения итальянских и германских агрессоров — 259.

¹¹² *Ллойд-Джордж Давид* (1863—1945) — английский реакционный политический деятель и дипломат. В годы англо-бурской войны 1899—1902 гг. приобрел широкую известность выступлениями против консерваторов, поддерживавших войну. В 1916—22 гг. — премьер-

министр. Один из организаторов интервенции против Советской России. Накануне второй мировой войны выступил с критикой правительства Чемберлена, проводившего политику сговора с фашистами — 262.

¹¹³ *Джон Редмонд* (1856—1918) — ирландский буржуазный националист, выступавший за гомруль — программу, предусматривающую ограниченное самоуправление Ирландии в рамках Британской империи — 262.

¹¹⁴ *Рамсей Макдональд и его позиция к мировой войне* — в годы первой мировой войны Макдональд занимал вначале пацифистскую позицию, затем стал открыто поддерживать империалистов — 263.

¹¹⁵ *Питт Уильям Младший* (1759—1806) — английский государственный деятель, премьер-министр в 1783—1801, 1804—1806 гг. Правительство Питта преследовало участников демократического движения — 264.

¹¹⁶ *Аскаит Герберт Генри* (1852—1928) — английский реакционный государственный деятель, лидер либеральной партии. Премьер-министр в 1908—1916 гг. Проводил политику, направленную к подавлению рабочего движения — 265.

¹¹⁷ *Скоччимарро Мауро* (р. 1895 г.) — видный деятель итальянского рабочего движения, один из руководителей Компартии Италии. В 1926—1943 гг. находился в заключении — 303.

¹¹⁸ *Террачини Умберто* (р. 1895) — один из руководителей Итальянской компартии. Так же, как и Скоччимарро, до 1943 года находился в тюрьме — 303.

¹¹⁹ *Квестор* — в древнем Риме должностное лицо, заведующее казной. Ныне, в парламентах некоторых капиталистических стран так именуют заведующего административно-хозяйственной частью. В Италии квестурой называют полицию — 306.

¹²⁰ *Геллер* — криминальный советник, бывший социал-демократ — 328.

¹²¹ *Карване и Фрей* — национал-социалистические депутаты — 328.

¹²² *Граф Гельдорф* — шеф берлинских штурмовиков — 328.

¹²³ *Вельс Отто* (1873—1939) — первый лидер германской социал-демократии. Вельс признал правительство Гитлера и выступил в рейхстаге в защиту фашистского режима — 332.

¹²⁴ *Брейтшейд Рудольф* (1874—1944) — один из оппортунистических лидеров Германской социал-демократии, поддерживал политику Штресемана, направленную против СССР. Возглавлял социал-демократическую фракцию в рейхстаге. В 1933 году эмигрировал во Францию. В 1942 году был выдан вишистами гитлеровскому правительству и в 1944 году убит в Бухенвальде — 332.

¹²⁵ *Маннергейм Карл Густав* (1867—1951) — финляндский реакционный государственный деятель. В 1918 году командовал контрреволюционной белофинской армией. В войнах Финляндии против СССР в 1939—1940 и 1941—1945 гг. — главнокомандующий финской

армией. В августе 1944—марте 1946 гг. стал президентом Финляндии, но под давлением демократических сил ушел в отставку — 350.

¹²⁶ *Тартуский договор* — 2 февраля 1920 г. в Тарту был заключен мирный договор между буржуазной Эстонией и Советской Россией — 352.

¹²⁷ *Боннэ Жорж* (р. 1889 г.) — министр иностранных дел в кабинете Даладье (1938—1939) — 363.

¹²⁸ *Битва при Садовой* — имеется в виду одно из сражений австро-прусской войны, происшедшее 3 июля 1866 г. близ чешской деревни Садова. Сражение закончилось жестоким поражением Австрии — 364.

¹²⁹ *Ватерлоо* — близ этого бельгийского населенного пункта в июне 1815 года англо-голландские и прусские войска разгромили армию Наполеона — 364.

¹³⁰ *Седан* — во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. в районе Седана 1—2 сентября 1870 г. Французская армия потерпела поражение, что привело к падению во Франции второй империи и провозглашению республики — 364.

¹³¹ *Тардье Андре* (1876—1945) — глава французского правительства в 1929, 1930, 1932 гг. Один из вдохновителей антисоветской и антидемократической политики, приведшей Францию к капитуляции перед гитлеровской Германией в 1940 году — 364.

¹³² *Линия Мажино* — система французских укреплений на границах с Бельгией, Люксембургом и Германией, названная так по имени военного министра Франции А. Мажино — 364.

¹³³ *Фланден Пьер* — реакционный французский политический деятель, с 1934 года премьер-министр, в 1936 году министр иностранных дел в кабинете Сарро. (Сарро в 1939 году министр иностранных дел Франции). После Мюнхенского сговора послал Гитлеру телеграмму, в которой поздравил его с успехами внешней политики — 369.

¹³⁴ *«Иллюстрасьон»* — еженедельный парижский журнал, самое старое и наиболее совершенное иллюстрированное издание Франции — 372.

¹³⁵ *Рапальский договор 1922 года* — договор между РСФСР и Германией, урегулировавший взаимные претензии и установивший нормальные дипломатические отношения — 378.

¹³⁶ *Бек Юзеф* (1894—1944) — в 1932—1939 гг. был министром иностранных дел Польши. Проводил политику сотрудничества с Германией — 380.

¹³⁷ *Кагуляры* — члены фашистской организации «Тайный комитет революционного действия» во Франции, возникшей в 30-х годах XX в. — 388.

¹³⁸ *Комитет «Франция — Германия»* — организован германским агентом Абецом. В него входили наиболее реакционные представители французского крупного капитала. Комитет выступал за сближение с гитлеровской Германией, насаждал пораженческие настроения — 388.

¹³⁹ *Лаваль Пьер* (1883—1945) — французский реакционный политический деятель. Вместе с Петэном возглавлял французский режим «Виши» в годы немецкой оккупации — 403.

¹⁴⁰ *Кэ д'Орсэ* — набережная Сены в центре Парижа, где находится здание Министерства иностранных дел. В дипломатическом обиходе под Кэ д'Орсэ понимается само Министерство иностранных дел Франции — 404.

¹⁴¹ *Даниэль Бун* — в 1775 году перешел через горы в Кентукки и создал там поселения — 426.

¹⁴² Имеется в виду фашистская диктатура генерала Иоанниса Метаксаса (1871—1941), установленная 4 августа 1936 г. В годы этой диктатуры в стране было объявлено осадное положение; Компартия и демократические организации были запрещены — 478.

¹⁴³ *Папандреу* — глава реакционного греческого правительства, сформированного в сентябре 1944 года в Каире по указке английских империалистов — 480.

¹⁴⁴ *Декабрьские события* — имеется в виду грандиозная демонстрация в Афинах против незаконных действий правительства Папандреу. По указанию британских военных властей мирная демонстрация была расстреляна, а британские войска вместе с войсками греческой реакции приступили к открытой оккупации страны. Народ оказал решительный отпор оккупантам. Под давлением народа 1 января 1945 г. Папавдреу вышел в отставку — 480.

¹⁴⁵ *Варкизское соглашение* 1945 года было подписано между греческим правительством Пластираса и народно-освободительным фронтом Греции (ЭАМ). По нему правительство обязалось ввести в стране демократические права, ЭАМ же брал обязательство демобилизовать свои войска и освободить заложников — 480.

¹⁴⁶ *Карагалиос Иоаннис* — начальник второго отдела асфалии (греческая полиция) — 602.

¹⁴⁷ *Колияннис Костас* — член Политбюро Коммунистической партии Греции — 602.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Европа	
Два политических процесса в Кельне	16
Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung»	17
Речь К. Маркса	17
Речь Ф. Энгельса	31
Процесс против Рейнского окружного комитета демократов	38
Речь К. Маркса	38
Процесс по обвинению В. Либкнехта, А. Бебеля и А. Гепфера в го- сударственном преступлении	61
Речь В. Либкнехта	63
«Вечный узник»	128
Из речи О. Бланки на процессе 15-ти	129
Заявление О. Бланки 13 января 1840 г. перед палатой пэров	132
Из речи О. Бланки на процессе 1849 года	133
Заявление О. Бланки 16 февраля 1872 г.	134
Вождь рабочих перед судом капиталистов	135
Из речи Л. Э. Варлена	135
Судебный процесс К. Либкнехта в 1907 году	140
Из защитительной речи на имперском суде 10 октября	141
«... Этого мы не сделаем»	145
Защитительная речь, произнесенная Р. Люксембург перед франкфуртским уголовным судом 20 февраля 1914 г.	145
Россия	
Процесс 193-х	161
Речь И. Н. Мышкина	161
Процесс 50-ти	184
Речь П. А. Алексеева	185

	<i>Стр.</i>
1 марта 1881 г.	190
Речь А. И. Желябова	190
Второе «первое марта»	199
Речь А. И. Ульянова	200
Нижегородские рабочие перед царским судом	206
Речь П. А. Заломова	208
Суд над очаковцами	212
Речь П. П. Шмидта на суде	213
Заключительная речь П. П. Шмидта	218
Виргилий Шанцер обвиняет полицию	221
В. В. Куйбышев, Первый арест и суд	221
Суд над большевиками-депутатами IV Государственной думы	235
Ф. Н. Самойлов, Суд и приговор	235
В. И. Ленин, Что доказал суд над РСДР Фракцией?	247
 Весь мир	
Славный 1925 год	258
Г. Поллит, Коммунистическая партия перед судом	258
Расправа с Антонио Грамши	301
Л. Ломбардио-Радиче и Дж. Карбоне, Суд и приговор	301
Лейпцигский процесс	311
Речь Г. Димитрова 16 декабря 1933г.	314
Народный герой Тойво Антикайнен	339
А. Вотинков, Перед судом реакции	340
Депутаты-коммунисты Франции перед судом виновников ее разгрома	357
Речь Ф. Бонта	358
Речь Ф. Бийу	399
Судилище на Фоли-сквер	412
Речь Ю. Девниса	414
Перед салазаристским трибуналом	453
Речь А. Куньяла (Дуарте)	453
Всегда с народом	467
С. Устюгелъ, За что мы боремся?	467
Суд над правдой	473
Защитительная речь Н. Белоянниса	477
Коммунистический митинг в зале суда	485
Выступление Али Яты перед исправительным судом Касабланки 21 февраля 1951 г	486

	<i>Стр.</i>
«Доказательство нашей искренности написано кровью»	510
Речь Ф. Рише	510
Главные преступники — империалисты США	524
Речь С. Нельсона	525
Еще раз Фоли-сквер	577
Из заявления Э. Флинн	581
Из заявления П. Перри	582
Позорное судилище в Алжире	584
Заявление А. Аккаша	597
Дело Манолиса Глезоса	601
Речь М. Глезоса	602
Примечания	617

„ПОДСУДИМЫЕ ОБВИНЯЮТ“

Редактор Г. К. Большакова
 Оформление художника А. В. Шилова
 Художественный редактор И. Ф. Федорова
 Технический редактор Н. М. Тарасова
 Корректоры О. А. Литвиненко и В. Д. Рыбакова

Сдано в набор 6/IX 1961 г. Подписано к печати 28/II 1962 г.
 Формат бумаги 60×84/16. Объем физ. печ. л. 39,5.; условно-печ. л. 39,5
 учетно-изд. л. 33,41. Тираж 30 000. А-00858. Заявл. № 401
 Цена: в ледерине 97 коп.; в колленкоре 92 коп.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского
 городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано во 2-ой типографии АН СССР. Шубинский пер., 10